Хроники железных драконов

Майкл Суэнвик

звезды новой фантастики

Майкл Суэнвик

Хроники железных драконов

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
С 91

Michael Swanwick
THE IRON DRAGON'S DAUGHTER
Copyright © 1994 by Michael Swanwick
All rights reserved

Michael Swanwick
THE DRAGONS OF BABEL
Copyright © 2007 by Michael Swanwick
All rights reserved

Перевод с английского
Анастасии Кузнецовой, Михаила Пчелинцева

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

© А. Кузнецова, перевод, 2015
© М. Пчелинцев (наследники), перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®
© Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-08947-1

Дочь железного дракона

Тэсс Киссинджер и Бобу Уолтерсу,
которые даже не подозревали о том,
что я украл часть их историй

ГЛАВА 1

Впервые подспудная мысль угнать дракона шевельнулась у подменыша той ночью, когда дети на тайном собрании постановили уморить надзирателя.

Сколько себя помнила, она жила на заводе, где делали паровых драконов. Каждое утро на рассвете ее вместе с остальными детьми, связанными кабальным договором, строем выводили из казармы пятого корпуса и гнали в столовую, где они едва успевали проглотить скудный завтрак. Затем ей обычно предстояло заниматься полировкой цилиндров. Еще ее иногда отправляли в двенадцатый корпус. В двенадцатом тестировали и наносили антикоррозийное покрытие на стальные вороненые тела перед отправкой в монтажный цех для окончательной сборки. Взрослые не могли протиснуться между внутренними частями чудовища, и ползать по темным лабиринтам драконьего брюха, протирая и смазывая сложные механизмы, входило в обязанности подменыша. Вот так она и вкалывала до самого заката, а если на стапелях ждал своей очереди особо важный заказ, то и дольше.

Звали ее Джейн.

Хуже всего бывали назначения в литейку. Летом там царил сущий ад — волны жара, исходящего от ковшей, били в лицо раскаленными кулаками задолго до того, как металл начинали разливать по формам. Зимой же по цеху свободно разгуливал ледяной ветер, а от снега, налетавшего сквозь выбитые окна, пол под ногами превращался в сплошное серое месиво. Большую часть персонала составляли рудные гномы и свинорылые хогмены. Эти от природы смуглые волосатые создания еще ни разу ни с кем не перемолвились ни единым словом. Десятилетия работы с волшебным огнем и холодным железом сделали их те-

ла черными и мускулистыми, наполнили глаза злобным красным свечением, а мозги превратили в золу. Ни расплавленный металл, ни грубые механизмы не пугали Джейн так, как эти мрачные хозяева литейного цеха.

Однажды в сумерках она приплелась оттуда настолько измотанная, что даже не нашла в себе сил поесть, завернулась поплотнее в тонкое одеяло и, уже спящая, рухнула на койку. Вначале сон представлял собой смесь беспорядочно мелькающих смутных образов. Вот она полирует, полирует, и вдруг с грохотом обрушиваются стены, а потолок резко взмывает вверх. Джейн, спасаясь от разрушений, юркнула в свое тайное убежище; прямо под ее кроватью был лаз, который вел в тайник между стенами, — когда Джейн была маленькая, она здесь пряталась от Задиры. И ведь стоило только о нем подумать, как он тут же материализовался рядом, со злобным хохотом тыча ей в лицо трехлапую жабу. Полукровка гнался за ней по подземным пещерам, среди звезд, через механические цеха и бойлерные.

Потом образы стали складываться в более целостную картину. Джейн бежала вприпрыжку. Теперь она оказалась в мире зеленых газонов и огромных пространств, а до странности знакомое место, без всякого сомнения, называлось домом. Этот сон снился ей часто. В нем девочка носила чистую новую одежду, и ее кормили досыта и не заставляли по двенадцать часов работать на заводе. Еще у нее были игрушки.

Затем, как обычно, сон начинал мрачнеть. Она прыгала через скакалку на просторном, покрытом травой участке земли, когда чье-то невидимое вторжение, уловленное каким-то внутренним чувством, заставило ее насторожиться. Вокруг были все те же приветливо-знакомые белые домики, но ощущение враждебного присутствия росло с каждым мгновением. Некий наблюдатель внимательно изучал ее. Этот некто скрывался под слоем почвы, таился за каждым деревом, забивался под каждый камень. Девочка выронила скакалку, оглянулась и выкрикнула имя, которое больше не могла вспомнить. Небо затрещало по швам.

— Просыпайся, эй, ты, чувырла! — шипел Задира. — Сегодня сходка. Пора решать, что делать с Ходулей.

Джейн резко проснулась. Сердце колотилось. В замешательстве она не могла сообразить — радоваться или жалеть о прерванном сне. Глаза Задиры, словно два лунных блика, холодно

глядели из темноты. Он взгромоздился на ее койку и своими костлявыми коленками уперся в бок Джейн, дыша на нее запахами древесной коры и прелой листвы.

— Как насчет подвинуться? Ты мне сейчас все ребра сломаешь.

Задира ухмыльнулся, ущипнул ее за плечо, и Джейн спихнула полукровку на пол.

На самом деле она рада была его видеть. Прошли годы, и сейчас под маской развязного и легкомысленного юнца скрывался довольно славный парень. К этому моменту между ними установилось нечто вроде колючей дружбы.

— Что же мы станем делать с Ходулей?

— Об этом нам и надо подумать, балда!

— Я устала, — ворчливо сказала Джейн. — День был длинный, и у меня нет настроения участвовать в ваших развлечениях. Не скажешь — лягу обратно спать.

Лицо Задиры побелело, и он стиснул кулак.

— Это что — бунт? Главный тут — я! Ты будешь делать все, что я скажу, когда я скажу и потому, что это говорю я. Усекла?

Секунду подменыш и полукровка мерились взглядами. Предки Задиры еще сотню лет назад жили дикарями в лесу и появлялись только затем, чтобы выдернуть табуретку из-под крестьянки, когда та доит корову, или подрезать швы на мешке с мукой, чтобы она рассыпалась белым облаком на спине крестьянина, закинувшего ношу на плечи. Представители этого народца были, возможно, и недалекими, но зато скорыми на пакости и живучими, как крысы. На заводе Задира убирал стружку и металлические обрезки, и мало кто сомневался, что он сумеет полностью оттрубить контрактный срок, при его-то живучести.

Поразмыслив, Джейн потупила взор. Не стоило дразнить понапрасну потомка лесных полуэльфов.

В следующее мгновение Задира исчез в темноте — умчался будить остальных. Набросив одеяло, как плащ, она последовала за ним. Теперь отовсюду доносилось осторожное шлепанье ног и лап, слышались короткие вздохи. Дети собирались в середине каморки.

Тряпочка извлекла украденный накануне свечной огарок и затолкала его в самую широкую щель между двумя истертыми половицами. Все тихонько расположились кругом. Задира

что-то пробормотал, и на фитиль с кончика его пальца перепрыгнула искра.

Над свечой взметнулся язычок пламени. Он притягивал взгляды, и по стенам заплясали странные фантастические фигуры, как в какой-нибудь двумерной проекции Вальпургиевой ночи. Двадцать три крошечных огонька прыгали в двадцати трех зрачках. Возле свечи собралась вся дюжина юных обитателей пятого корпуса, включая мальчика-тень. Он растворился где-то рядом, избегая большей части светового потока и поглощая оставшуюся настолько полно, что ни единым фотоном не выдавал своего присутствия.

Мрачным, многозначительным тоном Задира сказал:

— Благг должен умереть.

Из-за пазухи он извлек куклу — пучок тряпья, в котором едва угадывались руки и ноги, с двумя крупными пуговицами на месте глаз и прямой угольной чертой рта. Тем не менее в ней ощущалось присутствие некой силы, и кое-кто из детей помладше закрыл глаза, чтобы не заразиться от нее ненавистью.

— У Почесучки была кровь старой ведьмы. Это она сделала.

Сидящая рядом Почесучка печально кивнула. Куколка была самым дорогим ее сокровищем, и одной Богине ведомо, как Задире удалось ее выманить. Полукровка помахал куколкой над свечой.

— Мы прочитали заклинания и смешали кровь. Теперь нам надо только зашить ей в живот маленькую частичку Благга и сжечь.

— Это же убийство! — ахнула потрясенная Джейн.

Колючка ехидно скривила рот, явно собираясь вступить в полемику.

— Нет, правда! Эта затея не только неправильная, но еще и глупая.

Колючка, как и Ходуля, происходила из перевертышей и, как вся их порода, не отличалась особым умом. За несколько лет общения с ней Джейн усвоила, что единственный способ пресечь возражения Колючки — это бесцеремонно давить на нее.

— Ну и что это даст? Даже если получится — а лично я в этом сомневаюсь, — обязательно устроят дознание. И если каким-то чудом нас не раскроют, Благга просто-напросто заменят кем-нибудь другим, ничуть не лучше. Что толку его убивать?

С точки зрения Джейн, ее речь прозвучала довольно убедительно, но, как ни странно, в ответ со всех сторон раздался яростный шум, словно застрекотали полчища разъяренных кузнечиков.

— Он слишком плохо с нами обращается!

— Он меня бьет!

— Ненавижу старого гнилого вонялу!

— Убейте его, — долетел дрожащий голосок мальчика-тени из-за левого плеча Джейн. — Убейте большого глупого урода!

Она резко обернулась, но позади уже никого не было.

— Спокойно! — Бросив на подменыша насмешливый взгляд, Задира продолжил: — Нам придется убить Благга. У нас нет другого выхода. Выйди-ка вперед, Ходуля.

Ходуля подобрался чуть ближе, машинально выпростал ступню из деревянного башмака и пальцами ноги поскреб за ухом. Когда он сидел на полу, его колени торчали выше маковки.

— Нагни голову.

Костлявый юный перевертыш повиновался. Задира прижал ладонью его затылок, заставив нагнуться еще ниже, а другой рукой откинул жидкие бесцветные волосы.

— Гляньте, пеньки будущих перьев! — Он позволил Ходуле выпрямиться и подергал его за острый, длиною в фут, нос, демонстрируя, насколько тот отвердел. — А пальцы на ногах превращаются в когти — сами посмотрите.

Дети принялись с нетерпением толкать и распихивать друг друга, торопясь подобраться поближе.

Ходуля моргал, но стоически переносил столь бурное проявление внимания к своей персоне. Наконец Тряпочка фыркнула:

— Ну и что?

— Он становится взрослым, вот что. Посмотрите на его нос! На его глаза! К следующему Новолунию он совсем переродится. И тогда, тогда... — Задира взял драматическую паузу.

— Тогда — что? — клочком бумаги на ночном ветру прошелестел голос мальчика-тени. Сейчас он находился где-то позади Колючки.

— Тогда он будет летать, — победно провозгласил Задира. — Он сможет перелететь стену, выберется на свободу и никогда сюда не вернется.

«Свобода!» Джейн покачалась на пятках и представила, как Ходуля, неуклюже хлопая крыльями, поднимается в бронзово-

зеленое осеннее небо. Мысленно она взмыла вместе с ним, над стенами и колючей проволокой. Заводские корпуса и сортировочные станции постепенно уменьшались внизу, а он все поднимался в темнеющие небеса. Выше дыма, клубящегося над трубами, выше, чем сама Госпожа Луна. И чтобы никогда-никогда не возвращаться!

Разумеется, такое невозможно. Только драконы и их пилоты-полуэльфы покидали завод по воздуху. Прочих — и рабочих, и управляющих — внутри завода удерживали стены, охрана и гигантские чугунные Часы Времени у ворот.

И в тот же момент подменыша словно накрыло волной неутолимого голода. Пусть ей не дано большего, но, по крайней мере, мечту о свободе у нее никто не в силах отнять, и отрицать желание отсюда вырваться не имело смысла.

Затем в глубинах ее подсознания как будто что-то пробудилось и огляделось с мрачным интересом. Испытывая резкий приступ дурноты, Джейн перенеслась в какое-то лишенное света замкнутое пространство, но после снова ощутила себя глубоко в утробе завода, в маленькой каморке на втором этаже пятого корпуса, втиснутой между складом лекал и бункером для песка, где от неба ее отделяли только пыльные деревянные стропила и крыша, крытая рубероидом.

— Так, значит, он собрался улетать, — съязвила Тряпочка. Хвост ее недовольно метался туда-сюда. — И чтобы сделать ему на прощанье подарок, нам нужно прикончить Благга?

— Дура! — Задира двинул ее кулаком по плечу за нарушение субординации. — Тупица! Клизма гуттаперчевая! Думаешь, Благг этого не заметил? Думаешь, он не собирается сделать приношение Богине?

Поскольку остальные молчали, Джейн пришлось самой задать необходимый вопрос:

— Какое приношение?

Задира схватил себя одной рукой за промежность, другой изобразил серп и обозначил режущее движение. Рука как бы отвалилась.

— Улавливаете? — вздернул бровь полукровка.

Джейн смысла не поняла, но признаваться в этом не собиралась. На всякий случай она ахнула и покраснела.

— Ладно, к делу. Я наблюдал за Благгом. Когда мы работаем в литейке, он с полудня закрывается у себя, пасет нас через

окошко в двери и стрижет свои кривые жуткие ногти. Он пользуется здоровенным ножом, а обрезки кидает в пепельницу. К концу работы он заворачивает их в салфетку и бросает в топку, чтобы никто не спер и не навел на него порчу. Только в следующий раз, когда нас опять погонят в литейку, я собираюсь устроить небольшой переполох. Тогда Джейн проскользнет к нему в каптерку и стащит один или два обрезка. Не больше, — он строго посмотрел на нее, — а то заметит.

— Я? — пискнула Джейн. — Почему я?

— Не тупи. Его дверь надежно защищена против таких, как мы. Но ты — ты другой крови. Тебя его охранные заклятия не остановят.

— Ну, спасибо огромное. Только я не стану! Это неправильно, и я уже объяснила почему. — (Кое-кто из младших детей угрожающе надвинулся на подменыша.) — Мне по фигу, ребята, что вы говорите или делаете, но меня вы не заставите. Найдите кого-нибудь другого, кто бы сделал за вас грязную работу!

— Ой, да ладно! Подумай, как мы будем все тебе благодарны. — Задира, комично шевеля бровями, упал на одно колено, прижал руку к груди, а другую простер к ней в умоляющем жесте. — Я буду твоим вечным поклонником.

— Нет!

Ходуля с трудом, но поспевал следить за ходом дискуссии. У представителей его племени данный факт служил одним из первых признаков приближающейся зрелости. Наморщив лоб, он поднял глаза на Задиру и с запинкой спросил:

— Я... э-э... не смогу летать?

Задира отвернулся и с отвращением сплюнул на пол.

— Если Джейн не передумает, то не сможешь.

Ходуля заплакал.

Сперва он всхлипывал тихо, затем все громче, и наконец запрокинул голову, перейдя на тоскливый вой. Перепуганные дети навалились на него, образовав кучу-малу, своими телами заглушая Ходулины вопли. Постепенно рыдания стихли.

Несколько долгих секунд затаив дыхание дети прислушивались, не проснулся ли их надсмотрщик. Они замерли в ожидании тяжелых шагов вверх по старым, сердито скрипящим ступеням. Они готовы уже были почувствовать на себе давление расползающейся ауры затхлости, тупой злобы и ярости, в лю-

бой момент готовой выплеснуться наружу. Даже Задира не сумел скрыть своего страха.

За стенами корпуса сопели псы, сторожа-киборги. На стапелях, лязгая и позвякивая цепями, беспокойно ворочались драконы, а откуда-то совсем уж издалека долетал еле слышный полуночный колокольный звон с какого-то лесного праздника. Благг по-прежнему спал.

Дети смогли расслабиться.

Печальное зрелище представляла собой эта группка дрожащих, донельзя изможденных существ! Глядя на них, Джейн вдруг испытала и к ним, и к себе острое чувство жалости, и на нее снизошла сила, мало отличимая от отчаяния. Так, словно разум подменыша, подобно пустой литейной форме, внезапно наполнился расплавленным металлом. Она пылала решимостью. В тот момент Джейн осознала, что, если хочет обрести свободу, ей придется стать жесткой и беспощадной. Пришло время распрощаться с детскими слабостями. Она уверила себя, что теперь пойдет на все что угодно, каким бы пугающим, гнусным и неправильным оно ни казалось.

— Ладно, — сказала Джейн, — я сделаю.

— Хорошо, — ответил Задира, ни кивком, ни каким-либо иным жестом не выразив своей благодарности, и тут же принялся разъяснять свой замысел, назначая каждому из детей определенную роль в его осуществлении. Закончив, он вполголоса произнес особое слово и коротко провел ладонью над пламенем. Огонь погас.

Разумеется, любой из присутствующих потушил бы его, легонько дунув на пламя. Но это лишило бы торжественности завершающую сцену их тайной сходки.

Литейная была вторым по величине производственным помещением на заводе. Здесь из железа отливали неуязвимые драконьи тела и наименее магически защищенные фрагменты этих огромных металлических чудищ. В бетонных ямах хранились влажный песок, илистые смеси и формовочная глина. Под потолком по рельсам медленно скользили кран-балки, а гигантские вентиляторы старательно перемешивали пыльную взвесь, пронизанную косыми лучами октябрьского солнца.

В полдень старая озерная кикимора прикатила тележку с едой, и Джейн получила свой бутерброд и чашку тепловатого

грейпфрутового сока. Оставив на верстаке рабочие перчатки, она юркнула в пыльную нишу за деревянным коробом с железной мелочью — грудой когтей, чешуек и цевок.

Джейн поставила бумажный стаканчик рядом с собой и разгладила на коленях холщовую коричневую юбку. Закрыв глаза, она представила себя в заоблачном дворце высоких эльфов. Лорды и леди восседают за длинным столом. Сплошь мрамор и белое кружево. В серебряных канделябрах горят тонкие восковые свечи. Дамы с чудесными именами — фата Элспет или фата Моргана — переговариваются вычурными, радующими слух фразами. Их голоса, их смех напоминают звон колокольцев, и все здесь называют ее фата Джаене. Вот прекрасный эльфийский принц протягивает ей блюдо с восточными сладостями. В глазах его светится любовь... Гномы-рабы устелили пол цветами вместо тростниковых циновок...

Джейн откусила от бутерброда и медленно пережевывала кусок, чтобы растянуть удовольствие.

...Из высокого арочного окна нетерпеливо рвется в заоблачную высь ее собственный гиппогриф. Взгляд его яростен, клюв острее бритвы, седло изукрашено драгоценными камнями. Никто не осмеливается ездить на нем, но с ней он становится милым и ласковым. Имя его...

Кто-то наступил ей на ногу.

— Ой!

Джейн дернулась, опрокинув сок. Мимо пробирался Задира с болтающейся на плече сумкой, полной всякого металлического хлама. Для его смены обед привозили позже, и он пока работал.

— Выше нос, приговоренные! Уже скоро, — проворчал полукровка уголком рта. Затем, видимо желая загладить шпильку, улыбнулся и подмигнул. Улыбка, правда, вышла бледная и неубедительная. Не знай Джейн Задиру как облупленного, она решила бы, что он боится.

Задира исчез.

Безмятежное настроение улетучилось. Она успела напрочь позабыть о безумном плане, теперь ей о нем напомнили, и снова к Джейн вернулась уверенность в заведомом крахе этой затеи. Ее непременно схватят, накажут, и предотвратить все это нет никакой возможности. Слово дано.

Крохотные каморки цеховых надзирателей располагались в той половине цеха, куда не долетал жар от раскаленных ков-

шей. Джейн сунула бутерброд в карман рабочего фартука и выглянула из-за короба. Благг с сигарой в зубах сидел за письменным столом у себя в каптерке и медленно листал глянцевый журнал.

Здоровенный жирдяй с тяжелым подбородком и приплюснутым лбом никогда не расчесывал свои жидкие, постепенно редеющие волосы, зато с чрезвычайным трепетом относился к своим завитым бараньим рогам. Благг ими откровенно гордился. По особым случаям он их даже лакировал, а раз в год, на Самайн, покрывал позолотой кончики. Золотинки в трещинках и на сгибах держались после этого несколько недель.

— Тсс!

Джейн обернулась. В только что оставленной ею нише материализовалась призрачная, расплывающаяся, еле различимая даже в яркий полдень фигурка мальчика-тени.

— Меня послал Задира, — сказал мальчик-тень. — Он приказал мне стоять на стреме.

Джейн не могла разглядеть выражение его лица, но голос у мальчика-тени дрожал. Теперь и Джейн почувствовала себя совсем скверно и испугалась по-настоящему.

— Я не смогу, — всхлипнула она. Ей не хватало решимости сделать хотя бы шаг. — Я...

Дикий рев сотряс полуденный воздух. Рабочие, мигом побросав инструменты, метались по цеху или залезали повыше, чтобы разглядеть, что случилось. Каждому хотелось быть в курсе происходящего. Постепенно большинство из них сгрудились у ковшей. Джейн, не в силах сориентироваться в общей неразберихе, всматривалась в скопление суетящихся тел. Наконец она разглядела причину поднявшейся суматохи.

Хохочущий Задира мочился на ногу великану-молотобойцу. Великан завывал от ярости.

Самое большое существо на всем заводе звали Пескоструем. Помимо размеров он отличался страшной медлительностью, и безумная, на первый взгляд, выходка полукровки все же предполагала наличие у него способности трезво оценивать ситуацию. Тем не менее подобная забава граничила с самоубийством.

Наконец, после некоторой заминки, великан догадался убрать ногу из-под струи и обрушить ее на своего крохотного обидчика. Пол содрогнулся от удара.

Задира, корча издевательские гримасы, метнулся в сторону.

Разъяренный и сбитый с толку гигант поводил туда-сюда головой, пока не заметил лежащий на огромной наковальне трехтонный молот. Лоб великана наморщился, после чего на грубом лице появилось хитрое выражение. Пескоструй нагнулся за инструментом.

— Пора! — Мальчик-тень с тревогой указал на каптерку. Благг умчался, оставив никем не охраняемую дверь открытой нараспашку.

Ба-бах! Молот опустился туда, где только что стоял Задира.

Пригнувшись, Джейн помчалась через громадное открытое пространство, которое отделяло ее от цели. Она ужасалась собственной смелости и в то же время страшно боялась, что ее схватят. Достигнув каптерки, она подошвами ощутила вибрацию от второго удара молота. Шаг в сторону, с глаз долой. Теперь можно выпрямиться и перевести дух.

Ба-бах! Молот упал в третий раз. В цеху вопили, визжали, метались кто куда.

Каптерка оказалась тесным и захламленным помещеньицем. Технические руководства грудами валялись на полу. Мусор в корзине грозил выйти из берегов. Десятилетней давности схемы крылатых драконов, все в потеках, висели на стенах рядом с побуревшими по краям производственными графиками и плакатом «Соблюдай технику безопасности», изображавшим руку с поднятым вверх забинтованным указательным пальцем. Бинт был завязан на бантик, как раз под второй костяшкой.

Единственной яркой кляксой выделялся календарь от фирмы-поставщика с фотографиями развалившихся на прибрежных скалах голых русалок, жирных, как морские коровы. Замерев на мгновение, Джейн вытаращилась на груды желейной плоти. Календарь походил на окно в чуждый и пугающий мир. Стряхнув наваждение, девочка бросилась к письменному столу.

Пепельница из прессованной металлической стружки находилась именно там, где ей и следовало находиться. На краешке ее тлела сигара, все еще влажная с одного конца. Джейн осторожно взяла вонючую штуковину двумя пальцами и аккуратно переложила в сторону. «Быстрее!» Среди пепла виднелись семь маленьких полумесяцев, похожих на спилы слоновой кости. Она извлекла два из них, положила на место сигару и уже собралась юркнуть за дверь...

Странное зеленое пятнышко привлекло внимание подменыша, и она на мгновение притормозила, чтобы мимоходом заглянуть в мусорную корзину. Из груды мусора инородным телом торчал уголок книги. Непонятно зачем, Джейн разгребла бумаги.

И у нее перехватило дыхание.

Гримуар!

Толстый том в обложке из пупырчатого винила. Выпуклые, обведенные золотом буквы. Логотип компании наверху и непонятный заголовок под ним. Страницы скреплены тремя хромированными штырьками так, чтобы их легко можно было вынуть и заменить. Сначала Джейн ахнула, затем взяла себя в руки. Гримуары обладают невообразимой ценностью и чрезвычайно редки. Каждый пронумерован и состоит на учете. Это просто невозможно, чтобы один из них попал сюда, в кабинет Благга, да еще и угодил в мусорную корзину, словно ненужный хлам.

Но... ведь ничего же страшного не случится, если его просто потрогать.

Она прикоснулась к зеленой обложке и кожей ощутила сверхъестественное присутствие *живой сущности*. Неясно, каким образом Джейн сумела это понять, но книга *отзывалась*.

«Настоящий!»

Вопреки всяким сомнениям, вероятностям и иллюзиям ее находка оказалась *подлинным* гримуаром. У нее в руках дремала магия высшего порядка: рецепты адского огня и секреты возмездия, способного сровнять с землей города; технологии невидимости и экстатической жестокости, сила, достаточная, чтобы поднять мертвых и разорить саму преисподнюю.

Долгое, выпавшее из времени мгновение Джейн общалась с гримуаром, позволив ему заполнить ее и обладать ею, пока беззвучное нашептывание становилось все глуше, глуше и наконец не пропало вовсе.

Джейн вытащила книгу из мусора.

Ее трофей оказался слишком большим и увесистым для одной руки. Пришлось сунуть добытые обрезки ногтей за щеку и схватить том в охапку.

В тот же миг за ее спиной раздался длинный пронзительный свист. Она обернулась. Мальчик-тень, тревожно жестикулируя, звал Джейн наружу. В каптерку его не пускали прибитые к ко-

сяку амулеты. Сквозь мальчика-тень просматривалось происходящее в цеху. Пескоструя удалось успокоить, а Задиру крепко держал один из хогменов. Зрители постепенно расходились. Кто-то молча вернулся к работе, остальные, сбившись в тесные группки, обсуждали происшествие.

Прижимая к себе добычу, Джейн бросилась прочь из каптерки. Казалось, фолиант весит тонну. Она шаталась под его весом, но ей и в голову не пришло бы теперь бросить его. Теперь книга принадлежала ей.

— Ты что так долго? — испуганно спросил мальчик-тень. Оказавшись на открытом месте, он не мог полностью исчезнуть и потому нервничал. — Он сейчас вернется.

— Вот. — Джейн сунула ему книгу. — Скорее отнеси это в пятый, спрячь ко мне под одеяло. — Мальчик-тень с растерянным видом замер на месте, и она прикрикнула на него: — Потом объясню! Просто отнеси!

— Но когда я поем? — Мальчик-тень чуть не плача уставился на кикимору с тележкой. Та с раззявленным ртом все еще не могла опомниться от Задириной выходки. А на носу было время обеда для второй смены.

— Вот. — Джейн выковыряла из кармана передника свой несколько пожеванный бутерброд и шлепнула его поверх гримуара. — А теперь иди!

Совершив неуловимое движение, что-то вроде пожатия плечами, мальчик-тень исчез. Отследить его уход еще никому не удавалось. Он просто растворялся во мраке, словно его и не было.

Джейн собралась было выплюнуть обрезки ногтей в ладонь и поднесла уже ко рту руку, как наткнулась взглядом на Блага. Надзиратель, прищурившись, наблюдал за ней из дальнего конца цеха. От ужаса ее ноги словно приросли к полу.

Тут Задира вырвался из лап хогмена и крикнул вверх, в далекие великаньи уши что-то оскорбительное. Взревев от ярости, Пескоструй схватил первый попавшийся под руку предмет и метнул его в полукровку.

Цех озарила вспышка.

Перед глазами подменыша заполыхали струйки расплавленного металла, выплеснувшегося из брошенного великаньей рукой ковша. Вопли ужаса переплелись с суматошно выкрикиваемыми командами. И над всем этим звенел смертный вопль Задиры.

Пользуясь всеобщей суматохой, Джейн поспешила исчезнуть с глаз надзирателя. Через несколько секунд она торопливо натягивала перчатки возле своего верстака. Может, Благг на самом деле ее не видел? Может, он забудет про нее во всей этой сумятице?

— Принесла? — Джейн не сразу поняла, о чем толкует Малявка, а вспомнив, кивнула и выплюнула украденные обрезки ей на ладонь. Та подхватила их и передала Баклуше, тот — Крошке Дику, а кому дальше, этого подменыш уже не видела. Она вздохнула и зачерпнула немного абразивного порошка. За работу. Это самое безопасное.

Тело Задиры увезли на каталке. Какие-то парни в кожаных шлемах гасили мелкие пожары, занявшиеся от расплавленного металла. Вода шипела и превращалась в пар. В воздухе воняло паленым.

По всему цеху раскатами грома перекатывался великаний хохот.

К верстакам, где они работали, Благг спустился с лицом, черным от ярости.

— Встать! — Его ладонь грохнула по столу с такой силой, что подпрыгнули кюветки с абразивом. — Встать, кому говорю!

Кабальные дети неуклюже поднялись на ноги.

— Вы, дерьмо вонючее!.. Вы бесполезные, жалкие!.. — Похоже, он никак не мог собраться с мыслями. — Кто научил Задиру? Я хочу знать! Кто? Ну? — Благг схватил Малявку своей огромной клешней и поднял несчастное создание в воздух. — Отвечать! — Он начал крутить ей ухо, пока та не завизжала от боли.

— Я... я думаю, это он сам, сэр. Он всегда был с приветом.

— А-а! — Надсмотрщик, презрительно скривившись, отшвырнул жертву и повернулся к подменышу. Лицо Благга нависало над ней, огромное и жуткое, как луна. Джейн чувствовала запах Благгова пота — не тонкий, чистый и терпкий, как у Задиры или мальчика-тени, а ядреный, кислый запах взрослого самца. Она ощущала запах его дыхания, гнилостно-сладковатый. От зубов надзирателя остались желтые, почерневшие у основания пеньки. Волокопце гнилого мяса, застрявшего между двумя из них, просто заворожило Джейн. Она не могла отвести от него взгляда.

— Ты... — начал Благг. Затем, по-бычьи тряхнув головой, обратился ко всем: — Думаете, вы способны разрушить мою карьеру, а?

Дети слишком перепугались, чтобы выдавить из себя хоть какой-то ответ.

— Что ж, у меня для вас новость! Я не какой-нибудь добренький дядя, которого вы можете дурачить, когда вам заблагорассудится. Вы портите жизнь мне, я порчу жизнь вам. И я вам ее так испорчу, как вы и представить себе не сможете!

Он повернулся к ним боком и, чуть нагнувшись, показал на собственную задницу.

— Когда вы устраиваете неприятности, начальство имеет меня прямо сюда. Понятно? А если они имеют меня сюда, то и я буду иметь вас сюда. — Каждое Благгово «сюда» сопровождалось тычком большого пальца в означенное место, и если бы не накрывшая всех волна ужаса, поведение надсмотрщика выглядело бы довольно смешным. — Вы меня поняли?

Все молчали, не в силах выдавить из себя ни слова.

— Я спросил, вы меня поняли?!

— Да, сэр!

Благг стоял перед ними не двигаясь и долго мерил их злобным, немигающим взглядом. У вытянувшейся по стойке смирно Джейн от напряжения задергалась мышца на левой ноге. Вот-вот должно было последовать громогласное: «Что ты делала в моем кабинете?» Отчаяние заполняло ее с такой ошеломляющей быстротой, что имей оно материальную форму, то наверняка потекло бы из глаз, хлынуло в мастерскую и утопило бы всех...

— Вы. Мелкие. Бездельники, — наконец произнес надсмотрщик. — Ничего мне так не хочется, как удавить вас по очереди голыми руками. Я мог бы это сделать — не думайте, что кто-то станет по вам скучать! Жрете, как свиньи, а потом полдня балду пинаете.

Благг прошелся вдоль строя, заглядывая каждому в глаза. Когда он поравнялся с Джейн, она опять приготовилась услышать ужасный вопрос, но тот снова не прозвучал.

— Ладно, — изрек Благг, — стройся по росту и марш на выход! Двойной пе... Где мальчишка-тень?

— Здесь, сэр, — пискнул тот.

Джейн вздрогнула. Она и не подозревала, что мальчик-тень стоит рядом.

Надсмотрщик медленно покачался на пятках, еще раз оглядел всех, наслаждаясь их страхом, и рявкнул:

— Двойной перерыв! У меня для вас особое задание, дерьмо малолетнее. Марш!

Под непрерывные проклятия Благга дети торопливо протопали к восточным воротам, прошли мимо погрузочных доков и свернули за угол кузнечного цеха. Несколько погрузчиков, припаркованных перед грейферной, вынудили их пуститься в обход через здание архива. Много лет назад на его месте высился крытый складской ангар, соединявший механический цех и столярку. Позже, когда под склады возвели отдельное здание, ангар переделали в архив с кучей подсобных помещений.

Благг по-прежнему даже не заикнулся о визите Джейн в его надзирательскую конторку. Она уже начала питать слабую надежду на то, что из-за всего случившегося ее проступок вылетел у Благга из головы...

— Ты! — Надзиратель сгреб Джейн за шиворот, едва при этом не задушив, и пинком открыл дверь позади себя. — Жди здесь. Если, когда я вернусь, тебя здесь не окажется, можешь сама прикидывать, что с тобой будет.

Он швырнул ее внутрь и захлопнул дверь.

Торопливые шаги детей стихли в отдалении, и наступила тишина.

ГЛАВА 2

Джейн осталась одна. Ближнюю стену помещения, куда ее запихнул Благг, полностью занимало высокое, почти до самого потолка, окно. Его стекла были неравномерно замалеваны серой и тускло-синей краской. Руководство, видимо, полагало, что это должно способствовать росту производительности, поскольку иначе окружающая обстановка будет отвлекать работников от их основного занятия. С улицы через слой краски сочился бледный, по-зимнему слабый свет, почти не дававший тепи. Но около рам, там, где краска растрескалась и местами отстала от стекла, пробившиеся лучики сияли по-летнему ярко.

Вдоль окна тянулся длинный лабораторный стол, заставленный приборами для тестирования. По экранам трех тихонько гудящих осциллографов медленно ползли угловатые синусоиды. Белые рабочие халаты, небрежно накинутые на вешалки или просто брошенные на табуретах, создавали ощущение поспешного бегства. Будто вдруг поступила весть о случившейся где-нибудь аварии и техномаги нижнего уровня, которые здесь работали, мигом сорвались с места. В дальнем конце лаборатории в испытательной камере покоилась новая модель глазного яблока дракона. Размерами оно было с Джейн. *Щелк.* Глаз повернулся и уставился на подменыша.

Джейн затрясло от ужаса. Она попыталась представить, какое наказание наложит на нее Благг за совершенное преступление, и не смогла. Что бы он ни придумал, все равно будет плохо. Девочка медленно пересекла лабораторию. Вернулась обратно. Звук шагов эхом отражался от высокого потолка. Драконий глаз следил за ее перемещениями.

Жив ли Задира? Его план превзошел самые худшие опасения. Джейн думала, что пострадает только она. Ее поймают и подвергнут наказанию. Скорому и ужасному. И больше никому ничего не будет. Все обернулось хуже, гораздо хуже для всех.

Время шло, а Благг не возвращался. Да и техники, которые наверняка работали здесь постоянно, не спешили появляться. Вначале она ждала их со страхом, понимая, что они не станут слушать ее объяснений, а просто погонят вон. Затем, обезумев от тоски, начала с нетерпением предвкушать, как они придут. Позже отчаялась и в этом. Наконец она погрузилась в состояние безразличного равнодушия. Придут — не придут, ей все равно. Сознание подменыша превратилось в сосуд чистого восприятия, и Джейн пассивно созерцала собственные ощущения от шершавой металлической пыли, покрывавшей лабораторный стол, озоново-резинового запаха вольтметров и лоснящегося блеска вытертых сидений табуретов. Исчезни она, и эти вещи прекратят существование, молча и благодарно скользнув в небытие.

Мучительно-медленными шажками подобрались сумерки. В лаборатории сделалось холоднее. Когда уже почти стемнело, кто-то протопал по коридору, щелкая выключателями. Над головой один за другим замерцали ряды светящихся трубок.

У Джейн начал болеть живот. Она чувствовала себя такой несчастной, что даже плакать была не в силах. В бессчетный раз Джейн вышла на середину лаборатории. Внутренности свело судорогой. Она понятия не имела, который час, но время ужина, без сомнения, давно миновало. Драконий глаз следил за каждым ее движением.

Громыхнула, распахиваясь, дверь, и в лабораторию с усталым и рассеянным выражением на лице вошел Благг. Его серая рабочая блуза с закатанными до локтей рукавами намокла под мышками. Драконий глаз переключился на Благга.

— Что ты делала у меня в кабинете?

Странно, но на Джейн Благг не смотрел. Вместо нее он не сводил хмурого взгляда с маленького кристалла в филигранной оправе, который висел на тесемке, зажатой в его ладони.

— Я просто...

Рука Джейн, словно обретя свою собственную волю, поднялась ко рту. Губы непроизвольно сжались. Жест в точности

повторял движение, проделанное подменышем перед дверью каптерки. Ужаснувшись, она отдернула руку и спрятала ее за спину.

С минуту Благг не мигая пучил на нее глаза. По лицу надзирателя медленно расплывалась улыбка.

— Ах ты, маленькая проказница! Ты копалась в моем мусоре.

— Нет! — пискнула Джейн. — Я ничего не взяла; правда, ничего.

Благг сунул кристалл в пластиковую коробочку и убрал в карман робы. Затем протянул волосатую ручищу и взял подменыша за подбородок.

— Хм-м. — Он окинул Джейн оценивающим взглядом. Ноздри у Благга раздулись. — Значит, шарила у меня в мусорной корзине? Искала апельсиновые шкурки и корки от бутербродов. Ну, почему бы и нет? Здоровый аппетит молодому организму на пользу.

Никаких угроз. Все складывалось еще страшнее, поскольку его поведение вообще не имело объяснения. Джейн снизу вверх непонимающе глядела на Благга.

Положив руки на плечи Джейн, он медленно поворачивал ее так и этак.

— Сколько уже ты на меня работаешь? Да, уже несколько лет, верно? Как время летит. Ты становишься большой девочкой. Может, настала пора тебя продвинуть, а? У меня тут наметилось свободное место рассыльного. Как тебе?

— Сэр?

— Не сэркай мне! Это достаточно простой вопрос. — Он странно на нее посмотрел и снова понюхал воздух. — Фу-у! Да у тебя кровь. Почему не вымылась?

— Кровь? — тупо переспросила Джейн.

— Во. — Благг показал тупым толстым пальцем на ее ноги.

Она посмотрела вниз. По икре и вправду ползла струйка крови. Теперь Джейн почувствовала зуд от самого основания бедра.

Это последнее унижение сломило ее и без того хрупкое самообладание. Внезапное появление крови из какой-то незамеченной ранки прорвало тонкую преграду, сдерживавшую и весь ее страх, и все ее дурные предчувствия. Она разревелась.

— О черт! — скривил морду Благг. — Ну почему эта пакость всегда приключается именно со мной? — Он с отвращением махнул ей, указывая на дверь. — Пошла вон! Отправляйся в медпункт и делай все, что тебе там скажут.

— Поздравляю, — сообщила ей пожилая медсестра. — Ты теперь женщина.

Поросячьи глазки, острый нос и пара ослиных ушей весьма удачно сочетались с ее кислой физиономией. Она показала Джейн, как складывать гигиеническую салфетку и что с ней потом делать. Затем пробубнила лекцию по личной гигиене, одарила подменыша двумя таблетками аспирина и отправила домой в пятый корпус.

Задиру уже доставили. Он лежал на своей койке, в горячке мотая забинтованной головой.

— Потеряет левый глаз, — прокомментировала Тряпочка. — Если выживет. Они сказали, что если он не умрет сегодня, то, возможно, поправится.

Джейн робко коснулась Задириного плеча, хотя это стоило ей немалых усилий. Кожа полукровки сделалась цвета воска и покрылась холодной испариной.

— Летай в гостеприимных небесах, — бормотал он в бреду. — Присоединяйся к поколению пепси.

Джейн отдернула руку, словно обожглась.

— О нем уже я забочусь. — В голосе хульдры прорезались дерзкие нотки. — Так что не лезь. — Тряпочка принялась суетливо разглаживать одеяло. Закончив, она выпрямилась, уперлась кулаками в бока и уставилась на подменыша, демонстрируя явную готовность принять открытый вызов. Не дождавшись ответной реакции, Тряпочка гаденько ухмыльнулась: — Тебе пора в кроватку, да?

Джейн кивнула и направилась в свой угол.

Гримуар ждал ее. Мальчик-тень честно оставил его под сложенным одеялом, как ему велели. Джейн медленно разделась, исхитрившись расстелить койку и нырнуть в нее, не обнаружив присутствия книги. Обхватив ее руками, Джейн мгновенно ощутила покалывание, словно через тело пробежал слабый разряд электрического тока. Странное ощущение.

В ту ночь, казалось, заснуть ни у кого не получится. Задира стонал, кричал, что-то бормотал в забытьи, и его страдания пе-

редавались остальным. Кое-кто из мелюзги выбрался из собственных коек, чтобы пригнездиться к своим друзьям. Даже самые старшие время от времени вздыхали и переворачивались на бок спиной к полукровке.

Наконец, спустя бесконечно долгое время, все уснули — и Джейн осталась одна.

Она бесшумно выскользнула из-под одеяла и юркнула под кровать. Ей оставалось лишь отодвинуть сломанную доску и протиснуться в убежище. Здесь было темно и пыльно, но не было душно, поскольку ни стены спального корпуса, ни стены песчаного бункера не доходили до потолка. Слабый сквозняк, наткнувшись на нее, неодетую, заставил Джейн затрястись от холода, однако выгнать подменыша за одеждой ему не удалось. Наугад пошарив у себя за спиной, она втащила через лаз гримуар.

На мгновение стоны Задиры стихли. Высоким ясным голосом он сказал:

— Две говяжьи отбивные, особый соус, латук, сыр... — Джейн поймала себя на том, что перестала дышать. — Булочку с кунжутом... — Его диалог с пустотой ночи повергал в ужас, лишая остатков самообладания. — Тефлон...

Она лихорадочно вцепилась в сломанную доску и закрыла ею проход в убежище. Голос полукровки больше не долетал до нее.

Джейн уселась на корточки, положила гримуар на колени и раскрыла его. Серебристые буквы на черных страницах сияли холодным светом и на ощупь казались скользкими. Сосредоточив на них внимание, она обнаружила, что начинает смутно понимать смысл написанного, хотя конкретное значение каждого слова от нее ускользало. Ознакомившись с таблицей степеней сжатия, Джейн перешла к разделу параметров допуска при обработке цилиндров, немного поразмыслила над калибровкой оправ для кристаллов и позволила кончикам пальцев самостоятельно переворачивать страницы, донося до нее суть пролистываемого, перепрыгивать разделы и проскакивать главы, пока, как она надеялась, перед ней само собой не раскроется то, что ей действительно нужно.

Поиски привели подменыша к практическому руководству по пилотированию драконов.

До этого момента она не имела ни малейшего представления о собственных планах. Теперь же, раз за разом проводя пальцами по схемам с загадочными обозначениями конденсаторов, потенциометров, резисторов и заземлений, наклоняя голову так близко, словно собиралась потереться щекой о шкалы и о колонки цифр, глубоко вдыхая запах типографской краски и мелованной бумаги, исходивший от каждой страницы, Джейн испытывала такое чувство, будто намерение однажды угнать дракона жило в ней с самого ее рождения.

Плечи, с двух сторон сдавленные стенами, давно затекли. Она не замечала. Сознание подменыша заполнили стремительные черные драконы. Все привычное и вездесущее, а потому невидимое, наконец-то обнажилось и встало на свои места. Джейн слышала вопли стальных чудовищ. Они неслись быстрее звука, питаемые бензином и яростью. Она испытывала на себе перегрузку, вызванную ускорением, и видела в небе инверсионный след. И сама улетала прочь на одном из них. Далеко-далеко.

Однако сначала придется изучить гримуар. И еще необходимо освоить управление.

Джейн просидела над книгой несколько часов, нежно касаясь страниц и значок за значком впитывая главы. Свое первое в жизни чтение гримуара она закончила как раз к завтраку. Стоило ей выползти из-под койки, как дали сигнал к подъему и детей погнали в столовую. Джейн шла в строю и зевала. От усталости у нее болело почти все тело. Она была счастлива.

На следующую ночь с ней впервые заговорил дракон.

Спустя три дня Джейн, Тряпочку и Колючку отправили в механический цех. В самом цеху свободных рабочих мест не нашлось, и, после некоторой свары с начальником, Благг, взяв под мышку коробку с шестеренками, повел девочек наверх. Здесь была галерея, опоясывающая цех по периметру и разбитая на отсеки. Тут была настоящая свалка, но надсмотрщик отыскал им местечко между лестницей и кирпичной трубой от промышленного перегонного куба. Он усадил всех троих на скрипучую деревянную скамью, велел дочиста оттереть детали от смазки и ушел.

Когда-то давно откидные рамы вместе со стеклами покрыли толстенным слоем не то белой, не то зеленой, а может быть,

серой краски — из-за пыли уже трудно было догадаться, какой именно. В результате окно намертво залипло в открытом состоянии, почти на фут не доходя до верхнего края проема, и засунутый под лестницу коричневый эмалированный керосиновый обогреватель из последних сил старался противостоять сочившемуся с улицы холоду.

— Поменяйся со мной местами, — попросила Тряпочка, как только Благг их покинул. — Мы с Колючкой хотим поближе к теплу.

По всем правилам следовало ей отказать. Но ведь Тряпочка всегда жаловалась на холод; может, она и впрямь переносит его хуже других. А Колючка улыбалась так зло! Так и быть, на сей раз она им уступит.

Джейн без лишних слов поднялась и пересела на дальний конец скамьи.

Шестеренки были размером с серебряный пенни, только гораздо тоньше. Их мелкие зубчики, если взяться за кромку, больно впивались в пальцы. Коричневая полупрозрачная смазка затвердела до состояния пластика и сходила с большим трудом. Привычные к постоянным проверкам, девочки трудились не покладая рук.

Как ни странно, на этот раз к ним никто не заглядывал. Проходили часы. Благг не появлялся. Казалось, о них и вовсе забыли.

Джейн невидящим взглядом смотрела прямо перед собой. Мысли подменыша сосредоточились на гримуаре и голосе дракона — ей так до конца и не удалось понять, говорил он с ней ночью или нет. Потом она погрузилась в мечтания о гладких обтекаемых корпусах с черными блестящими боками, о силе и прочности в сочетании с безжалостной скоростью. Джейн представила себе, как она кладет руку на дроссель, подчиняя своей воле всю пугающую драконью мощь.

Рядом вздохнула Тряпочка. Тусклый поток посеребренного наружного света, лившийся поверх закрашенного стекла, внезапно пересекла чья-то тень. Послышалось хлопанье крыльев. Хульдра проследила за полетом и вдруг радостно крикнула:

— Жабьи яйца!

— Жабьи яйца? — тупо повторила Колючка. — Ты это о чем?

— Там, наверху, под крышей. Вот где они вьют свои гнезда. — Тряпочка влезла на подоконник и встала на цыпочки. Она высунула руку в окно, насколько могла. Хвост ее нетерпеливо подергивался. Под застрехами прилепились несколько грязных наростов.

— Черт! Не достать...

— Нет там никаких яиц, — сказала Джейн. — Никто не откладывает *яйца осенью.*

— Жабы откладывают. Это как весенняя кладка, только они не оплодотворенные. Жабы запасают их на зиму, чтобы было что есть во время Секирной Луны. — Она посмотрела с подоконника на подменыша, широкий рот изогнулся в странной улыбке. — Дже-э-эйн! Слазай туда, добудь мне несколько штучек.

— Я не скалолазка! Попроси Крошку Дика, или Малявку, или...

— А их тут нет. — Тряпочка подмигнула Колючке, и та, прежде чем Джейн успела как-либо среагировать, сгребла подменыша в охапку и кинула к ней на карниз. Перевертыши, как и хульдры, с самого юного возраста обладают сверхъестественной силой. Из опрокинутой коробки во все стороны покатились мелкие шестеренки. — Вперед, милая! — пропела Тряпочка.

Джейн судорожно вцепилась в раму. Холодный ветер дул ей в лицо, выжимая слезы из глаз. По ту сторону гаревой площадки двора разворачивался шестой корпус, над ним висели темные облака. Внизу чернел рубероид крыши какого-то подсобного сараюшки, усыпанной осколками кирпича и битым бутылочным стеклом. До крыши было футов тридцать, не меньше.

— Мать святая!

Она стала отчаянно извиваться, пытаясь втянуть себя внутрь помещения, но крепкие безжалостные руки оторвали ее пальцы от рамы. Под жуткое дребезжание стекла Джейн вытолкнули наружу, в бездну. Она зажмурилась, боясь, что ее сейчас вытошнит, и лихорадочно принялась шарить вокруг себя в поисках опоры. Весь ее вес приходился теперь на откинутую раму окна. Внутри оставались только ноги.

— Не дергайся, не то мы тебя отпустим.

Джейн, извернувшись, снова вцепилась в перекладину. Под пальцами хрустели чешуйки отставшей краски. Она распласталась по стене, кирпич царапал ей щеку. В нос ударил сладко-

ватый, едкий запах помета. Наружная сторона рамы была белая от его наслоений. В довершение всего царивший снаружи холод сбивал дыхание.

— Пожалуйста, пустите меня обратно, — залепетала Джейн. — Тряпочка, милая, я сделаю все, что ты попросишь, я стану твоей лучшей подругой, только...

— На. — Рядом с ней зашуршал полиэтилен. — Пока не наберешь целый, назад не спустим. — Одна туфля Джейн слетела, и девочка почувствовала, как Колючка стягивает с ее ноги носок. Острый коготь коснулся пятки, замер, затем пробежал по самой мягкой части стопы.

— Прекрати ее щекотать! Если она свалится, мы останемся без яиц. — Рука с мешком нетерпеливо задергалась. — Бери быстрее.

Оставалось лишь подчиниться. Джейн сделала протяжный глубокий вдох и открыла глаза. Ее так мутило, что она не сразу смогла сообразить, куда смотрит — вверх или вниз. Прямо над ее головой протянулся козырек крыши. Под ним висело около двадцати гнезд — бугристых, шишковатых наростов с дыркой на одной стороне. Словно плохо слепленные горшки.

В тот момент когда голова подменыша еще только показалась в окне, в воздух взвились полчища летающих жаб. Теперь они метались неподалеку, истерически хлопая крыльями в черном оперении. Эти отвратительные создания появились как продукт мезальянса галок с плодовитыми земноводными предками летающих рядом с Джейн тварей. Обычно крыши тщательно очищали от жабьих гнезд. На то имелась веская причина. Жабы были неравнодушны ко всему, что блестит, и, в отличие от большинства диких животных, не испытывали страха перед огнем. В свое время они устроили немало пожаров, затаскивая в свои подвесные домики тлеющие окурки. Словом, жабы представляли реальную опасность.

Дрожа всем телом, Джейн потянулась рукой к гнезду. Ей не хватило совсем немного, чтобы до него дотянуться. Вряд ли Тряпочка сочтет это достаточным оправданием. Сделав еще один долгий вдох, Джейн заставила себя зависнуть над пустотой. Если полностью распрямить руку, которой держишься за раму окна, можно залезть в ближайшее из висящих перед ней гнезд. Через секунду Джейн запустила пальцы в отверстие.

Сперва удалось нащупать мягкую, словно шелк, пуховую подстилку жабьего домика. Кучка липких теплых яиц обнаружилась ближе к задней стенке. Она извлекла наружу сколько поместилось в горсти, потом нагнулась и раскрыла пакет. Яйца слипшейся в комок гроздью соскользнули из ладони на дно.

Мало. Пришлось снова изворачиваться и лезть за остальными. На сей раз ей досталось всего полгорсти, вместе с двумя полосками алюминиевой фольги, куском стекла и хромированной шестиугольной гайкой. Ненужные сокровища из гнезда полетели вниз, на крышу сарайчика.

Второе гнездо. Джейн быстро опустошила и его. Она как раз вынимала последнюю горсть, когда внезапный порыв ветра дохнул ей под одежду ледяным холодом. Ей хватило ума не смотреть вниз, но от внезапного завихрения воздуха голова закружилась еще сильнее. Хотелось плакать от страха и одиночества, но она не смела.

Если заплакать в такой момент, можно никогда не остановиться.

Во втором гнезде вдобавок к яйцам обнаружилось еще несколько кусочков фольги и зазубренная медная полоска, позеленевшая от времени. Наткнувшись на металлический заусенец, Джейн испугалась, что ее кто-то укусил.

— Почти полмешка! — крикнула она вниз. — Можно мне к вам?

— Еще.

— Но мне больше не достать. Правда.

В окне появилась Тряпочка. На миг она ослабила пальцы, держащие Джейн за щиколотки, и та в ужасе вскрикнула. Хульдра оценивающе прищурилась.

— Вон то, — указала она. — До него ты дотянешься.

У Джейн сводило от боли пальцы. Ее силы почти иссякли. Козырек крыши плыл перед ней — так долго она в него всматривалась, но когда она закрыла глаза, весь мир пошел колесом, и ей пришлось срочно распахнуть веки, чтобы сохранить равновесие.

Джейн вытянулась как можно дальше.

Рука немного не доставала.

— Тряпочка... — позвала она дрожащим голосом.

— Яйца!

Оставался только один способ. Джейн, извиваясь всем телом, подалась из окна чуть дальше, перенеся вес на середину бедер. Она вытянулась так далеко, что, казалось, слышала, как трещат кости.

Снова рука ее нырнула в гнездо. Пальцы в очередной раз нащупали теплую подстилку, а затем скользкую липкую кладку. Джейн сложила ладонь ковшиком и выгребла яйца.

Тем временем жабы начали приходить в себя. Они каркали, квакали и делали в ее сторону короткие угрожающие броски. Одной почти удалось клюнуть подменыша в щеку. Джейн едва успела заслониться, и жаба, противно чпокнув, врезалась ей в предплечье. Желудок свело от отвращения.

— Держите меня крепче. — По ту сторону окна ее слабый шепот могли и не услышать, но говорить громче сил уже не было.

Она сползла ниже, ухватилась за раму и надолго припала к ней. Немного придя в себя, она дрожащей рукой раскрыла пакет и опустила в него последнюю горсть яиц. Вместе с яйцами в мешок упала крупная кроваво-красная капля. Двумя пальцами Джейн выудила находку.

Рубин, величиной в половину большого пальца, шестиугольный на срезе и плоский с двух посеребренных концов, относился к разряду технических кристаллов, используемых в магических информационных системах для хранения и обработки данных. Сам не больше огрызка карандаша, стоимостью он, вероятно, превосходил Джейн.

Что же с ним делать? Если отправить внутрь вместе с яйцами, Тряпочка из жадности запросто пошлет ее искать новые камни. Бросить вниз? Его наверняка найдут. Слух о такой находке пойдет по всему заводу, а хульдра не такая уж дура — догадается, откуда она взялась. Вернуть в гнездо? Нет, только не это!

Верхний край наличника был белым от жабьего помета. Джейн вдавила кристалл в него.

— Впустите меня. Я достала вам ваши яйца.

Тряпочка выхватила добычу из рук подменыша еще до того, как Джейн успела слезть с подоконника и без сил шлепнуться на скамью.

— Дженни, Дженни-куколка, куколка-вонюкалка! — И под такое торжественное пение Тряпочка запустила руку в пакет и нагрузила здоровенным куском желеобразной массы с готов-

ностью подставленные ладони Колючки. Хульдра сунула яйца в рот, в наслаждении прикрыла глаза, когда те хрустнули у нее на языке, и запихала следующую порцию.

Шестеренки валялись по всему полу. Джейн принялась собирать их в коробку.

— Тряпочка, — произнесла она наконец, — за что ты меня ненавидишь?

Хульдра ухмыльнулась заляпанными губами. Колючка широко разинула рот, демонстрируя его желтое содержимое. Кусочки скорлупы прилипли к ее губам.

— Хочешь тоже? Ах да, ты же их добыла.

У Джейн на глаза навернулись слезы.

— Я тебе в жизни ничего плохого не сделала. Почему ты со мной так?

У Колючки щеки бугрились от яиц. Тряпочка свои проглотила, вывернула пакет и принялась его вылизывать.

— Я слышала, ты выклянчила у Благга место рассыльной?

— Скорее домашнего животного, — заметила Колючка. — Ты ведь оно и есть, детка?

— Нет, это неправда!

— Ты ведь знаешь, чего он на самом деле хочет, да? — Тряпочка сунула руку Колючке под юбку, а та закатила глаза в карикатурном экстазе. — Он хочет, чтоб ты стала его телкой.

Джейн замотала головой.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Он хочет засунуть свою писю тебе между ног.

— Что за чушь вы несете?! — завопила Джейн. — Зачем ему?..

Глаза у Тряпочки сделались красными, как зерна граната.

— Не надо только строить из себя целку! Я каждую ночь слышу, как ты вылезаешь из койки, прячешься за стену и возишься там по нескольку часов.

— Нет!

— Ой! Ну конечно, нет! Конечно, это не в наших правилах! Супер-пупер-благородная госпожа Подменыш. Мы же такие особенные, да? Вот погоди, загонит Благг свою штуку тебе прямо в задницу, тогда посмотрим, как ты станешь нос задирать!

Колючка принялась вприпрыжку отплясывать вокруг Джейн, тряся задранной выше пояса юбкой и вертя тощей костлявой задницей.

— Задница-задница, — распевала она. — Задница-за-задни-ца.

— Так что имей в виду, сучка, — хульдра больно сгребла Джейн за загривок и приподняла подменыша над землей, — здесь командую я. Как скажу, так и будет. Рассыльная там не рассыльная, телка не телка, а ты мне повинуешься. Поняла?

— Поняла, — беспомощно выдавила Джейн.

— Он еще и в рот тебе его засунет, — самодовольно ухмыльнулась Колючка.

Задира провалялся в постели ровно неделю, прежде чем к нему вернулось сознание. Более-менее. В моменты упадка сил он лежал неподвижно, из груди его с трудом вылетали хриплые и мучительные вздохи. Иногда плакал. Порой из него выливались обрывки бессмысленной глоссолалии.

— Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, — вещал полукровка. — «Лаки Страйк» — гарантия качества.

Каждую ночь Джейн дожидалась, пока другие уснут, и заползала в стену общаться с украденным гримуаром. Когда чтение приводило ее в состояние транса, складывавшегося поровну из восторга и изнеможения, на периферии сознания прорезался голос дракона. Дракон говорил ей, что он такой же пленник, как и она. Он говорил, что их судьбы связаны и они обретут свободу, когда улетят отсюда. Он рассказывал о бесконечных горных цепях с ледяными озерами, о южных архипелагах, извивающихся, как ящерицы, и высоких орлиных гнездах среди осенних звезд. Джейн сидела в убежище и внимала, внимала, возвращаясь обратно, только когда совсем уже одолевала сонливость и она могла задремать и пропустить утреннюю перекличку. Ей было не важно — реален голос дракона или это ее собственная фантазия вышла из берегов. Все равно. Она была одержима.

Каждый раз, выбираясь из тайника, Джейн вздрагивала от ужаса. На время, проведенное с гримуаром, окружающая действительность как бы переставала существовать, а при виде Задиры все резко становилось на места. Вообще полукровка казался здесь существом инородным. Весь в бинтах, с лицом, скользким и блестящим от пота, больше всего он напоминал насекомое в стадии превращения из личинки во взрослую особь. Гной, пропитавший края его повязок, чуть светился, подобно лесным гнилушкам, и сам больной испускал странный запах.

Чувство вины буквально переполняло Джейн. Ведь ей следовало заботиться о нем, вытирать пот, менять бинты, делать все возможное для облегчения боли. Но полукровка внушал ей такое отвращение, какого она не испытывала ни к демонам-иностранцам, трудившимся в зоне «А» резчиками по дереву, ни к рабочим сборочного цеха, имевшим славу каннибалов и копрофагов. Ей даже недоставало воли к нему приблизиться.

Как-то вечером дети пришли с работы и обнаружили Задиру в полном сознании. Он ждал их, привалившись к спинке кровати.

— Что это вы так рано? — Лицо его скорчилось в гримасе, под которой, по-видимому, подразумевалась улыбка. — В ваши годы мы вкалывали полный рабочий день. Ох уж эта нынешняя молодежь, прямо не знаю, что из вас выйдет.

Кабальные робко сгрудились у дверей.

— Проходите, нечего пятиться. Что, уже и не узнаёте?

Дети неохотно приблизились.

— Ну? Как все прошло? Благг мертвый?

Никто не ответил.

— Не сработало? — спросил Задира с тревогой.

Тряпочка прочистила горло.

— Мы еще не пробовали.

— Мокрощелки! — Лицо Задиры стало похоже на светящийся колдовской гриб из лесной чащи. Повязки, которые давно уже не меняли, затвердели как камень. Глаза его почти закатились, но он с усилием приподнял веки. — Почему?

— Тряпочка сказала... — начал Ходуля.

— ...что надо подождать тебя, — торопливо подхватила Джейн. Хульдра наградила ее многозначительным взглядом, лучше всяких слов говорившим: не надейся, этим ты себя не спасешь. Хвост ее мотнулся из стороны в сторону. — Чтобы сделать все правильно.

— Тогда ладно. — Задира, не отличаясь особой тонкостью, не почувствовал и тени конфликта. — Все не так плохо, как я ожидал. — Он кивнул Ходуле. — Ты понял? Мы заботимся о тебе, старик.

Обалдевший от счастья перевертыш стал яростно трясти головой в наивной убежденности в том, что друг его защитит. Видя эту идиотическую уверенность, Джейн призналась себе са-

мой, что она в этот план не верит. Они дети, и план их детский. И вся их примитивная ворожба не сможет свалить взрослого. К тому же заводское правление наверняка обеспечивает защиту от таких посягательств как часть социального пакета: иначе надзиратели мерли бы каждый день. Благг, скорее всего, даже ничего не заметит. На Джейн навалилось оцепенение.

— Давайте свечу, сделаем все сейчас, — велел Задира. — Эй, корова! — поторопил он Тряпочку, недостаточно быстро отреагировавшую на его указания. — Шевели задницей!

Юная хульдра с ворчанием подчинилась. Воткнув свечу в щель между половицами, она немного помедлила — ровно столько, чтобы всем стало ясно: полукровка слишком слаб и не зажжет огонь при помощи колдовства, — затем демонстративно чиркнула спичкой.

— Где?

Почесучка робко протянула тряпичное создание. Задира провел большим пальцем по животу куклы, нащупал острые кончики обрезков ногтей и протянул куклу Ходуле.

— Ты сделаешь это.

Перевертыш машинально посмотрел на Тряпочку, ожидая ее одобрения.

Хульдра, поджав губы, кивнула.

— Тсс, — прицыкнул Задира.

Все замерли. Снаружи, за стенами, стоял многослойный шум от работающих в цехах механизмов. Прямо под ногами на пределе слышимости методично поскрипывало кресло-качалка. Благг насвистывал «Песенку короля эльфов», меняя темп и ритм в такт раскачиванию.

— Давай! — прошептал Задира.

Ходуля сунул куклу в огонь.

Пламя лизнуло бок из старых колготок, нейлон стал черным и пошел пузырями. Воздух наполнился страшной вонью. С негромким треском занялась набивка из ваты. Ходуля, испуганно вскрикнув, уронил куклу.

Как только огонь добрался до обрезков ногтей, у Джейн во рту онемело. Она ахнула. Язык, казалось, распух и саднил от боли, словно по нему хлестнули жгучей крапивой. Ну конечно! Там же остались следы ее слюны. На нее действовал побочный эффект проклятия.

Может, в конце концов они и сумели бы одолеть Благга.

Почесучка начала всхлипывать. Задира не обратил на нее внимания. Адская злоба полыхала в его глазах, он сидел столбиком у себя в кровати, стиснув кулаки и запрокинув голову.

— Да! — крикнул он. — Да! Сдохни, черт тебя дери, сдохни же!

И пока Малявка и Крошка Дик судорожно сбивали пламя, не давая огню распространиться по всему помещению, полукровка разразился победным хохотом...

— Что вы там затеяли, сопляки?! — Благг стучал в потолок своей комнаты. — Клянусь Матерью, я сейчас поднимусь и отхожу всех ремнем!

Мгновенно воцарилась тишина.

Снизу вверх по ступеням застучали тяжелые шаги, сопровождаемые легкими хлопками ремня по бедру надзирателя.

Задира впал в ступор. Кабальные дети, все как один, повернулись к Тряпочке. Хульдра вскинула руку и скомандовала:

— Всем под одеяла! Быстро!

Дети бросились к своим кроватям, в смешной надежде избежать наказания, и Джейн бежала вместе со всеми. Она успела заметить довольную ухмылку, игравшую на губах Колючки.

Главной теперь стала Тряпочка.

ГЛАВА 3

Все винили ее. Сразу после неудачного покушения Джейн свалилась с температурой. Ходуля на три дня погрузился в молчание. У Почесучки лицо и руки покрылись сыпью, и она тоже замкнулась в себе, но, поскольку и то и другое не сильно отличалось от ее обычного состояния, на это мало кто обратил внимание. Зато всем стало очевидно, что заклятие было весьма могущественным, и требовалось объяснение, почему оно не повредило Благгу.

Тряпочка заявила, и Колючка с ней во всеуслышание согласилась, что в каптерке Благга у подменыша сдали нервы и она выскочила оттуда с пустыми руками. Джейн, на тот момент слишком ослабленная, не сумела толком постоять за себя, а мальчик-тень настолько был озадачен самим фактом конфликта, что от него и вовсе не было проку.

За нее мог бы заступиться Задира. Он в тот вечер собственными пальцами нащупал в кукле обрезки ногтей. Но полукровка хранил безмолвие. После мгновения триумфа с ним приключился рецидив болезни, и Задира впал в смертную тоску. В общем, Джейн осталась одна-одинешенька.

В довершение всего Благг таки осчастливил ее назначением на новую должность, и общее отчуждение стало еще заметнее.

Теперь Джейн приходилось красоваться в ярко-оранжевом жилете рассыльного. Жилет имел две стороны — переднюю и заднюю, надевался он через голову, а по бокам скреплялся четырьмя черными липучками. В нем Джейн чувствовала себя ужасно неуклюжей и словно выставленной напоказ.

Работа оказалась простой, хотя и несколько непривычной. В период обучения Джейн хвостом ходила за Благгом, пока тот совершал обходы, и помалкивала.

— Это измерительная лаборатория, — бросал он ворчливо. — А здесь будешь брать корундовый порошок. Только маленькими порциями и обязательно сохраняй желтую квитанцию.

Джейн с удивлением обнаружила, насколько у надсмотрщика меньше дел по сравнению с его подчиненными. Его работа казалась бесцельным блужданием, состоявшим в основном из длинных непонятных разговоров — частью деловых, а в основном — сплетен. Иногда он играл в домино с приземистым субъектом из отдела продаж. Они вдвоем молча склонялись над доской, подозрительно зыркали друг на друга и жульничали при малейшей возможности.

Через несколько дней после нового назначения во время обеденного перерыва Благг отозвал подменыша в сторону.

— Умойся, — велел он ей. — Руки тоже вымой и вычисти под ногтями. Ты должна произвести хорошее впечатление.

— Зачем?

— Не твое дело — зачем! Какая тебе разница? Просто делай, что тебе говорят!

Надсмотрщик сам отвел ее к умывальнику и проследил, чтобы она как следует намылилась коричневым мылом, а в какой-то момент, послюнявив палец, собственноручно оттер пятно с ее уха.

Под холодным моросящим дождем они проследовали к маленькому помещению у главных ворот. Благг постучал, и они вошли.

Внутри сидела одетая в черное, элегантная, худая и сдержанная эльфийка, курила сигарету и глядела в окно. Когда появились надсмотрщик с подменышем, она обернула к ним лицо — сплошь пудра и высокие скулы — и спросила без особого интереса:

— Она?

— Она, — сказал Благг.

Женщина поднялась. И оказалась на добрые полторы головы выше Благга. Громко цокая каблуками, женщина приблизилась к Джейн и взяла ее за подбородок большим и указательным пальцами. Критически хмурясь, высокородная госпожа оглядела подменыша, поворачивая ее голову туда-сюда.

— Девочка послушная, — подобострастно засуетился Благг. — Делает в точности, что прикажут, только намекни. Ей не надо повторять дважды.

Джейн уставилась эльфийке в глаза. Холодные, подобные осколкам серого льда. Кожа вокруг глаз сложена в затейливый узор из морщинок — свидетельство прошедших десятилетий, — не замеченных от порога. Подменышу внезапно почудилось, будто лицо эльфийки — только маска, обтянувшая аристократический череп.

В лишенных света глазах женщины мелькнуло что-то вроде узнавания.

— Ты боишься меня?

Джейн в испуге замотала головой.

— Напрасно.

От эльфийки пахло леденцами и никотином. В ее ушах висели длинные серьги в виде выточенных жемчужных змеек. Она продолжала сжимать пальцами подбородок девочки, пока у той не выступили невольные слезы.

— Я подумаю. — Пальцы ее разжались. Женщина махнула в сторону двери. — Можете идти.

Они вышли на улицу, и на Благга накатила волна неописуемой радости. Он только что не фыркал от восторга.

— Знаешь, кто она? — Его просто распирало от желания поделиться впечатлениями. — Это Зеленолист. Зеленолист!

Джейн недолго держала это событие в памяти. Очередная странность всемогущих хозяев ее не трогала.

Задиру довольно скоро вернули к трудовой деятельности. Демоны из столярки соорудили ему маленькую тележку, и полукровка, пока не окреп достаточно, чтобы ходить, ездил на ней. У Джейн с Ходулей появилась новая обязанность: теперь они ежедневно возглавляли шествие с работы и на работу, каждый за свою ручку катя тележку с Задирой.

Как-то вечером детей гнали в пятый корпус, когда главные ворота открылись и начался пересменок.

Кабальных отвели в сторону. Они столпились в тени гигантских черных Часов Времени и ждали, пока уходящая смена пройдет, проскачет и прохромает мимо. Вольнонаемные, отстояв очередь, пробивали карточки, целовали камень Богини и тащились прочь, за ворота.

Ходуля тоскливо смотрел им вслед. По ту сторону видно было немного — лишь парковка да пыльный изгиб заасфальтированной дороги, — но он так вцепился в них взглядом, слов-

но ему было видение Западных островов. Сзади подошел Благг и положил руку на его плечо.

Ходуля поднял голову. Широкий рот надсмотрщика скривился в намеке на улыбку. Он выдернул из загривка перевертыша молодое перышко и, прищурившись, посмотрел на него.

— Хм-м. — Он положил перышко на язык и медленно, смакуя, дал ему растаять во рту. — Похоже, пора тебя отправлять в медблок, как ты считаешь? — пророкотал Благг. — Джейн! Напомни мне утром оформить этого к доктору для...

Вряд ли Ходуля понял, о чем идет речь, но что-то в нем надломилось. С высоким отчаянным воплем юный перевертыш бросил ручку тележки и побежал.

Благг выругался и неуклюже припустил следом. Поймать гибкого проворного малолетку оказалось непосильной задачей для разжиревшего, неповоротливого надсмотрщика. Рабочие с отвисшими челюстями глядели Ходуле в спину, когда тот проносился мимо, и движения их, по контрасту с мчащимся перевертышем, казались медленными, словно у насекомых, угодивших в застывающую смолу. Джейн в мучительном ужасе смяла край передника.

— Не делай этого! — Задира с восковой бледностью на лице свечкой вытянулся в своей тележке. — Вернись!

Ходуля его не слушал. Раскинув руки, он мчался к выходу. Рабочие в очереди застыли, тупо разинув рты. Перевертыш миновал Часы Времени и нырнул в ворота.

В следующее мгновение он был снаружи.

Пока Ходуля бежал, руки его удлинялись, а плечи стягивались к хребту. Все Ходулино тело претерпевало странные изменения: шея становилась длиннее, позвоночник выгибался, ноги сделались тонкими, словно карандаши.

— Он растет? — прошептал кто-то из младших в полном изумлении.

— Дурак! — рявкнула Тряпочка. — А зачем, по-твоему, Часы Времени?

Она сказала правду. С каждым шагом удаляясь от Часов Времени, Ходуля прибавлял дни, недели и месяцы. Он почти мгновенно пробежал фазу полового созревания и обретения взрослой окраски. Теперь от завода прочь мчался взрослый перевертыш.

Ходуля взмыл в воздух и полетел. На одно дивное мгновение все сделалось так, как представляла себе Джейн. Он яростно

хлопал новыми крыльями, устремляясь вверх, и из горла у него лился смех восторга и удивления.

Он был прекрасен в эти минуты.

Стена, окружающая завод, скрыла его ненадолго от глаз наблюдающих. Затем крылатая фигура Ходули вновь появилась над воротами, двигаясь к востоку и уменьшаясь в размерах. А потом он качнулся в воздухе и медленно стал снижаться. Взмахи его крыльев делались все более вялыми и теряли темп. Красновато-бурое оперение сменилось серым. В воздухе закружилось перо. Затем второе. Вскоре они посыпались одно за другим, пока их не стало столько, сколько в пургу снежинок.

Ходуля упал на землю.

По дороге к себе все молчали. Даже Благг, белый от ярости, не мог подобрать слов, чтобы выразить досаду и возмущение, а только как заведенный молотил кулаками воздух. На лице Задиры застыло каменное выражение.

После отбоя Джейн несколько удивилась, обнаружив на своей койке Задиру. Он сидел прислонившись к стене и скрестив ноги. Ее охватила тревога, резкая, как электрический шок. Джейн и рта раскрыть не успела, как Задира вздрогнул и сухим однотонным шепотом произнес:

— С тобой творится что-то не то. — Он покачнулся. — Что-то... плохое.

— Ты устал. — Усилием воли Джейн заставила свой голос звучать заботливо. — Тебе пора лечь.

Она взяла полукровку за руку, ужасающе легкую, и, почти не встречая сопротивления, отвела на его собственную койку. Уложила и накрыла одеялом. Прикасаться к нему было вовсе не так противно, как ей казалось.

— Нет. Тебе надо... — Задира открыл уцелевший глаз. Сплошная чернота. Зрачок расширился, открывая бездонный, лишенный света проход в другую вселенную. Перепугавшись, Джейн выпустила его руку. — Думаешь... Ходуля... был... один, кто взрослеет? Я стал *видеть*. Немного, но кое-что.

Он содрогнулся. Хрупкое тело заходило ходуном, как паровой котел под слишком высоким давлением. Задира впал в самый настоящий транс. Сила, рвавшаяся откуда-то из других миров, теперь металась внутри его, грозя расщепить кости и прорваться сквозь кожу.

Совладав со своим страхом, Джейн забралась к нему в койку, натянула одеяло наподобие палатки и прижала холодного как труп полукровку к себе.

— Ты была в моих снах, — прохрипел он. — Я тебя видел.

— Тсс.

— Я потерял лучшего друга. Я не хочу потерять тебя. — Голос его делался все слабее. Голова дернулась сначала в одну, потом в другую сторону, словно в попытке поймать ускользающую мысль. — Мы видели свет в конце туннеля. Победим инфляцию сейчас. Высокие заборы — добрые соседи.

— Тсс, тсс. — Она обняла его крепче, делясь своим теплом, и терпеливо слушала лишенные смысла фразы, пока Задиру не отпустило. Теперь он лежал холодный, мокрый от пота, измученный, с посеревшим лицом и тяжело дышал.

Джейн тихонечко прокралась к себе.

На следующий день ее пораньше отпустили с работы. Благг отвел подменыша в свою комнату: типичное логово тролля с мебелью черного дуба и аляповатыми фигурками из керамики — Пак, похищающий яблоки; бык, похищающий Европу. Благг поставил Джейн посреди комнаты, глубоко и шумно втянув носом воздух.

— Ну, хоть кровь не идет. — Маленькие поросячьи глазки лучились довольством. — Там ванна. — Надсмотрщик указал на приоткрытую дверь. — И мыло. Не торопись, вымойся как следует.

В маленьком и темном помещении оказалось довольно тепло. Пахло аммиаком и телесными газами. На краю раковины лежал брусок сливочно-белого мыла с запахом сирени. Джейн скинула одежду, схватила мыло обеими руками и, выставив его перед собой словно меч, шагнула в исходящую паром воду.

Она медленно отмокала, думая о напалмовых орудиях, цистернах «эльфийской гнили» и ракетах типа «воздух—земля» с лазерным наведением. Размышления о различных устройствах, которыми был снабжен дракон, каким-то образом способствовали усилению незримой связи со стальным чудовищем, и со временем Джейн научилась воспринимать его слабый, будто щекотка, голос, даже не прибегая к помощи гримуара.

Она впала в полусонное состояние. Вода ласковым теплом обволакивала ее обнаженную кожу. Шепот дракона сделался почти реален. Джейн неторопливо гладила свое тело куском

цветочного мыла. Электронные схемы светящимися мандалами покачивались перед ее глазами.

Похоже, дракон настаивал, чтобы она не позволяла Благгу трогать себя.

Джейн не отозвалась. Она прекрасно понимала: все его указания — неважно, реальные они или всего лишь плод фантазии подменыша, — бесполезны. Благг, если пожелает, может трогать-перетрогать ее сколько угодно. Он больше и сильнее. Таков порядок вещей.

Молчание вызвало совершенно необъяснимый взрыв ярости, и к Джейн пробилось видение: дракон исчезает в западном небе, оставляя ее одинокой пленницей, навсегда запертой в стенах завода. К этой вспышке агрессивных эмоций примешались оттенки, очень похожие на тщательно скрываемый страх.

Она нежно намылила мягкую поросль, недавно появившуюся меж ног, выпустила мыло, и оно выпрыгнуло и закачалось на пленке воды. Джейн, повернув голову набок — один глаз в воде, другой над водой, — принялась разглядывать его.

«Это лодка, — решила она, — нет, не лодка, это большой корабль. Он увезет меня отсюда далеко-далеко».

Вода покачивалась вверх-вниз в такт ее дыханию. Казалось, весь мир колышется перед ее глазами.

Взвизгнули половицы. Загрохотали и заскрипели солдатские сапоги. В одно ухо звук шагов проникал сквозь воду, сливаясь с тем, что долетало по воздуху до другого уха. Ощутив присутствие даже основанием шеи, Джейн закрыла глаза. Через секунду свет померк перед смеженными веками. На нее упала тень.

— Хватит. — Она открыла глаза уставилась на странную перекошенную улыбку. — Вытирайся, сушись и одевайся. У нас встреча в замке.

К заводским постройкам замок не имел отношения. По возрасту он превосходил любую из них и располагался в стороне от основного комплекса, будто напуганный повылезавшими невесть откуда незнакомыми сооружениями. Все его украшения и замысловатая кирпичная кладка, придававшие замку элегантность поставленной «на попа» коробки из-под печенья, давно скрылись под слоем заводской копоти, и черные потеки сползали из-под карнизов, подобно старческим слезам.

На стук открыла тонкая эльфийская дама, неодобрительно нахмурилась и поманила Джейн внутрь.

— Можешь вернуться через два часа, — произнесла она и захлопнула дверь у Благга перед носом.

Ни проронив более ни слова, эльфийка развернулась на каблуках и двинулась прочь. Джейн ничего не оставалось, как только последовать за ней.

Внутри здание казалось гораздо больше. Подменыша провели по узкой галерее, где в полумраке под потолком огромными светящимися медузами расплылись драгоценные люстры, затем по лестничному пролету и сквозь анфилады комнат. Несмотря на дорогую обстановку, везде ощущался привкус упадка. Шелковая обивка на диванчиках протерлась, а похожие на тонкую паутину занавеси от насевшей на них пыли выглядели такими хрупкими, что, казалось, вот-вот рассыплются при малейшем прикосновении. Ткань обоев источала навсегда въевшийся в нее запах сигаретного дыма и мастики, отзываясь тысячами вчера, неотличимыми друг от друга.

За одной из дверей Джейн увидела гостиную, где вся мебель удобно устроилась на потолке. Полки с антикварными безделушками и писанные маслом портреты висели на стенах вверх ногами, а за окнами снизу вверх летели капли серого моросящего дождя.

— Не сюда. — Эльфийка нахмурилась и решительно захлопнула дверь.

Наконец они оказались в помещении, которое трудно было назвать жилым. Старинный полог над кроватью едва держался на кольцах, оплывшая свеча на прикроватном столике посерела от пыли. С полки в стенном шкафу эльфийка извлекла большую картонную коробку. Хрустнула папиросная бумага.

— Надень это. — Она протянула подменышу розовое платье.

Джейн послушно принялась стаскивать рабочую форму. При виде ее белья благородная госпожа цокнула языком и достала из комода новое. Шелковое.

— И это тоже.

Розовое с желтоватым отливом одеяние по лифу усеивали крохотные розочки с вышитыми на ткани зелеными листиками. Мелкие сборки шли до талии, а оттуда ткань свободно спадала до колен. По подолу также рассыпался узор из маленьких розочек.

Эльфийка, хмурясь и дымя сигаретой, наблюдала, как Джейн аккуратно складывает свою одежду и облачается в новую.

— Юность не ценит сама себя, — заметила она в какой-то момент. Но больше ничего не добавила.

Платье застегивалось сзади на жемчужные пуговки. Неуклюже заведя руки за спину, Джейн ухитрилась справиться со всеми, кроме одной: последняя застежка, единственная жемчужная пуговка на тыльной стороне шеи, ей не давалась.

— Ой, ради Цернуноса! — фыркнула эльфийка. Она резко шагнула вперед и застегнула воротник. — Можешь взглянуть на себя в зеркало.

Честно говоря, Джейн ожидала увидеть все что угодно, но только не это — из овального, на выгнутых ножках зеркала на нее смотрела опа сама. Платье, предназначенное для девочки более младшего возраста, стягивало грудь и делало бедра длиннее и толще. Однако в нем Джейн не стала выглядеть младше или как-нибудь иначе. Мало того, зеркало словно подчеркнуло нескладный облик подменыша. Она подняла руку, и отражение жадно потянулось навстречу, отвечая на соприкосновение. Их пальцы замерли по обе стороны стекла.

— Пожалуйста, мэм, объясните, что мне полагается делать?

— Это станет очевидно достаточно скоро. — Эльфийка открыла очередную дверь. — Сюда.

Пять минут спустя они добрались до небольшого уютного зальчика. В высоком открытом камине полыхали поленья. Ряды колонн по обеим сторонам зала поддерживали изразцовый свод трехъярусного потолка. Количество фотографий и картин в золотых и бронзовых рамках и рамах, рогов от охотничьих трофеев, амулетов и полок с книгами в кожаных переплетах цвета осени поражало воображение. Пол, по контрасту со стенами, богатством обстановки не отличался — россыпь ковриков, шезлонг, кресло-качалка.

В кресле-качалке, обложенный баррикадой подушек, неподвижным манекеном застыл лэрд. Кожа его сморщилась, потемнела от времени и напоминала кору дерева. Непостижимо древний эльф бессмысленно созерцал пустоту прямо перед собой.

— Папа, это маленькая Джейн. Она пришла сюда поиграть.

Глаза старого лэрда чуть повернулись.

— Тебе это понравится. Правда? Ты же всегда любил детей.

Джейн присела бы в реверансе, если б знала, как это делается, но от нее явно этого и не требовалось. Она терпеливо ждала

посредине зала, пока эльфийская дама доставала из-под шезлонга большую деревянную коробку.

Лэрд по-прежнему не реагировал. Только глаза жили на его лишенном эмоций лице.

— Извините, пожалуйста, мэм, — подала голос Джейн. — А что с ним?

— С ним все в порядке, — натянуто ответила эльфийка. — Это Балдуин Балдуинский. Из рода Зеленолистов-Балдуинов. Ты будешь относиться к нему с соответствующим почтением. Тебя привели сюда, чтобы скрасить ему вечера. Если будешь вести себя подобающе, тебе будет позволено приходить сюда постоянно. В противном случае — нет. Я ясно выражаюсь?

— Да, мэм.

— Можешь обращаться ко мне «госпожа Зеленолист».

— Да, госпожа Зеленолист.

Госпожа Зеленолист указала на деревянную коробку:

— Теперь, дитя, приступай к игре.

Джейн неуверенно опустилась на коврик рядом с камином и поискала в коробке. Там обнаружилась уйма самых разнообразных вещей: набор кукольной мебели с инкрустацией из натуральной слоновой кости и перламутра; маленькое чертово колесо с моторчиком и знаками зодиака на боках проворачивающихся кабинок; две полных армии игрушечных солдатиков, каждая с лучниками, саперами и даже со своим собственным чародеем-военачальником; колокольчик феи, — если им легонько качнуть, он вас заворожит, наполнив сознание нежным звоном, и не отпустит, пока не стихнет окончательно, а в следующий миг припомнить его тихое пение уже невозможно; резиновый мячик с крестиками — игра для координации движений.

Госпожа Зеленолист устроилась в шезлонге, развернула газету и погрузилась в чтение. Изредка она зачитывала что-либо вслух для отца.

В течение двух часов Джейн усердно играла в игрушки. Занятие оказалось вовсе не таким веселым и далеко не таким легким, как могло показаться со стороны. Глаза лэрда едва ли не физически буравили спину Джейн, ни на секунду не давая забыть о присутствии древнего эльфа. Он испускал самую нездоровую ауру, какую подменышу только доводилось встречать: яркое, как раскаленный день, ощущение крайне опасной, не-

предсказуемой силы. Время от времени Джейн украдкой бросала взгляд на обтянутые брюками ноги, не выше, или на начищенные до блеска носки туфель. Ей казалось, будто она заперта в одном помещении с перегретым паровым котлом, который сам не знает — то ли взорваться, то ли повременить.

— Вот интересная статья. Они постепенно ликвидируют старые дредноуты класса «Нептун» и переделывают верфи под ракетные корабли. У тебя там вроде бы акции, не так ли?

Балдуин сидел в качалке без единого звука, движения или намека на чувство.

Был уже поздний вечер, когда она вновь оказалась за дверьми замка, в собственном грубом платье, чувствуя себя так, словно вынырнула после долгого погружения. Наконец-то душный зал, его жуткий хозяин и невыносимо скучные комментарии госпожи Зеленолист остались позади!

Благг трясся от холода на крыльце. Должно быть, он проторчал здесь довольно долго, потому как выражение его лица не сулило подменышу ничего хорошего.

— Приведешь ее снова в то же время через два дня, — велела эльфийка. — Прими нашу благодарность, — добавила она официальным тоном.

Джейн ожидала побоев. Во всяком случае — оплеухи. А потом, по дороге к пятому корпусу, — бесконечной ругани и жалоб на тяжелую надзирательскую долю. Вместо этого Благг опять пришел в непонятный восторг.

— Благодарность! — восклицал он. — «Прими нашу благодарность»! Это чего-то да стоит, правда-правда!

Они не пошли в пятый, а завернули через склады в кузнечный цех. Благг надумал по пути выпить с бесом из бойлерной. Бес обитал в нерабочей печи для отжига. Субтильная тварь с роскошными бакенбардами, несомненно, преклонялась перед габаритами надзирателя и его самоуверенностью. Он встретил гостя с кувшином и двумя высокими стаканами.

— Получилось? — тревожно спросил бес. — Как все прошло?

— Это был просто триумф, — заверил Благг. — Я получил ее благодарность. Ее личную благодарность! Понимаешь? Благодарность одной из Зеленолистов!

Стаканы звякнули друг о друга, и хозяин принялся жадно выспрашивать о деталях.

В цеху было пусто, а багровые отсветы от выстроившихся в ряд топок и единственная голая лампочка, болтающаяся над бесовой печью, не могли разогнать темноту. Предоставленная самой себе, Джейн отступила в тень. За печкой она обнаружила теплый закуток и устроилась там на куче шлака. От шлака тянуло уютным духом угольного дымка.

Чувствуя себя слишком измотанной, чтобы претендовать на более пристойный уют, Джейн прислонилась к закопченной стене и погрузилась в мысли о своем драконе. Последнюю неделю она провела за изучением схем его электрических цепей и теперь могла без труда представить их полностью, в виде сетки искрящихся серебряных линий. Они висели перед ее мысленным взором на фоне бархатной бездны. Изображение, повинуясь команде, поворачивалось во всех направлениях или демонстрировало, как провода бегут, сходятся в одной точке, затем расходятся, обращаясь сначала вокруг одной оси, потом вокруг другой.

Как обычно, через какое-то время ощущение драконьего присутствия усилилось. Вместе с ним в подменыша вселилась непонятная суетливая энергия, какая-то беспокойная сила. Сон она прогнала, однако от ощущения усталости не избавилась.

Голос дракона звучал тепло и почти самодовольно — механического зверя несказанно радовал тот факт, что сегодня к Джейн никто не прикасался. В то же время в его нашептывании присутствовал слабый оттенок фальши и своекорыстия. По мере знакомства со стальным чудовищем девочка все более убеждалась — душевными свойствами дракон мало чем отличается от Благга или любого другого на этом заводе.

Тем не менее у них имелась общая цель.

— Он не хотел, — шепнула Джейн, не будучи уверена, слышат ли ее шепот. С другой стороны печи до нее долетал пьяный хохот беса и Благга. Их легко было отличить по смеху — мышиный писк одного и низкие тролличьи раскаты другого. — И говорить не о чем.

Драконье присутствие сделалось ласковым, одобрительным. И тут ее охватило неодолимое влечение. В ноги вселилось невыносимое беспокойство, она больше ни секунды не могла оставаться за печью.

Джейн бесшумно скользнула в темноту.

ГЛАВА 4

Она прокралась на складскую площадку. Голос заполнил ее голову, словно рука кукловода — куклу-перчатку. Снаружи слегка подморозило. Несколько редких снежинок, первых вестников зимы, плавными кругами опускались с низкого неба на черную землю.

Чувствуя себя тараканом под нависающим каблуком, Джейн пробиралась по узкому коридору между сборочным и кузнечным цехами. Она шла мимо горных круч штабелей котельного железа к сортировочным площадкам.

По ту сторону забора громыхали и лязгали своими оковами стальные драконы. Уловив кровожадные и надменные ауры хищных механизмов, Джейн поймала себя на болезненном желании сделаться совсем маленькой, незаметной. В тени сарая, где хранились газовые баллоны, Джейн перелезла через забор и мешком плюхнулась во двор сборочного цеха.

Ближайший к ней дракон громко всхрапнул. Девочка, как сорванный ветром лист, в страхе метнулась прочь.

Нет, механические звери не снизошли до того, чтобы заметить шныряющую в их тени детскую фигурку. Такая мелочь не могла удовлетворить их непомерную жажду разрушения.

Хрустя угольной крошкой, Джейн торопливо прошмыгнула мимо огромных, величественных машин в заброшенный и заросший угол двора.

Там, между штабелем пропитанных креозотом шпал и кучей гниющих ящиков из-под боеприпасов, валялся полуразрушенный корпус дракона. Заросли куманики, алтея и резеды наполовину скрыли его. Ржа проела сквозные дыры в черной броне. На боку выщербленными осыпающимися цифрами едва проступал номер — 7332.

Она застыла в смятении.

Это не мог быть *ее* дракон!

— Он даже не живой, — прошептала Джейн. — *Не* живой.

Но хотя ее мутило от разочарования, она знала, что не права. Дракон все еще жил. Безумный и искалеченный, он лелеял последнюю искру энергии в недрах своего разбитого тела, держась одними иллюзиями, а Джейн попалась в сеть его тоски и безумия, его несбыточной мечты о побеге.

Она хотела повернуться, бежать отсюда и никогда больше не возвращаться. Но непреодолимое влечение завладело Джейн окончательно, и тело отказалось повиноваться. Ноги принесли ее к останкам дракона. Руки протянулись к боковому трапу. Ступеньки под ногами у девочки отозвались негромким гулом.

Она шагнула в опаленную кабину, где царили тлен и ржавчина, и люк с грохотом захлопнулся у нее за спиной. Очутившись в кромешной тьме, Джейн уловила запах жженой пластмассы и высокооктанового топлива. В глубинах двигателя зародился гул. Пол пронизала еле уловимая вибрация и передалась ногам. Воздух потеплел.

Медленно, словно невидимая рука двинула рычаг реостата, ожили лампочки на приборных панелях. Мягкий зеленоватый свет заполнил внутренности дракона.

Кабина преобразилась.

Ржавчину и спекшийся пластик теперь сменили гладкая облицовка и сверкающая хромированная сталь. Обугленный обрубок посередине обернулся креслом пилота — темно-малиновая кожа, мягкие подлокотники.

Джейн скользнула в кресло. Оно тут же подстроилось под нее, облегая бедра и поднимая спинку. Все оказалось расположено именно так, как было сказано в гримуаре. Джейн провела руками по пульту управления двигателем. Щелчок тумблера — и вокруг нее обвились ленты кибернетических датчиков. Она взялась за резиновые ручки на концах подлокотников и повернула их на четверть оборота. Иглы безболезненно ткнулись в ее запястья.

Перед глазами Джейн сомкнулось передаваемое внешними камерами панорамное изображение. С помощью виртуальной зрительной системы дракона она видела в более широком спектре, нежели человеческий глаз, — от взвивающегося высоко вверх ультрафиолетового до падающего в рокочущие глубины инфракрасного. Площадки верфи и сортировочной ис-

чертили оранжевые и серебристые силовые линии. Кирпичные стены заводских цехов казались скалами из пурпурного кварца. Над головой сияли красные, оранжевые и зеленые булавочные головки звезд.

Затем, без всякого перехода, Джейн ухнула в драконьи воспоминания, и вот она уже мчится на малой высоте над Лионессом, выполняя облет перед заходом на цель с грузом напалмовых бомб. Позади нее облака вздымаются розовыми цветами над пропитанной влагой зеленью джунглей. Ей передается дрожь сверхзвуковых скоростей, слоистый воздух течет вдоль плоскостей — она закладывает крутой вираж, уходя от залпа наземной противодраконьей установки. Небо полнится радиосообщениями, воплями ярости и триумфа ее двоюродных братьев и бесстрастным обменом координатами между пилотами. На горизонте возникают черные точки. В воздухе эскадрилья противника. Джейн, ликуя, разворачивается навстречу врагу, принимая вызов.

— Кто ты? — почти всхлипывает она, дрожа от адреналина и еле сдерживаемых эмоций.

«Я копье, что вопиет о крови».

Армии сшибаются над материком вечной ночи. Мозг дракона впитывает все, что он видит, холодный, как северный океан, и такой же бескрайний. Джейн едва не тонет в его мечтах о насилии. Перед глазами мелькают разрозненные картинки: эльфийские воины, высоко подняв копья, позируют на фоне груды трофейных голов; шеренга троллей пылает, подобно факелам. А вот в прицелах ее орудий вырастает приморский город, и в тот же миг его стройные башни рассыпаются в хрустальную пыль. По щекам подменыша текут слезы, крупные и горячие.

Теперь она в одиночестве парит над облаками, что сияют ярче стоваттных ламп. Воздух здесь холоднее льда и тоньше пелены сновидения. Драконья жажда крови передалась ей, и Джейн уже понимает, как оно привлекательно, это чувство, как оно красиво в своей безжалостной простоте.

— Нет! Нет, я только хотела... Как тебя зовут?

Она резко вывалилась из драконьих воспоминаний и обнаружила себя в кресле пилота, взмокшей и уставшей. Запястья ныли, словно из них только что выдернули иглы. На экране внешнего обзора было видно, как на дальнем конце площадки припавший к земле дракон, подняв когтистую лапу, не мигая

таращится на луну. В наушниках послышался резкий и холодный, словно с дальних звезд, голос:

— Семь тысяч триста тридцать второй, зови меня так.

Джейн чувствовала себя отвратно. И хотя она испытывала несказанное облегчение, освободившись от власти драконьего сознания, душа ее отчаянно стремилась обратно. Ей снова хотелось пережить ощущение свободы от сомнений и колебаний. Глядя на дракона, созерцающего луну, девочка подавила в себе позыв улететь — улететь навсегда и никогда больше не возвращаться.

— Так и будет, — пообещал 7332-й.

— Правда? — Она попыталась представить себе это и не смогла. — Снаружи ты выглядишь таким... ржавым, такой... развалиной.

— Технология «стелс», моя маленькая спасительница. Если б наши хозяева пронюхали о том, что я еще функционирую, они бы завершили работу, которую бросили, когда меня только доставили сюда. Я слишком опасен для них, чтобы оставлять меня в покое.

Пальцы подменыша бережно прошлись по панелям, погладили ручки потенциометра и выстроившиеся в ряд тумблеры. Ночь за ночью она корпела над гримуаром, познавая и заучивая их функции и работу. Теперь, уже не во сне, прикасаясь к ним, Джейн пьянела от открывшихся перед ней возможностей.

— Мы можем улететь сейчас?

Низкий, похожий на мурлыканье гул зародился в двигателе и пронизал все тело Джейн — 7332-й усмехнулся.

— У тебя есть гримуар — это начало. Имея его и три ключа, мы можем улететь в любой момент.

— Три ключа?

— Первый — рубин с хромовым вкраплением.

— Я его видела! — воскликнула Джейн, пораженная. — Я... — Она осеклась. — Это ты сделал?

— Соберись. У нас мало времени. Рубин запустит мою систему лазерного наведения. Это первый ключ. Второй — маленькая такая штучка. Выглядит как грецкий орех, но сделан из бронзы и холодный на ощупь.

— Такое я видела... — неуверенно начала она.

— Он в коробке с игрушками у Балдуина в кабинете. — (Джейн вздрогнула.) — Ты должна принести его мне: в нем содержится часть моей памяти. Третий ключ у нас уже есть — ты.

— Я?

— Ты, о подменыш. Зачем, по-твоему, тилвит-теги украли тебя? Чтобы ты потела и надрывалась на фабрике? Невыгодно! Нет, тебя просто держат здесь, пока ты не подрастешь достаточно, чтобы быть использованной по прямому назначению. Драконы, как тебе, должно быть, известно, строятся из холодного железа на основе сердца из черной стали. Мы испускаем магнитное излучение, опасное для эльфийских лордов и их подданных. Они не могут управлять нами. У пилота должна быть кровь смертного.

— Тогда... я стану пилотом?

Кто еще мог пожелать себе столь завидное будущее! На секунду честолюбие ослепило Джейн, и она напрочь забыла о побеге.

7332-й снова тихонько рассмеялся, на этот раз недобро.

— Пилот-человек? Невозможно! Пилоты должны быть надежными, преданными системе, связанными с ней кровью и воспитанием. Только полуэльфам дозволяется летать на драконах. Нет, тебя притащили сюда в качестве производителя.

На осознание сказанного драконом ей потребовалась почти минута. Когда до нее дошло, она пережила настоящее потрясение, будто ее ударили. Тилвит-теги собрались сделать из нее племенную кобылу! Чтобы она рожала для них детей-полуэльфов, которых будут отбирать у матери сразу при рождении и воспитывать из них воинов. Джейн пылала холодным гневом.

— Назови свое имя, — потребовала она.

— Я уже тебе говорил.

— Это только серийный номер. Мне нужно знать имя, чтобы получить твои тактико-технические характеристики. — Железная тварь могла принадлежать к любой из сотен моделей. Их список в гримуаре не имел конца. Без имени дракона — главного ключа для подчинения его воле пилота — серийный номер для Джейн ничего не значил. — Я же не смогу управлять тобой без ТТХ.

— Никаких имен.

— Я *должна!*

В холодном электронном голосе появились сердитые нотки:

— Подменыш, за кого ты меня принимаешь? Все твое племя по сравнению со мной — ничто. Твое дело освободить меня: взамен я увезу тебя отсюда. Не воображай о себе больше, чем ты есть.

— Не зная твоего имени, — соврала Джейн, — я не смогу разблокировать все твои механизмы. Так сказано в гримуаре!

Огни погасли.

Она сидела в темноте среди гаснущего воя сервомоторов, убиравших выдвижные элементы киберсистемы. Люк с грохотом распахнулся.

Магическое поле то ли возобновило работу, то ли, наоборот, окончательно утратило силу, но в холодном свете луны внутренности 7332-го вернули себе прежний разбитый и безжизненный вид. Джейн поднялась из кресла, отряхивая приставшие к подолу хлопья горелого винила.

— Я не передумаю! — твердо произнесла она. — Тебе нужна моя помощь. Поэтому, если хочешь вернуть свободу, тебе придется сообщить свое имя.

Джейн подождала, но ответа не последовало.

Тогда она ушла.

Благг, похоже, замыслил какую-то махинацию. Джейн понятия не имела какую, но в течение нескольких дней она моталась туда-сюда по заводу. Из пружинного цеха она бежала на весовую площадку, со стенда для ходовых испытаний мчалась на склад крепежа, а затем обратно, по дороге заскакивая в лабораторию к метафизикам.

Как-то раз он отправил Джейн на участок обработки цилиндров — чтобы она зарезервировала за ним на три дня сверлильный станок, после этого в проектном отделе ей предстояло получить у старого одноглазого инженера запечатанный конверт. Глаз, а также оба уха старик утратил в результате какого-то давнего корпоративного конфликта.

Когда она добралась до склада химреактивов — выяснить, сколько брониевой смеси имеется в наличии, и заказать ее, — заведующий складом, сняв очки в проволочной оправе, уставился на нее покрасневшими глазами.

— Зачем это вдруг Благгу понадобилось? — поинтересовался он.

Джейн неловко пожала плечами.

— Он мне не сказал.

— Явно метит на повышение, поэтому и выслуживается. Все говорят, что его проект одобрен самим Балдуином. Да, говорят, но никто не знает наверняка. Иерархия чинов здесь настолько путаная, что любое чмо с тараканами в башке мо-

жет... — Кладовщик резко выпрямился. — Благг действительно нашел подход к Балдуину? Ну как могло ничтожество вроде него оказаться в таком положении? А если нет, то как он вообще посмел? Что он хотя бы затеял?

— Я правда не знаю.

— Что-то ты должна знать. — Кожа у этого карикатурно тощего клерка по цвету напоминала охру, а глаза его выпирали на обе стороны черепа. Заведующий походил на связанное из прутьев чучело, какие вешают на шесты и сжигают в новогоднюю ночь. — Подчиненные всегда в курсе. — Он задумчиво побарабанил пальцами по тонкой шее, и его лицо расплылось в обаятельной, как ему самому казалось, улыбке. — Шныряют кругом, вынюхивают, будто мыши, суют повсюду свои носы.

— Нет, честно.

— Дьявол! — Тощий кулачок грохнул по конторке. — Это как-то связано с Гримпке? Такой безухий старый хрен из отдела «А»? — Кладовщик вывернул голову набок и одним глазом уставился на подменыша сверху вниз. — Я так и думал! Нечто, связанное с его знаменитой линией по сборке конечностей. Несомненно. — Клерк снова успокоился и захихикал. — Ну, если Благг думает, что этим заслужит себе любовь начальства, можешь ему сказать... Скажи ему... — Лицо его приняло лукавое выражение. — Нет. Скажи ему... — Он взглянул через плечо. Позади него в стальных ячеистых стеллажах выстроились ряды бочек. — Скажи ему, что у нас всего полбочонка смеси и если ему нужно больше, то потребуется документация от ребят из лаборатории.

Покидая склад, она слышала, как заведующий хихикает у нее за спиной:

— Гримпке! Вот уж комедия так комедия!

Джейн заползла в свое убежище. На этот раз она не устроилась в специально сооруженном гнездышке, а лишь оставила в нем гримуар. Цепляясь пальцами за выступающие кирпичи и нашаривая опоры для босых ног, Джейн полезла вверх между стенами. Восхождение оказалось неожиданно легким, и она спокойно преодолела расстояние до самого верха. Там, ориентируясь по холодящему сквознячку, Джейн быстро отыскала его источник — когда-то давно небольшое оконце обеспечивало доступ на крышу.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что открыть его невозможно, — снаружи лежал слой рубероида. Однако разве так сложно украсть нож?

На следующий день к концу смены Задира пристал к ней с новым планом побега. Приближался пик сезонного спада производства, и, вместо того чтобы пораньше отправить их в пятый корпус, Благг всучил детям швабры, банки с мастикой и велел драить в модельном цехе полы.

Они приступили к бессмысленному занятию. Почти столетие назад пол в цехе сложили из огромных дубовых брусьев. Истоптанная и отполированная не одним поколением ног древесина истерлась и потрескалась, образовав глубокие желоба и щели, служившие неиссякаемым источником грязи и пыли. Короче, сколько ни мети, а чище не станет.

Пока дети создавали видимость работы, Благг торчал наверху, в кабинете начальника цеха, и их не трогал. Во всех стенах здания были прорезаны окна от пола до потолка, и Джейн могла наблюдать за течением жизни в этом тихом спокойном месте, так отличавшемся от мира, к которому она привыкла. По ту сторону прозрачной загородки два старых огра почтительно склонились над производственными графиками. Всюду ковры, чистота. В тихом уютном лабиринте проходов между столами маячил рядом с надсмотрщиком одноглазый Гримпке.

— Смотри. — Перед самым носом подменыша материализовалось ведро, полное пыли и восковых катышков мастики. — Как ты думаешь, куда это попадает? — поинтересовался Задира.

— Обратно на пол. — Джейн отпихнула странное подношение.

— Очень смешно. Нет, слушай. Мы вытряхиваем их вон в те баки, так? Затем парочка торчков-рябинников вытаскивает их и опрокидывает в мусорные контейнеры, так? Вместе с обрезками, опилками, упаковочной бумагой, канистрами из-под химических отходов и прочим хламом. Затем приезжает мусоровоз и опустошает контейнеры. Куда, по-твоему, он идет после?

— В столовую.

— Дубина! Он выезжает наружу через служебные ворота в восточной стене. Где Часов Времени и близко нет — улавливаешь? Нет Часов Времени!

— Очнись. Я так понимаю, ты хочешь спрятаться в контейнере? Ты когда-нибудь видел, что у мусоровоза внутри? Там

здоровенные зубья. Они острые как бритва и больше твоего роста. Стоит попасть в кузов мусоровоза — и можно считать себя покойником.

— Ты уверена?

— Разумеется, нет. Но проверять не хочу.

Вид у Задиры сделался хитрый.

— Хорошо, тогда другой вариант. Единственный путь наружу лежит мимо Часов, правильно? Как люди проходят мимо них? С помощью перфокарт, так? Предположим, нам удастся добыть парочку карт. Если найти способ задержать тех, кто обычно ими пользуется, мы могли бы...

— Меня вычеркивай. — Джейн усердно замахала веником, двигаясь прочь от Задиры.

— Джейн! — он поспешил за ней. Кинув быстрый взгляд вверх, он схватил ее за руку и затащил в тень колонны. — Джейн, почему ты против меня? Все остальные на стороне Тряпочки, только ты — нет. А Тряпочка тебя ненавидит. Так на чьей ты стороне? Ты должна выбрать.

— Я больше не собираюсь становиться ни на чью сторону. Это глупо.

— Что я должен сделать? — спросил он в отчаянии. — Чего будет стоить вернуть тебя на мою сторону?

Итак, полукровка не отстанет, пока она не согласится участвовать в его идиотских планах. Ну что ж, некоторое время назад Джейн поклялась пойти на что угодно, лишь бы выбраться отсюда. Так почему бы не извлечь из всего этого хоть какую-то пользу?

— Ладно, я скажу тебе чего. Ты ходишь туда, куда не хожу я. Принеси мне шестиугольную гайку. И имей в виду — девственную. Которую никогда не использовали.

Как всегда, переменчивый Задира состроил понимающее выражение и ухватил себя за промежность.

— И терпеть твои грубые шутки мне тоже надоело. Поможешь или нет, мне все равно. Но если ты не готов сделать для меня такую малость, то и я не собираюсь подставляться ради тебя.

— Эй, да что я тебе вообще сделал? — обиделся полукровка. — Разве я не был всегда твоим другом? — Он прикрыл здоровый глаз и приложил палец к носу. — Если я помогу тебе, ты мне поможешь? С моим планом?

— Да, конечно, — поспешила заверить Джейн. — Конечно помогу.

Она устало принялась работать метлой на дальнем темном участке цеха. День и без того длинный, а ей еще идти к госпоже Зеленолист играть в игрушки. Оставалось надеяться, что Благг не настолько увлекся своим проектом, чтобы заставить эльфийку ждать в вестибюле замка, как это было три предыдущих раза.

В тени ее караулила Тряпочка.

— Ой! — Пальцы хульдры впились чуть ниже плеча подменыша.

От синяков бедная рука Джейн и так уже потеряла свой естественный цвет. Однако Тряпочка не ослабила своей сильной хватки.

— О чем ты говорила с Задирой?

— Ни о чем! — всхлипнула Джейн.

Хульдра смерила ее долгим тяжелым взглядом. Глаза ее стали похожи на двух свернувшихся кольцами змей. Наконец пальцы разжались, и она сквозь зубы процедила куда-то в сторону:

— Лучше бы ни о чем.

Зима катилась за неделей неделя, и планы Благга начали обретать законченные черты. Различные существа в строгих официальных костюмах то и дело останавливались перекинуться с ним парой слов. Он повеселел и стал следить за собой с большей тщательностью: добавил к рабочей блузе галстук-шнурок и мылся три раза в неделю. В монтажном цехе, в пустовавшем сборочном блоке — закрытом на капитальный ремонт, сроки которого определялись потеплением экономического климата, — подавала первые признаки жизни «экспериментальная линия инженера Гримпке по сборке конечностей».

Во время одного из своих путешествий в сектор «А», проходя через отделочную мастерскую, Джейн подобрала с пола и прикарманила зеленый кожаный лоскуток. Еще она стащила немного толстых ниток и кривую иголку. Результатом ее мелкого воровства, а также пожертвованных ночных часов, которые можно было потратить на общение с гримуаром, стала повязка для Задиры. Честно говоря, Джейн представляла себе шитье не настолько трудным занятием и к концу работы изрядно разозлилась. Но когда она, растолкав Задиру, вручила ему свое

изделие, он так растрогался и обрадовался подарку, что ей сделалось неловко.

— Это же здорово! — Полукровка сел в койке и размотал бинт, на одно ужасное мгновение обнажив остатки потерянного глаза. Затем нагнул голову, подергал повязку, пристраивая ее поудобнее, и, когда он выпрямился, перед Джейн был прежний Задира. Его улыбка с одной стороны лица, казалось, стала чуть шире, словно в попытке компенсировать недостаток симметрии. Челка падала на зеленую кожаную полоску, придавая мальчишке самый что ни на есть хулиганский, даже пиратский вид.

Задира спрыгнул с койки.

— Ну и где же у нас зеркало?

Джейн тихонько хихикнула — такое заразительное веселье исходило от него. Еще бы — ведь зеркал не было ни в каморке, ни вообще поблизости. Правила производственной безопасности строго-настрого запрещали обзаводиться ими.

Задира сунул большие пальцы под мышки, изобразив локтями крылышки, и поджал ногу.

— Теперь Тряпочке лучше держаться от меня подальше!

— Ой, только не затевай с ней драку. Пожалуйста, — встревожилась Джейн.

— Не я начал.

— Она сильнее тебя.

— Это потому, что ее делают сильной другие. Без их веры она пустое место. Как только я убью Благга, вся эта сила перетечет обратно ко мне.

— Ты не можешь убить Благга.

— Да ты посмотри на меня...

— Хватит, это я уже слышала, — заявила она. — Я иду спать.

И все же у нее осталось жуткое ощущение, будто ее невинный дар спровоцировал запуск какого-то страшного, неуправляемого маховика.

Джейн, в ожидании очередного поручения, мыкалась у закрытой двери Благгова кабинета, когда к ней бочком подрулил Задира. Он подмигнул ей здоровым глазом и вдавил в ладонь шестигранную гайку.

— Целочка? — спросила она.

— За кого ты меня принимаешь? — хмыкнул в ответ полукровка. — По-твоему, я железки трахаю?

— Не груби.

Гайка незаметно перекочевала в карман подменыша. Мало-помалу Джейн становилась специалистом в деле воровства и подобные движения успела отработать почти до автоматизма. К собственному удивлению, от совершения краж она испытывала живейшее удовольствие. В том, чтобы подвергнуть себя опасности и все-таки избежать наказания, таилось темное, вызывающее дрожь наслаждение.

Из замка Джейн вернулась после отбоя. Остальные кабальные уже спали. С привычным проворством она скинула спецовку, нырнула под койку и подняла незакрепленную половицу. Юркая, словно ночная обезьяна, Джейн полезла между стен вверх.

Снаружи ветер ледяным бичом хлестнул по ее голой коже. Посинев и стиснув зубы, Джейн припала к полотну крыши, но нависшая над заводом Госпожа Луна помогла вытерпеть холод. Собрав всю свою волю, Джейн вытянула перед собой руку с шестигранной гайкой и уставилась на нее. Далее следовало прокрутить в голове все известные характеристики предмета: размеры, массу, прочность на срез и точный состав сплава.

Ничего не произошло.

Она сместила гайку точно к центру ладони, сосредоточилась на ощущении ее веса, всмотрелась в тусклый отблеск луны на гранях поверхности, проследила глазами за тесной спиралью резьбы. С почти слышимым щелчком знания и ощущения сложились в совершенное целое.

«Я знаю тебя, — подумала Джейн. — Лети».

Гайка оторвалась от ладони и завращалась в воздухе.

Получилось! Осознание природы шестигранной детали давало власть над ней. Гайке приходилось выполнять то, чего от нее хотели.

Ну что ж, теперь 7332-й может играть в молчанку сколько ему вздумается. Он нуждается в подменыше. Однажды дракон позовет ее. А она будет готова. Она выучит наизусть все его ТТХ. И когда придет время улететь отсюда, Джейн поднимется в воздух, зная его имя.

«Спокойно».

— А что это ты здесь делаешь?

Перепуганной кошкой, в одном прыжке, она развернулась на месте. На крышу вылез Задира. По его лицу расползалась

широченная довольная улыбка, и Джейн, вспомнив о своей наготе, тщетно попыталась прикрыться руками.

— Не смотри!

— Поздно. Я уже видел. — Он расхохотался. — Ты выглядишь как Глам, который ездил верхом на коньке крыши[1]. — Полукровка запустил руку в тень слухового оконца, извлек одеяло и небрежным жестом набросил его на плечи Джейн. — Вот. Разве этот благородный поступок, в конце концов, не доказательство того, что я на твоей стороне?

— Ой, опять эти стороны. — Чувствуя, как горят уши, Джейн закуталась поплотнее.

Задира встал на цыпочки и протянул руку к луне, словно надеялся сковырнуть ее с неба. Его тонкое и длинное тело, казалось, вот-вот сольется и перемешается с ветром.

— Э-э, да у тебя тут неплохой вид. — Он скосил глаза на подружку. — Тебе станет легче, если я тоже разоблачусь. — Полукровка начал расстегивать штаны.

— Нет!

— Ну и ладно. — Задира пожал плечами и застегнулся. — Джейн! — Неожиданно он упал перед ней на колени. — Я все думал и думал, как заставить тебя снова полюбить меня.

— Но я и так тебя люблю. Ты же знаешь. — Джейн подалась назад, но полукровка, не вставая с колен, последовал за ней, и расстояние между ними осталось неизменным.

— Да, но ведь ты не станешь мне помогать. Ты сказала, что поможешь, но на самом деле не имела этого в виду. В смысле — ты понимаешь, о чем я?

Она опустила глаза.

— Да.

Голос Задиры упал до шепота, как будто он признавался в чем-то постыдном. Джейн с трудом удавалось разобрать его слова.

— Поэтому я подумал: может, нам стоило бы назвать друг другу наши настоящие имена?

— Что?

— Ты знаешь. Ты мне говоришь свое, а я тебе говорю свое. Это значит, что можешь по-настоящему доверять другому, потому что, когда знаешь чье-то настоящее имя, его можно убить, вот так! — Он щелкнул пальцами.

---

[1] *Глам* — оживший мертвец, персонаж исландской «Саги о Греттире».

— Задира, я человек.

— И что? Я ничего против людей не имею. — Полукровка насупился, явно задетый за живое. Сейчас Джейн, даже не зная его истинного имени, могла делать с ним все, что угодно, и от жалости к нему едва не плакала.

— У нас нет настоящих имен, — ласково произнесла она.

— Проклятье!

Задира подошел к самому краю крыши и бесконечно долго смотрел вниз на далекую землю. Джейн всерьез испугалась, как бы он не шагнул туда, но и окликнуть его она не могла, иначе полукровка свалился бы непременно. Наконец он торжественно воздел руки, повернулся кругом и направился к ней.

— Я все равно тебе скажу.

— Задира, нет!

— Тетигистус. Это значит — игла. — Полукровка опустил руки. В лунном свете лицо Задиры сделалось жутковато умиротворенным, словно разом отпали все его заботы и тревоги. Как ни странно, но Джейн почти завидовала ему. — Вот. Теперь можешь делать со мной, что хочешь.

— Я не знаю, что и сказать.

— Что сказать? Скажи, например, что ты здесь делаешь. — Еще в тот момент, когда у нее за спиной прозвучал голос Задиры, гайка шлепнулась Джейн на ладонь, и все это время она прятала ее в кулаке. Полукровка, разжав девичьи пальцы, завладел гайкой. — А-а. — Он поднес добычу к лицу и через дырочку уставился на подменыша единственным глазом. — Так вот зачем она тебе понадобилась. Ты учишься использовать имена предметов против них самих.

Джейн обалдело кивнула:

— Да, я... я нашла это в гримуаре...

— Ну точно. Это я на него наступил внизу. — Голос Задиры снова наполнился весельем. — Вот здорово! Значит, против Благга можно обратить все что угодно! Можно обрушить на него бойлер, залить расплавленной бронзой, заполнить ему артерии графитовым порошком.

— Дался тебе этот Благг! Забудь. Месть не поможет тебе бежать.

— Меня не волнует бегство.

— Но ты говорил...

— Только потому, что этого хотела ты. С тех пор как я потерял глаз, у меня с каждым днем все сильнее развивается внут-

реннее зрение. Какая разница, по какую сторону заводских ворот я нахожусь? Прямо здесь и сейчас я могу видеть миры, какие ты себе и вообразить не можешь. Вещи, для которых у тебя нет названия. А порой мне являются предостережения. — Он говорил с несвойственной для него серьезностью. — Вот почему я все время пытаюсь тебя предупредить. Ты во что-то вляпалась и чем сильнее барахтаешься, тем глубже вязнешь. — Полукровка рассмеялся, опять став самим собой. — Но теперь мы работаем вместе! Сначала ты поможешь мне убить Благга, а потом мы стащим его перфокарту, и ты сможешь выйти наружу. Это так просто, что даже красиво.

Джейн почувствовала себя прескверно. Во-первых, она не разделяла планов Задиры. Во вторых, 7332-й ни за что не согласится взять полукровку с собой. Присутствие дракона ощущалось даже сейчас. Несмотря на демонстративное безмолвие, его всепроникающее влияние распространялось по всему заводу. Даже здесь, ослабленный светом полной луны, дракон мог воздействовать на нее едва ли не физически, и железная однозначность его отвращения явственно отозвалась в затылочной части головы Джейн.

— Не получится. Это просто очередная ребяческая фантазия.

— Не надо так. Ты просто позволила себе окончательно погрузиться в иллюзию существования. — Задира протянул руку. — Давай я тебе покажу.

Она взяла его за кисть.

— Покажешь? Как?

— Ты ведь знаешь мое имя, не так ли? Ну так и используй его.

— Тети... Тетигистус, — неуверенно произнесла Джейн. — Покажи мне, что ты видишь.

Они шли по темному зимнему тротуару. Островки неубранного снега были утоптаны до состояния черных глыб, твердых, как камень, и скользких, как лед. В небо взмывали здания из стекла и камня. Огни сияли повсюду. Они обрамляли бесконечные витрины магазинов, поблескивали в костлявых, лишенных листьев кронах деревьев и сливались в слова из огромных букв странно знакомого, но не поддающегося расшифровке алфавита. По улицам полноводными реками текли бесчисленные

машины. Машины двигались, словно живые, но не имели собственных голосов. Лишь рев двигателей да вой сирен.

— Где мы? — недоуменно спросила Джейн.

Задира лишь помотал головой.

Они, как привидения, плыли среди толпы безмолвных, похожих на тени фигур. Никто не задевал их, никто не пытался с ними заговорить.

В одном из широких окон внимание подменыша привлекло вечнозеленое дерево, усыпанное воздушной кукурузой, блестками и увешанное фигурками пряничных солдатиков. Под пушистыми игольчатыми ветками возвышались горы разнообразных игрушек: медведи в портупеях, бьющие в барабаны, разноцветные сверкающие машинки, громадные копии которых проносились в нескольких метрах от них по эту сторону витрины, куклы в нарядах из отделанной кружевом тафты, плюшевый жираф в половину натуральной величины.

Джейн завороженно уставилась на эту выставку чужеродного богатства. Ей еще ни разу не доводилось видеть ничего подобного, и тем не менее все вокруг неуловимо тянулось к ней, зарождая в самых дальних закоулках души робкий ответный зов. Незнакомый мир странным образом напомнил подменышу ее собственные сны о том полуреальном месте, где ей, совсем маленькой девочке, ничего не грозило и где она была счастлива.

Джейн разрыдалась.

— Задира, верни меня домой, пожалуйста.

Полукровка бросил на нее удивленный взгляд и выпустил ее руку.

Они снова мерзли на крыше пятого корпуса.

— Вот, — сказал Задира и поцеловал Джейн в щеку. — Теперь мы можем полностью доверять друг другу.

Время поджимало. Она едва ли не собственной кожей стала воспринимать приближение мучительных потрясений. Безжалостные механизмы судьбы вот-вот были готовы с грохотом сомкнуть в единую цепь разнообразные события.

Следующим вечером Джейн в очередной раз прилежно изображала детскую возню с игрушками. Зажав в кулаке бронзовый орех, упомянутый 7332-м, она извлекла из коробки Руку Силы и принялась тыкать ею по сторонам, изображая заправ-

скую колдунью. Ее детские шалости всегда несказанно радовали госпожу Зеленолист, а такая притворно-ребяческая выходка как нельзя более соответствовала представлениям далеко не молодой эльфийки о поведении ребенка. Отвлекающий маневр удался.

Улучив момент, Джейн ловко спрятала шарик под одеждой. Госпожа Зеленолист, с благостным видом погруженная в чтение журнала, ничего не заметила.

Хотя господин Балдуин, с тех пор как подменыша впервые привели в замок, не изменил ни позы, ни выражения лица, Джейн на всякий случай взглянула и на него: а вдруг древнему эльфийскому старцу пришло на ум повернуть глаза в ее сторону?

Она ойкнула.

Древний эльфийский лэрд куда-то пропал. Вместо него над креслом-качалкой завис сияющий кокон. Сгусток света мягко пульсировал. На его холодной, лишенной каких-либо черт поверхности змейками переливались тусклые блики. Джейн, с отвращением отпрянув от этой штуки, на какое-то мгновение поддалась совершенно иррациональной панике. Ей вдруг показалось, что кокон сейчас сорвется со своего пьедестала и начнет гоняться за ней по всему замку.

Госпожа Зеленолист подняла глаза от кроссворда.

— Дитя, — голос эльфийки звучал предостерегающе, — в чем дело?

— Ни в чем, госпожа Зеленолист, — торопливо отозвалась Джейн.

Поздно. Госпожа Зеленолист уже повернулась к отцу. Рот у нее превратился в маленькую буковку «о», а глаза выпучились, словно эльфийка внезапно сделалась рыбой. Глядя на потрясенное выражение ее лица, Джейн в ужасе прикусила губу, чтобы не захихикать.

Журналы соскользнули с изящных колен на пол. Госпожа Зеленолист сцапала подменыша за руку неосознанно болезненной хваткой и поволокла прочь из зала.

Плотно закрыв дверь, она нависла над Джейн. Побелевшее лицо эльфийки сделалось жестким, рот сжался так плотно, что не стало видно губ.

— Ты ничего не видела, ясно? — Она встряхнула девочку за руку, подчеркивая последнее слово: — Ничего!

— Да, мэм.

— Мы старинный почтенный род, у нас не было и намека на скандал с тех пор, как... на что ты уставилась?!

— Ни на что. — Джейн испугалась, как бы благородная госпожа не врезала ей со всего размаха.

Но вместо этого ее отвели в гардеробную. Рабочее платье вернули, а нарядное игровое, вместе с кружевным бельем, завернутое в белую бумагу, снова легло на полку. Прошла только половина оговоренного времени, до появления Благга оставалось никак не менее часа, однако девочку выставили на парадное крыльцо.

— Я *не* думаю, что тебе стоит приходить завтра, — твердо произнесла госпожа Зеленолист.

И закрыла дверь.

Благг опоздал минут на сорок. Она ждала его с мучительным нетерпением. Когда надсмотрщик наконец явился, то несколько опешил, увидев подменыша на крыльце, а не в вестибюле, как все предыдущие разы. Тролль сразу же потребовал разъяснений, и она, запинаясь, пересказала ему последние слова госпожи Зеленолист. Он откинул голову и завыл. Звук получился ужасный — смесь боли и горечи разбитых надежд.

А когда они вернулись в пятый корпус, Благг принялся ее избивать.

ГЛАВА 5

Пробуждение обернулось настоящей пыткой. Джейн с трудом удалось выбраться из койки. Левый бок пылал от боли. Одна нога отказывалась принимать переносимый на нее вес и постоянно норовила подвернуться. Вихляющей походкой Джейн, позади всех, добрела до столовой. Ложку с овсянкой-размазней пришлось проталкивать в левую часть рта — правую наглухо закупорила огромная, размером с яйцо, гематома.

Благг бросил на нее один-единственный взгляд, молча вытряхнул из жилета рассыльного и швырнул оранжевую униформу Тряпочке. Хульдра тут же напялила ее через голову и, победно хлопая складками юбки, направилась за надсмотрщиком в его каптерку.

К своему изумлению, Джейн осознала, насколько ее ранило и унизило отстранение от должности.

Даже лишенный гипотетической поддержки Балдуина, проект Благга все-таки оставался на плаву, успев набрать достаточно собственной инерции. Слишком много честолюбивых менеджеров среднего звена вложили в предприятие свое личное время и, что важнее, свою репутацию. Теперь они просто не могли позволить ему скончаться на полпути.

С момента отказа хозяев замка от услуг Джейн все только завертелось с еще большей скоростью. Экспериментальный образец, неделями томившийся на сборочном стенде в ожидании очередного исправления, был в авральном порядке закончен, испытан и напичкан смазкой. Малявка, Червяк и Трехглазка целый день полировали его поверхность, пока та не заблестела как зеркало.

А Задира каждую ночь заползал в стену медитировать над гримуаром. Он потребовал от Джейн показать ему главу про кулачковые соединения и штудировал раздел за разделом, пока не

наткнулся на схему, примененную в своем образце старым мудрым инженером Гримпке.

— У нас мало времени, — говорил полукровка. — Я разговаривал с Хобом — тем, который бригадир кузнецов, а не с одноногим, — и он сказал, что через пять дней посмотреть на эту ногу явится какой-то высокий лорд Супер-Пупер из головной конторы. Генеральный инспектор отдела по рассмотрению рацпредложений. — Он почти пропел эти слова. Задира просто обожал высокопарные титулы. — В цехах поговаривают, что пришлось изрядно подергать за разные ниточки, чтобы заманить его сюда, а теперь все носятся как угорелые, пытаясь уложиться к сроку.

— Бросил бы ты эту глупость, — шепнула в ответ Джейн. Из-за чрезмерной тесноты она оказалась плотно прижата к нему и, несмотря на то что на этот раз была полностью одета, чувствовала себя довольно неловко. — Ты не можешь всерьез надеяться обратить против Благга его собственное творение.

— Разумеется, могу. — Задира дрожал то ли от холода, то ли от возбуждения. — Эти железные пальцы будут гнуться и поворачиваться в суставах, и титановые когти сомкнутся на гнусном жирном ублюдке. Медленно, чтобы у него хватило времени испугаться. А затем... это будет великолепно.

— Все равно я не понимаю, как ты рассчитываешь запомнить все эти данные за пять дней. Здесь не меньше семи страниц!

— Справлюсь, — мрачно ответил полукровка.

Нахмурившись, он склонился над гримуаром, и лицо его в серебристом мерцании рун сделалось почти невидимым. Джейн знала, как трудна задача, которую возложил на себя Задира. Она-то уже умерила свои амбиции с полной власти над драконом до управления несколькими ключевыми функциями в его оптической и операционной системах.

— Вообще-то, я даже не верю, что ты умеешь читать цифры.

— А вот и умею.

— Ну и что тогда здесь написано? — Джейн ткнула пальцем в рунический символ «3,2 ома».

— А мне не надо знать названия всех этих закорючек. Я не хуже тебя вижу, как они выглядят. Я просто запомню их как картинки.

Задира взялся за невыполнимое дело. Джейн оставила его между стенами и вернулась в койку, втайне благодарная за воз-

можность поспать дольше обычного. Полукровка помучается ночку-другую да и бросит эту безумную затею. Тогда она снова вернется к занятиям.

Но он не бросил. И в ту ночь, и в следующую, и еще три ночи подряд Задира уползал за стену и торчал там до рассвета, общаясь с гримуаром. Джейн даже начала ревновать. Потом попыталась выразить недовольство. В конце концов, это ее книга и она ей очень нужна. Однако Задира пропускал мимо ушей все намеки, предложения и, наконец, требования проводить за гримуаром по очереди ночь через ночь.

С ним стало бесполезно разговаривать. Он впал в безумие.

Вечером накануне инспекции, невзирая на середину рабочей недели, детей выстроили перед ванной. Мыться их вызывали по одному. За девочками надзирала Тряпочка. Благг вооружил хульдру жесткой щеткой на длинной ручке, чтобы та имела возможность дотянуться до всех мест, которые девочки во время помывки могли пропустить, а сам с откровенным удовольствием наблюдал за процессом. Особенно воинственный вид щетка приобрела, когда подошла очередь Джейн. Казалось, Тряпочка пытается продемонстрировать надсмотрщику нечто недоступное разумению подменыша.

— Снимай свои тряпки, ты, сука! — заорала хульдра. — Шевелись!

Джейн, раздеваясь и неуклюже залезая в ванну, старалась не смотреть в сторону надзирателя. Она в основном уже успела оправиться от побоев, но синяки — желтые и черные разводы вокруг лиловых облаков — все еще напоминали готовое разразиться ненастье.

Радужные пузырьки мыльной пены лениво колыхались на серой поверхности не успевшей остыть воды.

— Ты обосралась, свинья!

— Неправда! — Джейн невольно сорвалась на крик.

— Тогда что это? — Тряпочка сунула щетку подменышу между ног и принялась елозить резкими сильными толчками. — Да оно у тебя по всей заднице.

Барахтаясь и расплескивая воду, сглатывая навернувшиеся слезы, Джейн попыталась отступить подальше, но хульдра полезла за ней в ванну и все продолжала скрести ей кожу острой нейлоновой щетиной.

— На! — В лицо подменышу полетела серая от долгого употребления тряпка. — Утри харю. Она у тебя грязная.

Одеваясь, Джейн робко подняла глаза и увидела, как Тряпочка и Благг обменялись странными взглядами. Загадочными и понимающими, исполненными какого-то ужасного смысла.

За завтраком на губах Задиры то появлялась, то исчезала недобрая ухмылка. Пальцы его слегка подрагивали, а взгляд блуждал где-то за пределами реального мира. С тех пор как он стал ночи напролет проводить над гримуаром, лицо полукровки приобрело более землистый оттенок и его асимметрия бросалась в глаза еще сильнее. Пространство вокруг Задиры заполняла атмосфера перманентного утомления, но нынешним утром в глубине его изношенной души бурлила неестественная энергия. Так разряды электрического тока заставляют сокращаться мышцы умершего тела.

— Задира, — тихонько позвала Джейн. Остальные не замечали, в каком он состоянии. Всех волновали последствия надвигающегося визита генерального инспектора. — Ты только не расстраивайся, если все пойдет... — Она не могла заставить себя произнести окончание фразы.

— День настал. — Его рот растянулся в жуткой потусторонней улыбке. — Знаешь что? Последнее время я снова слышал голос Ходули. Как будто он на самом деле не умер, а прячется где-то в сумерках или в задней части моей черепушки, понимаешь? Ну, мне кажется, Ходуле сегодняшнее понравится. Это будет сделано для него.

— Да, но если...

— Тсс! — Задира подмигнул и приложил палец к носу. К ним вразвалочку подошла хульдра и открыла рот, собираясь отдать команду к построению. — Как дела, Сряпочка?

— Ты лучше поберегись. — Она крепко сжала его ухо двумя пальцами. — Устроишь сегодня что-нибудь, как в тот раз, и тебе кранты, понял? — Ее пальцы разжались.

Задира покорно кивнул и потупил взор, но, когда хульдра отошла ровно настолько, что уже не могла обернуться, не уронив достоинства, заметил невинным тоном:

— Ну совсем как Благг, а?

Тряпочка вся напряглась, однако продолжила путь.

В то утро по пути на работу возле дегтярни хульдру постигла неудача. Она размашистым шагом обгоняла строй, проверяя, кто как идет, и, поравнявшись с Задирой, вдруг запнулась, и тут ее толкнули в плечо. От неожиданности Тряпочка потеряла равновесие и окунулась головой в чан со свежевыгнанным дегтем. Когда помощница Благга, фыркая и отплевываясь, приняла вертикальное положение, она своим черным лицом и искрящимися волосами более всего походила на смоляное чучелко.

Дети засмеялись.

— Заткнитесь! — с трудом выдавила из себя Тряпочка. — Заткнитесь, заткнитесь, заткнитесь!

Она комично шлепала губами и яростно терла глаза, пытаясь убрать деготь.

— Ты! — взорвался Благг. — Гребаная безмозглая соплячка! Убирайся! Марш прямиком в ванную и отмойся! Чтоб этой дряни у тебя на морде к полудню не было, даже если ее придется отдирать вместе с кожей.

— Но я не виновата! — скулила хульдра. — Это...

— Вон! — Надсмотрщик развернулся, оглядел строй и ткнул толстым пальцем в Задиру. — Ты! Бегом на склад! Получишь жилет посыльного. И имей в виду, новый! Самый лучший, какой у них есть! Видит Цернунос, ты не подарок, но на сегодня сойдешь.

— Да, сэр; совершенно верно, сэр. — Задира ухватился за свой отросший чуб и, якобы убирая его с глаза, низко-низко склонил голову. Никто не видел выражения триумфа, промелькнувшего на лице полукровки.

Джейн не могла припомнить, когда еще день тянулся так долго. Хотя им вообще не дали никакой работы — сегодня хозяева больше пеклись о внешности кабальных и держали их подальше от смазки и политуры, — детей без остановки гоняли по всему заводу, строили, разбив на группы, перестраивали, снова собирали вместе и гнали дальше. Состояние общей тревоги быстро передалось им и длилось с утра до второй половины дня.

Ближе к вечеру наконец-то прибыл генеральный инспектор.

Впереди эльфийского лорда по всему заводу катилась волна ужаса. Все, до последнего кобольда и корригана, храброго рябинника и трусливого мухаря, знали — приближается генераль-

ный инспектор. Перед его непосредственным появлением воздух наполнялся мерцающим светом, и за мгновение до того, как высокий эльф выворачивал из-за угла и входил в помещение, все головы непроизвольно оборачивались к выходу, а любая работа замирала.

И вот он возник в дверях.

Высокий и величественный, в итальянском костюме с тисненым шелковым галстуком. В белой каске. Его лицо с квадратным подбородком поражало сверхъестественной красотой, а волосы и зубы — безупречностью. Двое высокопоставленных тилвит-тегов с папками под мышкой сопровождали генерального, а следом за ними семенил финансовый аналитик из бухгалтерии с головой стервятника.

Благг, гордо выпрямившись, застыл в приветственной шеренге разномастных менеджеров среднего и высшего звена. Лицо надсмотрщика блестело, как хромовый сапог, отсвечивали старательно отполированные поверхности рогов. Задира — невольный соучастник его величия — молча замер чуть позади. Рядом, слегка скособочившись, с нервной улыбкой потирал руки старый Гримпке. В центре монтажной площадки на возвышении покоился его экспериментальный образец.

Рабочих выстроили вдоль стен, расставив по габаритам и по обязанностям, словно инструменты на стенде. За спиной у Благга притихла ровная шеренга перепуганных детей. Тряпочке досталось место на дальнем от Джейн конце строя. Лицо хульдры от сдерживаемой ярости полыхало не хуже раскаленного горна. В процессе приведения себя в порядок ей пришлось состричь большую часть волос, и вид у нее сделался ощипанный, перекошенный и совершенно непригодный для торжественного сопровождения надсмотрщика.

Задира обернулся, пристально поглядел на Тряпочку, затем кивнул подменышу. Быстро распахнув и снова запахнув рубаху, он продемонстрировал почти неуловимый отблеск прижатого к телу белого картонного прямоугольника.

У него за пазухой лежала перфокарта Благга.

Джейн, как никто другой изучившая полукровку и осведомленная о его планах, увидев, как Задира беззвучно зашевелил губами, сумела, не особенно напрягаясь, разобрать то, что он ей говорил.

«Идем со мной».

«Нет», — помотала головой Джейн.

Полукровка вытянул руку, словно хотел взять ее за запястье.

«Мы же маленькие — карта укроет нас обоих».

Джейн отдернула руку: «Нет!»

Он воздел бровь, и его глаз наполнился холодным механическим светом. Разворачиваясь в сторону Благга, Задира вдруг приобрел непривычно надменную, аристократическую осанку.

— Что это было? — шепнул Крошка Дик. — Что за белая штука у него под рубашкой?

— Да, что? — эхом повторила Малявка.

— Заткнитесь! — уголком рта прирыкнула на них Джейн.

Огр в белой рубашке оглянулся на них через плечо, и все трое поспешили изобразить саму невинность.

Она видела! Стальной блеск единственного глаза Задиры не имел к полукровке никакого отношения. Из мальчишеского тела на все происходящее вокруг холодно взирал 7332-й. Чуждый разум овладел сознанием ее друга и превратил в свой послушный инструмент. Но зачем ему это понадобилось?

«Не надо, не надо, не надо! — взывала Джейн. — Задира, не позволяй ему властвовать над тобой».

И дракона она тоже умоляла: «Не надо, не заставляй его делать этого, ну пожалуйста, ну не надо!»

И к Богине несся ее напрасный зов: «Не надо, останови время, останови движение, уничтожь весь мир, останови солнце на орбите, только не позволяй этому продолжаться!»

Теперь, когда все стало ясно, Джейн наконец ощутила, сколь велико и всеобъемлюще могущество 7332-го. Дракон отнюдь не довольствовался ролью пассивного наблюдателя. Его воздействие распространилось вокруг и проникло всюду, образуя сплошную текучую среду, где и сама Джейн, и все вокруг двигались подобно рыбешкам в полном опасностей океане.

Судя по положению головы, 7332-й сосредоточил взгляд полукровки на экспериментальном образце. Ночи, проведенные Задирой над гримуаром, оказались вовсе не пустой тратой времени. За несколько дней дракон создал устойчивый канал, по которому и вторгся в его сознание, полностью подчинив себе. Слишком поздно Джейн это сообразила.

Управляющий заводом пожал руку генеральному инспектору и представил начальника бухгалтерии. Эльфийский лорд изящно двинулся вдоль шеренги, твердо глядя в глаза и время от вре-

мени подчеркивая свои рукопожатия шуткой или похлопыванием по плечу.

Церемония продолжалась в неторопливом темпе ритуального действа. В какой-то момент Задира подал Благгу запечатанную пачку производственных расчетов, Благг вручил их эльфийскому лорду, генеральный передал их старшему из двух тилвиттегов, тот — младшему, а младший — финансовому аналитику, который не глядя сунул пакет под мышку. Червяк зевнул и заработал от Тряпочки тычок локтем.

Наконец чиновники, словно увидели его в первый раз, приблизились к экспериментальному образцу. Гримпке, сняв крышку с панели доступа, продемонстрировал мешанину набитых в драконью лапу эксцентриков.

— Ошнь важно, — изрек он. — Эт' увлфщчитт работу, ввидти?

Кое-кто из высшего начальства поморщился, но генеральный продолжал смотреть ободряюще и ласково улыбался. Гримпке запустил руку внутрь механизма, раскрыл рот для дальнейших объяснений, и... искра проскочила между его пальцами.

Инженер успел вскрикнуть.

Из недр экспериментального образца взвилась огромная сияющая шаровая молния. Она поглотила и вобрала в себя тех, кто стоял ближе. Костюмы и лица растворились в исходящем от нее свете. Белая каска упала на пол и запрыгала прочь. Все пришло в движение. Занялось пламя.

И тишина раскололась.

Волна теплого воздуха ударила Джейн в лицо. Шатаясь, словно оглушенная подушкой, она отступила на несколько шагов назад. В ушах звенело. Тело разваливалось по кусочкам. Мир рассыпался на множество отдельных картинок, и зрение не успевало складывать их воедино. Тилвит-тег горит, бежит, падает. Меньший из великанов согнулся пополам в истерическом, неверящем хохоте. Кто-то, кувыркаясь, летит по воздуху. Шлакоблоки взрываются, разбрызгивая гравий и чешуйки краски.

Помещение заполнилось густым серым дымом и черной вонью горящего ПВХ. Взвыли сирены.

Посреди фонтана огненных брызг с растерянным видом возвышался Благг. Столп в море хаоса, он даже не шевельнулся, когда свет прошел сквозь него. Одна рука надзирателя медлен-

но потянулась вверх, словно он собрался задать какой-то вопрос, и тело его рассыпалось серым пеплом.

Тонко заверещала Тряпочка — очередь из осколков прострочила ей на лице аккуратную дугу, всего на волос миновав губы, нос и глаза. Остальные дети скакали, уворачивались от искр и хлопали себя по телу ладонями.

Джейн не замечала ничего вокруг. Она, казалось, с самого начала времен смотрела и смотрела на Задиру.

Возле выхода, на стене, матово поблескивала серой эмалью металлическая коробка. Охранное устройство, один из младших отпрысков Часов Времени, не имело глаз, но слепым не было. Бессильным тоже.

Тело Задиры, усохшее и тонкое, словно лист скомканной бумаги, лежало поперек дверного проема. Струйка дыма вилась из грудной клетки. Никто, кроме Джейн, второй вспышки не заметил. Ярче основного взрыва, она вырвалась из-под его рубахи в тот момент, когда полукровка метнулся мимо охранного устройства и уже ступал за порог. Прямо в том месте, где секунду назад находилась украденная перфокарта. Джейн видела вспышку, видела, как мальчишка изогнулся в агонии, насквозь прошитый жестокой молнией, слышала короткий вскрик, резкий, словно голос ночной птицы.

Она не мигая смотрела на Задиру, а он лежал мертвый.

Дети инстинктивно жались друг к другу. Среди дыма и треска пламени, воплей и бессвязных команд Тряпочка удивленно произнесла:

— Благга убило.

— И Задиру, — добавил откуда-то из-за спин мальчик-тень. — Они отправились в Спиральный Замок вместе.

Странность такого поворота событий, абсурдность переплетения двух совершенно разных судеб заставила всех на миг умолкнуть. Наконец Колючка подала голос:

— Что нам теперь делать?

Она жалобно смотрела на Тряпочку, но та не слышала. Происшествие напугало ее не меньше всех остальных. Она дрожала, оглушенная и потрясенная, лицо ее побелело как снег, лишь изящная линия из крохотных точек крови отмечала место, где прошла очередь из осколков.

«Ну и вожак», — ядовито подумала Джейн.

Мимо, шатаясь, брел охранник с ослиными ушами и в рваной белой рубашке.

— Ждите здесь, — велел он, останавливаясь возле каждого из кабальных и прикасаясь к их плечам, словно боялся остаться без опоры. — Скоро здесь будет начальник службы безопасности. Он наверняка захочет допросить вас.

Охранник пропал в дыму.

А потом в голове Джейн, наполняя ее решимостью и силой, вновь зазвучал голос дракона.

— Строиться! — рявкнула она. — По росту становись. На выход!

Все смиренно повиновались.

Джейн вывела их из здания и повела по территории завода. Спасательные бригады все еще суетились на месте взрыва. Ночь заполнилась воем сирен, светом мигалок и вонью горящей проводки. Грузовики с погрузчиками беспокойно ворочались в своих стойлах, издавая тревожные механические крики. Дети, словно под прикрытием заклятия невидимости, шагали в ногу сквозь царивший вокруг хаос. Решительный вид Джейн защищал всех от излишнего внимания. Никому не пришло в голову остановить их и задать вопрос, куда и зачем они направляются.

Она вела их в пятый корпус. Некоторые — самые маленькие — еще кашляли и отплевывались. Кое-кто тихонько всхлипывал и шмыгал носом, но за этих можно было не беспокоиться. Вот когда Почесучка запрокинула голову и завыла, пришлось отвесить ей аккуратную оплеуху. Помогло.

У лестницы в их каморку Джейн немного посторонилась и рыком вперемежку с пинками погнала кабальных наверх. Дождавшись последнего — Червяка, разумеется, — она сдернула аптечку, висевшую на крюке сразу за дверью Благга.

Первым делом следовало заняться травмами. К счастью, поранило немногих. Дети в основном отделались шоком. Когда подошла очередь Тряпочки, хульдра из стадии тихой истерики впала в буйную.

— Мое лицо! — вопила она. — Как я теперь буду выглядеть?!

— Как чудовище, — порадовала ее Джейн, — если не вытащить эти штуки. Теперь заткнись и не мешай мне.

Набор подручных инструментов не отличался разнообразием, но она сделала все возможное. К концу процедуры под ко-

жей у Тряпочки осталось лишь несколько черных вкраплений. Скорее всего, они не представляли серьезной угрозы. Выдав тем, кто пребывал в самой тяжелой истерике, по дозе морфина, Джейн объявила отбой.

Теперь главной стала она.

Оставалось надеяться, что ненадолго.

Наконец дети заснули, и Джейн выбралась на крышу понаблюдать за развитием событий. Спасательные машины, изрыгая дым и пламя, без устали рыскали взад и вперед. Гибель такой значительной фигуры, как генеральный инспектор, привела в движение — продуктивное или нет, не важно — весь завод.

Порядок медленно восстанавливался. Чародеи в оранжевых защитных костюмах повылезали из лабораторий и расхаживали повсюду с кадилами и курильницами, оставляя за собой шлейфы радиоактивного дыма. Они бормотали заклинания, от которых даже воздух вокруг цепенел от ужаса, и там, где дым касался земли, проступали светящиеся знаки. Замысловатые узоры вдоль и поперек исчертили территорию завода. Синие, красные и желтые полосы напоминали спятившую схему электропроводки, окружности и прямые линии встречались под немыслимыми углами и расходились снова. Чародеи надеялись отследить источник магического воздействия, но, судя по всему, не особенно преуспели — ни одна линия не вела к 7332-му.

Джейн полночи проторчала на крыше, опасаясь, как бы не обнаружили ее дракона. Она бледным пятнышком выделялась посреди черного рубероида, и заметь ее кто-либо, он непременно счел бы подменыша духом-покровителем вспомогательных и складских помещений на его законном рабочем месте.

7332-й позвал ее, когда луна доползла почти до линии горизонта.

Джейн спокойно спустилась с крыши, оделась и взяла гримуар, кристалл и орех из бронзы. Открыла дверь ключом Благга и, не оглядываясь, направилась из пятого корпуса к сборочному цеху. Она больше не боялась заводской охраны. 7332-й вполне мог позаботиться и о ее, и о своей безопасности.

Один из драконов отполз в сторону, пропуская подменыша на сортировочную площадку. Гордость не позволяла им неприкрыто глазеть на идущего мимо ребенка, однако Джейн заме-

тила несколько брошенных искоса взглядов. Выражения морд у стальных чудовищ оставались надменными и непроницаемыми. Их навигационные огни яркими струнами красного, зеленого и белого света повторяли контуры вороненых корпусов.

Джейн добралась до 7332-го и ступила на трап. Она продолжала чувствовать себя невидимкой.

В кабине зажглись неяркие огни. Сегодня защитная маскировка отсутствовала. Люк позади с лязгом захлопнулся.

— Ты убил его.

Из неосвещенных глубин корпуса донесся голос, внешне спокойный, но с нотками нетерпения:

— Я должен был достаточно надолго отвлечь силы безопасности, чтобы закончить приготовления. Тебе ли горевать о капле пролитой эльфийской крови?

Джейн не сразу сообразила, о ком идет речь.

— Я про Задиру! — пояснила она. — Ты использовал его. Ты заставил его украсть перфокарту Благга, зная, что случится, когда он попробует ею воспользоваться. Только чтобы замести собственные следы.

— Мальчик? — Голос дракона звучал озадаченно. — В нем нет ничего особенного. Таких я могу наловить тебе, сколько пожелаешь. Садись, — ласково позвал он. — Нам пора покинуть эту тюрьму ради неба и свободы.

Джейн машинально опустилась в кресло и позволила сервомеханизмам обнять ее. Стиснув черные рукояти, она повернула левую на одну четверть. Сдвоенные иглы скользнули в запястье. Зрение поплыло, изменилось, и в следующий миг глаза подменыша стали глазами дракона, кожа через дублированную нервную систему ощутила дохнувший на железную броню холодный зимний ветерок. Маленькой человеческой девочки уже не было. Место Джейн заняло нечто большее, нежели просто живое существо, и лучшего состояния ей переживать еще не доводилось.

— Прогреть двигатели, — прозвучала первая в ее жизни команда.

— Молодец, детка!

Раздалось бульканье — электрические насосы погнали топливо к турбинам. Где-то зародился нестерпимо высокий гул. Он нарастал, пока не заполнил вселенную. Джейн не оглохла только благодаря мягким плотным наушникам.

— К взлету готов, — сообщил 7332-й. — Теперь вставь ключи.

Она подергала туда-сюда рычажки тумблеров, проверяя, включены ли навигационные системы.

— Это необязательно, — раздраженно буркнул дракон. — Тебе надо просто вставить ключи.

Дикий вой пробился сквозь рев двигателей. К первому голосу присоединился второй, а затем и третий. Сирены включились по всему заводу. За воем сирен слышалось не такое громкое, зато более пронзительное тявканье и визг псов-киборгов. Это могло означать только одно: их раскрыли. Наверняка, стоило им включить турбины, как в сторону нового источника энергии, заполыхав неоновым светом, устремилась целая паутина силовых линий.

— Быстро! — скомандовал 7332-й. — Нас обнаружили.

Рубиновый кристалл и бронзовый орех лежали у Джейн в боковом кармане. Она неудобно полусидела на них.

— Назови мне свое имя.

На дальнем конце площадки появился тролль в униформе заводской охраны. За ним бежали его соплеменники. Их зрачки светились на фоне черных силуэтов. У каждого с титановых поводков рвалось по пять-шесть псов-киборгов.

— Они приближаются. Мы должны взлетать сейчас или никогда.

— Твое имя!

Собак спустили. Стая с лаем мчалась к дракону. Первый с лязгом врезался в стальной бок и запустил в него алмазные клыки. Джейн громко вскрикнула от боли, собственной плотью ощутив повреждение обшивки.

— Если мы не взлетим сейчас, они нас схватят! — В голосе 7332-го сквозило отчаяние. Он отшвырнул пса, но ему на смену спешили новые.

— Это они могут.

Псы-киборги скакали вокруг дракона, норовя во что-нибудь да вцепиться. 7332-й, едва не сбрасывая Джейн из кресла пилота, уворачивался от лязгающих пастей. Его турбины надсадно выли, но он по-прежнему не мог перестроиться в полетный режим. Со стороны троллей неслись гневные вопли и яростные команды. 7332-й слегка приглушил сенсоры на обшивке, и тело подменыша словно онемело. Однако ей стало ясно — псы-киборги уже начинали причинять реальный вред.

— Ключи!!!

Джейн ждала. Даже наполовину слившись с драконом, не способная с уверенностью сказать, где кончается ее тело и начинается стальной механизм, она не сомневалась — 7332-й должен понимать, что подменыш не блефует. И без его имени, без власти, предоставленной им Джейн, никто никуда не полетит.

— Меланхтон, из рода Мельхешиаха, из рода Молоха! — выкрикнул дракон.

Его боль окутала подменыша призрачным пламенем. Казалось, гневом 7332-го ей опалило ресницы, а слитое с его разумом сознание безошибочно констатировало: он действительно назвал свое имя.

Джейн раскрыла гримуар на нужной странице и прочла коды запуска:

— Рекурвор. Рекусадора. Рекусамор.

Двигатели взревели с новой силой. Корпус задрожал.

— Рекуссус. Редассендо. Редактамос. — Она шлепнула на место кристалл. — Редадим. Редамбулес. Редамнавит.

Дракона встряхнуло от подавленной мощи. Джейн воткнула бронзовый орех в рецепторное углубление и повернула правую рукоять на четверть оборота вперед. Теперь иглы глубоко вошли в оба запястья.

— Старт!

— Гореть тебе в аду за это унижение! — пообещал 7332-й. В голове подменыша, то ли сознательно, то ли нет, пронеслась цепочка драконьих воспоминаний о жестокостях войны. — Я собственными когтями скормлю тебя Десятине.

— Заткнись и лети!

Они помчались вдоль сборочного цеха. Асфальт стонал под их тяжестью, пока дракон набирал скорость. Расправились, поднялись и поймали ветер огромные крылья. Псы-киборги отстали. Джейн истерически хохотала, и Меланхтон, к ее удивлению, тоже.

Он оттолкнулся от земли.

Джейн ощутила тряску первых секунд полета. Заводские стены сначала медленно, потом все быстрее неслись навстречу и вдруг промелькнули в опасной близости прямо под ней. Они покинули территорию завода. Дракон медленно набирал высоту.

Последний пес-киборг не удержал хватки и, визжа, полетел вниз навстречу собственной гибели. С какой-то дальней башни пробился радиосигнал. Спокойный эльфийский голос произнес без всякого выражения: «Вы нарушили границу воздушного пространства промзоны. Немедленно уступите диспетчеру все автономные функции».

Теперь Меланхтон, глуша переговоры, ревел свой боевой клич на всех частотах. Рассеялся, отразившись от озонового слоя, посланный им в стратосферу ионный луч и сбил с толку радары, заставив их бессмысленно метаться во всех направлениях. Далеко внизу по тревоге поднялись истребители-перехватчики гражданских ПДО. Звенья закаленных войной созданий жаждали новой битвы. Их крылья яростно стригли ночной воздух. Но слишком поздно.

Джейн хохотала, хохотала... и вдруг расплакалась. Она не могла перестать думать о Задире, не могла отогнать от себя образ его маленького неподвижного тела с выжженной грудной клеткой. Чувства ее до того обострились, а мысли до того перепутались, что отличить их от мыслей и чувств дракона представлялось весьма затруднительным. Все равно это не имело значения. Чувства 7332-го не могли затмить главного переживания, бурлившего внутри нее. Джейн ликовала.

Они поднимались все выше и выше.

ГЛАВА 6

Джейн жила, как дриада, в рощице низкорослых деревьев сразу за мусорной свалкой. Она устроила себе жилье в кабине того, что всему остальному миру представлялось ржавеющими останками древнего, поломанного дракона. Полуразобранный корпус с наваренными на иллюминаторы стальными пластинами глубоко ушел в глинистую почву. Лопасти тяговых двигателей навсегда застыли в одном положении.

Джейн слыла существом тихим, она как раз вошла в возраст и, сама о том не подозревая, очень похорошела. От нее постоянно несло холодным железом, и, по идее, само появление молодой незнакомки не могло не вызвать массу пересудов среди местных жителей. Однако ничего подобного не происходило. Соседи воспринимали ее — если вообще брали на себя труд вспомнить — как скучный, но неотъемлемый атрибут здешней жизни, ничем не примечательную лесовичку, обитавшую здесь столько же, сколько любой из них.

Всепроникающее влияние дракона хранило подменыша. Только она да 7332-й знали о ее человеческой природе и сравнительно небольшом времени, прожитом в здешнем лесу.

По будним дням школьный колокол осенял окрестности магическим звоном, возвещая о начале занятий. Молодежь сбегала с холмов, перепрыгивала через ручьи, появлялась из пещер и дверей загородных домишек, вываливалась из куп деревьев. Сила, во много раз превосходящая их собственную, влекла всех в школу, побуждая к учению.

Распахнув однажды утром входной люк, Джейн обнаружила, что в мир явилась весна. Промерзшая почва оттаяла и размякла до состояния грязи, наполнив воздух восхитительным запахом чернозема. Деревья стояли еще голые, черные и без почек,

но коричневая прошлогодняя трава уже дышала жизнью, выпустив из глубин каждой кочки нежные стрелки свежей зелени. Первый мерион пытался затащить к себе в жилье погнутую цинковую шайбу.

У задней лапы дракона распустился крокус. Джейн спрыгнула на землю и присела рядом с ним на корточки, восхищаясь, но боясь прикоснуться. Нежные, прозрачно-белые лепестки не имели запаха и дрожали от ветерка, создаваемого ее дыханием.

Вот так она и представляла себе свободу. Простая возможность задержаться, полюбоваться цветком, потратить время на бесполезное в общем-то занятие служила ей одновременно и символом и наградой, и хлебом и вином для ее души.

Колокол прозвонил снова, вызвав легкую судорогу в икрах ног.

Джейн резко поднялась. Она напялила широкополую шляпу а-ля Морган Калабрезе и сунула руки глубоко в карманы свободных брюк. Ветровку застегивать не стала.

Утро выдалось слишком хорошим, чтобы спешить. Как бы намеренно сопротивляясь колокольному зову, она легкой неторопливой походкой спустилась с холма.

Через минуту Джейн принялась насвистывать. Ничего не могла с собой поделать.

Даже когда она явилась на школьный двор и обнаружила, что он пуст, а двери школы закрыты — лишь одинокий неспадальщик крался по футбольному полю, — теплое ощущение утренней благодати не покинуло ее. Сегодня Джейн собиралась навестить молл; Крысякис обещал показать, как вскрыть билетную кассу в автобусе-подкидыше. Настроение ее не портилось до того момента, пока она не ступила на порог школьного здания, сложенного из красного кирпича. По серым рекреациям, от стены к стене, бесконечным прибоем в океане тоски колыхалось бормочущее эхо. Непременные лампы дневного света зудели свою нервную песню.

Из глубин коридоров донесся отвратительный вопль — мерзкая тварь, которую держал у себя в кабинете директор, решила прочистить горло. От ее голоса желудок Джейн вывернулся наизнанку, а по позвоночнику словно провели когтями.

Слегка ссутулившись, она порысила в класс.

При ее появлении жирный старый Хрюк надул щеки, как рассерженная жаба.

— Ну-с, мисс... — он метнул быстрый, почти незаметный взгляд на лежащий перед ним на столе список учеников, — Олдерберри, вы соизволили осчастливить нас своим присутствием? И с опозданием всего на шесть минут? Как мило! Возможно, вы не откажетесь поделиться с остальным классом причиной вашего столь любезного опоздания?

Джейн вспыхнула и уставилась в пол.

— Я смотрела на цветок, — сказала она.

Хрюк приставил к уху ладонь и согнул ноги в коленях, свесив свое круглое тело вперед.

— Что-что?

— Цветок!

— А-а, понимаю. — Преувеличенно серьезное выражение его лица спровоцировало в классе несколько отдельных смешков. — Погрузились в восторженное созерцание наших бесценных маленьких растительных друзей, да?

Теперь над Джейн открыто потешался весь класс.

Она чувствовала, как Хрюк на цыпочках скользнул ей за спину той мягкой, преувеличенно осторожной походкой, которую использовал, когда играл на задние ряды. Он очень гордился своим искусством лицедея и часто похвалялся перед учениками, будто именно оно позволило ему стать самым запоминающимся, а следовательно, и самым лучшим учителем в районе.

— Но, моя дорогая, моя милая мисс Олдерберри, разве вы не знаете, что цветами можно насладиться только тогда, когда они...

Хрюк уже подобрался сзади и гнилостно дышал ей через плечо. Джейн, сама не раз наблюдавшая это действо со стороны, представила, как он все ниже и ниже вжимает голову в плечи, пока острый подбородок и ухмылка полностью не утонут в жирных складках шеи и щек, оставив на безгубом лице один злобный серый свет, мерцающий из-под пыльных дисков его очков. Она знала, что сейчас последует, и догадывалась, какое наказание ее постигнет в случае сопротивления или выражения недовольства. В лучшем случае Джейн останется в классе после уроков, и тогда можно забыть о поездке в молл. В худшем — ей предстоит визит в кабинет директора. А попавшие туда удостаиваются чести на собственной шкуре познать, каково это — заглянуть в глаза василиску. Джейн крепко зажмурилась от предстоящего унижения.

— ...сорваны!!! — Жирные пальцы просунулись между ее ног и вцепились в промежность. Издав непроизвольный цыплячий писк, она неловко подскочила, выворачиваясь из хватки. Класс зашелся весельем, все истошно ржали, фыркали, хихикали, гоготали, словно никогда прежде не видели, как учитель разыгрывает эту шутку.

— Садись! — сурово приказал Хрюк. — У нас много работы и нет времени на твои глупости.

Как долог путь до задних рядов. Предназначались они для отстающих. Было там и ее место.

Джейн не успела толком ни с кем сдружиться, поэтому все одноклассники сливались для нее в трудноразличимое скопище причудливых безымянных созданий. Но даже знай она всех до единого, Крысякис все равно выделился бы среди злобных лиц и недобрых гримас. Два маленьких красных глаза безумно светились в глубине нечесаной копны сена. Кривая улыбочка умника. Слишком тощие и слишком вытянутые руки не соответствовали коренастому телу; но если привыкнуть, то их можно было бы счесть красивыми. Его удивительно длинные, с потрясающей гибкостью сочлененные пальцы могли дважды обернуться вокруг бутылки с кока-колой.

Когда Джейн села рядом, он тоже давил улыбку.

От обиды лицо сковало ледяным холодом. Она так вцепилась в край парты, что ногти побелели. Требовалось срочно как-нибудь снять напряжение.

Джейн дождалась, пока Хрюк, отвернувшись, нагнется за мелом, привстала на своем месте и продемонстрировала его жирной заднице весьма непристойный жест.

Видели только ближайшие соседи. На их смех учитель обернулся, но она уже успела плюхнуться обратно. Руки ее в поле зрения Хрюка не попадали, а лицо — ни виноватое, ни невинное — выражало угрюмость и готовность к обороне как раз в нужной пропорции. Сбитый с толку, педагог вернулся к доске.

Крысякис проглотил грубый смешок. Сиреневая дева поймала взгляд подменыша и улыбнулась. Джейн едва заметно кивнула в ответ и раскрыла учебник.

Пора учиться.

В обед она застыла в дверях столовой, озадаченная выбором свободного места. Садиться с гномами, мальчиками-с-пальчик или сверчками не имело смысла. Даже если бы ей удалось по-

меститься на один из их крохотных стульчиков. Они всегда держались чересчур обособленно, причем представители каждого из народцев на свой манер. Соседство ламии, гвархелла или храмника также отпадало. Лучше всего отыскать угловой столик, желательно с буфером в виде пустого стула между ней и теми, кто обедает рядом. Она вовсе не хотела выглядеть надменной недотрогой. Место между двумя разными группами также подходило — тогда можно смотреть прямо перед собой и не привлекать ничьего внимания.

В результате, поскольку вариантов получше не нашлось, она уселась рядом с Крысякисом.

Тот увлеченно трепался с долговязым типом по имени Питер с Холмов. Джейн встречала его пару раз на занятиях. Питер носил травленные кислотой джинсы и джутовую куртку с изображенной на спине «Дикой охотой» во время их турне «Трубят рога Эльфландии». Юный фей имел плохой цвет лица и хорошую стрижку. Когда Джейн пристроилась за их столик, он посмотрел поверх нее и обратился в пространство:

— Чья козочка?

Она напряглась.

— Это со мной, — ответил Крысякис. — Ты не против?

Питер пожал плечами:

— Мне по фигу.

Джейн ела молча, боясь присоединиться к беседе. Речь шла о машинах — похоже, Питер был докой по этой части, — о психологии крылатых драконов, отклонениях в поведении древнего сверлильного станка, содержавшегося при школе столько, сколько помнили даже самые отпетые второгодники, и которого можно было бы давно усыпить. Она слушала как завороженная. У них на уроках, если об этом вообще заходила речь, машин касались чисто теоретически. Джейн несказанно завидовала практическому опыту мальчиков.

Когда она взяла поднос и собралась уходить, Крысякис небрежно бросил:

— Так ты вечером, да?

Джейн кивнула и смылась.

Поскольку уровень школьной подготовки подменыша сильно недотягивал до уровня остального класса, ей приходилось каждый день после уроков оставаться на два часа дополнительных занятий с Бледным человеком. Высокое тонкое создание

носило бежевые слаксы, белую рубашку и парусиновые туфли. Цвет его кожи всегда оставался таким же безжизненным, как и одежда, а глаза были еще мертвее.

Он, как всегда, не отреагировал на ее появление. Бледный человек неподвижно сидел на деревянном стуле, сложив руки на коленях, спиной к доске, уставившись в пустоту прямо перед собой.

— Здравствуйте... Меня прислали сюда на дополнительные занятия...

Он поднял глаза на подменыша. Слабо кивнул. Неторопливо, без эмоций взял книгу, открыл ее, перелистнул страницу, вернул назад.

— В небе имеются три звезды, — произнес Бледный человек, — движущиеся вокруг Юпитера. Блуждающие звездные тела устанавливают малый зодиакальный процесс этому страннику в его величавом двенадцатигодичном шествии вокруг Солнца.

Приходилось изо всех сил сосредоточиваться, чтобы уловить значение его слов, настолько бесстрастно они произносились. Не делай Джейн над собой усилий, под его монотонный бубнеж она непременно унеслась бы за пределы реального мира. Бледный человек запросто мог ей это позволить. Ему не было до нее никакого дела. Репетитор происходил из какого-то лесного народа. Изгнанный из родной среды, он усох и ослаб и, казалось, вообще не до конца отдает себе отчет в том, где находится. В нем напрочь отсутствовала присущая всем прочим живым существам естественная сила и энергия.

Продолжая бубнить, Бледный человек щелчком выудил из мятой пачки мятую сигарету, разгладил ее между пальцами, сунул в щель рта и похлопал себя по карманам в поисках спичек.

Джейн тихонько вздохнула. За окном виднелся разукрашенный зимними деревьями горизонт. Она с тоской подумала про Крысякиса и поход в молл.

Что поделаешь, надо выполнять свою часть договора. Дракон предоставил ей жилье, защиту и питание. Запасы продуктов дважды в неделю привозили прямо к входному люку. Могущества стального чудовища вполне хватало на какую-то техническую уловку со службой доставки, но для полного восстановления собственного тела ему требовался квалифицированный инженер. Джейн, в нынешнем своем невежественном состоянии,

ничем ему помочь, разумеется, не могла, и, с ее точки зрения, они заключили честную сделку. Невзирая на личные отношения, дракон и подменыш нуждались друг в друге. Дополнительные занятия с Бледным человеком, несомненно, являлись частью той цены, которую она согласилась заплатить.

— Извините, — робко произнесла Джейн, — но какое воздействие эти малые планеты оказывают на наше поведение и нашу судьбу? В смысле, понимаете, астрологического влияния?

Репетитор оторвался от книги.

— Никакого.

— Вообще никакого?

— Да.

— А что оказывает? В смысле, управляет нашими судьбами.

— Единственные внешние силы, имеющие на нас какое-либо влияние, — это те, что мы встречаем каждый день: улыбка, нахмуренные брови, кулак, кирпичная стена. То, что ты называешь судьбой, просто семантическое заблуждение, видимость придания цели слепой случайности. Поскольку любой из нас обречен противостоять потоку случайных событий, нами движут исключительно внутренние побуждения и силы.

Джейн уцепилась за последние слова.

— Тогда, по вашим словам, получается, что наша судьба заключается в нас самих, так?

Он покачал головой.

— Если так, то ее значение неуловимо мало и им можно пренебречь. Я бы не советовал полагаться на столь незначительную величину.

Холодная бездна отрицания распахнулась вокруг Джейн, протянувшись в бесконечность одновременно по всем осям и совершенной сферой объяв всю вселенную. Жизнь, представленная ей Бледным человеком, — хаотичная, лишенная истока, цели или направления, — казалась невообразимой. И все же он настолько очевидно пребывал по ту сторону границы мира иллюзий, утешений или желаний, что Джейн просто не могла заподозрить его в неискренности. Бледному человеку не было нужды обманывать ее.

— Но все, кого я знаю, верят во влияние планет.

— Да. Верят.

Она ждала продолжения, но Бледный человек больше ничего не сказал.

— На введении в астрологию нам рассказывают, что у каждого существа есть звезда-покровительница и что каждой звезде соответствует свой камень, цвет и музыкальный тон, а также растение, являющееся лекарством от болезни, вызываемой затмением данной звезды.

— Все неправда. Звездам нет до нас ни малейшего дела. Даже наше полное исчезновение никак на них не отразится.

— Но почему?! — воскликнула Джейн. — Если это неправда, зачем нас этому учат?

Сухой палец наставительно, без всякого раздражения, постучал по книжной странице.

— Преподавание любого предмета требует учебников, таблиц и наглядных пособий. К тому времени когда совокупность информации, классифицированная как астрологическая, была дискредитирована и устарела, само ее наличие уже представляло интерес для определенных кругов. Эти определенные... персонажи наживаются на поставочных контрактах.

Запах меловой пыли драл ноздри — статическая эманация мертвых молекул, подвешенных в неподвижном воздухе, и ничего больше. Джейн чувствовала их вкус во рту.

— Но если дело обстоит так, как вы говорите, тогда все бессмысленно. Верно? Я хочу сказать, тогда вообще ничто ничего не значит, так?

— *Acu tetigisti,* — произнес Бледный человек своим бесстрастным голосом. — Ты прикоснулась к этому иглой.

Джейн передернуло, словно по ее могиле пробежала крыса. Ну конечно! Случайно произнесенное истинное имя Задиры вызвало к жизни с таким трудом подавленные образы. Однако в глубине души маленький и верный колокольчик сигнализировал о попытке собственного сознания подсунуть ей более удобный, но совершенно ошибочный вариант ответа.

На самом деле только что снова что-то куда-то стронулось. Только непонятно — что и куда.

Молл воплощал в себе все фантазии Джейн и даже немного больше. Он поднимался из изящно стесанной вершины холма на белых мраморных колоннах, а крыша его выгибалась куполом цвета травы. Девочка нервно прошла мимо загона, где хромированные скакуны фыркали, били копытами об асфальт и пускали струйки масла.

— Вперед, — с раздражением прикрикнул Крысякис, — не будь такой клячей!

Через ворота слоновой кости он подвел ее к главному входу.

Внутри центра времени не существовало.

По всему зданию лилась тихая музыка. Свет продуманно расположенных светильников на бронзовых подставках, радуя глаз, бесконечно разнообразил фактуру и оттенки товаров, размывал границы теней и веселыми зайчиками отскакивал от зеркальных шаров, вращавшихся среди развешанных над головой рекламных флажков-указателей. Джейн казалось, само присутствие здесь облагораживает ее, одну из тысяч элегантных покупателей, чьи вкусы призван удовлетворять весь этот мягкий ненавязчивый мир внутри этих стен.

В воздухе пахло лилиями, кожей и шоколадным печеньем.

— Мы здесь для дела, — наставительно напомнил Крысякис.

Молл вмещал в себя сотни великолепных магазинов, каждый словно шкатулка с драгоценностями. Аудиосистемы, парчовые одеяния, изумрудные туфли — ряд за рядом дорогие товары заполняли полки. Богатство множилось и повторяло само себя в таком изобилии, что сознание не могло вместить его целиком. Джейн застыла перед витриной с вывеской «Der Zauberberg»[1]. Ее отражение накладывалось на кубки из резного хрусталя, пепельницы, графины, пресс-папье и чаши, каждая алмазно-острая грань отбрасывала радужные блики, а за ее спиной витали смазанные призраки мускатных деревьев, фонтанов и эскалаторов. Голова пылала от всей этой сладкой роскоши.

Крысякис схватил оторопевшую до полуобморочного состояния Джейн за руку и поволок в ближайший бутик. Заведение называлось «У Уленшпигеля».

— Кончай зырить! — раздраженно произнес он. — Вот. — В кармане у подменыша сам собой материализовался небольшой, но увесистый предмет. — Держись спокойно.

— Что? — Она выпучила глаза и шепотом поинтересовалась: — Что это?

— Часы. — Крысякис скроил строгую гримасу. — Не шипи так, ты привлекаешь к нам внимание.

Джейн робко позволила ему провести ее еще по нескольким торговым точкам. Разговаривая совершенно нормальным

[1] «Волшебная гора» *(нем.)*.

голосом, абсолютно естественно замолкая, когда кто-либо оказывался слишком близко, Крысякис прочел ей лекцию о мерах безопасности и наиболее тонких моментах магазинной кражи.

— Золото не хватай, — предупредил он, останавливаясь перед ювелирной лавкой. — Оно только для виду. Настоящее хранится в сейфе в задних помещениях. А это дерьмо, которое на витрине, живет всего день. Пока несешь его домой, оно превратится в сухие листья или в камешки. А то и в дохлую мышь.

Джейн ойкнула.

Крысякис показал расположенные наверху по углам неприметные антиворовские амулеты, заколдованные зеркала, позволявшие гоблинам-охранникам вести дистанционное наблюдение за торговым залом, серебряные броши, кричащие «Вор!», если их без разрешения хозяина вынуть из футляра. Он определенно знал толк в своем деле.

Ни на «Enchanté»[1], ни на «Модные штучки Матушки Холле» Крысякис не покушался — и вообще, как заметила Джейн, любое заведение, принадлежащее высоким эльфам, он игнорировал. Крысякис выбирал магазины, где толпились представители всех рас и сословий и само их присутствие не привлекало внимания бдительного ока сотрудников охраны.

— Теперь твоя очередь.

— Но я не могу!

Крысякис пропустил ее «не могу» мимо ушей.

— Вон тот — «Элидонское древо». Только не трогай в дальнем конце шарфы с платками. Они заклятые. Я проверил, когда мы проходили. Это как слабый электрический удар. — Он ее подтолкнул. — Буду ждать у источника.

Джейн, сама не помня как, оказалась внутри магазина. Она медленно двинулась между стеллажами со спортивными костюмами цвета вишни и давленого лайма, задержавшись перед выставочным стендом с парфюмерией. Недоумевая, словно во сне взяла в руки бутылочку свинцового стекла «Merde du Temps»[2] от Риччи Иса. Прелестная вещица великолепно умещалась в ладони.

— Вам помочь?

---

[1] «Чарующий» *(фр.)*.

[2] «Дерьмо времени» *(фр.)*.

Рядом материализовалась ведьма — аристократически острые скулы, кожа модного трупно-бледного оттенка. Судя по выражению ее лица, в необходимости предложенной помощи она весьма сомневалась.

— Нет! — Джейн поспешно вернула духи на место. — Просто... просто смотрю.

Ведьма с ледяной улыбкой чуть отступила. Джейн отправилась вглубь магазина.

Куда бы она ни свернула, ее спина постоянно чувствовала давление взгляда бдительных глаз, сила этого взгляда ощущалась почти физически, она толкала ее все дальше и дальше в недра магазина, пока девочка не уперлась в крайний стеллаж. Ее пальцы машинально принялись теребить красно-черный шейный платок с каемкой из белых черепов и кельтскими спиралями по углам. В этот момент ощущение пристального взгляда исчезло: вероятно, какой-то посетитель отвлек ведьму и она выпустила из поля зрения подозрительную лесовичку. Джейн торопливо сунула платок под рубашку.

Только тогда в ее памяти и всплыло предупреждение Крысякиса.

На мгновение Джейн съежилась. Сейчас ее ударит молния или примчатся охранники и когтистая лапа сомкнется на ее запястье. Тишина. Джейн вопросительно уставилась в верхний угол с охранным амулетом. Под потолком болталась знакомая связка костей и перьев. Точно такая же, или почти такая, висела над дверью каптерки Благга.

Амулет не действовал на существо человеческой крови.

С колотящимся сердцем она непринужденно двинулась к выходу.

Крысякис поджидал ее на скамье у святого источника в дальнем конце молла. По дороге туда Джейн заскочила в туалет, вынула добычу из-под рубашки, чтобы удостовериться в реальности пережитого, и переложила в рукав. Вскочив на замшелый камень из тех, что огораживали источник, она поднялась на цыпочки и закружилась в танце, став на мгновение такой же дикой, как любая девчонка из ее класса. Затем сложила пальцы в кулак, через него, жестом фокусника, вытянула из рукава платок и замахала им в воздухе.

— Нравится? — поинтересовалась она, смеясь над проступившим на лице Крысякиса выражением крайнего изумления.

— Как ты это сделала? — спросил он с подозрительным видом.

— А-а, — с беззаботным видом ответила Джейн. — У меня тоже есть способы. — Она облизнула губы. — Давай еще раз.

Карманы ее штанов распирало от всякой всячины, а на шее развевался красно-черный платок. Они провели в молле часа два, если не три, однако наружу вышли в ту же минуту, что и вошли. Джейн едва не развернулась кругом, исполненная готовности продолжить рейд по магазинам, но Крысякис схватил ее за руку. Парня сильно задело такое воодушевление спутницы от нового занятия. Возможно, его опыт магазинных краж вовсе не отличался таким совершенством, какое он пытался продемонстрировать.

Ну и ладно! Разве это могло помешать Джейн вернуться сюда самостоятельно?

— Я дома!

7332-й не ответил. Он никогда не отвечал. За все время, прожитое ими за свалкой, дракон ни разу не заговорил с ней. После их единственного безумного и великолепного ночного полета Меланхтон полностью ушел в тень.

— Нас станут искать, — сказал он тогда. — Выполняй свои обещания — и никаких неприятностей не случится.

С тех пор дракон погрузился в молчание. 7332-й обладал сверхъестественным терпением, присущим всем боевым машинам подобного типа, однако на протяжении месяцев, прошедших с того момента, как Джейн в последний раз слышала голос железного ящера, она по-прежнему ощущала затылком его неотвязное, как вытаивающий из-подо льда прошлогодний мусор, присутствие.

Ей лишь осталось привычно разложить учебники и приступить к занятиям.

Снаружи донесся звук мягкого удара. Почти неслышно захлопали крылья, унося в сумерки чье-то тяжелое тело. Видимо, сова или мелкая гарпия добыла еду для своих малышей. Джейн дернула поручень, и заслонка иллюминатора отъехала в сторону. Небо снаружи было прекрасно. В сгущающейся синеве мерцали три низкие звезды. Красная бусина светилась на краю водяного резервуара.

Обычно в это время мимо свалки проносилась стая совсем юных вервольфов. Их отчаянный, исступленный вой долго разносился над дорогой, ведущей в парк. Джейн глядела им вслед и ловила себя на желании стать одной из них: носить грубую, скрипучую кожаную куртку и ботинки на толстой подошве с короткими хромированными цепочками над каблуками, со скучающим видом тусоваться в галерее в ожидании драки и слушать забойную музыку, возможно попробовав чуточку чего-нибудь запретного.

В такие ночи она частенько просиживала у иллюминатора до предрассветного часа, с нетерпением ожидая, когда они поскачут домой, полусонные, с перемазанными кровью мордами. Раз один из них, приотстав от стаи, обернулся в ее сторону. Взгляды их на мгновение пересеклись. Джейн тогда чуть не выскочила из опостылевшего ей жилища и, как была, босиком, едва не помчалась вслед за ним.

Как всегда, возобладал здравый смысл. Вервольфы — им палец в рот не клади.

Собственно, по этой причине и сегодня, и в другие ночи входной люк останется запертым. Она еще немного посидела у иллюминатора, развязала платок и расправила его на коленях. Его соткали из чистого шелка, а мастера-гномы окрасили вручную. Спирали текли от центра и, казалось, закручивались одна в другую. Джейн свободным узлом снова повязала его на шею и развернула широким углом вперед.

— Видел, что я раздобыла? Красиво, правда?

7332-й не откликался.

— Сворованный.

Тишина.

— Я ходила с одним парнем в молл, и он учил меня воровать. У меня хорошо получается.

Дракон по-прежнему молчал.

Каждый вечер, перед тем как уснуть, Джейн разговаривала с 7332-м или, молча медитируя, усилием воли старалась донести до него свои нужды. «Мои туфли износились, — думала она, — скоро мне понадобятся новые. И обувь на сырую погоду тоже. Деньги на учебники, новые джинсы, плакат с Брайаном Фаустом, одетым в черную кожу и со свисающим до бедра „стратокастером“». Иногда дракон слушал, но чаще — нет. И сегодня

наконец кумулятивный эффект от его безразличия поднялся в ней, вскипел и хлынул из глаз.

— Чтоб тебя разнесло! Почему ты мне не отвечаешь, сарделька летучая? Почему? — Сдув со щеки слезу, Джейн врезала кулаком по листовой броне. — Знаешь что? Я уже не верю, что ты живой. У тебя топлива оставалось всего на один полет, и ты его извел. Теперь ты просто куча железа. Может, в твоих сетях и есть еще ток, нечто вроде смутного сознания, но это все. Ты теперь как после лоботомии, даже говорить не можешь. Ты ничто! *Nada*[1]. Продать тебя на металлолом и не мучиться!

Никакого ответа.

Джейн гневно смахнула учебники с кресла пилота и плюхнулась в него сама. Книги соскользнули и рассыпались по стеганому одеялу, покрывавшему ее голый матрас. Она пока не успела обрасти сколько-нибудь осмысленным скарбом, но даже для тех скудных пожитков, которые у нее имелись, в кабине едва хватало места.

От прикосновения пальцев ожили навигационные системы. Панорама сомкнулась вокруг головы подменыша, и она снова увидела мир глазами Меланхтона. Дракон смотрел в землю. Джейн перестроилась на круговой обзор. Поле ее зрения теперь составляло 360 градусов, охватывая с одной стороны помойку с кустами и короткий крутой склон — с другой. Там виднелись узкие, покрытые гарью задние дворы закопченных придорожных кирпичных домиков, ржавеющие остовы велосипедов и других мертвых машин. В зрительном спектре дракона надписи на стенах сияли не хуже неоновых: «Эльфей на мыло!» и «Вся власть гномам!» — с парой скрещенных молотов под ней. В человеческой части спектра три окна мерцали потусторонней синевой телевизионных экранов.

Долгое мгновение Джейн будто балансировала на краю пропасти, готовая призвать 7332-го по имени. Первый слог так и вертелся у нее на кончике языка. Но потом к горлу подкатила сильнейшая, едва ли не до рвоты, тошнота. Нечто начало разворачиваться в ее мозгу.

Взгляд расфокусировался и обратился внутрь, на диагностику механизма; зеленые линии прокрутились и размножились в геометрической прогрессии, словно жили собственной жиз-

[1] Ничто, пустяк, ерунда *(исп.)*.

нью. Представленный в виде схемы, Меланхтон развернулся объемной картой сплошных разрушений и упадка. Каждая поломка и неисправность, каждый узел, требовавший вмешательства техника — смазки, замены перегоревшей проводки, изношенных узлов или деталей, — проступили с ослепляющей очевидностью. Вороненое стальное тело изрешетили, должно быть, тысячи ран, и каждая служила напоминанием о том, как Джейн собственной душой поклялась их все исцелить.

Присутствие 7332-го ожило вокруг нее массой холодного железа и холодной, холодной крови. Она ощутила себя муравьем на вздрагивающей от подземных толчков вершине горы. Дракон излучал ауру болезни и страданий, от которой, казалось, чернел воздух, и до подменыша впервые дошло — в нынешнем состоянии Меланхтон уподобился затравленному и обозленному на весь белый свет калеке. И как любое искалеченное существо, он может в любой момент выплеснуть свою боль и тоску на кого угодно, причем в форме наиболее соответствующей его прежнему могуществу и потребностям.

Благоразумие вернулось к ней, и вместе с ним пришел страх.

Руки внезапно похолодели. Она шлепком ладони выключила интерактивные устройства. Присутствие дракона угасло.

Спустя какое-то время девочка успокоилась и принялась собирать рассыпавшиеся книги. Пожалуй, она не будет называть истинное имя 7332-го. По крайней мере, не сегодня. Их следующую беседу придется отложить до более подходящего случая.

Но напечатанное в учебниках теперь напрочь перестало доходить до ее сознания. Семь раз подряд тупо пробежав глазами одну и ту же страницу, Джейн не смогла понять даже того, о чем там говорится. Она выпустила книгу из пальцев, перекатилась на спину и рассеянно уставилась в стальной потолок.

Через несколько секунд ее рыдания наполнили бронированную кабину.

Одиночество казалось ошеломляющим, изоляция — полной. Собственная неполноценность давила на нее подобно физическому увечью. Кому она нужна в этом мире, подменыш, маленькая воровка, отстающая по всем школьным предметам!

ГЛАВА 7

В своей основе материальный мир состоит из первичной материи. Хотя никто эту материю никогда не видел, поскольку существует она только потенциально, пока не оформится в стихии воздуха, воды, огня и земли, а также в бесконечное число элементов, являющихся производными основных четырех стихий. Творение происходит посредством выделений двоякого рода. Солнечный жар воздействует на океан и вызывает выделение пара, одновременно и влажное и холодное, и, следовательно, его результирующие соединения состоят в основном, но не полностью, из воды и воздуха. Но когда солнце воздействует на землю, происходит дымовое выделение, одновременно горячее и сухое, и его соединения являются по большей части смесями земли и огня.

Джейн любила алхимию. Ее зачаровывало изящество предмета. Путем двух операций из хаоса возникали четыре основных элемента и все вещи, происходящие от них. Разложенный на компоненты дуб полностью состоял из этой четверки в определенном сочетании. Это можно доказать, взяв в качестве примера полено и нагрев его до нужной температуры. Клубок начнет разматываться с выбрасыванием языков пламени и струй горячего воздуха — первых двух элементов. По мере прогорания на обрубленном конце полена начнут пузыриться смолистые жидкости — вода. Затем, когда прокаливание завершится, останется пепел, и этот последний будет четвертым элементом — землей.

— Дымовое выделение, — сказал Бледный человек, — соответствует мужскому началу, а паровое — женскому. Мерку-

рий — это лоно, в котором созревают эмбрионы металлов. Вот почему все великие алхимики — женщины.

«Женщины», — записала в тетрадку Джейн и трижды подчеркнула.

— Не понимаю, как можно по собственной воле стать Королевой Плетеной Лозы.

Трое одноклассников с недоумением уставились на Джейн.

— Для славы, — пояснил Хебог. — Она может прогуливать уроки, не сдавать экзамены, встречаться с кем взбредет в голову и разъезжать на огромной карнавальной платформе. А все смотрят на нее снизу вверх и машут руками. Она даже получает право носить эту дурацкую тиару. — Отхаркнув комок мокроты, он сплюнул. — Что тут такого непонятного?

— Да, но...

— Ой, не нуди. — Саломея извлекла из сумочки пачку тонких розовых сигарет и, не предлагая остальным, закурила. От девицы с вечно мокрыми волосами, свисающими с продолговатого черепа, постоянно тянуло плесенью. Еще она имела дурную привычку во время занятий грызть ногти на ногах. Саломея не особенно нравилась Джейн, но, за неимением лучшего выбора, приходилось общаться с ней и ей подобными. — Эта тема утомляет меня до безумия, да'агая. Поговорим о чем-нибудь другом.

— Ага. — Крысякис непринужденно отвесил подменышу оплеуху. — Смени пластинку, воришка.

— Эй, помяни черта, а Питер уже тут как тут, — подал голос Хебог. — Питер, дружище! Какие новости?

Хебог был из красных гномов. Эта разновидность гномьего племени обладала почти гротескной способностью из мрачного фатализма стремительно впадать в состояние щенячьего восторга.

— А, привет. — Питер с Холмов, не замечая остальных, рассеянно кивнул гному и обратился к Джейн: — Говорят, ты знаешь, как воровать пленки из того магазина в молле.

— Да, — ответила она, слегка опешив, — умею.

— А ты не могла бы мне рассказать как? Эта цыпочка-русалка, за которой я ухаживаю, ты же знаешь, какие они. Понимаешь, ей хочется, чтобы я достал конкретную запись, а у меня полный голяк.

— Джейн никогда... — начал Хебог.

— Хорошо. — Она заткнула гнома взглядом. В конце концов, разве не ей решать, когда и кому раскрывать свои секреты. — Расскажу. Видишь у меня эту маленькую красную кожаную сумочку? Я несу ее в правой руке расстегнутую, чтобы иметь возможность сунуть туда кассету левой рукой, когда никто не смотрит.

Остальные, особенно Саломея, вмиг навострили уши: с ними Джейн подобными вещами обычно не делилась. Крысякис внимал, сосредоточенно прищурив глазки.

— А как же охранный контур?

— Вот почему кассеты нужно прятать в сумочку, а не рассовывать по карманам. В тот момент когда я выхожу из магазина, я вроде как снаружи, в глубине молла, замечаю подругу, понятно? Мне же надо ее окликнуть, верно? И получается примерно так: «Саломея!» — Она в изумлении и восторге пропищала имя воображаемой подруги и, как бы привлекая ее внимание, замахала сумочкой, одновременно сделав на цыпочках несколько шагов. — Видите? Сумочка проходит над верхним краем охранного контура, а не сквозь него. Главное — держаться как можно естественнее, и тогда охранники не обратят на тебя внимания.

Одноклассники засмеялись и зааплодировали.

— У нее еще миллион в запасе, — гордо заявил Хебог.

— Не годится, — вздохнул Питер. — Это сработает только для девушки. — Он повернулся уходить. — Ладно, все равно спасибо.

— Погоди, — остановила его Джейн. — Какая пленка тебе нужна?

— Новый альбом «Единства противоположностей». Он называется «Мифаго».

— Я достану его тебе. В качестве услуги. Зайди завтра.

— Да? — Питер прищурился, словно впервые заметил ее. — Очень мило с твоей стороны.

Дождавшись, пока он уйдет, Крысякис поинтересовался:

— С чего это вдруг ты стала рассказывать ему такие вещи?

Джейн не нашла что ответить. На самом деле она действовала по наитию. Ей осталось лишь с неопределенным видом пожать плечами:

— Питер симпатичный.

— Влюбилась, — прокомментировал Хебог. — Вот уж безнадега! Этот парень обречен. У него просто на лбу написано.

— Как было предсказано под Горой, — хмыкнула Саломея, — «глубокие руны копья острие прорезало в сердце гранитном ее».

— Эй ты! — Гном стиснул кулаки и сердито уставился на нее. — Это не смешно.

Крысякис, шагнув между ними, толкнул их в стороны.

— Заткнись, Саломея. И ты тоже, Хебог. — Он наградил Джейн испепеляющим взглядом, как будто она спровоцировала стычку. — Однако он прав. Это хуже, чем безнадега. Эта сучка-русалка, за которой ухлестывает Питер, ты знаешь, кто она?

— Нет.

Возвещая конец перемены, прозвенел колокол.

— Ну, назад в шахты. — Саломея бросила сигарету.

— И тебя к черту, — отозвался Хебог.

Джейн поймала Крысякиса за руку уже у самых дверей.

— И кто?

Он самодовольно ухмыльнулся.

— Гвенайдви Зеленая. Ой, да ладно тебе, не надо так хлопать глазами. Ты ведь знаешь Гвен. Да-да, знаешь — это же Королева Плетеной Лозы собственной персоной.

Проводя много времени в молле, Джейн взрослела быстрее остальных девочек в классе. Любой посетитель мог бродить по торговым залам хоть по нескольку дней. Наружу он выходил не позже, чем вошел. Джейн выполняла там много домашних заданий. Она быстро осваивала предметы, и только предубеждение учителей, по-прежнему принимавших ее за глупую, вынуждало ее не прекращать занятия с Бледным человеком.

— Что происходит с Королевой Плетеной Лозы? — спросила она его в тот вечер.

Он перестал читать и посмотрел прямо-на-сквозь-за Джейн.

— Ты знаешь, что происходит с Королевой Плетеной Лозы.

— Да, но почему?

— Традиция. — Бледный человек вновь вернулся к тексту. — Слова, являющиеся транслитерациями с арабского, посредством метатезы включают в себя «абрик», более точная

транскрипция *аль-кибрит,* то есть сера; «алхитрам», от *аль-китран,* смола; «альмагест», или *аль-маджисти,* то есть...

— Почему такая традиция?

— Просто.

— Но почему?

Бесстрастный вздох поверг Джейн в состояние шока. Ей, возможно единственной из всех учеников школы, впервые удалось поймать Бледного человека на чем-то, отдаленно напоминающем эмоции.

— Существуют явления, — преподаватель отложил учебник в сторону, — которые могут быть познаны, и их мы изучаем ради достижения понимания и увеличения нашего могущества. Такими областями знания являются алхимия, метафизика и некромантия. На них и на родственных им науках построена вся наша индустриальная цивилизация. Но существуют иные, более темные явления и материи, которые не постигаются разумом. Намерения Богини непознаны и непознаваемы. По ее воле мы все, и мужчины, и женщины, исполняем свой танец, двигаясь по спиралям, вечно сходящимся в одной точке, — спиралям, что в конечном итоге влекут каждого из нас к его судьбе, и судьба эта всегда одна, и избежать ее нельзя. Она не объясняет нам почему.

— Вы говорили, что не существует внешних сил, управляющих нашими жизнями. Что не существует ничего, кроме случайностей и совпадений.

Бледный человек пожал плечами.

— Говорили! — повысила голос Джейн.

— Богиня непознаваема, и ее цели непостижимы, непредсказуемы и неотвратимы. Они с тем же успехом могут быть случайны. Мы проживаем наши короткие жизни в невежестве, а потом умираем. Вот и все.

— Но все умирают неизвестно когда, а Королева Плетеной Лозы умрет в этом году!

— Ты меня вообще слушала? — Короткими резкими движениями он сунул в рот свежую сигарету, прикурил и отбросил в сторону бумажную спичку. Та, сердито щелкнув, отскочила от классной доски. — Богиня желает крови. А что Богиня желает, то получит обязательно. Так или иначе. Если приносимая время от времени жертва отвлекает ее внимание от нас, что ж, тогда это вопрос большего блага для подавляющего большинства.

— Да, но...

Бледный человек поднялся — Джейн впервые увидела его стоящим — и прошел к окну. По классу за ним тянулась тонкая синяя струйка табачного дыма. Бумажные цветы, фигурки приапов, яйца, в честь наступления весны прилепленные к оконной раме, успели побелеть по краям. Окна класса выходили прямо на разгрузочную площадку школьной столовой. Дальнейший обзор закрывала задняя стена спортивного зала. Но преподаватель долго смотрел куда-то сквозь заплывшее потеками стекло и стальные ячеи решетки.

— Я не отсюда, — произнес он. — Там, где я родился, жил один молодой дурак. И этот дурак любил не Королеву Плетеной Лозы, а оренду, которую выбрали Кровавой Девой для закладки нового здания. Ее волосы полыхали как пламя, а чистая и безупречная кожа словно светилась изнутри... Он носил черное платье ученого. Как и ты, он полагал, что можно перехитрить бога Ворона. И вот он соорудил из цветов подобие своей оренды. Это было блестящее произведение искусства. Когда цветочную деву сжигали, она билась и кричала весьма убедительно. Они тайком переехали в далекий город, где ему удалось найти работу замещающего учителя. Он снял комнату на наши... их сбережения. Сначала они купили широкий матрас и телевизор, а потом холодильник, диван и кровать. И они были в меру счастливы.

Но однажды ночью воздух наполнился совами и недобрыми знамениями. Включенный телевизор застонал и заплакал кровью. В их доме случился пожар. Две сотни погибших. После этого ее глаза сделались молочно-белыми. Волосы встали дыбом и трещали от электрических разрядов.

«О Богиня, — вскричала она, — что мы наделали?!»

Он, как мог, утешал ее, но что толку? Судьбу не изменить. Ей суждено было сгореть. Ее вина была бесспорна. Она терзала оренду изнутри и обернулась такой жгучей лихорадкой, что кожа у нее покрылась волдырями и шелушилась. Я... он просыпался по ночам оттого, что постель дымилась и вот-вот могла загореться. Требовалось все время держать под рукой полное ведро воды.

Однажды меня разбудил жуткий синий свет. Она полыхала в центре комнаты, как ацетиленовая горелка, шипя и разбра-

сывая искры. Я в панике накинул на нее одеяло, пытаясь сбить пламя. Когда она пришла в себя, я уложил ее в кровать. Наутро она со мной не разговаривала, а только плакала. Вместо слез из глаз у нее шел пар.

Так продолжалось не день и не два. Я накоротко остриг ей волосы, чтобы они не загорелись. Я выбросил все спички, чтобы она не могла их съесть. Я отключил все электроприборы, чтобы не вспыхнула проводка. Каждое утро перед уходом на работу я поливал водой все тряпки и стены. Затем я запирал ее в комнате и клал ключ в карман.

К тому времени речь несчастной сделалась едва различима. Она булькала и плевалась, словно чайник. Кожа затвердела и поскрипывала при движении. Она больше походила на рептилию, чем на женщину. Даже глаза не мигали, когда она смотрела на меня. Порой она впадала в транс и начинала вещать.

Джейн едва дышала.

— Что она говорила?

— Ты еще маленькая.

Бледный человек молчал так долго, что подменышу показалось — он умолк навсегда.

Но когда учитель заговорил, голос его вновь стал обычным, бесстрастным и лишенным эмоций.

— Однажды вечером я вернулся домой и обнаружил, что она заткнула полотенцами все щели под дверями и в окнах, вывернула газ и сунула голову в духовку. Все мои усилия ни к чему не привели. Моя девушка умерла, причем не самым лучшим образом. Тогда я вознес молитвы богу Ворону и принес ему свою жертву. — Он пожал плечами. — Буду честен. Тогда это принесло мне облегчение.

Бледный человек, взяв отложенную книгу, вернулся к разъяснению урока. Однако Джейн не могла сосредоточиться. Ее мысли заполнило видение Гвенайдви Зеленой. Русалка, облаченная лишь в собственную красоту, раскачивается в сплетенной из лозы клетке, подвешенной над центром поля. Трибуны полны, вся школа собралась. Пахнет бензином. Взмывает пламя. Толпа ревет.

Живая Гвен сгорала, подобно мотыльку на свече, и кричала, кричала, кричала...

Видение преследовало Джейн в течение всего школьного дня и всю дорогу домой. Вот и свалка. Земля под ногами похрустывала — под слоем почвы плющились и терлись друг о друга ржавые консервные банки. Осторожно ступая, чтобы не подвернуть ногу, она добралась до дома. В кабине Джейн пинком скинула с пилотского кресла стопку белья и подключилась к сенсорной системе.

— Привет, — раздался ее шепот. — Это снова я.

Никакого ответа.

Площадь обзора 7332-го была мала, взгляд его упирался в землю. Джейн начала увеличивать угол обзора, но вдруг из любопытства вернулась к первоначальной настройке. У нее ушла минута, пока она сообразила, чем занят дракон.

Он наблюдал за мерионами.

Раньше крохотный шестиногий народец никогда особо не удостаивался внимания подменыша. Мельчайшие из разумных созданий имели общих предков с пикси. За эоны эволюционного процесса они уменьшились почти до размеров муравья. Упрощение лишило их страсти, благородства, достоинства и честолюбия. Их войны больше напоминали бойню. Мерионы не знали ни литературы, ни песен. Они не питали привязанности ни к чему, кроме тяжелого труда. Джейн не понимала, зачем 7332-й наблюдает за ними.

Крохотные фигурки шныряли среди травы, волокли полоски металла, втрое превосходившие их размером. Тут и там между зеленых стеблей поднимались тонкие струйки синеватого дыма из подземных кузниц. Издали они запросто могли сойти за марево от нагретой земли.

По почти невидимым рельсам мерион-рабочий толкал вагонетку, тяжело груженную тремя ягодами черемухи. В качестве моста, перекинутого через оставленную грязеходом канаву, оборванную колею продолжали две соломинки. На дальнем конце переправы маячила фигурка мериона-воина. Его копье с металлическим наконечником не превышало в длину ковровой иглы.

Воин махнул рабочему. Тот переволок вагонетку через мост и, подтащив груз к выходному отверстию торчащего из грязи старого пылесоса, исчез в его утробе. Джейн моргнула. На мгновение голова у нее пошла кругом — привычная взгляду рос-

сыпь мусора вдруг обернулась великолепно организованным поселением. Вон поднимается дымок из старого черенка курительной трубки. Крышей подземной хатки служит контейнер из-под яиц, а шляпка от желудя прикрывает импровизированный дымоход сверху. В загончике, сделанном из наполовину утопленной в земле кофейной жестянки, шевелят усами две прирученные полевые мыши. Их специально подобрали по росту, приучили к упряжи и теперь используют в качестве тяжеловозов. Дороги строятся, ширятся и маскируются срезанными растениями. Ржавый скребок, привязанный сотней нитей к нетерпеливо натягивающим узду майским жукам, служил грейдером для более крупных магистралей.

Повсюду мерионы пребывали в движении: неутомимые микроинженеры, крохотные мастера-конструкторы. Сшитая из дубовых листьев треугольная крыша закрывала от солнца майонезную банку с дождевой водой. Во все стороны расползалась паутина из соломинок для коктейля. От общего резервуара водопровод доставлял воду в каждое скрытое под землей жилище и во все рабочие помещения.

Джейн завороженно наблюдала за ними, пока совсем не стемнело и все поселение крошечных существ не пропало из виду. Только случайная вспышка светляка в фонаре невидимого ночного сторожа да едва заметное потустороннее сияние, пробивавшееся на месте экспериментального заводика по производству метана, выдавали их присутствие. При всем недостатке индивидуальной сложности, мерионское общество в целом оказалось замысловатым и бесконечно увлекательным, как механизм карманных часов с прозрачным хрустальным корпусом.

Джейн резко очнулась. Как же она устала! Все тело затекло, а тетрадь для домашних заданий по-прежнему дожидалась подменыша, исполненная первозданной чистоты. Ну да ладно, одну домашку можно и пропустить. Репутация двоечницы от этого вряд ли пострадает.

Тут как нельзя кстати в памяти всплыло данное Питеру обещание стянуть сегодня вечером запись «Единства противоположностей».

— Твою мать!

Времени впритык, но еще можно поймать «подкидыш» до молла. Однако Джейн вовсе не горела желанием в такую позд-

нотень мчаться сломя голову на пересадку. Придется нырять в «Синеплекс», чтобы прихватить хоть немного сна, там, иначе можно наделать глупых ошибок, затем, обнеся музыкальный магазин, подрезать банку чего-нибудь съедобного, наскоро заморить червя, рыскать в поисках свободной скамейки и, найдя ее, хоть немного полистать учебники. Потом еще предстоит лететь на последний экспресс «Красный глаз». Не слишком ли много заморочек для небрежно брошенного обещания?

Короче, все это она и проделала.

Ну, почти все. На обратном пути Джейн немного замешкалась на выходе из молла, где время текло наполовину нормально и размещались объявления о распродажах. Выходя на улицу, она как раз успела разглядеть приветливо подмигнувшие ей красные огоньки уходящего экспресса. Пришлось топать два километра вдоль парковки. По дороге в неимоверной близости проносились стальные бегемоты, и Джейн едва не сбивало с ног завихрениями воздуха. За кирпичной оградой лесопарка мелькали чьи-то светящиеся глаза и слышались приглушенные возгласы. Кто-то скрытно пробирался в темноте, несомненно следуя за ней.

«Вервольфы! Кошмар!»

А Питер на следующий день в школе появиться не соизволил. За обедом Джейн задала несколько осторожных вопросов и выяснила, что он известный прогульщик.

— Дался тебе этот фей долговязый, — беззаботно фыркнула Саломея. — Все они непостоянны. Может, за это мы их и любим.

По этой самой причине Джейн сразу после уроков впервые оказалась в той части города, которая размещалась за свалкой. Она собиралась отыскать логово Питера, отдать ему кассету и сказать пару ласковых. Торговый район постепенно приходил в упадок. Питер обитал над разорившимся на скидках магазином аудиотехники. На лестнице пахло старой краской и кипяченым бельем. Линолеум на площадке перед квартирой сморщился и пошел трещинами. Она постучала.

— Входи.

Джейн открыла дверь.

Питер, бледный и совершенно голый, лежал, запрокинув голову, на смятой постели. Тонкие ребра выпирали наружу, и

подменышу был виден один пепельно-серый сосок. Случайно упавший на бедра край мятой простыни скрывал из виду интимные части тела.

— Поставь на стол, — велел он, не открывая глаз. — Прибавь два бакса чаевых и запиши на мой счет.

Джейн молча стояла, не зная, как поступить. На груди Питера виднелась легкая поросль, и прямо посередине живота протянулась тонкая линия завитков. В углу на стуле гудел черно-белый телевизор. На экране беззвучно металось изображение.

— По-моему, я... не тот, кого ты ждешь, — решилась она наконец.

Питер рывком сел, в панике сгреб простыню и завернулся в нее целиком. На этом силы его иссякли, он снова рухнул на кровать.

— Ах, да. Пленка. Э-э, извини, я... ну, сама видишь, я не в том состоянии, чтобы идти в школу.

— Выглядишь ты ужасно.

— И чувствую себя так же.

В туалете зашумела вода. Оттуда, застегивая юбку, появилась Гвенайдви Зеленая.

— Ой, привет! — Русалка вполне дружелюбно воззрилась на подменыша. — Ты кто?

— Друг из школы, — подал голос Питер, — Джейн Олдерберри. — Глаза закрыты, веки почти прозрачные. Губы белые.

Вот это да! То ли из-за того, что Питер назвал ее своим другом, то ли из-за того, что он знал ее полное имя, но Джейн едва не раскрыла от удивления рот.

— Я просто заскочила отдать это. — Она протянула русалке маленький сверток. — Это тебе. От Питера.

— Как мило. — Гвен приняла кассету, немного полюбовалась ею и неуловимым движением руки заставила подарок исчезнуть. Скользнув на кровать, она свернулась клубком рядом с Питером и погладила его по голове.

— Бедняжка. Так легче?

— У тебя такая прохладная ладонь, — прошептал он. — Такая прохладная. — Питер вслепую нащупал ее пальцы и поднес их к губам, чтобы поцеловать.

Всем сердцем Джейн потянулась к ним. Они оба были такие красивые, такие бесконечно влюбленные, такие обречен-

ные. Разве ее собственная жизнь, пресная и запутанная, могла сравниться с их жизнями? Для ее чувства, столь нежного и такого же сильного, лучше всего подходило лишь одно название — любовь.

— Который час? — Питер внезапно раскрыл глаза. — Мы ее пропустили? Наверное, как раз начинается.

— Тсс, — улыбнулась Гвен. — Я слежу за временем. — Подплыв к телевизору, она повернула ручку громкости. — Да, начинается.

Передавали какое-то очередное ток-шоу со стандартным набором высоких грациозных персонажей с микрофончиками на воротниках элегантных костюмов и одинаково безупречными прическами, зубами и ногтями. Джейн редко пользовалась возможностью поглазеть в телевизор. Подменыша не особенно интересовали бесконечные вариации на тему эльфов и денег, время от времени для контраста приправленные парочкой гномов. Эти шоу с тем же успехом могли транслироваться из другой вселенной, где ни у кого никогда не пахло под мышками, не случалось кариеса и не путались в волосах дохлые мыши. Жизнь в телевизоре не имела ничего общего с ее собственным жизненным опытом.

— Ну, — неловко начала она, — я, наверное, пойду.

— Нет, останься! — воскликнула Гвен. — Это миг моего триумфа! Мы хотим, чтобы ты разделила его с нами; правда, Питер?

— Я хочу того же, чего и ты. Ты же знаешь.

— Ясно? Ой, по-моему, еще хватит времени разогнать. Питер, куда ты ее дел?

— На комоде.

Гвен извлекла длинную трубку с хмурящимся на чубуке мершаумовским Тоби и насыпала в нее довольно много чего-то похожего на черные опилки.

— Хэш, — пояснила русалка, присев на край кровати между Питером и Джейн. Она поднесла мундштук к губам, зажгла спичку и сделала длинный вдох, затягивая язычок пламени вглубь зелья. Не спрашивая, она протянула трубку подменышу.

Кончик мундштука еще хранил влагу от губ Гвен. Джейн, опасливо сунув его в рот, глубоко вдохнула. Легкие тут же наполнились дымом — едким, дерущим горло. Она подавилась и закашлялась. Из нее вылетало облако за облаком, в непостижи-

мом количестве заполняя комнату, а Джейн все не могла остановиться. Она сотрясалась от кашля и думала лишь об одном: как бы не опозориться перед хозяевами, просыпав содержимое трубки.

Где-то поблизости раздавался смех Питера.

— Во-во! Задержи дыхание! Задержи дыхание!

Гвен забрала у нее трубку и постучала по спине.

— Ну-ну, — проворковала она утешительно. — Не в то горло пошло, да? В следующий раз не затягивайся так сильно, и все будет в порядке.

— Ага. — Слово жужжало, отдаваясь эхом в ушах, резонируя глубоко внутри черепа, где все рассыпалось искрами и растеклось клубящимся серым туманом. На мгновение Джейн перестала соображать, где находится и что делает, и, пытаясь скрыть это, она повторила «ага», толком не понимая, с чем соглашается.

— Началось! — Гвен бросилась к телевизору и прибавила звук.

Впоследствии Джейн так и не смогла отделить друг от друга события, происходившие на экране, и видения, мелькавшие у нее в голове. Показывали документальный фильм о Гвенайдви Зеленой, тут сомнений возникнуть не могло, заполненный сериями моментальных снимков ее длинных изумрудных волос. Волосы тугими волнами колыхались при каждом повороте головы, смыкаясь вокруг улыбки Гвен в мимолетное планетарное кольцо. За кадром что-то бубнил голос диктора. Что именно — насквозь продымленные мозги отказывались воспринимать напрочь. Музыка делалась то громче, то тише — или так только казалось Джейн? — то взмывая демоническими воплями синтезатора, то падая в бездну барочного спинета.

Голос за кадром что-то бубнил.

— Богиня?! Вот это да! — воскликнула русалка.

Из ванной вышел Питер. Он успел одеться во все чистое и выглядел в десять раз здоровее прежнего. Юноша сел рядом с Гвен и ткнулся лбом ей в плечо. Русалка машинально погладила его по голове.

Переводя взгляд с Гвенайдви Зеленой на экране на Гвен на кровати, Джейн не могла решить, какая ей нравится больше.

Телевизионная Гвен выглядела более чувственной, более стройной, с более четкими скулами и тем типом глянцевой красоты, для доведения которой до совершенства требуются видеотехнологии. Настоящая же Гвен была настолько теплее, настолько живее и естественнее, настолько... реальнее.

Питер в безнадежной тоске уставился на экран. Джейн попыталась представить, каково это, когда парень так на тебя смотрит. Должно быть, очень странное ощущение.

В этот самый момент лицо Гвен с влажными полуоткрытыми губами наложилось на кадры корчащейся в пламени прошлогодней Королевы Плетеной Лозы. Джейн обернулась к русалке и, начисто позабыв о приличиях, спросила:

— Как ты это терпишь?

— У меня есть Питер. — Гвен загадочно улыбнулась, словно не желая делиться каким-то очень личным секретом. — А теперь тихо, начинается лучшая часть.

Когда шоу закончилось, Джейн, наверное, сказала что-нибудь эдакое, поскольку у русалки сделался бесконечно довольный вид.

— Постараемся не перебарщивать, — заметила она. На лестничной площадке послышались шаги, и Гвен распахнула дверь. — Прекрасно! А вот и пицца.

Наконец, ближе к ночи, Джейн, пошатываясь, сошла вниз по лестнице. Мозги все еще норовили разъехаться в разные стороны, голова немного кружилась, а в горле застрял мягкий сухой ком.

Вечерний воздух казался бархатно теплым, нежным и зовущим. Русалка проводила ее до дверей. Они собирались попозже на танцы, Питер и Гвен. Гвен обожала танцевать.

— Ты ведь еще придешь к нам в гости, правда? — Глаза Королевы Плетеной Лозы сделались большими, темными, и Джейн почудилась — хотя на самом деле такого никак не могло произойти — нотка мольбы в ее голосе.

Разве ей можно было в чем-либо отказать?

На следующее утро во дворе перед школой только и судачили о фильме про Гвен. Джейн едва не лопалась от желания раззвонить всем про свой визит к Питеру. Подумать только! Она смотрела шоу, посвященное Королеве Плетеной Лозы, вместе

с самой Гвенайдви Зеленой! В ее жизни едва ли случались события круче этого. Джейн решила молчать до обеда. Она хотела еще немного поберечь этот секрет, который принадлежал ей одной.

Однако дальнейшие события пошли несколько вразрез с ее планами.

Еще при входе в класс каждому становилось ясно — сегодняшний день не похож на все остальные. На краю преподавательского стола, уподобившись тощей летучей твари на насесте, восседал староста Соломчик. Его напряженный взгляд и поджатые губы предвещали нечто, равносильное по меньшей мере полугодовой контрольной.

Соломчик носил треуголку как знак отличия — плоской стороной вперед. Стянутые в неимоверно тугой хвост волосы не позволяли ему даже моргать, и в результате староста взирал на окружающих выпученными глазами. Как только очередной ученик входил в класс, он хлопал себя по бедру линейкой со стальным краем. Дождавшись последнего, Соломчик кивнул Хрюку.

Хрюк проверил по списку присутствующих, откашлялся.

— Три «Т», — возвестил он. — Три «Т» — ваш проводник к ученическому совершенству. Три «Т» — золотой ключ к двери в будущее. А теперь все вместе!

— Терпение, — забормотал класс, — трудолюбие, тишина.

— Последнее? — Преподаватель поднес ладонь к уху.

— Тишина!

— Не-е-е слы-ы-ышу?!

— Ти-ши-на!!!

— Прекрасно. — Он сомкнул кончики пальцев. — Итак, класс. Дети. Дорогие, милые детки. Сегодня нам выпала честь — огромная честь — принимать в нашем классе высокого гостя из Комитета по промышленным исправлениям. Вы знаете, кто это?

Все напряженно молчали.

— Правильно. Не знаете. Вы должны подождать, пока вам скажу я.

Тут Соломчик соскользнул со стола и бесшумно заскользил между рядами. Требовалось немалое усилие, чтобы не съежиться, когда он внезапно появлялся на периферии зрения. Тень

его линейки пала на костяшки пальцев подменыша, поколебалась, повисела и двинулась дальше. Джейн не решилась позволить себе даже мимолетный взгляд на пробирающегося мимо старосту. За такое разгильдяйство мог последовать как минимум резкий удар в ухо.

В тот момент когда он поравнялся с передними рядами, под ногой у него скрипнула половица и покрытая рыжими кудряшками голова рефлекторно повернулась на звук.

Стальной молнией сверкнула линейка, и Джейн услышала, как Хебог резко втянул воздух в себя. Однако не закричал. Гномы народ крепкий.

— Мистер Хебог! Похоже, вам сегодня недостает... — Хрюк сделал паузу, позволив мелкой улыбке расцвести на его пухлых губах, — внимания.

Напряжение прорвалось, и все, включая Джейн, взревели от хохота. Спохватилась она слишком поздно. Но ведь даже другие гномы смеялись. Конечно, трое из них — черные гномы, однако все равно противно.

Когда смех утих, Хрюк потребовал:

— Три «не»! Перечислите их!

— Небрежение, неблагодарность, неуважение, — послушно пропел класс.

— Правильно. — Снаружи, из коридора, нарастало чье-то давящее присутствие. Зловещая аура сгустилась до такой степени, что в воздухе запахло озоном, будто над головами собралась грозовая туча. — И поскольку, несмотря на все мои усилия, вы продолжаете оставаться небрежными, неблагодарными и склонными к неуважению, призвать вас к ответу может только... — (Староста материализовался у двери, приоткрыл ее и кивнул.) — Детолов!

Соломчик распахнул дверь настежь, и в класс величаво ступил Детолов.

Холеное лицо жутковато красивого создания в импортном шелковом костюме покрывал искусственный загар. Сильные кисти обтягивали черные кожаные перчатки. Жесткие щетинистые волосы выдавали в нем примесь волчьей крови, но заостренные кверху уши свидетельствовали об аристократическом происхождении. Изящная улыбка обнажала ряд ровных продолговатых зубов.

Детолов молчал.

В классе повисла напряженная тишина.

Высокого гостя отделяли от учеников учительский стол, староста и преподаватель, однако Детолов, казалось, заполнил собой все пространство. Рядом с ним Хрюк и Соломчик просто растворились. Лишь часы над классной доской продолжали жить собственной жизнью. Их циферблат оставался единственной изогнутой линией в окружении прямых углов, а нервные скачки тонкой красной секундной стрелки — единственным движением во вселенной, где все остальное движение давным-давно умерло.

Черная перчатка скользнула к карману шелкового костюма. Цепкие пальцы извлекли обрывок ткани, грубой и колючей на вид, цвета где-то между оливковым и бурым. Детолов медленно поднес лоскут к своему тонкому острому носу. Глаза его пробежались по классу.

Он сделал длинный, глубокий вдох.

В голову подменыша хлынули почти забытые образы.

Она снова находилась в пятом корпусе завода, где делали скоростных драконов. Это воспоминание, одно из самых ранних, всегда ее озадачивало. Стоит утро, кузнечные горны работают на полную мощность, как и в последние две недели, их гул сливается в постоянный шумовой фон. Джейн складывает одеяло на своей койке. По всей каморке в нетерпении суетятся кабальные — скоро Благг выстроит их на утреннюю поверку, а потом погонит на завтрак.

Внезапно мир вокруг плывет, смазывается, разделившись на два. Она все еще возится с койкой и одновременно сидит в заднем ряду какого-то многолюдного незнакомого помещения. Нервно тикают часы с красной секундной стрелкой. Через все помещение на Джейн пристально смотрит высокое смуглокожее существо. Глаза его — два следа от булавок, проткнувших реальность.

Она застыла, прижав к груди старое одеяло. Его грубая, колючая ткань, еще в незапамятные времена утратившая природный цвет, приобрела оттенок между оливковым и бурым. Казалось, во всей вселенной лишь оно исполнено значения, только ему дано быть истинным, настоящим. Джейн держалась за одеяло, как за рукоять ледоруба, последнюю страховку, способ-

ную удержать ее на краю реального мира. Отпусти его — и нырнешь головой вперед в собственное видение, навсегда в нем затерявшись.

— Эй, унылая твоя башка, что с тобой? — Задира ущипнул подменыша за плечо.

Она вздрогнула и вновь очутилась в классе. Детолов отнял от носа лоскут и смотрел теперь прямо на нее. Перед глазами мягко скользнули запонки — он поднял длинную руку и направил на задний ряд. Все впервые услышали его голос:

— Вы. Юная леди. Встаньте, пожалуйста.

Оцепенев от страха, Джейн наблюдала, как поднимается ее ближайшая соседка слева. Саломея.

Детолов уставился на ниссу. Одна бровь озадаченно поползла вверх, ноздри едва заметно дернулись, словно высокий гость замешкался на задаче, с которой привык разбираться походя. Он подался вперед...

И тут кто-то пукнул.

Кошмарный затяжной звук приковал все взгляды к первому ряду. Запах метана и дикого чеснока, жирным слоем размазанный по основанию из вареной капусты, с носощипательной ноткой серы для придания букету глубины. По мере распространения газового облака воздух в классе приобрел отчетливо зеленоватый оттенок. Кое-кто из девочек нервно хихикнул и прикрыл рот ладошкой. Менее воспитанные зажали носы.

— Мистер Хебог! — в панике завыл Хрюк.

Пришедший в себя Соломчик уже подскочил к переднему ряду и выдернул брыкающегося гнома из-за стола. Схватив его за руки, староста и преподаватель с разбегу впечатали злостного нарушителя дисциплины в классную доску. Раздался отчетливый треск. От того места, где череп гнома соприкоснулся с аспидно-черной поверхностью, в разные стороны расползлись тонкие зигзагообразные трещинки.

Детолов с вежливой улыбкой наблюдал за расправой.

Хрюк отступил назад, а Соломчик, накрутив на руку воротник куртки Хебога, заставил его подняться. Покрасневшему и задыхающемуся гному пришлось встать на цыпочки. На счет три провинившегося вышвырнули за дверь по направлению к карцеру.

Джейн ощутила легкое прикосновение к запястью. Она резко обернулась, но никого не увидела.

Сидевший с ней рядом Крысякис посылал Саломее отчаянные сигналы. Он лучше всех умел ориентироваться в подобных ситуациях и первым уловил появившуюся для ниссы возможность сесть, раствориться среди остальных и оказаться забытой. Саломея с несколько обалделым видом упала на стул.

— Блин! — тихо и ошарашенно пробормотала она. — По-моему, он не... Блин!

Детолов откашлялся.

— Итак, на чем я остановился? — Его проницательные глаза, еще раз пробежавшись по задним рядам, задержались теперь на Джейн. — Ах да.

Он опять полез в карман за обрывком ткани и снова поднес его к носу.

Словно ледяной ветер задул прямо сквозь тело подменыша. Ее трясло от холода и чужеродного оскверняющего вторжения. Детолов по-прежнему не сводил с нее пристального взгляда. Его глаза сузились.

Потом он отнял от носа кусок старого одеяла Джейн, и вокруг разом, будто выключилось радио, угасли все запахи и звуки.

Она ощутила паническую неспособность сделать хотя бы один вдох. В классном помещении все застыло в неподвижности, и даже воздух утратил свои летучие свойства. Одноклассники уподобились ярко раскрашенным картонным фигурам.

Детолов повернулся к Хрюку, взял его двумя пальцами за воротник и аккуратно встряхнул. Уложив преподавателя плашмя поперек собственного стола, он неторопливо прошелся по рядам, сдергивая учеников с мест и наваливая себе на руку. Когда количество их на руке достигало определенной цифры, он возвращался к учительскому столу и складывал их поверх Хрюка. Оставив задний ряд напоследок, Детолов собрал всех, кроме подменыша, и отнес в общую кучу. Джейн дрожала и тщетно пыталась избежать его взгляда. Последним отбыл все еще ухмыляющийся Крысякис. Штабель тел увенчался пучеглазым, возмущенным Соломчиком.

— Подойди. — Детолов уселся на выдвинутый из-за стола стул. — Сядь ко мне на колени. Поговорим.

Что ей оставалось делать?

Колени оказались жесткие, костлявые и не более удобные для сидения, чем какой-нибудь насест из жердей. Джейн уперла взгляд в дальнюю стену.

— Я могу арестовать тебя прямо сейчас и уволочь силой. — Рука в перчатке сжимала и массировала плечо подменыша. — Или ты мне не веришь?

Джейн, не в состоянии говорить, помотала головой.

— Дитя, я представитель закона, мне очень важно, чтобы ты понимала и признавала мою власть над тобой. Договор заключен с момента твоего рождения, и ты незаконно пыталась уклониться от выполнения условий контракта. Ты можешь, конечно, заявить, что это твое право, что ты страдала от несправедливости и что контракт недействителен, поскольку под обязательствами стоит не твоя подпись. — Детолов пожал плечами. — Но ты была — и до сих пор являешься — несовершеннолетней, и, с точки зрения закона, твоя подпись ничего не значит. Если несправедливость и существует, она коренится слишком глубоко в прошлом, чтобы ты могла с ней что-либо поделать. — Он взял Джейн за подбородок и повернул лицом к себе. Из-под темных колючих бровей на подменыша смотрели тусклые, как старинное зеркало, спокойные глаза. — Ты признаешь это, не так ли?

Она заерзала, но ничего не ответила. Детолов мог ее убить, мог навеки похоронить в стенах завода. Но не мог заставить ее согласиться с таким положением вещей.

Тогда высокий гость из Комитета по промышленным исправлениям глубоко вздохнул, словно до глубины души разочарованный в упрямом ребенке.

— Я с севера. Мы там иногда развлекаемся охотой на обезьян при помощи кувшина и палки. Знаешь, как это делается?

— Нет, — пискнула Джейн.

— О, это очень забавно. Мы бросаем в кувшин одну-единственную сладкую вишенку и отходим на некоторое расстояние. Появляется обезьяна. Она видит в кувшине спелую ягоду, сует в него лапу и зажимает угощение в кулаке. Горло кувшина имеет такую форму и размер, что в него может пройти только свободная лапа, а кулак — нет. Обезьяна легко может высвободиться, отпустив вишенку, но ей слишком сильно хочется от-

ведать этого маленького лакомства. Она не способна заставить себя бросить ягоду. Даже когда, свистя и размахивая палками, из засады появляются охотники, она продолжает держать добычу.

И наконец кто-нибудь подходит к обезьяне вплотную и вышибает ей мозги.

Детолов извлек из внутреннего кармана пиджака обтянутый страусовой кожей ежедневник.

— А теперь, — он вручил Джейн кусочек мела, — я хочу, чтобы ты красивым почерком написала слова, которые я тебе продиктую. Выпиши их таблицей по пять столбцов так прямо и аккуратно, как только сумеешь. — Ему пришлось подождать, пока подменыш займет место у доски. — Рекурвор. Рекусабле. Рекусакао. Рекусадора...

Перепуганная до смерти, Джейн узнала в диктуемых словах операционные коды боевых драконов класса «Молох» только тогда, когда уже успела заполнить добрую половину таблицы.

Старательно делая вид, будто не имеет ни малейшего представления о том, что пишет, она продолжала послушно водить мелом по доске.

Ведь могло же и не сработать! В конце концов, свалку отделяла от школы добрая четверть мили.

Детолов закончил диктовать. Джейн оглядела написанное.

Рекурвор	Рекусабле	Рекусакао	Рекусадора	Рекусамор
Рекусанси	Рекусатив	Рекусатури	Рекусавел	Рекусер
Рекусерати	Рекуссион	Рекуссус	Рекутио	Рекутионис
Рекутитос	Рекутитум	Редаккао	Редассендо	Редактадас
Редактамос	Редактарон	Редадим	Редадинар	Редамбулес
Редамнавит	Редендум	Редибитар	Редиктор	Редивамат
Редоккула	Редоктар	Редоктамос	Редомбулас	Редоррадио

— Неплохо для начала. — Голос раздался у нее над самым плечом. Сладковатое дыхание щекотало ей ухо. — А теперь возьмем тряпку.

Черная перчатка сомкнулась на кисти подменыша и мягко повела над доской. Так обычно водят пластинкой во время спиритических сеансов. Пальцы Джейн с зажатой в них тряпкой скользили параллельно аспидной поверхности, не касаясь ее. Время от времени она резко ныряла вниз, смахивая одно

из слов. Их сплетенные руки, внешне совершенно без всякой цели, метались вверх-вниз по доске, один за другим выделяя ключи-коды.

— Наконец-то. — Детолов с довольным видом выпустил руку Джейн.

Рекурвор Рекусадора Рекусамор
Рекуссус
Редассендо
Редактамос Редадим Редамбулес
Редамнавит

В класс дохнуло холодом. И кто-то огромный, как железная туча, способная заслонить небо над целым городом, беззвучно поинтересовался:

— Что тебе надо?

Меланхтон откликнулся на зов.

Джейн попыталась обернуться, но не смогла. В шейные мышцы впилось несколько десятков стальных когтей, ноги тоже отказывались повиноваться. Она продолжала пялиться на доску.

— Твое имя!

— Какая тебе разница, щеночек? — Голос дракона звучал ласково, почти грустно. — Можешь звать меня Смертью, если хочешь. На Авалоне я положил тысячи подобных тебе.

Детолов, тяжело скрипя половицами, прошел к учительскому столу, выдвинул ящик и извлек какой-то предмет. Через секунду тонкое острое жало уперлось в горло подменыша.

— Хочешь потолковать о смерти?

Парализованная Джейн чувствовала себя яйцом, которое две руки пытаются отнять друг у друга. Присутствие Меланхтона обрело ошеломляющую четкость и могло сравниться с притяжением магнитной горы, внезапно материализовавшейся на школьном дворе.

— Да, давай. Скажи: «Живой я ничего не стою, лишь смерть мне назначает цену, но мертвый я теряю вмиг ее». Кто я?

— Заложник. — Детолов убрал от горла Джейн лезвие, и то место, где Хрюков серебряный нож для разрезания бумаги коснулся ее кожи, страшно зачесалось. — Загадки любишь, да? Как тебе такая: «У меня в кармане крошка-медальон, криком сотни армий может вызвать он»?

— Сомневаюсь, что твоя бибикалка сработает. Моя очередь: «Фу-ты, ну-ты, аты-баты, голова у гавкалки там, где были лапы».

Невидимые путы, сковавшие Джейн, слегка ослабли. Она сумела повернуть голову и увидела Детолова, мрачно противостоящего пустому классу. Несмотря на повсеместное распространение драконьей ауры с ее вечным холодным привкусом злобы и агрессии, физически Меланхтон оставался на своем месте возле городской свалки. Он вел битву исключительно при помощи магических электронных технологий.

Ступая как можно тише, Джейн бочком, бочком прокралась за спину своему мучителю, туда, где пространство между доской и учительским столом не попадало в его поле зрения.

Вокруг Детолова закружилось облако, похожее на комариный рой. Только насекомые в нем мчались с такой скоростью, что глаз не успевал за ними следить. Магнитный вихрь все сильнее и сильнее обволакивал загорелую шею, но замкнуться в кольцо ему так и не удалось.

— Пустые угрозы! — насмешливо фыркнул Детолов. — Ты думал, меня послали против дракона, не снабдив никакой защитой? Не так-то легко оторвать мне голову.

Он надел очки, заправил дужки за уши, снова открыл ежедневник, пролистнул страничку с ключами-кодами и принялся читать:

Вещей начинка, мысли вещество...

— Нет!

Фундамент жизни (что мне до него!).
Крупинку клюнешь — долго проживешь.
Откусишь больше — охнешь и умрешь.

Воздух наполнился воем, переходящим в ультразвук. Джейн упала на колени, зажимая уши от боли. Звук стальной иглой пронзал ей череп. Ладони не могли его заглушить. Присутствие дракона бледнело, гасло...

И пропало.

— Ну вот, — вздохнул Детолов.

Джейн, пошатываясь, встала. Она находилась теперь прямо у него за спиной, и он не мог ее видеть. Джейн потянулась к лежащему на столе Хрюка тяжелому степлеру.

— Даже не пытайся. — Его голос звучал устало, небрежно. Детолов сложил очки и аккуратно убрал в карман. — А теперь, дитя, пора вернуть тебя на место.

Он собрался взять ее за руку, так и застывшую над самым степлером.

Класс наполнили раскаты ледяного хохота. Они нарастали, множились, пока Джейн не почувствовала себя пробкой, скачущей в волнах океана насмешки.

— Глупый щенок! Одна из первых мер, которую я предпринял по прибытии сюда, — это заземлил мои схемы. Электромагнитным импульсом меня не взять.

Вид у Детолова впервые сделался испуганным. Он выдернул пустую руку из кармана брюк, поспешно ухватился за что-то в пиджаке.

— Как?..

Но дракон уже начал следующую загадку:

Молчаливый, незримый, родственник смерти,
Рожденный мгновением, ближе дыханья,
Мысли убиты, мечтания стерты,
Память изъята, бесплодны старанья.

— Ты блефуешь! — крикнул Детолов. — Я изучил твои системы сверху донизу. Нет у тебя такого оружия. — (Меланхтон снова расхохотался.) — Нет таких способностей... Если у твоей загадки имеется ответ, каков же он?

Долгое неподвижное мгновение дракон безмолвствовал, смакуя победу. Затем в воздухе родился тихий, едва уловимый шепот:

— Аневризма.

Джейн сидела в заднем ряду. Она снова могла дышать. Вернулись привычные шумы и звуки. Одноклассники замерли на своих местах, а возле учительского стола, позади Хрюка с Соломчиком, с озадаченным видом возвышался Детолов. Его взгляд слепо шарил взад-вперед по периферии класса, но никак не мог зацепиться за подменыша. Он больше ее не видел. Из затянутой в черную перчатку обессилевшей руки, никем не замеченный вывалился обрывок грубой, колючей материи, цвета между оливковым и бурым.

Дракон победил.

Когда занятия кончились, Джейн рванулась к дверям одной из первых. Она протолкалась наружу и выбежала на улицу. Над головой синело чистое небо. Легкий ветерок коснулся ее ласково и приветливо. Отцветали вишни. Вокруг подменыша завивалась теплая, нежная метель опавших лепестков.

Школьники, каждый сообразно своей природе, бегали, вопили, танцевали или флегматично вышагивали в белом благоуханном вихре. Феи цветов, грациозные, словно фрегаты под парусами, скользили в родной стихии, а малые духи, выкрикивая ехидные замечания, кружили возле. Феи их, правда, не замечали. Джейн, ошалело вертя головой во все стороны, шагала сквозь крики и волны белизны, потрясенная совершенной красотой бытия.

Ее опьяняла и радость от миновавшей беды, и всеобщее ликование, и открывшиеся перед ней возможности. Она свободна и вольна поступать как угодно! Годы унижений и подневольного труда, мелкие домогательства учителей и одноклассников, скука, тоска, одиночество, все еще не оплаченный долг перед драконом, чьи интересы и мировоззрение сильно разнятся с интересами и мировоззрением подменыша, — жизнь стоит того, чтобы через все это пройти.

Хотя бы ради такого момента.

ГЛАВА 8

В течение лета маленькая цивилизация под брюхом 7332-го росла и благоденствовала. Как-то раз бегемот, навьюченный тюками с углем, сделав по ошибке незапланированный крюк, предпринял довольно опрометчивую попытку срезать путь через свалку и наверстать упущенное время. В результате он опрокинулся, рассыпав груз. Собрать в результате удалось только половину. Другая половина позволила мерионам вступить в эпоху индустриализации. Теперь у них появились заводы, а газовые фонари, созвездиями бескрылых светлячков обрамлявшие кварталы, сменились электрическими. По ночам яркие линии улиц и бульваров, подчиненные труднодоступной логике своих крошечных создателей, переплетались в сложные узоры, напоминавшие оккультные символы. Днем над поселением висело неизменное серое марево. Воины ходили теперь с ружьями.

Летние занятия, как правило, протекали без особого энтузиазма. Тем из учеников, кто имел постоянную работу, полагались сезонные каникулы, и оставшиеся в школе не утруждали себя излишним усердием, поскольку осенью для вернувшихся одноклассников все предметы читались заново. Один проведенный в полусне день лениво переходил в другой, точно такой же.

В отличие от школьных товарищей, Джейн приветствовала возможность подтянуться по всем предметам. Она была бы не прочь улучшить навыки в алхимии, но ее письменное заявление на дополнительное учебное время и допуск в лабораторию секретарша отклонила в довольно категоричной форме. Пришлось записаться на математические курсы.

По окончании одного из таких занятий Джейн на выходе из школы встретила Крысякиса. Он поджидал ее, прислонившись к двухметровому гранитному колесу — символическому напо-

минанию о тщете всего сущего, а также о послушании, прилежании и прочих ученических добродетелях, без соблюдения которых закрыта дорога к светлому будущему.

— Я слышал, нынче ты воруешь для Гвен?

— Да, а тебе какое дело? — Джейн стала осторожна с Крысякисом. Последнее время он начал вести себя странно, разнузданно и как-то по-дурацки агрессивно.

— Как — какое дело? Ты у нас теперь что — лесбиянка?

Тогда она его ударила. Прямо в грудь. Со всей силы.

— Ты, ублюдок! Злобный, похабный, отвратительный... Тварь!

— Задел за живое, а, Сорри? — рассмеялся Крысякис.

— Заткнись!

— Вы, это, если когда-нибудь надумаете включить в свой междусобойчик настоящего мужика...

Джейн, не разбирая дороги, кинулась прочь и с разбегу налетела на поднимавшегося по лестнице Питера.

— Ого, поосторожнее! — Он притормозил ее, обняв за плечи и отодвинув от себя на расстояние вытянутой руки. — Э, да ты расстроена. Что стряслось?

— Просто... — Она оглянулась назад. Крысякис, естественно, растворился. — Я просто... — Джейн взяла себя в руки. — Ты куда направляешься?

— В мастерскую. Время от времени я вожусь там с одним боевым конем. Лишние баллы зарабатываю.

На сегодня ее ждали несделанные домашние задания, куча неукраденных вещей и не менее тысячи разнообразных забот по хозяйству. А школа работала от собственной вентиляционной системы, не от центральной, и прилегающие строения вроде мастерской никогда как следует не проветривались. В это время суток там было как в духовке.

— Можно с тобой?

— Почему бы нет?

Они отправились в долгое странствие по пустым коридорам. Питер не любил говорить о Гвен, когда той не было рядом. Джейн его желание уважала, и поэтому их разговоры обычно сводились к машинам.

— Над кем сейчас работаешь?

— Рэгворт. Знаешь его?

Джейн покачала головой.

— А какой он?

— Шумный глуповатый сквернослов. — Питер пожал плечами. — Но славный малый.

Даже искушенному взгляду подменыша школьная мастерская представлялась довольно неплохо организованной. Общее количество оборудования вряд ли превосходило заводское, зато парк станков и инструментов поражал разнообразием. Электрорубанки, электролобзики и циркулярные пилы соседствовали с токарными и шлифовальными станками, паяльниками и штамповочными формами. Имелось даже отделение со сварочным оборудованием. Зона каждого из рабочих мест, пригнанных одно к другому со скрупулезностью лоскутного одеяла, обозначалась на тщательно выметенном бетонном полу полосами желтой масляной краски.

Одна из двух монтажно-сборочных площадок сейчас пустовала. Посреди второй на сложной системе цепей и крючьев висел покрытый пятнами коррозии железный конь. Его грудные панели с осыпавшимся на местах стыков защитным покрытием стояли неподалеку, прислоненные к стене. Из незащищенного нутра свисали два черных кабеля от свечей зажигания.

— Привет, старый чемодан! — окликнул его Питер. — Не осточертело висеть?

Рэгворт тяжело мотнул головой и наградил его зубастой улыбкой.

— Остолошадело, — радостно отшутился он.

Юный фей управлялся с машинами просто на диво. Они платили ему доверием, а порой даже любовью. Рэгворта он, без сомнения, давным-давно покорил.

— Рад слышать. — Питер сунул голову в разверстую грудную клетку. — Джейн, ты не могла бы передать мне фонарик? И тот амперметр с верстака. Спасибо. — Он выглянул наружу и поинтересовался: — Рэгворт, кто-нибудь раньше у тебя находил этот коротыш?

— Херушки! Ты же знаешь, какие дрочилы эти дерьмоголовые старшие механики.

— Между прочим, здесь дама!

— Ай, она не ханжа. — Конь попытался повернуть голову вбок, но, зафиксированный на вытяжке, не смог этого сделать. Тогда, скрипнув шарниром, он уставился на подменыша од-

ним глазом. Другой глаз продолжал незряче смотреть вперед. — Верно, девочка?

Джейн, прислонившись к верстаку, обмахивалась шляпой.

— Да, конечно! — Она даже вздрогнула от неожиданности. — Правда, все в порядке.

— Ладно, — сознался Питер. — Ох, не нравится мне все это. — Он вновь взялся за поиски неисправности. — Рога Чернуноса! Ты только посмотри, что они сделали с твоим карбюратором. Старина, это просто чудо, что ты еще жив, ты в курсе?

— Да уж, — меланхолично согласился Рэгворт, — этот мой двигатель — херня траханая. Да и хер с ней, вот что я скажу. Просто хер с ней.

Джейн захихикала.

— Что я тебя говорил насчет выражений? — раздался слегка приглушенный голос Питера. Тряся головой, он вынырнул из конского чрева. — Все, я — пас. Три дня прозваниваю твою электрику, а поймать коротыш так и не получилось. Единственное, что мне приходит в голову, — это выдрать проводку совсем и установить заново.

— А ему не будет больно? — встревоженно поинтересовалась Джейн.

— Я же говорил, — обрадовался Рэгворт, — девчонка что надо. Не то что эта жеманная сучка, которую ты...

Питер врезал гаечным ключом коню по капоту.

— Еще одно замечание в подобном стиле — и будет больно. Уж об этом я позабочусь.

— Буду паинькой, шеф. — Конь подмигнул подменышу. — Кто ж захочет неприятностей на свою задницу?

Питер извлек моток проволоки, разводной гаечный ключ, кусачки и поддернул Рэгворта на пару витков повыше. Некоторые болты на брюшных панелях заржавели и не желали откручиваться. Пришлось капать на них графитовой смазкой и расшатывать, обстукивая со всех сторон. Пока он возился с неподатливым крепежом, Джейн придерживала панели, чтобы те не погнулись.

— Кто придумывал этот бардак? — ворчал Питер. — Нужный мне кабель делает петлю как раз за выхлопной системой. Мне придется выдернуть глушитель, иначе я туда не доберусь. — Несколько минут он молча копался в механизме. — Рэгворт, твоя выхлопная система в ужасном состоянии.

— Своим пердежом я птиц на лету сбиваю.

— Жуть. — Питер опять сосредоточился на работе. — Слушай, — обратился он к Джейн через некоторое время, — скажи мне одну вещь. Как получилось, что все вдруг стали называть тебя Сорри?

— Крыс... ребята дали мне это прозвище. Это от Сороки.

На пол брякнулся ржавый патрубок.

— Довольно необычно для лесовички.

— Ничего необычного. Просто... ну, ты знаешь... сороки так хорошо воруют...

— Ах да. — Питер не одобрял ее промысел, полагая, что рано или поздно Джейн обязательно попадется. Правда, единожды высказавшись на данную тему, он больше к ней не возвращался. В этом плане Питер был умницей. — Знаешь, если ты не против, я буду придерживаться обращения «Джейн».

Через пять минут вывалился глушитель. Фей присвистнул и поманил подменыша.

— Иди-ка глянь. — Он ткнул пальцем в изгиб кабеля с почерневшей изоляцией. — Чувствуешь, какая липкая?

— Ага.

— Расследование закончено. Какой-то идиот менял эту часть проводки и не захотел морочиться привариванием лишнего крюка к основанию кузова, видишь? Он просто сунул провод между выхлопной трубой и днищем и заткнул вот этим. — Питер уронил на ладонь Джейн деревянный клинышек. — Так что, когда двигатель в очередной раз нагрелся, труба расплавила изоляцию и всю систему закоротило. Это очевидная часть. Но затем, когда двигатель остывает, изоляция снова обволакивает провод и твердеет, так что коротыша больше нет. Вот почему я не смог вызвонить его амперметром. Какое коварство, а?

— Ого! — Джейн это всерьез впечатлило. За все время, проведенное вокруг и внутри машин, до нее впервые дошло, что работа с ними может быть интересной. Что копание в двигателе и ходовой — занятие такое же увлекательное и захватывающее, как, например, вызов элементалей при постановке и проведении алхимического эксперимента. — Питер, это действительно нечто. Это же просто чудо.

— Ему потребовалось всего три дня, чтобы обнаружить его, — съязвил Рэгворт. — Гений гребаный.

— Лошадка, миленькая, — вкрадчиво поинтересовался Питер, — а не хочешь ли сахарку? В бензобак.

— А веревку снизу вверх обоссать?

Те, кто находился снаружи, чувствовали себя как в пекле, но молл хранил прохладу. Нырнув сюда с раскаленной улицы, Джейн даже пожалела об оставленном дома свитере. Спасающиеся от жары обыватели битком забили все павильоны и магазины, и сегодня в толпе преобладали скорее желающие отдохнуть, нежели серьезные покупатели. Их было легко узнать по пустым рукам и ясному взгляду, лишенному охотничьего азарта.

Хебог, Саломея и Джейн, расположившись на скамейке возле священного источника, наблюдали за текущим мимо потоком разнообразных существ.

— Я недавно Гвен видела. На открытии супермаркета, — лениво заметила Саломея.

Троица поджидала хадкина. Он ушел в супермаркет забрать пару белых лайковых перчаток. Джейн минут пятнадцать назад завернула их в пластиковый пакет с надписью «Тир-на-н'Ог Видео» и сунула в мусорную корзину. Если дело выгорит, им хватит денег, чтобы скупить все гамбургеры и жареную картошку в округе. А если нет, по крайней мере, не придется мыкаться с ненужными перчатками.

— Ага, она говорила, что должна где-то перерезать ленточку, — кивнула Джейн. — И что?

— Значит, ты наверняка видела этого эльфа, с которым она была. Высокий, в темных очках, шелковом костюме, ногти наманикюрены — целых девять ярдов. — Саломея потрясла рукой, словно остужая кончики пальцев. — Горяченький пончик. Строго между нами, дорогие мои, я бы и сама не отказалась откусить от него кусочек.

— Что ты мелешь? Гвен не станет гулять с каким-то там эльфом. Она девушка Питера.

— Чушь собачья! — фыркнул Хебог. — Я видел их после церемонии, когда они думали, что никто на них не смотрит. Так вот, он положил ладонь ей на задницу. И ей это нравилось.

— Они ушли вместе, — добавила Саломея.

— Я уверена, вы...

— Позади справа, — краешком губ произнес Хебог. — Баклажан. К нам идет.

Джейн обернулась и увидела Хрюка. Преподаватель, широко улыбаясь, торопливо семенил в их сторону.

— Твою мать! — прошипела она сквозь зубы.

— Да это же мои дорогие любимые ученики! Какой неожиданный — нет, восхитительный — сюрприз! Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Они подались в стороны, и Хрюк, неуклюже развернувшись, водрузил свои окорока на скамейку между Джейн и Саломеей. Он раскинул руки в обе стороны и, обняв своих учениц за плечи, притянул их к себе. Хебог с мрачной ухмылкой притулился на самом краю скамьи.

— Вот уж действительно счастливая встреча. — Преподаватель лучился от счастья. — Да, действительно счастливая. Знаете, некоторые дети думают, что их учителя — чисто местный феномен. Образовательные машинки, которые исчезают, как только кончается школьный день. А может, вы полагаете, что мы расползаемся по холодильникам в школьном подвале, а? Чтобы наутро явиться к вам чистенькими и свеженькими. — Он хихикнул. — Если бы это было так легко. Как ваш демиург — а, уверяю вас, во всем, что касается ваших душ, моя роль именно такова, не меньше, — я отвечаю не только за ваш интеллектуальный рост, но и за духовное и моральное развитие. За ваше место и положение в большом мире. Моя работа не кончается, когда вы выходите за дверь. Нет-нет.

Джейн пыталась уловить смысл его излияний, но подмышки у него воняли просто нестерпимо, а стекла очков в запыленной проволочной оправе каждый раз, когда Хрюк поворачивал к ней лоснящееся лицо, поблескивали самым зловещим образом, окончательно сбивая девочку с толку.

— Все время своего бодрствования я сосредоточен на моих ненаглядных учениках — да, это так. Я постоянно беспокоюсь о вас. Позвольте привести пример. Предположим, одна из моих деток не та, кем кажется. Скажем, она скрывается под чужой личиной. Возможно, вся ее жизнь — сплошной обман и подделка. Она, вопреки всем законам и нормам общественной морали избегая справедливо уготованной ей участи, затаилась среди моих милых воспитанников. Мерзкая, отвратительная тварь, инородное тело в моем замечательном классе, одним своим

присутствием угрожает развратить ее невинных, ничего не подозревающих одноклассников.

Хрюк уставился на подменыша. За дисками его очков клубился молочно-серый туман, и Джейн, цепенея от ужаса, вдруг поняла — глазами толстого педагога ее пытается разглядеть кто-то несказанно могущественный.

— Когда происходит подобная вещь, мой долг сорвать маску лжи. Содрать одежды, лифчики и пояса обмана. Оставить истину стоять обнаженной! Дрожащей! Уязвимой! И беспомощной на глазах у всех.

Раздался тонкий пронзительный писк у него на запястье. Хрюк посмотрел на часы и нажал кнопочку на ободке.

— Ну-с, это было приятно, но, боюсь, мне пора продолжить путь. Развлекайтесь и помните: я присматриваю за вами.

За все время, пока он говорил, его благожелательная улыбка даже не шелохнулась.

После его ухода все долго молчали. Потом Саломея разревелась.

— Он ничего не знает, — неистово шептала она. — Ничегошеньки он не знает. А если б и знал, какое, к черту, ему до этого дело?

— Он блефует, — согласилась Джейн. — Уверена, он блефует.

— Ну, — произнес Хебог, — похоже, хадкин сегодня уже не появится. — Он вздохнул и полез в карман. — У меня еще немножко осталось денег с прошлой недели, когда я двинул партию белых крестиков.

— Валяй, — разрешила Джейн.

Она понятия не имела, по какой причине запаниковала Саломея, но лезть к ней с расспросами вовсе не собиралась. Проявление интереса к чужим проблемам легко может спровоцировать ответную реакцию, а сохранять в тайне свое прошлое и истинный облик было и без того не так просто. Для нее же пространная речь Хрюка, учитывая недавний визит Детолова, могла иметь только один возможный смысл.

Сумеет ли теперь дракон защитить ее от двоих преследователей? А от шести? Уж от дюжины-то не сможет наверняка. Половина его батарей села — Джейн выдернула окончательно сдохшие и выбросила на радость мерионам, — и генератор у него тоже почти накрылся. Власть 7332-го имела свои пределы.

Однако сосредоточиться на собственных проблемах она почему-то не могла. Вместо этого, ее мысли роем беспокойных мотыльков метались вокруг, в ужасе шарахались и тут же возвращались к одному и тому же кошмарному известию — Гвен изменяет Питеру.

На барбекю, устроенное Гвен по случаю праздника Летнего Солнцеворота в открытом кафе «Таверна на лужайке», приглашение получили только избранные. То есть все так думали. Ученики смешались с горожанами, учителя с местными знаменитостями, технический персонал и разряженные администраторы телестудии с высокими эльфами, чьи изящные тоги стоили столько, сколько гвархелл зарабатывал в месяц. Гости сливались и снова растекались, подобно каплям масла различной вязкости, без конца перетасовываясь по всей поляне. Джейн чувствовала себя мышью в живом, шевелящемся лабиринте. Она робко пробиралась между разношерстными группами в поисках кого-нибудь знакомого, пока не заметила движущееся к ней через газон странное четвероногое существо. Благодаря тому что Рысак и Вонючка крепко держались друг за друга, их совершенно не шатало.

— А тебя Крысякис ищет, — злорадно сообщил Вонючка.

Рысак блаженно ухмылялся и молчал.

— Ой, пожалуйста! — Джейн скорчила гримаску. — Скажите ему, что вы меня не видели. Скажите, что меня здесь нет. Я сейчас не в настроении с ним общаться.

— Я думал, вы друзья. Он говорил нам, что вы совсем сблизились. Приятели — в смысле неразлейвода. — Рысак попытался ухватиться за шишку на левом роге Вонючки, и тот врезал ему по руке. Лица у обоих в том месте, где они соприкасались друг с другом, оплыли, словно начали сливаться в одно. — Еще он говорил, что сделал тебя. Ну, в смысле, научил всему, что ты знаешь, имя новое дал. Типа придал законченную форму. — Рысак обхватил Вонючку за шею и сунул руку в его выпирающий нагрудный карман. — Хочешь, покажу реально крутую штуку?

— Уже видела, — вздохнула Джейн. — Засунутая в рот живая лягушка меня почему-то не впечатляет.

— Кстати о Крысякисе... — начал Вонючка.

— Вон он идет, — закончил за него Рысак.

Если они не врали, оглядываться не следовало. Стоит встретиться с ним глазами, и — попалась.

Джейн юркнула за ближайшую группку гостей. Используя их как прикрытие, ей удалось тихонько смыться.

Правда, она тут же нарвалась на Хебога в нелепом парадном одеянии. Несколько таких же расфуфыренных гномов смерили подменыша сердитыми взглядами и без лишних слов спешно отбыли в разных направлениях. Хебог покраснел, и вид у него сделался смущенный.

— Привет, — сказала Джейн. — Чего это они?

Гном проигнорировал вопрос.

— Саломею видела? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — А, да какая разница! Все равно она больше не захочет со мной разговаривать. После того, что я ей сделал.

— А что ты сделал?

— Неважно. — Хебог сжал кулаки.

— Ладно.

— Я сказал — неважно!

— Ладно, ладно! Я же сказала — ладно, слышал?

— Слышал. Если увидишь ее, скажи, что я ее ищу. — Он повернулся и заковылял прочь.

Джейн озадаченно смотрела ему вслед, когда кто-то тронул ее за локоть. Она резко обернулась. Бледный человек держал в руке огромную кружку с пивом. Изо рта его свисала дымящаяся сигарета.

В своих шортах-бермудах он здесь выглядел пугающе неуместно. Из штанин торчали тощие ноги с выпирающими коленями, и казалось, солнце брезгует прикоснуться к их белой, как рыбье брюхо, поверхности.

— Я отнес твое заявление на стипендию школьному секретарю, — сообщил Бледный человек. — На положительный результат не надейся.

— Что? — тупо переспросила Джейн.

Он взял ее за локоть и неторопливо повел к заднему двору кафе. Одетые в белое официанты сновали из дверей туда-обратно с дымящимися подносами.

— Сколько у тебя по грамматике? — брюзгливо поинтересовался Бледный человек, не вынимая изо рта сигареты. — Тебе действительно необходимо... впрочем, неважно. Сформулируем это так: образ жизни людей и их отношения имеют свою логику, и эта логика заложена в сущности бытия. Влюбленный не

просыпается однажды утром с убеждением, что лучше бы ему стать инженером. Музыкант не оставляет свои клавиши без сожаления. Банкир не отказывается от богатства. А если отказывается, то ради того, чтобы бросить все, найти в горах пещеру и сделаться философом, а не просто вести образ жизни среднего обывателя. Понимаешь? Мы все проживаем истории, которые на каком-то глубинном уровне нас удовлетворяют. Если мы несчастливы в своих историях, этого недостаточно, чтобы освободиться от них. Мы должны найти другие истории, естественно вытекающие из тех, в которых мы жили до сих пор.

— То есть вы говорите... что я проживаю историю, в которой не получу финансовой помощи? Так?

Он покачал головой.

— Не ты. Секретарь проживает историю, в которой она не даст тебе стипендию. Различие тонкое, но принципиальное. Оно открывает тебе лазейку.

— Что я должна сделать?

— Ты должна взглянуть на себя ее глазами. Она видит смутьянку, отстающую ученицу, девочку «со способностями», в чем бы они ни заключались, — но ленивую, неусердную, пренебрегающую занятиями, на которую стипендию тратить бесполезно.

— Но я же не такая!

— Какая разница? В ее истории ты такова, и в ее истории подобные тебе меняются крайне редко. Изредка, однако, такое случается. Твои низкие качества проистекают из слабого целеполагания. Соломчик когда-то был точно в таком же положении. Потом ему предложили стучать на одноклассников.

— Что?! Я не буду!

Бледный человек докурил сигарету до фильтра, прикурил новую от окурка и проглотил его.

— Ты должна взвесить альтернативы. С одной стороны, придется пережить множество неприятных моментов. Твои бывшие друзья станут презирать тебя и, может быть, даже побьют. Ты перестанешь себя уважать. С другой стороны, такие, как ты сейчас, стипендий не получают. Ты можешь придерживаться нынешней истории, а можешь получить степень в алхимии. Но получить все сразу нельзя. Подумай об этом.

Он умолк и отвел взгляд. Кто-то из гостей протиснулся между ними, и Джейн невольно отступила на шаг. Не сделав ни единого движения, Бледный человек вдруг исчез. Джейн дер-

нулась было вслед за ним, но спешивший мимо официант оттер ее в сторону. Избежав столкновения с парочкой троллей, она вынырнула прямо перед главным входом в «Таверну». Неподалеку вели увлеченную беседу учитель Хрюк и староста Соломчик. Соломчик поднял глаза и толкнул локтем Хрюка. Оба уставились на подменыша.

Их взгляды пригвоздили ее к земле, но через мгновение зрительную цепь разорвали двое прогуливающихся тилвит-тегов. Пользуясь моментом, Джейн шмыгнула в двери кафе.

Крышу высокого зала поддерживали деревянные стропила. На двух раскладных столах, покрытых белыми бумажными скатертями, выстроились рядами небольшие пластиковые стаканчики и ведерки со льдом с торчащими из них разноцветными горлышками винных бутылок. Официант, ответственный за раздачу напитков, на посту своем отсутствовал, и за подменышем никто не следил. Джейн налила себе стакан красного.

Тут ее взгляд упал на приоткрытую дверь гардеробной. Отставив стакан, она скользнула внутрь. Вешалка пустовала — жара еще не успела выгнать мужчин из пиджаков, — зато на полке поверх вешалки виднелось несколько дамских сумочек. Почти машинально изучив их содержимое, Джейн рассовала по карманам несколько монет, фиолетовые тени и часы «Декартье», затем поспешила в зал, пока не вернулся официант.

С непринужденным видом она взяла стаканчик и поднесла к губам.

— Нет, дорогая. — Материализовавшаяся рядом Гвен твердо взяла ее за руку. Джейн принялась было суетливо оправдываться, но русалка перебила ее, не дав вымолвить ни слова. — Только белое. К рыбе. — Она отставила стакан в сторону и налила новый. Окунув в него кончик мизинца, Гвен сбрызнула каплю на пол, Богине. — Это белое цекубское. Думаю, тебе понравится. Оно немного сладковатое и очень освежает. Попробуй.

Джейн едва пригубила. До сих пор она ни разу не пробовала вина. Вкус оказался скверный.

— Очень милое, — кивнула она.

— Еще бы. Пойдем, поможешь мне с лососиной. Я покажу как.

Жаровни размещались в центре поляны. Приглядывавший за ними повар из кафе посторонился, уступая место будущей Королеве Плетеной Лозы, и вручил ей пару щипцов.

Оглядев рыбу хозяйским взглядом, русалка положила щипцы на разделочный стол и закатала рукава. Затем разрезала пополам один лайм и выжала сок в ведерко с топленым маслом.

— Держи. — Второй она протянула подменышу. — Натри на мелкой терке, надо добавить в масло цедру.

Джейн неуклюже, но справилась. Крошечные стружки зелени посыпались в ведерко.

— Великолепно! — Гвен взяла ложку и энергично перемешала. — Эти два с краю почти готовы. — Она выдернула из ближайшей стопки тарелки, ловко смахнула на них тушки лосося и поставила перед Джейн. — Возьми ведерко и плесни по большой ложке на середину каждой рыбины. Разве не аппетитно?

— Аппетитно.

Русалка схватила кисточку и принялась смазывать стейки только что приготовленным лаймовым маслом. Гвен буквально лучилась радостью от такого простого действия. Она все делала с энтузиазмом и удовольствием. Рядом с ней Джейн чувствовала себя скучной и неуклюжей.

— Гвен, милая. — Богато одетый эльф с румяным лицом пожилого чистопородного аристократа подошел к ней сзади и наклонился поцеловать в шейку. Гвен с удовольствием приподняла подбородок. Джейн почувствовала, как вся каменеет. — Какое славное платье.

— Тебе нравится? — Длинное белое, ниспадающее струями платье на талии перехватывал зеленый кушак, замечательно сочетавшийся с цветом волос. Гвен приподняла подол по бокам и закружилась, демонстрируя во всей красе свой наряд. — Мне его подарила младшая сестра. Ты знаком с Джейн?

Эльф взял девушку за руку, низко над ней склонился и мазнул Джейн по костяшкам ее пальцев губами. Это был настолько галантный жест, что она понятия не имела, каково его назначение, пока все не кончилось.

— Я очарован.

— Ага, — брякнула Джейн. — Я тоже.

— Фальконе — театральный художник, — пояснила Гвен. — Он делал костер на краю поляны.

— А, та деревянная штука, похожая на свадебный торт?

Фальконе улыбнулся с таким видом, словно костер для него — это такая мелочь, что не стоит и обращать внимание.

— У вас тонкий вкус в одежде, — заметил он. — Вы сами шили это платье?

— Не-а. Сперла в молле из «Уленшпигеля».

— Извините нас, — вмешалась Гвен. Она схватила Джейн за руку и так быстро потащила подругу прочь, что едва не вывихнула ей плечо. Повар при барбекю, вежливо ждавший неподалеку, вновь встал к жаровне.

Гвен отвела подменыша на скамейку в тени кафе и усадила. Глаза ее пылали.

— Хорошо. В чем дело? — Она подождала и затем произнесла более мягким тоном: — Ты можешь мне сказать. Что бы это ни было. — Джейн помотала головой, но Гвен взяла ее за обе руки. — Ничего страшного. Выкладывай.

— Это насчет тебя... и Питера.

— А-а.

— Я не понимаю, как ты можешь... — Джейн начала плакать, — с другими парнями... Я думала, что вы с Питером... — Тут слезы одолели ее, и прошло некоторое время, прежде чем она смогла выдавить: — Я смотрела на вас снизу вверх! Я думала, вы совершенны.

Долгое время Гвен молчала. Когда наконец заговорила, лицо у нее было мрачное. Такой серьезной Джейн ее никогда не видела.

— Ты не имеешь права требовать объяснений. Понимаешь? Ты этого не заслужила. Но потому, что ты мне настолько дорога, и потому, что я люблю тебя, я все-таки кое-что тебе объясню. Но только один раз. Понятно?

Джейн, всхлипывая, кивнула.

— Я заключила сделку. В Самайн я умру. В обмен на это я получаю право прожить такую же полную и законченную жизнь, как и любой другой, но всего за год. Я живу этой жизнью прямо сейчас. Отношения с тобой, с моими друзьями, одноклассниками, всеми собравшимися здесь составляют ее основу. Но любовь, физическая любовь тоже огромная часть жизни. Джейн, я знаю, это трудно принять, но и у тебя почти наверняка будет больше одного любовника. У большинства женщин так. И каждый из твоих мужчин даст тебе отличное от других эмоциональное и физическое удовлетворение. Каждый даст тебе нечто, сколь бы малым оно ни казалось, чего другие не смогут. Почему моя доля должна быть меньше твоей? Я наслажда-

юсь своими любовниками — я не собираюсь делать вид, что это не так, — но даже если бы это было не так, они все равно являются частью сделки. Если я не принесу в плетеную клетку полную жизнь, жертва не состоится и меня не примут. Я не хочу этого. Я держу свои обещания.

— Но Питер...

— Питер знает. Может, его не совсем радуют некоторые из тех, кого я выбираю, но он понимает. Питер — фундамент моего существования. Никто не может занять его место, и это он тоже знает. — Она погладила Джейн по голове. — Теперь ты понимаешь?

— Нет, — ответила Джейн. — Но я поверю тебе на слово.

Гвен порывисто обняла ее.

— После этого разговора я чувствую себя настолько ближе к тебе. Ну не смешно ли? Такое ощущение, будто ты и вправду моя младшая сестренка.

Затем она начала хихикать.

— Что тебя так насмешило?

— Ты. Ты так ревновала к Фальконе.

— Не вижу в этом ничего смешного.

— Фальконе не любит девушек, глупенькая.

Смех у Гвен был высокий и серебристый, и через секунду Джейн присоединилась к ней.

Она обнаружила Питера сидящим на бревне в основании праздничного костра. Рядом стояло соломенное чучело Гвен, которое он должен был забросить на вершину кучи позже вечером, после того как она сама швырнет факел, который запалит все сооружение. Рядом маячил мелкий телевизионный начальник, загораживая кадр троллю-оператору.

— А, Джейн. Я думал, ты с Гвен.

— Она сейчас подписывает фотографии. Потом поведет танцы.

Вдалеке на эстрадной площадке группа даппи играла ска. Они скакали и гарцевали по сцене в такт музыке — костлявые черные красноглазые создания с дредами.

— Что ж, это Гвен. Она показывала тебе свои ноги? Вчера вечером мы ходили в Павильон, и она уплясалась до волдырей. Я умолял ее остановиться, но она только смеялась. Я не мог за ней угнаться. У меня колени подгибались, я просто подыхал.

Словно кто-то пропустил ей пятьдесят тысяч вольт прямо по позвоночнику. Она продолжала плясать, пока туфли не развалились прямо на ней. Она живет только ради этого.

— Извините. — Телевизионная шишка приблизился к Джейн. — Разрешите представиться. Я Авистаро. А вы?..

— Кто, я? Я никто. Просто подруга Питера.

Авистаро вежливо ждал.

— Джейн, — сказала она наконец. — Джейн Олдерберри.

— А. — Он сверился с папкой. — Понимаете, Джейн, вас нет в этом кадре. Нет-нет, я не прошу вас уйти, не прямо сейчас. Но вам следует знать, что вашу беседу могут скоро прервать. — Он неискренне улыбнулся.

— Я говорила с Гвен, — тихо продолжила Джейн, когда Авистаро отвернулся. — Она сказала мне, что ты все знаешь про нее и тех других парней.

— Полагаю, да.

— Ох, Питер. Как же это ужасно для тебя.

— Гвен хуже. Она умрет, а я только потеряю... ладно. Мне кажется, я не в том положении, чтобы осуждать ее, понимаешь?

— Ты относишься к ней с таким пониманием.

— Она для меня все, — просто ответил Питер. Тоскливая, дальняя боль проникла в его голос. — Мне это представляется так: она солнце, а я луна. Она настолько полна жизни, что, глядя на нее, можно ослепнуть. Я без нее ничто. Чем бы я ни был, это всего лишь бледное отражение ее сияния.

— Супер! — воскликнул телевизионная шишка. — Можно мы это используем? — Он повернулся к Джейн. — А теперь, боюсь, мне таки придется попросить вас удалиться. Надеюсь, вы не обижены? — Он отвернулся, не дожидаясь ответа.

Питер печально улыбнулся и пожал плечами.

Джейн мечтала пробраться обратно в «Таверну». Она допила вино и хотела еще стаканчик. Ей по-прежнему не очень нравился вкус, но она полагала, что к подобным вещам можно привыкнуть. Но перемещающиеся волны празднующих все время уводили ее в сторону от цели. Во всплеске изящного смеха группа эльфов расступилась перед Джейн, словно занавес, и явила ей школьного секретаря.

Секретарь носила комичные, усыпанные фальшивыми бриллиантами очки, тело ее напоминало палку, увенчанную облаком белых волос, отчего она выглядела как перезрелый одуванчик. Над лопатками у нее торчали два коричневых хитиновых бугорка — печальные останки того, что в юности, должно быть, являлось крыльями. За плечом секретаря виднелся Соломчик и что-то шептал ей на ухо.

Джейн бочком стала удаляться от этой парочки, но глаз отвести не могла. Эти двое тоже невозмутимо смотрели на нее. Так, сверля друг друга глазами, они и она постепенно увеличивали дистанцию, пока их не заслонила толпа.

Внезапно подменыша охватил ужас. Она окружена врагами, поймана в затягивающуюся сеть интриг и сил, чьи природа и источник ей неведомы. И она самая настоящая дура, потому что здесь осталась. Девочка дрожала и готова была пуститься наутек, когда толпа снова сместилась и утешила ее внезапным появлением друга.

Саломея была одна на пустой полосе газона и кружилась, кружилась... Она танцевала легко, непринужденно — возможно, даже не осознавая, что делает. Джейн подошла и тронула ее за плечо.

— Тебя Хебог ищет.

— Правда? — отозвалась Саломея. — Серьезно?! Ищет?

Она выглядела такой счастливой, что Джейн не удивилась бы, оторвись та от земли и уплыви по воздуху.

— Ты под кайфом?

— Что? Ой, не смеши меня.

— Тогда что с тобой?

— Просто у меня хорошее настроение. Надеюсь, в хорошем настроении нет ничего предосудительного?

— Просто это так на тебя не похоже.

— Дорогая моя невинная малютка, — величественно пропела Саломея, — ты знаешь, с каким удовольствием я задержалась бы и поболтала с тобой обо всем, но мне надо столько сделать, стольких повидать. Положение обязывает, понимаешь ли. Где, говоришь, был Хебог, когда ты его видела?

Джейн показала, и Саломея умчалась будто безумная. Джейн даже не успела опустить руку, когда брешь, проделанная в толпе юной ниссой, расширилась и открыла три сдвинувшие голо-

вы фигуры: преподавателя прикладной астрологии Перо, Хрюка и Детолова.

Как и другие до них, при виде девочки они прекратили разговор и подняли глаза, чтобы перехватить ее взгляд. Детолов учтиво кивнул и поманил ее пальцем.

Джейн пустилась бежать.

Ворота раскрылись и захлопнулись. Перед ней была пустая дорожка, в конце которой стоял Крысякис.

Застигнутая врасплох, она подошла к нему. Он взял ее за руку, и они вместе свернули в рощицу, обрамлявшую с обеих сторон дорогу. Тропинка шла под уклон. Покрытые листьями ветки касались лица.

Когда зеленые тени скрыли их окончательно, Крысякис отпустил ее руку. Они встали друг против друга глаза в глаза.

— Ну и?.. — сказал он, большие пальцы сунув за пояс.

— Тебе чего?

— Ты с Питером, не так ли?

— Что? Ты имеешь в виду — у праздничного костра? Ну да.

Крысякиса перекосило.

— Вот сволочь! Он был моим другом. Близким другом. Я доверял ему, а потом он берет и уводит у меня девушку.

Джейн была в шоке.

— О чем ты говоришь? Я никогда не была твоей девушкой.

— Так, — сказал Крысякис. — Значит, вот как обстоит дело, да? — Он шагнул к Джейн, и она подалась назад. Он придвинулся ближе, и она отступила еще немного. На одно безумное мгновение ей показалось, что это будет продолжаться бесконечно, пока они не выйдут задом наперед из лесу. Затем она ударилась спиной о ствол дерева.

Крысякис невесело хихикнул.

— Ладно. Сейчас посчитаемся.

— Я пойду приведу помощь, — шепнул кто-то Джейн на ухо. Она быстро глянула через плечо, но никого не увидела. Слова раздались ниоткуда, так тихо, что она засомневалась, был ли этот голос вообще.

— Не смей отворачивать голову. Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

Крысякис сгреб в кулак блузку Джейн и потянул к себе. Та, боясь, что тонкая ткань порвется, ухватилась с обеих сторон его

кулака за блузку и двигалась в такт его движениям. Он волтузил ее туда и обратно, словно играющий с крысой терьер. Казалось, это его только больше злит.

— Ты сука! Ты шлюха! — По горящей щеке Крысякиса пробежала слеза и исчезла в углу оскаленного рта. Глаза были почти не видны на его перекошенном лице.

Внезапно Джейн осознала, что ей следует закричать, чтобы кто-нибудь ее спас.

— Помогите! — крикнула она, но слишком слабо.

Она чувствовала себя ужасно глупо, словно актер, выкрикивающий реплики в плохой пьесе. Ее исполнению недоставало убедительности.

— Кто-нибудь, на помощь!

Крысякис отпустил ее блузку и ударил по лицу.

Больно. Головой она стукнулась о дерево сзади, и шляпа отлетела в траву. Ветки сразу вцепились в волосы. Ноги у нее заплелись, и она упала.

«Он собирается меня изнасиловать, — мрачно подумала она. — Меланхтону придется меня спасать. Он же заставил меня дать обещание, что никакого секса. Если это случится, я стану для него бесполезна».

Но Джейн не ощущала ни малейшего следа драконьего присутствия. Его внимание было занято чем-то другим. Она попыталась призвать его, сосредоточившись на его тайном имени, на операционных кодах, на том, что в истерике смогла припомнить из его электросхем. Надеясь, что расстояние не слишком велико, она беззвучно кричала, призывая его к себе.

Ничего.

Крысякис дергал ее за пояс. Она ухватилась за ремень обеими руками, чтобы он не смог его расстегнуть. Тогда он снова ее ударил. На сей раз в живот. Из-за этого одну руку пришлось отпустить, но она ухитрилась еще яростнее стиснуть другую. Он пытался просунуть пальцы обратно. Она вцепилась ему в лицо. Это было сплошное унижение, бесконечное и неизбывное, как дурной сон.

— Прекратить!!!

Джейн подняла глаза и, пораженная, уставилась в лицо тому, про кого и подумать не могла, что когда-нибудь обрадуется его присутствию.

Это был Хрюк.

Он протянул огромную руку и поставил ее на ноги. Она поддернула штаны, натягивая их на место, и застегнула ремень. Когда она снова подняла глаза, Крысякис удирал, с треском проламываясь через заросли.

— Ты порочное дитя! — У Хрюка губы побелели от ярости. Его крошечные брови образовали смешную галочку над лишенными выражения кругляшами очков. Он швырнул Джейн на тропу и ухватил за воротник блузки. Ткань натянулась у нее на груди, больно врезалась под мышками в тело. — Грязное маленькое чудовище!

— Но я ничего не делала! — Она чувствовала, что лицо начинает опухать. Не думает же Хрюк, будто она все это делала добровольно. Учитывая, как она пострадала. — Это Крысякис...

— Заткнись!

Он быстро выволок ее на лужайку и проволок через толпу обратно в «Таверну». Джейн мельком взглянула на похрапывающего в кресле виночерпия, а Хрюк уже распахнул дверь и швырнул ее в гардеробную. Он с грохотом захлопнул за собой дверь.

— Вот как ты отплатила мне за все мои старания? Злобная тварь! Совращать честных мальчиков своими мерзкими уловками! — Он был вне себя от негодования. — Я думал, мы всё про тебя знаем. Но это... это!

Внезапно он умолк и наклонился ближе. Ноздри у него затрепетали.

— От тебя пахнет спиртным!

Нотация длилась вечность. Ее трудно было выносить не только потому, что она не имела возможности высказаться в свою защиту, но и потому, что, в точности как Крысякис, Хрюк заново впадал в ярость каждый раз, когда она отводила взгляд. Джейн не понимала, что он говорит. Она так старательно ловила каждое слово, что слова становились твердыми и реальными, как предметы — молоток, керамическая кружка, камень, — и смысл их терялся и пропадал.

Наконец Хрюк иссяк.

— Вон! — Он распахнул дверь гардеробной и крикнул, выпроваживая ее оттуда: — Мы следим за тобой, юная леди! Не думай, что не следим, о нет! Чтоб у тебя и в мыслях такого не было!

Джейн тихо побрела прочь.

В небе разлилась синева, которая бывает всегда, когда день переходит в вечер. Бумажные фонарики уже развесили, но еще

не зажгли. Джейн не плакала. Хотя бы на это ее самообладания хватило.

Мысли ее пребывали в полном раздоре; Крысякис и Детолов перемешались с Хрюком и голосом в роще. Все были злы на Джейн, словно ярость, кипевшая в ней, против нее же и обратилась. Лицо болело, бессвязные образы неслись в голове скачками. В таком состоянии домой она отправиться не могла. Меланхтон встретит ее ярость спокойно и с гнусной молчаливой издевкой. Он получил, что хотел; ему даже не пришлось за нее вступаться. Она заранее чувствовала его смех, словно оказалась героиней непристойного анекдота.

Все ее знакомые по-прежнему веселились на барбекю. В молл она с таким лицом отправиться не могла. Оставалась одна тихая гавань.

— Лопни мой карбюратор, девочка! Похоже, тебе неслабо досталось.

— Видел бы ты второго, — пробормотала она. Но слишком тихо. И слишком мрачно. У нее не хватало силы преодолеть это. — Я просто хотела зашпаклевать некоторые из этих вмятин. — Она выжала из себя улыбку. — Должно быть, ты в юности слыл красавчиком.

Рэгворт опасливо повертел глазом.

— Э, только не ляпай эту гадость без подготовки.

— Ладно, — буркнула она. — Вот что я сделаю. — Джейн напялила защитные очки и респиратор и включила электрическую шлифовку.

— Вот что я тебе скажу, сестренка. Не то чтобы я тебе не доверял или вообще, но как насчет поставить на верстак зеркало? Мне нужно наблюдать за тем, что ты делаешь. И разговаривать с тобой при зеркале будет лучше.

Девочка поколебалась, затем кивнула. Она поставила зеркало.

— Итак, первое, что тебе надо сделать, — это найти место, где ржавчина не такая страшная. Скажем, в верхнем углу около передней панели.

Спустя полчаса левое переднее крыло выглядело просто отлично. Не безупречно, конечно, но несколько слоев краски сгладят неровности, и все будет прекрасно. Джейн тоже чуть отошла. Работа помогает. Нет ничего лучше простого физиче-

ского труда, чтобы занять мозги, успокоить нервы, прогнать мысли.

— Ну что, девочка, — подал голос Рэгворт, — выгнала из своего механизма всю эту хмурь и смуту? Тогда, думаю, ты не побрезгуешь рассказать мне, что тебя все-таки так тревожит?

— Ох, Рэгворт. Это слишком запутанно, и ты даже не знаешь тех, кто в этом замешан.

— Типа?

— Черт, ну типа Крысякиса, Хрюка, этого...

— Не знаю Хрюка?!! Да мы с ним старые приятели. В прошлом году он приперся в мастерскую, когда я рассказывал одну из моих военных баек, и попробовал мне сказать, что я не боевая модель. Этот поц заявил, что я ни разу не нюхал пороха. Ну, я и поделился с ним толикой моего боевого опыта. Наступил ему на ногу и сломал три кости. С тех пор он не показывался.

Джейн подавила смешок.

— Правда?

— «А теперь вместе, всем классом. — Рэгворт довольно грубо, но узнаваемо сымитировал голос Хрюка. — Четыре „Т“: затраханный, пере-траханный, недо-траханный и просто-напросто траханый».

Джейн хохотала, пока не подавилась, и даже тогда не могла остановиться. Смех изливался из нее бесконечно, словно вся боль и страх внутри превратились вдруг в реку хохота.

— Нет, пожалуйста! — хватала она ртом воздух.

— Так-то лучше, — проворчал Рэгворт. — Высуши слезы, детка. А если у них нет чувства юмора, то и хер с ними.

ГЛАВА 9

— Я тут кое-что подсчитала, — сказала Джейн. — Знаешь, сколько нужно времени, чтобы восстановить тебя целиком?

Дракон молчал. Он, как обычно, наблюдал за мерионами. Шеренги крошечных солдат маршировали в военном строю. Мышиного размера машины тащили за собой пушки размером с небольшой пистолетик и прочие инструменты войны. Их танки представляли собой шедевры миниатюризации, из башен поднимались дымки.

— Годы!

Нет ответа.

— Десятилетия!

Ноль реакции.

— Века!

Молчание.

Она открыла гримуар и процитировала:

— «На каждого дракона класса „Молох“ уходит семьдесят девять лет кропотливого труда. Сюда не входит установка систем вооружения и обзорного и коммуникационного оборудования, которые подгоняются под основную конфигурацию после окончательной сборки. — Она слегка повысила голос: — Если принимать в расчет изготовление заранее обработанных деталей, закупаемых у внешних поставщиков, то общий срок приближается к восьмидесяти шести годам». — Она захлопнула гримуар. — Восемьдесят шесть лет! Помню, Питер как-то потратил три дня на переделку электропроводки у боевого коня, которого он пытался привести в чувство, хотя на саму проводку, когда ее устанавливали, времени ушло всего ничего — наверное, минут десять.

Ветром в кабину занесло тополиный лист. Он был желтый и формой напоминал острие копья. Лист упал Джейн на колени. Если это и было знаком, то она не знала чего.

— Ты лгал мне.

Взгляд дракона был прикован к потокам пленных, извилистой вереницей продвигавшихся к подножиям храмов. Жрецы ждали наверху с невидимыми кинжалами в руках. Храмы сходились полукругом возле драконьей морды. Под определенным углом зрения они напоминали ее стилизованное изображение. Между мерионами и Меланхтоном образовалась довольно-таки гнусная связь: он поставлял им материалы, нужные для развития их промышленности, а они в ответ удовлетворяли его ненасытную жажду развлечений.

— Ты заставил меня пообещать, что я починю тебя, но это невозможно, и ты это знаешь. Ты и тогда знал. Зачем ты заставил меня дать заведомо невыполнимое обещание?

Никакого ответа.

Джейн покинула кабину дракона, даже не закрыв за собой дверь. На нижней ступени лестницы она чуть задержалась, чтобы убедиться в отсутствии мерионов под ногами. То, что некогда было обычной вежливостью, теперь превратилось в необходимость. Их военная техника достигла такого уровня, когда они запросто убили бы девушку, доведись ей кого-либо из них раздавить.

— Я иду в молл, — крикнула она, едва обернувшись.

Вместо этого Джейн отправилась к Питеру повидать Гвен.

Русалка пребывала не в лучшем расположении духа. В это утро официально началось состязание на звание Королевы будущего года. Заявлены были пять кандидаток, и никто из них ей не нравился.

— Только посмотрите на этих немытых сучек! — Она размахивала пачкой рекламных флаерсов. — Блестяшка участвует в конкурсе — и мне предлагается воспринимать ее всерьез? Она даже под ногтями не чистит. — Гвен в сердцах рассмеялась. — Меня спалит какая-то шмара с пятидневной щетиной на ногах. Это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

— Любая, кого ни выбери, вживется в такую роль. — Питер подобрал флаерс. — Вот эта очень даже ничего. — Он подмигнул Джейн. — Я мог бы в нее влюбиться.

— Приятно слышать, мастер с Холмов, — сурово сказала Гвен. Затем швырнула листок подменышу. — Ты когда-нибудь видела такой макияж? Должно быть, она его столовым ножом намазывала.

Джейн уставилась на лицо в миллион раз красивее, чем когда-либо могло стать ее собственное.

— Выглядит словно маска.

— Именно! Питер, чего ради мы тут сидим? Я не хочу. Пойдемте куда-нибудь, все втроем.

— Клубы еще не скоро откроются.

— Кто сказал, что обязательно в клуб? В жизни есть место не только танцам. Поедем ко мне, Джейн никогда не видела моей квартиры, не так ли, Джейн? По-моему, она просто обязана ее посмотреть, хотя бы раз. Ну же, пойдем.

Будто наделенный неким особым механическим чутьем, лимузин уже стоял возле дома, когда они высыпали на улицу. Черный гном придержал им дверь, затем залез в клетушку над передним багажником и взял поводья. Интерьер лимузина состоял сплошь из серого плюша с аксессуарами цвета антрацита. Имелся здесь и встроенный бар, но Джейн его открыть не посмела. Гвен, пока они ехали, всю дорогу смотрела в окно.

Джейн никогда раньше не бывала в пентхаусе. Питер не любил бывать в квартире у Гвен — в месте, где она принимала своих дружков. Девочка во все глаза пялилась на большой белый рояль, тонкостенные вазы со срезанными цветами и огромную круглую водяную кровать.

— Ну? Попробуй.

После секундной заминки Джейн прыгнула на кровать. Побежали круги, отразились от стенок и закачали ее, как лодку. Гвен пальцами сложила знак силы — и невидимые моторы принялись вращать ложе. Еще один тайный знак — и включилась аудиосистема.

Подобная роскошь Джейн и не снилась. Лежать, распластавшись, на белых атласных простынях и наблюдать, как твое отражение медленно поворачивается в зеркальном потолке, словно новое созвездие в небесах. Динамики были встроены в корпус. Когда «Кровавый топор» выдал «Мамино последнее желание» с их альбома «Нет выхода», бас прокатился прямо по потрохам, даже заныло в животе.

— Это чудо! — выкрикнула она.

— Да, тебе понравилось? — Гвен протянула руку и выдернула Джейн из кровати. — Позволь устроить тебе маленькую экскурсию. — Она вертелась по комнате, открывая все двери. — Тут сауна, тут спортзал. А это ванная.

— Что это?

— Биде.

— А, — покраснела Джейн.

В гроте из искусственных скал притаилось джакузи. С искусно стилизованных под каменистую поверхность стен свисали орхидеи, а ползучие растения тянули свои отростки к самой воде. На дне кружились разноцветные огни. Тут имелось множество закутков, набитых невообразимым количеством шелковых и синтетических нарядов. Туалетный столик русалки был так плотно заставлен флаконами с парфюмерией, что над ним висело густое облако запахов. Гвен выудила из кучи прыскалку, и легчайшая струя аромата обласкала ее русалочью шею.

— Я понимаю, с моей стороны ужасно так говорить, но я просто не могу, — разве это все не красиво?

— Здорово, ничего не скажешь, — подал голос Питер. Он молчал с того момента, как они приехали. Юный фей раздвинул занавеси, пальцами проделал в жалюзи щелочку и дал ей захлопнуться. — Вид убийственный.

— Я прошу тебя! — Гвен сунулась в ящик комода и выудила из-под кружевного вороха маленькую серебряную коробочку. — Немного пикси-порошка поднимет тебе настроение.

Она взяла овальное зеркало без оправы. Все трое уселись на край кровати.

Зеркало в руках у русалки напоминало горное озеро. Ее отражение прекрасным призраком тонуло в его глубинах. Протянув по зеркальной глади три полоски волшебной пудры, Гвен достала соломинку и вдохнула в себя одну тремя ровными, аристократическими вдохами.

— А-а-а-х-х!

Дальше зеркало и соломинка перешли к Питеру, и он вобрал в себя вторую полоску. Затем протянул зеркало Джейн, и та уставилась на свое перепуганное отражение. Она взяла соломинку, пристроила ее, как делала Гвен, и вдохнула.

Россыпь тончайшего порошка ударила ей в носоглотку. Глаза распахнулись, и мир сделался очень ясным. Словно лихорадка, о которой она не подозревала, резко прошла и рассосалась. Она наклонилась вдохнуть остаток.

— Осторожнее! — Рука Гвен метнулась вперед и придержала волосы Джейн, чтобы они не смахнули порошок с зеркала. — Ты хоть представляешь, сколько эта дрянь стоит?

— Все, что у тебя есть, — угрюмо пробормотал Питер.

— Спасибо, мистер Ясное Солнышко. — Гвен насмешливо ухмыльнулась в его сторону, затем порывисто протянула руки и обняла его. С шаловливой улыбкой она сказала: — Я когда-нибудь рассказывала тебе, как мы с Питером познакомились?

— Ей это неинтересно.

— Нет, интересно! Пожалуйста!

— Ладно. Когда я была маленькой, — (Питер поднял два пальца: в смысле два года назад), — я жила в совершеннейшей дыре. На стоянке для переоборудованных под жилье трейлеров, если можешь себе такое представить, на краю болота. Комары там были ужасные, а еще водились белые обезьяны, которые жили на деревьях, прыгали сверху на людей и разрывали их на кусочки, если ты идешь слишком поздно. Они отъедали пальцы на руках и ногах, а еще уши. Я знала девочку, у которой отъели нос. — Она передернулась, у нее это выходило красиво. — Я там была так несчастна. У меня совершенно ничего не было. Но однажды... — Она умолкла. Подбородок поднялся, она смотрела куда-то вверх, в свое далекое прошлое.

У Джейн внутри все кипело. От этого внутреннего кипения дрожала правая нога и барабанило сердце. Требовалось усилие воли, чтобы усидеть на кровати. Лицо Гвен в профиль было такое красивое, такое чистое, такое сосредоточенное. Джейн не терпелось услышать, что же произошло дальше, и она подалась вперед.

— Но однажды — что?

— А? Да нет, ничего такого, если ты имеешь в виду событие или фразу, которая дала мне толчок. — Она насыпала еще немного пикси-порошка на поверхность зеркала, снова наклонилась, чтобы поделить его на ровные полоски с помощью золоченого лезвия. — Но в какой-то момент все это сделалось слишком. Понимаешь, сплошное однообразие. Ни один день не отличался от другого. Все было серое, серое, серое. Поэтому я ушла на болота.

Они прервались, чтобы вдохнуть еще порошка.

— Сразу за стоянкой была маленькая тропинка, по которой можно было пройти на свалку. Там валялись ломаные холодиль-

ники и куски бетона. Проходишь свалку, и начинаются эти маленькие карьерчики, куда сливают химические отходы. Некоторые из них покрывает коричневая пластиковая короста, а некоторые начинают течь в твою сторону, когда стоишь рядом. Попадаются очень красивые, такие зеленовато-небесные, и, если долго на них смотреть, от воды поднимаются испарения и ты умираешь. Но если пройти все это, попадаешь в такие места... Там есть водоемы, в которых растут черные яблоки. Они уходят в глубину бесконечно, до самого сердца земли.

— Черные яблоки?

— Да. У меня ушел час, чтобы забраться в такую даль, и я была вся потная и в царапинах. Но я нашла один из этих водоемов. Там было очень тихо, и поверхность воды казалась гладкой, как зеркало. Я посмотрела по сторонам — вдруг кто-нибудь подглядывает — и сняла одежду. Эту ужасную цветастую блузку и джинсы, которые даже сидели криво. Смешная штука. Они были такие дешевые, что, когда я стояла раздетая под солнцем и ветром, я чувствовала себя просто красавицей.

— Ты и есть красавица, — серьезно произнес Питер.

— Ну разве он не душка? Но ты забегаешь вперед. И вот я взяла себя в руки, сделала глубокий вдох и нырнула. Это был самый смелый поступок в моей жизни. — Положив зеркало на колени, Гвен перевернула коробочку и постучала по дну. Ничего. — Черт! Это все, что у нас есть? Питер! Тебе полагалось раздобыть для меня еще. — Она отшвырнула зеркало и коробочку. — Я устала от этого места. Пойдем!

— Куда? — спросил Питер.

— Какого черта мне беспокоиться куда? Клубы скоро откроются. Придумаем куда, только пойдемте.

Лимузин ждал. Они забрались внутрь и поехали по улицам. Гвен колотила в крышу ладошкой.

— Быстрее!

Гном повиновался. Поворот кисти — и включился «Зеленый человек» с альбомом «Прилив белого солнца». Русалка не отводила взгляд от окна.

— А что произошло потом? — спросила Джейн. — После того, как ты нырнула в воду.

Гвен вздрогнула и с хмурой физиономией обернулась к ней. Но настроение у нее снова переменилось, и она улыбнулась.

— Я уходила вниз, вниз. Сначала вода была коричневая, как чай. Но вскоре она превратилась в черную, и я перестала ви-

деть. Я не понимала, куда я двигаюсь — вверх или вниз, — но, наверное, все-таки вниз, потому что я не выныривала на поверхность. Легкие у меня болели, а уши — ты себе представить не можешь! — в уши словно вбивали гвозди. Меня щекотали маленькие усики — сперва нежно, словно пальцы тысячи крохотных любовников, затем все настойчивее. Потом они стали гуще, начали облеплять лицо, и тогда я уже тонула. И хотя я именно к этому и стремилась, сопротивлялась я как могла. Но от этого только больше запутывалась. Я билась и рвала корни, пока не оказалась укутана ими полностью, не в силах даже пошевелиться. И в этот момент что-то стукнуло меня по губам. Оно было мягкое, словно перезрелая груша, и размером где-то с кулак. Это же черное яблоко, в секунду сообразила я, по необъяснимой случайности выросшее гораздо ближе к поверхности, чем обычно. Я подумала, как сладко будет умирать со вкусом такого яблока во рту.

Гвен протянула руку и погладила Питера по джинсам. Он заерзал на сиденье, слегка раздвинув ноги, и она машинально принялась массировать ему внутреннюю сторону бедра.

— Я откусила большой кусок, но оно было никакое не сладкое. Оно было горькое, очень горькое. И хорошо.

— Мы почти добрались до самого интересного, — прошептал Питер, прикрыв глаза.

— Корни отпустили меня, и я стала подниматься, полная энергии, и вода становилась все ярче, ярче, ярче. Поверхность пруда надвигалась кругом света, а потом она разбилась на много кусков.

— Что такое черное яблоко? — спросила Джейн. На нее не обратили внимания.

— Я стоял у самой воды, когда она взметнулась оттуда. Это было самое фантастическое зрелище на свете. Только что ничего не было, и вдруг эта красивая, обнаженная... — Он подыскивал слова. — Словно в полночь взошло солнце.

— Но что ты там делал?

— Собирал пиявок. Для занятий по фармацевтике. Так что появление Гвен было особенной удачей, ведь с ее тела...

— Питер!

— ...эти огромные зеленые и золотые кровососы свисали сотнями. Они были повсюду! На грудях, и на лице, и на ногах, и везде. Мы снимали их целую вечность.

— Ты сволочь! Ты обещал, что никогда и словом об этом не обмолвишься.

— Нет, не обещал.

— Я тебе запретила, а это одно и то же. — Она толкнула его в грудь, а затем принялась щекотать под ребра.

Беспомощный от смеха, он повалился на диванчик у окна.

— Грубиян! Скотина!

Лимузин несся по темнеющим улицам. Джейн на своем краю сиденья чувствовала себя счастливой и немного смущенной.

Гвен перестала щекотать Питера. Когда он пришел в себя, она принялась посасывать кончики его пальцев, один за другим, издавая губами негромкие влажные звуки.

— Скажи мне, чего бы тебе хотелось? — Она настойчиво заглядывала ему в глаза. — Скажи, чем бы ты хотел заняться?

— Ты знаешь, чего бы мне хотелось, — безнадежно отозвался Питер. — Только ты и я — одни, вместе, навсегда.

Красавица расслабилась на своем сиденье.

— Да, — томно произнесла она. — Разве это было бы не прекрасно?

Возможно, во всем был виноват порошок, хотя возбуждение от него давно прошло, оставив после себя лишь плоский пустой гул. Или все-таки его действие сказывалось на способности соображать? Как бы то ни было, Джейн проговорила:

— Послушайте. Жертва должна быть добровольной, так? И что случится, если вы просто скажете «нет»? Им придется использовать прошлогоднюю вице-королеву, а вы с Питером станете просто жить дальше. Сможете вернуться к нормальной жизни.

Глаза Гвен резко распахнулись.

— Я не хочу возвращаться к прежней жизни! — закричала она. — Я хочу, чтобы вечно продолжалась эта жизнь.

— Но...

— Ой, да что ты понимаешь?! — Она резко откинулась на сиденье. — Ты ничего не знаешь. Ты просто маленькая глупая лесовичка.

— Эй, это бестактно! — воскликнула задетая Джейн.

Питер делал успокаивающие жесты.

— Ах, теперь мы указываем другим, как себя вести, да? Мне подобная критика ни к чему! Могла бы просто подождать не-

сколько месяцев и говорить обо мне все, что тебе угодно, не опасаясь задеть мои чувства! Так нет же, тебе надо оскорблять меня в лицо, пока я еще жива.

— Я...

Гвен заплакала.

Все складывалось ужасно.

— Скоро молл. Я выйду, хочешь?

— Мечтаю!

Лимузин притормозил рядом с моллом. Питер вышел из него вместе с Джейн, неуклюже ее обнял и сказал негромко, чтобы не услышала Гвен:

— Это у нее пройдет. Мы поедем, потанцуем, а потом вернемся ко мне и... Ладно. Не позволяй ей расстраивать тебя. Утром она снова станет сама собой.

Он улыбнулся призрачной, печальной улыбкой.

В итоге она оказалась в молле.

На скамейке возле миниатюрного поля для гольфа Джейн увидела Хебога и Саломею. Аттракцион был временный, сплошь звездные дорожки и дурацкие ветряные мельницы из фанеры, над которыми восседал скучающий великан-людоед, клюя носом в сложенные корытцем ладони. Никто не играл. Двое ее друзей сидели на скамейке вплотную, колени их прикрывал свитер.

Увидев Джейн, гном резко вытащил из-под свитера руку, чтобы почесать подбородок. Саломея покраснела, засуетилась и принялась складывать свитер. Изумленная Джейн сообразила, что под его прикрытием они тайно держались за руки.

— Привет, ребята!

Саломея удостоила ее сдержанного кивка.

— Привет, Сорри, — бросил Хебог.

— Так меня называет Крысякис. Я предпочитаю «Джейн».

— Да, кстати, что там у вас? — с любопытством спросил Хебог. — Вы разве больше не встречаетесь?

Призвав на помощь всю свою выдержку, Джейн сказала:

— Я и Крысякис никогда не встречались — ни в каком виде, форме или смысле. Когда-то мы были друзьями, но больше таковыми не являемся. Если будет угодно Госпоже, мы больше никогда не станем друзьями ни с какой стороны ни в одном из возможных вариантов обозримого будущего.

— Точно, он же сам говорил, что вы поцапались.

Прежде чем Джейн успела сформулировать нужный ответ, вмешалась Саломея:

— Слушай, ты видела в последнее время Рысака-Вонючку? У них теперь три с половиной глаза на двоих. В среднем глазу две радужки, одна каряя, а другая голубая. Круто.

Они поболтали еще немного, затем Джейн сказала:

— Я ищу что-нибудь для Гвен. Она в глубоком дауне, и я подумала, что подарок поможет.

— Типа свитера? — подсказал Хебог.

Саломея ткнула его под ребро.

— Нет, что-то особенное. Типа ювелирного украшения. Гвен любит драгоценности.

— Холода приближаются. Свитер лучше.

— Попробуй в «Доме Оберона», — посоветовала Саломея. — Если ищешь что-то действительно красивое. — Она быстро глянула на свое пустое запястье. — Ой, времени-то уже! Нам пора.

Войти запросто в «Дом Оберона» в нынешнем наряде Джейн не могла. Сначала требовалось украсть приличного вида блузку. В итоге она остановилась на жатом шелке персикового оттенка. Будь на Джейн туфли, пожалуй, сгодились бы и брюки, но, поскольку на ней были сильно ношенные кроссовки — а стащить туфли точно своего размера практически невозможно, — девочка решила вместо этого своровать дорогие джинсы. Еще понадобятся сумочка, косметика и шарфик на шею, последний — удовольствие не из дешевых даже с учетом вложенного в него труда. Дешевая бижутерия и шпионские очки должны были довершить образ. Один взгляд на развалюхи-кроссовки и пластиковые побрякушки в сочетании с одеждой от модных дизайнеров — и даже самый проницательный торговец решит, что перед ним эльфийская соплячка.

На все про все ушло три дня по субъективному времени. Периодически Джейн приходилось ложиться на дно, чтобы не раздражать охранников. И воровать еду. Ведомо одной лишь Богине, сколько походов в общественные туалеты понадобилось, чтобы довершить превращение.

Зато результат был налицо. Когда она ступила в «ДО», оренд едва ногу не подвернул, стремясь подскочить к ней раньше дру-

гих приказчиков. Они обсудили, что бы Джейн предпочла, после чего ее подвели к третьей по роскошности витрине из всех имеющихся в магазине. Оренд отпер стеклянную крышку и откинул ее, чтобы клиентка могла поближе рассмотреть содержимое.

Джейн скучающим пальцем пробежалась по ряду брошей, и на одной ее палец остановился.

С первого взгляда брошь напоминала серебряный полумесяц, луну в какой-то из своих четвертей, поверхность которой на свету казалась изрытой кратерами, но, если на нее падала тень, превращалась в анодированную печатную плату. При ближайшем рассмотрении микросхема оказывалась замысловато вытравленным и заштрихованным лабиринтом, в сердце которого скользил крошечный, чистый как слеза изумруд. Джейн коснулась его единственным своим необгрызенным ногтем и смотрела, как он катится по сложной траектории в извивающейся черноте.

— Гвен бы понравилось, — прошептала она.

Приказчик сказал цену.

— Нет, — с досадой вздохнула Джейн. — Только не на этой неделе. Мама с ума сойдет. — Оренд начал закрывать крышку витрины, когда Джейн отвернулась и спросила: — Как насчет того черного кораллового гарнитура, с цепочкой? Он не подешевле?

Клерк поднял глаза, чтобы проследить, куда указывает ее палец, и в этот момент Джейн протянула руку за спину и стащила брошь. Опускающаяся крышка мазнула по костяшкам, словно мотылек крылышком ударил, и вот она уже прячет добычу сзади под джинсы.

— Существенно дешевле.

— Тогда не думаю, что он меня заинтересует.

Джейн позволила оренду показать ей еще две витрины, а затем, вежливо и словно заставляя себя, покинула магазин.

У святого источника она бросила монетку на счастье и хорошенько осмотрелась, чтобы убедиться, что никто за ней не подглядывает. Затем вынула брошку.

На ее руке сомкнулись чьи-то пальцы, так сильно вдавив брошь в ладонь, что булавка вонзилась в мякоть.

— Поймал!

Это был Соломчик.

— *Ой!* — *Джейн выдернула руку и пососала место укола.* — Ты, задница, у меня кровь идет!

— *Не сработает.* — Он уставился на нее своими выпученными глазами. — Мы уже в курсе насчет твоих воровских штучек. *Хрюк говорил*, что мы будем следить. И мы следили.

Джейн молчала.

— Мне не надо было даже ловить тебя, чтобы заложить. Мне достаточно было сказать, что я был свидетелем твоего воровства. Мне бы поверили. — Он взял ее пальцами за подбородок. — Не веришь?

— Тогда о чем разговор? — Она оттолкнула его руку.

— Я намерен сделать тебе предложение и хочу, чтобы ты поняла, насколько серьезно я говорю.

— Предложение? И какое же твое предложение?

— Ты и я одного поля ягоды. — Соломчик молчал так долго, что Джейн начала подумывать, нет ли в его словах определенного смысла, а она была просто слишком глупа, чтобы догадаться.

— Я не... — начала она.

— Нас обоих здесь считают чужими, — продолжил он. — Мы не похожи на остальных. Мы умеем такие вещи, которые другим и не снились. Разве не так?

Она непонимающе помотала головой.

Глаза у Соломчика были круглые, словно мраморные шарики, и далеко вылезали из орбит. От его подмышек чуть заметно тянуло мускатным орехом.

— Есть кое-что покруче воровства, — сказал он. — Я тебя научу. — Он приблизился к ней вплотную и глубоко вдохнул. — Ты знаешь, что я предлагаю. Чую, что знаешь.

Джейн видела: Соломчик не врет.

— Ты хочешь, чтобы я стала... как ты?

— Осведомителем, да. Мы сделаем так: я не говорю о твоем воровстве. Ты получаешь стипендию, которую хотела. Я тебе помогаю. Ты будешь делать все, что я тебе скажу. — Он хладнокровно встретил испуганный взгляд Джейн. — Это просто. Ты заложишь Саломею и гнома, расскажешь секретарю, что они делали. Я доложу, что ты перевоспиталась. Они поверят. Они верят всему, что я говорю.

— Я никогда не могла бы так поступить со своими друзьями!

— Не ты, так я.

Джейн снова видела, что он не лжет. Хебог и Саломея пострадают независимо от ее решения. С другой стороны, если она станет сотрудничать, появится возможность спасти хоть что-то.

— И чтобы закрепить сделку, ты назовешь мне свое истинное имя, а я скажу тебе свое.

— Но это... — Она хотела сказать «невозможно».

— Да, я знаю, это навсегда. — Он уставился на нее немигающими выпученными глазами. Руки висели вдоль тела. — Если хочешь, можешь пойти в университет. Я последую за тобой. Куда бы ты ни пошла, я буду рядом, стану ближе самого ближайшего друга, какого ты когда-либо имела. Мы станем читать одни и те же книги. Есть из одной тарелки. Делить одну постель.

И тут Джейн осенило, насколько он одинок: в классе его боятся и презирают, начальство терпит и ни во что не ставит. Он настолько отвык от нормального общения, что даже теперь не знает, как с ней разговаривать: угрожает там, где следует убеждать, хмурится, где надо улыбаться. Выходило: то, что он предложил, идет от души.

— Не буду! — яростно выкрикнула она.

Он смерил ее взглядом. Джейн охватила дрожь. Он понюхал ее макушку, колени и — она даже отпрыгнула — сунул нос между ног.

— Ты не уверена, как тебе следует поступить, — сказал он. — Я дам тебе время до завтра. Определись. Я учую твое решение. — Он поднял лунную брошь — Джейн почти про нее забыла — и добавил: — А это я оставлю на память.

Он сунул брошь в рот, развернулся и отбыл.

— Убей его, — просила она. — Тебе это ничего не стоит.

Меланхтон молчал.

Снаружи фиолетовые огни расцветили мерионский защитный периметр, и их машины двигались в тени. Дракон слепо уставился в землю, но Джейн чувствовала, как под его демонстративным нежеланием говорить клубятся сгустки и потоки энергии, вихревые колебания электромагнитной ярости. Она знала его имя. Она могла повелевать им; раз попробовав, она больше не сомневалась в этом. Но рано или поздно ей придется покинуть кабину, и тогда он будет свободен обратить силу

своей ярости на нее. Она в безопасности до тех пор, пока потребность дракона в ней перевешивает его ярость.

— Послушай. Он хочет заняться со мной любовью. Ты заставил меня дать тебе обещание не заниматься этим, ты помнишь? Ты говорил, от этого меняется заряд ауры, я не смогу чинить твою электронику, и она развалится. Помнишь? А?

Все без толку. Джейн сложила стопкой учебники на пилотском кресле и переоделась в пижаму. Она развернула футон, постелила простыни и легкое одеяло, на всякий случай положив в ногах более толстое, шерстяное. От ночи к ночи делалось холоднее. Близилась осень.

Спать.

Глаза закрылись, но сон не шел. Вместо этого она раз за разом прокручивала в голове застарелую загадку драконьего молчания. Может, ему стыдно, что им управляет человек, и такова его мелкая месть: он будет действовать ей во благо, но никаким иным образом ее существование не признает. Опять-таки, драконы существа хитрые и расчетливые. Возможно, он пытается подтолкнуть ее сделать какой-нибудь опрометчивый поступок. Возможно, возникнет ситуация, когда, боясь доверять ему, она поступит по-своему, но так, как от нее требуется в разработанном им хитроумном плане. Возможно, уже сейчас любое ее движение, любая мысль или чувство соответствуют его замыслу и играют определенную роль внутри некоего лабиринта интриг, слишком мощного и запутанного для ее слабого восприятия.

А возможно, он впал в маразм.

Школа состояла из концентрических кругов страха с центром в кабинете директора. Самые отпетые хулиганы боялись этой комнаты, дверь которой никогда не открывалась, а изнутри через неравные интервалы доносились вопли запертого там кошмара.

Кабинет секретаря располагался в непосредственной близости от директорского. Джейн с пылающим взором вслушивалась в отчет Соломчика. Казалось, каждое слово вливало в Хрюка, тоже присутствовавшего в кабинете, очередную порцию негодования. Джейн от страха едва стояла на ногах.

Соломчик закончил.

— Итак! — Секретарь сунула костлявую коленку себе под мышку и осталась стоять на одной ноге. — За все годы, что я

здесь служу, этот случай самый вопиющий и возмутительный. Могут ли оставаться какие-либо сомнения относительно ее наказания?

Она посмотрела на Хрюка. Тот откашлялся и отвернулся. Она посмотрела на Соломчика. Тот встретился с ней взглядом.

— Очень хорошо, — подвела секретарь черту. — Отдайте это несносное дитя василиску!

Отводя глаза, Хрюк и Соломчик выволокли Джейн в коридор. Они распахнули дверь в жуткий директорский кабинет и швырнули ее внутрь. Джейн подняла голову и увидела обитающую здесь тварь. Та гордо восседала на запачканном зеленым пометом блокноте.

Василиск уцепился за край стола своими когтистыми пальцами. Лишенное перьев двуногое нечто, бледное, словно ощипанная курица, с длинной шеей и недоразвитыми отростками, представляющими собой скорее культи, нежели крылья. Его круглый живот казался упругим, как барабан, в то время как прочие части тела безвольно обмякли, словно мясо отделилось от костей.

Но самым ужасным была морда твари — безглазая и почти безлобная. Крошечные человеческие уши с двух сторон замыкали огромные мягкие губы, поверхность которых блестела от слизи. Носа у твари не было, так что каждый вдох представлял собой удушливо-болезненный всхлип.

При виде этого кошмара Джейн невольно представила, каково оказаться запертым внутри такой плоти. Подобная участь выглядела еще отвратительнее, чем сама тварь. Джейн попробовала отвести взгляд и не могла.

Василиск захлопал недоразвитыми пупырчатыми крыльями.

Внезапно он вытянул вперед и вниз бледную шею и широко растянул эластичные губы, обнажив ровные белые зубы и мокрый розовый язык. Джейн отшатнулась от его слепого крика.

Все исчезло. Лишенная пределов и мысли, она стояла нигде, без времени и без воздуха. В состоянии полного отрицания. Затем она пошатнулась, обнаружив себя снова в кабинете директора в ужасе глядящей на василиска, рот которого закрывался, а губы были скользкими от слюны.

Она не слышала завершения его черного крика, однако дрожь от него все еще гуляла по телу. Ей хотелось юркнуть в ближайший туалет, чтобы выблевать желчь и грязь. Она чувст-

вовала себя испачканной, мерзость коркой покрывала ее язык и пищевод вплоть до прямой кишки.

Тут подменышу наконец-то удалось перевести взгляд с василиска на директора. Он неподвижно сидел за столом, в костюме-двойке с репсовым галстуком. Руки безвольно покоились на коленях. Глаза рассматривали Джейн с начисто лишенной эмоций настороженностью рептилии.

Балдуин.

В основании гортани Джейн поднялся писк задушенного мышонка. Ее обнаружили! Меланхтон обещал защитить ее, сделать все, чтобы ее не нашли, сбить со следа любых преследователей. Очередная ложь. Она переживала сейчас такое отчаяние, такое ощущение предательства, каких не испытывала никогда прежде.

Но Балдуин, хотя глаза его следили за каждым ее движением, молчал и не сделал попытки остановить ее, когда она стала бочком подбираться к двери.

Джейн уже схватилась за ручку, когда ее взгляд привлекла лежащая на коленях у Балдуина папка. Серый картонный прямоугольник, придерживаемый старческими руками, — что-то вдруг подсказало ей: это важно.

«Я спятила», — удивилась Джейн, когда, съежившись, возвращалась к хозяину кабинета.

Балдуин наблюдал за ее рукой, опускающейся к его коленям. Тыльные стороны его бледных кистей покрывали старческие пятна. Джейн осторожно взяла папку двумя пальцами и потянула. Папка выскользнула у него из рук. Глаза Балдуина продолжали следить за папкой. Джейн прочитала на сером картоне имя.

«Питер с Холмов».

Она лихорадочно распахнула папку. В ней содержался единственный квадратик тонкой бумаги, и ничего больше. Серые смазанные буквы прыгали перед глазами: она не могла прочитать их здесь. Не в ее нынешнем состоянии. Джейн сложила бумагу вчетверо и сунула за вырез блузки.

Балдуин не шевельнулся, даже когда она снова вложила папку в его пятнистые руки.

В коридорах никого не было. Она медленно переступила порог. Из какого-то класса появился было учитель, увидел ее выходящей из кабинета директора и юркнул обратно. Незнание ненаказуемо.

Испытывая головокружение и некоторую оторванность от реальности, Джейн поплыла по коридору.

Когда Джейн проходила мимо секретарского кабинета, Хрюк и Соломчик ухватили ее под руки и втянули в комнату.

— Что он тебе сказал? — набросилась на Джейн секретарь. — Что он сказал?

До сих пор Джейн еще как-то держала себя в руках. Но тут она сломалась, безудержно разрыдавшись от смешанного чувства страха и отвращения.

— С ней истерика, — констатировала секретарь. Она занесла руку и отвесила Джейн пощечину, да такую, что у девушки в ушах зазвенело. Брызгая слюной, секретарь твердила одно и то же: — Что он сказал?!

Некая холодная, расчетливая половина Джейн, незаметно обитавшая в глубинах ее существа, увидела шанс и воспользовалась им. Никто из них ничего не знал. Они так боялись директора, что не смели встречаться с ним лично. Они имели не больше представления о его истинных намерениях, чем о намерениях самой Госпожи Луны.

— Он сказал, что я должна стать алхимиком! — всхлипнула она. — Он сказал, что вы должны дать мне полную стипендию.

Троица обменялась исполненными глубокого разочарования взглядами. Они не могли поверить в услышанное, как и не могли вообразить, что кто-то способен лгать после общения с василиском. Это было невозможное заявление и в то же время непререкаемое.

И они ничего не могли с этим поделать.

Секретарь начала печатать бланки.

ГЛАВА 10

Девочки-стрекозы кучкой курили у боковой двери. Поскольку их тела долго оставались неразвитыми даже после полового созревания, выглядели они как испорченные дети. Джейн каждый день наблюдала, как они судачат между собой, звеня крылышками от возбуждения, с узкими бедрами и почти лишенные грудей, в модельных джинсах и прозрачных шелковых блузках, щелчком отправляя во двор измазанные помадой окурки.

Она выделила одну, чуть менее надменную с виду, и подождала, пока та не удалится от остальных.

— Извини, — обратилась к ней Джейн.

Девочка-стрекоза прошла мимо, затем остановилась и насмешливо оглянулась через плечо.

— Это воровка, — сказала она, ни к кому не обращаясь.

— Смотри. — Джейн сунула руку в сумку и вытащила серебряный амулет. Изящная вещица, кованый цветок жизни, стоила кучу денег. Она прогуляла этим утром уроки, чтобы стащить его, и, если бы ее поймали, она поимела бы серьезные неприятности. Рискнуть и принести амулет в школу пришлось потому, что обилие холодного железа в драконе не позволяло держать драгоценности дома: они всегда неизбежно болели и умирали. Серебро пело на солнце, и при виде его у девочки-стрекозы округлились глаза. — Это тебе.

— Гра'мерси. — Та протянула дистрофично-тонкую руку.

Джейн отдернула амулет.

— Есть цена.

Темные глаза погасли и сделались жестокими, губки чуть разошлись вверх-вниз, обнажив крохотные жемчужные клыки. Джейн тем не менее продолжала:

— Где я могу получить информацию о контрацепции?

Полное изумление. Затем:

— Контрацепции? Ты?!

Девочка-стрекоза запрокинула голову в приступе жестокого эльфийского смеха.

— Ты его хочешь или нет?

— Давай сюда.

Амулет едва коснулся ладони девочки-стрекозы и пропал. Она развернулась и зашагала прочь, оставляя в воздухе за собой слова:

— Пег с Помойки. Она берет серебром.

Джейн потребовалось несколько недель, чтобы набраться смелости. Но холодным дождливым утром в начале Вдовьей Луны Джейн стояла в своей тонкой ветровке, дрожа от холода, перед жилищем Пег — обшарпанным кирпичным домишкой, одним из многих, чьи задворки выходили на свалку. О том, что здесь обитает ведьма, свидетельствовала лишь ржавая жестяная табличка с изображенным на ней двуглавым топориком. По фасаду причудливо извивалась трещина, расколовшая кирпичи надвое, большинство стекол в окнах заменил пластик. Шторы были задернуты.

Джейн стояла у крыльца, не в силах подойти ближе. За исключением той отчаянной ночи, когда они сбежали с завода, она никогда всерьез не бросала вызов дракону. Во всяком случае, не по такому поводу! Приход сюда подразумевал, что в ее вере образовалась брешь, ибо девственность являлась непременным условием практической инженерной магии. Технологические причины этого не были ей известны, но она знала, что все большие корпорации кастрируют своих инженеров, прежде чем доверить им какую-либо серьезную работу.

Она вынула из кармана клочок бумаги, спертый у Балдуина. Края вчетверо сложенного листка пообтрепались и стали серыми. Джейн развернула его и прочла. Он по-прежнему говорил о том же.

«Сделай глубокий вдох, — сказала она себе. — Поднимись по ступеням. Подойди к двери. Постучи».

Готово.

Долгое молчание, скрип, нотом опять тишина. Дверь отворилась.

— Да? Чего надо?

Пег оказалась жирной старой каргой, густо накрашенной, с торчащей изо рта сигаретой. На ней был махровый халат и стоптанные коричневые шлепанцы. Под глазами у Пег темнели круги, а в руке стыла чашка кофе.

— Я могу зайти попозже, если хотите, — проблеяла Джейн. — Я не хотела вас будить.

Нарисованная бровь поползла вверх. Красные губы насмешливо изогнулись.

— Или туда, или сюда, только не стой в дверях. Я себе тут задницу заморожу.

Пег придержала дверь, и Джейн протиснулась мимо ведьмы в дом, приминая ее мягкий живот и страшных размеров груди. От халата ударял в нос затхлый запах никотина и благовоний.

В камине мерцал телевизор, передавали новости о беженцах, спасающихся от бойни в Каркассоне. Пег раздраженно щелкнула пальцами, и ящик выключился. Слишком маленькую и душную гостиную загромождали секретеры, приставные столики и стулья. Тут присутствовали гномья наковальня, гравюры с изображением освежеванных лошадей, аптекарский шкафчик черного дерева, законсервированный в растворе морской соли гомункулус. Все это напоминало некий несопоставимый по деталям коллаж из вырванных журнальных картинок; глазу никак не удавалось сложить их в осмысленное целое.

— Сядь, — велела Пег. — Я пойду что-нибудь накину. — Она протиснулась за портьеру на двери, и кольца на штанге звякнули.

Джейн, сложив на коленях руки, ждала хозяйку. Электрический обогреватель посредине комнаты гудел и слабо потрескивал. С одного боку девушке было жарко, с другого холодно. Гомункулус пялился на нее мертвыми, изумленными глазами, словно говоря: «До чего же ты уродливое создание».

Она отвернулась. Под стеклянным колпаком на каминной полке стояли позолоченные бронзовые часы. Она различала мучительное подергивание секундной стрелки, но, поскольку воздух внутри отсутствовал, механизм не издавал никаких звуков. Спустя непродолжительное время девочка снова обнаружила, что смотрит на маринованного уродца.

«Ненавижу тебя, — говорило застывшее на его лице выражение, — потому что ты можешь двигаться, а я нет, потому что

у тебя есть свобода, которую я и не надеюсь обрести, а ты с ней ничего не делаешь».

Джейн поерзала на стуле.

У стены высился стеклянный стеллаж, подсвеченный скрытыми лампами, так что полки сияли холодным, недобрым светом. На них ровными рядами выстроились яйца, безумно разнообразные, все одинакового размера, вырезанные из малахита и прозрачно-белого, как снежинка, обсидиана, из зеленого и розового оникса, золотистого рутилового кварца и сияющего синим аргоновым огнем опала. Попадались и хрустальные шедевры с миниатюрными сценками внутри, городами и горными пейзажами, играющими детьми. Блошки с человеческими мордочками держали в лапках корзинки с яйцами, внутри которых помещались меньшие блошки с корзинками еще меньших яиц.

Джейн не понимала, почему вид всех этих яиц наполняет ее отвращением, но дело обстояло именно так. Ее тошнило при одном взгляде на них. Отвернувшись, она снова встретилась взглядом с выпученными глазами недовольно кривящего губы гомункулуса.

«И дура к тому же».

Джейн моргнула.

— Привет? — неуверенно произнесла она.

«Да уж пора бы. Ты словно тусклая лампочка, не так ли? Гримаса эволюции. В семье не без урода».

Для мимолетной мысли выходило довольно грубо. Джейн с любопытством подошла к бутылке и коснулась ее стекла. Маленький человечек внутри был белый и раздувшийся, словно готовый лопнуть гриб-дождевик.

— Ты живой?

«А ты?»

Джейн отошла от бутылки. Наверное, надо что-то сказать, но что?

«Спроси меня, чего я хочу, — предложил карлик. — Над этим всегда можно посмеяться».

— Чего ты хочешь?

«Я хочу умереть. Хочу затолкать ведьму в эту бутылку и чтобы она мучилась, как я. Хочу знать, кто стоит у тебя за спиной».

Джейн резко обернулась. Никого. Когда она снова повернулась к гомункулусу, тот заметил насмешливо:

«Разумеется, оно не собирается торчать там, когда ты смотришь. Не на того напали. Посмотри на наковальню. Видишь кувалду? *Разумеется, видишь*».

На наковальне, на расстоянии меньше вытянутой руки от гомункулуса и так, чтобы он все время его видел, лежал двадцатифунтовый молот.

— Да.

«Подойди к нему. Дотронься до молота, вот и все, чего я прошу. Разве он не приятен на ощупь? Такой крепкий и тяжелый».

От окна прямо в уголок глаза подменыша упала тонкая полоска серебристого света и ослепила ее. Джейн отодвинулась, но перед глазами прыгали крошечные солнышки. Накатила слабость, голова кружилась, все казалось нереальным.

— Наверное...

«Проведи ладонью по рукояти. Какая гладкая. Приподними. Почувствуй его вес. Почувствуй, как напрягаются и перекатываются мышцы. Какое чудесное ощущение, какое удивительно настоящее: надо стать парализованным, как я, чтобы оценить это в полной мере. Подними чуть выше. Покачай туда-сюда. Почувствуй силу инерции, ощути, как тебе приходится напрягаться, чтобы справиться с ней».

— Ты прав. — Джейн никогда раньше сознательно не уделяла большого внимания тому, как работает ее тело, — интересное ощущение. Казалось, комната уплывает куда-то, тонет в нарастающем гудении обогревателя. — Довольно забавно.

«Теперь подними молот над головой. Почувствуй, как дрожат руки под его весом. Как обух его стремится к земле. Он хочет перевесить и устремиться по дуге вниз. Чувствуешь?»

— Да.

«Тогда опусти его вниз — быстро! Разбей бутылку!»

Джейн чуть было его не послушалась.

— Нет! — В последнее головокружительное мгновение девочка увела молот в сторону и со звоном и грохотом уронила на наковальню. Потом отступила к своему стулу и села. — Зачем ты это делал?

«Не останавливайся, когда мы подошли так близко! Освободи меня. Дай мне забвение. Можешь сказать ведьме, что это я тебе приказал».

— Ага, прекрасно, — Джейн не двинулась с места, — и что она сделает, когда обнаружит, что я разбила ее вещь? Ее бутылку. Вряд ли обрадуется. Может, даже накажет меня.

«Какое мне дело, что будет с тобой? Она мучает меня. Она слишком много весит. Она ест живых мышей. Она специально слишком коротко обрезает ногти на ногах. Она курит сигареты без фильтра, пьет сивушное масло и сует в рот горящую спичку, специально чтобы обжечь язык. И туфли у нее слишком тесные».

— Что-то непохоже, чтобы она проделывала это с тобой. Скорее, она себя мучает.

«Ты разве никогда не слышала о грехотерпцах?»

Джейн помотала головой.

«Тсс! Она идет».

Пег скорым шагом вошла в комнату, набросила тряпку на бутылку с гомункулусом и тяжело плюхнулась в роскошное кресло.

— Деньги вперед.

Джейн достала из сумочки горсть серебряных лунных долларов и единственный золотой цехин с изображением улыбающегося солнца. Пег отщелкнула цехин обратно длинным фиолетовым ногтем и убрала в карман остальное.

— Итак, в чем дело? Залетела, да? — Она прищурилась. — Нет? Тогда с парнем поссорилась.

Джейн кивнула.

— Тебе чего, зелье или колдовство? Зелье — оно вернее, но колдовство действует на расстоянии. И если пользоваться ядом, то неплохо бы, чтобы у тебя с суженым отношения были хорошие.

— Мне просто надо узнать о противозачаточных средствах.

— Прекрасно. — Пег затушила сигарету в пепельнице и тут же щелкнула зажигалкой, чтобы прикурить новую. — Ну, контроль над зачатием — это просто. Правило первое: это не работает.

— Что?

— Неоднозначно. Не важно, насколько ты осторожна: каждый раз, играя с мальчиками в «спрячь колбаску», ты рискуешь оказаться в итоге с полным брюхом последствий.

— Но...

— На противозачаточные заклятия никогда нельзя полагаться целиком. Потому что их сила исходит от Матери, а Мать хочет детей. В любых чарах существует лазейка, каждый амулет

имеет изъян. В конечном итоге контрацепция только средство вовлечь тебя в ее игру.

— Вы хотите сказать, что рано или поздно она меня подведет?

— Я этого не говорила. Для большинства она работает достаточно хорошо, чтобы и остальные рискнули попробовать. Но соотношение вероятностей всегда оставляет желать лучшего. Гарантий не существует.

— Я все равно хочу научиться.

— Разумеется, хочешь. Возраст. — Пег вытолкнула себя из кресла. Она извлекла из аптечного шкафчика черный резиновый предмет и ткнула им в сторону Джейн. — Это точная модель эрегированного члена. К сожалению, не в масштабе. — Джейн робко взяла его, а колдунья бросила ей на колени пакетик из фольги. — А это презерватив. Который вы, малыши, называете гондоном.

Может, Пег была и грубовата, но дело свое знала основательно. Джейн несколько часов слушала про презервативы, пилюли и противозачаточные гели. Она узнала, как построить на окне алтарь и сколько голубей надо каждый месяц приносить в жертву. Выучила семь тайных имен Госпожи Луны, усвоила, куда вставлять противозачаточный колпачок и каковы медицинские последствия перевязывания труб. Наконец Пег выдала ей маленькую каменную фигурку и сказала:

— Это двуликая ипостась Богини.

Джейн повертела фигурку в руке. Та имела два переда.

— С одной стороны она беременна, с другой — нет.

— Именно. Этот инструмент особенно полезен тем, что может использоваться для усиления плодовитости.

Она научила Джейн стихотворному заклинанию и сопутствующим ему жестам, затем критически наблюдала, как Джейн, благодарная, что гомункулус больше ее не видит, пела и танцевала на месте на тесном пятачке посредине комнаты.

Полой кости тресни стан,
Заккари зан, заккари зан!
Слева тронь, справа тронь
За колено, за ладонь.
Тронет землю мудрый друг,
Повернет ее вокруг,
Крутит-вертит — мускидан,
Заккари зан, заккари зан!

Так звучала регулирующая месячный цикл мантра. Фигурку следовало повернуть два, три или пять раз, в зависимости от количества дней, прошедших с начала месячных. Когда фигурка оказывалась девичьей стороной кверху, можно было делать что хочешь. Когда она поворачивалась материнской стороной, следовало хранить целомудрие. Этот способ надежен, заверила ее Пег, до тех пор, пока не ошибаешься в счете, не забываешь повторять мантру каждое утро без исключений и никогда не напиваешься и не обдалбываешься до такой степени, чтобы забыть, какой стороной она сегодня лежит.

— Теперь все, — сказала наконец ведьма. — Наверное, как у всех девчонок, каких я знаю, голова у тебя полна чепухи, а на языке вертится куча идиотских вопросов?

— Я хочу понять... ну, это скорее из области колдовства, нежели контрацепции... — Джейн покраснела. — Но я хочу знать, когда я соприкоснусь с моей женской мудростью?

— Женской мудростью? Не знаю такого зверя. — Пег прикурила свежую сигарету.

— В школе нас учили, что все поделено между мужским и женским началами. Нам говорили, что действие проистекает из мужского начала, а мудрость от женского. Говорили, что поэтому девушек не пускают в политику.

Пег фыркнула.

— До чего же типично *мужское* высказывание! Все это полное дерьмо, барышня. То, что у тебя между ног манда, ничего особенного тебе не прибавляет. Это очень милая штучка, и, если хорошо с ней обращаться, она станет тебе хорошим другом. Но источником мудрости?.. Ба! Ее запросы просты и немногочисленны. Ты учишься этим, — она коснулась лба Джейн, — и этим, — она притронулась к ее сердцу. — У мальчиков тоже есть сердце и голова, знаешь ли. Не то чтобы они ими умели пользоваться...

— Спасибо, — смущенно сказала Джейн. — Спасибо вам большое.

— Вопросов не осталось?

— Нет, — ответила Джейн. — Хотя — да. Да, еще вопрос, всего один. Мне хотелось бы узнать про эту штуку в бутылке.

Глаза у Пег потемнели, и она улыбнулась.

— Когда-то он был моим любовником. Но потом усох. — Она протянула руку и сдернула с бутылки тряпку. — Ты дол-

жен присутствовать при этом, ненаглядный. В конце концов, это же твоя история.

Бесстрастный взгляд гомункулуса ничего не выражал.

— Когда мы только познакомились, это был здоровенный бородатый желтозубый великан. Огромный как гора, плечи оттуда вот дотуда. Как же он был великолепен! Даже его недостатки были *большими* недостатками. Подмышки у него пахли так, что и козел бы задохнулся. Пердел он, что гром гремел. И трахал все, что шевелится.

Ухаживание наше было грубым, но мне нравилось, и, когда я ловила его охаживающим какую-нибудь фифочку или цацу, я молотила ее в кровь, а он смеялся и дрыгал лапками. У нас вечно не было мебели, потому что я разбивала ее об его тупую башку. А, да разве нас это волновало? Мы были молоды и влюблены.

Но однажды вечером за ним пришли тилвит-теги. Я забыла из-за чего — вроде бы он съел чью-то собаку. Должно быть, какой-то шишки, раз теги вмешались. Мы жили в однокомнатной квартирке над баром, и окно было забрано решеткой от грабителей. Все руки не доходили ее оторвать. Ему ничего не оставалось, кроме как спрятаться в чулане.

Тилвит-тегов явилось двое: глаза дикие, блестят, оба поджарые, будто гончие. Скулами можно хлеб резать. Один из них поднял голову и принюхался.

«Он здесь, — говорит. — Я его чую».

«Конечно чуете, — говорю и показываю на смятую постель. — Мы месяц белье не меняли».

«Тот запах сильнее», — говорит он.

«Тогда вы не его чуете», — говорю я и делаю ему глазки.

Они переглянулись, и один из них усмехнулся.

«Пытаешься нас подкупить своим телом?» — говорит второй.

А я глянула ему в глаза и говорю: «Уж денег-то я вам точно не дам!»

В итоге я по полной программе ублажила их обоих на нашей смятой постели, а она еще воняла запахом их жертвы. Эти теги жуткие взяточники.

Пег ухмыльнулась.

— У тебя такой вид, милочка, будто ты проглотила недозрелый лимон. Но уверяю тебя, они были рады меня поиметь. Я далеко не такая уродина, какой тебе представляюсь.

— Нет-нет, — быстро вставила Джейн. — Вовсе нет.

Она не лгала. Ее ужасала сама история. Она и так не ждала от секса особых радостей, но он оказывался еще более убогим, дутым и циничным, чем она подозревала.

— Ммм. На чем же я... ах да. Мы кувыркались на этой кровати около часа, и для меня главная прелесть происходящего заключалась в том, что тот, кого они искали, все время находился в трех шагах от них, подглядывал через щелку в двери, наверняка со спущенными штанами, и полировал сам себя.

«Как он посмеется, когда они уйдут, — думала я. — Как он будет рычать».

Но когда они ушли и я открыла дверь чулана, он не смеялся. Нет, вовсе нет.

«Зачем ты это сделала?» — спросил он меня.

Я сказала: «Если тебе не нравилось, почему ты это не прекратил?»

А он: «Как я мог? Меня бы поймали».

«Что это ты мне говоришь? — спрашиваю. — Ты позволил им делать со мной, что они хотели, потому что боялся?»

Он отвел взгляд.

«Ладно, — говорит, — забудем».

Но я не могла забыть. Потому что в моих глазах он стал не таким большим, как еще секунду назад. Он слегка съежился.

Понимаешь, в моих глазах он пал. Столько всего было. Я расскажу тебе еще один случай, когда я пришла домой и обнаружила, что пропали мои лекарства и половина моей одежды. Я схватила бейсбольную биту, которая хранилась за дверью на случай незваных гостей, и пошла его искать.

Он сидел внизу, у бочки, в которой сжигают мусор, и играл в кости с несколькими троллями и одним красным гномом. Он был пьян, как заспиртованный филин. На гноме вместо шарфа красовался мой лучший кружевной лифчик.

Я завизжала и кинулась на них. Они похватали бутылки и барахло, на которое играли, и, как тараканы, от меня в стороны. Все, кроме него. Так что своего лифчика я больше не видела. Но когда я обрушила на него биту, он отрезвел. Именно этого я ему не простила.

— Почему?

— Когда на твоем счету накопится некоторое количество мужиков, поймешь. Он ухватился за биту, и мы боролись за нее.

Ни один не смог отнять ее у другого. Он уменьшился до моего собственного размера.

После этого процесс пошел быстро. Он начал хитрить, бегал в квартал кобольдов на свидания с любовницей, у которой пальцы на руках скребли чуть ли не по земле, как у горной гориллы, а однажды поимел ее прямо в нашей постели, пока я спала. Начал таскать деньги у меня из сумочки, а когда я ему сказала, что у меня ничего нет, пригрозил отправить меня на панель зарабатывать. Он лгал, хныкал, избегал встречаться со мной глазами. Я бы вышвырнула его, но мы обменялись истинными именами, и мне ничего не оставалось, как только смотреть на эту дрянь до конца. День за днем, месяц за месяцем он падал в моих глазах все ниже и ниже, становился меньше и меньше, пока не превратился в тварь размером не больше ежа. Наконец мне пришлось упрятать его в бутылку. Где он и пребывает по сегодняшний день.

Она низко склонилась над бутылью и промурлыкала ее обитателю:

— Не волнуйся, мой ласковый. Однажды твоя ненаглядная принцесса придет. Она будет молода и прекрасна и взглянет тебе прямо в глаза. Тебе не придется умолять, она и без того будет знать, чего ты хочешь. Она поднимет молот с наковальни и взмахнет им в воздухе быстрее, чем дано уследить смертному глазу. Ты будешь ослеплен, поражен, лишен способности мыслить. Молот обрушится как молния, чтобы разбить твой тесный мирок на миллион осколков и освободить тебя.

Она выпрямилась и взглянула на Джейн.

— Но не сегодня.

Саломеи уже третий день не было в школе: явно что-то происходило. В классе Хрюк объявил, что нисса попала в аварию и лежит в больнице. Далее его понесло на тему опасностей, которым подвергается каждый, кто развлекается без присмотра, и всем стоит всерьез задуматься над этим уроком.

Но в коридорах ходили иные слухи. Между уроками Рысак-Вонючка подошли к Джейн своей неуклюжей — три ноги на двоих — походкой. Их средний глаз уже почти утонул в складках и вид имел жутковатый. Они многозначительно ухмылялись.

— Слыхала про Саломею?

— Нет, — ответила Джейн. — Только то, что нам сказали.

— Она беременная. Ее отправили на детоводческую ферму, и она больше не вернется. И угадай, кто постарался? Хебог, кто же еще!

— Откуда вы все это знаете?

— Тоже нам секрет! Соломчик болтает об этом направо и налево, лишь бы слушали.

После уроков Джейн отыскала Хебога за школой на краю футбольного поля. Он подбирал маленькие камешки с дорожки и выстраивал их в тщательно выверенную линию. Затем палкой, как клюшкой для гольфа, он по одному отправлял их в небеса. Он сказал ей, что его вызывают в суд низшей инстанции.

— Что они с тобой сделают?

Хебог пожал плечами, примерился к очередному камешку и отвел руку в замахе. Он поддал его вверх, и камешек улетел.

— Не знаю. Вероятно, отправят по кабальному договору на завод. Якшаться с вами, высокими сволочами, — серьезный проступок. Ничего личного.

— Хебог, послушай, я хочу, чтоб ты знал...

— Не хочу ничего слышать. Имел я твое сочувствие. Это — настоящее, и я не хочу, чтоб его испоганили дешевыми сантиментами, ясно?

И Джейн отправилась домой и подключилась к дракону. Она оставила попытки разговорить его, но ей по-прежнему нравилось наблюдать, как работают мерионы.

Для мерионской цивилизации наступили тяжелые времена. С установлением холодной погоды добывать пищу стало труднее, а за отсутствием собственных ферм они начали зависеть от того, удастся ли ограбить соседей на предмет продовольствия. Крошечные воины не построили ни амбаров, ни складов. Их армии прочесали окружающую территорию на половину пути до школы. Таким образом, пути снабжения у них оказались слишком растянутыми, а патрули более уязвимыми для партизанских налетов. И вылазки их сделались куда менее результативными, нежели раньше.

Вслед за развалом экономики последовало физическое вырождение. Уютные жестяные домики превратились в лачуги. Погибающие от голода мерионы бесцельно бродили по улицам. Военная полиция в бронированных машинах сновала повсюду, сурового вида солдаты сидели за обманчиво маленькими стан-

ковыми пулеметами. Джейн повидала бунт в миниатюре, за которым последовала зачистка района трущоб. Прочесывая за домом дом, солдаты выволакивали наружу сотни крохотных врагов народа и тут же казнили.

Девочка долго наблюдала за ними, размышляя о жестоких поворотах судьбы.

До Самайна оставалось совсем немного, когда Гвен изловила подменыша в промежутке между уроками и сунула ей в ладонь два билета.

— Только что напечатали. Места в первом ряду прямо на сорокаярдовой линии. Две штуки, — радостно щебетала она. — Я просто уверена, тебе пора назначить кому-нибудь свидание. Правда, Джейн, ты уже взрослая. Конечно, ты немного застенчивая, но пригласить куда-нибудь парня — это абсолютно нормально. Просто для начала.

— Ну... это очень мило с твоей стороны, только...

— Крысякиса, например. Ты ему нравишься.

Джейн похолодела. Это было то самое ощущение покалывания во всем теле, которое бывает сразу после укуса осы, за секунду до появления боли.

— Оставь себе свои чертовы билеты! — Она сунула их обратно Гвен и в ярости побежала прочь.

Гвен ее догнала, взяла за руку, а когда Джейн отпихнула девушку, та сгребла ее за плечи и втащила в пустой класс. Затем пинком захлопнула за собой дверь.

— Ладно, что происходит?

— Ты знаешь, что происходит.

— Нет, не знаю.

— Но ты должна! — Джейн заплакала.

От этого Гвен растаяла. Шепча Джейн что-то ласковое, она хотела ее обнять, но не тут-то было. Джейн бешено вывернулась, и русалка в недоумении отступила.

— Не понимаю, отчего ты взбесилась. Просто не понимаю.

За окном шел дождь, серый, пронизывающий дождь, принесенный ветрами, от которых стучали окна, и стекла омывали водяные потоки. Внутренность класса, почти обеззвученного звукозащитными заклинаниями и освещенного флуоресцентными лампами, казалась призрачным, обманчивым островком среди разбушевавшейся вселенской стихии. Рука Джейн сама

собой скользнула в карман жакета. Она вытащила клочок бумаги, который носила с собой после той самой встречи с директором, и развернула его.

— «Питер с Холмов, — читала она вслух, — подвергнут осмотру нижеподписавшимися практикующими специалистами в области герменевтической медицины в день Жабы, Секирной Луны, сто семьдесят третьего года от Падения Турбины. По результатам осмотра ему выдан сертификат — как девственнику, невинному по части плотских утех и годному для принесения в жертву во славу Богини, дабы не навлечь Ее пагубного неодобрения и избегнуть Ее гибельного желания».

Пылая глазами, Джейн повторила:

— Девственник!

— Где ты это взяла?

— Какая разница где? Здесь сказано: Питер девственник.

— Ну, Джейн, ты же понимаешь, Богине не нужны...

В дальнее дерево на горизонте ударила молния. Гвен ахнула. Джейн, однако, даже не вздрогнула. Она чувствовала, как энергия грозы гневом вливается в ее вены, поднимает дух, прибавляет силы. Каждый волосок у нее на теле встал дыбом. Гвен теперь казалась меньше и, съежившись, отступала от Джейн, словно тень, склоняющаяся перед светом.

Гром наполнил пространство класса.

Джейн трясла бумагой у русалки перед лицом.

— Я только хочу понять, что же вы делаете, раз ты с ним не спишь?

— Он мой консорт.

— Да, но что это значит?

— Питер... облегчает мою боль. Он делает мою жизнь проще.

В шоке, словно от удара молнии, Джейн почувствовала, как осколки и обрывки информации складываются в единое слепящее озарение.

— Он грехотерпец, ведь так?

Секундное колебание Гвен сделало дальнейшее отрицание бессмысленным.

— А что тут такого?

— Ах ты... гадина! Я думала, ты храбрая, я думала, ты сильная. Но ведь от тебя этого и не требовалось, не так ли? Ты ни хрена не чувствовала. Ты вообще не страдала. Это Питер страдал. Это у Питера болели ноги, когда ты плясала до упаду, это

Питер переносил твои похмелья и кокаиновые ломки. Это Питер платил за все твои удовольствия, верно? Ну-ка скажи мне: когда ты дурно обращаешься с ним, кто чувствует себя виноватым? А? Ведь не ты же?

Молния подбиралась все ближе. На фоне зеленоватой послеполуденной темени искусственный свет делал лицо Гвен слишком белым, кожа словно обтягивала ее череп.

— Консорты для того и существуют. Может, никто об этом не говорит, но все знают. Я не сделала ничего, чего не делалось бы каждый год в каждой общине от начала времен. Так что тут ничего особенного. Что тебя так расстроило?

— Ты каталась на халяву, а платил за проезд Питер.

— Мне положено!

Джейн охватило зловещее спокойствие. Она ничего не сказала. Она была средоточием бури, оком ее силы. Вся суровая мощь стихии вливалась в нее. Она смотрела на Гвен с богоравным презрением.

С жалким писком русалка отвела глаза и метнулась к двери. Она ухватилась за ручку и, обретя таким образом точку опоры, на секунду повернулась обратно, прежде чем удрать.

— Все равно твое мнение ничего не значит, мисс Великая-и-Ужасная Джейн Олдерберри! Я по-прежнему Королева Лозы, а Питер по-прежнему мой консорт. Вот мы кто, и вот каковы наши отношения. Может, тебе это не нравится, ну и что с того? Таков порядок вещей, и ты ничего с этим поделать не можешь. Ничего!

Дверь за ней закрылась.

Джейн осталась в классе одна среди парт со сдвоенными фибергласовыми сиденьями, неотличимыми друг от друга и похожими на детей с пустыми, лишенными черт лицами. Они терпеливо ждали, пока подменыш заговорит.

«Поживем — увидим», — сказала Джейн про себя.

ГЛАВА 11

Только придя за вещами, Джейн обнаружила, насколько ее шкафчик зарос. Большую часть внутреннего его пространства заполнили орхидеи и тропические растения-паразиты, а когда она распахнула дверцу, из шкафа вылетела колибри.

— Не понимаю, — удивлялся Соломчик. — Ты хочешь, чтобы твои документы отправили в университет заблаговременно, так, что ли?

Мульча из работ над ошибками, старых контрольных и отксеренных конспектов образовала подстилку, на которой выросли грибы и папоротники. Некоторые книги настолько заплесневели, что возвращать их в библиотеку уже не имело смысла. Когда Джейн сунула руку за расческой, мимо прошмыгнул какой-то мелкий зверек. Перестук потревоженных им бамбуковых стеблей напомнил звук ксилофона.

— Можешь взять методички. Мне они уже не понадобятся.

Соломчик беспокойно переминался с ноги на ногу, пытаясь таким манером привлечь внимание девушки. Его стремление угодить было трогательным. С переменой ее судьбы она сделалась для него предметом страха и тайны.

— В этом году уже немного поздно для нормального перевода, но, может быть, получится провести тебя по особому статусу.

— Как хочешь.

Поверх ее вещей на полке лежал белый бумажный прямоугольник. Кто-то просунул его через вентиляционное отверстие. Джейн развернула письмо.

Я знаю, ты на меня злишься. Но мне по-прежнему кажется, что из нас получилась бы великолепная пара. Я не могу быть счастлив без тебя. Давай попробуем еще раз. Мир и поцелуй, а?

Подпись отсутствовала, но состряпать подобное мог только Крысякис. Джейн ощутила невольный приступ ярости, но заставила себя холодно улыбнуться и прошептала чуть слышно: «Мечтать не вредно».

— Секретарь подумала, что нам стоит устроить небольшую церемонию. Ничего особенного; может быть, чай после уроков. Только ты, я, она и несколько учителей, кто был для тебя наиболее важным наставником. Я мог бы подготовить пергаментный свиток с каллиграфией. Или поздравление в рамочке.

— Посмотрим.

Она заперла шкафчик. В последний раз.

— Так я и сделаю, — прокричал он ей вслед. — Ладно?

По дороге к выходу она наткнулась на сияющего восемьюдесятьюзубой улыбкой Рысючку. Глаз у него осталось уже только два, *хотя цвет их не совпадал, а средняя нога усохла* настолько, что ее приходилось подворачивать и убирать в джинсы. Хотя превращение почти завершилось, он оставался по-жабьи уродлив. Но, судя по благостной мине, конечная цель была именно такова.

— Джейн! Как удачно, что я тебя встретил. — Он обнял ее за плечо, но она его руку сбросила.

— Вот еще! Знаю я твои фокусы.

Он достойно воспринял ее отпор.

— Слушай, я только что был возле твоего логова, смотрел, как истребители раскладывают приманку. Там вокруг маленькие желтые предупредительные флажки.

— Вот как? — Джейн равнодушно отреагировала на эту новость.

— Ага, я поговорил с одним из них, и он сказал, что уж больно сильно там все заражено мерионами. И что если они не возьмут приманку, через день-два в их норы пустят отравляющий газ.

Джейн затошнило при мысли, что ее маленьких приятелей изведут газом. Но проблемы у всех свои, и лично ей следовало думать о более неотложных делах.

— Спасибо, что сообщил, — сказала она. — Я специально постараюсь не есть ничего с земли несколько ближайших дней.

Она вышла на звонкий осенний воздух с полными руками всякого барахла, которое надо было снести домой, в кабину дракона. Школа осталась позади.

«Я никогда сюда уже не вернусь, — подумала она. — Никогда».

Но ничего не почувствовала, а на выдавливание сантиментов времени не оставалось.

Ей еще надо подготовиться к сегодняшнему вечеру.

Джейн постучала к Питеру в дверь.

— Войдите, — ответил он.

По случаю кануна Самайна, последнего дня, когда еще можно что-либо изменить, Питер надел костюм с золотым отливом, чтобы в очередной раз проверить, как он сидит. Гвен отбыла в город на праздничный банкет. Все только о нем и говорили: там будет шампанское, будут речи, а для оргии, которая завершит празднество, зарезервирован люкс в отеле. Поэтому Питер пребывал в одиночестве.

Сердце Джейн рванулось к нему: он был так худ и бледен, ну в точности забитый ребенок, которому не хватает человеческого тепла. На крышке комода лежал серп. Джейн отвела взгляд.

— *Я принесла вино. Мне подумалось — может, стаканчик-другой облегчит тебе сегодняшний вечер.*

— Спасибо, — смущенно ответил он. — Это так мило с твоей стороны.

— *De nada*[1].

Кувшин и сумочку она поставила на пол. В сумочке находился минимум вещей, которые могут ей понадобиться, если все получится: зубная щетка, каменная фигурка Матери и смена белья.

— Где у тебя стаканы?

Питер отправился в ванную и вышел через минуту без пиджака и с двумя высокими стаканами.

— Эти подойдут?

— Более чем, — заверила она его.

Джейн выждала, пока стакан Питера почти опустел, и наполнила его заново. Под ложечкой сосало, но она должна была спросить.

— Питер, — сказала она, — ты правда девственник? — Вдруг это какая-то ужасная ошибка; может, она что-то не так поняла?

Питер кивнул.

---

[1] Пустяк, ерунда *(исп.)*.

— Богине не нужен подержанный товар. — Он сделал большой глоток. — Тебя в последнее время не было видно.

— Мы с Гвен... ну... короче, поссорились. Я... э-э... обнаружила, что она использует тебя в качестве грехотерпца. — Его лицо окаменело и побелело еще сильнее, и она быстро добавила: — Не она мне говорила, я сама вычислила.

— Что ж, я буду тебе очень признателен, если это останется между нами, хорошо?

Она тронула его за плечо.

— Эй! Ты же знаешь, я бы никогда не сделала ничего подобного.

Он вскинул голову, чтобы посмотреть на нее, и уронил ее обратно, нервно кивнув. И снова наполнил себе стакан.

— Питер? Можно личный вопрос? Понимаешь, я на самом деле... то есть это не... — Она вспыхнула. — Чем именно занимается грехотерпец?

Голова Питера вновь взметнулась, и Джейн увидела потрясенные, непроницаемые глаза лесного зверя. На мгновение Питер замер. Но внезапно взорвался смехом и рухнул от хохота на кровать. Он смеялся так заливисто и так долго, что Джейн начала за него тревожиться. Но вскоре бедняга пришел в себя и сел обратно. Напряжение покинуло его.

— С тобой такого не бывает, что, если кто-то тебе сделает плохо, ты пнешь собаку и тебе полегчает?

— Нет.

Питер повесил голову.

— Вообще-то, у меня тоже такого ни разу не было. Просто я это знаю по разговорам. Так вот, что-то похожее Гвен проделывает со мной. Ей выдали специальный ритуальный нож и книжечку с рунами. Но обычно она пользуется простым лезвием.

— Питер!

— Нет, правда, без крови ничего бы не вышло. Я покажу шрамы.

Он начал расстегивать рубашку. С координацией после выпитого у него было уже не очень, и Джейн потянулась ему помочь. Поскольку сама она тоже была пьяна, возникла заминка. Наконец, смеясь, они стянули рубашку через голову. Питер повернулся, и Джейн увидела, что вся его спина покрыта вырезанными лезвием рунами, строка за строкой, — не тело, а кни-

га боли. Некоторые еще свежие и покрыты корочкой запекшейся крови, остальные белые и гладкие. Джейн узнала аккуратный почерк Гвен.

Она недоверчиво коснулась серебристых отметин. Кожа была горячая. Джейн провела по рунам подушечками пальцев. Она гладила их и не могла остановиться, не могла оторваться от его тела.

— Бедный, бедный Питер.

Он выпрямился и невидяще уставился на приколотый к стене постер с изображением Гвен. Взгляд ее был загадочен и насмешлив.

— Хочешь знать, что самое отвратительное? Нет, не в смысле этих ран на спине — это-то не самое страшное. Самое неприятное — это то, как сильно мне ее хочется. Я ее не выношу, но хочу безумно. — Он вытер руку о штаны. — Я хочу ее и ненавижу ее. Когда я думаю о ней, меня блевать тянет. Такие вот высокие отношения.

Джейн наклонилась и легонько провела губами по плечу Питера. Он повернулся к ней, и в следующее мгновение они уже целовались. Его руки обнимали ее, гладили вверх и вниз по спине. Она прижала его к себе и просунула руку ему за пояс. Пальцы ее проникли недалеко — дальше их не пускал ремень.

Между ними было столько одежды! Они все целовались и целовались, и — более ничего.

Наконец Джейн отодвинулась и взялась за его ремень — потянула туда, сюда. Дернула вниз молнию. Отлетела мелкая пуговица. Тем временем Питер расстегивал на ней блузку, неумело пытался справиться с застежками лифчика.

Она не могла поверить, что все будет так просто.

Надо было о стольком подумать, столько сделать, что сам акт едва отпечатался у нее в памяти. Сначала было неудобно, но потом лучше. Оба действовали неуклюже; Джейн была уверена, что сексу не полагается быть таким сумбурным и беспокойным, начисто лишенным изящества. Но в этот первый раз значение имело только само событие. Они все исправят позже, когда на них перестанет давить гора обстоятельств.

Через некоторое неопределенное количество времени движения Питера сделались более торопливыми, лицо у него оплыло и покраснело. Он негромко вскрикнул, словно сумеречная птица, и рухнул на Джейн без сил.

Она догадалась, что все свершилось.

Питер выскользнул из нее и скатился на кровать рядом. Долгое неподвижное мгновение он не шевелился. Затем глаза его открылись. Он улыбнулся ей.

— Теперь нас двое.

— Наверное.

Глаза у него были светло-светло-голубые и неописуемо прекрасные. Джейн почувствовала, что тонет в них. Питер снова обнял ее, теперь уже от избытка нежности, и это было самое дивное ощущение, какое только можно вообразить. Ее наполнила безмерная радость, словно ночь превратилась в день.

— Ты жалеешь? — спросила она его.

Питер помотал головой. Он был пьян — оба они напились, — глаза разбегались в стороны, но в его искренности сомневаться не приходилось.

— Джейн. Я думаю, может, этому суждено было случиться? Понимаешь? Я чувствую связь с тобой. Нечто на глубине. Будто... знаешь, как если возьмешь монетку, сломаешь ее в тисках и выбросишь половинку в море, а другую уберешь в шкаф, — так вот, они начнут притягиваться друг к другу. И когда-нибудь ты вытащишь из шкафа носки и случайно выронишь свою половинку на пол. А кто-то пнет ее к двери. А через неделю она уже за полквартала от дома. А другую половинку проглотит рыба, ее поймают и выпотрошат, а внутренности выбросят на помойку вместе с половинкой монеты. И вот через пару месяцев или, может, столетие ты находишь их обе лежащими в пыли на обочине какой-нибудь дороги в провинции, уютно прижавшимися друг к другу. Вот так примерно и мы.

Трепет узнавания пронзил Джейн. Нечто в ней откликнулось на слова Питера. Разве такое возможно? Неужели Гвен всего-навсего морок, ошибка, уход в сторону от того, что происходило на самом деле? Она всей душой, всем сердцем хотела, чтобы это оказалось правдой.

— Да, — сказала она. — Да, по-моему, это оно. Думаю, все так и есть.

— Не ходи сегодня домой, — попросил Питер. — Вообще не уходи домой. Перебирайся ко мне. — Он вдруг заметил постер с изображением Гвен и вылез из кровати, чтобы сорвать его, скатать в шар и швырнуть в мусорное ведро. В первый раз она видела его обнаженным, это смущало ее и приводило в восторг. — Живи со мной всегда.

— Ах, Питер, я не смею тебя даже просить.

— Нет, — произнес он с пьяной решимостью. — Слушай, по-моему, нам следует обменяться именами. Понимаешь, чтобы все по правилам. — Он набрал побольше воздуха в легкие. — Мое истинное имя Тетигис...

Он еще не произнес его до конца, как Джейн набросилась на него и накрыла ему рот поцелуем. Она сунула ему в рот свой язык — то, чего она не посмела бы сделать раньше. До чего же странно, невероятно странно было вести себя с ним вот так.

Питер освободил свои губы.

— Это значит «игла».

Джейн закрыла глаза, на нее нахлынули воспоминания о бедном Задире — бедном, обреченном, искалеченном Задире, чье имя также означало «игла». Тетигистус. И у того и у другого было одинаковое настоящее имя, и она не знала, какой в этом тайный смысл, и это пугало Джейн до глубины ее существа.

— Да, — печально отозвалась она. — Да, я знаю.

На следующий день ближе к полудню они проснулись от громкого стука в дверь. Джейн еще не разлепила глаза, когда дверь распахнулась и комнату заполнили эльфы. Казалось, их тут десятки, все в суровых костюмах и неумолимых туфлях. Они в брезгливом молчании уставились на кровать.

Наконец один из них произнес:

— Нам понадобится другая жертва.

— Где мы возьмем другую жертву так поздно?

— А вдруг они еще не...

Из ванной вышла красивая женщина с ослиными ушами и хвостом, в руках она держала пиджак с золотым отливом.

— Будьте благоразумны. Разумеется, они уже — только взгляните на них. Какой здесь беспорядок.

— Прямо бардак.

Джейн натянула простыню до подбородка. В животе у нее урчало, кишки крутило. Голова болела так, как она раньше себе и представить не могла. Белый как мел эльф принюхался к ней и фыркнул:

— Их всегда совращают эти дешевые шлюшки, которых пучок на пятачок...

— Эй, как вас там!.. — Питер сел с горящими глазами и сжал кулаки.

Эльф не глядя двинул ему костяшками по губам и свалил обратно на постель. Джейн пискнула.

— Имеется еще тот парень с Излучины. Если действовать быстро, можно сдать анализы, освидетельствовать — и к вечеру он будет готов.

В вихре костюмов, шелков и портфелей эльфы отбыли. Не забыв забрать с собой серп.

Питер сел и обхватил голову руками.

— Что мне делать? — простонал он. — Что делать?

Джейн мутило с похмелья, и проку от нее было мало. Она мечтала попасть в ванную и подозревала, что ее там вывернет. Но держалась, как могла.

— Послушай, — сказала она, — сделанного не исправишь. Прошлая ночь принадлежит истории, назад ее не вернешь. Нам просто придется смириться с неизбежным.

— Ох, Джейн, мне так жаль, что я втянул тебя в это дело. Какой же я подонок! Я один во всем виноват, — скорбно произнес он. Это было бы смешно, если б не было так серьезно.

— Слушай, взгляни на это с положительной стороны. По крайней мере, ты сохранил... — она едва не сказала «член», но ухитрилась вывернуться, — целостность. Тебе не придется идти по жизни священным евнухом. Это стоит некоторых временных неудобств, согласен?

— Да, — без особой уверенности ответил Питер. — Конечно.

Серый день тянулся, казалось, бесконечно. Питер, имевший опыт бессчетных похмелий Гвен, дал Джейн каких-то витаминов и проследил, чтобы она пила как можно больше воды. Он был подавлен и необщителен, и Джейн понимала, что должна подбадривать и нянчить его, хотя самой ей было очень погано. Хорошо еще она ухитрилась не испортить все окончательно, скрыв свое поганое состояние.

Чтобы чем-то себя занять, она принялась очищать квартиру от следов ее прежней жительницы. Это оказалось нелегко. Гвен оставила после себя удивительное количество всякого барахла, и все эти вещи старались отомстить Джейн. Заколки выскальзывали у нее из пальцев. Фен начинал трещать и искрить, стоило ей к нему приблизиться. Даже шелковый шарф, тот самый, украденный когда-то для Гвен, так обвился вокруг шеи Джейн, что его пришлось срывать силой, иначе он задушил бы ее всерьез. Она выставила это все на помойку в конце улицы.

Пока Питер отмокал в душе, Джейн достала Матерь и прочла мантру. «Каждое утро, без исключений». К вечеру они оба достаточно оправились, чтобы поесть какой-то разогретой в микроволновке пищи, и Джейн вызвалась сходить за вином.

Возвращаясь назад в квартиру, Джейн зацепилась взглядом за разнокалиберные изображения пылающей Гвен в батарее телеэкранов, выставленных на витрине магазина бытовой техники. Громоздясь одна на другую, бесчисленные Гвен в унисон бились в пламени. Казалось, все это происходит не здесь, а в иной реальности. Пустая улица, бетонный тротуар, стеклянная поверхность витрины — все отрицало принадлежность Гвен к этой жизни.

Джейн приросла к месту. Телевизионные экраны поплыли перед ее затуманенным взором, сворачиваясь в тонкие голубые конусы и затем распадаясь на триады сине-красно-зеленых пятнышек. В воздухе роились светящиеся точки. Она почувствовала, как с головокружением проваливается в экран.

Джейн сморгнула набежавшие слезы.

Экраны снова обрели форму. В пламени костра двадцать пятым кадром были вклинены сцены ужаса: мелькали лица заключенных в окнах товарняков, искалеченные тела, пылающие дети — как будто страдание являлось универсальной постоянной, простой констатацией сущего, и ничем более.

Со связанными за спиной руками, Гвен корчилась, словно пытаясь стряхнуть с себя кокон собственного тела. Она неистово дергала плечами. Рот распахнут в бесконечном крике. На языке плясал маленький голубой огонек. Дым поднимался вокруг нее, словно крылья.

Что-то, булькая, вытекало у нее из ноздрей.

Джейн в ужасе неловко шагнула вперед, почувствовав, как хрустнула под ногой сухая трава. Звукоряд телепередачи был выборочным. Она слышала только сам огонь, треск искр и рев раскаленного воздуха. Сама Гвен не издавала ни звука. Джейн была благодарна за это — изображение, сладковатый запах, словно от горелой свинины, и противный привкус во рту уже сами по себе были кошмаром.

В толпе тоже царила жутковатая тишина. Джейн чувствовала переполняющую зрителей жажду крови, ощущала у себя за спиной, по бокам, везде грозный взгляд этого тысячеглавого монстра. Но не оборачивалась. Не могла. Она была не в состоянии отвести взгляд от мучений бывшей своей подруги.

Платье на Гвен сгорело, его обугленные останки спеклись с кожей, а она все еще жила. От нее летели черные пятнышки. Клочок жирной сажи, кружась, опустился на Джейн и ужалил ей руку. Она смахнула его. Затем на что-то наступила и, посмотрев вниз, обнаружила, что к подошве прилипла бесформенная масса розовой сахарной ваты. Девушка машинально нагнулась счистить ее с ботинка мятым бумажным стаканчиком.

Когда Джейн выпрямилась, Гвен смотрела прямо на нее.

Большая часть плетеной клетки прогорела и отвалилась, но ее поддерживал каркас из огнеупорных сплавов, на котором крепилось сооружение. Огонь превратил красавицу в неузнаваемое существо, состоящее из боли и обгорелых костей. Живыми оставались только глаза. Они глядели из средоточия мук и, казалось, хранили какую-то ужасную и простую истину. И хотели поделиться этим знанием с Джейн.

Они смотрели ей прямо в сердце.

— Нет! — Джейн вскинула руку, чтобы прикрыть глаза, и костяшками пальцев больно ударилась о стекло. От удара она очнулась, другой рукой прижимая к себе вино.

Гвен больше не шевелилась.

Когда Джейн оторвалась наконец от экрана, вокруг было темно.

Мир остался без света.

По возвращении в квартиру она обнаружила, что Питер включил телевизор и не мигая уставился на маленькую фигурку в золотистом костюме. Под гром аплодисментов взметнулся серп, и нечто крохотное и темное упало на угли. Протянутые руки подхватили падающее тело.

Джейн вырубила телевизор.

— Пей, — велела она, — будет легче.

Выпив немного, они начали строить робкие планы. Питера ждало место слесаря в здешнем гараже. Джейн могла получить работу в молле. От воровства пришлось бы отказаться, но на такую жертву она готова была пойти. Квартира пока устраивала, но, когда они подкопят немного денег, хотелось бы перебраться в жилье получше.

— Я не жалею, что все так получилось, — сказал Питер. — Думаю, мы поладим. — Он взял ее ладони в свои и легонько перецеловал один за другим все пальцы.

Позже они во второй раз занялись любовью. Особого удовольствия она снова не испытала, — должно быть, все еще сказывалось похмелье, несмотря на воду, которую она выпила. Но Джейн прикинула, что секс как вино — вкус приобретается с опытом.

После они бездельничали в постели, вместе фантазировали о будущем и пили вино.

— Теперь нам всегда придется все друг другу рассказывать, — говорила Джейн. — Наши мысли, наши самые сокровенные чувства — все. Теперь нам всегда придется говорить друг другу чистую правду — потому что это и значит любить, верно?

— Да, — отзывался Питер, — верно.

В этот раз Джейн старалась не перебрать, как накануне ночью. Но вскоре усталость взяла свое. Веки ее отяжелели, и она провалилась в сон.

Она проснулась в темноте. Кувшин был пуст, Питера рядом не было.

В школе Питера тоже не оказалось. Джейн дважды обошла вокруг горелого пятна на футбольном поле, затем обошла трибуны, негромко зовя его. Никого, одни только тени.

На мгновение Джейн почудилось, что она его отыскала, когда обнаружила распахнутую дверь в мастерскую. Но и в мастерской его не было. Джейн была уверена, что Питер здесь все-таки побывал — ремонтная площадка была пустой, он забрал Рэгворта.

— Следуй по дороге из города, — прошептал голос.

— Кто здесь? — обернулась она.

Никто не ответил.

— Кто здесь? — Слова эхом отразились от дальней стены.

У нее не осталось иного выбора, кроме как довериться голосу и двинуться по главной дороге — прочь от школы, мимо парковки, в темные холмы на окраине.

Рэгворта она обнаружила через час.

Он лежал в кювете, в грязи, одна нога сломана, хребет погнут. В глазу, который он повернул к ней, еще горел тускнеющий свет. Аккумулятор садился.

— Девочка?

— Ох, Рэгворт! — Обняв его за шею, она заплакала. Вся ее неуверенность, весь ее страх за Питера, за себя, а еще чувство

вины по отношению к Гвен, — все беспорядочные, путаные эмоции, составлявшие ее жизнь, хлынули из нее вместе с этими слезами.

— Не стоит продолжать в том же духе, — прохрипел Рэгворт. — Я просто старый боевой конь, которому не так уж много осталось. — Он рассмеялся скрипучим, каким-то придушенным смехом. — Честно говоря, никогда не думал, что выйду из этой чертовой мастерской снова. Но этот парень, Питер, потешил мою гордость, да еще как. Вывел меня наружу и пустил вскачь.

— Мы залатаем тебя, — пообещала она.

— Херня. Я теперь просто металлолом. Но это была восхитительная скачка! Просто обалденная, девочка. Мы едва не летели над дорогой. Я ни о чем не жалею. Черт!

Нормальный человек, понимала Джейн, взял бы себя в руки и утешил старого друга, а не думал исключительно о себе. Но она не могла, как ни старалась.

— Где Питер? — спросила девушка, чувствуя себя последней скотиной.

Рэгворт хихикнул. Будто лист железа кто разорвал.

— В последний раз я его видел, когда он двигался к вершине холма. Поцелуй его от меня, девочка, — крикнул он вслед. — Парень этого заслужил.

Питер висел в петле.

Джейн разглядела его стройное тело под веткой вяза, росшего у самой вершины. Сначала что-либо понять было трудно, но по мере продвижения вверх по склону земля, деревья и небо разделились на три отдельных оттенка серого — с телом Питера, висящим посредине. Легкий ветерок едва заметно его покачивал — меньшее движение было бы просто неразличимо. Ступни Питера, словно медленно поворачивающаяся стрелка компаса, отсчитывали ночные минуты.

Джейн провела на холме самую темную часть ночи, не желая уходить и не в силах подойти ближе. Раздираемая противоречивыми порывами, она не могла поддаться ни одному из них и в итоге просто не двигалась.

Примерно в полночь появилась луна, и сразу же после этого в середине лба Питера что-то зашевелилось. Во лбу медленно открылся и пошел вширь тонкий черный разрыв. Лицо лопалось, как бумага.

Из щели выползло маленькое темное существо. Оно расправило влажные крылья, чуть помедлило и взлетело. Новые темные точки появлялись из черепа — одна, потом три, потом сразу пять, — замирали ненадолго и тоже вставали на крыло. Тонкий поток оформился, потолстел и роем полетел прочь.

Это были шершни.

— Пойдем. — Маленькая — детская? — ладонь взяла ее за руку и повела вниз по склону.

Джейн отшагала уже немало, прежде чем сообразила повернуть голову и посмотреть, кто ее ведет. Увиденное оказалось столь неожиданным, что она едва поверила собственным притупленным чувствам.

Мальчик-тень, это был он.

Слишком много всего произошло: она была не в состоянии реагировать. Опи молча топали вперед, оставляя за спиной мили. На школьном дворе мальчик-тень отпустил ее руку.

— Я пришел попрощаться, — промолвил он с печальной улыбкой. — Больше я не смогу помогать тебе. Они бросили тебя искать и отозвали Детолова. Я отправлюсь обратно на завод.

— На завод, — повторила Джейн. Трудно было думать о заводе. Она попыталась сказать что-нибудь подходящее случаю.

— Как там?

— Как всегда. Ничего не меняется. — Голос у мальчика-тени был тоскливый. — Не может измениться.

Он шевельнулся и пропал.

— Погоди! — крикнула Джейн. — Каждый раз в тени это... был ты?

Мальчик-тень ответил у нее из-за спины:

— Детолов привез меня сюда, чтобы помочь тебя отыскать. Понимаешь, как гончую. — Она резко обернулась и уловила краешек его застенчивой улыбки. — Он имел надо мной меньшую власть, чем думал. Я мог не много. Но я защищал тебя, как умел. Помнишь день летнего солнцеворота, костер? Это я привел учителя, когда на тебя напали. И вообще.

— Это делал ты? Зачем тебе ввязываться во все эти неприятности из-за меня?

— Я твой друг. — Ласковое прикосновение похожей на бумагу ладони. — Друзья помогают друзьям.

Она повернулась, чтобы его обнять, но там никого не было. Чувство чьего-то призрачного присутствия, которое не оставляло ее все последние месяцы, исчезло.

Медленно, устало она направилась обратно на свалку.

Дракон пропал.

Ничего не понимая, Джейн бесцельно бродила по месту, где он лежал. Низкая луна давала достаточно света, чтобы разглядеть отсутствие чего бы то ни было, кроме выжженной земли.

Мерионы тоже исчезли, их строения стояли темные и покинутые. Джейн споткнулась об охранный периметр, но никто ее не окликнул. Под ногой хрустнул ангар, но ее не атаковали. Она набрела на аккуратную стопку одеял и одежды, скатанных в трубочку постеров, сложенных учебников, щеток и расчесок — все богатство, какое она сумела накопить после бегства с завода.

— Мои вещи! Ты просто выставил мои вещи за дверь! — взвыла она.

Не заботясь о последствиях, Джейн призвала Меланхтона всей своей волей, прокричав истинное имя дракона и во всеуслышание выкрикивая его операционные коды, выученные наизусть еще в незапамятные времена.

— Уходи. Ты больше не нужна, — ответил из-под земли голос.

Сейчас он звучал мощнее, чем когда-либо раньше. У подмены завибрировала черепная коробка и застучали зубы.

— Мы заключили сделку, — напомнила она. — Тебе полагается защищать меня.

— И кто первый нарушил договор? А, целочка?

Его насмешка опалила ей лицо и оставила маленькие волдыри на носу и щеках. Она закричала от боли. Но сдерживаться больше не могла.

— Ты, ублюдок! Ты все это спланировал, ты все это устроил, это все твоя работа, я знаю! Я тебе всю проводку повыдеру, я разберу тебя на запчасти голыми руками!

Из земли, прямо под ногами, вырвалась труба и под безумным углом взметнулась в небо. Джейн отскочила. Сбоку возникла стальная башня и, отряхивая грязь, устремилась к луне.

— Прекрати! — закричала Джейн.

Но металлические конструкции вырастали повсюду вокруг нее, листами и хромированными стенами, с грохотом и лязгом

ударяясь друг о друга, заслоняя горизонт и пряча звезды и облака. Над головой изогнулся металлический вал, с лязгом вошел в прорези противоположной стены, и затем все движение прекратилось.

Джейн оказалась заключена в стальной город без окон и без дверей.

— Где я? — крикнула она в ужасе.

— Любое место — не более чем иллюзия, — послышалось из бокового прохода. Она развернулась и увидела приближающегося воина, по-эльфийски красивого, в камуфляже, на поясе — пистолет в застегнутой кобуре.

— Это одна из первых вещей, которым нас научил Меланхтон.

Губы воина двигались, но лицо было неподвижным. Глаза его сверкали бусинами гагата. С тем же успехом могла говорить маска.

— Вам известно его имя.

— Дракон не чета большинству созданий. Знание его истинного имени не дает власти над ним, если только не стоишь у пульта его управления.

Это была правда. Джейн знала, что это правда, но какой горький был у нее вкус.

— Кто вы? — спросила она.

— Заменившие тебя.

Джейн всмотрелась в воина пристальнее. Восприятие масштаба внезапно резко изменилось, и она сообразила, что не стоит в крытом переулке большого города, а скорее сама уменьшилась в размерах и оказалась среди поршней и патрубков в драконьем чреве.

— Ты мерион.

— Да. Мы — мерионы. Меланхтону по-прежнему требуется ремонт, а ты с потерей девственности утратила нейтральность заряда. Кислотно-щелочной баланс твоей кожи нарушен. Электросеть сгорит от твоего прикосновения. Ты не можешь даже открыть панель доступа, не потревожив внутреннее равновесие сил. А у нас — бесполое размножение. Мы размонтировали наши предприятия и перенесли их внутрь драконьего корпуса, чтобы посвятить себя его обслуживанию и ремонту. — Он указал в длинную кишку коридора, где лампы контрольной подсветки отражались в медных, стальных и молибденовых по-

верхностях. Вдалеке деловито сновали крохотные фигурки. — Смотри, какую работу мы уже проделали.

— Что вы получаете по этому договору?

— Убежище, — ответил мерион. — И достаточно зерна, чтобы пережить зиму.

— Вам не понадобилось бы его убежище или его зерно, если бы он все это намеренно не устроил. Он вмешался в вашу жизнь, обманом сделал так, что вы не вырастили достаточно еды, чтобы прокормиться, и поставил вас в зависимость от угля и завоеваний, при этом он всю дорогу знал, что это приведет вас на грань голодной смерти.

— Сильный обманывает слабого, — ответил мерион. — Почему это должно кого-то волновать? Таков порядок вещей.

И тут Джейн поняла. Не нуждаясь более в ее помощи, дракон методично подводил ее к потере девственности. Как только это свершилось, их договор оказался расторгнут, и таким образом Меланхтон освободился даже от необходимости нарушать данное слово.

— Я еще могу драться с ним, знаешь ли. — Она чувствовала себя усталой и никчемной. — Прямо здесь, прямо сейчас. Я знаю его электрику от и до и способна причинить ему серьезные повреждения.

— Да, но можешь ли ты победить?

Ответ был известен обоим.

Металлические стены рассеялись, а вместе с ними и мерион. Запах свалки снова наполнил ноздри Джейн, она стояла около стопки своей одежды. Девочка присела на корточки, чтобы выбрать необходимое. Как она устала! Но должно же быть место, где она сможет укрыться.

Ночь Джейн провела в деревянном ящике на краю свалки. Утром она выползла наружу, измученная и больная. Встала и огляделась.

К западу над деревьями таяли в сером небе волшебные башни. Небоскребы сливались в единую призрачную стену. Над Городом висел колдовской смог.

Ее будущее тоже было туманно.

ГЛАВА 12

Сирин с опытами всегда везло.

Джейн это раздражало. Они могли собрать одинаковую систему реторт и стеклянных трубок, нагреть их на бунзеновских горелках, питающихся от одного краника, настроить пламя на одну высоту и цвет, с точностью до миллиграмма отмерить порции нашатыря и обескровленных жабьих потрохов из одних и тех же оплетенных лозой бутылей — и наутро в перегонном кубе у Сирин плескалось лазурного цвета эфирное масло с танцующим в его глубинах духом света, а у Джейн чернела какая-то обугленная гадость. Ей приходилось платить за каждую приведенную в негодность стекляшку, поэтому сначала она еще добрых четверть часа искренне и тщетно терла колбу щеткой в раковине, пока та окончательно и немилосердно не разлеталась в ее в руках. Поэтому пальцы у Джейн всегда перепачканы и в бинтах, тогда как у Сирин пальчики длинные, тонкие и белые, как молоко.

Это было нечестно.

Раздосадованная, Джейн вышла из алхимической лаборатории № 200 и смешалась с толпой студентов. Коридор полнился стуком каблуков и копыт. Студенты торопились, бежали, резко сворачивая в классы, выныривая из узких проходов по сторонам. Казалось, они постоянно возникают и пропадают. Несущий Джейн поток внезапно хлынул вниз по широкой мраморной лестнице и увлек девушку за собой. Она спустилась на три этажа и ровно со звонком добралась до анатомического театра.

Мартышка пребывала в благостном расположении духа и заняла ей место у парапета. Джейн благодарно кивнула, когда Мартышка убрала свои книги. Сравнительная и спекулятив-

ная анатомия была одной из любимых дисциплин подменыша. Джейн предвкушала следующий семестр, когда сможет самостоятельно проводить вскрытия.

— Сегодня опять кентавр? — шепотом спросила она.

— Нет, кажется, он сгнил окончательно. — Мартышка хихикнула, вынула ногу из туфли и дернула себя за косичку. — Судя по контрольному экземпляру, мы наконец увидим вскрытие чего-нибудь более симпатичного.

— Пора бы уж.

На узком подковообразном балконе рассаживались студенты — яркая рябь клювов и перепончатых крыльев, рогов, шакальих голов, бандан и плюмажей из конского волоса.

Внизу у покрытого льняной простыней секционного стола стоял в казенном темно-зеленом халате контрольный образец — хорошо сложенный молодой фей с лоснящимися черными волосами. Насмешливые глаза бесстрастно рассматривали аудиторию, и, когда он встретился взглядом с Джейн, та невольно вздрогнула, словно кто-то провел ей по загривку кусочком льда.

В амфитеатр широким шагом вошла хирург. С приглушенным стуком все встали. Внушительная и импозантная, во всем черном, она нависла над телом, сложив руки, словно жрица у алтаря. Когда класс снова уселся, она кивком поприветствовала обе стороны амфитеатра. Ассистент сорвал с трупа льняной покров. Контрольный образец скинул с себя халат и встал обнаженный рядом с секционным столом.

Глаза у Мартышки сузились. Она написала большую семерку в своем конспекте. Сидевшая с другой стороны от нее пикси протянула руку, нацарапала под семеркой: «6,5 максимум!» — и слово «максимум!» подчеркнула трижды.

Мартышка пригнула голову, чтобы сдержать смешок.

— ...расположение и частота сокращений малых органов, — рокотала хирург, — желчного пузыря, надпочечников и почек в особенности. — Она указала на труп, серую копию стоящего рядом фея. — Брюшная полость уже частично вскрыта посредством поперечного и нижнего вертикальных разрезов. Теперь я продолжу операцию путем второго вертикального надреза и вскрытия перитональной полости.

Руки цвета костяного фарфора изящно поплыли вниз, чтобы сделать первый надрез. Они щелчком отправили на пол невидимый клочок салфетки в качестве подношения Богине.

В ребра Джейн впился локоть. Скосив глаза, она увидела, что Мартышка заполнила страницу конспекта подробным изображением гениталий контрольного образца. Джейн бросила на нее сердитый взгляд и покачала головой.

Это же серьезно, черт подери!

К концу занятия у Джейн от непрерывных записей свело руку, а Мартышкин рисунок оказался окружен виньеткой из членов меньшего размера на разных стадиях эрекции. Хирург положила скальпель и с еле заметным намеком на поклон покинула аудиторию. Атмосфера посвежела. Студенты начали вставать, болтать, собирать книги. Контрольный образец надел халат.

— Эй! — окликнула Джейн соседку. — Ты закончила моего «Мясника»?

— Руководство по анатомированию? — беспечно откликнулась Мартышка. — Я его съела.

— Ты — что?

— Съела. Зачем он мне еще мог понадобиться? Была голодная, вот и слопала.

— Но он нужен мне для занятий.

— Тогда не надо было давать. — Мартышкины глазки-бусинки злобно зыркнули на ее круглом лице. — Да уж, Джейн, ты иногда бываешь такая тупая. — И, неожиданно крутанув обратное сальто, она исчезла в дверном проеме.

Джейн стиснула кулаки. Вообще-то она научилась постоянно ждать чего-то подобного. Соседи по комнате вечно сжирают твои учебники, паникуют по поводу и без повода, заводят крыс и плотоядных подонков, уверенные, что кормежка ляжет на твои плечи, напиваются и блюют на твое лучшее платье, запираются в чулане и месяцами отказываются вылезать оттуда, угрожают самоубийством накануне экзаменов, оставляют кучки гниющих листьев посреди комнаты, кувыркаются с любовниками в твоей постели, потому что твоя застелена, а их — нет, перерождаются в больших кровососущих насекомых. Мартышка по сравнению с другими была еще ничего.

Ладно, не велика проблема — стырить новый учебник.

На скоростном лифте она поднялась на восемь этажей вверх, в университетский книжный магазин. За последний год Джейн неплохо изучила его топографию, расположение следящих

устройств и привычки местного парня в штатском, который работал там на полставки. Охранник высился неприступным заслоном в районе касс. Но в дальнем конце магазина имелся запасной выход, скрытый заставленными задними полками. Если его открыть, автоматически врубится сирена, но это не смертельно.

Джейн сняла с полки новый «Спутник мясника» и кружным путем направилась к выходу. Хорошо на этой неделе она заблаговременно посетила задние коридоры здания и сломала замок на ближайшей лестничной двери. Джейн абсолютно не сомневалась, что окажется на пролет ниже, пока охранник достигнет двери, и за углом — к тому времени, как он добежит до лестницы. Элемент риска присутствовал, но она еще ни разу не пользовалась таким методом и горела желанием его испробовать.

Джейн глубоко вдохнула и положила руку на перекладину.

Вдруг на нее накатило ощущение какой-то темной тревоги, ее словно придавило к земле, отчего всколыхнулся желудок, а рот наполнился горечью.

Железные когти впились ей в плечо.

— Мисс Олдерберри.

Профессор Немезида.

— Мэм! — Джейн потрясенно взглянула в лицо наставнице.

Очки у профессора сидели на клюве низко — два светящихся диска под болезненно красноватой парой водянистых близоруких глазок. Получалось, на вас смотрели как бы два разных существа, одно из которых вызывало жалость, а другое — страх.

— Я просматривала ваши лабораторные отчеты, мисс Олдерберри. — Профессор Немезида взяла ее под руку и неспешно повела к основному выходу. — Они, скажу вам по секрету, удручающи, просто удручающи с вашими-то способностями.

— У меня были проблемы с софи...

— Именно.

Они неторопливо прошли через главный вход. Джейн в смятении осознала, что, окутанная магнитным полем профессорского величия, без труда миновала охрану. То, что потребовало бы расчета, смелости и риска с ее стороны, наставница проделала, даже не заметив.

Профессор подвела Джейн к факультетскому лифту и нажала кнопку. Внутри оказалось уютно как в норке, каштановые

панели были отполированы до зеркального блеска. Двери бесшумно закрылись. Они поехали вниз. Джейн смутно различала собственное отражение в полированном дереве; за плечом у нее, словно грозовое облако, маячила наставница.

— Ты, безусловно, понимаешь, почему я так озабочена твоей судьбой.

— Ну... — На самом деле Джейн не понимала, но двойной взгляд буравил ее, ожидая правильного ответа. — Я здесь на заслуженной стипендии, поэтому, полагаю...

— Нет! — Профессор Немезида нетерпеливо топнула ногой.

Словно в ответ дверцы лифта скользнули в сторону. Она выпихнула Джейн наружу. Теперь они находились на офисном этаже. Стены украшали большие, лишенные рам писанные маслом полотна с изображением зонтов и разверстых говяжьих туш. Дорожки на полу в коридоре, судя по запаху, только что постелили.

— Я говорю не просто о деньгах, но о выживании! Ты же знаешь, что такое Десятина.

Джейн мотнула головой: нет, не знаю.

— Главы факультетов уже сейчас составляют списки тех десяти процентов студентов, кого можно... которыми можно пренебречь. Ваше имя, мисс Олдерберри, окажется в этом списке, если вы не подтянетесь и не выровняете полет. — Она уставилась на нее жалобно и строго одновременно.

— Я что-то упускаю, — торопливо начала Джейн. — Это наверняка что-то элементарное. Если бы я только могла понять, увидеть, в чем дело, уверена, — я успела бы подтянуться.

— Чувствую, мисс Олдерберри, вам будет на пользу, если я признаюсь вам, что некогда сама была довольно беспечным лаборантом. Да-да, даже я. — Профессор Немезида самодовольно улыбнулась. — Ленивая, неорганизованная, нахальная — у меня отсутствовали все добродетели, какими только может обладать младший научный сотрудник.

— Я думала, может, это из-за морской воды...

— Взять себя в руки меня заставил один примечательный случай. Мой наставник — между прочим, сам волшебник Бонгей! — получил грант от Фонда Рогача на создание машины для предсказаний в форме бронзовой головы. Это было, как вы понимаете, на заре кибернетики. Тогда все делалось на электронных лампах.

— Это не может быть из-за моей техники. Я всегда так осторожна.

— Мы захватили пустующую гандбольную площадку и установили на ней свое оборудование. Там мы провели большую часть года, заигрывая со славой, но так и не приближаясь к ней. В последний месяц нашего финансирования — Фонд предусматривал жесткие санкции для неудачников — мы буквально переселились в лабораторию. Три недели подряд мы строили, разбирали и переделывали это чудовище. Каждую ночь напролет на ногах и еще долго после рассвета. Мы спали урывками на кушетках и питались готовой едой из ресторана: холодная пицца на завтрак, яичные рулеты и шоколадные пончики в полночь. Я потеряла счет попыткам, когда мы запускали эту тварь, заставляли ее открыть глаза и терпеливо добивались, чтобы она двигала губами, но все без толку. Она не говорила. После одного особенно жестокого облома Бонгей сказал, что ему просто необходимо поспать, и уполз на свою кушетку. Меня он оставил бодрствовать, со строжайшим наказом наблюдать за головой и немедленно разбудить его, если она оживет.

Я сама падала с ног от усталости, но подчинилась и принялась перепаивать некоторые схемы. Электронные лампы были непредсказуемыми созданиями. Вы бы удивились, как часто проблему удавалось решить, просто вырвав исправную на вид цепь и заменив ее в точности такой же.

Не прошло и получаса, как глаза у головы резко открылись.

«Время есть», — сказала она.

Я положила паяльник. Сказать по правде, я не была уверена, что она и вправду заговорила, поскольку глаза захлопнулись сразу, как только она умолкла, и величественная бронзовая физиономия сделалась неподвижна, как камень. Может, показалось? Но у меня имелся приказ, и я пошла к волшебнику Бонгею и положила руку ему на плечо, чтобы разбудить. Только в этот момент он перекатился на спину, одеяло соскользнуло с него, и я увидела, насколько страшно он возбужден во сне.

Видишь ли, Бонгей имел обыкновение удовлетворять свои потребности по мере их возникновения. Должно быть, чтоб думать не мешали. Я была у него первым лаборантом женского пола, но по опыту знала, что он потребует от меня определенных услуг, которые привык получать от юношей-магистрантов. — Она многозначительно приподняла бровь.

— Вы хотите сказать... — начала Джейн, не уверенная, что поняла правильно.

— Именно. А у меня геморрой в полный рост. Мысль о том, чтобы оказать ему соответствующую услугу, была невыносимой. И я решила, что ошиблась. Прошел час. Глаза у головы снова открылись. Она снова заговорила.

«Время было».

На сей раз я не сомневалась, что голова заговорила. Но теперь — вдобавок к моему совершенно понятному нежеланию будить волшебника — я знала, что допустила непростительную ошибку, не разбудив его в первый раз. Подними я его сейчас, она наверняка накажет меня за то, что не растолкала его раньше. Я оказалась в затруднительном положении. Тряслась целый час. Под конец которого голова заговорила в третий и последний раз.

«Время прошло», — сказала она.

Глаза у нее закатились, запахло гарью. От бронзовой головы пошел жар, все сильнее и сильнее, пока металл и вовсе не начал светиться. Я завизжала, и Бонгей проснулся.

«Он очнулся? — потребовал Бонгей. — Я должен поговорить с ним. Есть вещи, которые я должен объяснить, прежде чем...»

Затем он увидел, как голова светится и как из швов на шее ручейками стекает пайка, а вместе с ней серебро и золото из печатных плат. Тут уж сам волшебник Бонгей завизжал в такой ярости, что я бежала в страхе перед его гневом.

Она рассмеялась.

— Из-за этого случая он потерял должность, а вместе с ней и жизнь. Это случилось под конец финансового года, и университет рассчитывал на деньги с этого гранта. Все, кто имел отношение к провалу, были казнены по приказу казначея.

— Как же вы уцелели?

— Им нужен был кто-то, чтобы написать отчет. «Волшебник Бонгей, его бронзовая голова и ужасная судьба: некоторые первичные выводы». Вполне возможно, что вы его читали. Но именно этот случай научил меня. Я больше никогда не относилась халатно к своим обязанностям. Бдительность, мисс Олдерберри! Вот что должно стать вашим девизом — бдительность!

— Уверена, я смогу нагнать. Будь у меня хоть крошечный намек на то, что я делаю не так.

— Хорошо, хорошо, — сказала Немезида. — Я знала, что немного поболтать всегда полезно. Только помни, что мы обязаны соблюдать квоты. Мы не должны отдавать предпочтение кому бы то ни было. Чтобы сохранить тебя, нам придется пожертвовать другими заслуживающими уступок студентами. Пережить Десятину, неважно насколько ты хороший ученик, — это привилегия, а не право. — Они подошли к двери ее кабинета. Профессор отперла замок, шагнула внутрь и обернулась. — И помни также: моя дверь всегда для тебя открыта.

И захлопнула ее у Джейн перед носом.

Лифт с учебного этажа до трех этажей, прозванных студентами «Пансион госпожи Хабундии для ученых девиц», был забит несколькими дюжинами болтающих магистрантов, причем половина влезла в кабину с велосипедами. Джейн чувствовала себя одновременно и ниже и выше их по положению. В большинстве своем это были легкомысленные ребята, беспечно проматывающие отпущенные на образование годы, в то время как она упорно грызла гранит науки. Однако не поспоришь, что они получали от жизни удовольствие, а она в основном нет.

Включилась тарахтелка. Велосипедисты начали приплясывать под пронзительные звуки эльфийских волынок и синтезатора. Два фродлинга с узкими, как у гончих, лицами, наверное студенты театрального отделения, пустились в фехтовальный танец, вертясь и нанося уколы, прыгая и парируя удары воображаемых сабель. В углу несколько виллис что-то зубрили, из рук в руки передавая конспекты.

Лифтершей работала женщина-картофелина, ее коричневое лицо было таким бугристым и кривобоким, что ухмылка терялась в рельефе местности. Она открыла дверь в холл спального этажа, и хабундинки, пересмеиваясь, устремились вперед. Двое дуэлянтов скорчились в их толпе, пытаясь тайком прошмыгнуть на этаж.

Но картошку провести было трудно. Она схватила метлу и, раскидывая студней направо и налево, принялась лупить парней по головам и рукам, пока кровь не пошла. Казалось, настоящий смерч из ругани и жестких прутьев загоняет парочку обратно в лифт. Наконец с победным клохтаньем она захлопнула лязгнувшие двери.

Джейн направилась в свою комнату и бросила книги на кровать. Мартышка, как обычно, отсутствовала, но в это время по вечерам девчонки всегда собирались на балконе, играли в карты и сплетничали. Джейн уселась за стол в твердом намерении посвятить час учебе, прежде чем присоединиться к ним.

Он открыла Петра Доброго и прочла: «Нечто аналогичное образованию в алхимии наблюдается в животном, растительном, минеральном и элементарном мире. Природа образует лягушек в облаках или посредством гниения в пыли, увлажненной дождем, через крайнее расположение родственных субстанций. Авиценна говорит нам...»

Она зевнула, потеряла строчку, снова нашла.

«...говорит нам, что в облаках среди грозы образовался теленок и достиг земли в состоянии оцепенения. Разложение василиска образует скорпионов».

Все это по большей части представляло собой затоваривание примерами, утверждение авторитета путем приведения максимального количества фактов. Но никогда не знаешь, где среди страниц шлака попадется ключевое понятие, поэтому приходилось читать подряд.

«В мертвом теле теленка образуются пчелы, осы в трупе осла, жуки в плоти лошади и саранча в муле...»

Она пролистала еще несколько примеров.

«Тот же закон сохраняется в минеральном мире, хотя и не так явно».

Джейн захлопнула книгу и оттолкнулась от стола. Слишком занудно. Она не могла сосредоточиться. Ее камень уже на три недели просрочен, и она не надеялась получить новую поблажку. Хуже того, где-то в процессе она явно пропустила какое-то базовое понятие, потому что с каждым семинаром чувствовала, что медленно, но верно отстает все сильнее. Если не нагнать быстро, она не нагонит их вообще.

Надо выпить.

По горизонту растекался сказочно прекрасный закат, видимый сквозь узкие просветы между домами Великого Серого Города, отражающийся золотом в открывающихся на восток окнах. Сирин сидела, закинув пятки на балюстраду, демонстрируя свои прекрасные длинные ноги, вместе с Вороной, Нант

и Дженни Зеленые Зубы. На полу стоял почти полный ящик «Лягушачьего города».

Дженни бросала банки с пивом грифонам. Она замахивалась и швыряла запечатанную банку как можно дальше. На банку попадало солнце, и она сверкала, кувыркаясь вниз к невидимой улице. Отчаянно вереща, тройка птиц бросалась в погоню. Победитель хватал жестянку клювом. Скрежет раздираемого металла. Пиво с шипением брызжет во все стороны. Грифон зависал, мощно работая крыльями, пережевывал банку и проглатывал.

Грифоны, при всей своей трепетной любви к алкоголю, плохо его переносят. Несколько тварей уже надрались и беспорядочно носились в ущельях между взмывающими в небо каменными пиками. Один едва не врезался в крытый переход, соединяющий два университетских здания. Джейн ахнула.

Дженни расхохоталась, рыгнула и бросила очередную банку.

— Двигай кресло, — благодушно произнесла Сирин, — мы тут болтаем про всякую всячину.

Джейн облокотилась на балюстраду, глядя на бесконечные ступенчатые башни со скругленными плечами, словно множество термитных куч, колдовским способом выращенных до чудовищных размеров. Между собой они соединялись замысловатой сетью воздушных переходов. Здесь и там виднелись пятнышки зелени на балконах и в садиках на крышах. Здания удовлетворяли все нужды своих обитателей: во внутренних полостях располагались театры и магазины, больницы и рестораны. Можно было — особенно студентам — неделями не спускаться на улицу. Глядя на бесконечные ряды окон, Джейн чувствовала себя не безликим винтиком, но одной из миллионов, неповторимым существом в целой галактике неповторимостей. Здесь ей было хорошо, как ни в одном другом месте.

— Какого рода всячина?

— Анархия и социальная справедливость.

— Грифоньи яйца.

— Парни.

Джейн открыла себе пива, капнув немного на пол. Она плюхнулась в пустое кресло. Ворона сунула ей миску с жареными жуками, но она покачала головой.

— У меня проблемы с философским гидролитом. Не пойму, в чем дело; может, морская вода недостаточно чистая? —

Эта лабораторная давала треть проходного балла, но Джейн старательно придерживалась беззаботного тона. — Кто-нибудь из вас, дамы, в курсе, что предпринять?

— Ты слишком скованна, — беззаботно откликнулась Сирин. — Слишком серьезна. Слишком академична. Тебе следует почаще гулять и трахаться.

— В мире и без нас гидролитов хватает, — добавила Нант. Она принадлежала к черным гномам и была жутко политизирована. — Что действительно необходимо, так это система управления, которая не позволяла бы сильным просто указывать слабым, что делать. — Скрестив руки, она сотворила знак молота, причем без малейшей иронии.

— Толку от вас.

— А, ладно. — Сирин уставилась вверх и объявила, ни к кому конкретно не обращаясь: — Златоглазка сказала мне, что у Билли Буки три яйца.

— Что?!

— Как будто она знает.

— Быть не может! Правда, что ли?

— Ну, это я скоро выясню, — заверила Сирин. — Златка обещала мне устроить свидание. — Она вынула из целлофанового пакетика у себя на коленях хрустящую бабочку и сомкнула вокруг нее свои безупречные губы.

— Смотрите! — Дженни Зеленые Зубы бросила банку точно посередине между двумя кружащимися грифонами.

В своем стремлении завладеть добычей они врезались друг в друга, полетели перья. Пока они дрались, еще один грифон метнулся вниз и подцепил банку когтями. Он уплыл прочь, дрыгая лапой в тщетных усилиях стряхнуть добычу.

Все, включая Джейн, покатились со смеху.

Нант хотела играть в канасту, а Ворона настаивала на пинокле, поэтому вскоре они остановились на червах. Сирин выиграла с огромным перевесом. Джейн три раза застревала с черной девой и нехваткой червей.

— Сегодня не твой день, — заметила Сирин.

— Да. Не мой.

— Ну, не знаю, как вы, а я отправляюсь посмотреть, что творится за пределами кампуса. В Сенодене открылся новый клуб. Кто со мной?

Нант кивнула. Ворона нахмурилась и помотала головой. Дженни Зеленые Зубы импульсивно вышвырнула колоду с балкона. Ветер подхватил карты, разбросал их и унес прочь.

— Считайте и меня, — сказала Джейн.

Навесной переход к башне Сеноден располагался на восемнадцать этажей ниже Хабундии. Они прошли по нему и проехали еще тридцать четыре этажа вверх к новому клубу под названием, как слыхала Сирин, «Утопленник». Заведение располагалось вокруг центрального лифта, и покрытые серой эмалью бронированные стены дрожали, когда большие кабины проезжали мимо.

— Будто в подводной лодке, — сказала Джейн, разглядывая разрисованный водопровод и обнаженные вентиляционные трубы над головой.

— Хватит таращиться, — шепнула Сирин. — Не хватало, чтоб нас приняли за студенток.

Ряды телеэкранов над баром множили последствия бомбардировки в Кокаине. Изображения мерцали в жутковатый унисон с зубодробительным ритмом местной музыкальной группы. Девушки заняли столик и взяли выпивку. Гном, по имени Красный Гвалх, притормозил у их столика, попытался небрежно подъехать к Сирин и застрял в споре с Нант.

— Я сам сторонник четкой иерархии. Это оттого, что я гном, — все мы в глубине души консервативны. — Он сунул в рот сигарету. — Некоторые из нас пытаются делать вид, что они другие. Но не я.

— Ой, не заводи ее, — сказала Сирин.

Но Нант уже клюнула на крючок.

— Тем глупее с твоей стороны! Иерархия работает только на благо тех, кто наверху. Сверху — пан, снизу — пропал. Вот как обстоит дело.

— И? — Вспыхнула спичка. В темноте поплыла улыбка. — Это не моя боль.

— Сирин. — Джейн протянула руку и стиснула ладонь подруги. — Ты должна мне сказать, что не так с моей экспериментальной установкой.

— Но...

— Лучше так. Правда, лучше.

— Это и твоя боль тоже — или должна быть твоей. Если только ты не метишь в высокие эльфы, когда вырастешь.

— Очень мило. Таких, как ты, я уже встречал.

— И каких же это, интересно, таких?

— Сирин...

— Я не стану говорить об этом. Не стану!

— Тех, которые часами разглагольствуют о гномьей истории, но и не подумают пойти на свидание с одним из соплеменников.

— Пусть тебя это не волнует, коротышка. Уверена, ты найдешь кого-нибудь, кто закроет глаза на твои... недоростки.

— Строишь из себя стерву? — Красный Гвалх бросил сигарету на пол и растер ее блестящей итальянской туфлей. — Это мне в женщине нравится. — Он протянул руку, и Нант приняла ее. Они вышли на танцпол и растворились в гуще тел.

— Вот так мы в последний раз видели... — начала Сирин.

Воздух предостерегающе затрещал, и около их стола материализовался эльф в костюме из плотного шелка.

— Дамы. — Незнакомец отличался тем типом холеной красоты, которая кажется поразительной, когда на нее смотришь, и менее приятной, стоит лишь отвернуться. — Можно к вам присоединиться? — Он скользнул в кресло, протянул руку. — Гальяганте.

— Сирин.

— Джейн.

Когда она коснулась его руки, Гальяганте схватил ее за кончики пальцев и перевернул кисть. Он низко склонился над ней, слегка целуя ей ладонь. Сирин спрятала улыбку.

Не успели они разговориться, как вернулась Нант забрать свою сумочку. Красный Гвалх ждал ее у дверей. Она нервно оглянулась на него через плечо.

— Я сейчас обратно в общагу.

— Разумеется, — ласково откликнулась Сирин.

Все трое наблюдали за ее уходом.

— Не довелось ей как следует потанцевать, — прокомментировала Джейн.

— Трудно ее винить. Этот музыкальный стиль не создан для танца. — Когда Гальяганте улыбался, скулы у него смещались, словно под кожей что-то переползало с места на место.

Глаза у него были неестественно яркие. — Слишком юна. Однако я знаю местечко, где музыка негромкая и танцы спокойные. Если вы не возражаете против небольшого путешествия...

Он скользнул ладонью Сирин под локоть и помог ей встать.

— Эй, — окликнула Джейн, — к лифтам не сюда.

Гальяганте терпеливо улыбнулся.

— Общественные кабины так забиты, не правда ли? Уверен, мы найдем что-нибудь получше. — Он привел их в маленькую выложенную плиткой нишу, где стоял ряд необозначенных лифтов, и нажал кнопку вызова.

Когда кабина прибыла, внутри оказалось тесно и темно от черных кожаных сидений. Флегматичный гном в водительской ливрее и кепке стоял у пульта управления. Они втиснулись внутрь.

— «Нелебединое озеро», — велел Гальяганте.

Даже не кивнув, гном захлопнул двери. У Джейн подпрыгнул желудок, когда кабина провалилась вниз. Эльф отодвинул манжет, чтобы взглянуть на часы, и положил руку на спинку сиденья позади Сирин, не прикасаясь к ней. Девушка слегка подвинулась, принимая его объятие, втекая в него. Его рука легла на ее плечо.

Джейн была очарована. Это было словно незаметный танец между дипломатами, обмен ритуальными формальностями, приведший к договоренности. Гном смотрел вперед, наблюдая за мельканием этажей в стеклянном прямоугольнике. Другая рука Гальяганте протянулась, чтобы заключить в объятие и Джейн, и это ей понравилось куда меньше.

— И чем вы занимаетесь? — бодро заговорила она. — В смысле, чем зарабатываете на жизнь?

— Занимаюсь? — переспросил Гальяганте с вежливым недоумением. — Ничем не занимаюсь. Полагаю, в том смысле, который подразумеваете вы, я не столько занимаюсь делами, сколько я сам — дело.

— Как это?

— Ну, инвестор, может быть. Наследник. Много-много акционеров. А вы, Джейн, чем именно занимаетесь вы?

— В данный момент я пытаюсь вычислить, почему мне никак не даются эксперименты.

— Вы ученый?

— Мы студенты. — Джейн проигнорировала сердитый взгляд Сирин. — Алхимики.

— А-а. У меня есть акции в паре-тройке алхимических компаний. Возможно, я смогу помочь.

Лифт опускался все ниже и ниже, однако продолжал ускоряться. Тросы выли и гудели. Лифт наверняка давным-давно миновал уровень земли и стремглав несся к корням мира. Джейн описала свои проблемы с философским камнем.

— В промышленности мы сталкиваемся с очень похожим явлением, — сказал Гальяганте, выслушав ее до конца. — Оно называется «синдром зеленого пальца». Явление это иногда возникает, когда новое предприятие впервые запускает сложную, хотя уже известную технологию. Ваши люди все устанавливают безупречно, но ничего не происходит. Осадки не осаждаются, катализаторы не катализируют. Наказание техников ничего не дает. Реакция просто отказывается идти. Тогда начальство притаскивает кого-то, кто уже однажды запускал этот процесс, и все срабатывает. С этого момента и далее он пойдет и на новом месте. Но в самый первый раз процесс должен быть запущен тем, кто уверен, что он пойдет, кто знает это самим своим существом. Полагаю, это как-то связано с квантовой неопределенностью, но не ручаюсь.

— Тогда мне хана. Как я могу заставить себя поверить в эксперимент, в котором потерпела неудачу пять раз подряд?

Внимание Сирин было приковано к Гальяганте; она ни разу не взглянула в сторону Джейн.

— Не можете. Но ведь должен быть какой-то способ перехитрить установку. Скажем, когда вы в следующий раз запустите эксперимент, одолжите посуду, которая уже использовалась для этой цели. Убедитесь, что собрали ее в правильной последовательности, — сомневаюсь, что одинаковые стеклянные трубки окажутся взаимозаменяемыми, — и тогда должно сработать. У вас наверняка есть друзья, которые с радостью одолжат вам необходимое. Может, вам удастся обменять старое оборудование на новое.

— Лифт тормозит, остановка, — сказала Сирин.

На площадке людоед в смокинге заступил им дорогу со словами: «Это закрытый этаж, сэр». Гальяганте небрежно сверкнул золотой карточкой, и их пропустили.

Попав в «Нелебединое озеро», Джейн сразу поняла, что если Сирин одета подходяще для подобного клуба — небрежно, но стильно, то она сама — нет. Здесь тусовались богатенькие — теги и покруче, и никто из них не носил джинсов. У подменыша сводило живот от одного факта пребывания среди них. Когда Гальяганте занял столик, она плюхнулась в кресло, стараясь не бросаться в глаза.

За стойкой бара помещался огромный аквариум, освещенный резким люминесцентным светом, тогда как остальная часть клуба купалась в красно-лиловом мареве. В аквариуме тонула лошадь. Ноги ее взбивали облака пузырей. С обезумевшими и налитыми кровью глазами она вытягивала шею, чтобы поднять трепещущие ноздри над бурлящей поверхностью. Смотреть на это было мучительно. Музыка играла медленная и романтичная, но достаточно громкая, чтобы заглушить звуки лошадиной борьбы за жизнь.

Джейн передвинула стул, чтобы избавить себя от жуткого зрелища. Гальяганте это позабавило. Кобольд принес им бренди и был отпущен.

— Кокаинчику?

— Разумеется, — быстро сказала Джейн, опережая Сирин, пока та качала головой.

Среди толпы скользили зеркальные девушки с подносами. Поскольку их поверхности отражали все окружающее, Джейн не могла понять, полностью они голые или только частично. Девушки обладали угловатой пластикой и, проходя, искажали реальность, оставляя ее неизменной позади себя. Гальяганте щелкнул пальцами, и одна из официанток низко склонилась над их столиком.

Когда она протянула поднос, на хромированном соске вспыхнул свет. Аккуратные полоски порошка были готовы к употреблению. Гальяганте положил бумажник на стол и наклонился вдохнуть две, по одной на каждую ноздрю. Сирин и Джейн последовали его примеру. Он оставил на подносе несколько купюр.

— Потанцуем?

Сирин приняла его руку, и они выбрались на танцпол.

Бумажник пребывал на столе. Он лежал в лужице света и, казалось, дышал — настолько он был полон жизнью. Кожу укра-

шала татуировка в виде черепа и розы. Этот маленький жест — оставленный без присмотра бумажник — произвел на Джейн сильное впечатление. Он многое говорил о возможностях Гальяганте.

Подменыш мельком заглянула внутрь.

Эльфы крайне опасны. Обчистить какого-нибудь из них — безумие. Это потребовало бы самоубийственной выдержки. Девушка пригубила коньяк. Сирин танцевала, разумеется, прекрасно, и Гальяганте прижимал ее к себе, нашептывая что-то на ухо. Черты у нее были правильные и аристократичные, и, увидев подругу в кругу танцующих, Джейн впервые поняла, что Сирин наверняка тоже из тилвит-тегов.

Музыка играла медленная, и движимые ею двое танцоров казались сверхъестественно грациозными, как ледяные лебеди на зеркальной поверхности водоема. Однако мало-помалу благостное настроение Сирин сменилось отвращением. Она сбивалась с шага. Казалось, девушка пытается вырваться из неумолимой хватки Гальяганте.

Джейн задумчиво за ними следила.

Когда танец закончился, Сирин вернулась к столику и схватила сумочку.

— Я в агрегатную. Ты идешь, Джейн? — В последней фразе прозвучал оттенок приказа. — Мы ненадолго, — бросила она через плечо.

Гальяганте не отозвался. Он сидел, уставившись на тонущую лошадь, на губах его, словно огонек, мерцала еле заметная улыбка.

— Подержи. — Сирин сунула ей сумочку и с грохотом исчезла в туалетной кабинке.

Джейн прислонилась к раковине, изучая ряды кабинок. Из одной доносились булькающие звуки: кого-то выворачивало наизнанку. В пространстве под дверью виднелись рубиновые каблуки. Джейн зашла в соседнюю кабинку и щелкнула задвижкой.

На плиточном полу рядом с коленками блюющей эльфийки валялась расшитая бисером сумочка. Медленно и осторожно Джейн придвинула ее к себе большим пальцем ноги. Хозяйка ридикюля была слишком занята, чтобы это заметить.

В ридикюле оказалась приличная сумма денег. Джейн присвоила содержимое и вернула сумку на место. Сумочка Сирин дала значительно меньше, но она выгребла все, что там было. Она разорвала проездной Сирин в клочки. Обрывки плавали на поверхности воды в унитазе. Подменыш спустила воду.

Когда она вышла, Сирин поправляла макияж перед зеркалом. Лицо у нее было пепельно-бледное. Она бешено стиснула руку Джейн.

— Надо убираться отсюда. Быстро.

— О чем ты говоришь?

— Гальяганте. Джейн, все время, пока мы танцевали, он говорил мне такое... Джейн, ты меня знаешь, я не ханжа. Но некоторые вещи из того, что он говорил... Про рыболовные крючки и... — Она осеклась. — Короче, нам пора уходить, — повторила она.

— Разумеется. Уходим прямо сейчас.

Они прорвались сквозь двойные клубные двери и побежали к лифтам. Сирин, тревожно поглядывая через плечо, нажала кнопку. Гальяганте, похоже, еще не придал внимания их слишком длительному отсутствию.

— Идет кабина. Я слышу гудение.

— Скорей бы. — Сирин вынула бумажник и открыла его. Лицо у нее перекосилось от испуга. — У меня совсем нет денег! Придется ехать общественным... — Она шарила в сумочке со все возрастающей паникой. — Где мой проездной?!

— Не переживай, Сирин.

— Мы пропали. Джейн, ты не знаешь, чего он от меня хотел... чего он хотел от нас обеих!

— Все в порядке, Сирин. Правда в порядке.

— Ты себе представить не можешь. Это так...

Прибыл лифт, и ливрейный гном — не тот, что раньше, — сердито взглянул на них. Джейн втолкнула подругу внутрь.

— Переход на Бельгард. Жми! — приказала она лифтеру. Сирин она сказала: — Все в порядке, у меня достаточно денег. Угощаю.

Сирин, плача, обмякла у нее на плече.

По настоянию Джейн они направились не прямиком в общежитие, а вместо этого пошли в «Паб». Так назывался студенческий бар в нескольких этажах от Хабундии. Здесь было

полно народу, шумно и безопасно. Джейн заказала пива на двоих, и Сирин опрокинула в себя три кружки подряд.

Всякий раз после пива на Сирин нападала сентиментальность.

— Спасибо, Джейн, ты так мне помогла! И в лифте, и там... за то, что ты вытащила меня оттуда. Джейн, ты и вообразить не можешь, от чего ты меня спасла, какие вещи он хотел со мной сделать.

— Даже не думай об этом. Все ерунда.

— Нет, правда. Не знаю, что бы без тебя было! Я у тебя в долгу. Все, что хочешь, если это в моих силах, — твое. — Она на мгновение умолкла, а затем на поверхность всплыла чуть заметная, шальная улыбка. — Не то чтобы мне это не понравится... может, когда-нибудь. Только пока я, по-моему, не готова.

Джейн смотрела в кружку, на пузырьки, поднимающиеся сквозь пиво — сначала медленно, а потом со все возрастающей скоростью. Они сияли, словно крохотные галактики, каждый пузырек — отдельная маленькая вселенная. Она приблизила к себе кружку и сделала приличный глоток.

«И вот я смерть, — подумалось ей, — разрушитель миров».

Вслух же она сказала:

— Та куча дерьма, которую Гальяганте навалил мне про «синдром зеленого пальца», не сработает, правда ведь? Он просто сотрясал воздух.

— Ну, это могло бы сработать, я полагаю. Просто такой способ не особенно эффективен.

— Тогда в чем секрет?

— Джейн, я дала тебе уже достаточно намеков. Пожалуйста, не заставляй меня...

— Ты сказала: все, что мне будет угодно, так? Я спасла тебя, забыла?

— Да, но я не думала, что ты попросишь меня о *таком*. Это просто не разрешается. Это...

— Тсс. — Джейн погладила Сирин по руке, тронула под столом ее колено своим коленом. Заглянув глубоко в эти разъехавшиеся глаза, она промурлыкала: — Ты очень красивая.

— Что?

Сама Джейн была совершенно трезвой и понимала, что для общения с пьяным требуются широкие жесты, безжалостное упрощение, яркие основные цвета. Коснувшись Сирин лбом, она шептала:

— Ну же, Сирин! Я бы сделала это для тебя. Я же твоя подруга, правда? Ты можешь верить мне. Давай!

Сирин вспыхнула и уставилась на свои сплетенные руки.

— Я жульничаю. Я подгоняю результаты.

Джейн продолжала ласкать ее пальцы. Делая это, она чувствовала себя немного предательницей, но особого выбора у нее не было.

— Расскажи мне как.

Глаза у Сирин помутнели и превратились в молочно-белые, зрачки и радужки распались на крохотные точки и растворились. Сиплым, не своим голосом она сказала:

— Ты знаешь, в чем различие между экзотерической и эзотерической алхимией?

Джейн повертела головой.

— Все, что ты делала до сих пор, — все лабораторные, вся органика и неорганика — все это экзотерично, связано с трансмутацией материи. Это внешняя традиция. Успеваешь?

— Да.

— Эзотерическая алхимия — это внутренняя традиция. Другая сторона монеты. По эзотерической алхимии не бывает семинаров, но исследователю необходимо изучить ее самостоятельно. Эзотерическая алхимия связана с трансмутацией духа. Этого можно достичь многими путями — через боль, или ужас, или монашескую дисциплину, например, — но легче всего она достигается дозированным применением секса.

— Расскажи мне, как оно работает. Практическую сторону.

Голос Сирин постепенно твердел и становился ниже. Это больше не был женский голос.

— Процедура делится на две части.

— Две части.

— Первая часть эзотерическая. Она включает секс. В процессе соития ты должна зрительно представить себе эксперимент, от начала до конца, шаг за шагом. Если партнер кончит раньше тебя, надо начинать все сначала.

Джейн не могла высвободиться из холодных рук Сирин. Ошеломляющий поток энергии струился по ее рукам вверх и затем вниз по позвоночнику, возвращаясь к Сирин через соприкосновение коленей. Это завораживало. Стол под ее руками и стул, на котором она сидела, словно бы растворились. Во всей вселенной не существовало ничего, кроме голоса и резонансного контура, возникшего у нее с Сирин.

— Вторая часть экзотерическая. Когда ты организуешь эксперимент и запустишь его, представляй, что ты делала, когда воображала его в первой части. Где ты держала своего партнера, что ты при этом чувствовала. Это создаст петлю обратной связи. Ты почувствуешь нарастающее возбуждение. По чисто социальным причинам лучше скрыть этот аспект своей работы. Создание философского камня является вводной ступенью сексуальной магии. По мере продвижения в изучении экзотерических путей тебе понадобится обрести более сложные эзотерические навыки. Но на данном этапе простых животных импульсов достаточно.

Словно из ниоткуда в мире Джейн распахнулось окно, но открывшиеся за ним чужие пейзажи ничего ей не говорили. Как такое может быть, недоумевала она. Как может одно влиять на другое? Где и посредством какого механизма они соединяются?

Она припомнила яркий солнечный день, без облаков и теней. Он был так близко, что воздух казался пленкой, натянутой на яичный желток, готовой прорваться в любую секунду. Один укол вилкой, и другая сторона хлынет наружу и затопит весь мир. Она не сомневалась, что видимый мир — только поверхность, что под покровами ворочаются более глубокие и темные силы, под тротуарами перекликаются киты, а за небесным сводом гримасничают лица, превосходящие по размерам планеты.

Джейн чуяла, что вплотную подобралась к чему-то изначальному, — еще миг — и сможет прикоснуться, ощутить его вкус и запах. Она пыталась сформулировать вопрос, когда сила, стоявшая за словами Сирин, заговорила снова:

— Ты кокетничала с великими тайнами. Смотри, как бы они не сокрушили тебя.

Веки у Сирин затрепетали и открылись, и она произнесла своим нормальным голосом:

— Меня тошнит.

Словно отступающая морская волна, чуждое присутствие ушло. Вокруг подменыша снова сомкнулись стены бара, реальные, словно упаковочный ящик, и такие же тесные.

Джейн заново наполнила кружку. Когда та опустела, она налила по новой. В какой-то момент девушка подняла глаза, но Сирин уже не было. С ней разговаривал какой-то незнакомец приятной наружности. Она смутно припомнила, что он пред-

ставился как Джейк Палкотряс. Он рассказывал анекдот. Джейн не улавливала сути, но абсолютно не сомневалась, что угадает, где полагается смеяться. Похоже, она была предоставлена сама себе и могла принять любое решение, какое захочет.

Джейк с надеждой улыбался уголком рта.

Ну, подумалось ей, он не хуже любого другого. Как бы то ни было, она уже больше года честно произносила противозачаточное заклинание каждый день без исключения.

Казалось, жалко потратить его впустую.

Два дня спустя она поставила опыт снова. Все получилось идеально.

ГЛАВА 13

Джейн поймала последнюю струйку спермы Билли Буки на стеклышко часов, затем втянула сколько было нужно пипеткой.

— А-ах!

Она развела ее физраствором и потрясла пипетку, чтобы перемешать содержимое. Затем капнула полученную смесь в камеру цитометра, накрыла сверху стеклом и установила на предметном столике микроскопа.

— Посмотрим, каковы знамения.

Билли перевернулся и наблюдал за ней, пока она натягивала трусики и джинсы и склонялась над микроскопом. Простыни шелестели печально.

— Не могу тебя разгадать.

— Тебе и не надо.

Не отрываясь от микроскопа, Джейн пошарила в поисках лифчика. Она защелкнула его на животе и развернула в правильное положение, на мгновение распрямившись, чтобы надеть бретельки. Блузка ее висела на спинке того же стула, где лежал лифчик.

— Будь полезен, застегни мне пуговицы, — велела она.

Билли повиновался.

— У тебя же есть другие парни, я знаю. Ты со всеми так себя ведешь или только со мной?

— Моя соседка по комнате с минуты на минуту вернется с занятий, — холодно отозвалась Джейн. — Пора бы тебе одеться, конь генитальный.

Билли со вздохом полез под кровать за брюками. Он, словно аист, по очереди сгибал и разгибал каждую ногу, засовывая их в штанины. Он был утонченным существом, худющий и с длин-

ными тощими ногами, как у огородного пугала. Сидя он почти доставал головой до потолка. Стоя ему приходилось сутулиться.

Дверь задергалась, затем загудела, словно по ней сердито били кулаками.

— Это она. Открой! Чего стоишь?

Однако не успел Билли дойти до двери, как фрамуга наверху распахнулась и внутрь пролезла Мартышка. Он импульсивно схватил ее под мышки и, развернув как куклу, поставил на ее же собственный стол. Она стояла там, и мордочка у нее темнела, словно уголь в камине. Билли расплылся в приветственной улыбке с торчащими вкривь и вкось зубами, причем улыбка эта загибалась по обеим сторонам его лица. Именно в такие моменты, когда он был настроен самым дружелюбным образом, он выглядел наиболее уродливо. Мартышка злобно уставилась мимо него на Джейн.

— Какого члена ты, по-твоему, делаешь, запирая от меня мою собственную, к дьяволу, комнату?

Знаки на предметном стекле были недобрые. Еще бы, в год Десятины знамения хорошими не бывают. Если проверить образец: кусочек волоса, каплю мочи, соскоб с рога — что угодно — на спектрофотометре, результирующий спектр неизбежно покажет толстую черную полосу, отмечающую приближение Десятины. Даже если вы сами переживете отсев, то наверняка потеряете кого-то из близких.

— Я готовила препарат, — пробормотала она рассеянно. Билли уже совладал с ремнем и торопливо застегивал пуговицы на рубашке. — Нет, вот надо же было тебе ворваться ровно посредине процесса, а?

По идее ей не полагалось применять эзотерические техники в процессе промежуточного сканирования, но, поступая так, она экономила бесконечные часы, которые потратила бы, пялясь в лужицу разлитых чернил или медитируя над козлиными потрохами.

— Что-то ты последнее время совсем обнахалилась, мисс Делаю-Что-Хочу Олдерберри. — Мартышка спрыгнула со стола. — Не припоминаю, чтобы я давала тебе разрешение использовать мою комнату для частных, твою мать, свиданий.

— Гхм, слушайте, мне пора, я опаздываю. На лекцию. — Билли сунул носки и туфли под мышку. Неловко кивая, задним

ходом он засеменил вон из комнаты, словно лист, уносимый бурей. — Пока.

Секрет успешного сканирования заключается в понимании того, что будущее неоднозначно и предсказать его невозможно. Никак. Можно только определить то, что уже существует, но еще неизвестно. Любовники предназначены друг другу задолго до первого поцелуя. В дружбе заложено убийство. Опухоль, которая выглядит пылинкой на рентгеновском снимке, означает смерть. Сколько случайных, на первый взгляд, событий на деле оказываются просто результатом череды последствий. Джейн принялась заносить свои наблюдения в рабочую тетрадь.

Мартышка вырвала у нее из руки карандаш и сломала пополам.

Джейн закрыла глаза и внутренним зрением проследила все изгибы символа Бафомета. Когда она снова успокоилась, то выдвинула ящик комода.

— Хорошо. — Внутри лежала пара медицинских перчаток. — Я не хотела этого делать. — Она их натянула. — Но ты просто не оставляешь мне выбора, согласна?

Надо отдать ей должное, Мартышка не отступила. В ее роду имелась примесь крови трикстеров, и соответствующий ген оказался доминантным. Она нервно облизнула губы, пока Джейн изображала, что вынимает из комода невидимую коробку с инструментами.

— Ты меня не запугаешь.

— Хорошо. — Джейн откинула крышку и сунула руку внутрь. — Лучше всего получается, когда не верят. — Она извлекла столь же воображаемый скальпель и зажала его между большим и указательным пальцами, поворачивая его то одной, то другой стороной и любуясь игрой света на лезвии.

— Что ты собираешься делать?

Джейн улыбнулась.

— Это!

Она врезала Мартышке кулаком в живот. Маленькое чудовище согнулось пополам от боли, Джейн оседлала ее и, невзирая на крики, прижала к полу. Она задрала Мартышке блузку на голову и вынула из кармана заранее припасенный как раз для такого случая пузырек.

— Чуть выше. — Она вонзила твердые пальцы в беззащитный живот. — Здесь!

Она раздавила пузырек. Потекла кровь. Темно-багровая жидкость залила мартышкин живот и промежность. Джейн отступила, сжимая в кулаке лопнувший пузырек. Со стороны он выглядел как клочок салфетки. Мартышка барахталась, одергивая блузку, а Джейн тем временем закинула пузырек в рот. Разжевала его и проглотила.

Сделано.

С профессиональной быстротой Джейн убрала скальпель в коробку и вернула ее в комод и небытие. Стянула перчатки и бросила в корзину для мусора. Дело сделано. Прислонившись к своему письменному столу, она прикидывала, купилась ли ее соседка по комнате на этот трюк.

Мартышка поднялась с пола.

— Какого дьявола ты только что сделала?

— Надеюсь, купила себе немного мира и спокойствия.

— Ты меня не обманывай — это просто ловкость рук.

— Думай что хочешь.

Взяв в руку массивный степлер, Мартышка двинулась на нее.

— А вот этим по башке не желаешь? Посмотрим, кому будет больнее, тебе или мне.

— Это можно выяснить только одним способом.

Мартышка нерешительно закусила губу. Затем с отвращением швырнула степлер на пол и плюхнулась в кресло.

— Черт!

Она просто лопалась от ярости. Внезапно напряжение отпустило ее, и она хихикнула про себя. С деланой небрежностью она произнесла:

— А я тут познакомилась с одним твоим давним другом.

— Поистине ошеломляющая непоследовательность, — заметила Джейн.

Оттирая с подбородка пятнышко крови, она вернулась к микроскопу. Но как ни старалась, игнорировать Мартышкино замечание не удавалось. Оно свербело в мозгу. Наконец она вздохнула:

— Ну и с кем же?

— Мое дело знать, твое — разузнать.

Тон у Мартышки был злорадный, насмешливый, торжествующий. Не отводя глаз от Джейн, она подняла уголок пропитанной кровью блузки и принялась сосать ткань.

Перед выходом Джейн провела долгий час, глядя на куцый бланк. Желтая бумага уже почти протерлась на сгибах. Плохие новости всегда приходят на дешевой серой бумаге, а имена и сам текст плохо отпечатаны через трижды использованную копирку большими буквами чуть выше линеек. Получив эту писанину накануне, она перечитала ее, наверное, уже раз десять.

Кому: Господину/Госпоже ОЛДЕРБЕРРИ.
От: Служба истины и покаяния, Отдел финансовой помощи.

В нынешний период налоговых ограничений необходимо делать все возможное для сокращения или устранения любых расходов, дабы они не оказали отрицательного влияния на качество вашего образования. Таким образом, в виде меры по снижению затрат, часть вашей ЗАСЛУЖЕННОЙ СТИПЕНДИИ, покрываемая нашей службой, снимается. Мы знаем, что вы поступили к нам, желая университету скорее оправиться от временных финансовых затруднений, и настоятельно поощряем вас вложить максимум доступных вам средств для финансирования вашего образования через частный сектор. Обязуемся выслать персональный график выплат в течение ТРЕХ НЕДЕЛЬ.

Гнев Джейн давно прошел. Она прочла листок, только чтобы лишить его силы, очиститься от последних следов эмоций, убедиться, что она сделает то, что должна, спокойно и четко. Пора.

Университетская библиотека открывалась в полночь и закрывалась на рассвете. Обоснованием столь необычного расписания работы служило то, что это отпугивало дилетантов и бездельников, чтобы они не занимали попусту читательские места. Джейн подозревала наличие более темных мотивов, но на сей раз уединение пустых залов и гулких комнат было ей только на руку. По боковым проходам и кованым чугунным винтовым лестницам она следовала извилистым путем к наименее посещаемым областям собранной здесь мудрости.

Ради максимального использования ограниченной площади помещения более старые фонды оборудовали электрическими

полками. Проходы имелись только через каждые десять полок; прочие были сдвинуты вместе, словно старая мебель в чулане. Джейн шла вдоль них, читая таблички, пока не нашла искомое, и щелкнула выключателем на торце полки. Загудел скрытый моторчик. Медленно и неуклюже соседние полки раздвинулись, закрывая существующий проем и открывая новый там, где ей понадобилось.

Все книги были старые и потемневшие от времени. Некоторые скреплялись бечевкой или резиновыми бинтами, столь древними, что рвались от одного лишь прикосновения, но не отваливались, поскольку за десятилетия намертво приросли к обложкам. Наиболее ценные экземпляры содержались в специальных контейнерах из картона, аккуратно перетянутых лентами. Но и эти тлели внутри контейнеров, медленно превращаясь в прах, неумолимо окисляясь, как и все книги, в процессе столь неминуемом, что Джейн чуяла его запах — флер увядания, липнущий к стопкам книг, — словно дым от сжигаемого вдалеке сена. Все книги, без исключения, постепенно умирали.

Так что Джейн не совершила никакого святотатства, срезав бритвенным лезвием с корешка защитную полоску со штрихкодом на заранее намеченном томе.

Связной встретил ее у главного лифта. На нем была потертая коричневая летная куртка с нашивками времен Броселиандской кампании, старые джинсы и еще более старые ботинки.

— Пак Алешир, — представился он. — Товар при тебе?

— В сумке.

— Тогда пошли.

Пак оказался тем самым контрольным образцом с лекции по хирургии. Глаза у него были темные, слишком серьезные, почти немигающие.

— Когда я видела тебя в последний раз, ты стоял голышом рядом с трупом, — сказала Джейн, чтобы хоть как-то его развеселить.

Он посмотрел на нее и ничего не ответил.

Так, в молчании, они поднялись на десять этажей и перешли по воздушной галерее в Хиндафьялль, где сели в громыхающий общественный лифт и доехали в нем до улицы.

— Почему нельзя было просто спуститься вниз из нашего вестибюля? — выразила недоумение Джейн.

— Это территория Мямли. Ты и вправду ничего не знаешь, если хочешь сунуться в его охотничьи угодья ночью.

— А-а.

В вестибюле Хиндфелла царили пустота и уныние. Витрины магазинов на ночь были очищены от товаров, а одинокий гном в красной форме привратника зевал и не обращал на них ни малейшего внимания. Газетный лист расправил крылья и бросился на Джейн, когда Пак открыл дверь, но был пойман поперечным потоком воздуха, вильнул вбок и впечатался в стену. Джейн поплотнее запахнула на себе парку.

Они ступили в темную, жутковатую пустоту. Свет уличных фонарей безуспешно пытался достичь земли. Неоновые лампы мутно отражались в лоснящемся от дождя асфальте. В воздухе раздавалось ворчание невидимых чудищ и омерзительный булькающий смех гоблинов из бара на ближайшем углу. Где-то распахнулась дверь, выпустив наружу обрывок музыкальной фразы, затем снова захлопнулась, поглотив его. На улице не было ни души.

Джейн приходилось семенить, чтобы не отстать от размашисто вышагивающего Пака.

— А ты грубиян, — заметила она.

— А ты богатая сука.

— Что?

— Что слышала. Знаю я вас, выпускниц частных школ в стеганых пуховых парках. Вы смеетесь над такими, как я, потому что у моей куртки рукава по швам расползаются и я вынужден браться за любую работу, какая подвернется. Нет, вот что я тебе скажу. Есть худшие способы заработать деньги, чем стоять голышом рядом с трупом, как ты только что деликатно заметила. И то, что я зарабатываю, идет на оплату моего образования, а не на лишнюю порцию пикси-порошка.

— Я никогда...

— Конечно, конечно. — Ярость Пака угасла так же враз, как и вспыхнула. Он втянул голову в плечи. — Забудь, что я сказал. В любом случае это не мое дело.

Над проплывающими мимо магазинами ярко горели вывески: «Амброзиус», «Дедушкина форель», «Гномологика», «Три туфельки», — но сами магазины темнели, словно зарешеченные пещеры.

— Вот мы и пришли.

Целью их путешествия оказался каменный дом с остроконечной крышей и терракотовой отделкой фасада. Он был зажат между двумя небоскребами, одинокий призрак ушедшей эпохи. Первый этаж изуродовали граффити. Под прикрытием ступеней сбилась в кучку пятерка пивных бутылок.

— Она ждет нас, — сказал Пак. И постучал.

Дверь отворилась.

За ней оказалась одна большая комната, холодная и неосвещенная. Внутренние перегородки были сломаны. В тусклом свете уличных фонарей Джейн смутно различала кирпич, следы гари, гниющий матрас и песчаниковый валун в два ее роста высотой.

Камень стоял неподалеку от выложенного плиткой очага.

Дверь захлопнулась, заключив их в черноту.

Во внезапном приступе паники Джейн сообразила, до какой степени она положилась на милость Пака. Здесь с ней могло случиться все что угодно. Какой надо быть дурой, чтобы поставить себя в подобное положение!

— Обычно здесь не так плохо, — вполголоса произнес Пак. — Черт! — Пластиковая бутылка загремела и покатилась от удара его ботинка. — Эй ты, старая психопатка! Мы здесь — включи свет, твою мать!

Отсутствие освещения усиливало запахи: гнили и плесени от матраса и от обоев, горечи обугленного дерева — и над всем этим всепроникающий смрад рептилии. Уж не водятся ли в этих развалинах змеи? Джейн отчаянно надеялась, что не водятся.

— Одну секунду, пожалуйста.

Ровный, бесполый голос исходил из сердца живой темноты. Послышался металлический лязг, донесся запах керосина, чирканье серной спички. Вспыхнул свет, ослепил, принял форму зажженной лампы. Лампа повисла в пустоте, удерживаемая костлявой коричневой рукой. Тень от камня метнулась к ним и затем прочь.

— Можете теперь приблизиться к нам.

Позади лампы — Джейн сузила глаза в щелочки, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, — парило призрачное лицо. Пергаментная кожа обтягивала голый череп. Это была маска старой карги: высокий лоб, тяжелые веки, погруженные в глубокую тень.

В уголках глаз поселились эоны усталости. Старуха носила черную водолазку, так что верхняя часть тела только подразумевалась, но оставалась невидимой. О теле ниже талии девушка могла только гадать.

— Где оно? — зашевелился безгубый рот.

Выражение, разлившееся по старушечьему лицу, когда Джейн достала книгу из сумочки, показалось ей голодным, как новорожденное пламя свечи.

Существо протянуло вперед руку.

Джейн вложила в нее подношение.

Тварь приблизила книгу к носу, понюхала. Затем быстро перелистала ее, вырвала три страницы и запихнула их в рот. С кислым выражением прожевала. Пролистав вперед, заколебалась над новой страницей, потом решительно вырвала и тоже съела. Наконец она вырвала страницу в конце, из указателя имен. Когда ее рот снова опустел, она вернула книгу Джейн.

— Остальное не представляет для меня интереса. — Коричневая рука исчезла и вновь возникла с конвертом. — Здесь ваше вознаграждение. Надеюсь, что вас устроит.

Джейн, не открывая, сунула конверт в сумочку. Она поколебалась, затем спросила:

— Зачем вы это делаете?

— Две страницы содержали имя. Я хочу, чтобы оно было забыто.

— Но почему вы их съели?

— Я истребляю свое прошлое.

— Но почему?

С сухим шелестом, словно шелк по мрамору, лицо подплыло к ней ближе. Челюсть отвисла в пародии на отчаяние, затем рот сжался в поистине устрашающей решимости.

— Я чую железо, холодное железо, тяжелую судьбу и предательство. — Она рывком поднесла лампу к лицу Джейн. — Ты не одна из моих детей! Что ты здесь делаешь?

Джейн в испуге пожала плечами.

Лампа убралась.

— Это не важно. Сядь у огня, и я расскажу тебе все.

Она сунула лампу в пустой камин, взметнулись тени. Из ниоткуда хозяйка извлекла два маленьких стула.

— Черт, только время терять, — проворчал Пак, пока они с Джейн неловко усаживались.

Из каминной трубы дохнуло холодным ветром, но сажу не подняло. С тех пор как здесь обитал огонь, прошло очень много времени.

Хозяйка не садилась.

— Все не так, как было, — сказала она. — Я прошу вас вообразить себе эпоху, когда не было жилищ выше длины копья, машин сложнее ткацкого стана, календарей, кроме самой луны. В ту пору все женщины жили в гармонии.

Пак фыркнул.

— А мужчины?

— Мужчин не было. Мы их еще не изобрели. — Лицо глянуло на песчаниковый валун и перекосилось. Камень не отражал света, но впитывал его весь, темнота внутри темноты. — Это был мой грех, разделение женщин на самцов и самок. Это был первый грех и самый ужасный, поскольку именно он привел Колесо в движение.

Щелкнула дверца шкафчика, хозяйка извлекла графин резного стекла и налила себе выпить. Щипцами достала лед из ведерка, положила крышку на место. Затем грациозно проплыла к камню и со скользящим звуком трижды обогнула его. Каждый раз, появляясь на свету, лицо и руки поднимались все выше в сумрак.

— Тогда я была могущественна, да, и красива так, как вы и представить себе не можете, прекрасная и бледная, как Госпожа Смерть. В те далекие времена у нас не было правителей, не было иного авторитета, кроме чести и старости, но мое положение среди сильных было великим, и за мои совершенства Совет Семерых сделал меня своей ламией.

Она подождала, когда Джейн спросит:

— А что такое ламия?

Шелест, словно от сухих газет. Лицо поднялось чуть выше.

— Это был очень высокий титул, дитя. И огромная ответственность. Ибо в те времена мы владели такими магическими силами, каких в этот печальный и разочарованный век даже и не помнят. Вот этими двумя руками, — она подняла ладони кверху, — я могла повелеть горам открыться, а морям расступиться. Я призывала звезды на землю, чтобы гулять и разговаривать с ними и набираться у них ума. В те времена никто не умирал. В этом не было нужды...

С дребезжанием и шкворчанием возле ног Джейн включился электрообогреватель. От неожиданности она в испуге уставилась на него. Нагревательные спирали светились красными нимбами, отбрасывая на стену тусклый багровый свет. Пятно на обоях сжалось и пропало. Джейн пропустила несколько слов.

— ...сначала я к этому не прислушивалась. Это была лишь праздная фантазия, голос на задворках сознания.

Одной стороне тела Джейн было холодно, другой — слишком тепло. От запаха керосина мутилось в голове. Лампа мерцала, и казалось, песчаник вспыхивает, словно распуская серые бабочкины крылья. Затуманенному взгляду девушки он представлялся двумя противоречивыми формами — то менгиром, то двуглавой секирой.

Усталость вдруг навалилась на подменыша глыбой.

— Мне и в голову не приходило, что такая простая мысль породит зло, — продолжала ламия. Джейн обнаружила, что ей трудно следить за ходом повествования. Она зевнула, растянула уголки глаз, потрясла головой. Медленно, постепенно тихий монотонный голос убаюкал ее до полудремы, и в этом состоянии ей чудилось, будто вся комната растворяется и неизменным остается только валун.

Джейн стояла на ярко освещенной равнине, а рядом с ней была помолодевшая ламия. Ниже талии ее тело становилось змеиным. Она трижды обвилась вокруг камня. Но она была так красива, так невинно обнажена и так сладко пахла, что девушка совсем ее не боялась. Чешуя ламии блестела, как полированный нефрит, и переливалась на солнце. Зеленые глаза смотрели не мигая.

— Где я? — спросила Джейн.

— Это Омфалос, неподвижная ось. — Голос ламии звучал откуда-то сверху. — Вокруг нее обращается весь мир. Чем дальше от центра, тем быстрее и беспощаднее движение. И тем легче упасть. Оглядись.

Джейн посмотрела. Во все стороны от камня расходился мир. Он был виден ей до самого края. Между городами как на ладони тянулись нити скоростных трасс, а за ними раскинулись горы, океаны и лед. Это было в точности как макеты из гипса и лишайника, какие каждый год готовят второкурсники-

геоманты, чтобы на примерах осветить такие темы, как «Электричество на службе промышленности» или «Аллегория просвещает массы».

— Он круглый! — воскликнула она. — Мир круглый!

— Он круглый, потому что это только иллюзия. Мира не существует — ни в каком материальном смысле, — и поэтому он постоянно меняет форму. — Теперь диск вращался, медленно, но заметно двигаясь под усыпанным облаками куполом неба. — Данный видимый образ — то, что мудрые называют Колесом. Ты сейчас видишь бытие таким, каким видит его сама Богиня.

У Джейн закружилась голова. Она быстро отвела взгляд от горизонта, но в желудке сохранилось неприятное ощущение.

В голосе ламии проступило безумие визионера.

— Это я привела Колесо в движение, из-за собственной гордыни и глупости, и была наказана: обречена на то, что мои дети будут ходить на двух ногах, а мои потомки не будут верить мне и станут насмехаться надо мной, и — самое жестокое — обречена на бессмертие, дабы увидеть последствия своих деяний.

Земля теперь вращалась быстрее. Джейн пошатнулась, но устояла.

— В качестве жеста милосердия, чуть менее жестокого, чем само наказание, мне обещано, что однажды, когда я уничтожу последний след своего существования, мне будет даровано исцеление. Но этот день наступит еще очень, очень нескоро.

Над несущейся по кругу землей стонали ветра.

— Тем временем Колесо вращается. Ничтожества возвышаются, а великие низвергаются в ничтожество. Лучшие неизбежно терпят поражение, а дерьмо всегда всплывает наверх. Здесь источник всей мировой скорби — в этом непрестанном вращении, постоянно ускоряющемся, всегда приносящем нас обратно туда, где мы уже были, но повзрослевшими, изменившимися, покрытыми шрамами и исполненными печали. Если бы я только знала, кто мне шепчет, я бы ни за что не стала слушать. И Колесо не пришло бы в движение.

Джейн крепко зажмурила глаза. Голова у нее шла кругом. Она сделала неверный шаг ближе к камню и опустилась на колени, чтобы не упасть.

— Кому принадлежал голос? — спросила она. — Кто искушал тебя?

— Кто на самом деле? Кто наказал меня за то, что я ее слушала? Кто решил привести в движение Колесо и счел, что вину за это надо возложить на меня? Одно и то же лицо.

— Кто?

Голос ламии сделался очень спокойным.

— Кто! Богиня, разумеется. Кто бы еще посмел?

Джейн протянула руку, чтобы опереться о камень. Как только пальцы коснулись его поверхности, вращение прекратилось. Головокружение прошло. Глаза резко распахнулись, и она уставилась снизу вверх на ламию. Вверх — мимо безупречной геометрии ее колец. Мимо томного запаха и изгиба ее живота. Мимо коралловых ореолов ее сосков. Во вселенные ее радужек, в черные провалы ее зрачков.

Ламия улыбалась. Это была теплая и доверительная улыбка, которая светила из самой основы ее существа.

— Ты хочешь меня.

— Да, — недоуменно ответила Джейн. До этого ее никогда особенно не тянуло к представителям своего пола. Мальчики всегда казались ей интереснее. Но ламия завораживала притягательностью андрогина, словно в ней воплощалось все, что Джейн находила привлекательным и в женском, и в мужском теле.

— Тогда поцелуй меня.

Ламия приблизила губы к губам подменыша. Ее губы влажно разомкнулись, за ними мелькнул розовый язычок. С сердцем, трепыхающимся, словно птица в ладонях, девушка беспомощно потянулась вверх к ней.

— Хватит, старая скважина!

Пак схватил Джейн за плечи и рванул на себя. Она задела за оттоманку и упала спиной на пол.

Ламия снова сделалась старой — старой и омерзительной. На кратчайшее мгновение выражение мягкого сожаления скользнуло по маске ее лица и пропало. Она сложила руки, пряча кисти.

— Все, уходим, — твердо произнес Пак.

— Я включу вам свет.

— Не утруждайся.

Пак поставил Джейн на ноги и вывел ее из комнаты. Пока девушка предавалась иллюзиям, дом исцелился. Внутренние

перегородки воскресли и покрылись обоями с набивным рисунком. Гости проходили через устланные изящными коврами и обставленные удобной мебелью комнаты. В прихожей канделябры матового стекла мягко освещали им путь. Когда они вышли, пивные бутылки с крыльца пропали. Граффити впитались в камень.

— Она окончательно свихнулась, — сказал Пак, когда они снова оказались на улице. — А эти ее безумные истории! Однако нынешняя телега превзошла все прочие. Если б мне не так сильно требовались деньги, я бы...

Он брезгливо сплюнул. Не замедляя шага, он встряхнул, открывая, летные очки и напялил их. По черной стеклянной поверхности линз скользили неоновые радуги. Теперь Пак походил на зловещее насекомое. В таких очках ночью чувствуешь себя слепым, но поступь фея оставалась решительной и твердой.

— Что она пыталась сделать? — нерешительно спросила Джейн.

Она все еще пребывала в легком обалдении, не совсем уверенная, где настоящее — мир, как она видит его сейчас, или тот, что открылся ей в видении ламии.

Уже давно стемнело. Сверчки и костлявые призраки наводнили улицы, поднимаясь из вентиляционных шахт метро, служебных туннелей и ливневой канализации, образуя небольшие группки у фонарных столбов, наблюдая за происходящим из дверей. На Джейн, пожевывая палец, уставился молодой вервольф. Когда они проходили мимо, он выплюнул фалангу им под ноги.

— Ты не знаешь? — удивился Пак. — Она собиралась...

— Эй, студент! — Рядом притормозил бегемот, и старый седой тролль высунул голову из кабины. Он искоса глянул на них, обнажив бурые зубы и ужасные десны. — Как это тебя еще не вышвырнули? — Он взглянул на Джейн. — У тебя, смотрю, новая подружка?

— Злобный Том, — улыбнулся Пак. Настороженно, неискренне. — Что хорошего слышно?

Они пожали друг другу руки, и Джейн заметила краешек маленького, завернутого в полиэтилен пакета, прежде чем тот исчез в кармане ее спутника. Тролль провел пятерней по испещренной коричневыми пятнами голове и, понизив голос, сказал:

— Ходят слухи, отрава вышла на улицы.

Пак отступил от бегемота.

— Э-э, нет. С этим дерьмом я не связываюсь.

— Никто не просит тебя ни с чем связываться, — раздраженно произнес Злобный Том.

— Найди себе кого-нибудь другого.

— Ладно, ладно.

— Я в этом деле не участвую.

— Нет? Что ж, очень жаль. Там хорошие деньги.

Бегемот нетерпеливо всхрапнул, и Злобный Том выжал сцепление и газанул двигателем, чтоб не заглох. Зыркнув на Джейн, он подмигнул Паку.

— Пора мне. Не пропадай, слышишь?

Когда бегемот уехал, Джейн спросила:

— Что за отрава?

— Плохие новости. Не увлекайся этим.

Они молча вернулись в Хиндфелл и по галерее перешли на Бельгард. Когда Пак уже сворачивал у эскалатора прочь, Джейн сказала:

— Хочу кое-что прояснить. Я не богатая сука, как ты очень деликатно заметил.

Паку потребовалась секунда, чтобы припомнить собственную такую же реплику. Когда это произошло, он нахмурился:

— Эй, я же извинился.

— Послушай меня, ты! Я здесь на стипендии, ясно? У меня больше нет никаких источников дохода. Ни покровителей, ни работы, ни сбережений — ничего. Только стипендия, и университет только что ее отобрал. Так что хочешь жить, умей вертеться. Откуда-то же должны браться деньги?

— Но твоя одежда...

— Я ее украла. Да, шмотки крутые, потому что если уж красть, то лучшее, верно? Я просто хотела, чтоб ты знал. Я не богатая, и вообще... Просто выживаю, как умею.

— Эй, я тоже. — Тон у Пака был изумленный. — В смысле, может я и не стипендиат, но образование значит для меня очень много. Я учусь в Фармакологическом колледже. Через все это дерьмо я прохожу, только чтобы заплатить за него.

— Вот и ладно. Теперь мы друг друга понимаем.

Джейн собралась уходить. Ее слегка колотило, то ли от ярости, то ли от пережитого страха.

Но Пак задержался.

— Эй, послушай. Может, как-нибудь выберемся куда-нибудь? Может, сходим потанцевать? — Он увидел, что она собирается покачать головой, и постучал себя по лбу костяшками пальцев. — Вот идиот — я же тебя еще не обаял. — Он принялся рыться в карманах, охлопывать джинсы, засовывая руки в глубины куртки. — Тебе понравится, это самый надежный талисман из всех существующих. Мне бы только... А! Вот он.

Он извлек из-за пазухи призрак розы. Лепестки были красные, темнее крови, с лиловыми отблесками. Роза слабо, но заметно просвечивала.

Склонившись в глубоком поклоне, он вручил цветок ей.

Когда ее пальцы сомкнулись на стебельке, роза исчезла в воздухе. И Пак оказался прав. Джейн была очарована.

— Ну, так как насчет?..

Он убрал в карман темные очки и пристально смотрел ей в глаза. Его искренность не вызывала сомнений. Вопреки доводам рассудка, Джейн обнаружила, что Пак ей нравится. Под грубой оболочкой таился сильный характер. Более того, она испытывала огромную тягу к нему. Нечто у нее внутри отзывалось на его присутствие.

— Нет, — ответила она.

Вернувшись к себе в комнату с вечеринки у Дженни Зеленые Зубы, Джейн пребывала слегка под газом. Радиатор шипел и дребезжал, выдувая из вентиляции мелкие пузырьки.

Стоял холодный осенний день. Город за окном выглядел тусклым и вялым. Вдалеке чугунными утюгами громоздились тучи. Перед ними мельтешили черные точки: грозовые ведьмы в полете. Несколько кожистых дубовых листьев, занесенных на такую высоту невесть какими ветрами, мокро прилипли к стеклу.

Джейн плотно задернула занавески и в приглушенном свете разделась. Мартышка уехала на полевую практику и вернется лишь завтра вечером. Джейн легла на кровать и начала трогать себя, неторопливо лаская груди, проводя ладонью по животу. Сначала она думала о Паке, а потом не думала вообще ни о чем.

Ее пальцы лениво скользили между грудей, вдоль выпуклой равнины живота. Круглый лобковый холмик густо покрывала буйная поросль. Иногда ей нравилось представлять это лесом,

по которому она бродит, маленький одинокий исследователь. Пальцы скользнули к входу в лабиринт, почувствовали влагу и задержались. Это был заколдованный лес, и молчаливый. Даже птицы не пели в ветвях. Она бродила там, озираясь в недоумении. Пальцы задвигались чуть быстрее. Все притихло в ожидании, исполненное надежды. Пальцы замедлили движение. Они начали дразнить клитор. Далеко впереди лежал подъем, и, совершенно не торопясь, кружными лесными тропинками она приближалась к нему.

Погружаясь в фантазию, Джейн не переставала осознавать наличие комнаты, постели, на которой лежит, и потолка над головой. Играя со своей кнопкой, она чувствовала, будто поднимается и кровать вместе с ней, набирая скорость, взмывает вверх, ракетой устремляясь прямо в небо. Комната осталась позади, университет и Город и все здания разваливались и отпадали все дальше и дальше вниз.

Потолок пульсировал и растягивался, утончаясь и растворяясь. Сквозь его исчезающую дымку проступили первые звезды. Они множились и становились гуще. Джейн тяжело дышала и извивалась на своей постели. Простыни под ней сбились. Еще быстрее. Небо потемнело.

Она набирала высоту.

С усиливающимся ощущением предвкушения она побежала по склону вверх. Мимо по обеим сторонам пролетали деревья. Быстрей и быстрей, в такт настойчивому движению пальцев, она бежала, неотделимая от Джейн, которая за много миров отсюда взмывала в небо. Она достигла вершины и в недоверчивом изумлении взглянула вниз.

Внизу располагался коттедж.

Это был невысокий дом, белый, чуждый очертаниями, и, хотя она точно никогда не видела подобных зданий, он был знаком ей, словно повторяющийся сон. К дому примыкала надворная постройка без окон, но с широкой дверью, занимавшей целиком одну из стен. К этой двери вела короткая, но широкая дорожка. На крыше находилась, должно быть, телевизионная антенна, потому что у нее отсутствовали защитные чары, положенные громоотводу.

Зачарованная, Джейн медленно спустилась по извилистой тропинке к задней двери. Та открылась от толчка, и девушка шагнула в кухню. Мучительно знакомые запахи окружили ее.

Там была женщина, и, хотя разум твердил, что эта женщина ей совершенно незнакома, нечто у Джейн внутри радостно подпрыгнуло при взгляде на нее. Женщина сидела за столом, покрытым жаростойким пластиком, мрачно ссутулившись и опустив голову. Слева на столе стояла бутылка виски и ополовиненный стакан, справа пепельница.

Джейн на цыпочках вошла внутрь, боясь заговорить, чувствуя необходимость подойти ближе. Женщина — волосы у нее были темные, средней длины и вьющиеся — не услышала ее.

Джейн тронула ее за локоть.

— Мама?

Негромко вскрикнув, ее мать подняла глаза.

ГЛАВА 14

Мартышка залезла в ее тайник. Джейн держала его под кроватью в коробке, прикрыв ворохом старых колготок. Соседка выволокла из-под кровати коробку, вытряхнула содержимое на пол и все перерыла. Возмущенная Джейн кинулась собирать свои вещи. Здесь была книга — та самая, украденная для ламии, — которую Джейн на днях собиралась вернуть в библиотеку, были кредитные карточки и визитки, которые она стащила у Гальяганте, трубка, гашиш и детское масло, хранимые про запас, пока у нее не найдется время и уединение, и несколько дорогих для нее предметов времен Гвен и Питера. Ничто не пропало. Мартышка вынюхивала информацию.

В коробке не было ничего, что приоткрыло бы Мартышке ее секреты. Джейн прятала свои вещи не из боязни, что они выдадут какие-то ее тайны, но потому, что они имели для нее особую ценность, и ей не хотелось, чтобы кто-нибудь шарил в них своими грязными лапами.

Злость злостью, но к ней добавлялось тревожное ощущение неуюта. Что-то близилось. Мартышка явно затевала какую-то пакость. Джейн знала, как работают мозги у ее соседки по комнате, — произошедшее было нехорошим звоночком.

В коридоре раздавались взрывы хохота. Прочие хабундинки украшали двери тисовыми венками. Позже они раздерут на части кабанью тушу и обрызгают кровью все притолоки. Джейн не собиралась присоединяться к ним. Мрачное настроение последних дней не располагало к подобным радостям. Тьма и холод глубоко запустили когти в ее нутро. Зима еще никогда не тянулась так долго.

Она задернула занавеску, скинула одежду, облила себя спереди детским маслом и размазала его по телу. С третьей спички

удалось раскурить трубку с гашишем. В ее рассеянном состоянии потребовалось чуть ли не полчаса, чтобы перенестись *туда-нибудь*.

— Расскажи про себя.

Она в сумерках догнала идущую по берегу реки мать. Джейн неловко сцепила за спиной руки. Мать размашисто шагала с ней рядом, ее руки были скрещены на груди. Ни та ни другая не решались прикоснуться друг к другу.

— Ну... Я работаю косметологом. Мы с Фрэнком в итоге разошлись семь лет назад. Теперь я в основном одна. — Она отрывисто рассмеялась. — Сомнительная формулировка, а? Еще служу добровольцем в больнице.

— Ах, мама.

Джейн смотрела на мелькающие под ногами камни, на кучи плавника, битого стекла и пластиковых бутылок, отмечающие границу слабого речного прилива. Ей хотелось спросить мать о стольких вещах: что ты чувствовала, когда я пропала? Что, по-твоему, произошло? Искала ли ты меня, и где искала, и когда наконец сдалась? Но почему-то она не могла задать ни один из этих вопросов. Не находила подходящего момента.

— Это новая блузка? — спросила вдруг мать.

— Да, а что-то не так?

— Ничего. Почему всегда что-то должно быть не так? Только не кажется ли она тебе несколько простоватой? Ты бы так мило выглядела, если бы придавала немного больше значения вещам и косметике. Сложение тебе позволяет.

— Послушай, у меня куча поклонников, я отнюдь не страдаю от недостатка внимания. Давай не будем в этот раз про косметику.

В тоне матери прорезались острые нотки.

— Ты ведь не позволяешь им пользоваться твоей слабостью, правда? Единственное, о чем я жалею, что не сберегла себя для свадебной ночи. Не смотри на меня так. Если позволить им делать с тобой, что им хочется, они не станут уважать тебя после. Даже твой отец. Я убеждена, что если бы только... ладно, неважно.

Таинственный в сумраке танкер разгружал нефть на другой стороне реки. Мать и дочь остановились, стали смотреть.

— Мама, я тут думала. Может, тебе не стоит столько пить?

Мать глядела на танкер, не говоря ни слова.

— Послушай, мам. У меня, наверное, некоторое время не будет возможности навещать тебя. Сессия на носу. Я буду страшно занята. Может, мне не удастся прийти снова, пока зима не кончится. Как-нибудь весной.

Мать покачала головой, по-прежнему не слушая.

— Эти сны так утешают меня, — сказала она. — Ты не представляешь. И хотя я знаю, что они не настоящие, все-таки я чувствую: на каком-то уровне они реальны. Боюсь, я не совсем ясно выражаюсь.

— Это не сны, мама.

— Тсс, Джейн.

— Однажды я приду сюда по-настоящему. Я работаю над этим сейчас, учусь всему, что можно. Однажды я вернусь домой.

— Нет. — Мать Джейн начала тихонечко плакать. — Нет, не надо. Не делай этого со мной.

Джейн захлестнул неописуемый прилив любви и вины. Не думая, она протянула к матери руку и сбросила бутылочку с маслом. Та полетела через всю комнату, и все так перепачкалось маслом, что у Джейн на уборку ушел не час и не два.

— Встань, старый камень!

Профессор Немезида рубанула ясеневой палочкой по серому обломку скалы. Палочка разлетелась в щепки. Студенты семинара затаив дыхание склонились над рабочим столом.

Камень зашевелился и потек вверх, обводы его поплыли. На полдороге он снова неподвижно застыл — полуоформившееся нечто, для наметанного глаза представлявшееся смещением в сторону антропоморфности, но не более.

— Что мы только что доказали? — вопросила профессор, смахнув обломки палочки на пол.

Ее пронизывающий взгляд шарил по лицам студентов. Никто не хотел встречаться с ней взглядом.

— Мисс Зеленые Зубы. Отвечайте немедленно.

— Что камень крепче дерева, — рискнула ответить Дженни. Профессор довольно часто довольствовалась тавтологией, если та была высказана достаточно остроумно.

— Это определенно неприменимо к черному дереву и пемзе! — рявкнула Немезида.

Студенты съежились, оглушенные гнилостно-мясным запахом ее недовольства.

— Мисс Олдерберри. Отвечайте не задумываясь.

— Мы продемонстрировали, что все — живое. — Немезида нахмурилась, и Джейн быстро поправилась: — Что жизнь заложена во всей материи. Даже вещи, кажущиеся инертными, таковыми не являются, они просто спят.

— Подкрепите свое утверждение примером.

— Гм, ну, vis plastica, например, — животворные токи. Когда овцы и кобылы стоят на лугу к ним спиной, они беременеют новой жизнью. Когда токи обвевают поверхность скалы, камень приходит в движение в стремлении к сложной форме и собирается в образы неуклюжих зверей, черепов и костей и свернувшихся змей, которые невежды принимают за окаменевшую древнюю жизнь. А после того как эти токи уходят и их оживляющее влияние пропадает, присущий камню обычный замедленный обмен веществ возвращается и камень снова впадает в дрему.

— Как это доказывает вашу мысль?

— Ни во что нельзя вложить свойства, не присущие этому предмету изначально. Фиолетовый свет, пропущенный через красную линзу, можно сделать красным путем изъятия синего компонента. Но тот же луч не пройдет через желтую линзу, ибо желтый в нем не заложен. Таким образом, в камне должна быть заложена жизнь, коль скоро его можно заставить, хотя бы временно, двигаться и жить.

Профессор Немезида круто обернулась к девочке-зимородку.

— Мисс Клюнь-Немножко, предположим, vis plastica не отвернет от скалы, а, напротив, станет дуть на нее день за днем, какие знакомые формы жизни она породит?

— Горгулий и каменных ползунов.

— Обоснуйте свой ответ.

— Как было только что сказано, вещи действуют в соответствии со своей природой. Новая жизнь сохранит каменное тело и привычное мышление. Что включит в себя приверженность вертикальным поверхностям, определенную замедленность процессов и...

Класс, где проходил семинар, был невелик, а радиаторы выставлены на полную мощность. Они дребезжали и стонали от напряжения, вырабатывая столько жара, что окна запотели

и потекли. Воздух тоже был спертый. Джейн дождалась, пока преподавательница отвернется, и, прикрыв рот рукой, зевнула.

Потревоженная невесть каким внутренним чувством, профессор неожиданно напряглась. Затем сурово посмотрела через плечо на Джейн. Водянистые с розовыми обводами глаза Немезиды сделались вдруг жесткими.

— Извините, я... — начала Джейн.

Она осеклась. В комнате было пусто. Тепло улетучилось. Исчез бледный свет зимы, заглядывающий в окна, уступив место слишком широкой и темной панораме теряющихся в бесконечности крыш. Фактически это была вообще не та комната. Джейн находилась в гостиной аспирантской квартиры на верхнем этаже Бельгарда. Низко над горизонтом пылал углями индустриальный закат.

Стояла ночь.

Джейн оцепенело поднесла руку к оконному стеклу. Оно оказалось ободряюще прохладным и твердым.

«Соберись, — сказала она себе. Потом: — Что я здесь делаю?»

— Джейн, — произнес кто-то. — С тобой все в порядке?

В оконном стекле рядом с ее собственным отражением возникло еще одно, сначала бледное и расплывчатое. Оно рябило, приближаясь, и оформилось сперва в череп, затем в лицо, точеное и красивое; глазные впадины казались темными в свете флуоресцентных ламп, льющемся с потолка. Зрение подменыша резко сфокусировалось на нем.

Это была Гвен.

Джейн, ахнув, резко обернулась. У нее за спиной стояла вовсе не Гвен, а Сирин. Джейн снова оглянулась на окно, но больше не могла различить лицо Гвен в отражении Сирин.

— Святая вода! — Подруга взяла ее за руку. — Да что с тобой такое?

— Я...

Повернувшись к окну спиной, Джейн скользнула взглядом мимо пустых банкеток в сторону коридора, где гомонящий поток преподавателей и студентов втекал через массивные двери в лекционный зал Лесного царя.

— Немезида вышвырнула меня со своего семинара. Ничего не помню. Наверное, полдня потеряла.

Только теперь она осознала, как отразилась на ней вспышка профессорского раздражения, и пришла в ярость. Все, что она делала с того момента — учебные занятия, встречи с друзьями, — было украдено.

— Вот сука! — пробормотала она. Затем добавила еще более сердито: — Ну и пес с ней! Черт подери ее натрое после полуночи!

— Вот и молодец. — Сирин накинула аспирантский капюшон Джейн на голову и втащила ее в толпу. — Прикинься важной цацей. Вряд ли кто-нибудь занимается отловом зайцев, но... — Она рассмеялась. — Ты когда-нибудь в жизни видела столько твида?

— Непохоже, чтобы они нарочно. — Девушки без приключений миновали створки из красного дерева. — Я пыталась... эй, а куда мы, кстати, идем?

Джейн предпочла бы места в верхней части амфитеатра, поближе к краю, где меньше всего вероятность навлечь на себя внимание, но Сирин протащила ее вниз к пятому ряду слева в тени возвышения, сразу за преподавательскими местами. Позади кафедры на складных стульях терпеливо восседали деканы университета, словно вороны на заборе.

— Это лекция по глубинным основам, глупенькая. Я говорила тебе о ней за обедом, уже не помнишь?

Джейн помотала головой. Не обращая внимания, Сирин продолжала:

— Эту лекцию читают только раз в десять лет. Остальное время лектора держат в катакомбах, запечатанными в кувшин с оливковым маслом.

— Да ладно.

— Серьезно. Я знакома с лаборантом, который помогал его процеживать.

На кафедру поднялся козлорогий администратор. Он откашлялся.

— В натурфилософии героев очень немного. Однако сегодня я представляю вам не просто героя, но воина, настоящего ученого-берсерка, того, кто предпринял лобовую атаку на самые сокровенные тайны Богини. Когда он и его товарищи двинулись на приступ ее цитадели, они знали, что эта попытка может уничтожить не только их самих, но также верхний и нижний

миры. Но это ни на миг не отпугнуло их. Ибо они обладали мужеством убеждений. Их вела интеллектуальная честность. Только один из этого славного отряда вернулся. Теперь он стоит перед нами. Есть ли такие, кто меньше нуждается в представлении, чем мой выдающийся коллега? Позвольте представить вам самого великого из ученых, живое интеллектуальное сокровище и прекраснейший образец в нашем собрании... — (Сирин ткнула Джейн локтем в бок.) — профессора Тарэппла.

В громе последовавших за этим аплодисментов он изящно ретировался на пустой стул, а на помост поднялась сморщенная фигура.

Даже для кафедры глубинных основ, которая, согласно весьма распространенному мнению, довела концепцию свободных искусств до крайности, профессор Тарэппл представлялся фигурой весьма гротескной. Он выглядел как скрюченный огарок: иссохшее, спекшееся туловище с обугленными палочками конечностей. Челюсть у него отвисла, поступь была медленной и болезненной — настоящая энциклопедия старческих немощей.

Он нащупал микрофон. Почерневшие пальцы сомкнулись на нем с негромким «бум». Тарэппл поднял выжженные глазницы к потолку. Джейн сообразила, что он слеп.

— Господа, — произнес он, — ученые и власти предержащие. — Голос у него был слабый и писклявый, но усилители разносили его по всей аудитории. Снизу его голова на костлявых плечах казалась огромной, словно арбуз на столбе забора, готовый вот-вот свалиться. Профессор обеими руками вцепился в кафедру. — Мир мы воспринимаем в трех состояниях, каковые часто могут показаться действующими друг другу наперекор. Это... — Он сбился, почти заглох и с усилием продолжил: — Это... это... во-первых, несомненное состояние. То, как видит ребенок, когда хлеб есть хлеб и вино есть вино. Второе состояние — это... — Он слегка покачнулся. — Это согласованная реальность, тот набор договоренностей, согласно которому мы уславливаемся, что хлеб есть пища, а вино есть дух товарищества. — (Послышались редкие вежливые смешки.) — Третье — это исследуемое состояние, то, с которым имеют дело наши коллеги на магических факультетах, взаимодействие сил, каковое они полагают конечной реальностью. — (Более громкий и искренний смех.) — Однако давайте спросим себя, что

лежит за всеми тремя? Каково истинное состояние того, что мы могли бы назвать гиперреальностью? — Долгое молчание. — Первый слайд, пожалуйста.

Огни погасли, и из проекционной будки в заднем конце зала донесся отчетливый щелчок. На стене за кафедрой появилось яркое изображение чудовищно огромной морской раковины, висящей над бескрайним океаном. Аудитория хранила молчание.

Профессор Тарэппл нащупал лазерную указку, оставляя пятна сажи на поверхности кафедры. Дергаными, марионеточными движениями он направил указку на слайд. Красная световая точка метнулась к краю экрана.

— Это... — Голова у него задрожала. — Это... это Спиральный замок. — (Ни один из присутствующих в зале не смел вздохнуть.) — Никто, кроме меня, никогда не проникал так глубоко в тайны Богини. Океан, над которым он подвешен, есть само время и, насколько можно определить при помощи нашего несовершенного оборудования, простирается бесконечно во всех направлениях. Следующий слайд.

Щелк. Изображение плавающей в бездне ленты, изогнутой в форме восьмерки.

— Это — лента Мебиуса с одной петлей.

Щелк. Более сложная фигура.

— С двумя.

Щелк. Следующая.

— С шестнадцатью.

Щелк. Стеклянная реторта, нечто вроде перегонного куба, носик которого загибается сам в себя, а затем выходит с дальнего конца, так что его внутренняя поверхность переходит в наружную. Хотя фон по-прежнему отсутствовал, сооружение переливалось отраженными цветами, словно мыльный пузырь.

— Это трехмерный эквивалент первого слайда.

Щелк. Новый мыльный пузырь, бесконечно более сложный.

— Шестимерный эквивалент второго слайда.

Щелк. Третий пузырь, изображение качеством хуже первого и второго слайда.

— Двенадцатимерный эквивалент третьего слайда.

Щелк.

— Снова Спиральный замок.

На этот раз физическая форма явно представляла собой тело высшего порядка в прогрессии, предполагаемой предыдущими слайдами. Попытки проследить его запутанные изгибы вызывали головокружение.

— Вы заметите, как он накладывается сам на себя. Эта рекурсивная многосложность простирается на тринадцать измерений как минимум. Посетитель, пройдя по простой кривой одного-единственного перехода, может оказаться физически вывернут таким образом, что, войдя правшой, выйдет левшой. Однако прохождение данного перехода в обратную сторону не обязательно исправит повреждение; оно может скорее произвести вторую инверсию, в результате которой внешняя поверхность объекта сделается изнаночной: кожа окажется внутри, а потроха, так сказать, снаружи. Но что... что... что это означает на практике? Здесь мы должны предпринять краткий экскурс в область переселения душ — я не стану утруждать вас математическими подробностями, обещаю. — Он подождал смеха, но смеха не было. — Не все вошедшие в Спиральный замок покидают его. Но те, кому это удается, могут с равным успехом возродиться как в будущем, так и в прошлом. Было... было продемонстрировано, что в каждый отдельно взятый момент может существовать не менее шести инкарнаций личности. Хотя я бы не советовал им встречаться.

Двое или трое из старшего преподавательского состава хихикнули, словно услышав бородатый анекдот.

Джейн с трудом поспевала за ходом лекции. Яркое белое изображение Спирального замка слепило, будто магниевая вспышка. Оно раздувалось и опадало перед ее внутренним взором, словно дышало. Глаза у Джейн пульсировали и болели, когда она пыталась постичь логику его инволюций. Пришлось отвести взгляд.

В бледном отраженном свете слайда все лица казались серыми и собранными, словно их обладатели пребывали в трансе. Джейн обнаружила, что рассматривает профиль Сирин. Сейчас сходство с Гвен казалось сильнее, чем когда-либо.

А может, она и вправду — Гвен?

Мысль была тревожной и мучительной. Но не новой. Джейн уже некоторое время подозревала нечто подобное. Если профессор Тарэппл говорит правду, то вполне возможно, что Гвен возродилась в Сирин. В таком случае заряженные полюса их про-

тивоположных судеб неизбежно сведут их на общей орбите вокруг общего рока.

Джейн очень нравилась Сирин. Она была открытая и щедрая и, несомненно, превосходила подменыша интеллектуально. У Сирин имелись задатки блестящего алхимика. Джейн могла многому у нее научиться. Но она не смела вмешиваться в жизнь подруги, если это означало возможное повторение прежней трагедии.

Опять-таки, если Сирин не являлась инкарнацией Гвен, не было никакой нужды избегать ее. Проблема заключалась в том, что способа выяснить это просто не существовало.

Другое дело — Пак.

— Жабоглоты! Ракозадые куцехвостые шмары! Трескоголовые мокропузые ублюдки!

Джейн резко пришла в себя. По всей аудитории слушатели просыпались и будили друг друга. Сидевший впереди Джейн преподаватель из тегов выпрямился, пошатываясь, и всхрапнул. Гном слева провел рукой по своей обсиженной грибами лысине.

Разъяренный профессор Тарэппл прекратил лекцию и поносил своих слушателей.

— Одно-единственное существо — единственное! я! — проникло так глубоко в тайны Богини и вернулось, чтобы рассказать о них. Заклинаю пушечным огнем, святой водой и колоколами, послушайте меня! Я рисковал большим, чем жизнь и разум, чтобы доставить вам эти фотографии. Я... я... я когда-то был молод, высок и красив. У меня были друзья, которые погибли в этой экспедиции и никогда не возродятся. Мы были пойманы и наказаны, и наказаны снова. Я один спасся. Посмотрите на меня! Посмотрите, какую цену я заплатил! Сколько раз я пытался рассказать вам! Ну почему вы никогда не слушаете?!

Он уже плакал.

— Горе мне! — вскричал он. — Увы тем, кто взыскует истины, ибо это самое заветное сокровище Богини! О, она кровожадна и непостижима, и жестока, жестока в своей мести...

Неторопливо зажглись светильники. Аплодисменты были громоподобны.

Теперь Джейн знала, что делать.

Свет в алхимическую лабораторию шел из подсобки, дверь которой Джейн оставила приоткрытой. Под потолком медлен-

но поворачивалось в легких потоках воздуха чучело крокодила. Заряженная и вдохновленная планом, порожденным лекцией по глубинным основам, за каких-то три дня Джейн ухитрилась стащить ключи и оборудование и выкроить время, необходимое для эксперимента.

Она установила аргоновый лазер на лабораторном столе слева от себя, а демонстрационную камеру с пробиркой — справа. В камере имелся монохромометр, совмещенный с фотонным счетчиком. Эти два прибора и оптическое зеркало были основой эксперимента. Задуманное отличалось элегантной простотой.

Задребезжала дверь. Тощая, большеголовая, непомерно высокая фигура смутно различалась сквозь матовое стекло. Джейн открыла.

— Я принес, что ты просила.

Билли Бука, виновато сутулясь, вошел внутрь, благоухая дешевым мылом, импортными сигаретами и вялой надеждой. Он разжал ладонь. Внутри оказалась смятая нашивка первого морского левиафана. Последний раз Джейн видела ее на плече куртки Пака. Кажется, уже тогда она держалась на честном слове.

— Снасибо. — Девушка выдернула из нашивки несколько нитей и сунула их в пробирку.

— Откуда ты знаешь Пака? — спросил Билли.

— А ты откуда?

— Сирин познакомила.

Джейн медленно налила поверх нитей царской водки и запечатала пробирку. Царскую водку полагалось использовать только в качестве растворителя золота и платины, но она прекрасно справилась и с нитками. Джейн потрясла пробирку, наблюдая, как волокна распадаются на завихряющиеся частицы.

— Тогда откуда Сирин знает Пака?

— Просто он из тех, кого знают все, — пожал плечами Билли. — Может, покупала у него священные грибы. Может, он чинил ей велосипед. Он деловой парень. Везде бывает.

Джейн нацелила лазер так, чтобы отраженный зеркалом луч падал точно в демонстрационную камеру на пробирку с препаратом. Размотав шланги, подсоединила концы к охладительному кожуху лазера. Убедившись в их надежности, открыла краны.

— Ну и я тоже.

Щелчком закрепила контрольный образец с физраствором в предметных держателях и захлопнула камеру.

— А-а. — Билли был разочарован. — Слушай, я достал пару билетов на потрошение. Я подумал, может, мы с тобой...

— Нет.

Все на месте. Она ткнула кнопку на лазере и проверила фотонный счетчик. Показания никуда не годились.

Разочарованная, она ответила слишком резко:

— Даже если бы мне захотелось таращиться на такое зрелище — а мне не хочется, — я не пошла бы, потому что после ты захотел бы лечь со мной в постель. А я больше не хочу заниматься с тобой сексом, потому что это только обнадеживает тебя.

Билли молча переминался с ноги на ногу у нее за спиной.

— Почему бы тебе не попросить Линнет-Коноплянку? Судя по многочисленным отзывам, она та еще штучка.

Может, сила тока для лазера выбрана неверно? Она проверила настройки, ища ошибку и надеясь, что причина в чем-то простом. Только бы не накрылась импульсная лампа, тогда она попала.

— Я скажу ей, что у тебя три яйца.

Билли всныхнул от смущения. Ей не надо было оборачиваться, чтобы понять это.

— Незачем грубить, — произнес он самым натянутым тоном, на какой был способен.

— Ой, но все девчонки... — Обернувшись, она увидела выражение его лица и осеклась. В этих бесхитростных глазах плескались боль и одиночество. Ей в момент стало стыдно. Только сознание того, что он не сможет остановиться, удержало ее от прикосновения. — Ладно, извини, что дразнила тебя. Мир, хорошо? Давай опять станем друзьями.

— Ага, — неуверенно кивнул Билли, и Джейн вернулась к работе.

С другой стороны, если проблемы с хромометром, то она тоже ничего не сможет поделать. Прибор имел фабричную пломбу и продавался как единое целое. Но она видела, как Лэмблэк пользовался именно этим прибором только вчера, и тогда он безупречно работал. Что же она упустила?

Зеркало!

Точно: когда она посмотрела внимательно, на зеркале обнаружилось едва заметное помутнение, которое и вызывало рассеивание светового луча. Джейн поменяла зеркало. Затем включила питание, чтобы опробовать установку. Есть. На сей раз все цифры сошлись. Девушка вынула контрольный образец, вставила образец из Паковой куртки и оставила контрольную камеру открытой. Затем напялила лазерные очки. Настроенные на пятьсот четырнадцать ангстрем, линзы отфильтруют все, кроме *рамана,* от образца, и она сможет смотреть прямо на него.

— Насчет потрошения... — подал голос Билли.

Возбуждение свободных ионов в растворе вызвало к жизни крохотного оранжевого духа. Он парил в водянистой зелени перед глазами Джейн, словно водоросль, омываемая подводными струями. Жизненный цикл подобных существ неимоверно короток: в возбужденной светом лазера среде они рождались и умирали тысячу раз в секунду. Существо, воспринимаемое как нечто единое, на деле являлось множеством. Движения его представляли иллюзию последовательности того же рода, что и изображение в телевизоре. Оно казалось настолько зыбким, что Джейн боялась дышать.

— Что — насчет?

— Ну, может, теперь, когда у тебя было время обдумать, ты могла бы... в общем, ты знаешь.

Джейн вздохнула, но глаз не подняла.

— Уходи, Билли.

Он еще подождал немного, печально бренча в кармане монетами. И наконец ушел.

Путем многоступенчатой цепи превращений *раман* постепенно принимал форму существа, наиболее тесно связанного с частицами растворенных нитей. Джейн замерла в ожидании, пока дух претерпевал медленные последовательные изменения, обретая все более знакомые черты. Наконец миниатюрный Пак плотоядно зыркнул в ее пучеглазые очки, облизнул губы и ухватил себя за промежность. Наивно ожидать утонченности от столь примитивного существа.

Теперь, когда дошло до дела, Джейн обнаружила, что боится. Лазер был приспособлен так, чтобы обеспечивать проводящий луч. Она сунула в него микрофон. Нервно прокашлялась. Прошло много времени с тех пор, как она последний раз пользовалась истинным именем Задиры.

— Тетигистус! — выкрикнула она.

Дух подпрыгнул, словно его огрели бичом по спине. С громким треском лопнула импульсная лампа. От розетки завоняло горелым пластиком. Джейн с криком упала на спину, когда лазер закоротило, и вскинула руку, чтобы защитить глаза.

Но дело было сделано. На сетчатке под закрытыми веками ярко и четко сияло остаточное изображение триединого Задиры-Питера-Пака. Глаза их были прозрачны, а кожа цвета слоновой кости. Они лежали, завернутые в белое полотно, с одинаковым выражением собранности и уверенности на безупречных лицах.

Все они были мертвы.

Итак, это оказалось правдой. Задира, Питер и Пак — одно.

Было поздно, и скоростные лифты закрылись на ночь. Джейн сорок пять минут тащилась до дому в местной стоячей кабине. Всю дорогу она не столько думала, сколько переживала. Она надеялась, что, когда наконец так или иначе выяснит правду относительно Пака, это освободит ее. Только теперь, когда он стал для нее запретен, до Джейн дошло, как она безумно хочет его.

Смертельно усталая, она добралась до своей комнаты. День получился длинный, и единственное, чего она хотела, — это завалиться спать.

Через стекло фрамуги и из-под двери сочился свет. Изнутри слышались голоса. Значит, Мартышка вернулась. И у нее был приятель.

«А, — подумала Джейн, — мне уже не сделаешь больно. Хоть ударьте кирпичом по лицу, все равно я ничего не почувствую».

Она открыла дверь.

Над ее кроватью высилась неуклюжая фигура с красными глазами и соломой вместо волос. Он поднял взгляд и спросил с мерзкой ухмылочкой:

— Как жисть, Сорри?

Это был Крысякис.

ГЛАВА 15

Зима тянулась невыносимо долго. Отцы Города объявили третий декабрь, так что Черный декабрь перешел в декабрь Ледяной, и всех преследовало ощущение, что не за горами четвертый. Тем временем стояла Волчья Луна, и Богиня приняла свою самую враждебную ипостась. Казалось, что Десятина никогда не наступит.

Как-то спустя неделю после появления Крысякиса Джейн отправилась вместе с ним и Мартышкой поглазеть на витрины магазинов. Настороженно и неохотно она плелась за сладкой парочкой через фешенебельные залы «Гладсхейма», «Карбонека» и элегантных заведений типа «Ярмарки Рога», «Фаты Падурии» и «Малефициума», где Джейн и выглядела и чувствовала себя безнадежно неуместно. Алчный глаз Мартышки привлекла какая-то яркая безделушка, а Крысякис с довольной ухмылкой на пухлых губах встал позади, поигрывая ключами в кармане.

— Ой, смотри, — восхитилась его подружка, — не правда ли, прелесть?

— Да, — отозвался Крысякис, пристально глядя на Джейн. — Не правда ли?

Вечер они завершили в «Пещере». Там устроили ночь открытого микрофона, и несостоявшиеся барды и непризнанные менестрели со всей округи набились сюда с уймой плохих стихов. Они сидели за столиками, сделанными из катушек от телефонных кабелей, потягивали эспрессо и ждали своей очереди. Первокурсники в джинсах и черных водолазках разносили полные чашки и убирали пустые.

— Ах эти перчатки! Перчатки из кожи фавна! — восторгалась Мартышка. — С этого момента я делаю все покупки только в «La jettatura»[1]. — Она протянула руку и кончиком пальца провела по подбородку Крысякиса, мурлыча: — Представь, какие они... мяххкие на ощупь.

На крошечной сцене поэт, судя по его виду целыми днями валявшийся на сеновале, декламировал:

И леди боле не лежала,
Свернувшись у него под боком,
Но высилась пред ним во славе...

Крысякис закатил глаза. Затем, возвращаясь к прерванному ранее потоку красноречия, произнес:

— Весь секс сводится к власти. Господство и подчинение, вот в чем его суть, в двух словах.

— Но у нас все по-другому, — вставила Мартышка. — Правда, милый?

Он снисходительно погладил ее по руке.

— Кто-то должен брать, а кто-то отдавать. Мужчина от природы агрессор. Женщина пассивна, ее роль — сохранять. Любовь как акт неизбежно оказывается столкновением жесткого и мягкого, овладением и уступкой, войной в миниатюре. Все остальное — ухаживание, разрыв, примирение — всего лишь усовершенствование и сублимация исходных сил.

— Грубиян! — надулась Мартышка. Затем вкрадчиво произнесла: — Но, сладкий мой, никому не нравится, когда им все время помыкают.

— В тройке, разумеется, — глубокомысленно изрек Крысякис, — дело обстоит иначе. Всяко может обернуться, но, как правило, в итоге сверху оказываются двое. Для сохранения равновесия тому, кто оказался внизу, приходится принимать двойное господство. Она должна научиться пресмыкаться. Ползать. Ее следует заставить ценить собственное унижение.

Мартышка метнула быстрый взгляд на Джейн. Глаза у нее сделались жесткие и яркие, словно гагатовые бусины, ноздри раздувались. Затем она тряхнула головой и отвернулась.

— Это извращение.

---

[1] Сглаз *(ит.)*.

— О да, — согласился Крысякис. — Равно как и множество других вещей.

Джейн пристально смотрела в подсвечник. Наблюдая, как пламя исчезает и снова появляется в толще красного стекла. Словно пытающийся улететь мотылек.

— Ты собирался о чем-то со мной поговорить.

Сияюще стройная ввысь устремлялась,
Словно колонна у Врат Красоты...

— А? Да, собирался. Ты покинула нас в вихре столь загадочных событий... — Крысякис извлек из внутреннего кармана пальто конверт и положил его на стол возле своей кружки. Джейн потянулась за конвертом, но он отодвинул его. — Странных событий, очень странных. Ты уехала так внезапно, что даже не почесалась сказать «до свидания» старым друзьям. После всего, что мы значили друг для друга. Это возбудило мое любопытство. Я решил немного поразнюхать.

— Вы встречались? — вскинулась Мартышка.

— Нет.

— Пустое — ошибка юности, — небрежно отмахнулся Крысякис. — Я уговорил Соломчика послать запрос в офис Детолова. — Он многозначительно постучал пальцами по конверту. — Тебе не любопытно, что они ответили?

Она сама — Врата, через какие может
Любовь войти во храм...

Голос у поэта был высокий, гнусавый и дребезжащий — омерзительный букет.

— Нам обязательно слушать эту дрянь? Нет, мне не любопытно. Какое мне до этого дело?

— Вот именно — какое? — Крысякис убрал конверт в карман и резко сменил тему. — Надеюсь, тебе понравилось, Мартышечка, дорогая. Славно иногда пройтись по Городу, поглазеть на витрины, поучаствовать в приятной беседе.

Она обняла его.

— Ты же знаешь, что да, Крыскин.

— Если бы тебе представилась возможность получить только одно из всего, на что мы смотрели сегодня, что бы ты выбрала?

— Перчатки из кожи фавна. Однозначно, перчатки.

Крысякис повернулся к Джейн.

— Ты слышала волю госпожи. — И щелкнул пальцами, словно она была обязана ему повиноваться.

Слишком испуганная, чтобы справиться с негодованием, Джейн выкрикнула:

— Но меня даже на порог не пустят. «La jettatura» мне просто не по зубам. Там слишком шикарно.

— Мы верим в тебя. — Крысякис встал, Мартышка за ним. Он по-хозяйски прихватил ее за задницу, подталкивая к выходу. — Наша малютка Сорри способна гораздо на большее, чем сама думает. — Через плечо он изобразил губами поцелуй.

Пока эти двое выметались, в партере поднялся шквал аплодисментов. Поэт закончил читать. Он спустился со сцены, а его место занял другой, похожий на него как две сигареты из одной пачки. Новенький откашлялся в микрофон и начал:

О, что тебя терзает, витязь?
Ты одинок в пути и бледен...

Вместо того чтобы дергаться, по зубам ей «La jettatura» или нет, Джейн следовало открыто бросить Крысякису вызов. Ей следовало сказать ему, что она больше не станет для него воровать. Следовало сказать, что в этом конверте нет ничего, что могло бы повлиять на ее положение в университете. Что она не боится его, больше не боится.

Ей столько следовало бы ему сказать.

Книжная ярмарка в Старом регентском зале обслуживала весь Город. Но поскольку университет занимал большую часть Сенодена, многие торговцы специализировались на подержанных учебниках, трудах малоизвестных классиков древности и прочих книгах, представлявших интерес именно для студентов.

Книжные лавки достигали в высоту двух-трех этажей, но теснились так плотно, что посетители с трудом протискивались. Давным-давно водопровод вынесли в пространство под индигово-синим, в золотых звездах сводчатым потолком. Где-то в сочленениях труб образовался свищ, и оттуда с негромким, но неослабным шипением выходил пар, оседая снаружи. На зеленые крыши лавок и мощеные улочки между ними непрестанно сыпалась морось.

— Почему тебе так приспичило раздобыть книжку про орхидеи? Ты что, без нее имя придумать не можешь? — Сирин сняла зонтик со стойки у западной двери и раскрыла его.

— Наверное. — Джейн взяла другой. — Это в самом деле довольно трудно. Слишком личное, понимаешь? И мне очень не хочется второпях зависнуть на какой-нибудь Госпоже Фатиме.

Подняв зонтики, девушки взялись под руку. В проходе между лавками толпились пешеходы.

— Дженни Зеленые Зубы назвала свою Сад Мисс Первоцвета.

— Слишком цветочное. Немногим лучше, чем Элеанор окрестила свою.

— Как? Скажи.

— Зорька.

— Ой, фу! Это ж коровья кличка! Знаешь болотную нимфу через коридор от тебя? Она клялась, что остановилась на Гибельном Сиденье.

— Неплохое имечко.

— И в то же время не такое, чтобы привлечь много желающих. — Сирин хихикнула. — Ворона говорит, что подумывает назвать свою Неотвратимой Пещерой Отчаяния.

— Она просто дуется, что ее променяли на кровавку. Слыхала, как Нант обласкала свою?

— Как?

— Беда. — Обе уже давились от хохота. — Как насчет тебя?

— Мясорубка.

— Ты что! Правда?

— Нет, конечно нет. Я назвала ее Храбрость. Разве не...

— Быстро! — Джейн схватила подругу за руку и рывком втащила ее в ближайшую лавку. Золоченые буквы над входом свидетельствовали, что они укрылись «У Каминной Сажи». — Сюда!

Изумленная Сирин заартачилась и уставилась в проход.

— Джейн! Да что на тебя...

Мимо двери под дождем, с мрачным лицом и непокрытой головой, не глядя по сторонам, неторопливо прошествовал Пак Алешир. Мельтешащие зонты поглотили его.

Сирин раздраженно фыркнула:

— А, Пак. Эта фишка между вами выходит из-под контроля.

У Джейн подпрыгнуло сердце.

— Какая фишка? Что он говорил обо мне?

— Он ничего о тебе не говорил, и знаешь почему? Потому что ты его игнорируешь, ты его избегаешь, ты не хочешь иметь с ним ничего общего. Он не может хотеть того, о существовании чего не подозревает.

Джейн смотрела сквозь полку с уцененными сонниками, сборниками кроссвордов и гербариями.

— От него пахнет смертью. С первого взгляда ясно, что он не переживет Десятины.

— От этого он становится только притягательнее. Это должно будить в тебе порочное начало. — В глазах у Сирин плясал сердитый огонек. — Очнись, Джейн, это же прекрасно. Ты можешь делать с ним что хочешь, и он не станет слоняться вокруг в следующем семестре, чтобы напомнить о себе. Любая нормальная девушка убила бы за такую возможность.

— Я проходила через все это раньше, спасибо. Больше ни в жизнь.

Сирин топнула ногой.

— Церковные колокола и святая вода! Ты, черт подери, просто невозможна. Не понимаю, как я тебя выношу.

— Но я...

— Забудь! Чтобы я еще раз — хоть когда-нибудь! — пыталась оказать тебе услугу...

Бледная от ярости, Сирин с грохотом вылетела из магазина. И исчезла в водовороте толпы.

Джейн обалдела. Это не имело вообще никакого смысла. Только что Сирин смеялась — и тут же впала в ярость. Ее веселое настроение испарилось, словно свет на лугу, стоило солнцу забежать за тучку. Ничто из сказанного Джейн не могло вызвать подобное превращение.

Она вздохнула, повернулась к полкам и положила руку именно на то, что искала. Это был тонкий томик, переплетенный в тисненую кожу и озаглавленный «Имя орхидеи». Джейн пролистала его. Книга содержала с дюжину раскрашенных вручную цветных вклеек и словарь из нескольких тысяч названий с определениями, этимологией и оценкой достоинств и недостатков каждого из них. Уже одно прикосновение к книге возбуждало желание обладать ею.

Девушка окинула магазинчик взглядом. Пусто. Она всмотрелась вверх. Полки, постепенно уменьшаясь и расплываясь, терялись в бесконечности. Длинная тонкая лестница достига-

ла электрических ламп и исчезала в дальних краях за ними, где бесконечные ряды книг соприкасались с тьмой неизвестности.

— Ау! — окликнула она. — Есть тут кто-нибудь? Господин... — Что за имя было над входом? — Каминная Сажа?

Ответа не последовало. Она пожала плечами и направилась к двери. Лестница раздраженно загрохотала. Сверху неловко спустился вниз головой коббли. Достигнув восьмой ступеньки, он спрыгнул, перекувырнулся и с глухим стуком приземлился у ее ног.

— Не продается. — Он выхватил у Джейн из рук книгу.

— Что? — отступила она на шаг.

— Не продается, не продается! Ты что, тупая? «Не продается» значит, что ты не можешь ее купить. — Ростом господин Каминная Сажа доходил ей до пояса, и золотое пенсне яркими полумесяцами сверкало на заросшем седой щетиной черном лице. — Убирайся. Тебе нечего тут делать.

— Гм... Это ведь книжный магазин, не так ли?

— Да, ну и что из этого?

— В большинстве книжных лавок продают книги.

— Нечего со мной препираться.

Каминная Сажа перехватил книгу из руки в ногу и не глядя сунул ее на самую нижнюю полку. Намеренно или нет, он стоял между Джейн и выходом. В противном случае она могла бы просто уйти.

— Меня вашими воровскими штучками не проведешь. Эти книги мои, слышишь? Мои! Я буду защищать их ценой жизни, и это не пустая похвальба.

Джейн обнаружила, что дрожит.

— В жизни не видела такого чудного магазина.

— Чудного? — Он накинулся на нее, сплошные углы в движении, и потряс у Джейн перед носом пальцем. — Знаю я вас и ваши жалкие заблуждения. Знаю-знаю. Библиотека в вашем представлении — это мозг великого и благородного ученого-эрудита — всеобъемлющий, универсально образованный и четко и ясно организованный. Единственные пристрастия заключены в самой природе знания. Если в коллективном всеведении имеется пробел, служители гурьбой кинутся латать его самыми лучшими из доступных томов, каждый из которых взвешен и опробован с целью убедиться, что качество и аромат информации на должном уровне. И эту примитивную конструкцию,

этого карикатурного мудреца вы считаете идеалом. Да на здоровье!

— Если вы слегка подвинетесь, я уйду.

— Вы глумитесь над моим магазинчиком, потому что он больше похож на то, что представляет ваше сознание на самом деле, — беспорядочно образованное, набитое всевозможными непроверенными утверждениями, какие случайно попались под руку, и сомнительной и противоречивой информацией. Нужный том где-то здесь, но не на месте и устарел. Мусор и сокровища так тщательно перемешаны, что их нелегко отличить друг от друга. — Он наугад выдернул с полки книжку и прочел заглавие на корешке: — «Заметки на каминной полке». Размышления о каминах? Плутовские приключения юного демона? Безумные каракули буйнопомешанного? Кто скажет? — Он поставил книгу на место и снял следующую. — «С крючка на крючок». Несомненно, веселые проделки парочки остроумных и симпатичных жуликов, втиснутые рядом с полезным справочником «Непотребные культы». А обслуживать, поддерживать в порядке и преумножать их? Только я сам.

— Хорошо. Я не хочу ничего покупать. Я передумала.

— Но подумай! Хоть раз воспользуйся своей головой по назначению. Мы ценим в людях не общность свойств, а эксцентричность. Именно различия сообщают нам неповторимость. Встреть вы вашего хваленого ученого с его безупречной внешностью и дикцией в этом самом коридоре, вы сочли бы его умным, но до странности скучным, смесью фактов и цитат, но не более того. Сравните это с остроумием и разнообразием, вечным удивлением моей дорогой, милой госпожи. — Слепым жестом влюбленного он гладил книги испещренной старческими пятнами лапкой. — И хотели бы вы увидеть ее изувеченной, урезанной — да, подвергшейся лоботомии? О, низкие, гнусные, тысячу раз гнусные твари!

— Это же всего одна книга!

— Извините. — В дверь просунула голову миловидная женщина-ящерица. — Я провожу юную леди к выходу. Думается, она изначально собиралась зайти в мою лавку. Присядьте, дедушка. Отдохните.

— А? — Каминная Сажа вздрогнул и полуобернулся к двери.

По лицу его разлилось озадаченное выражение. Затем колени у него подогнулись, и он медленно опустился на переполнен-

ную картами, брошюрами и рекламными буклетами картонную коробку. Он уронил голову на руки.

— Ушло, все ушло навсегда, — горевал он.

Джейн не стала упускать шанс. Она приняла протянутую руку женщины-ящерицы и аккуратно переступила через кобблы, потерявшего к ней всякий интерес. Путь наружу был открыт.

В дверях она раскрыла зонтик и тихо спросила:

— Что все это значило?

— Профессиональное заболевание, — пожала плечами женщина-ящерица. Она была довольно тяжеловесна и, соответственно, неторопliва. — Сначала ты книги читаешь, а под конец влюбляешься в них.

— Но весь этот безумный разговор! О смерти и увечьях, о лоботомии.

— Уведомления поступили три дня назад. — Ящерица выудила из кармана передника листок дешевой желтой бумаги, развернула его, посмотрела, сложила снова и убрала на место. — Власти намерены собрать оброк с нашего ассортимента для Десятинных костров. До сих пор Каминная Сажа работал вполне нормально. Но когда попытался отобрать лишние книги, обнаружил, что не в силах этого сделать. Кое-кто из нас пришел с картонными коробками, чтобы помочь ему сложить в них дубликаты, некачественные учебники, вещи, которые никогда не найдут покупателя. Он ползал за нами на четвереньках, рылся после нас в коробках, плакал и выхватывал книги обратно. К концу дня у нас получилась одна-единственная коробка, с одним-единственным любовным романом, да и тот был без обложки, но и его он отложил для дальнейших размышлений. И мы сдались.

— Что с ним будет?

— Они заберут все его книги и, разумеется, его вместе с ними.

— Это ужасно. Разве вы не можете его остановить?

— Девочка, что толку от книготорговца, который не хочет торговать книгами? Это звучит жестоко, но он являет собой именно то несоответствие, которые Десятина призвана устранить. Нам будет лучше без него.

Женщина-ящерица печально улыбнулась и нырнула в соседнюю лавку.

Джейн стояла под дождем, не зная, что делать. Наконец она снова шагнула внутрь.

— Господин Каминная Сажа.

— Кто вы? — спросил он, не поднимая головы.

— Никто. Друг. Выслушайте меня. Городу нужна только десятая часть вашего каталога. Подумайте, сколько сотен и тысяч книг у вас имеется, — вы даже прочесть их все не успеете!

Господин Каминная Сажа поднял глаза, и в его зрачках она прочла упрямую твердость старых корней, фанатичную решимость, которую можно убить, но не поколебать.

— Так лучше. Лучше мы сгорим вместе, чем я выживу и стану обитать в трупе моей возлюбленной, постоянно окруженный напоминаниями о ее былой красоте.

— Ваше собрание не женщина. Это всего лишь метафора — абстракция! Вы умрете ни за что, ради принципа, который никто, кроме вас, даже понять не в состоянии.

Пока Джейн произносила эту тираду, в ней крепло убеждение, что сама она никогда добровольно не пойдет на смерть ради принципа. И пусть царапает совесть, но она будет улыбаться и лгать, подчиняться, притворяться — что угодно, только бы выжить. От осознания этого ей сделалось немного грустно, но в то же время она почувствовала себя очень взрослой.

— В конечном итоге они убивают не принципы. — Каминная Сажа обеими руками прижал к груди каталог. Голос его становился все глуше по мере угасания интереса к собеседнице. — Они убивают книги.

Войти в «La jettatura» было все равно что попасть в мечту. Негромкая, но навязчивая фоновая музыка молла сменилась физически ощутимыми слоями тишины. Когда Джейн проходила мимо пальто на вешалках высотой с хорошую сосну, щеки ее коснулась царственная мягкость викуньи. Тут мягкий блеск бронзы, там негромкий звон колокольчика. Все было призвано умиротворять чувства. Однако воздух подрагивал от напряжения, словно в помещение вот-вот ступит высокородный эльф.

Опираясь на свои наблюдения за клиентурой, Джейн подобрала наряд, в котором ей, возможно, удастся туда проникнуть. Она порвала на коленях и в трех местах на бедрах свои лучшие джинсы, растрепав нитки так, чтобы они торчали вызывающей белизной. Поверх кружевного черного лифчика была надета

прозрачная шелковая блузка с жемчужным кулоном в такой старомодной оправе, что его можно было счесть реликвией, полученной по наследству. Для завершения образа она одолжила у Вороны вышитый жакет, купленный задешево во время самостоятельной учебной поездки в горную страну Лионесс.

Легкий макияж довершил дело. Оценивая результат в зеркале, Джейн решила, что является зримым воплощением богатенькой тегской девчушки, пытающейся сойти за эльфийскую соплячку с претензией.

Перчатки из кожи фавна продавали в переднем зале. Джейн прошла мимо, даже не посмотрев на них, такова была ее обычная тактика. Она задержалась над коллекцией сорочек из паутины, которые липли к пальцам, когда она их касалась, затем двинулась по длинному, извилистому проходу мимо осенних шалей и сумок сочного коричневого оттенка облетевших дубовых листьев. Она спугнула белку, и та ускакала прочь, скрывшись среди шерстяных юбок.

Джейн постоянно ощущала на себе давление маленьких ярких глазок. Однако, когда бы она ни обернулась, персонал держался подчеркнуто на расстоянии и не смотрел в ее сторону. Их ненавязчивость была совершенной.

Определенно придется действовать по схеме «хватай-беги».

Через мощенный булыжником коридор от «La jettatura» находился тупичок, куда выходили конторы разных специалистов. Она могла бы в считаные секунды прорваться через офис страхового агента, выскочить в его заднюю дверь, шмыгнуть за угол и исчезнуть в дамской уборной. Затем — в кабинку, влезть на бачок и — наверх, внутрь подвесного потолка. Оттуда можно перебраться в дюжину мест. Она заранее отодвинула крышку слухового отверстия и проверила пространство внутри на предмет троллей. Потребуется лишь выдержка и скорость.

Она сделала долгий глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Барышня. — Стройный и почтительный фей в безупречно нейтральном костюме коснулся ее руки. — Я бы хотел переговорить с вами.

— Мне не кажется...

Джейн было отвернулась — и чуть не захлебнулась от боли, когда его пальцы сомкнулись у нее на запястье.

Глаза в его извиняющейся улыбке не участвовали.

— Вон там будет удобно.

Под сенью мраморной колонны цвета морской волны помещались два серых плюшевых кресла. Пленитель отпустил Джейн, чтобы она могла сесть. Затем сел сам, чуть поддернув брюки, чтобы не вытягивались в коленях. Он слегка развернул свое кресло, чтобы видеть ее лицо. Со стороны происходящее выглядело доверительной беседой старых друзей.

— Меня зовут Феррет Хорек. Я из охраны. Я не мог не заметить, что вы подумывали украсть кое-что из наших товаров.

— Как вы можете утверждать подобное, едва взглянув на меня?! — Голос Джейн был полон негодования.

— Не могу? Все мы выдаем себя больше, чем нам кажется. Давайте рассмотрим те едва уловимые сигналы, которые подаете вы. Не трудитесь отрицать что бы то ни было. Это просто упражнение. — С минуту он пристально смотрел на нее. Веки низко опустились на белые, как и зубы, глаза. — Вы человек, подменыш, студентка университета. Специализируетесь скорее в магии, нежели в гуманитарной области. Это очевидное. Вы крадете не для себя. — Он с сожалением поцокал языком. — Кто-то ловит кайф, заставляя вас это делать. Печально, но подобное встречается чаще, чем вы думаете. Однако вы не столь обыкновенны, как кажется. Вам сопутствует тень, запах холодного железа. Где-то есть завод, который весьма не прочь заполучить вас обратно, барышня.

Она попыталась встать. Но Феррет остановил ее, похлопав по коленке.

— Пожалуйста. Наша клиентура требует безмятежного и изысканного окружения. Если вы не расположены к сотрудничеству... что ж. Вы ведь расположены, не так ли?

Она села. Хорек настоятельно приподнял бровь, и она с несчастным видом кивнула.

— Да. Да, я готова сотрудничать.

— Хорошо. Хочу напомнить вам, что у нас просто приятная беседа, ничего более.

Он вынул из внутреннего кармана серебряную коробочку и вытряхнул на ладонь леденец от горла. Ей не предложил. Грифельно-серый дрозд, сидевший на вешалке с итальянскими шарфами, снялся и улетел.

— Вы крайне одинокое дитя, — продолжал Феррет. — Скажите мне, вам известно, какие бывают наказания за воровство в магазинах?

Когда Джейн помотала головой, собеседник поджал губы.

— Тогда позвольте вас просветить. За кражу пары перчаток — по крайней мере, перчаток того качества, что продаем мы, — предусмотрены порка, публичное унижение и возможная потеря кисти одной руки.

Джейн замутило. Должно быть, это отразилось у нее на лице, поскольку Феррет напомнил:

— Вы пока ничего не украли. Но позвольте мне немного развить мысль. Предположим, вы ворвались в чей-то дом, вооруженная, допустим, ножом. Скажем, вы сделали удачный выбор. Возможно, вы рассчитываете забрать с собой золотые слитки, драгоценности, может — несколько ценных произведений искусства. По крайней мере, охапку серебра. Для ограбления требуется немного больше сообразительности, чем для магазинного воровства, не так ли? И награда теоретически гораздо больше, чем пара перчаток из кожи фавна. И каким, по-вашему, будет наказание за такое преступление? Порка, публичное унижение и возможная потеря одной руки.

Джейн выждала, но Феррет больше ничего не сказал. Ей не удавалось разгадать значение всего, что он наговорил. Получалось как в тех историях, которые оракул рассказывает в день твоих именин: они исполнены предостережений, но настолько тщательно завуалированных, что уловить их суть невозможно.

Он поднялся и предложил ей руку. Она приняла ее.

— Я хочу, чтобы вы серьезно обдумали мои слова.

— Подумаю, — пообещала Джейн.

— Прекрасно.

Феррет подвел ее к выходу из магазина. У дверей он отпустил ее и, вежливо склонившись, произнес:

— Приятно было побеседовать с вами. С вашего позволения напоминаю вам: обзаведитесь деньгами и «La jettatura» к вашим услугам.

— Я тебя искал, — сказал Пак Алешир.

Джейн резко обернулась. Она оставила свой велосипед на общественной стоянке в двух этажах от магазина. И как раз отстегивала его, когда Пак внезапно вырос у нее за плечом.

Он что-то переложил из кулака в карман джинсов.

— Послушай, — сказал он. — Я слышал, у тебя проблемы с Мартышкиным новым парнем.

— По-моему, это не твое дело.

Алешир секунду помолчал, опустив голову и сунув большой палец за ремень. Мимо проносились велосипеды, седоки сердито звонили ему. Он не обращал на них никакого внимания.

— Ага, ну слушай, у меня есть друзья на улице. Если хочешь, я могу устроить, чтобы они поговорили с Крысякисом. Некоторые из этих парней умеют быть очень убедительными.

Джейн сняла велосипед с крюка и опустила заднее колесо на землю.

— Если бы мне требовалась твоя помощь, уверена, я была бы за нее благодарна.

— Послушай, — сказал Пак, — я знаю подобных типов. Они считают себя крутыми, но это не так. Они просто мерзкие. Столкнуть по приколу в вентиляционную шахту — вот это для них, если они уверены, что выйдут сухими из воды. Но сломай такому один палец — мизинец, — Пак поднял свой собственный, — и он спекся. Ты больше никогда не увидишь его, обещаю.

Губы в ниточку, Джейн помотала головой. Она избегала встретиться с ним глазами.

— Тебе не надо ничего об этом знать. Просто скажи мне, что ты не против.

Она нырнула в шлем и затянула ремешок.

— Я не собираюсь говорить тебе ничего подобного. Может, мне это нравится. Может, мне нравится Крысякис. Может, у меня не с ним проблемы, а с тобой. Ты никогда об этом не думал? — Нагнувшись, она защелкнула замки. Выпрямившись, стиснула рукоятки руля так, что костяшки побелели. — Поэтому сгинь с глаз моих, ладно? Исчезни из моей жизни. Просто... отвали!

Пак не поверил ни единому слову. Глаза его пылали от ярости. Он тихо, с нажимом произнес:

— Просто имей в виду.

Джейн оседлала велосипед, надавила на педали и укатила.

Но глаза его оставались с ней, и неловкая забота в голосе Пака, и запах его кожаной куртки. Он видел ее глубже, чем кто-либо другой, и она поняла не столько по словам, сколько по тону и тембру голоса, что небезразлична ему.

Взгляд Пака постепенно рассеялся, затем растаяла и память о его голосе. Остался лишь запах кожи — на весь день и часть ночи.

ГЛАВА 16

Ворона поговаривала о том, чтобы собрать нескольких ближайших друзей и устроить оргию в честь наречения. Джейн относилась к оргиям вполне положительно, но ей не доставляла удовольствия мысль делать из этого значительное событие. Нечто тихое и торжественное устраивало ее больше.

Посему за день до середины зимы она после занятий перекинулась парой слов с Джимми Подпрыгни. Джимми был честный парень, пусть и немного флегматик. Он исхитрился протащить ее в свою комнату незамеченной. День был холодный, и по углам оконных стекол наросла ледяная корка. Он опустил жалюзи и тщательно перестелил постель.

Они немного пообнимались и поцеловались, потом сняли друг с друга одежду.

— Где книжечка? — спросил Джимми.

Джейн протянула ему тонкий томик и уселась на пятки в изголовье его кровати, широко разведя колени. Он зажег благовонную палочку, затем склонился в низком поклоне перед ее вульвой.

— Маленькая красавица, цветок жизни, — начал он.

Член у Джимми уже стоял. Будучи близорук, очки он снимать не стал. Книжицу Подпрыгни держал чуть на отлете, с торжественным лицом проговаривая слова литургии, восхваляющие каждое свойство, каждую деталь ее лона, его цвет, текстуру, форму и запах. Джейн все это представлялось невыносимо смешным. Ей приходилось прилагать изрядные усилия, чтобы не рассмеяться.

— Да проявит всяк сюда входящий сообразное уважение.

Он капнул ей на живот красным елеем из бутылочки. Масло поползло вниз, и от этого сделалось немного щекотно. В ком-

нате было зябко. У Джейн затвердели соски, а руки покрылись мурашками.

— Дабы не испытывала ни в чем нужды.

Джимми откупорил бутылочку с золотым мирром.

С каждой молитвой голова его склонялась все ниже. Джейн чувствовала теплое дыхание на своих ляжках, от которого дрожали в промежности волоски, — мягкое, словно мысль, касание к лепесткам ее нижних губ. Его неразборчивые слова проходили прямо сквозь плоть, но он все еще не трогал ее. Медленно, постепенно Джейн утратила желание смеяться. Она изнывала от желания. Но важно было выдержать до конца.

Джимми выпрямился и отложил книжицу.

— Какое имя ты для нее выбрала?

— Малютка Джейн.

— Да будет так.

Джимми Подпрыгни вылил чистый елей. Затем снял очки и, смешивая масла, воздал Малютке Джейн хвалу руками. Через некоторое время он восславил ее губами. И наконец Джейн схватила Джимми за волосы и притянула его рот к своему. И он служил ей всем, что имел.

Технически церемония завершилась. Но в практическом плане то, что следовало за ней, было крайне важно. Цель наречения Малютки Джейн заключалась в том, чтобы склонить ее к сотрудничеству и сделать ее другом и союзником на всю жизнь. На ее будущее поведение в огромной степени будет влиять качество первого после наречения опыта.

На некоторое время Джейн сосредоточилась на том, чтобы сделать этот опыт удачным. Затем отвлеклась. Время шло. Лицо у Джимми покраснело, и он начал издавать пыхтящие звуки, словно неисправный паровой двигатель. Девушка обвила его выше бедер ногами и прижала как можно крепче к себе.

Она кончила, и комната наполнилась бабочками.

В изумлении Джимми поднял глаза и некоторое время тупо хватал ртом воздух. Затем рассмеялся. Повсюду бились яркие крылья. Красно-оранжевые и кобальтово-синие хлопья мерцали, то появляясь, то пропадая, складываясь в мимолетные узоры, которые легко заметить, но невозможно удержать в памяти, прежде чем они сложатся в новые образы. Словно внутри калейдоскопа. Джимми вдохнул крохотную вилохвостку и едва

не задохнулся, но к моменту, когда Джейн закончила колотить его по спине, они оба безудержно хохотали.

Проказники торопливо натянули одежду и взмахами полотенец выгнали почти всех бабочек в коридор. Едва они захлопнули дверь, как из своей комнаты вышел староста по этажу и принялся с воплями метаться по коридору, пытаясь выяснить, кто это сделал. Джейн пришлось рухнуть ничком на кровать и кусать подушку, чтобы заглушить хихиканье. Бока у нее болели. В какой-то момент староста подошел к их двери, стоял и слушал, и они едва не попались.

Начало казалось благоприятным.

Следующий день выдался на удивление теплым, и Джейн вышла на Колокольню в одной ветровке. На ее памяти на Колокольне никогда не звонили. Может быть, не хватало денег. Но в погожий денек тут было славно потусоваться с друзьями, позагорать, а то и курнуть дури.

Порыв ветра отбросил волосы Джейн назад. Засунув руки в карманы, она повернулась ему навстречу. С высоты Тинтагиля она видела три остальных университетских корпуса, а за ними теснящиеся ряды малых и больших зданий Большого Серого Города. Они казались каменной армией, вышагивающей на битву, которая развернулась где-то за горизонтом. Серые и словно подернутые дымкой громады на фоне белых, цвета листа бумаги, небес.

Сирин еще не пришла, но Джейн все равно скрутила себе косячок. Прикурить удалось с третьей спички. Она затянулась, прикрыла глаза, медленно выдохнула. Затем прислонилась к одной из опор колокольни и уставилась на темные бронзовые колокола в потеках белого голубиного помета.

Ее наполнило какое-то мрачное веселье. Так или иначе, она выживет, добудет денег на завершение образования и завоюет себе место под этим солнцем. Слепые скальные поверхности Города убеждали ее в этом. В таком просторном и бесцветном жилом пространстве наверняка хватит ниш для существа столь малого и неприметного, как она.

— Потрясный вид, правда?

Она обернулась. Говорящий сидел на корточках на выступе каменных перил. У пришельца был низкий лоб, подбородок от-

сутствовал, глаза косые, губы вывернутые, нос приплюснутый, крылья перепончатые, живот толстый, рога козлиные, спина горбатая, задние ноги как у сфинкса... Но в целом он был очарователен. В узких глазах мерцал разбойничий огонек. Горгул.

— Да, — согласилась Джейн, — действительно.

— Ты так и будешь цепляться за эту штуку весь день?

Джейн посмотрела на свою руку, затем на горгула. Она порылась в рюкзаке в поисках чего-нибудь повесомее. Затем положила косяк на перила и прижала пудреницей.

— Хочешь тяжечку?

— Если не возражаешь.

Горгул подобрался ближе и протянул длинную обезьянью лапу. Пальцы-обрубки схватились за сигарету. Он медленно, бережно затянулся, хотел вернуть сигарету Джейн, но та покачала головой. Она кое-что знала об охотничьих повадках горгулий.

— Как твое имя? — спросил горгул.

— Джейн.

Он отвесил грубый, неуклюжий, довольно карикатурный поклон.

— Мерзильо ди Оргулос, к вашим услугам. Пришла сюда подумать о жизни, да?

— Нет, надеюсь здесь кое-кого встретить.

Джейн искала Сирин, а Нант сказала ей, что та любит болтаться здесь в это время дня.

— Я тоже.

Джейн неотрывно смотрела на Город, восхищаясь его сложностью, его размерами и безмолвием. Наконец, больше из вежливости, чем действительно интересуясь, она уточнила:

— Горгулью?

Мерзильо грубо захохотал.

— Ха! Мы, горгульи, для этого слишком территориальны. У меня пятнадцать верхних этажей на южной стороне. Северный верх принадлежит Главко ди Бранстоку. Вниз от тебя хозяин Соццо ди Тинтагиль. Местный парень. Если хоть один из этих слизняков ступит на мою территорию, я чуть-чуть поучу их падать. Нет, у меня здесь постоянная клиентура для разговоров. Я хороший слушатель. Это от замедленного обмена веществ. Меня не так легко утомить.

— О чем они с тобой говорят?

— Ты удивишься. Обо всяком дерьме, о каком и лучшим друзьям не рассказывают. Большинству из них просто хочется слегка пококетничать с опасностью. Другим присуща серьезная склонность к саморазрушению. Они говорят. Я слушаю. Они спрашивают моего совета. Я его даю. Время от времени мне удается уболтать кого-нибудь на прыжок. Тогда я ем. В девяти случаях из десяти именно к этому они и стремятся с самого начала. Я питаю изрядные надежды на тех, кто любит приходить сюда в это время.

Темное подозрение охватило Джейн.

— И ты не будешь знать ее имени, да?

— Не-а.

— Высокая, красивые ноги, длинные волосы?

— Не обижайся, девочка, но я с трудом отличаю вас друг от друга.

— Понимаю. — Джейн погрузилась в молчание.

Некоторое время они вместе молча любовались видом.

— Так как насчет Десятины? — внезапно поинтересовался Мерзильо. — Предвкушаешь?

Джейн посмотрела на него.

— Если это можно так назвать. Она неизбежно заберет у меня кого-то — и даже многих. Поэтому я не особенно рада ее приближению. Но опять-таки, она кончится, и все останется позади. Ко всему привыкаешь. Так что, может, и к лучшему, что она придет и уйдет. — Она помолчала. — Кстати, а тебе-то какое дело до Десятины? Я думала, вас она не касается?

— Это единственное время, когда мы наедаемся до отвала.

— О! — Она отвернулась.

— О-о! — передразнил Мерзильо. — Ой, мамочки! Как вульгарно. — Он сердито переступил лапами, с трудом расправляя крылья. Они были огромны. — Посмотри на меня. Сколько энергии, по-твоему, требуется, чтобы поднять в воздух такую махину?

— Ну...

— До хрена — вот сколько. Я расскажу тебе еще кое-что, чего ты не знаешь о нашем народе. Мы спариваемся только на лету. Уловила? А раз в десять лет, когда вы наполняете свои улицы падалью, нам приходится лезть вниз, чтобы набить себе брюхо. Это не сахар, доложу я тебе, но чья в том вина? Мы едим все, что можем. Затем мы снова лезем обратно по стенам вверх.

Это адское восхождение. Оно занимает несколько часов. Мы были заняты весь день, так что уже закат. Пропитанные кровью небеса в это время ослепительно ярки, словно врата самой преисподней. Облака лиловые, как синяки. Мы лезем. Все погружается во мрак, загораются звезды. Когда мы добираемся до верха, уже царит ночь. Может, ты замечала, что у скального народа не много женщин. И когда у наших дам начинается течка, за их внимание идет нешуточная борьба. Восходит луна. Мы ждем. Наконец одна начинает песнь. — Он содрогнулся. — Нехбет! Ты не знаешь, как прекрасны их голоса. Так сладостны, что хочется броситься с крыши вниз.

Дверь в Тинтагиль тихо открылась и закрылась. Сирин вышла на Колокольню. При виде Джейн на лице ее отразился испуг. Но после секундного колебания она уселась рядом с ней на перила. Вместе они слушали горгула.

— ...По одному кавалеры начинают ответную песню. Низкими, глубокими голосами. Может, мы поем не так красиво, зато проникновенно. Словно гром после песни жаворонка. Не знаю, как долго продолжается пение. Как-то перестаешь следить за временем. Но наконец она потягивается и оглядывается. Эдак дразняще. Расправляет крылья. Прыгает. Летит. Она взмывает высоко в небо и при этом продолжает петь. И в этот момент мы окончательно теряем голову. Мы перебираемся через край, и инстинкт берет верх. Двадцать, может, тридцать-сорок из нас образуют стаю и летят за ней. Мы все веселимся, смеемся и шутим. Она спарится только с одним из нас. Поэтому наверху борьба делается жестокой. Вот откуда у меня этот узел на ноге. Так я потерял эти два.

Он выпустил когти и снова убрал.

— Именно дама продолжает гонку. Ей нужно вырастить малышей, выкормить их и спихнуть с карниза, когда они вырастут настолько, что начнут убивать друг друга. Так что она, естественно, гораздо сильнее кавалеров. Только лучшие способны угнаться за ней. Стая редеет. И разумеется, всегда есть способы убедить соперников, что им, пожалуй, пора домой. Наконец остаешься только ты и она. Она по-прежнему впереди, но не пытается удрать. На самом деле она, наверное, даже немного сбавляет скорость. Может, оглядывается назад, эдак кокетливо, посмотреть, каков ты из себя. Она закидывает крыло, и лунный свет играет бледным отражением на ее боку. Ах-х, а она длин-

ная и рыжевато-гибкая, словно львица. Когти у нее будто кинжалы из черного стекла. Груди как два белых черепа, и в глазах голод. Она поднимается по спирали вверх, а ты следуешь за ней. Город проваливается вниз. Воздух холоден и чист. Каждый мускул у тебя пылает огнем, но ты приближаешься. Ее крылья заслоняют небо. Она протягивает к тебе свои тонкие руки, она прекрасна и нежна, как сама смерть. Запах ее мускуса сводит с ума. Она хочет тебя — она не в состоянии скрыть это — так же сильно, как ты хочешь ее.

Сирин дышала часто и неглубоко.

— Как красиво! — прошептала она.

— Так всегда говорят дамы. — Мерзильо испустил долгий глубокий вздох. — И разве могут они говорить иначе, не так ли? А вот у кавалера вряд ли найдется шанс озвучить собственное мнение на этот счет.

— Пардон? — не поняла Джейн.

— Ну, мы ведь не переживаем финала. У дамы была долгая ночь, и очень скоро ей придется нянчить выводок из десятка детенышей, так что ей требуется энергия. Она должна что-то есть.

— Это чудовищно! — воскликнула Джейн.

Сирин промолчала.

— Ну, с вашей точки зрения — возможно. Но их нельзя за это винить — дам-то. Такова наша физиология. Дамы над ней не властны. — На мгновение Мерзильо уныло погрузился в себя. Затем с видимым усилием выпрямился. Медленно пожал плечами. — Ладно. Слушай, мне жаль, если я тебя расстроил. Это просто такая тема, ты понимаешь?

— Понимаю.

— Без обид?

Он протянул руку.

— Без...

— Джейн! — Сирин сгребла Джейн и дернула назад, когда та протянула руку, чтобы пожать протянутую ладонь. Каменные пальцы щелкнули в пустоте.

Мерзильо хихикнул.

— Черт!

Сирин увела Джейн с Колокольни. Гранитные коридоры и мраморные залы Тинтагиля сомкнулись вокруг них с еле заметным «пуфф» затхлого воздуха. Джейн чувствовала себя раз-

битой и скованной — отходняк. Но она не благодарила Сирин за спасение своей жизни. Джейн знала: пока она молчит, пока между ними держится напряжение, та никуда не денется. А им надо кое-что обсудить.

Они брели по проходу, пригибаясь под каждым вентиляционным коробом, — такой низкий здесь был потолок. Электрические провода крепились на стене по два, по три, свисая петлями над дверями, ведущими в запасные аудитории, превращенные в кладовки. Картонные коробки с устаревшими методичками и поздравительными адресами уныло ждали у дверей, которые для них уже никогда не откроются.

Проход упирался в лестницу, и они уселись на верхней ступеньке. Снизу доносились голоса и временами топот торопливо бегущих ног, но никто не появлялся. Над ними медленно поворачивалось в незримых потоках воздуха пыльное чучело крокодила. Серая набивка вылезала из расползающихся швов.

— Сирин, как ты можешь встречаться с этой тварью?!

Сирин, не поднимая глаз, покачала головой.

Джейн взяла руки подруги в свои. Они были как лед. Сирин похудела, скулы заострились, глаза сделались блестяще-холодными. Нисса выглядела красивой и обреченной.

— Понимаю, это не мое дело. Но ты в последнее время пропускала очень много занятий. Девочки начинают шушукаться. Они говорят, что, если твой средний балл упадет хоть немного ниже, тебя отчислят автоматически.

— Отчислят. Смешно.

— Именно об этом твоем отношении я и говорю! Сирин, послушай, у меня хватает своих проблем, и я не смею слишком сильно влезать в твои. Понимаешь? Если я попытаюсь тебе помочь, не поздоровится нам обеим. Но я твоя подруга. Я могу по меньшей мере предупредить тебя о том, приближение чего очевидно всем, кроме тебя.

Сирин сидела неподвижно словно колонна. Лицо ее было белее соли.

— Я отмечена, — сказала она. — Для Десятины.

«Ты не знаешь», — чуть не сказала Джейн. Но что-то в выражении лица Сирин убедило ее в обратном.

— Откуда тебе известно?

— Я смотрела. Трижды. В девичьем зеркале. В лужице чернил. В пригоршне собственной крови.

— Ты не можешь знать наверняка! Предсказание не точная наука.

— Три-то раза? Точнее не бывает.

Наконец Джейн прорвало. Она плакала, не в силах остановиться.

— Ох, Сирин, что ты наделала! Ты же знаешь, как опасно заглядывать в будущее. Половина из того, что оно показывает, не сбылась бы, если бы ты его не предвидела. — Она выпустила руку подруги, чтобы обнять ее и утешить. Но чувства хлынули через край, и вместо этого она изо всех сил стукнула ее по плечу. — Черт тебя подери! Почему?

— Я не знаю, — бесстрастно произнесла Сирин. — Я вообще не знаю, почему я делаю в жизни то или это. Когда я заглядываю внутрь себя, там одна пустота. Где должно быть что-то, там ничего нет. Почему? Я не знаю. Но почему бы нет?

Крокодил хитро косился на них обеих. В мутном стеклянном глазу мерцала искра иронии, а беззвучный смех грозил растянуть его ухмылку так широко, что вся его серая вата могла вывалиться. Справившись с собой, Джейн вытерла слезы рукавом.

— Еще можно что-нибудь сделать.

— Я уже все сделала. Я даже подумывала купить себе освобождение, а это уже предел.

— Ты могла бы...

— Раз я не собираюсь этого делать, что об этом говорить? — Внезапно Сирин рассмеялась, тряхнула волосами и сказала: — Ни слова больше. Пойдем потусуемся в студенческом центре. Выпьем лимонаду, перекинемся разок-другой в карты, посплетничаем немного. Повеселимся. Мне осталось всего ничего, так что я не хочу тратить ни секунды на бесполезные разговоры.

Закусив губу, Джейн кивнула. Они начали спускаться по лестнице. Крокодил над ними становился все меньше. Джейн чувствовала, как его насмешливый взгляд превратился в точку, моргнул и пропал.

— Сирин? Что ты говорила насчет освобождения? Ты имела в виду, что я могла бы откупиться от Десятины?

— Забудь, что я вообще об этом говорила. Это все равно стоит больше денег, чем у тебя есть.

Как выяснилось, освобождение от Десятины стоило запредельных денег. Джейн задержалась возле кабинета профессора Немезиды, чтобы уточнить размер выкупа, хотя сомневалась,

что сумеет сбить цену. Брошюрка с правилами лежала у нее в сумочке в тот вечер, когда Крысякис заявился к ней за перчатками.

Он поймал ее на выходе из анатомички. Металлическая дверь с легким щелчком закрылась за ней, отрезая холодные ряды трупов на оцинкованных столах. Холодильные камеры находились в торце слабо освещенного тупика, и в этот поздний час народу здесь не было. В залах стояла тишина.

Из-за угла, перекрывая проход, на велосипеде выкатилась Мартышка. Крысякис неторопливо шагал рядом с ней.

Джейн остановилась.

Обогнав Мартышку, Крысякис приблизился к Джейн. Она молчала, ожидая, что он ей скажет.

— Ты слышала? — спросил он. — Сирин наркоманка.

— Что? Бред какой-то. — Разволновавшись, поскольку это слишком походило на правду, Джейн продолжала: — Она не стала бы. Сирин не такая.

Мерзавец пожал плечами.

— Верь, чему хочешь. — Дальше по коридору Мартышка оперлась на свой велосипед, глаза ее превратились в два пылающих пятнышка ненависти. — Нам с тобой есть о чем поговорить.

— Я не стану воровать для тебя. Ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра.

— Всегда есть способы уладить дело.

— Я ничего тебе не должна.

— Да? — У Крысякиса подскочили брови. Он протянул ладонь. — Гони перчатки из кожи фавна, и мы квиты. Я уйду из твоей жизни, и ты больше никогда меня не увидишь.

Джейн промолчала. Ей нечего было ему ответить.

Крысякис повернул голову, чтобы проверить, что кругом никого нет, кроме нее и Мартышки. Затем стал медленно расстегивать брюки и, явно уверенный, что ничего на свете нет соблазнительнее, вывалил наружу свое хозяйство.

Джейн почувствовала непроизвольный позыв к рвоте. Пенисы никогда не казались ей привлекательными, но этот был особо уродлив и к тому же отливал зеленцой. Несомненно, из-за того, что представления хозяина о гигиене позволили поселиться там какому-нибудь грибку.

Крысякис наблюдал за ней жадно, по лицу расползалась похотливая улыбка. Пенис твердел коротенькими рывками, будто надуваемая ручным насосом нелепая резиновая игрушка.

— Лучше спрячь его, пока мухи не облепили, — посоветовала Джейн.

Крысякиса перекосило от ярости.

— Ты, притвора! Я видел — тебе понравилось. Ты наглядеться не могла. Ты хотела наброситься на меня прямо здесь и сейчас.

Но тем не менее засунул член обратно в штаны и застегнулся.

— Забавно. Клянусь, я думала лишь о том, что никогда не оказывается под рукой ножниц, когда они нужны.

Крысякис надулся, и ей на мгновение показалось, что сейчас он ее ударит. Но вместо этого он схватил руками ее ладонь и поцеловал пальцы.

— *Туше,* дорогая госпожа. Но один укол еще не дуэль, как одна схватка не решает исхода битвы. Мы снова встретимся на поле боя — мой бесценный враг.

И он с важным видом зашагал прочь, даже не удосужившись посмотреть, отправилась ли за ним Мартышка.

Едва Крысякис ушел, Джейн нырнула в ближайший туалет помыть руки.

Пол в уборной был выложен плиткой, а стены выкрашены жирной черной краской. Из-под краски отчетливо проступали старательно нацарапанные граффити. Несколько поколений корявых рун просматривались сквозь наслоения краски, своеобразные палимпсесты ярости и легкомысленного бесстыдства. Над раковинами нависали кривые зеркала, так что Джейн пришлось тщательно всматриваться в свое искаженное отражение, чтобы подправить макияж.

Грохнула дверь. То раздувающаяся, то опадающая Мартышка плыла к ней в зеркале.

Мартышка была на взводе: мордочка красная, кулаки сжаты, волосенки дыбом.

— Сука! Шлюха! Убери свои грязные когти от моего милого!

— Забирай. Мне от него ничего не нужно. — Джейн продолжала мыть руки. — Видит Богиня, вы друг друга стоите.

— Как смешно! Знаю я эти твои приколы. — Мартышка заплакала. — Я делала для него такое, чего ты никогда не сделала бы. За миллион лет не сделала бы. Я унижалась ради него.

Джейн закончила споласкивать руки. Она взялась за бумажное полотенце.

— Что ж, продолжай дальше.

— Не говори так. Не смей, черт тебя подери! Предупреждаю тебя.

Мартышка споткнулась и зашаталась. Она ухватилась за край раковины, чтобы удержать равновесие.

— С тобой все в порядке? — осторожно спросила Джейн.

— Мне вдруг показалось, что у меня...

Мартышка затрясла головой. Она явно утратила нить того, о чем говорила, и конвульсивно передернулась. Затем вытащила из кармана жакета завернутый в салфетку предмет.

— Посмотри. — Она развернула салфетку, внутри лежал стеклянный единорог. Она поставила его на полку над раковиной. — Крысякис купил мне это на нашем первом свидании. — Грустная маленькая безделка поймала световой луч, и он затрепетал в танце. — А тебе он что-нибудь когда-нибудь покупал?

— Ничего.

— Будь я проклята, ничего! — Мартышка торжествующе схватила единорога.

Он рассыпался у нее в руке.

Джейн испуганно отступила на шаг. Мартышка застыла, как под гипнозом, выставив перед собой руку. Кровь с пальцев стекала на пол.

— Это маленький шаг для человека, — сказала она, — и огромный для...[1]

Она запнулась, икнула, и изо рта у нее пеной выплеснулись рыбьи глаза. Рвота залила блузку.

— Мартышка?

— Грунт мягкий, рассыпчатый, он тонким слоем налипает на мои подошвы и щиколотки, как угольная пыль. — Голос, шедший изо рта у Мартышки, не походил ни на что когда-либо слышанное Джейн, — хриплый и искаженный помехами, он словно вещал за много сотен тысяч миль отсюда. — Я вижу следы от моих ботинок, они в мелких песчинках...

Она еще глубже погрузилась в транс, зрачки у нее сжались, поглотили радужки и пропали, отчего глаза у Мартышки стали молочно-белыми. Она не сопротивлялась, когда Джейн, совла-

[1] Здесь и далее трансовый бред персонажа представляет собой отрывки из прямого репортажа американского астронавта Нила Армстронга с поверхности Луны.

дав с ужасом, подвела ее к раковине и подставила кровоточащую ладонь несчастной под холодную воду.

— Очень мягкая поверхность, — произнесла Мартышка.

В сумочке у Джейн нашелся чистый носовой платок, она перевязала Мартышке ладонь, надеясь, что в порезах не застряли осколки.

— Но иногда, щупая зондом наугад, я натыкаюсь на очень твердую поверхность.

— Твердую поверхность, — повторила Джейн.

Она смочила бумажное полотенце и обтерла Мартышке рот. Зашумела сливаемая вода, и из кабинки вышла русалка. Она смерила их подозрительным взглядом и ушла, не помыв рук. Перед Джейн встала проблема: оставлять Мартышку одну или забрать с собой.

Она направилась было к двери, затем вернулась к маленькой скрючившейся фигурке, снова шагнула к двери. Не уйти.

Наконец она вздохнула.

— Я забираю тебя домой, Мартышка.

Та сонно кивнула.

— Это будет самый исторический телефонный звонок в мире.

Велосипед Мартышки стоял там, где она его оставила, — у стены, а велосипед Джейн оставался на парковке неподалеку. Мартышка была не в том виде, чтобы ехать самостоятельно, но, к счастью, в седельных сумках нашелся ремонтный набор. Джейн достала разводной ключ и ловко соединила оба велосипеда поперечными планками, совместила передачи, заклинила педали и избавилась от второго руля. Вскоре у нее получился четырехколесный драндулет с сиденьем для пассажира сзади и седлом водителя спереди. Так, с еле живой Мартышкой, кое-как пристроенной за спиной, Джейн отправилась в путь.

После двух лифтовых пересадок они снова оказались в Хабундии, у двери своей комнаты. Мартышка трупом соскользнула с сиденья, споткнулась и едва не упала. Джейн открыла дверь и, ухватив соседку за ворот, подтащила ее к кровати. Толчок — и та уже лежала ничком на стеганом одеяле.

Джейн закинула Мартышкины ноги на кровать и перекатила соседку на спину. Лицо у горемыки было серое, но когда Джейн поднесла палец к ее ноздрям, то почувствовала теплую

струйку дыхания. Он стащила с несчастной туфли и начала расстегивать пуговицы на одежде. Затем передумала. Хватит с нее и этого.

Десять минут она возилась с велосипедами — отсоединила и убрала на место. Покончив с этим, Джейн почувствовала себя слишком измотанной, чтобы заниматься учебой. Сидя на краю постели, она брезгливо уставилась на соседку.

Раздался стук в дверь.

— Да кончится когда-нибудь этот дурацкий день?! — Джейн широким шагом подошла к двери и распахнула ее. — Что надо?!

Снизу ей улыбнулся жизнерадостный блуждающий огонек.

— Билли Бука ждет тебя в вестибюле. У него в кармане банан, которым он, по-моему, собирается тебя угостить.

— Ага, хорошо, можешь сказать ему...

— Он велел сказать тебе, что вещь, которую ты просила, у него.

— О!

— Так что мне ему передать?

— Черт! — Джейн устала. Она была измучена и сердита и решительно не настроена общаться. Такой момент мог выбрать только Билли. — Скажи ему — я спущусь, как только найду смену белья.

— Ты хочешь, чтоб я ее сам надел?

— Нет. Я. — Она отложила блузку и повернулась к Билли спиной. — Помоги мне с лифчиком, а? — Пока он справлялся с маленькими крючками, она спросила: — Трудно было ее украсть?

— Я добыл тебе эту гребаную куртку, остальное неважно.

— Билли! — удивилась она. — Это звучит совсем не похоже на тебя.

— Извини, это просто... не знаю. — Смущенный и пристыженный, Билли принялся сосредоточенно расстегивать пуговицы на рубашке. На короткий миг он вырос в глазах Джейн. А теперь снова уменьшился до прежних размеров. — Просто не хотелось, чтобы все произошло так.

— Это сделка, забыл?

Джейн смотрела на него со смесью вины и насмешки. Какой он мокрый и безнадежный! Но она старалась не подавать виду.

— Иногда людям хочется того, чего им хотеть не следует, — ласково сказала она. — Я доверяю тебе, Билли.

Затем, когда он не ответил:

— Будет хорошо. Обещаю.

Подрыгав ногами, она сбросила джинсы. Билли стащил свои и положил их на тумбочку. Они оба остались голые.

— Дай мне ее, — сказала она.

Комната Билли напоминала коробку, а скудная обстановка — сценическую декорацию. Ни коврика на полу. Ни плакатов на стенах. Кровать, тумбочка, стул, лампа. Небольшая стопка учебников на тумбочке рядом с лампой. При задернутой занавеске и приглушенном верхнем свете полное ощущение паузы перед началом спектакля.

Билли подошел к шкафу в стене и извлек летную куртку Пака. Запах узнавался безошибочно.

Джейн накинула ее на себя. Куртка оказалась тяжелее, чем она ожидала, и ей это понравилось. Вещь обжигала кожу, и оттого, что тело ее было теперь частично прикрыто, часть, оставшаяся голой, выглядела особенно беззащитной. Смешанные запахи Пака и кожи окутали ее. Она закрыла глаза.

— Иди сюда.

Билли наклонился, просунул руки под куртку и крепко обнял Джейн. Она протянула губы к нему и поднялась на цыпочки — так, чтобы Малютка Джейн терлась о его член. Она чувствовала, как пульсирует кровь в его венах. Он был уже готов выстрелить, и, вместо того чтобы растянуть этот первый, долгожданный оргазм, она решила посмотреть, как быстро сможет его довести.

Чуть отодвинувшись, она взяла в ладонь Биллины яйца, слегка пожимая их, взвешивая. Она лизала его соски, крепко сосала их и дразнила легкими покусываниями. Руки Билли сжались на ее затылке, и он издал низкий горловой звук, словно зверь на болоте звал из ночи свою подругу.

Джейн скользнула ладонью выше и сжала. Куртка начала сползать с плеч, но она быстро перехватила ее другой рукой и натянула обратно. Она начала двигать ладонью, длинными сильными поглаживаниями вверх и вниз.

— Нравится?

— Да-а-а.

— Хорошо. — Она продолжала гладить. Вверх и вниз. Быстрее.

Негромко и испуганно вскрикнув, он кончил. Теплая сперма выплеснулась на животы обоим и ей на руку.

Джейн сделала Билли подножку и опрокинула его на кровать. Сама заползла следом.

— Какая неприятность, — промурлыкала она. — Какая липкая, липкая неприятность.

Завладев его опадающим членом, она развернулась так, что ее промежность оказалась на уровне Биллиного рта. Затем принялась вылизывать ему живот.

Когда она обработала языком все его длинное-длинное туловище, Билли был снова готов. Ей даже не пришлось ему подсказывать: он сам начал вылизывать ей живот, оказывая ту же услугу, что и она ему.

— На стуле в кармане блузки я оставила темные очки, — сказала Джейн немного погодя. — Будь добр, передай их мне.

Повинуясь, Билли проворчал:

— Мне нравится смотреть тебе в глаза.

— Это три четверти моей курсовой, — солгала Джейн. — Ты же не хочешь, чтобы меня вышвырнули. — Она надела очки. — Видишь что-нибудь?

— Разумеется, нет, — ответил он. — Если сильно вглядеться, вижу, что глаза у тебя закрыты.

— Тогда не смотри. Теперь ты должен пообещать не произносить больше ни слова, пока мы не закончим. — Предупреждая его протест, она добавила: — Это для моего диплома, помнишь? Я не прошу многого. И сегодня, чего бы ты ни захотел, я сделаю все. Как хочешь, где хочешь — вперед. Но говорить ты не можешь. Так работают эзотерические механизмы.

Правда же заключалась в том, что эзотерическая сторона складывалась из строго индивидуального, невоспроизводимого набора приемов и навыков, для которых не существовало рецептов, ритуалов и путеводных карт. Половина ее силы проистекала из открытия, из столкновения и преодоления собственного стыда, страха и даже брезгливости. Но некоторыми из вещей, которые Джейн намеревалась сделать сегодня, она могла наслаждаться, только если вообразит, будто с ней не Билли Бука, а кое-кто другой.

Она потерлась щекой об его член и подумала, какой он гладкий и шелковистый. Такой твердый, подумала она, такой большой. Она сомкнула губы на головке и подумала: какой соленый мой Пак на вкус!

Время растаяло.

Большую часть путешествия она была словно капитан маленького кораблика, уверенно движущийся вместе с течениями, работающий парусом, чтобы поймать больше ветра, обгоняющий шквал. Она неслась над поверхностью на фантастической скорости, вода шипела, паруса скрипели от натуги. И вдруг внезапно все океаны объединились, чтобы взметнуться вверх, и она потеряла управление. Билли лежал на ней, когда это произошло. Она забилась как безумная.

Встревоженный Билли начал отодвигаться, но она схватила его и рывком положила обратно на себя. Пак не отодвинулся бы. Он был бы безжалостен. Билли долбил в нее. «Быстрее!» — бормотала она. Словно дикий зверь во время гона, она царапала ему спину ногтями, достаточно сильно, чтобы потекла кровь. Это только распаляло его. Он обезумел от похоти. Страсть его была теперь так велика, что он уже не понимал, кто она. Его больше не волновало, кто под ним. Это мог оказаться кто угодно. Яростное желание заслонило разум.

Теперь уже близко. Джейн, извиваясь, заползла в куртку так, чтобы спрятать лицо в воротник. Она вдыхала запах кожи. Куртка пропиталась запахом Пака. Сильнее всего пахло от подмышек, но отзвук присутствовал повсюду. Она сама была скользкой от пота. Их запахи перемешались и вознеслись в алхимическом браке, образуя сочный и дикий аромат. Она взяла куртку зубами и крепко прикусила. Сейчас она кончит.

Сексуальная энергия наиболее доступна в момент оргазма. Вот почему адепты обычно женского пола. Если колдунья может иметь цепь, серию, россыпь оргазмов, нужных ей для работы, то маг ограничен, как правило, одним. Мужчины имеют склонность увлекаться некромантией — чтобы убивать, особых талантов не требуется. Однако Джейн понимала, что у нее в запасе только один оргазм. Пусть она и неопытна, но либо с первого раза, либо никогда.

Мобилизовав всю свою волю, она сосредоточилась на определении, отделении и отдалении себя от поднимающейся внутри нее силы. Она сомкнула сознание вокруг этой силы, словно

накрыла ладонями птицу. Совершенное и всеобъемлющее спокойствие охватило ее. Миг — и она освободилась от всех пут.

Заставив себя — это было самое трудное — ничего не ждать, Джейн открыла глаза.

Она сидела на табурете в заполненном народом кафе. Ее мать испуганно подняла глаза от кружки со светло-коричневым кофе. Локтем Сильвия задела пепельницу и смахнула ее со стойки. Посыпались окурки и пепел. Люди начали оборачиваться.

Джейн прочно удерживала пульсирующий источник в своем сознании. Должно быть, именно так и чувствует себя настоящая колдунья! Все ее существо переполняла ликующая мощь, словно свет в хрустальной фигурке. Эта энергия пыталась вырваться. Она была птицей, силой, сферой света. Усилием воли она вызвала ее изнутри и пустила по руке. Руку покалывало от яростного напряжения. Она становилась все более реальной, такой же плотной, как и все в комнате.

Пора!

Она хлопнула ладонью по стойке. Кофейная чашка подпрыгнула, и она схватила то, что лежало рядом. Губы матери уже почти сложились в вопрос.

Прежде чем что-либо было сказано, сила выплеснулась и рассеялась. Мгновение минуло. И кафе, и Сильвия исчезли. Джейн снова оказалась с Билли в постели. Он неподвижно лежал на ней. Девушка подняла руки и, поморщившись, сняла темные очки.

— Мне дышать нечем, — проворчала она.

С протяжным стоном Бука скатился с нее.

Джейн уставилась на ложку в руке.

Она здесь, настоящая. Джейн все гладила и гладила трофей большим пальцем. Ложка была из голой стали. Простая полоска из штампованных кружочков, окаймленная двумя тонкими линиями, украшала ручку ложки по краю. Джейн перевернула добычу и прочла надпись на обратной стороне:

IKEA
Stainless
Made in Korea

Странные руны, и абсолютно ей непонятные. Но исполненные надежды. Их многообещающая значительность обнадежила Джейн. Они являлись ощутимым свидетельством того, что

сила ее растет. Необходимы только удача и мудрость. Она могла бы добыть денег на обучение, причем столько, чтобы купить себе еще и освобождение от Десятины. Себе и Сирин — да-да, и для нее тоже! — и для Пака Алешира, конечно же.

В жизни у нее царит полная неразбериха, но все можно исправить. Были бы деньги. Если их у тебя достаточно, они могут исправить все.

Джейн знала, где достать эти деньги, но до сих пор она не могла решиться. Теперь она доказала себе, что может. Время пришло.

— Вау, — выдохнул Билли.

— Заткнись.

ГЛАВА 17

Чтобы изготовить Руку Силы, в первую очередь требовалось отрезать кисть у трупа погибшего насильственной смертью. Шок от внезапной смерти был необходим, поскольку насыщал плоть эндорфинами, а эндорфины являлись непременным условием могущества заклинания. К счастью, у Джейн имелся пропуск в морг при анатомическом театре. Она вынесла оттуда руку в сумочке и замариновала ее в растворе соли и селитры, упрятав банку в дальний угол чулана. Сушить добычу на солнце пришлось бы несколько недель, поэтому она подвергла ее быстрой заморозке и выгнала лед в вакуумной камере.

Город за окном казался ярким и жестким, и его дыхание в лаборатории было холодным. Последние бледные отблески мертвого заката мерцали над горизонтом, словно лесные гнилушки. Джейн сидела, скрестив ноги на высоком табурете, закрепляя огарки свечей между пальцами мертвой руки. Свет она не включала, чтобы никто к ней не сунулся. Но и при том свете, который был, она видела, что пропорции у руки грубые и что прежний владелец имел привычку грызть ногти.

Сумерки считались лучшим временем для подобного рода дел, поскольку влияние солнца и луны в это время примерно одинаково и в наименьшей степени искажает результат. Закрепив свечи, Джейн вынула перочинный ножик. Она старательно вырезала руны между вторым и третьим суставом каждого нечетного пальца: «sfwa» на большом, «уа» на среднем и «sig» на мизинце, так что вместе они читались как тайное имя Богини в ипостаси Насылательницы Сновидений.

Оставалось примотать резинкой к ладони одну из кредитных карточек Гальяганте.

Закончив работу, Джейн смахнула моток шпагата в рабочий ящик и спрыгнула с табурета. Руку Силы она сунула в рюкзак вместе с ломиком, замшевыми перчатками и карманным фонариком.

Она переоделась в маскировочную одежду: черные ботинки, черная блузка, черные джинсы. Завершала наряд черная кожаная куртка Пака. Рюкзак был грязно-серым. Она закинула его на плечо и натянула черную вязаную шапочку с прорезями для глаз. Наряд не из тех, что привлекает к себе внимание, — в нем она была практически невидимкой.

В маминой чайной ложке она просверлила дырочку, продела шнурок и повесила ложку на шею. Джейн достала ее из-за пазухи и поцеловала на счастье.

Пора.

Ночь оказалась жутко холодной. По улицам кружились подхваченные резким ветром хлопья мусора. Ни души вокруг. Она торопливо шагала по пустым и молчаливым улицам, мимо Бранстока, Пентекоста и Лоназепа, ненадолго юркнув в вестибюль Энауры, чтобы отогреть щеки, уши и задницу, обтянутую холодной джинсовой тканью. Затем она рысцой пробежала мимо «Кэдбери» и «Шустрой швеи», ломбарда, «Червя», «Альтарипы» и «Мелвейлс». Случайно попадавшиеся на пути гномы и прочие ночные бродяги ежились от холода и торопились поскорее в тепло. Наконец девушка добралась до цели своего путешествия.

Каэр-Гвидион.

Джейн уставилась на его яркие стеклянные стены, мягко сияющие поверхности, устремленные в бесконечность ночного неба, и на мгновение ее решимость поколебалась. Эта цитадель неприступна. По сравнению с ней она, Джейн, всего лишь малая, незначительная песчинка. Но затем, расправив плечи, девушка нырнула в переулок и зашла с тыла.

Задняя сторона здания совершенно не походила на фасад: вся в ржавых потеках шлакоблочная степа с погрузочной платформой, помойкой и мусоросжигателем с курящимся над ним легким дымком. Словно с Каэр-Гвидиона сняли заклятие, обнажив его истинное лицо. Джейн зажгла сигарету и отступила в тень, наблюдая.

Шло время. С черного хода, таща за собой мусорный бак, появился гоблин. Он вывалил содержимое бака в мусоросжигатель и юркнул обратно. Дверь за ним захлопнулась.

Джейн прикурила новую сигарету, чтобы дать смотрителю время найти себе работу в другой части здания. Она курила медленно, смакуя тепло от сигареты, и с сожалением затушила окурок. Затем натянула серые замшевые перчатки и достала Руку Силы. Держа ее за запястье, девушка направилась к служебному входу. Толкнула дверь. Бочки, швабры, чистящие средства. Старые тряпки. Служителя нигде не было видно. Из мрака на нее зашипело черное чудище — отопительная печь.

— Привет! — произнесла Джейн. — Это сюда мне полагалось зайти насчет работы?

Никто не отозвался.

Незваная гостья позволила двери закрыться за собой. Сердце у нее колотилось. Борясь с сильным желанием слинять отсюда, она двинулась дальше. Внутри было тепло. Щеки и мочки ушей больно защипало. Где-то бормотал телевизор. Впереди ее ждал грузовой лифт с распахнутыми дверцами. Она вошла в него.

Если верить бумажнику, Гальяганте обитал здесь, в пентхаусе. На время убрав Руку Силы и фонарик обратно в рюкзак, Джейн закрыла двери лифта и коснулась панели управления. На нее нахлынуло веселое ликование. Получается! Это было блестяще, лучше наркотиков, лучше секса, лучше всего испытанного раньше!.. Все казалось сверхъестественно четким и ярким, словно только что окунутым в прохладное жидкое стекло. Фантастическое ощущение!

Она ехала на грузовом лифте выше и выше.

Мимо скользили стены; словно яркие рты, открывались и закрывались дверные проемы. В памяти отпечатывались мимолетные, бессвязные картинки проползающих мимо коридоров и служебных помещений. Время от времени ее слуха касались голоса — споры, язвительный смех, — но она не видела никого и сама не привлекала внимания. Джейн чувствовала себя невидимкой.

Лифт доехал до конечной остановки. Она вышла в затемненную кухню.

Тишина была полная.

Держа Руку Силы перед собой как щит, Джейн обследовала прилегающие помещения. Не требовалось особой сообразительности, чтобы понять: весь этаж занимали вспомогательные службы и персонал был отпущен на ночь.

Специальный лифт вел прямо из кухни явно именно туда, куда ей требовалось попасть. Но вокруг висела странная аура, леденящее ощущение злобы, исходившее от бронзовых голов хищных птиц, украшавших панели на дверцах лифта. Наверняка лифт под сигнализацией. Придется искать другой путь наверх.

Она подумала. Кухня находится далеко, но еду все равно следует подавать вовремя. Если нести блюда вручную до лифта и наверх, они уже начнут остывать к тому моменту, когда их доставят к столу. Должен быть более быстрый способ доставки. Кухонный лифт.

Как только она поняла, что именно ей искать, найти искомое оказалось просто. Кухонный лифт располагался напротив духовок.

Она залезла внутрь.

Места оказалось впритык. Сначала Джейн сунула внутрь рюкзак, затем сама свернулась калачиком вокруг него. Подтянув колени к подбородку, Джейн удалось втиснуться. Рука Силы шлепнула ее по носу.

Когда Джейн задвинула дверь, темнота словно зажала ее в кулаке. Ничего не было видно. Сделав глубокий вдох, девушка ухватилась за веревку. Она начала подтягивать себя вверх, осторожно, чтобы шкивы не скрипели.

Джейн перебирала руками, и лифт медленно, дюйм за дюймом, поднимался во мрак.

Путь наверх оказался долгим.

Позже она узнала, что апартаменты Гальяганте занимали четыре этажа: нижний для слуг, три верхних для хозяина и его гостей. Но в медлительном темном ящике кухонного лифта эти четыре этажа растянулись на все двадцать. Казалось, путешествие никогда не кончится. Хотя она старалась об этом не думать, ей не давала покоя фантазия, что она заперта в коробке, ползущей в бесконечном пространстве между звездами.

У нее заболели плечи, потом и руки.

Пот из подмышек стекал по бокам. Блузка промокла насквозь. Джейн проклинала себя за то, что не сняла Пакову куртку, прежде чем лезть сюда. В ней было просто невыносимо жарко. Она точно сварится в этой штуке.

Кабинка была обита кожей. Шляпки обойных гвоздей впивались ей в задницу. Джейн слегка подвинулась, но без толку.

У нее свело живот и затекла нога. Под кожу будто напихали булавок. Джейн намотала веревку на руку, застопорила кабинку и принялась растирать ногу, чтобы вернуть ее к жизни. Проделывая это, она не забывала прислушиваться к наружным звукам.

Джейн поднялась уже высоко. Если не удержит веревку, то упадет и наверняка убьется.

Ладони вспотели. Она по очереди вытерла их о джинсы. И снова двинулась вверх.

Вверх и вверх, через темноту.

Наконец с высоты опустилась светящаяся щель, поравнялась с глазами Джейн, переместилась к ногам. Девушка остановила кабинку. Затаила дыхание, прислушалась.

Снаружи послышались шаги.

Джейн намотала веревку на ногу, чтобы кабинка не провалилась вниз, и взяла Руку Силы. Необходимость соблюдать тишину делала любое ее движение мучительно медленным. Джейн выдавила из кармана зажигалку.

Пинком распахнула дверь.

Гном в ливрее дома Гальяганте испуганно вытаращился.

— Эй! — воскликнул он. — Что за...

Она коснулась зажигалкой фитиля. Родился огонек.

Глаза гнома, поймав пламя свечи, расширились. Крошечная светящаяся точка плясала в черном зрачке каждого из них.

Джейн зажгла вторую свечу.

— Где Гальяганте? — спросила она.

Гном держал в руках серебряный поднос. На нем стояли два бокала, лежали салфетки и пустой шприц.

Они находились в столовой. Невероятно длинный стол, уставленный большими серебряными подсвечниками, немного не доходил до дальней стены. Гном полуобернулся и подбородком указал на далекую дверь.

— В хозяйской спальне, — сдавленно произнес он. — С подругой.

Джейн зажгла третью свечу.

— Есть в квартире кто-нибудь еще?

— Нет. Только он. Я. И другая.

Загорелся четвертый огонек. Восемь его меньших братьев горели в гномьих глазах.

— По-моему, тебе хочется пойти и прилечь.

— Да.

Словно во сне, гном прошагал мимо нее и вышел в коридор. Лифт узнал его и открыл двери. Он исчез.

Времени оставалось немного. Руку можно было зажечь только один раз. У нее имелось в запасе около двадцати минут.

Джейн приступила к работе.

Найти что-нибудь подходящее для кражи оказалось труднее, чем она себе представляла. Избегая хозяйской спальни, Джейн быстро обыскала прочие комнаты. Все они оказались большими, прекрасно обставленными и бесполезными для ее целей. Она проходила мимо секретеров из тигрового клена и чудесных резных комодов красного дерева. Хрустальные вазы пенились белоснежными тюльпанами или бледными губками, что цветут только ночью. Ноги утопали в коврах — чтобы соткать такие, кто-то потратил всю жизнь. Кредитная карточка, привязанная резинкой к Руке Силы, должна была привести ее к богатствам Гальяганте, но Рука тянулась ко всему, к чему бы Джейн ее ни поворачивала. Это сводило с ума. Все здесь было дорогое, и ничего нельзя было заложить.

Минуло шесть минут. Оставалось четырнадцать.

Стремительно, бесшумно она обыскивала комнату за комнатой. На стенах салона висели картины, изображающие вопящих борцов в стеклянных загонах и изящных господ, тяжело склонившихся над белыми фарфоровыми раковинами. Все самое лучшее — для Гальяганте.

Оставалось девять минут. Джейн оказалась в тупике гардеробной, лишенной окон. Рука Силы сделалась ледяной и принялась извиваться у нее в кулаке. Джейн открыла стенной шкаф, отодвинула в сторону шелк и твид и обнаружила сейф в стене. Он оказался с хитростями, но в конце концов признал кредитную карточку Гальяганте и открылся. Внутри лежала пачка банкнот — она пролистнула их: хватит на оплату всех ее нужд, — а также различные ценные бумаги и небольшое количество драгоценностей.

Наконец-то! Джейн скинула с плеча рюкзак и затолкала в него банкноты. Бумаги она оставила. Кольца, булавки, бриллиантовые браслеты распихала по карманам куртки.

Осталось четыре минуты.

Она проходила через столовую, когда глаз ее зацепился за подсвечники. Они были тяжелые и мягко мерцали серебром. Почти бессознательно Джейн протянула руку за одним из них.

И ее ударило током. Ладонь в перчатке стиснула подсвечник и не отпускала. Мышцы свело судорогой.

— Хозяин! — орал подсвечник. — Хозяин! Воры!

— Пусти! — крикнула Джейн.

Подсвечник было не сдвинуть. Он словно прирос к столу. И продолжал вопить:

— Воры! Воры!

— Что здесь происходит?

С грохотом распахнулась дверь.

Джейн развернулась и увидела в дверях Гальяганте. На нем был шелковый халат, наспех прихваченный на талии. За его спиной виднелось полузавешенное балдахином ложе. Рама его была белой, и резные деревянные опоры в виде двух гончих, стоящих на задних лапах, удерживали покрывало так, что его край повторял верхний изгиб основания. Среди подушек покоился кокон света. Внутри мелькало что-то полуразмытое, извивающееся. Нимфа.

Дверь закрылась. Гальяганте гневно шагнул вперед. Взгляд его был ужасен, он казался воплощением силы. От эльфийского владыки поднялся ветер. Он яростно хлестал Джейн, отбрасывая ей волосы назад. Она выставила перед собой Руку Силы. Ее огоньки затрепетали, прилегли и погасли.

Джейн попыталась отступить, но проклятый подсвечник держал ее в плену.

— Хозяин! Спаси меня!

Она едва соображала из-за его воплей.

— Я тебя знаю. — Гальяганте, хмурясь, навис над ней. — Студентка... алхимик, не так ли?

Он щелкнул пальцами, и подсвечник умолк. Ветер стих.

С удивительной нежностью он снял у нее со спины рюкзак и пошарил в нем. Банкноты он аккуратно собрал в стопку и отложил. Оставив рюкзак на столе, запустил руки к ней в карманы и вынул драгоценности.

Джейн даже не пыталась сопротивляться. Она попалась.

— Думаю, это шанс. — На губах его огоньком промелькнула загадочная улыбка. — Но какого рода?

Он оглядел ее с головы до ног и продолжил задумчиво:

— Что бы мне с тобой сделать?

Глаза Джейн непроизвольно наполнились слезами.

— Отпустите меня, — прошептала она.

Гальяганте поднял Руку Силы и с удивлением начал ее рассматривать, цокая языком.

— Не порти хорошее впечатление, — сказал он грубовато. Затем положил Руку Силы и протянул ладонь, чтобы расстегнуть молнию на куртке Пака. Запах застарелого пота хлынул оттуда волной. — Что это?

Эльф расстегнул две верхние пуговицы у нее на блузке и снял с шеи икеевскую чайную ложку.

— Ого! — Не скрывая своего восхищения, он покачал шнурок с ложкой на пальце. — Представляю, что я должен был бы...

Щелкнула дверь в спальню, и на пороге появилась обнаженная и растрепанная фигурка.

— Когда ты... — Она осеклась, и потрясенный голос спросил: — Джейн?

Гальяганте напрягся и, не оглядываясь, рявкнул:

— Жди меня в спальне! Закрой за собой дверь!

Она послушалась.

— Это была Сирин, — сказала Джейн.

— Забудь о ней. — Выражение лица у эльфа сделалось отстраненным, чуть рассеянным, словно он колебался на пороге решения. — У нее своя судьба. Подумай о собственной. — Затем резко рассмеялся. — Я намерен отпустить тебя.

— Спасибо, — скромно произнесла она.

— И собираюсь сделать тебе предложение.

Джейн вздрогнула, но промолчала.

— Если ты переживешь Десятину — а, судя по твоему виду, это очень большое «если», — приходи в мою контору и потолкуй с моими людьми. У меня найдется для тебя работа. Выгодная работа. Даже приятная, по некоторым меркам.

Он снова щелкнул пальцами, и подсвечник отпустил ее. Она отступила на шаг, потирая локоть. Рука не слушалась и болела.

Гальяганте вернул рюкзак, но оставил ложку себе. Жестом указал ей на лифт.

— Теперь можешь уйти. Только, пожалуйста, обычным путем.

Затем поднял канделябр и кинул его подменышу. Она машинально его поймала.

— Вот. Возьми. В залог серьезности моих намерений.

Еще до прибытия лифта он вернулся в спальню. Джейн смотрела, как за ним закрывается дверь, а потом отправилась домой.

На другой день Джейн сидела на лекциях как лунатик. Наступила оттепель, и студентам велели повсюду отворить окна. Внутрь хлынул свежий, ледяной воздух, замораживая термостаты, заставляя батареи шипеть паром от бешенства в тщетных усилиях выровнять температуру. Мелкие восходящие потоки теплого воздуха шевелили бумаги и пускали по коридорам маленькие пыльные смерчи.

Это было бы приятно, не чувствуй она себя настолько оторванной от реальности. Все казалось далеким, будто во сне, словно она призраком блуждает по миру, значимость которого для нее стремительно тает. Долго так продолжаться не могло. Вскоре что-то должно было лопнуть. Может, сегодня наступит Десятина и положит конец этому подвешенному состоянию? В то же время все обстояло так ужасно, что она просто не могла заставить себя думать.

Даже когда в буфете студенческого центра в очередь за ней пристроился Крысякис и изобразил большой влажный поцелуй, она просто пожала плечами и отвернулась. Мельком заметила появившееся у него на лице гадкое выражение и попыталась встревожиться. Даже специально не придумать средства вернее, чтобы разозлить его.

Однако куда деваться? Наступил момент, когда ей сделалось все равно.

Джейн отнесла поднос на пластиковый стол под терновым деревом в кадке и села. В колючих недрах, перескакивая с ветки на ветку, сновал сорокопут. У стола стояли четыре стула. Крысякис плюхнулся прямо напротив Джейн. Она уставилась в тарелку с салатом.

— Тебя сюда не звали.

Наглец вонзил вилку в жирную сосиску и помахал ею у нее перед носом.

— Ты заболеешь, если будешь есть всю эту зеленую дрянь. Тебе надо положить мяса в рот. — Он откусил кончик и, жуя с открытым ртом, продолжал: — Вот что я тебе скажу. Почему бы тебе не присоединиться сегодня к нам с Мартышкой на легкий полуночный перекус? Мы бы нарастили тебе мясца на косточки. Влили бы в тебя немножечко протеинов.

Джейн отложила вилку.

— Если ты не можешь...

На стул рядом с Джейн внезапно скользнула Сирин и с ходу заявила:

— Я должна объяснить тебе насчет прошлой ночи. Просто чтобы у тебя не сложилось неверного впечатления.

Сегодня волосы у нее были стянуты в тугой хвост, а из косметики было только чуть-чуть белой помады и тени в тон. Черная водолазка. Ей шло.

— Думаю, я все достаточно хорошо поняла.

Крысякис откашлялся.

— Мне тоже приятно видеть тебя, Сирин, — громко произнес он.

— А, К'сяк. — Она едва глянула на него. — Ты не знаешь, каково это — иметь аппетиты, которые... ну, может, они не особенно респектабельные, но они мои. Ты же понимаешь, правда? Они часть меня — я не могу от них отмахиваться.

Смущенная, потому что Крысякис ловил каждое слово, Джейн ответила:

— Ты не обязана разъяснять мне, почему тебе нравится Гальяганте. Разным людям нравятся разные вещи. Я в состоянии это понять.

— Нравится Гальяганте! — Сирин рассыпалась серебристым взрывом изумленного смеха. — Откуда ты такое взяла? Гальяганте не имеет к этому никакого отношения.

— Дело не столько в личности, сколько в идее доминирующего самца, — встрял Крысякис. — Это все феромоны, которые мы испускаем.

Сирин отмела его замечание легким взмахом ладошки. Просто великолепно, как колкости Крысякиса отскакивали от нее.

— Мне нравится, как он со мной обращается. Нравится, как я себя при нем чувствую. Подвернись более удобный в этом отношении вариант, Гальяганте стал бы уже историей. Но, готова спорить, новый окажется ничуть не лучше. С подобными типами всегда так.

— Не узнаешь, пока не попробуешь меня. Может, я лучше.

— Сирин, зачем ты мне все это рассказываешь?

Джейн ни за что не стала бы вести себя так открыто, рассказывая свои секреты в чьем-то присутствии — тем более Кры-

сякиса! — словно мнение окружающих вообще не имеет значения. Будто они не могут воспользоваться услышанным.

— Я видела сон. Про свою судьбу. — Лицо Сирин осунулось от усталости. — Мне снилось, что Гальяганте... Что он... Нет, я не могу рассказать тебе, как отвратительно это было. Я проснулась и могла думать лишь об одном: «Только не так». Джейн, ты всегда уверена в себе, ты такая сильная.

— Я? — изумленно переспросила Джейн.

Ухмылка Крысякиса сделалась похотливой и расчетливой. Джейн почти видела, как крутятся колесики у него в голове.

— Я подумала: может, ты на несколько дней переберешься ко мне? Знаешь, просто поболтать и побродить вместе. И вообще... чтобы убедиться, что я не наделаю глупостей. — Голос у Сирин упал. — Понимаю, идея так себе.

— Я уже говорила, — холодно ответила Джейн. — Мне жаль тебя, и я хотела бы помочь. Но я ничего не могу поделать.

— Я прошу так немного.

Именно в этот момент к последнему оставшемуся стулу подошел Билли Бука с подносом в руках.

— Это место занято?

— Ой, ради!.. — Джейн вскочила. — Садись! Жри мой обед! Мне наплевать! Что я такого сделала, чтобы в довершение всего заслужить еще и тебя?!

Он пораженно уставился на нее. Она вылетела из столовой.

В тот вечер, чтобы избежать нежелательных встреч в кафе или другом излюбленном месте студенческих тусовок, Джейн отправилась в Город и поужинала в столовой в Оргулусе. Она взяла кусок мяса и пюре. С ней попытался заигрывать гном, и, когда она принялась орать на него, персонал попросил ее удалиться.

Вечер был мягкий и приятный. Шум уличного движения казался приглушенным, а воздух — почти теплым. Джейн шагала по улице, погруженная в себя, с засунутыми глубоко в карманы руками, бросая по сторонам сердитые взгляды.

«Сколько можно? — спрашивала она себя. — Сколько можно?»

До Оргулоса Джейн добиралась через Сеноден и, поддавшись порыву, взяла частную кабинку до улицы. Ступив в вестибюль Бельгарда, она внезапно осознала, что, занятая то од-

ним, то другим, оказалась здесь впервые за много месяцев. А еще вспомнила, что оставила проездной в сумочке, а сумочку в комнате.

— Черт!

Не имело смысла тратить деньги на то, за что уже заплачено, поэтому девушка направилась задними коридорами в служебную зону в поисках грузового лифта. Подобное не поощрялось, но студенты все время им пользовались.

Она почти сразу заблудилась. Лестница привела в подвал, а при попытке Джейн вернуться по собственным следам вообще куда-то пропала. Поэтому Джейн пошла вперед, через анфилады все более темных складских помещений, где пахло скипидаром, дегтем, уксусом и заплесневевшими книгами. Она как раз начала паниковать, когда увидела выкрашенную зеленой краской стальную дверь рядом с угольным ящиком. И остановилась.

По непонятной причине ее переполняло твердое убеждение, что искомое находится ровно за этой дверью.

Она открыла ее.

Во мраке громоздилась огромная масса черного железа. В воздухе висел запах смазки и машинного масла. Отраженный свет единственной голой лампочки мерцал на громадном сооружении из стали и злобы, знакомом не хуже закоулков ее собственной души.

№ 7332. Меланхтон.

Дракон ухмыльнулся.

— Удивлена нашей встречей, маленький подменыш?

От его насмешки Джейн словно окатило волной жара, как от распахнутой прямо в лицо топки. Дверь растворилась под рукой Джейн, и тьма вокруг стала гуще. Во всей вселенной не существовало ничего, кроме нее и дракона. Беззвучно открылась драконья кабина.

— Входи. Нам надо многое обсудить.

Ничего не поделаешь. Джейн забралась внутрь.

Пилотское кресло выглядело поновее, чем ей помнилось. Когда она в него села, сомкнулись интимно знакомые объятия. Неяркими огоньками светили приборы. Краем глаза Джейн замечала шныряющих во тьме созданий. Где-то задушенно пискнул мерион.

— Ты бросил меня.

— А теперь вернулся.

Джейн стиснула подлокотники. Один поворот — и в запястья скользнут иглы. Опустятся панорамные сенсоры, чтобы подключить ее к нервной системе дракона.

— Вид у тебя цветущий.

Она не стала поворачивать ручку.

Как и было задумано, это обидело его.

— Ты, как всегда, тупая и тормозная, — насмешливо заметил Меланхтон. В глубине его брюха с ревом ожил двигатель. Его вибрации сотрясали кабину. — Я пришел, чтобы принести тебе смерть, кровь, отмщение и скромное участие в величайшем, со времен первого убийства, приключении, а ты мне — комплименты.

— Кроме комплиментов, нам нечего сказать друг другу.

— Болтай что хочешь, — рявкнул дракон в яростном нетерпении. — Испорти сколько угодно воздуха своими затхлыми и пресными словами. Но мы с тобой жили внутри друг друга. Мы соединили наши сущности, и ни один из нас не сможет освободиться от другого до конца жизни.

В последовавшей за этим тишине Джейн ощутила тошнотворную уверенность в его правоте.

Когда дракон наконец снова заговорил, он справился со своими страстями. Тон его был спокоен и снисходителен.

— Как ты могла прожить так долго и пережить столько, ни разу не спросив себя, кто является виновником твоих бед?

— Я достаточно хорошо знаю своего врага. До самых операционных кодов.

— Меня? — насмешливо переспросил дракон. — Я только симптом, максимум. Разве я создал мир и втянул тебя в него? Я сказал, что ты должна жить и любить, и терять, и стареть, и умереть? Кто отравил каждую твою дружбу и оторвал тебя от всего, что тебе желанно? Кто сказал, что ты должна учиться только на ошибках и что полученные уроки впоследствии должны приносить тебе только ущерб? Не я. Ты в плену узора, сотканного силой большей, чем моя. Я знаю твоего врага, ибо она и мой враг тоже. По сравнению с моей ненавистью к ней наша с тобой вражда как свеча перед солнцем. Пойми меня хорошенько: ты в моей власти, и мне доставило бы огромное удовольствие играть с тобой, как кошка с мышью. Однако я отпущу тебя, потому что у нас общая цель. Тебе также стоит отбросить

все мелочные чувства. Сосредоточься на своем истинном враге. Возненавидь ее изо всех сил. Страшись ее, как страшусь я.

Джейн всегда считала, что кровь не может похолодеть, что те, кто так говорит, просто играют словами и метафорами. Теперь она думала иначе.

— О ком ты?

Было это просто театральной паузой или чем-то более глубоким — возможно, смакование своего богохульства? — но Меланхтон помедлил, прежде чем ответил.

— Богиня, — произнес он наконец с тихим удовлетворением.

— Нет!

— Да ладно! Ты никогда не подозревала? Среди бессонной ночи тебе никогда не казалось, что сама жизнь является доказательством того, что Богиня тебя не любит? Что ее отношение в лучшем случае недоброжелательно и что твоя боль явно забавляет ее, ибо какой еще цели она служит? От судьбы не уйдешь. И тебе придется сыграть маленькую роль в уничтожении божества. Следовало бы гордиться.

— Ты спятил, — прошептала Джейн. — Никто не может уничтожить Богиню.

— Никто никогда не пытался. — Голос Меланхтона звучал ровно и внушал доверие — полная противоположность безумию его слов. — Время, прожитое нами врозь, не было потрачено зря, не сомневайся. Я перехватил управление собственным развитием и сделался могущественным сверх нормы, установленной для моего вида. У меня хватит разрушительной мощи, будь уверена. Но у дракона-отступника, нарушившего клятву и не имеющего господина, нет будущего. Небеса закрыты для меня. Я могу либо вечно пресмыкаться среди корней и погребов мира, либо насладиться последним гибельным полетом. Мне не удастся еще раз застать стражей закона врасплох. Что ж, да будет так. Я совершу четвертый скачок через Адовы Врата. Я пойду на штурм самого Спирального замка, и сокрушу его, и выволоку Богиню из-под его осыпающихся развалин. И, клянусь всей скверной мира, я убью эту суку!

— Это невозможно, — неуверенно возразила Джейн.

— Ты по-прежнему отравлена надеждой. Полагаешь, будто где-то существует нормальная жизнь и определенное сочетание действия, ограничений, знания и удачи спасет тебя, если

верно составить смесь. Что ж, у меня для тебя есть новость. Все — прямо сейчас, прямо здесь, — и лучше не будет.

— *Все наладится!*

— Когда такое было? — Драконье презрение ощущалось физически. Дверь кабины с шипением отворилась. — Иди. Возвращайся в свою комнату и наслаждайся своим настоящим. Приходи обратно, когда повзрослеешь достаточно, чтобы взирать на тщету бытия не морщась. Когда отчаешься и перейдешь от отчаяния к мести. Когда перестанешь лгать самой себе.

— Каким настоящим?

Огни потускнели. Меланхтон не ответил.

— Ты сказал — наслаждайся своим настоящим. Каким настоящим?

Ничего.

— Я все это уже проходила. Я больше не собираюсь играть в твои дурацкие интеллектуальные игры.

Молчание.

Джейн старательно задавила ярость, страх и доводящее до исступления ощущение собственной беспомощности. На это ушло некоторое время. Наконец она выбралась из кабины, как хотел Меланхтон.

Как обычно, больше ей ничего не оставалось.

Каким-то образом она добралась домой в Хабундию. Когда она коснулась рукой двери, ее пронзило ледяное копье предчувствия. Девушка заколебалась, не в состоянии повернуть ручку.

Это было глупо. Внутри ничего нет — там не может быть ничего хуже того, с чем она только что столкнулась в подвалах Бельгарда. Это Меланхтон, просто из зависти, поворачивает нож в ране. Она распахнула дверь.

Мартышка и Крысякис лежали на полу мертвые.

Из горла у Джейн вырвался сдавленный крик. Ситуация явно отражала представления Меланхтона о юморе. А может, призвана была послужить извращенной версией того, что Гальяганте назвал «залогом серьезности намерений», — галантным по замыслу устранением из ее жизни двух мелких неприятностей.

Свет горел. Именно это обстоятельство делало картину еще ужаснее. Имейся где-нибудь хоть клочок тени, взгляд ее метнулся бы в ту сторону и нашел там убежище. Но в жестоком,

бесстрастном свете лампы взгляд оказался прикован к трупам. Джейн не могла не смотреть. Невозможно было отрицать то, что лежало перед ней.

В смерти лицо у Мартышки сделалось серым, а у Крысякиса — призрачно белым с голубоватыми тенями. Радужки у обоих растворились полностью, оставив гладкие полумесяцы под лиловыми веками. Челюсти безвольно отвисли. У Крысякиса по подбородку тянулась влажная полоса слюны, и снизу повисла капля, которая почему-то отказывалась падать. Словно заморозилось время.

Игла все еще торчала у Крысякиса в руке. Должно быть, он сначала вмазал Мартышку, а затем отвернулся, чтобы ширнуться самому, и не видел, как она сползла по кровати на пол. Затем, когда яд достиг сердца, просто повалился на бок. Голова его была обращена к двери. Даже в смерти он тянулся прочь от бедной Мартышки.

Джейн застыла в ужасе.

Вдалеке подала голос сирена. К ней присоединилась вторая, а затем третья. Вскоре весь Город включился в симфонию гудков и сигналов.

Десятина настала.

ГЛАВА 18

Она сделала худшее из того, что могла. Первый же пункт в разосланных университетом памятках для всех первокурсников гласил, причем большими, сладко пахнущими лиловыми буквами: 1. ОСТАВАЙТЕСЬ В СВОЕЙ КОМНАТЕ.

Джейн понимала, что это хороший совет.

Но слепая паника погнала ее прочь из комнаты, прочь из Хабундии, прочь вообще из Бельгарда, на улицу. Она не соображала, что делает. Только что пялилась на два трупа на полу своей комнаты, а теперь, дрожащая и сбитая с толку, оказалась вообще неизвестно где.

Мимо, спотыкаясь и плача, пробежал фей с головой вепря. Локти у него взлетали выше головы, по загнутым клыкам текли слезы. Его со свистом и хохотом преследовал десяток малолетних вервольфов. В бок фея воткнулась палка, он споткнулся, но тут же побежал дальше.

Послышался звон разбитого стекла.

Скорее обратно в Бельгард! В полночь закроют аварийные ворота. Но если ей удастся проскользнуть внутрь раньше, еще можно найти убежище. У Сирин или, может быть, у Линнет Коноплянки, высоко над улицей, где наверняка случится самое страшное.

Дорога повернула и сузилась. По обеим сторонам поднимались глухие стены, превращая улицу в желоб или ущелье. В конце квартала толпа фей танцевала вокруг большого костра под грохот и уханье барабана. Другие ворвались на склад тканей и выбрасывали из окон всех пяти этажей рулоны муслина, ситца, камвольного поплина и жатого шелка. Те, не разматываясь,

дождем сыпались на тротуар. Сверчки и мухари суетились, оттаскивая ткани в огонь.

Джейн подалась назад, но внезапно улица позади нее заполнилась монстрами, скандирующими:

Вервейн, Чинкфойл,
Хейт и Джонсвот,
Сожги Город,
Раздави государство!

Они звонили в колокольцы и дудели в рожки, размахивая рекламными транспарантами над волнующимся морем голов. С высоких шестов свисали фонари. С перепончатыми ушами, рогатые, на аистиных ногах, монстры выглядели карнавальными паяцами.

Сожги Город,
Раздави государство!

Джейн, слишком напуганную, чтоб удрать, подхватило толпой, подняло и понесло. Она вдруг оказалась в безопасности внутри их веселой компании, сделалась не мишенью, а одной из них и плыла, словно подушками подпертая и приподнятая давлением тел. Ее окружали гогочущие уродливые хари. Красный гном протянул ей банку пива. Чтобы успокоиться, она открыла ее и отпила большой глоток. Пиво оказалось такое холодное, что обожгло язык.

Сожги Город,
Раздави государство!

Странная, электризующая смесь страха и возбуждения охватила ее.

Толпа докатилась до костра. Две группы смешались и завихрились.

— Развлекаешься?

Джейн потрясенно обернулась.

— Линнет! Что ты здесь делаешь?

Ее одноклассница пожала плечами.

— То же, что и ты, — веселюсь.

— Коноплянка, нам надо попасть обратно в общагу. Ты хоть примерно представляешь, насколько мы далеко от дома? Если

не очень, то еще успеем добраться до Хабундии, прежде чем взорвут.

— К черту! — Линнет яростно обхватила себя руками, костлявые плечи встали торчком, словно новая пара крыльев. — Я не откажусь от гулянки ради того, чтобы сидеть у себя в комнате и плевать в потолок. Предложи еще книжку почитать. Или достать кипятильник и заварить ромашкового чая. Хабундия в миллионах световых лет отсюда. Как ты не понимаешь? Сегодня нет ничего запретного. Тебе что-то нужно — бери! Тебе кто-то нравится — вперед! Можешь сидеть на обочине и жрать собственные какашки на глазах у всего света, если тебя это заводит. Никто не станет тебя останавливать. Никто не ведет счет.

Она сунула в рот мятый косяк и щелкнула пальцами. Искра, пламя, облачко дыма. Поделиться и не подумала. Веселый свет оторвяжничества горел у нее на лице столь ярко, что Джейн смущенно опустила голову.

Толпа с ревом снова устремилась вперед. Джейн спихивали то на одну сторону, то на другую. Ей пришлось перейти на рысь, чтобы не упасть.

— Куда мы идем? — крикнула она.

— Какая разница!

Они мчались мимо вереницы магазинов. Окна листового стекла рассыпались у них за спиной. Отдельные персонажи заскакивали внутрь, чтобы ухватить сумочку или пригоршню запонок, но в целом толпа не сбавляла хода. Звук лопающегося стекла неотступно преследовал их.

— Ужас! — крикнула Джейн.

— Фигня! — Глаза у Линнет сверкали. Улыбка сделалась до боли широкой. — Это еще цветочки!

Толпа уплотнилась. Плечи, локти и костлявые подбородки толкали Джейн со всех сторон, угрожая переломать ей ребра. Тела сместились. Словно грейпфрутовое зернышко, зажатое между большим и указательным пальцем, Коноплянка брызнула прочь.

Беспомощность Джейн была абсолютной. Зажатую в толпе, стиснутую так, что невозможно было даже упасть — толпа поддерживала ее, — Джейн на короткий момент оторвало от земли и протащило вперед. Когда дорога расширилась, а ноги коснулись

лись тротуара, ей пришлось перейти на бег, чтобы не упасть и не оказаться затоптанной.

Новый рев. Авангард толпы на что-то наткнулся. Глазам протолкавшейся достаточно близко Джейн предстал бегемот. Его загнали в тупик и теперь раскачивали. Он перевернулся с воплем бессильной ярости, а победители хлынули через его заднюю часть. Они открыли капот и водительскую дверь и принялись потрошить беднягу. Сиденья, кабели, свечи, пластиковую статуэтку Великой Матери с приборной панели пошвыряли в толпу.

— Сволочи! — ревел бегемот. — Всех убью! Разорву! Растопчу в лепешку!

В том, что такого огромного зверя, такую мощную махину оказалось так легко одолеть, было нечто пугающее.

Пугающее и неуловимо величественное.

Переднюю стенку таверны снесли, барную стойку сломали. Бутылки раздавали всем проходящим. Джейн обнаружила, что сжимает в руке пинту мятного шнапса. Вкус он имел кошмарный, но через некоторое время она привыкла.

Круша и грабя, толпа перемещалась вперед, пока что-то впереди — тупик, развилка? — не заставило ее притормозить в нерешительности. Перейдя на шаг, Джейн снова заметила Линнет. Она шла за руку с огромным уродливым существом. Джейн хлопнула ее по плечу.

Коноплянка тупо на нее посмотрела.

— Что ты-то здесь делаешь? — Не дожидаясь ответа, она отпустила руку своего спутника. — Это Костяная Голова.

Костяная Голова определенно соответствовал своему прозвищу. Невероятно толстый, неровный череп мертвенно белел под коротко остриженными волосами. На лбу и на щеках были вытатуированы солнечные колеса забастовщика. Безжизненные глаза казались ямами с пеплом.

Он хамски ухмыльнулся и почесал яйца.

Изо всех сил стараясь не обращать на него внимания, Джейн сказала:

— Ты имеешь представление, где мы находимся? Тебе не надо идти со мной. Просто покажи мне нужное направление, и я сама найду дорогу домой.

Линнет уничтожающе рассмеялась:

— Ты не врубаешься, да? Точно не врубаешься.

Хлопая крыльями, она стянула через голову свитер. Под ним ничего не было. Груди у Коноплянки оказались небольшие, зато соски огромные, величиной со сливу и абрикосового цвета. При виде них поднялось веселье.

Девушка-птица подбросила свитер в воздух. Горбатый музыкант наклонился, чтобы просунуть голову между ее ногами, затем выпрямился снова. Она взмыла вверх на его плечах, словно носовая фигура на корабле толпы.

— Курганы! — выкрикнул кто-то.

Линнет замахала руками, подгоняя толпу.

— Курганы! — завопила она.

Горбатый музыкант заиграл на флейте, и она повела всех вперед.

Они двигались быстрым шагом, почти рысью. Дурманящий запах пота окружал Джейн, словно мякоть гниющего плода косточку. Теперь толпа не скандировала, но издавала невероятный шум. Голоса накатывали волнами, с отдельными высокими криками, вздымающимися над поверхностью, как звуковые пики, и басовый рокот, звучавший безостановочно, отдавался в животе. В голове непрестанно гудело, как при амфетаминовом приходе, сложнейшее многообразие шумов складывалось в симфонию хаоса.

Джейн коснулась рукой волос. Они потрескивали. Ей больше не хотелось уйти отсюда. Происходящее было слишком восхитительно, слишком — по-своему — притягательно, чтобы отказаться от него. Она должна увидеть, что будет дальше. Невесомая, словно заряженная частица в электрическом потоке, она позволила толпе унести себя, не оказывая ни малейшего сопротивления.

Вдруг Джейн оказалась внутри магазина бытовой техники. Повсюду смутные фигуры хватали пылесосы, лазерные проигрыватели, мини-холодильники. Ей в руки сунули коробку. Она озадаченно взяла ее.

Черный как сажа чертенок выпрыгнул из темноты и радостно заорал:

— Пожар! Пожар! Уходим! Уходим!

За спиной у него взметнулось пламя.

Все пытались одновременно протиснуться наружу. На один жуткий миг Джейн показалось, что ее сейчас раздавят, и она испугалась за свою жизнь. Только пробежав несколько кварта-

лов, она вспомнила о коробке и посмотрела, что же ей такое подсунули.

Микроволновка.

Настоящая удача. Ей очень была нужна микроволновка, а поскольку стянуть из магазина такую крупную вещь не представлялось возможным, она решила сохранить добычу.

Однако с микроволновкой в руках Джейн не могла более держать темп. Мало-помалу она отставала, постепенно соскальзывая в конец толпы. Руки и плечи ее совсем отваливались, и Джейн плюхнулась на железобетонные ступеньки возле старого промышленного канала. Она чувствовала себя вымотанной.

Остатки толпы схлынули. В воздухе похолодало. Рев голосов упал до смутного гула, время от времени поднимавшегося в разных частях Города, словно голос чудовища, способного существовать одновременно и там и тут. Джейн уставилась под ноги, на россыпь мусора — ржавые металлические обломки, мятые пластиковые стаканчики, окурки. В голове по-прежнему стоял гул.

Толпа высасывала всю жизненную силу из улиц и зданий, мимо которых проходила. У нее за спиной краска пузырилась и лопалась, мелкими облачками выпуская из себя споры ржавчины. Асфальт бугрился. Штукатурка кусками отваливалась от кирпича. Мусор множился на обочинах тротуаров и бултыхался в маслянистых водах канала. Стены осыпались.

Из выпотрошенных зданий с мистической скоростью лезли наружу сорняки. Пока Джейн смотрела, из щели в основании бетонной опоры моста пробилась лоза и вымахала в густую и запутанную сеть из шипов. Глубоко в ее сердцевине цвели розы, чье масло, словно испорченное молоко, привлекало некоторые виды крылатых духов размером не больше ладони Джейн.

Под звон маленьких колокольцев духи спешили через канал. Они летели парами, волоча на концах спаренных нитей таких же миниатюрных пленников. Очертя голову духи бросались в сумрачную чащу.

Крохотные вопли пронзали ночь.

Как будущий алхимик, Джейн понимала природные процессы. Равновесие нарушено; его надо восстановить. Но наблюдать все это не обязательно. Отдышалась — пора идти. Джейн

встала, оставив микроволновку на ступеньках. В конце концов, не настолько эта проклятая штуковина ей нужна.

Рядом ударил поток рвоты. Она отскочила, но брызги все-таки попали на туфли.

Три твари с головами гиен перегнулись через перила эстакады над ней.

— Эй, поосторожнее! — крикнула она.

Один, которого тошнило, даже не заметил ее. Второй заржал. Третий встал на перила, расстегнул ширинку и потряс в ее сторону членом.

— На-кася выкуси, дорогуша!

— Козлодои! — заорала она.

— Этой сучке, — холодно произнес тот, что тряс членом, — надо задать урок.

Его приятель уже прикидывал, как бы им побыстрее слезть.

— Туда! — крикнул он.

Оставив пьяного третьего висеть на перилах, они побежали к лестнице на другой стороне моста. Джейн в ужасе нырнула в ближайшую дверь и обнаружила проход на менее заметную лестницу вверх на улицу, с которой только что убежали гиеноголовые.

Наверху она притормозила, пока сначала десять, а потом сотня жутких созданий не пронеслась мимо. Ее преследователи возглавили отколовшийся кусок толпы. Это была не та группа, которую она недавно покинула, — беглянка не узнавала никого, а в прежней имелись незабываемые образчики. Но это не играло никакой роли. Она влилась в торопливую массу, снова почувствовав себя в безопасности.

Долго бежать Джейн не пришлось. Впереди раздался взрыв оглушительного рева. Улица резко выплеснулась на огромную пятиугольную площадь. Словно вырвавшаяся под давлением струя газа, толпа набрала скорость и рассеялась, заполняя новое пространство. Дрожа от страха, Джейн пыталась сообразить, где находится.

Их вынесло на площадь Оберона. Четыре стороны площади занимали кафе, музыкальные и галантерейные лавки, магазины стройтоваров и прочие подобные заведения. По пятой стороне тянулся массивный обсидиановый фасад одного-единственного здания — пользующейся самой дурной славой тюрьмы

во всем Великом Сером Городе. Тюрьма вдавалась в площадь, словно мощный нос зловещего черного танкера.

Длинные Курганы.

Оказавшись с этим объектом лицом к лицу, толпа проявила странную нерешительность. Бунтари разбились на более мелкие группки и держались поближе к остальным четырем сторонам, не обращая внимания на очевидную цель. Витрины магазинов прикрывали решетки и щиты, но выше зияли незащищенные окна. Толпа забросала их камнями и обломками кирпича.

Повинуясь внезапному безотчетному порыву, Джейн подобрала пустую пивную бутылку, вскинула руку и бросила. Окно разбилось. Подменыш запрокинула голову и испустила победный клич. Тролль хлопнул ее по спине, так что она пошатнулась.

Это было здорово.

И тут безумие толпы захватило ее полностью, словно окутав парой кисейных крыльев. Она сделала глубокий вдох, животом и легкими впивая вихрящееся, искрометное чувство. Пути назад не было. Она теперь стала одной из них, телом и душой, гражданином толпы.

Об нее споткнулся пьяный, и она сильно толкнула его обеими руками.

— Прочь с дороги, сосунок гребаный!

И это тоже было здорово.

Когда они перебили все окна, отодрали решетки с магазинов, разграбили все и подожгли два из них, возникла заминка. Несколько накачанных гномов попытались разбить петли огромных тюремных ворот. Но, несмотря на силу и ловкость, им пришлось с позором отступить.

Движение толпы почти застопорилось. Чтобы сохранить инерцию, кто-то повернулся к дегустационному салону, который до сих пор отчего-то не привлекал внимания. Кожаные стулья и ползучие растения полетели на улицу. Полотна с изображениями обнаженных гоблинов, скорчившихся на унитазах, были брошены в огонь. Затем на мостовую с грохотом выкатились подталкиваемые изнемогающими от натуги ламиями три великаньих бочки. Один из толкавших запрыгнул на крышку и замахал в воздухе шляпой с пером.

— Дорогие коллеги-проказники!

Иронический смех.

— Наши обожаемые хозяева, отцы Города, — он вскинул топор, — поместили под стражу — для ее же собственного блага! — эту беззаконную и дерзкую жидкость. Долгие и мучительные годы была она заключена в этих дубовых стенах, зрея, выдерживаясь, сглаживая острые края, стремясь стать мягким и послушным напитком, угодным благородным глоткам самых богатеньких из наших хозяев.

Все глаза были устремлены к нему.

Оратор надулся, скорчил рожу и выкрикнул:

— Созрело ли оно?

— Нет!!!

— Усвоило ли оно урок?

— Нет!!!

— Оставило ли оно свои буйные повадки?

— Нет!!!

— Хорошо сказано. Оно явно упорствует в своем неповиновении и не годится для тех, кто лучше нас.

Он выбил топором пробку. Вино хлынуло на площадь. Хохочущие уроды кинулись к сточным желобам, попадали на колени и начали лакать.

Из хозяйственного магазина приволокли помпу и наполнили пустой фонтан в центре площади. Буяны — и среди них Линнет — плескались в нем нагишом, пили из горстей и поливали друг друга кровавой жидкостью. Пылающие здания и уличные ртутные фонари отбрасывали на все это безрадостный оранжевый свет.

На окраинах толпы поднялся крик.

На площадь медленно выползал строительный великан, направляемый ухмыляющимся болотным бесом, который сидел у него на плече и нашептывал на ухо. Они остановились у тюремных ворот, и великан поднял свой огромный кулак. Он три раза ударил по окованным железом воротам. Ворота пошли трещинами, но устояли. На четвертый удар створки подались и рухнули.

От победного клича дрогнули звезды.

Джейн бросилась вперед вместе со всеми. Она обнаружила, что бежит по темному и узкому коридору рядом с Костяной Головой. Он схватил ее за руку и затормозил перед дверью камеры.

— Подержи!

Костяная Голова передал ей куртку и сплюнул на пол струйку желтой мокроты. Затем сунул лом между замком и косяком. Под пропитанной потом футболкой вздулись мускулы.

Дверь распахнулась.

Гнилые зубы в гниющей пасти. Лицо казалось вывернутым на обе стороны. Существо вышло из камеры и ткнуло жгучими как лед пальцами Джейн в щеку.

— Это мне? — проскрежетало оно и, хихикнув при виде ее отвращения, уковыляло прочь.

Костяная Голова щелкнул следующим замком. Нечто темное, словно тень на песке, выскользнуло наружу, мимоходом взглянув на Джейн. Этот взгляд был исполнен ненависти, словно тысяча скорпионьих жал. Сердце Джейн чуть не выпрыгнуло от страха.

— Не стой столбом! — Костяная Голова отвесил Джейн оплеуху. — У нас много работы.

Джейн продолжала стоять. Слишком занятый, чтобы это заметить, Костяная Голова продолжал путь по коридору, открывая дверь за дверью, выпуская на волю ужасы, подобных которым она отродясь не видывала.

Она бросила куртку и попятилась.

Снаружи ухмыляющийся пикси дал ей отхлебнуть виски. Дриада раздавала таблетки. Джейн заглотила пять штук всухую.

Самые нетерпеливые поджигатели уже запалили тюрьму в нескольких местах. Мятежники и заключенные появлялись из тьмы, икающие и рыгающие, пьяные и хихикающие. Освободить успели только ближние секторы. Не успели оглянуться, как все дальние горизонты охватило пламя более жаркое, чем в любой печи.

Спасающиеся заключенные с визгом выскакивали из ворот и бегали безумными кругами, хлопали, пытаясь сбить пламя с волос. Их встречали хохотом.

Пепел сыпал, как снег. Хлопья были величиной с ладонь. Джейн, моргая, смотрела, как они падают.

Характерная для тюремной архитектуры деталь — коротенький мостик перед воротами, на котором помещалась небольшая сторожевая башенка. Стража давно разбежалась, ворота

снесены, однако мостик по-прежнему соединял оставшуюся от них пустоту с улицей.

Мост казался черным на фоне пламени, а в невысокой башенке посредине резвились феи, пели песни и мочились в огонь. Они откровенно игнорировали опасность. Их поведение выходило за пределы безрассудного. Оно внушало ужас.

Внезапно плясуны на воротной башне подняли крик. Один указал на дальнюю от площади улицу.

На площадь маршем входили эльфийские воины в черных стеклянных шлемах.

Словно заранее заготовленные, у подножия стены появились туго растянутые за углы одеяла. Наблюдатели по одному прыгали вниз, подскакивали на одеялах и соскальзывали наземь.

Сделалось необычайно тихо.

Эльфийские воины выстроились вдоль одной из пяти сторон площади. Они стояли напряженными рядами с дубинками наголо и плексигласовыми щитами. У всех на туниках был изображен крылатый роньон.

Их командир восседал на хромированном боевом коне, отполированном до зеркального блеска так, что конь почти растворялся в окружающем пейзаже. Отражения толпы, воинов, горящих стен Длинных Курганов беззвучно проплывали по его прохладным поверхностям, выпячиваясь по мере продвижения скакуна вперед, а затем пропадая, когда он слегка отклонялся в сторону.

Пепел продолжал мягко падать.

Эльф-командир привстал на стременах и высоким чистым голосом выкрикнул:

— Чернь собралась вопреки обычаям Десятины. Ваше присутствие здесь незаконно. У вас есть две минуты, чтобы очистить площадь.

В ответ засвистели, но слабо. Толпа колебалась. По краям некоторые, менее стойкие твари начали ускользать прочь. Шагни сейчас эльфийские воины на толпу, они очистили бы площадь с минимумом усилий. Но их командир приказа не отдавал. На лице у него играла кровожадная улыбка.

Свист и глумливые выкрики сделались громче. Полетел булыжник, за ним бутылка, которая взорвалась. При этом звуке по толпе прокатилась рябь дурного предчувствия, которая пе-

ресекла площадь быстрее крика. Джейн охватила неудержимая дрожь. Толпа вокруг напряглась.

— О черт! — пробормотал гном рядом с подменышем.

Они и вправду собирались сделать это. Они на самом деле собирались выступить против эльфов.

Гном сгреб Джейн за локоть и указал куда-то пальцем. Головы повернулись. В боковой улочке появились новые воины. Затем в другой. Они блокировали выходы. Стала понятна причина, по которой их командир медлил. Ему нужна была запертая и неспособная разбежаться толпа.

— Если вы не разойдетесь, против вас может быть применена сила.

Эльфийский командир небрежно глянул на наручные часы.

Лицемерие происходящего укрепило решимость Джейн. Ее ненависть к высоким эльфам раскалилась добела. То есть они думают, что могут ее напугать? Не выйдет. Ей ведом страх, но она не трусиха.

«Я здесь стою и не сдвинусь отсюда ни на шаг», — решила она.

Воины с криком бросились вперед.

Стычка обернулась полной неразберихой.

Все толкались, вопили и изрыгали проклятия. Джейн не различала в происходящем никакой системы. Атака эльфов была незамысловатой, как волна, набегающая на берег. И толпа встретила ее так же смело, как скалы встречают море. За мгновение до того как воины достигли первых мятежников, командир поднял дубинку высоко в воздух и произнес слово силы.

Все уличные фонари лопнули. Площадь вмиг погрузилась в красноватый, подсвеченный только пламенем пожаров мрак.

Новые условия были на руку эльфам, тренированным для ночного боя и, по древнему благословению Богини, всегда сохраняющим ясное зрение, пока в небе висит последний серебряный осколок Госпожи Луны.

Взяв дубинки на изготовку, они приближались, и толпа прогнулась перед ними. Но солдатам так не терпелось пустить оружие в ход, что строй быстро распался на отдельные схватки, и преимущество сплошного натиска было утрачено.

Джейн задвинули сначала в одну сторону, потом в другую. Она смотрела, как дюжий рудный гном бросился на щит, и эль-

фийский воин рухнул на спину, вопя от боли в сломанной руке. Гном исчез в водовороте толпы. Затем толпа снова раздвинулась, и Джейн увидела, как трое эльфов избивают гнома дубинками. Дублет с него был сорван. Тело лежало на мостовой, окровавленное, полуобнаженное и несопротивляющееся. Голова свободно болталась на шее, дергаясь при каждом ударе. Гному сломали позвоночник. Джейн шагнула вперед. Она с ужасом поняла, что собирается помочь ему.

«Дура, дура, дура! — разозлилась она на себя саму. — Какого хрена я здесь торчу? Это бессмысленно. Гном мертв. Я ничего не могу для него сделать. Разворачивайся и беги, спасайся!»

Но продолжала идти словно лунатик.

Перед ней вырос воин: шлем потерян, красивые светлые волосы плещутся по лицу, озаренному светом битвы. Эльф занес над ее головой дубинку. И тут он неловко ступил на скользкий от вина камень, споткнулся и упал на одно колено.

В ту же секунду у него на спине оказался гоблин, запрокинул ему голову и прижал к лопаткам, кривые ноги клещами стиснули эльфа за пояс, узловатые руки крутанули вбок подбородок. Послышался резкий хруст. Эльф забился, и свет ушел из его лица. Дубинка со стуком покатилась по камням площади.

Джейн схватила ее.

Пепел падал все гуще. Еще немного, и нечем станет дышать. Запах горящего дерева, ткани и пластика от подожженных зданий проникал всюду: он жалил нос и прилипал к нёбу. Джейн понимала, что этот момент должен бы стать самым мрачным в ее жизни, но каким-то непостижимым образом это оказалось не так.

Ей было весело.

— Отойдите от меня! Отойдите-отойдите-отойдите!

Цельнометаллическая дубинка была с нее ростом, с короткой поперечиной на одном конце, чтобы лучше слушалась опытной руки в уличном бою. Необученная Джейн ухватилась за короткий конец и размахивала дубинкой, как огромным двуручным мечом. Пространство перед ней и вокруг расчистилось. Она снова могла дышать.

— Сволочи! — вопила она. — Элфьё ротозадое!

Послышался шум, похожий на вздох, затем еще и еще — звуки выделялись на фоне общего гвалта тихой нерешительностью. По булыжникам мостовой застучали газовые баллоны. Они взрывались, выпуская облака отравляющего газа.

Те, кто его вдыхал, падали, извергая рвоту. Мятежники боролись и царапали друг друга, пытаясь убраться оттуда. Но прежде чем воины сумели воспользоваться их замешательством, ушлые ребята, замотав мокрыми платками рты и носы, бросились вперед, схватили баллоны и швырнули их обратно в войска.

Дуновение ветра нежно перенесло одно облако в часть толпы, где стояла Джейн.

Она не могла дышать! Она ослепла! Кожа у нее горела! Она кашляла, икала и плакала. Из носа ее текло. По половине лица словно крапивой прошлись. Спотыкаясь, согнувшись пополам, она ощупью шарила выход.

И тут чудесным образом ее взяли за руку и увели прочь. Она почувствовала прохладный воздух у себя на лице. Ее моргающие глаза уловили размытое видение открытой дороги.

— Давай, — проворчал ее благодетель. — Скоро газу прибавится.

Когда они уже покинули площадь, Джейн чуть-чуть задержалась. Она уперлась и выдернула руку. Затем вытерла одним рукавом глаза, а другим — нос. Сквозь слезы она оглянулась на толпу.

Дым от сотен пожаров превратил небо в холст, а потом замазал его грязно-красным. Под этим мрачным пологом над телами павших сидели на корточках темные фигуры. Кто-то тырил бумажники. Кто-то нет. В некоторых она узнала заключенных, которых помогла освободить.

— Нам некогда любоваться видами, — настаивал ее спутник. — На подходе «зеленые плащи».

И правда, она расслышала мерную поступь свежих эльфийских сил. Провожатый подтолкнул ее, и они побежали прочь. Только тогда она смогла взглянуть на своего спасителя.

Это был Костяная Голова.

Когда они убедились, что нет погони, Джейн сбавила шаг и остановилась. Ей надо было как следует проблеваться. Костяная Голова поддерживал ее за плечи, пока Джейн извергала из себя пепел, скверну и гибельное безумие. Выпрямившись, она ощутила удивительную ясность в мозгах.

— Ну и драка, а? — сказал Костяная Голова.

Она взглянула на него.

— Я откусил одному из этих ублюдков палец. На нем было такое большое старое золотое кольцо, все покрытое крошечными изумрудами и рубинами и прочим дерьмом. Оно у меня здесь. — Он хвастливо похлопал по окровавленному карману рубашки. — Так что я извлек из сегодняшней заварушки кое-какую выгоду.

Костяная Голова оставался таким же пугающе уродливым, как и был. Но глаза изменились. Теперь они были зеленые с золотыми крапинками, как листья в начале лета. В них светился живой юмор, словно кто-то напялил маску Костяной Головы и выглядывал сквозь глазницы черепа.

— У тебя что-то к серьге пристало, — сказала Джейн.

— А?

Костяная Голова обернулся, всплеснув руками, когда Джейн схватила его за ухо. Слишком поздно. Ее пальцы сомкнулись на талисмане, свисавшем с мочки.

— Эй, поаккуратнее!

Она сорвала с него талисман. Тревожно вскрикнув, Костяная Голова задрожал и съежился. Форма и черты лица изменились полностью. Татуировки пропали, а с ними и выражение угрюмой тупости. Он перестал быть Костяной Головой.

И стал Паком Алеширом.

Джейн взглянула на талисман — янтарь, кость, сверхпроводящий диск, два перышка голубой сойки — и выбросила его прочь. Ерунда: она сама могла в любой момент сделать такой же, если бы захотела.

— Какого ляда ты здесь делаешь?

— Я искал тебя, ничего? Святая свинья, щиплется. — Пак поморщился. На нем болталось поношенное суконное пальто, которое ему было совсем не впору. — Слушай, я знаю, ты не просила меня ходить за тобой. Но раз все равно я здесь, может, уберешь это обалделое выражение и норадуешься. Нам надо отсюда сматываться. Они уже взялись за ножи и не собираются убирать их, когда вырвутся из лап эльфов.

Он схватил ее за руку и потащил прочь.

Поспешая следом, Джейн была вынуждена признать, что выглядит Пак героически. Глаза его пылали, подбородок был решительно выпячен. Ее сердце быстро смягчилось. Затем она опустила глаза. Что-то свисало у него из кармана, куда было торопливо и кое-как засунуто. Лоскут черной ткани. Трусики. Вид и фактура их казались знакомыми.

— Что это?

Она выхватила находку. Они оказались ношеные и нестираные. Она поднесла их к носу, понюхала.

Ее.

— Где ты это взял?

Пак смущенно потупился, но шага не сбавил.

— Я, гм, слил за них кое-что Билли Буке. Он говорил, ты как-то провела у него ночь и забыла их, когда одевалась утром.

— Ах этот Билли! — разъяренно прошипела Джейн. — Я его удавлю!

— Мы думали, ты не станешь особенно возражать.

— Ну, так я возражаю. Очень даже возражаю.

— Кстати, без них я бы тебя не нашел. Подобное стремится к подобному, верно? Таков закон морального разложения.

— Морального разложения?!

— Да ничего страшного. Билли понадобилась моя кожаная куртка, и он спросил, что может предложить мне взамен.

Он искоса взглянул на нее и впервые заметил жалкие отрепья, в которые она превратила его куртку.

— Эй! Как она к тебе попала?

Джейн покраснела.

Некоторое время они шли молча. Затем Пак произнес:

— Полагаю, мы оба совершили поступки, которыми не особенно гордимся. Теперь это неважно. Нам действительно надо убраться отсюда, прежде чем дело примет скверный оборот.

На дороге лежали тела.

Пак и Джейн двигались в кильватере одного из потоков толпы. Периодически они слышали ее рев впереди. Этот рев наводил страх, потому что на несколько кварталов вокруг им не встретилось никого живого. Только мертвые.

Трупы были в основном маленькие — беглецы находились в районе многоквартирных домов, и различные группки мятежников завернули сюда, чтобы немножко погромить гномов. Но попадались и лютины, и нискены, и козлоногие, хотя и в меньших количествах. Один труп просто загипнотизировал Джейн — фавн с ободранным наполовину лицом. Охотник за трофеями содрал плоть с нижней челюсти, оставив жуткую перевернутую ухмылку, пока что-то не отвлекло его от этой затеи. Единственный целый глаз фавна был широко открыт и приобрел снежно-

белый с голубым отливом оттенок. В целом выражение получилось властное, устрашающее и понимающее одновременно. Вглядываясь в фавна, Джейн обнаружила, что близка к постижению чего-то важного. «Ох, во что ты ввязалась! — говорило это лицо. — Если б ты только знала».

— Не стой, — сказал Пак. — Спятила?

Он потянул ее прочь.

Улицы изгибались и катились у них под ногами. Джейн пришлось схватить своего спутника за руку, чтобы не упасть.

— Куда мы? — спросила она.

— Ну, я припас местечко за помойкой на задворках Бельгарда. Но на поиски тебя ушла куча времени. Теперь туда не добраться. Старый Плесень принял бы нас, но его логово на той стороне реки. Я знаю гнездышко мимсей, которые дали бы мне убежище, но я-то мужчина, а тебя они не примут. Выбор у нас невелик. — Он не столько перебирал варианты, сколько оправдывал плохое решение.

— Куда? — настаивала она.

— Туда.

Повернув за угол, они оказались на улице, вроде бы не замеченные толпой. Впереди, под опорами цепного моста, виднелась кучка трущоб. Явно недалеко до верфей; Джейн чуяла запах реки. Все строения заброшены, а окна в них заколочены. Единственный уцелевший уличный фонарь давал ровно столько света, чтобы прочесть вывеску над тем, что некогда было рестораном:

«КУХНЯ СЕСТРИЧКИ МИННИ»

— Это салон иглоукалывания, — пояснил Пак. — Его держит Злобный Том. Но сегодня здесь не менее безопасно, чем в любом другом месте. Внутри одни обдолбанные торчки. Красть нечего. Жечь нечего. Пока Том отсутствует, с нами будет все в порядке. А его на месте нет. Он отправился искать меня. — Пак прищелкнул языком. — Последнее место, где он станет искать.

— Ты уверен?

— *Я не собирался и близко сюда подходить.* Он знает меня достаточно хорошо, чтобы понять это.

Небо разорвал вопль. На кратчайший миг черный вихрь крыльев обдал их ужасом и пропал, когда монстр поднялся

вверх и уселся на мосту. С растяжек с криками посыпались темные фигуры. Словно чайки из ночного кошмара, они дрались с первым за нечто, что он держал в клюве.

Двое летунов столкнулись, и добыча кувырком полетела вниз. Звук падения был тошнотворный — чавкающий, мясной. Джейн вскрикнула.

— Не смотри, — скомандовал Пак.

Но разумеется, она посмотрела. Это было безногое и безрукое тело гнома. Вещь далеко не самая страшная, увиденная ею за эту ночь, но почему-то она подействовала сильнее всего. Джейн словно влепили пощечину.

— Уведи меня внутрь! — взмолилась она.

Они поднялись на единственную осыпающуюся бетонную ступеньку. Пак открыл щелястую дверь, просунув проволочную петлю в дыру от несуществующей дверной ручки.

Дверь впустила их в царство роскоши.

Интерьер был изящен, как реклама парфюма. Полы представляли собой шахматную доску из сияющего мрамора. Стройные колонны из полудрагоценных камней поддерживали потолок такой высокий, что он терялся из виду. В воздухе порхали белоснежные совы, беспорядочно появляясь и исчезая. На стенах колыхались шелковые драпировки. Под ними возлежали на огромных подушках богоподобные юноши. Фоном мурлыкала электронная музыка.

На Джейн нахлынула волна головокружения. Она оперлась о порфировую колонну, чтобы не потерять равновесия. Кусочки высохшей краски затрещали под пальцами. Мраморный пол подавался под ногами и казался слегка губчатым.

— Это все мишура. — Пак позволил двери захлопнуться за их спинами. — Мы ловим центровые.

Один из золотых мечтателей томно подплыл к ним. Пак протянул монету, но мечтатель жестом отмел ее, улыбаясь всеми зубами сразу.

— Сегодня бесплатно. — Он обвел рукой ряд белых тарелок, в центре каждой из них красовалась то пирамидка порошка, то стопочка смоляных пластинок. — Берите, сколько хотите. Здесь хватит на всех, и только самое лучшее.

Джейн мимолетно ощутила зловонный дух разложения.

— За счет хозяина.

— Стало быть, Том ищет дешевые пути заплатить Десятину.

— Он сама щедрость, — согласился юноша.

— Вонючий сукин сын, вот он кто.

Пожав плечами с намеком на почтительный поклон, мечтатель вернулся к оставленному кальяну. Высоко над его головой забранное решеткой арочное окно позволяло увидеть июльский полдень, увитый цветущими лозами и наполненный пением птиц. Дуновение ветерка донесло его запах до Джейн, и у нее захватило дух. Это же сад ее матери! Она бы узнала этот запах среди миллиона других.

Пак взял лицо Джейн в свои ладони и силой заставил ее отвернуться.

— Ты же не хочешь подсесть, — сказал он. — Я знал одну девушку, которая зациклилась на этом саду. Она постоянно возвращалась, пытаясь найти туда дорогу. Она была как помешанная. Она просто не могла остановиться. Она была уверена, что где-то здесь должна прятаться дверь.

— И что с ней случилось?

— Ничего с ней не случилось. — Лицо у Пака было как камень. — Она где-то здесь.

Джейн передернуло.

— Я раньше правда никогда не видела ни одного наркомана. Это не так, как я себе представляла.

— Это дерьмо? Это не зелье. Просто повседневная пища для вен. Рекламное барахло. Здесь ничего не происходит, кроме снов и красивых картинок.

— А, — отозвалась Джейн, — ты, похоже, неплохо разбираешься в этом деле.

— Да, в юности совершал ошибки. — Пак натянуто оглянулся. — Интересно, есть ли здесь нормальное место, где мы могли бы присесть.

В дальнем конце помещения отдернулась занавеска на мавританской арке. Из нее шагнула фигура, закутанная в солнечный свет.

— Зубрилка! — Том исступленно улыбался. — Я ждал тебя.

Тут Джейн поняла, каково попасть в чужую историю посреди сюжета. Происходящее не имело для нее ни малейшего смысла. Задавать вопросы не представлялось возможным. Она понимала, что на ответ могут уйти годы. А она все равно не в том виде, чтобы воспринимать объяснения. Все казалось безнадежно несправедливым.

— Ты знаешь, где мой кабинет, — сказал Том. — У меня все готово и ждет тебя.

— Что такое? Что происходит?

— Я в свое время сделал несколько ошибок, — повторил Пак.

— Ой, не будь так строг к себе. — Злобный Том ухмыльнулся. — Все делают ошибки. Как иначе учиться?

— Но мне все-таки хотелось бы знать... — начала Джейн.

Пак развернулся к Тому и сгреб его за ворот рубашки.

— С ней ничего не должно случиться! Усек? — яростно прошипел он. — Вне зависимости от исхода она уйдет свободно!

— Она ничего мне не сделала. Почему я должен сделать что-то ей? И ты тут совершенно ни при чем.

Из Пака будто выпустили всю жизнь.

— Ага, ага.

Он отпустил рубашку Злобного Тома. Они миновали мавританскую арку.

С обратной стороны шелковая занавесь оказалась рваной вонючей тряпкой. Серый линолеум бугрился под ногами. Слабо освещенный коридор вел мимо комнат, которые и убогими-то назвать было стыдно. Двери отсутствовали, и Джейн различала тощих торчков, дремлющих на пропитанных мочой матрасах. На одной стене виднелась надпись от руки: «Позвольте почистить для вас ваши иглы».

Том проницательно глянул на Джейн.

— Вот это — зелье. Не то что дерьмо на витрине. Никаких иллюзий. Никаких мечтаний. Никакой лжи. Ничего, кроме голой истины.

Последнее замечание ненадолго вывело Пака из ступора.

— Что есть истина? — мрачно спросил он.

— Это-то мы и собираемся выяснить, не так ли?

В конце коридора оказалась настоящая дверь. Том открыл ее, за ней была комната, освещенная экранами пяти телевизоров, в беспорядке расставленных на полу, и еще одним на металлической картотечной тумбе. Ящики громко шипели и плевались. Экраны рябили сплошными помехам. Они всегда настроены на пустые каналы или просто сегодня не идет никаких передач?

Посредине стояли карточный стол и пара скрипучих стульев. На столе лежали два кожаных ремешка и наполненные шприцы. Пак сел на один из стульев. Глаза его были пусты.

Телевизоры хрустели и плевались.

Как отговорить кого-то от того, чего не понимаешь? Джейн стиснула Паку плечо и шепнула:

— Пожалуйста, не делай этого.

— У него нет выбора, барышня, — почти сочувственно сказал Том. — Все это было установлено задолго до вашего появления в кадре. — Он уселся напротив Пака. — Дуэль на баянах тебя устраивает?

Пак кивнул.

Они захлестнули ремни вокруг предплечий. Затем затянули их и начали сжимать и разжимать кулаки, чтобы накачать вены. Том предложил Паку выбрать шприц. Сам взял второй и разглядывал молочно-серую жидкость внутри.

— Ты смотришь на основу всей нашей цивилизации.

— Что? — переспросила Джейн.

— Поршень. — Он помахал шприцем в воздухе, как сигаретой. — Вот простейшая форма четырехтактного двигателя. Впуск. Сжатие. Запал. Выхлоп. Красиво.

— Хоть на этот раз... — угрюмо пробормотал Пак. — Хоть на этот гребаный распоследний раз я мог бы обойтись без твоей базарной философии?

Он со стуком поставил локоть на стол. Том хохотнул и сделал то же самое. Они сцепили большие пальцы.

— Готов?

— Давай покончим с этим.

Они подняли свободными руками шприцы и аккуратно приставили их к рукам друг друга. Иглы нацелились, замерли, надавили и наконец провалились внутрь.

— Пак...

— Нет, — сказал он. — Не говори ничего.

— Но я...

— Я не хочу этого слышать!!! Ладно? Я знаю, во что я хочу верить, и, ставлю сто к одному, это не то, что ты собираешься сказать.

Тому он бросил:

— Первый удар.

Плунжеры слегка оттянулись назад. В каждом стеклянном цилиндре развернулась и принялась извиваться кровавая змейка. Шум телевизоров стал оглушительным. Синюшный свет отбрасывал розовые тени на лица дуэлянтов, демонические бро-

ви над глазами, жесткие полумесяцы над подбородками. Их взгляды скрестились. Джейн стояла за пределом их замкнутого контура ненависти и желания, непричастная к этому.

Перед глазами у нее проскользнула тень.

Ласковая рука тронула ее за плечо.

— Пойдем, — сказал мальчик-тень. — Ты ничего не можешь для него сделать и знаешь это.

Мальчик-тень увел Джейн от застывшего стола. Они беспрепятственно прошли через фальшивую восточную роскошь к наружной двери и вышли на улицу.

Они двигались сквозь Город как зачарованные. Дважды они натыкались на осколки толпы, безумные и окровавленные, с трофеями, на которые Джейн старалась не смотреть. И оба раза мальчик-тень уводил ее невредимой. Казалось, пока он держит Джейн за руку, она такая же невидимка, как он.

Боковая дверь в Бельгард открылась от прикосновения маленькой руки. Они вызвали лифт, достаточно большой, чтобы вместить сотню пассажиров, и проехали на нем вдвоем до самого верха. Провожатый хотел отвести Джейн к ней в комнату, но она упросила его отправиться вместо этого в студенческую гостиную.

— Все будет в порядке, — уговаривал он ее. — Администрация уже убрала тела. Они в этом деле опытные.

— Нет.

Гостиная пустовала. Джейн повернулась спиной к окнам и оглядела диваны. Любой из них сгодится вместо кровати. Или она всегда может поспать на полу.

— Теперь мне пора. Если я не вернусь вовремя на завод, ну, ты понимаешь... — Мальчик-тень печально пожал плечами.

— Ага, точно, завод.

Джейн не отпустила его руку.

— Мне надо идти, — повторил он.

— Кто ты?

Мальчик-тень отвел глаза.

— Ты меня знаешь, — промямлил он.

— Что ты такое?

Он не ответил.

— Тогда, думаю, я тебе скажу.

— Нет, — шепнул он, — не надо.

Джейн собиралась сделать ужасную вещь. Но она была пьяна и на взводе, у нее все болело, ее ломало, и уже было на все плевать. Она обвила руками его тонкое несопротивляющееся тельце. Он был такой холодный и маленький. Она была потрясена открытием, насколько она выросла с тех пор, как покинула драконосборочный завод. Он потрясенно поднял взгляд, заглянул ей в глаза и задрожал. Джейн наклонила голову и шепнула ему на ухо собственное имя.

— Я делал все, что мог, — всхлипнул он.

— И я тоже. Этого было недостаточно, так ведь?

Его уже била судорога. Он не ответил.

— Если хочешь держать в плену гиппогрифа, подрежь ему маховые перья. Фавну надо подрезать сухожилие на одной ноге. А как покалечить смертного, не уменьшив его ценности как работника?

— Пожалуйста... не надо. — Мальчик-тень слабо заерзал в ее объятиях.

— Тсс.

Джейн приблизила свой рот к его рту. Протолкнула свой язык сквозь его податливые губы, чтобы они открылись. Затем всосала его язык к себе в рот. Она втягивала его в себя еще и еще. И продолжала сосать, пока от языка ничего не осталось.

Когда она подняла глаза, в комнату проник слабый свет. Всходило солнце.

Десятина кончилась.

ГЛАВА 19

К тому моменту когда Джейн отлепилась наконец от дивана, уже сильно перевалило за полдень. На ней по-прежнему было одето то же, что и вчера. Шмотки жутко воняли, но сама она пахла еще отвратительнее. Небо снаружи висело серое, а настроение было подавленное. Голова болела. В горле поселилась мерзкая сухость, живот крутило. В довершение всего Джейн мучилась похмельем.

Ей надо было в душ и переодеться. К этому часу тела Мартышки и Крысякиса из комнаты уже наверняка вынесли. На этот счет мальчик-тень был прав. Именно в подобных делах администрация была на высоте.

Она описала пару кругов головой, слушая, как хрустят позвонки. Затем ногтем честно соскребла налет с передних зубов.

Затем глянула на часы.

— Ой-ё!

В любую минуту могут вывесить списки.

Тело Сирин нашли на Плетневой улице у Каэр-Гвидиона. Кто-то сбросил ее с верхнего этажа. Согласно комментарию, отцам университета понадобилась ее стоматологическая карта, чтобы опознать тело.

Уведомления были вывешены на застекленных рекламных стендах в Новом регентском зале. Вместе с другими выжившими Джейн устремилась туда. Волосы еще не высохли — она провела под душем более получаса, — и голова пульсировала. Она внимательно просматривала списки, выискивая друзей и однокурсников. Это заняло время; для удобства чиновников имена печатали в порядке обнаружения.

Сирин
Мартышка
Крысякис

В этом переживании присутствовало медленное, почти эротическое чувство уединения. Джейн ползла по списку дюйм за дюймом, пристально вглядываясь в каждое имя. Вокруг нее другие занимались тем же самым. Никто не разговаривал. Не встречался глазами. Не пытался установить контакт.

Новый регентский зал представлял собой огромное пространство с цилиндрическим сводом и непрямым освещением через скрытые зенитные окна. Каштановые панели на стенах создавали иллюзию натуральности, словно Джейн — какое-то насекомое, ползающее внутри дуплистой сердцевины бревна. Но пустота доминировала. Рассыпавшиеся по залу студенты казались печально малочисленными. Университет обезлюдел.

Гном в костюме-тройке и василисковых туфлях нетерпеливо просматривал списки, переходя от окна к окну с бесцеремонной, какой-то коммерческой деловитостью. Это был — Джейн напрягла мозги — дружок Нант, который им повстречался в ту незапамятную ночь, когда они с Сирин впервые столкнулись с Гальяганте. Красный Гвалх — так, кажется, его звали. Она подумала, не стоит ли ей поздороваться. Но тут он разрыдался и, закрыв глаза рукой, отвернулся. Наверное, не стоит, решила она.

Нант
Чепухарь
Марта Разиня
Джимми Подпрыгни
Побежденный
Уксусный Дик

Большинство из упомянутых в списке имен ничего ей не говорили. Кого-то она знала смутно, по слухам и отзывам. На всем пространстве зала студенты торчали возле списков. У всех были опухшие глаза и пришибленный вид. Некоторые шевелили губами, пока читали. Время от времени кто-нибудь начинал всхлипывать. Кто-то вдруг разражался недоверчивым смехом. Никто не разговаривал. У каждого имелась своя история. И никто не собирался делиться ею с окружающими.

Зеленушка
Баргост Летняя Утка
Зуд
Котелок
Пак Алешир

Вот и оно. Сердце бухнуло разок, словно по нему ударили кирпичом. Затем ничего. Она вообще не испытывала никаких эмоций. Лишь ужасное серое ощущение, что она на самом деле должна что-то чувствовать.

Тут Джейн обнаружила, что ей нечем плакать. Она казалась себе чудовищем, но ничего не могла поделать. Щетинник рядом с ней многозначительно переступил с ноги на ногу, и она переместилась к следующему стенду. Машинально продолжила чтение. Пак никогда не столкнулся бы со Злобным Томом, если бы не пошел искать ее. Он пожертвовал ради нее своей жизнью. И умер, даже не зная, как она к нему относится. Непостижимо, что она не в состоянии горевать о нем.

Панч
Ламповая Сажа
Билли Бука
Шнырь

Джейн остановилась. Что это она только что прочла? Она вернулась вверх по списку и вновь отыскала строчку. Она уставилась на нее, не веря своим глазам.

Билли Бука мертв. Согласно комментарию, он возглавлял часть толпы — невозможно поверить! — во время нападения на гильдию биржевых маклеров, когда его настигла пуля «зеленого плаща». Звездочка и кинжал в конце абзаца означали, что, поскольку он погиб геройски, диплом ему выпишут посмертно.

Поскольку ей никогда даже в голову не приходило, что Билли может умереть, шок от обнаружения его имени в списке разморозил что-то внутри нее. Словно река, проламывающаяся сквозь земляную плотину, слезы хлынули и ошеломили ее. Они ручьями потекли по щекам.

Джейн запрокинула голову и заголосила.

Она плакала от чувства вины, оттого, как плохо обращалась со своими друзьями, и от горечи утраты. Она оплакивала бесконечный ужас бытия. Оплакивала Билли Буку и спрятанную

за ним более страшную потерю Пака. Но каким-то образом и Линнет-Коноплянка, и Сирин, и Мартышка тоже примешивались сюда. И мальчик-тень, хотя умом она понимала, что он лишь одна из ипостасей ее самой. Она рыдала по ним по всем: по студентам, которых знала и которых не знала, по всем жертвам Десятины, по всем детям этого опасного и враждебного мира.

Слезы прекратились так же быстро, как и хлынули, и Джейн почувствовала себя более опустошенной, чем когда-либо, и выжатой досуха, до полного отсутствия эмоций. «Я больше никогда не заплачу», — подумала она и почти мгновенно убедилась в обратном. Но этот новый поток слез, хоть и неистовый, тоже продолжался недолго. И после него она снова ощутила себя совершенно бесчувственной. Так и пройдет этот день, поняла Джейн, — то в обманчивом покое, то вне себя от горя. Но строго по очереди. В ней образовалась брешь, которую залатают лишь сон и время.

На плечо ей упала когтистая рука.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь, — сухо сказала профессор Немезида. — Заслуженно или нет, ты теперь одна из нашего ордена.

Джейн повернулась и впервые по-настоящему заглянула мимо отвратительных розовых складочек съежившейся плоти в глубины глаз своей наставницы. В них затаились подавленность и дружелюбный отголосок разделенной вины. Как ни отвратительно, часть ее откликнулась на это с сочувствием.

— Спасибо, — проговорила она.

Сегодня на профессоре были темные очки с такими толстыми голубыми линзами, что они казались почти фиолетовыми. Она подвинула их на клюве, и глаза скрылись полностью.

— У меня для тебя хорошие новости. Тебе восстановят финансовую помощь.

— Почему?

— Так традиционно делается после Десятины. На самом деле срабатывает чисто экономический механизм. С резким сокращением спроса на университетские ресурсы средств оказывается достаточно. Непродолжительное время деньги текут рекой. В твоем случае это, разумеется, мелочь. Формальность. Но в личном деле она будет выглядеть внушительно.

— Почему формальность?

Профессор Немезида запустила руку во внутренний карман и извлекла конверт, зажатый между двумя железными когтями.

— Мой счастливый долг как твоего научного руководителя сообщить тебе, что твое заявление о творческом отпуске подписано. — Она извлекла документ, проверила печати и медленно перечитала про себя. Затем кивнула, спрятала бумагу в конверт и сунула обратно в карман. — Обычно творческие отпуска не предоставляются студентам. Чтобы помочь в твоем деле, мы ввели промежуточную степень по промышленной алхимии и назначили тебя — по результатам успешного прохождения программы — на преподавательскую должность. На редкость необычная ситуация. — Клюв приподнялся: профессор улыбалась. Мрачно сверкнули очки. — К счастью для тебя, администрация насквозь коррумпирована. В противном случае никто бы подобного не потерпел.

— Я не подавала на отпуск.

— Тебе и не надо было. Фата Инколоре подала от твоего имени. Бумажные процедуры завершены. Нам требуется лишь твое согласие.

— А кто эта фата Инколоре?

— Большой друг, я так понимаю, лорда Гальяганте, который сам является привилегированным спонсором широкого спектра университетской деятельности.

— А-а, — кивнула Джейн. — Начинаю понимать.

— Зайди ко мне в кабинет на этой неделе, и разберемся с бумагами. Выплата жалованья, разумеется, приостанавливается, пока ты не начнешь реально преподавать. Но ты получишь пособие на жилье и небольшую сумму на покрытие мелких расходов.

— Ну, — проговорила Джейн, — полагаю, я должна считать этот день счастливым.

С помощью стаканчика водки и четверти грамма гашиша Джейн удалось наконец задремать. Она проспала без сновидений большую часть следующего дня, проснувшись только на закате. Быстро переоделась и покинула комнату, чтобы никогда уже в нее не возвращаться. Она не стала паковать вещи: можно в любой момент за ними послать, если позже захочется что-нибудь сохранить. Настало время крупно побеседовать с Меланхтоном. Кое-что надо прояснить раз и навсегда.

Дракон убрался из подвалов Бельгарда, видимо, во время Десятины. Джейн это знала, хотя не понимала, откуда это знание. Это было нечто глубинное, просачивающееся изнутри. И она знала, что ей надо просто идти куда глаза глядят, и бесцельное блуждание приведет ее прямиком к дракону. Он гнездился в слепом пятне ее подсознания. Она чувствовала его за спиной, ее мысли постоянно возвращались к нему с упрямством языка, бередящего больной зуб.

Он снова принадлежал ей, как прежде. Теперь она знала, что им никогда не освободиться друг от друга в этом мире.

Дракона она обнаружила в Термаганте, на четырнадцатом этаже. Это был очень уж респектабельный квартал, и она еще в лифте поймала на себе несколько странных взглядов. Но ее это волновало мало.

Ноги сами остановились посреди тихого и сверхъестественно чистого коридора. Бронзовая табличка на одной из дверей гласила: «7332». Дверь открылась легким касанием.

Большие комнаты, бежевые стены. Следящее освещение создавало осязаемые уплотнения света на сияющих полах из твердого дерева. Через арку виднелась кухня, весь разделочный блок и встроенные приспособления. Все было свежепокрашено. Мебель отсутствовала.

— Ау?

Ответило лишь тусклое эхо.

Джейн позволила двери защелкнуться у себя за спиной. Она шагнула вперед, в предполагаемую гостиную. По логике, почти столь же обширное пространство за ней наверняка являлось хозяйской спальней. Гостья прошла сквозь резные двустворчатые двери. Там-то она и обнаружила дракона.

Меланхтон ждал, молча и угрюмо, стена черного железа, простиравшаяся за контуры комнаты. Она сообразила, что он, должно быть, заполняет собой весь этаж и часть следующего. Одно обустройство пространства для него должно было стать ужасно разрушительным. Организовать ремонт и наведение лоска в окружающих его помещениях, не привлекая при этом внимания отцов Города к своему присутствию, — трюк, потребовавший даже от дракона напряжения всей его хитрости.

Кабина открывалась в комнату — металлический круг в самом центре стены. Джейн залезла по ступенькам и дернула вниз задрайку люка. Он распахнулся перед ней.

— Никаких игр, — сказала она.

Внутри царили тепло и приглушенное освещение. Пилотское кресло ждало ее.

— Никакой лжи, никакого вздора, никаких уловок.

Она уселась в кресло, как делала бесчисленное множество раз до этого.

— Я пришла заключить с тобой сделку. Если будешь выпендриваться, я уйду.

Панорамное зрение сомкнулось вокруг нее. Все было черно.

— У тебя только один шанс, — проговорила она в бесконечную бездну.

Никакого ответа.

Пальцы сомкнулись на рукоятках. Это был критический момент. Резиновые подушечки казались сухими и твердыми. Она судорожно повернула их. Иглы ужалили ей запястья.

Темнота вокруг усилилась, обретя глубину и фактуру, коих ей недоставало прежде. В остальном ничего не произошло. Джейн выжидала. Теперь она стала достаточно взрослой и понимала, что на самом деле Меланхтон подобным образом с ней общается. Его молчание было красноречивее любых слов. Оно говорило ей о слабости и силе, о ее беспомощности перед лицом его власти. Оно свидетельствовало, что их чувства друг к другу не изменились.

Булькнул жидкий фреон, перекачиваемый из одной части дракона в другую.

Джейн поерзала в кресле. Кабина казалась до невозможности тесной. И запах железа повсюду. Она вздохнула, почесала плечо подбородком, и в панорамном обзоре вспыхнула световая искра. Она была бледной, как светлячок, и маленькой, как пылинка.

Звезда.

Без фанфар появилась вторая звезда, а затем четвертая, еще и еще, пока тьму не заполнили миллиарды солнц, сложенных в галактики и туманности, а эти узоры вплетались в еще более крупные структуры. Джейн, казалось, стояла где-то в стороне от Творения, бесстрастно наблюдая, как все ужимается до небытия. Или словно уносилась прочь от всего сущего на невообразимой скорости, и скорость эта все возрастала. Пока наконец и звезды, и сопутствующие им миры не растворились в единой конструкции, форму которой она была в состоянии охватить сознанием.

И тут Джейн узрела Вселенную целиком, все пространство и время, стянутые совокупностью сил притяжения в твердое тело в форме седла. Меланхтон прокрутил изображение по еще более высоким измерениям, так что Вселенная выворачивалась наизнанку, поглощая себя самое, вырастая в сложности от седла до девятимерной бабочки и наконец преобразовавшись в n-мерный зиккурат. Это была совокупность тщеты, ибо, кроме зиккурата, не было ничего. Он не имел ни наружного вида, ни чего-либо вовне. Внутри он не пустовал, но «снаружи» его не существовало и не могло существовать.

Завороженно наблюдая за лучезарными инволюциями, Джейн осознала, что перед ней разворачивается совершенная и точная модель ее жизни: она была заперта в нисходящем спиральном лабиринте, постоянно попадая в знакомые места, где никогда прежде не бывала, все время возвращаясь к дилеммам, приближение которых, оглядываясь назад, должна была предвидеть. Джейн скользила по сужающимся кругам, ее постоянно загоняли во все более жесткие рамки, и наконец однажды, свернув за последний угол, она окажется в конечном пункте инерции, где нет ни выбора, ни направления, ни будущего, ни выхода.

Ей стало ясно, как тщательно, как безжалостно она заперта в ловушку. Все испробованное — обман, сочувствие, бездействие, терпение, жестокость — неизбежно вело к поражению. Просто потому, что так устроен этот мир. Потому, что вся колода изначально меченая.

Звезды слились в единую плотность. Вселенная полыхала в глазах подменыша, словно чудовищная белая ракушка. Она не впервые глядела на эту фигуру. С тошнотворным спазмом откровения Джейн узнала ее и дала ей имя.

Она смотрела на Спиральный замок и впадала в отчаяние.

Меланхтон, судя по всему, только того и ждал, потому что теперь он соизволил прервать молчание.

— В Рифейских горах, — неожиданно мягким голосом заговорил он, — до сих пор водятся дикие тролли, их примитивные племена защищены от воздействия современной культуры, а принадлежащие им территории сохраняются как обширные заповедники. Это грубые существа, ведущие простую жизнь. Самцы являются воплощением свирепости, но восхитительный во всех прочих отношениях характер самок разбавлен не-

объяснимой любовью к красоте. Зная об этой слабости, охотники раскладывают вдоль горных троп лунные камни. Проходит день, неделя, и вот мимо топает ни о чем не подозревающая троллиха. Она замечает мерцание в пыли. Она останавливается. Она захвачена тонкими переливами цвета. Она хочет отвести взгляд, но не может. Ей отчаянно хочется схватить безделушку, но она боится приближаться к ней. Часы идут, и сила ее уменьшается. Она падает на колени перед лунным камнем. Она беспомощна, не способна отвести взгляд, даже когда слышит приближающиеся шаги охотников. От простого убийства этот спорт отличает тот факт, что существуют две внешне неразличимые породы троллей. Представительница одной породы умрет с прикованными к лунному камню взглядом. Но во второй любовь к красоте будет побеждена силой ненависти. Эта троллиха собственными пальцами вырвет себе глаза, лишь бы освободиться от тирании камня. Даже слепая, она могла бы удрать в лишенные света родные пещеры. Но она поступает иначе. Она неподвижно сидит на корточках, сколько потребуется, хоть несколько дней, поджидая того, кто поставил ловушку. Она сидит со знанием, что погибнет. И с решимостью забрать с собой по крайней мере одного из охотников. Вот почему никогда не следует приближаться к пойманной троллихе в одиночку, но всегда в компании друга. Друга, который не предполагает, что он немного медлительнее тебя самого.

Дракон надолго умолк. В кабине было зябко: вентиляция работала на слишком большую мощность.

— Пришло время выбирать, — наконец произнес он яростно, — к какой породе троллей ты принадлежишь?

— Ты правда можешь убить Богиню? — спросила Джейн.

— Ты глупый кусок мяса! Ты до сих пор не поняла? Нет никакой Богини!!!

— Нет! — крикнула Джейн. — Ты сам говорил...

— Я солгал, — отозвался дракон с пугающим самодовольством. — Все, с кем ты когда-либо имела дело, лгали тебе. Жизнь существует, и все живущие рождены страдать. Лучшие мгновения мимолетны и покупаются ценой изощренных мук. Все привязанности обрываются. Все любимые умирают. Всему, что ты ценишь, приходит конец. В таком прискорбном существовании смех — безумие, а радость — глупость. Должны ли мы принять, что все это происходит просто так, без всякой причины?

Что некого винить, кроме нас самих, но принимать ответственность на себя бессмысленно, поскольку это не облегчит, не отсрочит и не притупит боли? Ничего подобного! Гораздо удобнее воздвигнуть соломенное чучело и все свалить на него. Одни преклоняются перед Богиней, другие проклинают ее поименно. Между этими двумя подходами нет ни малейшей разницы. Они цепляются за вымышленную фигуру Богини, потому что признать альтернативу невыносимо.

— Тогда что... почему... зачем я тебе нужна?

По лицу Джейн, к ее смятению, струились слезы.

«О, как Меланхтон, должно быть, наслаждается этим, — думала она. — Какое удовлетворение это должно ему доставлять».

— Ты играл со мной, давал обещания, пускался в черт знает какие махинации, чтобы привести меня сюда. Зачем? В чем смысл?

— Я хочу, чтобы ты помогла мне сокрушить Вселенную.

Джейн издала короткий горький смешок. Но Меланхтон не отозвался и никаким иным способом не выразил своего неудовольствия. По хребту пополз леденящий холод. Дракон говорил серьезно.

Она еле слышно спросила:

— Ты правда можешь это сделать?

Пылающее в темноте изображение морской раковины заслонила схема Спирального замка, линии головокружительно ныряли одна в другую, закладывая безумные виражи, всегда возвращаясь, чтобы сойтись в центральной точке.

— Вселенная построена на нестабильности. На точечном источнике слабости в начале времен, когда родилась материя. Одно-единственное трепетное мгновение, от которого исходит все остальное. Ребенок с рогаткой мог бы сбить эту точку. И именно на оси этого момента построена вся система. Потревожь его — и все рухнет.

Это выходило за пределы вообразимого, однако подключенная к драконьим сетям Джейн не могла сомневаться в его искренности.

— Что будет потом?

В железных глубинах включился двигатель. Кресло задрожало.

— Ты задаешь вопрос, на который нельзя ответить, не зная природы изначального хаоса, из которого восстало бытие. Мо-

жет, Спиральный замок — это нечто вроде кристалла: разобьешь — и он погибнет навеки? Я предпочитаю верить именно в это. Или он как стоячий пруд, чью зеркальную поверхность можно взбаламутить, но которая неизбежно восстанавливается, когда стихают волны? Можешь верить в это, если хочешь. Можешь даже верить — почему нет? — что восстановленная Вселенная окажется лучше прежней. Мне, если я сумею отомстить, без разницы, что будет потом.

— А мы?

— Мы погибнем. — Непроизвольное повышение тона и едва заметное ускорение модуляций сказало Джейн, что она коснулась какого-то нечистого голода, родственного — но менее пристойного — жажде битвы. — Мы погибнем без всякой надежды на возрождение. Ты, я и все, кого мы знаем, прекратят свое существование. Миры, давшие нам жизнь, существа, сформировавшие нас, — все будут уничтожены. Их уничтожение будет настолько исчерпывающим, что даже их прошлое умрет вместе с ними. Мы взыскуем небытия, которое лежит за пределами смерти. Хотя пустынные века протянутся в бесконечность и даже дальше, некому будет помнить о нас, некому скорбеть. Наши радости, печали, битвы станут никогда не существовавшими. И если даже появится новая Вселенная, она ничего не будет знать о нас.

Нигилистическое видение дракона было столь всеобъемлющим, что поначалу Джейн утратила дар речи. Оно унизило ее, заставило почувствовать себя смехотворно мелкой, словно писк комара в опере. Медленно и постепенно Меланхтон отключил свои внешние чувства, оставив ее парить в бездне с забитыми тишиной ушами, ослепшими глазами, стиснутой параличом гортанью. Остался только голос дракона и, когда он умолк, отзвуки его голоса в тишине.

Далее — ничего.

— Ладно. — Джейн глубоко вздохнула. Она чувствовала себя холодной и твердой как камень. — Хорошо. Только при условии, что мы понимаем друг друга.

ГЛАВА 20

Два гнома, черный и красный, мрачно боролись на балконе. Тела их были скользкими от пота, а ножи блестели в свете прожекторов. Ступнями они взбивали облачка опилок, которыми посыпали плиты, чтобы впитывать кровь. Оба были обнажены.

Джейн наблюдала из сада, разбитого на крыше дома, поставив на перила бокал.

Гномы по-скорпионьи опасливо кружили один возле другого, высматривая брешь в обороне противника. Внезапно один оступился и упал. Это была невероятная оплошность для бойца его уровня. Второй сделал обманный выпад, будто хотел воспользоваться промахом соперника. Но когда первый провернулся на руке и выбросил ноги, чтобы сбить противника с ног, тот оказался уже недосягаем. Второй гном с воплем прыгнул. Первый сумел парировать его удар только ценой пальца. К счастью, не на рабочей руке.

Завсегдатаи вечеринок оккупировали балкон. Джейн не единственная наблюдала за поединком сверху, но у перил народу было немного. Все серьезные болельщики стремились подобраться почти вплотную, чтобы слышать рычание поединщиков, подойти достаточно близко, чтобы чуять их ярость и страх.

Отвратительный спорт. Джейн в принципе не могла понять его притягательности. Но зрители... она покусывала губу. Она обещала Меланхтону топливо; годится почти каждый из них. Кого бы выбрать?

Она потянулась за своим бокалом, когда крохотные волоски в основании шеи, на тыльной стороне рук и на внутренней стороне бедер зашевелились и поднялись торчком. Сродни электрическому потрескиванию, когда вдруг осознаешь, что вверх по ноге лезет тысяченожка. Приближался Гальяганте.

Джейн выждала, пока он подошел едва не вплотную, затем обернулась, как учили ее тренеры по флирту: губы приоткрыты и в то же время одна бровь едва заметно приподнята, а глаза расширены — выражение, которое кажется и чуть насмешливым, и вместе с тем вызывающим. В целом такое лицо говорило: «Посмотрим, что тут у нас».

На Гальяганте это не произвело впечатления.

— Тебе следует вращаться в обществе.

Берега искусственного ручейка усеивали факелы. С пылающими за спиной огнями он напоминал своих диких предков, привет из тех времен, когда его племя нельзя было призвать, не заплатив кровью в той или иной форме. Джейн откинулась на перила, изобразив безразличие.

Никогда не извиняйся. Это было первое, чему ее научили.

— Я вращаюсь. — Она подняла бокал и взглянула на него поверх края. — Вращаюсь и щеголяю костюмом. — Повернувшись, она села и положила ногу в высоком сапоге на перила, так, чтобы продемонстрировать черные кожаные шортики. — И, могу добавить — мы оба пользовались немалой популярностью.

Она наклонилась вперед, дабы ее жакет на молнии открыл воистину потрясающее декольте, являвшееся по большей части заслугой покроя: бюстье поднимало и стискивало груди так плотно, что, по ощущению хозяйки, они словно были выложены на полку.

— Вам нравится, что сделали с моей ложкой? — Она дразняще покачала талисман на цепочке.

Гальяганте взял ложку и рассмотрел ее с обеих сторон. Ручка была закручена мастерами-гномами в замысловатую спираль, дабы сделать ее аллегорическое значение более очевидным. На расплющенной головке красовалось рельефное изображение Богини: на аверсе сплошные сиськи и целлюлит, на реверсе — необъятные зад и тайна.

— Ты выглядишь карикатурно. — Он позволил ложке упасть обратно. — Это недостаточно хорошо.

— Я продавала бы себя с большим успехом, будь мне точно известно, в каком качестве вы собираетесь меня преподнести.

— Ты пока в стадии разработки. Конкретные детали не имеют значения.

— Но...

— Если ты не получишься, — сказал Гальяганте, — я отправлю тебя туда, откуда ты появилась. — Ударение на последних пяти словах было слишком явным, чтобы оказаться непреднамеренным. Он щелкнул пальцами и бросил через плечо: — Проводите ее. Проследите, пусть переходит от одной группы к другой.

И, словно закутавшаяся в туман гора, он избавил ее от своего присутствия.

— Фата Джаене, — произнес кто-то почтительным тоном.

Для слуг подбородок должен быть вздернут отчужденно, но не надменно. Слуги, гномы и кредиторы не бывают настолько важны, чтобы относиться к ним пренебрежительно. Встречайте их взгляд твердо. Отводите глаза прежде, чем закончите говорить. Не обращайтесь с ними по-дружески, если только у вас нет причин заставлять их смущенно сгорать от стыда.

Джейн обернулась, и у нее отвисла челюсть.

— Хорек Феррет!

— Мадам помнит меня. — Седой фей сдержанно улыбнулся и склонил голову. С закрытым ртом и опущенными глазами он выглядел совсем не опасным. — Я польщен.

Джейн столкнулась с ним лишь однажды, когда Феррет поймал ее на попытке магазинного воровства. Она помнила Хорька достаточно живо, и факт его сегодняшнего присутствия потревожил Джейн.

— Что вы здесь делаете?

— Лорд Гальяганте наводил о вас справки. В процессе чего обнаружил меня. Гальяганте нравятся умные вещи. Он предложил мне место на условиях, от которых я не мог отказаться. И вот я здесь. — Хорек предложил ей руку. — Вы знакомы с фатой Инколоре?

— Еще нет. Она возлюбленная Гальяганте, не так ли?

— Намного больше.

Дружелюбно болтая, он увлек ее в середину сада.

Фата Инколоре стояла у мелкого пруда, подсвеченного через окно на дне. Она оживленно беседовала с тремя тегами-интеллектуалами. Темные рыбы проносились над танцорами, мерцающими в зале уровнем ниже. Преломляемый водой свет подчеркивал ее отталкивающую модную бледность. Наряд фаты Инколоре заставил Джейн и вправду почувствовать себя какой-то карикатурой.

— В голубом — фата Жюиссанте, — прошептал ей на ухо Феррет, — первый кандидат на пост сенатора от Движения Левой Руки на ближайших выборах и еще более вероятный кандидат на замещение фаты Инколоре в привязанностях Гальянте. Скоро ей предстоит выбор. Или одно, или другое — всего сразу не получить. Рядом с фатой Жюиссанте — лорд Корво. Корво — типичнейший представитель своего класса, чопорный, но скорый на гнев, стоит навлечь на себя его неудовольствие. Смейтесь *всем* его шуткам. Тощий в малиновом и шляпе с перьями — парвеню. Его игнорируйте.

Он выпустил руку Джейн и исчез.

Она приблизилась к группе. Все были увлечены спором, поэтому ее не заметили.

— Но, безусловно, фата Инколоре...

— Пыточные эксперименты над химерами, согласитесь, доказали...

— Невозможно, чтобы...

Фата Инколоре нетерпеливо затрясла головой.

— Все пытаются проводить аналогии между двумя мирами. Они — низший мир, а мы — высший. Мы — лодка, а они — якорь. Они — реальность, мы — мечта. Смешно. Миры являются просто двумя различными уровнями физического бытия. Наш существует за счет энергий более высокого порядка, нежели любые, имеющиеся в их мире. У них — то же самое, только с обратным знаком. Разделение абсолютное. Ничто из нашего мира не в состоянии существовать у них, и ничто из их мира — в нашем. Если вы сунете руку в нижний мир, ее разорвет с ужасающей яростью и каждый ее атом мгновенно превратится в энергию. Пройти Вратами Снов можно, да, но нельзя что-либо перенести из мира в мир.

— Но торговля детьми продолжается, — высказалась фата Жюиссанте. Лицо парвеню при этом осветилось внезапной самодовольной ухмылкой человека, упивающегося случайно высказанной непристойностью. — Для человека, отрицающего связи между мирами, вы делаете слишком уж стремительную прибыль на подменышах.

На пухлых, словно пчелой ужаленных, губах фаты Инколоре расцвела ярость. Брови взлетели, словно черное пламя. Но гнев, плясавший под ними, переплетался с весельем. Словно у хищника, который обнаружил, что загнан в угол врагом, которого совсем не уважает.

— В конечном итоге между мирами не существует физического обмена, и только это имеет значение. Подменыши — случай особый. Исключение, если хотите, которое... — Она подняла глаза. — А, новая игрушка нашего хозяина.

Все взгляды обратились на Джейн.

— Ой, пожалуйста. — Джейн скроила уязвленное лицо, хотя больше всего ее интересовала только что прерванная беседа. — Не игрушка. Скорее, помещение капитала.

— В чем же разница?

Парвеню обращался не к ней, но к ее сиськам, ее сапогам и мешанине цепочек, замочков и ключиков, которые, позванивая, болтались у Джейн на поясе.

Искоса взглянув на фату Жюиссанте, Джейн сказала:

— В моем случае это означает, что я могу рассчитывать, что Гальяганте серьезно подумает, прежде чем отделаться от меня.

Фата Инколоре фыркнула, а ее соперница слегка покраснела. Корво сурово откашлялся и шагнул между ними.

— Скажи мне, — обратился он к Джейн, и его серое лицо собралось в не внушающую доверия улыбку, — то, что рассказывают, правда? Про тебя и Гальяганте.

— Он поймал меня в своем буфете с охапкой серебра, — признала Джейн. — Не в таком наряде, разумеется, — это просто фантазия на тему. Но я была профессиональным вором, да. Так мы с Гальяганте и узнали о существовании друг друга.

— Я так понял, Гальяганте пишет сценарий для телевидения на основе твоих подвигов.

— Сериал, я слышал, — вставил парвеню.

— Полагаю, на самом деле Гальяганте подумывает дать мне адреса нескольких своих друзей, а затем поделить добычу.

Парвеню хохотал так, что с него упала шляпа. Даже Джейн пришлось отвернуться.

Между веселящимися гостями скользили официанты и кабальные дети, одетые для такого случая в фантастические костюмы — платья из цветочных лепестков, курточки из шмелиного меха, шали из лисьего винограда и желудевые колпачки. Некоторые носили на плече пушистые белые одуванчики. Другие держали грибы размерами с зонтик. Кто-то был занят обслуживанием гостей, остальные выполняли чисто декоративную задачу: прыгали и кружились в гротескном изображении детской игры. Лица у большинства были мрачны, словно у проводников душ в загробном мире.

Подошли девочка в юбке из лепестков ромашки и мальчик в трико с колючками, дублете и шапочке в виде головки чертополоха и принесли серебряное блюдо, на котором лежала освежеванная конская голова.

Фата Инколоре жестом велела поднести голову ей. Ножом и ложкой она ловко выковыряла глаза. Один положила на маленькую белую тарелочку.

— Это тебе.

Другой глаз она взяла двумя пальцами и отправила в рот. Щека вздулась бугром. Джейн с ужасом смотрела, как она его жует. Затем глянула на тарелку у себя в руке. Жуткий глаз безучастно смотрел вверх. Он невольно напомнил ей драконью басню про троллей и лунные камни-приманки. Она чувствовала себя в ловушке, будучи не в силах отвести взгляд.

— Позвольте мне.

Корво достал нож и с невероятной серьезностью стал нарезать глаз ломтиками. На тарелку хлынула стекловидная жидкость. Он наколол кружочек на кончик ножа.

— Как и ко многим другим деликатесам, вкус к этому вырабатывается постепенно. — Он наставил на нее нож. — Открой.

Джейн начала было качать головой, но, увидев выражение лица Корво, быстро передумала. Она открыла рот. Он положил туда кусочек.

— Неплохо, а?

Он был именно таким холодным и резиновым, каким она его себе представляла. Однако она не ожидала, что он окажется так остро приправлен. На глазах у нее выступили слезы.

— Чудесно, — выдохнула она.

— Значит, тебя восхищает, когда тебе кладут в рот новые вещи.

У парвеню был вид человека, довольного собственным остроумием. Обе дамы от него явно устали.

— Безусловно, не понимаю, что вы имеете в виду, — холодно произнесла Джейн.

— Несомненно, понимаешь.

— Извините. — Фата Жюиссанте оттерла этого надоеду в сторону. — Вот как это делается.

Она сняла перчатку и едва коснулась прохладной подушечкой пальца внутренней стороны запястья Джейн. По жилам

хлынула жаркая вспышка желания, и Джейн шарахнулась, как лошадь от автомобиля. Живот напрягся, соски встали торчком. Неотрывно глядя в лицо эльфийской леди, она чувствовала себя открытой и уязвимой, и это ей совершенно не нравилось. Но против такого она была беспомощна. Пожелай эльфийка, она могла хоть сейчас отвести подменыша к себе в будуар. И все присутствующие это понимали.

— Хорошо, — выпалила Джейн. Не поднимая рук, она согнула пальцы, словно уличный боец, подманивающий фату поближе. — Раз тебе так хочется — давай. Прямо здесь, прямо сейчас. На полу. На глазах у твоих друзей.

Жюиссанте ощетинилась.

Долгое мгновение никто не шевелился. Затем фата Инколоре рассмеялась — и чары рассеялись.

— Теперь вы квиты, — сказала она. И продолжила не без приязни: — Но не пытайся лезть в политику, малышка. Это опасная игра, которая сломает тебя, если ты будешь недостаточно осмотрительна.

Она повернулась спиной. Группка слегка сместилась, и Джейн внезапно обнаружила, что стоит вне ее. Как и парвеню на противоположной стороне.

Она попыталась уйти, чтобы он не видел.

Парвеню поторопился догнать ее и подстроиться под ее шаг.

— Я пария, — горько сказал он. — Видела, как две эти фифы обращаются со мной?

— Говоря грубо и честно, — ответила Джейн, — нет.

— Это было прямое оскорбление! Эта сука Жюиссанте оборвала меня, когда я говорил. Она отодвинула меня — меня! — словно я никто. — Более доверительным тоном он обратился к ее грудям: — Мой род старинный, каким бы новым ни было наше богатство. Не слушай тех, кто утверждает, будто наша родословная вымышленная. Имя почти восстановлено, и меч наших предков откован вновь.

— Послушай, — сказала Джейн, — что именно я должна сделать, чтоб избавиться от тебя?

— Ну зачем ты так, не надо. — Ухмыляясь, он сорвал шляпу в вычурном, пародийном поклоне. — Дражайшая фата Джаене, я ваш паж, ваш сгорающий от любви обожатель, ваш верный раб.

— Милостивый государь. — На пути у них материализовался Феррет Хорек и поклонился обоим. — Не уверен, что имел удовольствие?..

Парвеню изумленно выпучил на него глаза.

— Аполлидон, — произнес он наконец.

— Очарован. — Феррет взял Джейн под руку. — Уверен, вы нас извините.

Лестница грациозно изгибалась из ночи в свет. Они спускались. С высоты высокое собрание казалось завихрениями цветочных лепестков на текучей воде. Скользя с уверенной легкостью, кутилы ненадолго соединялись в группки, медленно вращались, а затем кружение разносило их в стороны под еле уловимыми дуновениями ветра.

Вверх по ступеням спешил маленький водяной с подносом напитков. Джейн иссякла. Феррет взял у нее из руки бокал, выбросил его и подхватил пузырящуюся замену с подноса.

Ни капли алкоголя не коснулось губ Джейн в тот вечер. Такое количество высоких эльфов, собранных в одном месте, заставляло самый воздух головокружительно искриться от их волшебного присутствия. Она и так будто плавала в шампанском. И лопнула бы от единственного глотка.

— Ты, между прочим, прекрасно справилась, — заметил Хорек.

— Меня унижали.

— Этого следовало ожидать, когда состязаешься в остроумии с тремя небожителями. Тем не менее ты развлекла обеих дам и заставила Корво защищаться, хотя бы символически. Они являются потенциальными инвесторами, и тебе удалось привлечь их интерес.

— Сомневаюсь, чтобы Жюиссанте особенно веселилась.

— Определенно веселилась. В своем роде. — Сменив тему, Феррет поинтересовался: — Тебя уже представили Ракете?

— Нет.

— Восхитительный парень. Не обманывайся его именем — он не леший-полукровка. Он благородного происхождения, единокровный брат самой фаты Инколоре. Не будь он бастардом и метисом, мог бы рассчитывать на великий почет в Доме Инколоре. С ним стоит считаться.

— Как получилось, что у фаты Инколоре есть брат-метис?

— Он пилот дракона. — Феррет понизил голос. — Богатство Дома Инколоре базируется на торговле, ну, ты понимаешь, и имеется... наследственная слабость в этом направлении.

Они как шелк скользили сквозь толпу, провожатый нашептывал ей то имя, то титул, но в основном отметал гостей, как не представляющих для нее интереса.

Наконец он произнес:

— А вот и Ракета.

Пилот дракона был в парадной синей форме и стоял к ним спиной. Он непринужденно беседовал с троицей низших эльфов. Со спины он выглядел довольно привлекательно. Джейн покорил его рост, ягодицы, ширина плеч. Может, и он, подумалось ей. Да, он прекрасно подойдет.

Уловив едва заметное изменение в атмосфере, Ракета повернулся.

Взгляды их встретились. Глаза у него оказались зелено-серого переменчивого цвета гиперборейских морей. Умные, озорные глаза, не предвещавшие ничего, кроме неприятностей. Она знала его. Они никогда прежде не встречались, но все же он был знаком ей, как содержимое ее собственной сумочки.

Это снова был Пак, снова Питер, снова Задира. Внешность иная, на первый взгляд: волосы короче и более послушные, чем у любого из них, нос тоньше, черты правильнее. Он был выше и осанистее и отличался военной выправкой. Но внутри это был он, и никто другой. Он пылал в ее глазах, словно неоновая реклама. Она узнала бы его где угодно.

«Спокойно, не подавай виду».

Побежденного гнома несли сквозь толпу гостей на том же серебряном блюде, на котором раньше лежала освежеванная конская голова. Шестеро детей с трудом тащили его. Вокруг них теснились празднующие, стремясь обмакнуть побег остролиста в кровь побежденного — на счастье.

Со странной улыбкой на губах Ракета нерешительно шагнул в ее сторону.

— Исчезни, — приказала Джейн Феррету.

Тот от удивления коротко присвистнул, блеснув зубами, и вот Джейн уже проталкивается сквозь веселящуюся толпу, через жаркую давку тел на балкон, наружу.

Воздух был прохладен и свеж, от этого у нее в голове настала замечательная ясность. Два гнома в ливреях Гальяганте заканчивали уборку, подметая и вываливая последние совки опилок за перила. Они подхватили веники, коротко поклонились и ушли.

Джейн засмотрелась на громаду Великого Серого Города. Здания выглядели черными и таинственными, их огни казались посланием, которое невозможно было расшифровать, посланием на языке, которого Джейн никогда не знала. Она поставила было свой бокал на перила, затем импульсивно швырнула за ограждение. Кувыркаясь и мерцая, словно падающая звезда, он полетел вниз.

На балкон, как она то ли боялась, то ли надеялась, вышел Ракета.

— Кто ты? — спросил он. — Я тебя знаю. Но откуда?

Она наградила его насмешливым взглядом.

— Наверное, вам довелось слишком много выпить.

— Я знаю тебя, — настаивал он. — Твоя и моя судьба каким-то образом связаны. Если не в этой жизни, то в какой-то другой.

— Ваши предчувствия и фантазии ничего для меня не значат, сэр. Спокойной ночи.

— Я пилот дракона. Каждый день я имею дело с машинами, которые выжрали бы мою душу изнутри, дай я им такой шанс. Уверяю вас, мэм, я не подвержен пустым фантазиям.

— Ах! — Джейн не осталась глухой к хвастливости этого заявления. Управление драконами такое мужское занятие! Зажимать эти огромные черные железные машины между ногами, и — полный вперед. У девок точно соки потекут из всех дыр. — Вы один из тех господ, что зарабатывают на жизнь порабощением детей?

Ракета вспыхнул.

— Моя работа включает большее, чем собирать урожай подменышей, — возразил он.

— Правда? — Джейн чувствовала себя легкой как воздух, бессовестной, аморальной. — Мне казалось, этого было бы вполне достаточно.

Выражение его лица сделалось натянутым, но Ракета ухитрился выдавить вежливую улыбку и отвесил извиняющийся поклон.

— Кажется, мы как-то неудачно начали. Если вы даруете мне привилегию начать сначала... Меня зовут Ракета. Я был бы счастлив иметь удовольствие общаться с вами.

— Вы совсем безмозглый? — Это было дивное развлечение. — Вас отвергли, сэр.

Драконий пилот дернулся, словно движимый каким-то неуправляемым чувством. Казалось, он должен либо немедленно уйти, либо ударить ее. Джейн смотрела на него спокойно, ощущая нездоровое возбуждение, непреодолимое дурацкое желание увидеть, как далеко она может зайти в своих провокациях. И тут, сдавленно вскрикнув, он шагнул вперед и схватил Джейн за подбородок. Он грубо повернул ее голову туда и обратно.

— Святый волче, да ты подменыш!

Джейн вырвалась.

— Значит, вот как вы обычно обращаетесь с дамами? Спокойной *ночи,* сэр.

— Я семнадцать раз был за Вратами Снов. Здесь я не могу ошибиться.

— И что именно вы намерены предпринять в связи с этим? — вопросила Джейн. — Отправите меня к госпитальерам? Я достаточно взрослая, чтобы начать скрещиваться, не так ли? Они, должно быть, смогут получить десять-двенадцать ублюдков, прежде чем у меня матка лопнет.

Если бы она влепила ему пощечину, Ракета так не побелел бы. Он отпрянул от нее, стиснув кулаки, глаза его пылали. Он открыл глаза, чтобы что-то сказать, и закрыл снова.

Однако не уходил.

— Вот ты где!

На балкон неторопливо выплыл Гальяганте. Следом высыпала его свита, роняя блестки и мишуру.

— Мы хотим прогуляться по трущобам, — сказала Жюиссанте.

А Инколоре добавила:

— Мы собираем небольшую группу, чтобы посетить Гоблинский рынок.

Гальяганте безразлично спросил:

— Не хочешь присоединиться?

— Да, — ответила Джейн. Почему нет? — Да, хочу.

— Я тоже пойду, — угрюмо подал голос Ракета.

Компанию составили семеро: Гальяганте с нелегким грузом Жюиссанте и Инколоре в каждой руке, Ракета, сама Джейн и два эльфа более низкого рода, Флористан и Эспландиан, — эти скорее по долгу службы, нежели по велению сердца. Слуги принесли им плащи. Джейн вместе с другими дамами надвинула капюшон так, чтобы виднелся только тонкий овал лица. Все надели белые маски.

На лифте доехали до улицы, секьюрити срезали путь, и вся компания непринужденно ступила на Гоблинский рынок.

— Барин, барин, барин! — закричал гоблин-зазывала.

Гнусная попса хлынула из древних колонок, сплошной треск и повторяющееся буханье басов. Гальяганте махнул, гоблин посторонился, и они нырнули через дверной проем в холл с зеркальными стенами.

Похрустели, прошелестели банкноты. Всех семерых втолкнули в маленький темный кинозал. Линолеум прилипал к ногам. На экране увеличенная голова кобольда шумно жевала с открытым ртом. Они стояли, наблюдая, как бифштексы, бананы, устрицы, шоколадные батончики и бесконечные миски с горячей овсянкой исчезают в огромной пасти. На тесно составленных рядах кресел обнаружилось всего несколько зрителей.

Как раз когда виски Джейн начали пульсировать в такт звуковой дорожке, Гальяганте резко отошел в заднюю часть помещения и распахнул запасную дверь. Все проследовали за ним по воняющему дезинфекцией коридору и по узкой лестнице поднялись вверх. Прошуршала еще одна банкнота, и другой гоблин посторонился, пропуская компанию к турникету. Они прошли.

В комнате, куда они попали, стены изгибались подковой, и в ней имелось несколько дверей. Гальяганте вошел в одну. Жюиссанте открыла другую. Один из телохранителей — Эспландиан? — высыпал Джейн в ладошку несколько жетонов. Она открыла дверь, предназначенную для нее.

Там был стул. Она села. Единственная тусклая лампочка освещала устройство в стене с отверстием для жетонов. Она опустила все.

Завеса на окне взмыла вверх. Джейн смотрела на полукруглую сцену. В центре ее корчился на плоской кушетке тролль. На нем не было ничего, кроме носков, выглядывающих из туго зашнурованных коричневых ботинок, и серой короткой майки. Его огромное волосатое пузо выступало, как континент сре-

ди безумного моря плоти. Веки у него были зашиты, и так давно, что уже срослись.

В окошке напротив Джейн увидела Ракету. Его маска смотрела на нее.

Тролль стонал. У него была поистине потрясающая эрекция. Член был словно ободранный — розового сырого цвета на большей части ствола и синюшно-багрового на головке. По медленным извивающимся движениям Джейн сначала решила, что тролль мастурбирует. Но вот он перевернулся на бок, и она разглядела выступающий у него из плеча обрубок. Для подобных занятий у него просто не было рук.

Жетоны кончились, и окна закрылись. Громыхая дверями, компания вышла вон.

— Я хочу заказать частное представление, — обратился Гальяганте к гоблину с усами на верхней губе, похожими на черточку жирной копоти.

Они коротко посовещались. Затем гоблин отвел их на два этажа вниз, через склад с протекающими трубами, в крохотный театрик.

Тут имели место жалкие потуги на роскошь. Маленькие столики стояли прямо на низкой сцене. В динамиках громыхал хард-рок. Световые зайчики спрыгивали с зеркального шара под потолком. Компания расселась.

— Должно быть неплохо, — заметила Жюиссанте.

— Вы смотрите на меня, сэр? — спросила Джейн у Ракеты.

Ракета покачал головой и угрюмо уставился на зажатую в руках маску.

— Не уверен, что эта сцена вообще в моем вкусе.

— Если вы здесь не ради развлечения, тогда зачем вообще за нами увязались?

Едва прикрытая нимфа подошла к их столику.

— Фалернского, — произнес Гальяганте и сунул несколько купюр ей в трусики. Сняв маску, он положил ее рядом с пепельницей.

В помещении стояла невыносимая духота, но Джейн решила остаться в маске.

Вскоре два гнома вывели на сцену того самого тролля, которого они видели раньше. С него стянули пижаму. И он остался как и прежде — в майке и носках с ботинками. Один из гномов ткнул тролля палкой.

Тот бухнулся на колени посредине сцены.

Нимфа вернулась и поставила на каждый из столиков заказанное вино и по корзинке с серебряными монетами. Гоблин с нарисованными усами воткнул в динамик микрофон, и его голос перекрыл музыку.

— Даамыигспада, — произнес он под писк настраивающегося микрофона. — Лордафаты, почтенные пыккровители 'скусств...

— Кретигномы, — пошутил один из эльфов меньшего ранга.

— 'Скателистины, — засмеялась Инколоре.

— ...бропожалть нанашшоу.

Лампы над столами погасли. Тролля усыпали синие и красные пятнышки.

— СЕГОДНЯ мысгордстю предстляэм потрясного и сршенна непотримого То-о-о-оби КЛАНЧА!

Джейн присоединилась к остальным в вежливом шелесте аплодисментов.

Гном с палкой подал Тоби сигнал, рубанув подопечного по горлу. Тролль передернулся и высоким чистым голосом начал:

— Холодная война окончена. Мы стоим на пороге нового мироустройства. Но впереди еще много опасностей и неопределенности. Вы должны читать по чаинкам в чашке и прислушиваться к тончайшим нюансам. Я знаю, мы живем в трудные времена. Мы вылезли из петли. Но я никогда не чувствовал себя как бы... в смысле сродни тому, что было с Родни Дэнджерфилдом. Крематории тысяч острых огней. Это не злобный выпад примкнувшего к победителям. Я верю, что хитрость американского народа с умными бомбами проведет черту на песке. Это видение. Я протягиваю руку этим замечательным парням.

Живой канал безумия, Тоби корчился, слова выскакивали из него все быстрее и быстрее, голос поднялся до визга:

— Короче говоря, это нечто особенное!

Первый гном заткнул его новым ударом по горлу.

Второй гном сгреб сзади за уши и откинул голову Тоби назад. Подбородок тролля задрался, и он издал нечленораздельный, булькающий звук, словно бы протестуя. Первый гном разжал ему губы жезлом. Медленно, мучительно он раздвигал бедняге рот все шире. Челюстные суставы скрипели. Гном пытался увеличить невозможную пропасть, растягивая рот во все стороны, пока в голове у Тоби не образовалась огромная дыра, громадная воронка, ведущая в пищевод.

Гоблин с нарисованными усами сделал музыку громче.

Гальяганте запустил томные пальцы в свою корзинку. Затем вскинул руку и бросил монетку. Она пролетела над сценой и попала в рот-дыру тролля.

— Браво! — воскликнула Жюиссанте.

И кинула монетку сама. Попала.

За ней Инколоре.

Четвертая монетка, Джейн, едва не пролетела мимо, но Тоби, ведомый каким-то примитивным инстинктом, вывернул шею в сторону и поймал ее.

Теперь воздух наполнился серебром, словно кометы чертили воздух в сторону сцены. Тоби Кланч смешно подпрыгивал и кидался, отчаянно пытаясь поймать их все. Невероятно, как много монет ухитрялся сцапать этот калека.

Джейн приостановилась, искоса взглянув на Ракету. Он барабанил пальцами по столу. Единственный из всех он не бросил ни единой монетки. Она шлепнула одну перед ним на стол.

— Присоединяйтесь, мсье драконьер!

Ракета так яростно оттолкнулся от стола, что тот почти перевернулся. Стул с грохотом упал на пол.

Широко шагая, он вышел вон.

Необъяснимо обиженная, Джейн сгребла горсть монет и кинула сразу скопом, изо всех сил. Тоби привстал с колен в стремлении перехватить их все. Он ухитрился проглотить несколько, но большинство отскочили от его лица и тела, оставив маленькие красные отметины.

Фата Жюиссанте, смеясь, положила теплую ладонь Джейн на плечо.

— Как по-твоему, смогла бы ты поймать столько монет, если бы пришлось?

— Ой, да мне никогда не раскрыть рот так широко.

— Ты могла бы встать на голову и ловить их своей *belle chose*. — Она обернулась к Гальяганте. — Сколько ты за нее хочешь?

— Прямая продажа? — Гальяганте подумал. — Минимум тройную сумму вложений. Но на самом деле я еще не готов продавать. Я хочу посмотреть, пойдет ли программа, смогу ли я использовать ее, чтобы проложить себе дорогу на телевидение. Я вложил в это дело много денег. Хотелось бы увидеть его плоды.

Подошла нимфа, чтобы сменить корзинки. Тоби Кланч был уже полон. Каждая новая монетка проваливалась в него со звоном, падая на монетки, уже находящиеся в его горле.

Джейн извинилась, взяла сумочку и встала. Гоблин дернул большим пальцем через плечо, и она направилась в указанном направлении, в дамскую комнату.

Там оказалось грязно. Джейн не глядя могла сказать, что несколько толчков не работают. Она обошла вонючую лужу, добралась до раковин и сняла маску. Вся тушь потекла.

Распахнулась дверь. Вошла фата Инколоре. Сдирая маску, она подошла к зеркалу. Оттянула губу и соскребла ногтем кусочек чего-то с клыка. Затем вынула пудреницу.

— Кокаину? — спросила она.

— Идет.

Инколоре положила пудреницу на край раковины и отмерила две дорожки. Она предложила свернутую в трубочку банкноту. Джейн поднесла кончик трубочки к носу и склонилась над порошком.

Почти одновременно он ударил ей в носоглотку и в темечко, вызвав напряженно-искусственное ощущение чистых зеленых лугов. Словно маленький свет включился в комнате, о существовании которой никто не подозревал.

Инколоре прикончила свою дорожку, затем смяла купюру и выбросила.

— Что происходит между тобой и Ракетой? Ты поистине подложила ему репей под седло.

— Правда? — беззаботно откликнулась Джейн. — Наверное, брякнула что-нибудь.

— Хм. — Ладонь Инколоре накрыла пудреницу и убрала ее с глаз долой. — Сначала фата Жюиссанте, затем мой брат. Ты, похоже, воюешь со всем миром.

— Если и так, то это определенно не твое дело.

— Буду говорить прямо. Мой брат явно увлечен тобой. Исходя из своих личных соображений, я не возражала бы против данного союза.

— Мечтай. — Джейн потянулась за маской.

Инколоре остановила ее прикосновением.

— Гальяганте чересчур разбрасывается. Эта его идея пролезть на развлекательные каналы... — Она пожала плечами. — Безнадежно. Он не может даже решить, что именно с тобой де-

лать. Улавливаешь? Если он не сумеет найти финансирование, ему не останется ничего иного, кроме как вернуть себе часть капитала. Он продаст тебя Жюиссанте. — Глаза у нее были темные, серьезные и яростно мерцающие. — Обещаю тебе, это будет сделка, о которой ты пожалеешь.

— Я не продаюсь! — рявкнула Джейн. — Гальяганте мне не хозяин. Жюиссанте не может меня купить. А ты тут вообще не при делах.

— Какое ты странное создание. — Инколоре провела рукой по губам, и во рту у нее оказалась дымящаяся сигарета. Она выдохнула дым через нос. — Вот что я тебе скажу. Я больше не заинтересована финансировать глупости Гальяганте. Но я придержу его на недельку-другую, если ты позволишь мне кое-что тебе показать.

— Что именно?

— Ничего такого, без чего ты не могла бы обойтись. — Она сняла с сигареты уголек и проглотила его горящим. Остальное бросила на пол. — Позвони моему секретарю, и мы договоримся о встрече.

Гальяганте не терпелось двинуться дальше. Компания следовала за ним по слепой кишке очередной извилистой лестницы. Воткнутая между стен метла заставила их свернуть в комнату, окаймленную стеклянными будками, из которых манили пальчиком гурии в коротких розовых бикини и клепаных кожаных сбруйках. Джейн вдруг пришло на ум, что Гоблинский рынок, похоже, не имеет конца. Может, под Городом существует бесконечное число комнат без окон и развратных притонов, дышащих благовониями и аммиаком, заполненных оглушительным рэпом и посещаемых бесчисленными скучающими подонками. Она безнадежно заблудилась, безнадежно устала, и все это безнадежно ей надоело. Она подавила зевок.

— Похоже, фата Джаене не получает удовольствия от прогулки, — заметил, кажется, Флористан.

— Со мной все порядке.

— Возможно, наши удовольствия для нее слишком *утонченные,* — произнес предполагаемый Эспландиан.

— Почему бы нам не отправиться в такое место, где Джаене понравится?

— Если такое место существует.

Меньшие эльфы надвинулись на Джейн, глаза их под масками горели злобой. Отступая от них, она внезапно запаниковала, развернулась и обнаружила, что стоит перед аркой. Над стеклянными дверями, окруженная мигающими огоньками красовалась вывеска:

ВПЕРЕД ЗА ДАРАМИ ПРЕИСПОДНЕЙ
* воплощенные мечты * тяжелые наркотики *
* отвратительные фантазии *

— По-моему, — заметил Гальяганте, — мы можем дать Джаене то, чего она хочет.

Он открыл дверь и придержал ее.

— Сюда.

— Да, конечно, восхитительно, о да.

Они сидели в приемной на обитых ситцем стульях, слушая рекламную скороговорку старого жирного лысого гоблина. Он непрестанно подпрыгивал и кланялся, потирая ручки.

— О, мы знаем, — тараторил он, — мы знаем, чего вы хотите, лучше вас самих. Тайные мечты, интимные фантазии, мятежные страсти, в которых вы никогда не признаетесь другим. Истинная любовь, клизмы, девять ярдов старого кружева, ветхого и побуревшего от времени. Желания вашего сердца. — Он искоса, хитро взглянул на Гальяганте. — Рыболовные крючки. Прочее.

Гальяганте извлек кучу банкнот.

— Обслужите ее.

Гоблин подскочил к нему, выставив руки. Но фата Инколоре перехватила пачку. Она отсчитала половину, а остальное сунула Гальяганте обратно в карман камзола.

— Если мы намерены стать деловыми партнерами, — сказала она, — мы должны в первую очередь упорядочить финансовую отчетность.

Он взглянул на нее с новым интересом.

— Так мы собираемся стать деловыми партнерами?

— Поживем — увидим.

— Сюда. — Гоблин положил руку на неприметную дверь. — Жутко непристойно, очень мило, даю слово.

Джейн колебалась. Ей ужасно не хотелось входить. Внутри подстерегало нечто страшное. Она чувствовала его. Она будет вечно сожалеть, что увидела это.

— Ты боишься? — спросила Жюиссанте.

Два слова повисли в воздухе — вызов.

— Нет, разумеется, не боюсь.

Джейн вошла в дверь, твердо захлопнув ее за собой. Будь она проклята, если позволит другим увидеть свои колебания, чем бы ни оказалось то, что было за дверью.

Она очутилась в пустом помещении размером с баскетбольное поле. Только в углу сгрудились у переносного телевизора шестеро гномов. При ее появлении они тут же выключили его и порскнули в разные двери. Двое вернулись, катя старинный тумбовый патефон с ручкой. Третий спешил позади с восковым цилиндром. Он защелкнул его на место, закрутил ручку и опустил иглу.

Полилась скрипучая музыка.

С грохотом взлетели по стенам шведские лесенки. С головокружительной скоростью натянулись через весь зал гирлянды фонариков из папиросной бумаги. На лестнице послышался звук шагов остальных трех гномов.

Они ввели Балдуина.

На Балдуине болтался фрак. Костюм был классически дорогой, поношенный ровно настолько, чтобы не выглядеть выданным из проката. Ступал эльф слабо и неуверенно. Фарфоровые руки в пигментных пятнах безжизненно свисали по бокам. Голова медленно ходила туда-сюда, как у черепахи, а взгляд был рассеянный, словно смотрел в иную вселенную.

«Я не боюсь, — уверила себя Джейн. — Я не испугаюсь».

Голова Балдуина повернулась к ней. Остановилась.

Он смотрел прямо на Джейн.

Вокруг нее засуетились ухмыляющиеся гномы. Один снял с девушки маску. Другой забрал плащ. Они подтолкнули ее вперед, положили левую руку Балдуину на плечо. Одну из его мертвых рук вложили в ее ладонь, а другую обернули вокруг талии.

Они танцевали.

Металлический вальс кружил их по спортивному залу. Оба двигались неуклюже, шаркая в ответ на тычки и попихивания обслуживающего персонала. И кружились, кружились.

Сначала Джейн упорно смотрела Балдуину в грудь. Затем между ними втиснулся гном и маленьким кулачком стукнул ее снизу по подбородку. Она заглянула в бледные, серые глаза Балдуина.

В них мелькнула какая-то искра. Губы дрогнули, словно он пытался вспомнить, как исполнить давно забытое ими действие. Раз. Другой.

На третий раз чудо свершилось. Он медленно сложил губы бантиком, как умоляющая о поцелуе маленькая девочка. И разжал их с еле заметным «чмок».

Джейн помотала головой.

— Нет.

Губы сложились снова. Он начал склонять голову вниз, к ней. Она чувствовала запах его дыхания: сладковатый, гнилостный — запах тления. Руки старика ожили. Пальцы еле заметно ущипнули ее.

— *Нет!*

Джейн изо всех сил оттолкнулась от груди Балдуина. Но она не могла вырваться. Казалось невозможным, чтобы столь хрупкое и слабое создание удерживало ее, но ему это удавалось. Руки его словно превратились в металлические зажимы. Медленно, неотвратимо они сжимались, придавливая ее к дряхлому эльфийскому лэрду. Его губы приблизились к губам Джейн. Когда она попыталась отвернуться, гномы удержали ее голову на месте.

Он высунул язык и протолкнул его Джейн в рот. Он вошел, как ключ, скользнувший в замок.

Она открылась при его прикосновении.

Тут же все изменилось. Спортзал, гномы, даже сам Балдуин — все свернулось и растворилось, словно воск в карболке. У подменыша скрутило живот. Она испытывала сводящее с ума головокружение, будто ее протаскивали сквозь непроницаемое для чувств измерение. И место уже было другим, не тем, куда она попала до этого.

— Джейн?

Она не обернулась. Она смотрела в окно, загипнотизированная увиденным в нем кошмаром. Стекла были грязные и в потеках, на подоконнике валялись высохшие останки мух. Белая краска отваливалась от деревянной рамы чешуйками, если как следует нажать на нее большим пальцем. Чешуйки кололи больно, но не до крови.

Но не это было ужасно.

— Я принесла тебе фрукты, — говорила ей Сильвия. — Яблоки и бананы. И ментоловый «Салем», блок, длинные, как ты

любишь. Я передала их дежурной сестре, и хотелось бы мне, чтобы ты каким-то образом могла сообщить, сколько на самом деле выкуриваешь. Уверена, она подворовывает.

Небо висело низко, но не похоже было, что собирается дождь. Такое ощущение, словно оно навечно решило оставаться серым и хмурым. Вид из окна был уродливый, хотя предполагалось, что он совсем не такой. Газон существовал единственно для того, чтобы его стригли через день и так коротко, чтобы проглядывала земля. «Они просто боятся, — думала Джейн, — что хотя бы одна травинка вдруг пробьется и будет расти свободно». Для нее газон представлял собой абсолютный символ тирании. Но и это не было самым ужасным.

— Сядь на край кровати, я тебя причешу.

Джейн повернулась к матери. Какой потрепанной выглядела Сильвия, какой несчастной и... какой старой. У нее был тот вид, который она всегда принимала, входя к ней: она храбрилась, нацепив ободряющую улыбку «все-будет-хорошо», откровенно противоречащую застоявшемуся в глазах страданию.

Джейн подошла к кровати и села. Тело казалось тяжелым, бесформенным, неуклюжим. Это все мучная диета, недостаток движения, и тот факт, что никогда не было причины *не* распускаться.

Сильвия уселась с ней рядом, достала щетку и начала приводить волосы Джейн в порядок. Руки ее порхали. Созерцая их танец, Джейн могла представить, как грациозна была в юности ее мать, как весела и кокетлива, до того как с ней приключилась Джейн.

— Я на днях видела тетю Лилиан, — непринужденно болтала Сильвия. — Она сказала, что молодой Альберт опять возвращается к жене, можешь себе представить? Это в который... в третий уже, кажется, раз? В этом браке что-то не так. По-моему, между ними больше, чем видно глазу. — Она умолкла, чтобы прикурить сигарету, и критически оглядела Джейн. — Как тебе понравится, если я заплету тебе «корзиночку»?

«Мама, — попыталась сказать она. — Я хочу домой».

Но ничего не вышло.

Никогда не выходило.

Она приподняла голову и снова посмотрела в окно. Хотя с этого места не было видно, но перед внутренним взором продолжала стоять ужасная картина, на которую она смотрела, когда вошла мать. Ее собственное отражение. Круглое одутлова-

тое лицо, небрежно наложенная косметика, темные злые глаза. И выражение, ясно говорящее, что ее разум за миллион световых лет отсюда.

Внезапно до Джейн дошло, что лучше не станет. Она в ловушке. Она останется в учреждении навсегда, медленно старея, толстея, по капле высасывая из матери жизнь, пока та не кончится. Затем посещения прекратятся. Она останется одна, угасающая, накапливающая молчаливую горечь, ползущая к нулю.

Джейн заплакала.

Мать в изумлении выронила щетку. Та с громким стуком упала на пол.

Язык Балдуина убрался из ее рта.

Он отпустил Джейн.

В панике она развернулась и, расшвыривая гномов, кинулась вон. Дверь сопротивлялась дерганью за ручку и сотрясанию рамы, пока девушка не сообразила толкнуть ее. Дверь открылась.

Когда Джейн вышла, ее спутников не было.

Остался только гоблин. Он подковылял к ней, расплывшись в улыбке, держа ее маску и плащ.

— Мило и грязно — вам понравилось, верно? В точности как вы хотели, отвратительно. Приходите к нам еще.

Эльфы непостоянны. Подбирают тебя из прихоти и бросают без всякой причины. На самом деле они не виноваты, просто такова их природа. Не ходи с ними, если не хочешь внезапно оказаться одна, в луже, в темноте, с полными карманами сухих листьев, покинутая.

Это факты. Джейн напоминала себе о них снова и снова, в течение всего долгого и страшного часа, который ушел у нее на возвращение в Каэр-Гвидион. Но на самом деле ей хотелось скормить их всех, со всеми их родственниками и знакомыми, Десятине. Если бы представилась возможность выпихнуть их по отдельности и всех вместе в Адовы Врата, она бы сделала это с радостью.

К моменту когда она вновь присоединилась к компании, Джейн уже в основном оправилась от встречи с Балдуином. Но она устала, и намерение беззаботно повеселиться пропало начисто.

«Что я здесь делаю?» — спрашивала она себя.

Если бы не обещание накормить сегодня Меланхтона, она давно бы ушла домой.

Джейн сбросила маску и отдала плащ слуге. В вестибюле материализовался Аполлидон.

Он увидел Джейн и направился прямо к ее грудям.

— Я здесь никто, — произнес зануда без предисловий. — Все обращаются со мной как с мусором. Никто не уважает мой древний род.

— По-моему, они крайне лицемерны, — безразлично произнесла Джейн.

Он по-прежнему пялился на ее наряд. Сходи она домой и переоденься в джинсы и свитер, он никогда не узнал бы ее.

— Если я сейчас исчезну и никогда не появлюсь снова, никто не станет даже скучать обо мне. Должно быть, я самое ненавидимое существо во вселенной.

Действительно! Джейн вздрогнула от удивления. Неужели ответ весь вечер маячил у нее перед глазами?!

Она решила выяснить.

Прикоснувшись к руке Аполлидона, она послала по его нервам волну желания. Это был тот же трюк, который проделала с ней ранее фата Жюиссанте, и если у нее получилось и вполовину не так хорошо, что ж, это первый раз. Как бы то ни было, судя по реакции объекта, получилось неплохо. Он содрогнулся и впервые посмотрел ей в глаза. Взгляды их встретились. Зрачки у него разбухли от вожделения.

Затем Аполлидон сообразил, что она сделала, и вспыхнул.

— Ты прекрасен, — ободрила его Джейн, прежде чем он успел отвернуться. — Пойдем ко мне.

ГЛАВА 21

Ткнувшись щекой в пах Томми Лужицы, Джейн поигрывала его пенисом.

«Какой забавный маленький зверек», — думала она нежно.

Ей очень нравились пенисы, такие смешные, глупые висюльки, которые выглядели бы одинаково уместно и на шутовском колпаке, и на царском скипетре.

Только в такие моменты, сразу после соития, Джейн чувствовала себя по-настоящему умиротворенной. Она ценила это неподвижное, спокойное ощущение довольства и растягивала его, как могла, кутаясь в него, будто в одеяло, способное хоть ненадолго оградить ее от жестоких потрясений и холодных ветров мира. Она страшилась грубого мгновения, которое неизбежно наступало следом.

— Эй, раз ты все равно уже там, как на счет сыграть менуэт на моей флейте?

Джейн разжала пальцы.

— В этом не будет необходимости.

Она соскребла немножко чего-то с мокрого места и, держа кончик ногтя точно над его членом, прошептала призывающее заклятие.

— Подъем, Мистер Путаник. Вставайте и набухайте.

Пальцы другой руки она сложила в мудру духовного роста. И поскольку имя члена и соответствующие приемы были ей известны, он налился кровью и встал перед ней торчком.

Игры кончились. Пора вернуться к работе.

Она села, развернулась и опустилась на корточки над безвольным телом Томми. Одной рукой она направила Мистера Путаника в Крошку Джейн.

— Ты опять собираешься проделать эту штуку с шарфом?

— Я собираюсь учинить кое-что получше, — пообещала она. — Но чтобы это получилось, мне нужно твое истинное имя.

— Ой, нет, — промямлил Томми Лужица. — Правда, не стоит.

— Нет? — Она слегка потерлась грудями о его лицо, сразу отодвинув их от жадных губ так, чтобы он успел уловить только легчайший сладкий привкус соска, и затем завела руку за спину и ногтями легонько почесала ему мошонку. У бедняги перехватило дыхание. — Но тебе понравилась игра с шарфом.

— Ну да, но...

— Это тебе понравится гораздо больше. Обещаю.

В маленькой кухоньке, в которой Джейн не нуждалась, имелся буфет-кладовка. Джейн открыла его и бросила одежду Томми Лужицы внутрь. На полках уже скопился приличный запас шелковых, хлопчатобумажных и кожаных нарядов. Аполлидонова шляпа с пером наверняка уже расплющилась в лепешку. Джейн захлопнула дверцу.

— Феррет нынче задавал вопросы, — сообщила она.

— О?

— И это все, что ты имеешь сказать? «О»? Мысль о вынюхивающем твой след Хорьке тебя даже не волнует?

— Нет.

— А должна бы. Он знает, что в моем прошлом не все чисто. И очень скоро выяснит, что именно.

Стены сотрясло сердитое шипение пара. Но голос дракона оставался надменен и спокоен.

— Итак, тебя преследуют! К какой же жалкой и слабой бродяжке я прикован! Ты вообще ничего не знаешь. Нас преследовали куда упорнее, чем ты можешь себе представить, и преследовали силы, при мысли о которых у тебя кровь застыла бы в жилах. Восемь раз за последний год нас чуть не накрыли. Даже сейчас все источники летного топлива находятся под тщательным наблюдением. Они знают, что я где-то здесь, и знают, сколько топлива у меня в баках. Они уверены, что рано или поздно я попытаюсь добыть еще. И я так и поступил бы, если бы мы не выработали этот альтернативный источник энергии.

— Какие силы? Назови!

— За исключением одного, их имена ничего тебе не скажут. И это одно ты наверняка серьезно недооценила бы. Скажи я, что три ночи кряду Балдуин ковылял именно по тем коридорам, куда выходит дверь этой самой квартиры, ты бы...

— А, Балдуин, — небрежно отозвалась Джейн. — Я не говорила, что танцевала с ним? Ни за что не угадаешь, что он пытался сделать.

— Не позволяй ему целовать тебя!!!

От потрясения голос Меланхтона превратился в рев, от которого содрогнулся до основания стальной каркас Термаганта. Джейн покачнулась. В гостиной упала и разбилась вазочка для конфет.

— Почему нет? — потребовала ответа Джейн. — Что случится, если я позволю?

От ее внимания не ускользнуло, что дракону известно о намерении Балдуина поцеловать ее. И что он решил, будто тому не удалось. Что ж, она крепче, чем Меланхтон думает.

Дракон погрузился в молчание.

— Проклятие! — возмутилась Джейн. — Ты по-прежнему лжешь мне! Я тебе не лгу! Мы ведь считаемся партнерами, верно? Равными. Локоть к локтю. Когда ты намерен прекратить играть в свои дурацкие интеллектуальные игры и зацикливаться на власти, чтобы мы могли работать сообща?

Дракон по-прежнему молчал. Через некоторое время Джейн отправилась в душ.

Когда двадцать минут спустя она вышла, заворачивая вокруг головы полотенце, дракона не было видно. Он натянул иллюзию желтовато-белых стен, задернул окна и развесил вокруг горшочки с английским плющом. Но воздух звенел от напряжения под злобным и пристальным взглядом чудовища.

— Ну? — раздраженно бросила Джейн.

Пауза затягивалась. Наконец дракон ворчливо произнес:

— Ты права. У нас осталось мало времени. Мы должны закончить приготовления как можно скорее.

— Я знаю, чего ты хочешь. Забудь. Не сегодня.

— Сегодня, — настаивал дракон. — Мне нужно еще.

— Еще? Да я тебе, наверное, уже под сотню имен скормила. Сколько ж их тебе, мать твою, надобно?!

— Я дам тебе знать, когда хватит.

Джейн еще требовалось просмотреть сценарий и выучить реплики. Она поздно ложилась три ночи кряду, и недосып начинал сказываться на цвете лица. Девушка пообещала себе, что заберется в постель пораньше с косметической маской и бульварным романом.

— Дай выдохнуть. Одну ночку можешь и потерпеть.

— Разрушение, — произнес дракон, — для меня все. Твои вопли будут для меня как хлеб и вино, твоя мука слаще, чем кровь невинных, твоя медленная смерть — бесконечное наслаждение. Не думай, что только ты приносила жертву. Ты хочешь добраться до Богини или нет? Она коварная тварь, и я не пойду против нее иначе как в полной силе. Если ты не станешь сотрудничать, скажи, и я умерю свои аппетиты. Может, у меня пока и не хватает сил прикончить Госпожу, но их больше чем достаточно, чтоб уничтожить Город и всех его обитателей.

Смрад ненависти и холодного железа заполнил квартиру.

Джейн вздохнула и глянула на часы. Она всегда проигрывала в подобных спорах. Может, на каком-то подсознательном уровне хотела проиграть. Может, живя в сфере драконьей ауры, ее тело перевело его страсти в желание. В любом случае Крошка Джейн всегда молчаливо принимала сторону Меланхтона. И нельзя было отрицать, что обязанности Джейн в этой фазе заговора оказались гораздо менее обременительными, чем она ожидала.

— У меня фотосессия утром, — напомнила она.

Ее дрессировщикам требовались рекламные снимки и смена образа. Насколько могла судить Джейн, новый имидж ничем не отличался от старого, только кожу с черной поменяли на красную. Но двухнедельное расписание было перетасовано, чтобы выкроить время для новой серии глянцевых фоток. Ладно, всегда можно закинуться амфетамином перед завтраком. Пока начнешь привыкать.

— Полагаю, смогу подцепить кого-нибудь в баре.

— Шлюшка ты моя, шлюшка, — одобрительно мурлыкнул дракон.

Под конец сессии, пока помощники фотографа складывали оборудование, подошел Коринде и, отложив трость, обнял Джейн за плечи. Коринде был самым тощим эльфом из всех, кого подменышу доводилось видеть: палкообразная фигура

в черном и с таким букетом специфических особенностей, что его истинное обличье едва угадывалось под ними. Ходили слухи, что он вообще не эльф, а некая поднявшаяся по общественной лестнице разновидность ночного призрака, и Джейн совершенно точно никогда не видела его при естественном освещении. И все же он всегда обращался с ней достаточно хорошо.

— Дорогая, вот что я должен сказать, — аккуратно сунув под мышку трость, произнес Коринде. — Я работал с лучшими — и ты меня знаешь, я никогда никому не льщу, если могу этого избежать, — с самыми лучшими, и за все мои годы я никогда не видел ничего равного тебе сегодня. Ты была просто абсолютно ужасна!

— Извините, я...

— Да, да, да. Весь этот секс-наркотики-гламур. Думаешь, я не понимаю? Тебе надо ходить во все лучшие клубы и волочь всех этих красивых молодых мальчиков к себе и делать с ними все, что хочется. — (Джейн держалась бесстрастно.) — Поверь, милая, я прекрасно понимаю. Но послушай меня. Твое богатство и известность — они просто одолжены в счет ожиданий, которые на тебя возлагают. С первыми лучами солнца они могут растаять. Ты их пока не заслужила. Это как наращивание скорости. — Он многозначительно выгнул брови. — Ты чувствуешь себя прекрасно и бодро бесконечно долго. Ты выглядишь великолепно. Ты в расцвете лет. Но рано или поздно наступит отрезвление. И тогда придется платить сразу по всем счетам. Ты следишь за моей мыслью?

— Да, ду... думаю, да, — пискнула Джейн.

— Хорошо. Теперь иди домой и поспи.

— Ой, Коринде, я бы с радостью, правда. Но я обещала фате Инколоре...

Глаза Коринде вспыхнули. Он грохнул об пол концом трости и развернулся на каблуках. Через плечо он рявкнул:

— Кто-нибудь, проводите фату Джаене. У нее важная встреча в Городе.

Несмотря на колючую внешность, Коринде был по-настоящему очень мил. Жаль, что она его обидела. Джейн искренне надеялась, что не нажила в нем врага. Эта мысль беспокоила ее всю дорогу до Пентекоста.

В Дом Инколоре — или, точнее, в физическое воплощение здешнего филиала Дома Инколоре — вела серая, неприметательная дверь. Она открылась от легкого прикосновения и бесшумно закрылась за спиной. Джейн нерешительно двинулась по тускло освещенному притвору.

Зал, куда она вступила, ошеломлял. Он казался пещерой сводчатых и арочных теней, вздымавшихся циклопическими изгибами, пропадавшими в далеком сумраке над головой. Серые стены, превращавшиеся, если их коснешься, в гранит, обрамляли стройные белые колонны, чуть заметно светившиеся в льющемся издалека свете. Сначала Джейн решила, что колонны мраморные, но когда задела одну, та оказалась теплой и гладкой, как слоновая кость.

Джейн в изумлении снова посмотрела на своды, голова ее кружилась от узнавания. Она стояла внутри грудной клетки какого-то громадного чудовища, чьи ребра и кости были отполированы и переделаны в опоры гранитного зала. Да как такая тварь собственный-то вес могла выдержать? Ее внутренности наверняка расплющило бы под собственной тяжестью. И откуда ей было взять достаточно пищи, чтобы поддерживать свое существование? У нее, должно быть, невероятно медленный обмен веществ. И наверное, все ее движения были мучительно медленными, века уходили на одну мысль, эпохи — на выполнение одного действия.

— А вот и ты. — Фата Инколоре быстрым шагом вошла в зал, натягивая перчатки. — Идем?

— Гм, да. Почему бы и нет?

Джейн продолжала с любопытством разглядывать колонны слоновой кости. Не могла удержаться. Инколоре проследила за ее взглядом.

— Мой предок.

— О!

Джейн проследовала за хозяйкой дома в галерею за правым рядом колонн. Они погрузились в открытый лифт, детали которого были невидимы в сумраке, и поднялись на верхнюю галерею. Узкий коридор уводил глубже в тень. С каждым шагом они все больше удалялись от входа.

— Я думала, мы идем куда-то наружу, — заметила Джейн.

— Да. В то место, которое ты согласилась увидеть.

— Ты не собираешься взять кого-нибудь в провожатые?

Инколоре казалась маячащим впереди силуэтом, вырезанным из серой бумаги, постоянно угрожающим потускнеть до полной неразличимости. Шаг у эльфийки был широкий, и Джейн приходилось торопиться, чтобы не отстать от нее.

— Без надобности. В моем доме имеются двери, которые ведут туда, куда я захочу. — Фата умолкла, вытянув руку, и оглянулась через плечо. В ее спокойных глазах горели две хищные искры. — Сюда.

Джейн шагнула в дверь, и ее ослепил солнечный свет.

Когда зрение вернулось, вокруг была больничная палата. Запах антисептика угадывался безошибочно, как и полузадернутые казенные занавески, перед которыми в косом луче густого и золотистого, словно мед, света танцевали пылинки. Однако Джейн могла с уверенностью сказать, что на многие мили вокруг Пентекоста нет ни одной больницы.

В коридоре громко процокали каблуки. Инколоре подошла и закрыла дверь. Тишина вернулась. У нее за спиной бесследно закрылся портал, через который они вошли. В центре палаты находился стеклянный гроб, рядом пылилась без дела капельница.

В гробу спала женщина.

Тонкая высохшая фигурка. Под тонкой дымкой белых волос проглядывала розовая кожа головы. Лицо изборождено глубокими морщинами. Джейн сначала решила, что женщина старая, но потом поняла, что это не столько старость, сколько усталость. Во сне женщина обрела подобие печального умиротворения. Кожа на лбу и в уголках глаз оставалась напряжена, словно она вглядывалась в далекую даль. Но рот был расслаблен и спокоен. Выражение лица складывалось не радостное, но такое, какое бывает у тех, кто после долгой борьбы, с трудом, но все-таки дождался прекращения страданий.

— Она смертная, — сказала Инколоре. — Подменыш, как и ты.

— Не понимаю, о чем ты... — начала Джейн. Затем, увидев расползающееся по лицу фаты Инколоре снисходительное выражение, спросила: — Откуда ты знаешь?

— Я занимаюсь этим, милое дитя, забыла? Тебе не скрыть от меня свое происхождение, так же как и от Ракеты. — Она коротко рассмеялась. — Не волнуйся, я не выдам твою тайну. Что такое мелкая потеря при моих-то запасах?

Джейн немного помедлила, прежде чем спросить:

— Что с ней?

— Болезнь Спящей красавицы. — Фата Инколоре затушила окурок в стакане с водой и выщелкнула новую сигарету из пачки. — Среди подменышей определенного возраста она носит эпидемический характер. Они ведь по сути нездешние. Мир отторгает их. Или они отторгают мир. Подобное вскоре произойдет и с тобой. Тебя это пугает?

— Да. — Джейн зачарованно вглядывалась в лицо женщины. Пытаясь понять ее, пытаясь постичь, какие чуждые сны разыгрываются в театре ее спящего мозга. — Нет. Не знаю. Кто она?

— Ее имя Элизабет.

— Элизабет. — Джейн повертела имя на языке, смакуя его экзотические слоги. Это был первый чистокровный смертный, за исключением ее самой, с которым она встретилась на своей памяти. — У нее такой вид, будто она прожила тяжелую жизнь.

— А как же иначе?

У окна стоял небольшой столик с увядающими цветами в вазе, превращенной Инколоре в пепельницу, стаканом и искореженной сосенкой-бонсай в глазурованном керамическом горшке. Эльфийка взяла горшок и водрузила его на ладонь.

— Этому дереву больше ста лет. Знаешь, как ему останавливают рост для достижения желаемой формы?

— Обвязывают ствол проволокой, верно? Ограничивают поступление воды и не предоставляют достаточно почвы для роста. И подрезают ветви.

— Да. Это, разумеется, просто растение. Пригодный для службы полукровка требует гораздо большей обработки. Но у нас опытные садовники. Они начинают с пересадки мальчиков-полукровок и их матерей в маленькие домики в огороженном поместье, устроенном для этой цели на Южном острове среди вечного лета. Дивное место, ты бы его полюбила. Жизнь там приятна. Холмы звенят от смеха, привязанность матерей к сыновьям поощряется. Некоторые отказываются, и таких выбраковывают и посылают обратно на те же заводы, куда отправляют их дочерей. Большинство, однако... ладно. Богиня не оставила им иного выбора, кроме как любить своих детей. Они растят их как можно лучше. И стараются не думать о будущем. Но в саду имеются слуги — сказители и прочие, — которые исподд-

воль напоминают детям о благородном наследии их отцов. Когда мальчики становятся достаточно взрослыми, их наряжают в шелка и везут в гости к эльфийской родне. В отчем доме детей встречают с распростертыми объятиями. Они впервые вкушают богатства. Им ни в чем нет отказа. Старшие родственники обращаются с ними с бесконечной снисходительностью. Затем их снова одевают в шерсть и возвращают в лачуги. Так мало-помалу формируется их характер. Честолюбие поощряется. Зависть неизбежна. С наступлением половой зрелости находятся кузины, которые заманивают их в постель, обучают искусству ухаживания, а на публике насмехаются над ними. Отцы ясно дают понять, что сыновья нечистой крови, бастарды, которых никогда не признают. Утирать слезы унижения выпадает на долю смертных матерей. И каков, по-твоему, результат?

— Они презирают своих матерей.

— Именно. Пропустим несколько лет — тебе не составит труда их себе вообразить — до дня, когда лучшие и наиболее удачно обработанные из юных полукровок получают приглашение в Академию. Стать пилотом дракона очень заманчиво, это превышает любые разумные ожидания и близко, очень близко к их самым невозможным мечтам. Они понятия не имеют, что предназначены к этому еще до рождения. Посланник вручает им приглашение в дальнем углу поместья, в прохладном лесу, у ворот, которые они никогда раньше не видели открытыми. Получатель должен отправляться немедленно. Он должен пройти сквозь ворота, не заходя домой, чтобы взять еду и плащ и попрощаться. Зная, каково ей придется, он должен покинуть мать без единого слова сожаления. Ему говорят, что он никогда больше ее не увидит.

— И он предает ее, — вставила Джейн.

— Предает.

— Но в чем смысл такой сложной комбинации?

— Чувство вины, — ответила Инколоре. — Столь редкое качество, столь драгоценное. Признаюсь, я сама его абсолютно не понимаю, хотя состояние Дома Инколоре зиждется именно на нем. Но механизм его прост. Раз отрекшись от родни, юные воины постигают боль предательства на самом глубинном уровне. Их преданность той стороне, которая остается нескомпрометированной, невероятно сильна. Это самое желанное каче-

ство для того, кто управляет существами столь опасными, как драконы, и вынужден ежедневно купаться в их вероломстве.

Она грациозно поставила на место горшок с деревцем.

Джейн разглядывала лицо женщины. Оно раскинулось перед ее взором, огромное и загадочное, словно новый материк. Она бы провалилась в него, не будь столь осторожна.

— На что она смотрит?

— Ну...

Дверь в зал заскрипела. Отворилась.

Вошел Ракета.

Он замер в смятении, увидев Джейн. Одной рукой Ракета прижимал к себе охапку цветов.

— Простите, я не... — начал он и озадаченно продолжил: — Что вы здесь делаете?

— Неплохо устроился, братец, — заметила Инколоре.

— А-а, — это был почти вздох, — вот оно что.

Джейн нахмурилась.

— Не соизволит ли кто-нибудь объяснить мне, что здесь происходит?

— Я прихожу сюда каждую неделю. Навестить маму. — Ракета отвернулся и положил букет на стол. Он убрал старые цветы из вазы, сменил воду и принялся расставлять новые. — Моя единокровная сестра об этом знает. У нее, несомненно, имеются собственные причины столкнуть нас лицом к лицу.

Когда он повернулся, лицо его приобрело чопорное и официальное выражение. Слегка поклонившись, он протянул Джейн маргаритку.

— Умоляю, простите мою семью, мэм. Я понимаю, что вы не являетесь добровольным участником этого фарса.

Джейн взглянула на свои руки, на зажатый в руках цветок.

— Ой, не будь таким душным! — фыркнула Инколоре. — Джейн, снимай блузку и покажи моему братцу, какие у тебя славные грудки.

Джейн почувствовала, что краснеет.

— Не оскорбляй девушку, Леся, — сказал Ракета. — Ты не заставишь нас увлечься друг другом с помощью столь дешевых трюков.

Недобро улыбаясь, Леся Инколоре сложила руки на груди. Длинные черные ногти неприятно впились в мякоть плеч.

— Больше всего раздражает, — заметила она, — когда тебе перечат.

Выражение лица Ракеты оживила искорка юмора.

— По определению.

— Кончай пререкаться. Вот он ты, окруженный напоминаниями о смерти и смертности, и вот Джейн, обладающая самым приятным доказательством вашей до идиотизма верной природы, какое только можно пожелать. Вы двое избавили бы меня от массы хлопот, поддавшись безумной похоти.

Игнорируя сестру, Ракета подошел к гробу и положил на него руку. Постоял немного. Затем повернулся к ним.

— С вашего разрешения, — произнес он, — я уйду тем же путем, каким пришли вы.

Он взялся за воздух. Что-то щелкнуло, и открылся портал, уходящий в тень.

— Фата Джаене, — сказал он, пристально глядя ей в глаза, — остаюсь вашим преданным слугой.

— Бедра у него пятнистые, — бросила Инколоре. — Как у олененка.

Он рванул через портал, только воздух взметнулся вихрями.

Инколоре вздохнула.

— Верность систематически предаваемого. Что может быть печальнее?

— На этот вопрос у меня есть много ответов. — Джейн заткнула маргаритку за ухо и пригладила выбившиеся пряди. — Что за херню ты пыталась учинить?

Фата Инколоре сердито пожала плечами.

— Разумеется, совала нос не в свое дело. Это причина и результат. Ничего более. Я думала, вы двое обладаете потенциалом невероятно усложнить жизнь друг другу. Это могло бы быть забавно.

— Забавно? Какого дьявола? Ты небожитель — тебе что, не на что больше потратить вечность?

— Мне важно оказаться внутри эфемерной реальности ваших маленьких жизней. Убедить себя, что они имеют значение. Уцепиться... — Инколоре осеклась. — Сде...

По ее телу прошла судорога. Одна рука неконтролируемо затряслась.

Внезапно она закричала. Свет хлынул из глаз, полыхнул из открытого рта. Словно божество схватило ее за волосы, чтобы

обнажить пылающий внутри ядерный огонь. Свет ударился о стену и хлестнул Джейн по глазам.

Жмурясь и прикрываясь рукой, как щитом, она крикнула:

— Что происходит? Что мне делать?

— У меня... таблетки, — выдохнула Инколоре. — Там... там, в Доме Инкол...

Она проглотила слова, с усилием закрыв рот и глаза. Когда она снова их открыла, пламя погасло и черты лица стали нормальными. Но это было не то лицо, что мгновение назад.

— Гвен!

С улыбкой узнавания Гвен приложила палец к губам и подмигнула. Джейн хотела спросить старую подругу, как ей удалось выжить после жертвоприношения на футбольном поле, как получилось, что она возродилась в Инколоре. Но тут лицо Гвен обмякло и посерело. Изо лба выросли рога. Когда Джейн ухватила ее за плечи, она зашипела и потянулась усеянной игольчатыми зубами пастью к шее подменыша.

Девушка отпрянула.

— Довольно!

Существо покачнулось и выпрямилось, утончилось, сделалось выше. На мгновение Джейн показалось, что оно превращается в змею. Затем лицо обрело отчетливо мужские черты.

— Какая досада, — проворчал лорд Корво. — Скажи Инколоре, что если она способна контролировать себя не больше, чем...

Он оборвал фразу на полуслове, согнулся и превратился в кого-то еще.

Джейн пошарила рукой в воздухе, пытаясь нащупать портал обратно, в Дом Инколоре. Но как его находят, в чем тут хитрость, было выше ее разумения. Нечего и надеяться доставить Лесю домой самостоятельно.

Инколоре проходила финальную стадию превращений. Она пальцем подняла подбородок Джейн, заставляя посмотреть себе в лицо. Джейн с ужасом узнала светящийся в новых чертах острый ум.

— О боже! — рассмеялась Жюиссанте. — Какой шанс!

Бархатными подушечками пальцев она коснулась безупречных губ.

— С чего бы начать? Может, отщипнуть от тебя по кусочку из разных мест, милочка? Хочешь?

Джейн в панике отпрянула.

— Фу-у! Разумеется, захотела бы, будь моя воля. Но не станем тратить время на подобные пустяки. Мы должны совершить нечто запоминающееся, нечто поистине чудесное.

Резким движением фата Жюиссанте открыла теневой портал.

Она схватила Джейн за руку и протащила ее обратно в Дом Инколоре.

Жюиссанте волокла подменыша вверх по бесконечно извивающемуся хребту лестницы.

— Все мы комья праха, — говорила она. — Ты это знала.

— Пожалуйста! — кричала Джейн.

Отчаянно, безмолвно она взывала к Меланхтону. Тот не откликался. Она погрузилась в примитивные глубины собственного сознания, где он обычно таился, молчаливый, бдительный, ждущий.

Дракона там не было. Он снова ее бросил.

— Ты алхимик и понимаешь, что все сделано из одних и тех же частиц. Разница между деревом и троллем только в том, как эти частицы составлены. — Над лестницей клубился холодный сумрак, разгоняемый лишь светом редких жаровен. Они казались серебристыми маяками в морском тумане; едкий дым поднимался там, где розовые сердечки углей соприкасались с влагой. — Если бы дерево обладало достаточной степенью самосознания, оно могло бы трахаться и жрать мясо.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— По-моему, выводы очевидны. — Мимо мелькали этажи. — Ты никогда не задумывалась, почему боги так скоры на гнев, вожделение и зависть? Откуда столько наследственных распрей, любовных интрижек, скандалов? Это мы специально. Глубина постижения мира и самих себя в этом мире среди нас столь велика, что различие между этими двумя понятиями стирается. Мы постоянно находимся под угрозой полного растворения. А Инколоре — не сомневайся — одни из величайших среди нас. Некоторые нашептывают, что... ладно, не важно. Наши пороки являются той силой сцепления, которая не дает нам соскользнуть с поверхности существования.

Джейн потеряла опору, и с десяток ступеней фата Жюиссанте протащила ее на весу, хотя девушка и брыкалась, словно

взбунтовавшаяся тряпичная кукла. Жюиссанте остановилась на площадке ровно настолько, чтобы Джейн опять встала на ноги, затем снова бросилась вверх. Ее каблуки высекали из ступеней искры.

— Но если... если... если ты на самом деле не ты... — Трудно мыслить ясно при таких обстоятельствах. — Если ты на самом деле фата Инколоре, тогда почему... почему ты ведешь себя как...

— Ты что, умственно отсталая? — вопросила Жюиссанте. — Я что, сама с собой разговариваю? Личность — фикция. Это ты, безусловно, в состоянии уловить. Фата Инколоре и Жюиссанте — лишь игры, в которые решили поиграть частицы материи. Я являюсь Лесей Инколоре не в большей степени, чем ты.

Они продолжали подъем. Фата Жюиссанте обладала поистине безграничным запасом энергии. Джейн заныхалась. Голова у нее кружилась. На мгновение ей показалось, что вокруг столпились призраки всех ее жертв, дергают за волосы, щиплют маленькими злобными пальчиками и безмолвно требуют вернуть украденные имена. Она тряхнула головой, и они пропали.

— ...вполне можешь спросить. Порой ребенок рождается без истинного имени. У него нет тонкого тела. Нет «я». Глаза есть, мозг есть, пальцы и прочие органы на своих местах и в нужном количестве. Но он неодушевленный. Он ничего не понимает. Ни на что не реагирует.

«Отдай мне мое имя», — произнесла Эсмери.

Джейн обернулась, и она пропала.

«Я хочу», — сказал Шатун, сказал Аполлидон, сказал Гандалак.

«Отдай мне», — сказал Губао, — «мою», — сказал Сумерека, — «жизнь», — сказал Гипаллага.

Их было слишком много, чтобы уследить, и в то же время никого, а Жюиссанте продолжала болтать:

— Когда такое происходит, государство берет ребенка под опеку. Посылает дракона через Врата Снов в нижний мир, чтобы собрать тонкие тела — там их называют душами — смертных детей. В верхний мир нельзя перенести ничего материального. Да, но души!..

«Я не чувствую себя виноватой, — сказала Джейн призракам. — Убирайтесь».

Они вихрились вокруг нее, менее телесные, чем скелеты осенних листьев, сердито шелестя, хлопая по губам со всей си-

лой капризного мотылька. Просто поразительно, что Жюиссанте их не видела.

Жюиссанте оглянулась через плечо.

— Если ты не хочешь меня слушать, мне придется выдавить тебе глаза.

— Нет, пожалуйста! — ахнула Джейн.

Наконец они добрались до верхней площадки. Задыхающаяся и измученная, Джейн споткнулась и остановилась. Жюиссанте распахнула дверь из слоновой кости.

— Здесь ее престол — алтарь в черепе.

Они шагнули внутрь. Прохладный белый свет разметал и прогнал призраков. Вдоль стены выстроились ларчики и сундуки, вырезанные из кости, пол устилали желтоватого цвета ковры. Низкий потолок удерживал вереницу светильников. Бледная стена делила помещение на две камеры таким образом, что нельзя было заглянуть в обе одновременно, только в одну. В каждой камере стоял стул с прямой спинкой, лицом к бронированному стеклу, вставленному в глазницы.

Жюиссанте впихнула ее в левую камеру.

— Мы стоим в черепе первой Инколоре. Если сидеть очень тихо, можно почувствовать, как сила ее личности гудит в глубине костей.

Если это правда, предок фаты Инколоре была личностью еще более странной, чем это можно было предположить по ее останкам. Головокружительное ощущение призрачности существования пронзило Джейн отовсюду. Здесь, она чувствовала, ничто особенно не стремилось остаться самим собой. Секретеру из белого клена было все равно, хранятся в нем письма или моторное масло, стоит он неподвижно или похоронен в земле, вопиет ли он о крови под проливным дождем или горит в огне. Алебастровый крокодил трепетал на пороге полета.

— Что... что ты собираешься со мной сделать?

— Это я и пытаюсь втолковать тебе, дурочка. Я подумываю уничтожить твою материальную оболочку и воплотить тебя в дрозда или малиновку. Со своей собственной ивовой клеткой.

Она принялась шарить по буфетам.

— Или лучше в маленькую розовую хрюшку. Инколоре могла бы водить тебя на шлейке. — Она метнула быстрый взгляд. — Ой, не смотри так! В облике свиньи у тебя была бы куда более приятная жизнь, чем у малиновки. Тебя, например, можно было бы приучить к горшку.

Позвякивали и побрякивали бутылочки.

— Сядь на стул, но не смотри в окно. Тебе может не понравиться то, что оно решит тебе показать.

У Джейн не было иного выбора, кроме как повиноваться, но все-таки она посмотрела...

Окно выходило в пустую комнату с одинокой парой рабочих ботинок, покоившихся чуть в стороне от центра. Они отбрасывали бледную тень. Один лежал на боку. К подошве пристала глина. Шнурки были грязные. Джейн ни за что не могла представить, почему окно сосредоточилось на подобной вещи. Однако ее похитительница оказалась права. По какой-то неведомой причине зрелище наполнило ее иррациональным ужасом.

— В алтаре два окна; одно смотрит на правду, другое на ложь. И даже фата Инколоре не знает, какое — куда. — Жюиссанте перевернула сундук и пинками разбросала по комнате его высыпавшееся содержимое. — И здесь нету! Где, во имя Аргейи, он может быть?!

Что-то в стуле, на который ее усадили, или, возможно, в самой комнате располагало к летаргии. Джейн уставилась на собственные колени, не в силах подняться.

— Ага! — Фата Жюиссанте победным жестом вскинула радиотелефон. Запиликали кнопки. Она подождала, затем произнесла: — Это фата Инколоре. Будьте добры, пришлите мне свинью. Да. Нет, животное должно быть симпатичное. Милое, да. Для меня очень важен его нрав. Нет, самочку.

Слушая, Джейн понимала, что ей следует огорчаться. Но трудно было придавать чему-либо значение. Апатия, удерживавшая ее на стуле, распространялась по всему телу. Если она не сделает что-нибудь прямо сейчас, то не сделает больше ничего никогда.

Пальцы подменыша сами собой подобрались к волосам и вынули из них маргаритку, которую раньше ей дал Ракета. Она посмотрела на цветок и сжала его в кулаке, сминая лепестки.

— Как быстро вы сможете ее доставить? Да, и еще атласную подушку!

Глядя себе на руки, Джейн сосредоточилась на истинном имени Ракеты и призвала его. До сих пор она не практиковала столь могущественные заклинания, но теорию знала вдоль и поперек.

«Тетигистус, — шепнула она в заполярном безмолвии подсознания, — приди ко мне».

Жюиссанте круто развернулась с телефоном в руке.

— Что ты сделала? — крикнула она. — Ты что-то сделала! Что ты натворила?!

Джейн рассеянно улыбнулась ей. Призыв выжег из нее остатки воли. Теперь она была совершенно пассивна. Ей даже не хватило сил заговорить.

На лестнице послышались шаги. Дверь отворилась, и вошел Ракета.

Он был великолепен. Юноша мгновенно оценил ситуацию. Он действовал без колебаний. В несколько неуловимо стремительных широких шагов он оказался возле Жюиссанте и выбил у нее из руки телефон. Испуганно вскрикнув, та бросилась на обидчика, царапая ногтями его лицо и стараясь дотянуться до глаз. Однако он ловко схватил ее за запястья и завел руки Жюиссанте за спину. Эльфийка подалась туловищем вперед, пытаясь достать зубами его яремную вену. Этого-то Ракета и ждал. Ее ухо на мгновение оказалось около его губ.

— Куносоура, — прошептал он так тихо, что в нормальных условиях Джейн вряд ли расслышала бы его. Но она знала истинное имя Ракеты и призвала юношу с его помощью. Произнесенное им слово прошло прямо сквозь нее.

Куносоура. Собачий хвост.

Истинное имя Леси Инколоре.

Когда оно прозвучало, обманный облик фаты Жюиссанте растворился. Черты перетекали одна в другую, какие-то делались жестче, какие-то мягче, иные заострялись. Когда метаморфозы закончились, фата Инколоре снова стала собой. Глаза ее закрылись, руки обвисли. Ракета подхватил обмякшее тело на руки. Подбородком указал на дверь:

— Открой, пожалуйста.

С возвращением фаты Инколоре сила, сковывавшая Джейн, пропала. Она вскочила со стула и открыла маленькую дверку, на которую он указал.

Дверь вывела их в комнату, стены которой были увешаны карнавальными масками. Окна отсутствовали. Ракета опустил сестру на кушетку.

— Там, в шкафу, аптечка, — сказал он. — Когда она придет в себя, дадим ей две белые капсулы. Должно хватить.

Убедившись, что Инколоре удобно, Джейн выпрямилась.

Они смущенно взглянули друг на друга.

— Да, — наконец выдавил Ракета, — удачно, что я заглянул.

— Да, — отозвалась Джейн, — повезло.

— Прошу прощения, что навязываю вам свое присутствие второй раз за сегодняшний день, мэм. Я сознаю, что не нравлюсь вам...

— Послушай, ты мне нравишься, ясно? Очень нравишься.

Ракета сделал шаг вперед. А Джейн шаг назад. Он озадаченно остановился.

— Тогда почему? Если я правда вам нравлюсь, почему вы ведете себя подобным образом? Почему так упорно морочите мне голову?

— Не хочу, чтобы ты влип, — ответила Джейн. — Вот и все. Происходят определенные вещи, и я не хочу повредить тебе.

— Повредить мне? — Ракета оказался самым решительным, самым искренним из всех, кого она встречала. — Покуда моя честь не запятнана, можете поступать со мной как пожелаете. Обращайтесь со мной дурно, если это сделает вас счастливой. Это не станет для меня больней вашего пренебрежения.

Ситуация становилась неуправляемой. Чтобы как-то ее приструнить, Джейн произнесла самым холодным тоном, каким сумела:

— Политические игры вашей сестры вышли из-под контроля, сэр. Она собиралась превратить меня в свинью. — Внезапно она осознала нелепость происходящего и нервно повторила: — В свинью!

— Это была фата Жюиссанте, — напомнил ей Ракета. — Но вы вправе гневаться, и если я не в состоянии исправить положение, то попытаюсь хотя бы объяснить. — Он вздохнул и сжал переносицу. — Глаза алтаря — тончайшие механизмы. Осуществление крупного превращения перед одним из них могло бы... как бы поточнее... исказить?.. нет, завладеть глазом, так что он не захотел бы смотреть больше ни на что, кроме самого акта трансформации, снова и снова. Это неизмеримо уменьшило бы власть Леси. Но под знаменем любви совершается столько странных дел.

— Любви! К кому?

— Ну, к Лесе, разумеется. Бедняжка Жюиссанте! Она живет в ужасе перед тем днем — а он приближается, — когда Леся вознесется в невидимый институт и станет стражем. Сделаться стражем — ужасный скандал и самая великая честь, какой только можно пожелать. Перспектива этого возбуждает всех заинтересованных лиц до предела. — Он пожал плечами. —

Даже при благоприятных обстоятельствах небожители пускаются в самые грязные игры, когда на кону любовь.

Джейн в долгом молчании размышляла над этим. Наконец она спросила:

— Страж? Это тот, кем является Балдуин?

Всю теплоту Ракеты точно ветром сдуло.

— Откуда вам известно о Балдуине? — сурово потребовал он. — Он один из Восьмерки. Никому не полагается знать о Балдуине.

Джейн коснулась мундира Ракеты. Она расстегнула две верхние пуговицы и скользнула ладонью внутрь. Ее пальцы гладили его грудь. Это смутило юношу, сбило с толку и заставило умолкнуть.

— Где ты живешь? — спросила она. — Я имею в виду полный адрес.

— Каэр-Арианрод. Север 9743-А, Плаза, двор Д.

Она во второй раз прибегла к его истинному имени.

— Отправляйся туда, — сказала она. — Забудь все, что случилось здесь сегодня.

И неохотно выпростала руку.

Ракета ушел.

Таблетки подействовали, и фату Инколоре передернуло. Лицо обрело цвет.

— Похоже, я у тебя в долгу.

— Мне не нужна твоя благодарность!

— Да, я так и поняла. — Длинные ногти барабанили по крышке аптечки, словно по маленькому барабану. — Полагаю, если я предложу устроить так, чтобы некий молодой и крепкий пилот дракона материализовался, обнаженный и готовый к употреблению, в твоей постели в одну из ближайших ночей, ты снова зарычишь на меня?

Джейн сложила руки на груди и промолчала.

— Ты и вправду на редкость упрямое создание. По-моему, я никогда не встречала никого на тебя похожего. — Леся непринужденно рассмеялась. — Ладно, сменим тему. Я не показывала тебе свою коллекцию?

Небрежный взмах руки в сторону масок на стене. На Джейн сверху вниз глядели суровые лица, пустые, самоуверенные, маняще бездушные.

— Нет.

— Они весьма ценные. И полезные. Мне в них нравится то, что при всем колдовстве, потребовавшемся для их изготовления, получились не просто грубые обманки. Это инструменты, зависящие от подготовки и природного таланта тех, кто их носит.

— Не улавливаю.

— Возьмем, например, эту. — Леся сняла со стены украшенную перьями полумаску. Она разлеталась от глаз на потешных крылышках, закрывала лоб и нос, рот же оставляя свободным. — Трех быков принесли в жертву, только чтоб ее активировать. Однако большая часть ее силы заключается в мастерстве применения.

Джейн невольно качнула головой.

— Обаяние маски достаточно сильно, чтобы скрывать истинный облик носителя, пока тот не заговорит. Подобную маску можно применять, и так часто поступают, для мимолетных сексуальных связей, дабы защитить свою репутацию. Но ее истинное предназначение — быть использованной в обольщении того, кто запретен для тебя и кого ты тем не менее сильно желаешь. Ты должна очень хотеть его, хотеть так страстно, что, когда вы соединитесь, сила твоего желания станет для него очевидной. Ты должна быть бесстыдна в своем сердце, должна делать вещи, о каких и помыслить не могла бы в обычном состоянии, и наслаждаться ими. Ты должна стремиться шокировать своего возлюбленного. Должна довести его до предела выносливости — чтобы, когда ты соскользнешь с его тела при первых бледных проблесках зари, он не сумел поднять руку, чтобы остановить тебя, хотя ему и будет хотеться. Все время, пока вы занимаетесь любовью, он будет всматриваться тебе в глаза, цвет которых, благодаря защитным силам маски, не сможет вспомнить, и видеть пылающую там яростную любовь к нему. Они станут зеркалами его внутреннего «я» и покажут его в куда более ослепительном свете, чем он когда-либо себя видел, как если бы он состоял из пламени. Он захочет знать, кто ты, — ты не должна говорить. Когда он спросит, любишь ли ты его, улыбнись и отведи взгляд. Он будет изучать цвет и пропорции твоих сосков и попытается определить размер твоих грудей по тому, как хорошо они заполняют его ладони, сколько каждой из них помещается у него во рту. Он будет запоминать твои вздохи и стоны и щекотать тебя, чтобы выучить музыку твоего смеха. Он сохранит в своем сердце запах и вкус каждой твоей час-

тички, нежную впадинку под шеей, теплое местечко на внутренней стороне бедра у самой верхушки, ароматы твоей вагины и то, как они меняются с каждой стадией возбуждения. Совершенно естественно интересоваться личностью того, кто настолько явно тебя любит. И таким образом в душе у твоего суженого просыпается то, что первое время может показаться просто легким любопытством. Небрежно — поначалу — он начинает искать тебя. Разумеется, единственный способ достоверно убедиться, ты это или нет, — заняться с тобой любовью. Ты должна устроить так, чтобы не оказаться одной из многих, кого он потащит в постель. Ты будешь ревновать к ним, ко всем вместе и по отдельности, — ревновать мучительно, но и беспочвенно. Ибо каждый раз, укладывая кого-нибудь в постель, он будет пробовать на вкус ее пот, лизать у нее под коленками и покрытую пушком полоску от поясницы до расселины между щечками и думать: «Нет. Не она».

Леся повесила маску обратно на стену, руки ее порхали грациозно, словно бабочки.

— То, что начинается как простое любопытство, вскоре становится неуправляемым. Проходят месяцы. Он одержим. Соперницы, внушавшие тебе больше всего опасений, одна за другой оказываются оскорблены и отторгнуты его поведением — ибо какая женщина не отличит, когда мужчина в постели с ней думает о другой? Ты остаешься неуловимой. Твой возлюбленный ведет себя как умалишенный. Им правит только любовь и желание. И тут вступаешь ты.

Было уже поздно, и если Джейн вообще намерена вернуть расположение Коринде, утром ей следовало выглядеть свежей и отдохнувшей. Она бы с радостью ушла, но Инколоре пребывала под действием таблеток и продержала ее разговорами еще час. Они обсудили сложности лорда Корво с его любовницами и шансы фаты Жюиссанте на выборах в сенат. Поговорили о войне. Поспорили о достоинствах горностаевых внутренностей в качестве катализатора для увлажняющих кожу заклинаний и о том, оправдывает ли увеличение производительности высокую цену.

Наконец Джейн собралась уходить. У двери она остановилась и, словно ей внезапно пришло в голову, поинтересовалась:

— Эта маска... можно ее одолжить?

— Дорогая моя, зачем, по-твоему, я ее тебе показывала?

Джейн намеревалась отправиться прямо домой. Но почему-то ноги понесли ее прочь от Термаганта в сторону Каэр-Арианрода.

«Я не стану входить, — думала она, поднимаясь в лифте на Плаза, двор Д. — Просто поднимусь на его этаж и сразу обратно».

Двери лифта распахнулись, и она ступила на ковер.

«Пройду мимо двери. Стучать не стану».

Постучалась. Маска фаты Инколоре по-прежнему болталась на завязках у нее в руке. Она нетерпеливо затолкала ее в сумочку.

Ракета открыл дверь.

— Джаене, — бесстрастно произнес он.

— Можно войти?

ГЛАВА 22

Джейн проснулась на рассвете. Нежно высвободилась из простыней и объятий Ракеты.

Оделась быстро, запихав белье в сумочку и не забыв подобрать непонадобившуюся маску. Ракета похрапывал. Рот у него был приоткрыт, придавая ему очень уж простоватый вид, который она находила неотразимым. Она бы поцеловала его, но опасалась разбудить, а ей хотелось уйти без шума.

На улицах было пусто. Похрустывал прохладный воздух, а город купался в свете раннего утра. Джейн шла быстро, почти бежала, размахивая руками, чтобы не замерзнуть. Через некоторое время она начала напевать старый шлягер:

Ты меня целовал?
Приходи, поцелуй.
Что тебе мои синяки...

Хищница услышала ее пение, рассмеялась и взмыла в небо — и пропала, затерявшись в золотом блеске зари, отраженном от миллионов зеркальных окон.

Обними, поцелуй,
Выпей соки мои,
Выжимая из...

Ее голос отскакивал от углов зданий и рыхлых кирпичных стен. Ей было хорошо!

Стояло прекрасное, замечательное утро. Настроение держалось всю дорогу до Термаганта.

Из верхней части небоскреба валил черный дым. Огромные языки сажи уродовали стены. Улицы были забиты эвакуированными обитателями башни. Пикси, оренды и тегские юристы

топтались кругом в возбужденном ошалении, в то время как манекенщицы, паури и лешие спорили друг с другом, тыкая пальцами вверх. Трое наркоторговцев притащили огромный колокол и вызванивали набат медленными ровными ударами.

Джейн уставилась туда. Высоко вверху блеснула вспышка света, за которой последовал отдаленный раскат, словно гром прогремел. Джейн словно ударили ногой в живот. Вся радость внутри свернулась. Кончилось. Все кончилось.

Подъехал «зеленый плащ», оттесняя толпу от здания металлическим нагрудником своего боевого коня.

— Отойдите! — скомандовал он Джейн.

— Но мне нужно внутрь.

— Внутрь никому нельзя. Этим занимается полиция!

Он наставил на нее копье, и ей пришлось отступить.

«Зеленые плащи» все прибывали, оцепив здание.

Что-то шевельнулось в темной части ее сознания, там, где прошлой ночью отсутствовал дракон. Меланхтон вернулся, восстановив свое молчаливое и непреодолимое присутствие.

Холодное ощущение срочности наполнило Джейн. Ей надо пробраться через полицейское оцепление. Она вытащила маску Инколоре и критически оглядела ее изнутри. В общих чертах понятно, как эта штука работает. Девушка не сомневалась, что сумеет с ее помощью сляпать заклятие невидимости, только бы раздобыть нашатыря, настойку красноты и лист бузины. Выгорит в пять минут, но этого должно хватить.

На углу имелась аптека. Она побежала.

Все пассажирские лифты притянуло жаром к пылающим этажам, словно мотыльков на свечу. Но грузовые лифты являлись более примитивными созданиями и управлялись вручную. Джейн завладела одним.

Трижды за время медленного до судорог подъема на семьдесят третий этаж гремели взрывы. При каждом из них она останавливала кабину и выжидала, не поврежден ли механизм и не перекосило ли шахту. Девушка боялась, что огонь заблокирует дорогу, но ее собственный этаж, когда она туда добралась, был лишь немного затянут дымом. Здесь оказалось неожиданно тихо. Она нёбом ощущала привкус горелой пластмассы и обугленного дерева.

Джейн шагнула в наклонный коридор. Маска сделалась горячей, и она сорвала ее с лица. Вспучившийся и потрескавший-

ся пучок перьев и бумаги упал на пол и вспыхнул. Она оставила его гореть позади.

Дверь в 7332-й номер отвалилась, стоило к ней притронуться.

Квартира была полностью уничтожена. Обстановка превращена в мусор. Внутренние перегородки исчезли. С потолка здесь и там косо свисали куски дранки с остатками штукатурки. Дракон был весь на виду — черная железная глыба.

В центре комнаты лежал Феррет Хорек с коротким обоюдоострым мечом. Это был атальм — Джейн узнала оружие по черной рукояти и почти неуловимому подергиванию намагниченного клинка.

Феррет был мертв.

Пол усыпали крохотные тельца, почерневшие и сморщенные. Вдоль стен они образовывали целые холмы. Мерионы погибали здесь тысячами. Их раса угасла. И хотя они были маленькими отвратительными фашистами, их истребление болью откликнулось в сердце Джейн.

Она машинально опустилась на колени рядом с Ферретом и погладила его короткие серебристые волосы. Они были мягкие, такие мягкие. В смерти его лицо сделалось открытым, бесхитростным, каким-то невинным. Слишком поздно она пожалела, что никогда не пыталась с ним сблизиться. Каким другом он мог бы стать! А теперь его нет.

— Кто бы мог подумать, что в нем столько силы, — прошептала она.

— Не все разрушения на его совести, — проворчал Меланхтон. — Меньше половины.

Она взглянула на него.

— Твой мастер Феррет был дурак. Возжелал получить удовольствие, захватив меня самолично. Но не такой дурак, чтоб не оставить записки. Скоро сюда нагрянут другие, и они вовсе не дураки. Мне бы еще месячишко на подготовку. Но сил для выполнения задуманного у нас до хрена и больше. Пора отчаливать. Настало время пройти Адовы Врата и двинуть на штурм Спирального замка.

Джейн подняла голову.

Феррет погиб, мерионы погибли, и наверняка имелись другие, угодившие в горнило битвы между Ферретом и Меланхтоном. Она должна была чувствовать себя опустошенной.

Когда Джейн и дракон вырвутся из Термаганта наружу, все находящиеся поблизости будут погребены под обломками зда-

ния. И это только начало всеобщей бойни. Они пустились на поиски разрушения, выступив против величайшего врага из всех существующих, чтобы погибнуть и смертью своей уничтожить историю. Это был конец всего.

Джейн ощущала необыкновенный подъем.

— Достаточно ли у нас энергии?

Она уже торопилась через битый камень и забиралась по трапу в кабину. Выкинула ветровку и блузку наружу в гостиную и захлопнула люк. Летная куртка ждала ее. Она застегнула молнию.

— Хватит, — мягко отозвался Меланхтон.

Но, несмотря на мягкость, голос его звучал уверенно и самодовольно, исполненный сознания накопленной силы и разрушительной мощи. Один за другим двигатели его просыпались, сотрясая стены и заставляя мигать приглушенные зеленые огоньки на панели управления. Там лежал шлем. Джейн надела его и убрала волосы внутрь. В кабине пахло кожей и смазочным маслом. Она натянула кислородную маску.

Джейн уселась в кресло, стиснула резиновые рукоятки и повернула. Иглы глубоко вошли в плоть. Вокруг сомкнулось панорамное зрение. Она снова покоилась в теплом центре сенсорной системы дракона.

С трех сторон от Термаганта высилось слишком много небоскребов, чтобы проложить сквозь них безопасный курс. Пришлось бы лететь на восток, навстречу восходящему солнцу. Уже сыпались кирпичи и куски лепнины, сорванные с места вибрацией драконьих двигателей. Джейн вызвала орудийные системы, и кнопки управления развернулись перед ней тремя лентами, словно клавиши огромного органа, на которых Госпожа играла самый первый рассвет.

Все было на месте.

— Готов? — спросила Джейн.

— Я был готов прежде, чем родился.

— Тогда вперед!

Три этажа рассыпались в пыль, когда они вырвались на свободу. Джейн краем глаза уловила, как увенчанная пирамидой секция Термаганта медленно оседает в серых клубах и ее очертания размываются по мере того, как рушатся стены. Окна повылетали на много кварталов вокруг, наполнив воздух искрящимся хрустальным туманом, который пылал красным в от-

раженном сиянии драконьих сопел. Потом все это пропало. Великий Серый Город под ними становился меньше и меньше, плотная сетка улиц и зданий постепенно сменялась пригородами.

Беглецы снизились над болотом Винни до уровня верхушек деревьев, будь там деревья. Под ними мелькали глинистые низины, промзоны, лачуги, нефтяные цистерны и свалки химических производств. Свет превращал мелкие водоемы и речки в серебро и раскрашивал радугой нефтяную пленку на их поверхности. Узкие дороги корчились и извивались, как змеи.

— Вверх! *Вверх!* — вопила Джейн, и дракон устремился в небо, проскользнув в нескольких метрах от проводов высоковольтной линии, оставив их яростно полоскаться в раскаленном кильватере.

— Слишком близко! Нельзя ли чуток повыше?

— Мы идем ниже их радара, — проворчал Меланхтон. — Надеюсь, ты слыхала о радарах?

Завод по производству драконов казался мазком на горизонте.

Джейн активировала две пушки и вызвала системы наведения. В центре поля зрения возник солнечный крест, слегка плавая вверх-вниз, пока они повторяли контуры земной поверхности.

— Первый заход, — скомандовала Джейн. — Мы снесем главные ворота и Часы Времени и сотрем в порошок камень Богини. — Она чувствовала себя дикой, свободной, мстительной, бесстыдной — неудержимой. — Засвидетельствуем суке свое почтение.

Она знала, что Богини не существует, что это просто метафора для явления, иным способом непостижимого, что силы, против которых они восстали, столь же безличны, сколь и всеобъемлющи. Но так было приятнее.

— Это не привлечет их внимания, — прорычал дракон. Он был заодно с ней и если что-то понимал в этой жизни, так это механизмы ненависти. — Чтобы привлечь их внимание, требуется по меньшей мере ракета с тепловой системой наведения прямо им в задницу.

Джейн легчайшим движением коснулась настроек, опустив солнечный крест на стены завода.

— Вот что мы сделаем.

Они пронеслись над главными воротами, словно гром, низко и тяжко, на дозвуковой скорости, и оставили расцветать за спиной два одинаковых куста пламени. Меланхтон свернул вправо и понесся над сортировочной площадкой, поливая адским огнем и «эльфийской гнилью».

Под ними с воплями корчились в агонии пылающие драконы и, даже умирая, яростно призывали к мести на всех частотах электромагнитного спектра. Один даже умудрился каким-то образом подняться в воздух, прежде чем топливный бак прогорел и взорвался и ящер кубарем врезался в стену грейферной.

Меланхтон смеялся, и Джейн тоже, с воплями и улюлюканьем круто разворачиваясь на второй заход. Изо всех зданий хлынули черные пятнышки. Из кузницы вырвалось пламя. Трескучие голоса вскипали на радиоволнах между безумными воплями драконов, требуя, чтобы они назвали себя, зовя на помощь, прогоняя их, приказывая поднять в воздух перехватчик.

Турбулентность взметнула бешеный орудийный огонь вверх, снеся одну сторону сборочного цеха. Но пламя успело разнести по кирпичику остатки передней стены. Джейн показалось, что она заметила крохотные, меньше муравья, фигурки: они мелькнули и пропали, метнувшись в дым, пользуясь возможностью удрать.

«Бегите», — подумала она.

Они пронеслись над сортировочной площадкой, чтобы убедиться, что первый заход сделал свое дело. Внизу царил ад. Сквозь дым она высмотрела сцепившихся в слепом бою двух драконов, исходящих яростью даже в момент смерти. Другие по-прежнему корчились в химическом пламени. Никто из них больше не представлял опасности.

Джейн начала разворачивать дракона для третьего захода. Большая часть стены обрушилась.

— Они приближаются! — крикнул Меланхтон.

Радар показывал три точки, поднимающиеся над горизонтом.

— Еще разок.

Заходя на последний круг, Джейн отключилась от оружия. Она старательно высматривала пятый корпус, где находилась казарма. Кажется, ей удалось его разглядеть, но они уже пролетели мимо. Заниматься поисками в такой ситуации означало примерно то же, что и искать что-либо при разрядах молнии.

«Бегите, — мысленно скомандовала она детям. — Не оглядывайтесь. Если Колючка и Тряпочка еще живы, они справятся. Они пронырливые. Но вот другие...»

— Я выполнил свою часть уговора, — произнес Меланхтон. — Смотри исполни свою. Держи курс крепко и заложи вправо, когда я скажу. При такой скорости у них чудовищный радиус разворота. Мы можем использовать его, чтобы откусить у них немного преимущества.

— Есть.

Преследователи виднелись у нее за спиной, словно поразительно точные миниатюрные копии, размерами не больше песчинок. Джейн различала их голоса по радио: спокойные и надменные молодые технократы и злобные машины.

— Мы их видим. Ястреб, так держать. Кто-нибудь идентифицировал модель?

— Вас понял. Навожу прицел. Все в порядке, это наш бой.

— Вырвем их вонючие потроха!

— Злодей, слишком широко взял.

— Дайте сделать ублюдка в задницу!

— Ястреб, Злодей, «воздух—воздух» на изготовку. Включайтесь.

Джейн застыла. Она узнала этот голос! Ракета! На один-единственный головокружительный миг показалось, что это невозможно, — она оставила его спящим за многие мили от базы перехватчиков. Однако у него имелся доступ в Дом Инколоре, чьи многочисленные двери, по словам Леси, открывались куда угодно. Сколько времени ему потребуется, чтобы добраться до базы, когда поступит вызов? Да нисколько.

— Давай! — рявкнул дракон.

Джейн круто развернула его. Перехватчики изрядно проскочили вперед, выпустив аэродинамические тормоза и уменьшаясь по мере роста дистанции.

Меланхтон теперь направлялся к северу. Джейн открыла дроссельный клапан.

— Полный вперед, — скомандовал дракон, перестроившись на максимальную скорость. — Хватит выдрючиваться. Идем прямо к Адовым Вратам.

— Где это? — Навигационные системы не помогали. — Они не помечены! Я нигде не могу их найти.

— Где они? Дура! Адовы Врата не место — это *состояние*.

Следуя указаниям Меланхтона, Джейн подняла его нос вверх. Прежде чем он успел бы заглохнуть, она врубила форсажные камеры. Ускорение вдавило ее в пилотское кресло. У Джейн сплющилось лицо и сузилось поле зрения — все прыгало, она могла глядеть только вперед. Дракон перехватил управление ее автономными функциями и подкачивал кровь ей к мозгу, чтобы не отключилась. Вставшие над ними столбы дыма сжались и пропали.

— Выходим на позицию. Глянь, куда полезли.

— Осади назад, Злодей.

— По-моему, я смогу подорвать торпеду.

— Назад!

Пока драконы переговаривались, перед глазами у Джейн мерцали буквенно-цифровые комбинации: серийные номера, официальные позывные.

2928-й: «Спускайся, лапонька. Мы хотим преподать тебе маленький урок экспериментальной энтелехии».

6613-й: «Х-ха!»

8607-й: «Твой пилот слушает? У меня для него сообщение: расправь щечки и соберись, говнюк, ща получишь онтологию в действии».

Джейн брезгливо поморщилась и установила глушитель, оставив только спокойную болтовню пилотов.

— Ястреб, можешь взять цель по радару?

— Эй, Ракета, ответ отрицательный.

— Черт, такой безумной тактики я еще не видел. Вы что-нибудь понимаете?

— По-моему, похоже на ВС-маневр.

— По-моему, тоже. Злодей, установи свою точку перехвата. Ястреб, то же самое слева. Я сяду ему на хвост и погоню прямиком на вас.

— Понял.

— Подтверждаю.

У преследователей имелось преимущество в высоте. Забираясь выше их, Джейн наполовину сократила дистанцию.

— Наглые ублюдки! — прорычал Меланхтон. — Думают, мы у них на крючке. Врубай кормовые орудия. Если подберутся на расстояние выстрела, врежь им. Так, для острастки.

— Хо-хорошо. — Джейн швыряло и колотило, будто игральную кость в каком-то великанском стакане.

Это было единственное, что она могла делать, следуя его указаниям. Вспыхнули и погасли приборные огни, когда Меланхтон запалил два блока сверхпроводников размером с бочонок, расположенные как раз под брюшными секциями его кирасы.

— Никогда не понимала, зачем нужны эти штуки.

— Смотри и учись.

Панорамный экран на триста пятьдесят градусов закрыла выставленная Меланхтоном магическая внешняя защита. Джейн видела, как из его железного тела, словно огромные невидимые крылья, брызнули электромагнитные поля. Там, где поля взаимодействовали с ионизированным следом дракона, вспыхивал мертвенный синий свет.

— Вон он куда, точно по графику. Это ВС-маневр, однозначно.

— Не пойму, зачем им Врата Снов, но никак иначе это истолковать нельзя. Займи позицию, Злодей. Разыграем как по нотам.

— Твой ход, Ракета.

Они покинули атмосферу, и Меланхтон обрубил реакторы. Синие паруса энергии потускнели, сделались рябью на ткани пространства. Они немного пролетели по инерции. После расплющивающих сил ускорения внезапная невесомость едва не заставила Джейн опростать желудок. Она сглотнула внезапно подкативший к горлу комок и быстро проверила все системы. Все в порядке.

— Можешь подключиться к нашим преследователям на электронном уровне? Хочу перемолвиться лично с их командиром.

— Я занимался электронными контрмерами с тех пор, как они появились над горизонтом, — пренебрежительно откликнулся Меланхтон. — Нá. Можешь обменяться любезностями со своим ненаглядным виртуально.

На панорамном экране появилось лицо Ракеты.

— Джаене! — воскликнул он изумленно. — Ты-то что здесь делаешь?

Она не нашла сил ответить.

— Тебя похитили, — мрачно констатировал он.

Терзаемая воспоминаниями, она отрезала:

— Кончай базар! Я знаю, что делаю.

На заднем плане беглянка различала невнятное, недостаточно задавленное глушилкой бормотание драконов, их ярость несла осуждение более сильное, чем способны выразить любые слова. Она не могла ее игнорировать. Словно кости, кишки и все внутренние органы Джейн обрели собственный голос.

— У меня нет будущего. Я всю жизнь была пешкой в нечестной игре. Карты мечены, и меня объявили проигравшей еще до начала раунда. Это не пустые слова! Какой выбор у меня оставался? Только этот, прямо здесь, прямо сейчас. Я могу либо смиренно проглотить поражение, либо опрокинуть стол и смешать карты. Меня обсчитывали с первого дня — я больше не намерена быть хорошей девочкой!

— Тебе не пройти через Врата Снов, — напряженно сказал Ракета. — Плевать, что говорит твой дракон, это ложь. Драконы лгут. Ты не знаешь, что ждет тебя по ту сторону. Если ты пройдешь, то окажешься...

Его изображение резко пропало. Но Джейн слишком хорошо знала Меланхтоновы схемы, чтобы позволить ему проделать подобный трюк. Она отменила последние команды. Ракета появился вновь.

— ...навеки. Земное тело, которое ты покинула, до сих пор живо. Подобное взывает к подобному. Тебя притянет прямо к нему.

Струящиеся электромагнитные линии сброса впереди полоскались как безумные, словно прорываясь сквозь неподатливую среду.

— Ага, ага.

— Вы не воссоединитесь. — Дракон Ракеты что-то сказал пилоту в наушники, и тот нетерпеливо тряхнул головой. — Ты окажешься заперта в своем старом теле. Ни речи, ни реакций, ни какого бы то ни было сообщения с внешним миром. Может, ты даже будешь не в состоянии контролировать физиологию.

— Прекрати идиотничать, кретин!

Она не хотела грубить, но ее отвлекало бормотание драконов. Три потока ярости в сочетании с гневом собственного дракона и внезапно нахлынувшим пониманием слагались у нее в крови в быструю лихорадочную музыку.

— Я хотела сказать... до свидания. Я просто хотела сказать — я не в обиде. Всего-навсего. Но ты все время болтал!

— Я должен заставить тебя слушать. Ты не знаешь...

— Я знаю все, — оборвала она его. — Я знаю самое худшее. Ты не можешь сказать мне ничего нового — меня целовал Балдуин.

Меланхтон взревел от ужаса и облегчения. Именно это он пытался от нее скрыть: что, если у них все получится, в результате она, с шансами пятьдесят на пятьдесят, окажется заброшена в свое исходное тело. Если разрушение окажется хоть на йоту меньше, чем вселенским, она проведет остаток жизни пленницей внутри собственной чуждой плоти.

Но Джейн было наплевать. Она давным-давно догадалась. Ее воля была столь же тверда и непреклонна, как и собственная воля дракона.

— Я пытаюсь помочь тебе, дура! — Ракета наконец рассердился. — Ты делаешь ужасную ошибку.

— Помочь? Что ты имеешь в виду? Если я поверну сейчас, мне дадут спокойно уйти? Без обид? Я смогу возобновить свою карьеру с того места, где бросила? Может, ты собираешься жениться на мне и увести в чистый белый мраморный город на покрытых травой и омытых ветрами равнинах Маг-Мелла? Так, что ли?

Ракета закусил губу. Глаза у него сделались как два уголька.

Электромагнитные поля резко стабилизировались, смешались, сжались в сужающееся копье и пропали вовсе.

— Вот и наши ворота, — доложил дракон.

Адовы Врата расцвели на дальней границе видимости, зыбкая чернота на фоне звездной чаши пространства. За ними мерцали две яркие точки: товарищи Ракеты занимали позиции там, где ожидали открытия совсем иных ворот.

Ракета недоверчиво возвысил голос:

— Черт тебя подери, что ты делаешь? По ту сторону все неустойчиво. Одно неверное движение может перепахать в равной степени и верхний, и нижний миры. Ты не можешь пройти через Адовы Врата.

Он выглядел таким бледным и измученным, что Джейн захотелось обнять его.

«Я люблю тебя, — подумала она. — Я хочу тебя».

Но нечто сильное и извращенное внутри нее хотело не утешить, но дразнить и провоцировать его. Она совершенно не понимала этого порыва, но была беспомощна перед ним.

— Следи за мной. — Меланхтон мерзко хихикнул.

— Я защитник, — произнес Ракета сдавленным голосом. Лицо его пылало, он едва сдерживался. — Не злоупотребляйте моими чувствами к вам, госпожа. Я не поступлюсь ради вас своей честью — нет!

— Никто тебя и не просит.

Выжатые из ничто, Адовы Врата оказались двояковыпуклой дырой в бездне. Два ведомых пилота, предвкушая иной набор условий, не смогли заложить вираж достаточно резко, чтобы последовать за ней и ее драконом туда. Они отстали, их драконы разочарованно вопили, взыскуя боя. Но зверь Ракеты попрежнему висел у нее на хвосте, отчаянно стремясь догнать и уничтожить.

— Последнее предупреждение!

— Отвали — ты попусту сотрясаешь воздух. Я уже по ту сторону всего этого.

— *Джаене!*

Адовы Врата взорвались ей в лицо.

Они летели высоко над кипящим белым океаном. Его поверхность пенилась и пузырилась, выбрасывая вверх яркие, как электрическая лампочка, пики с полмили высотой. Одна выстрелила прямо под ними, и они едва успели увернуться. За секунду перед тем, как опасть, пик быстро втянуло обратно в океан, и он растворился там.

— Что за чертовщина? — спросила Джейн.

— Квантовая неопределенность — хаос — бесформенная материя — материал творения, — рассеянно отозвался Меланхтон. — Для того, чем он является, нет подходящего имени. Да какая разница? Просто постарайся, чтобы ни одна из них не коснулась нас.

Впереди медленно переворачивалась в бесцветном небе белоснежная морская раковина, которую Джейн могла бы заслонить большим пальцем вытянутой руки. Спиральный замок!

Ракета выпустил по ним реактивный снаряд класса «воздух—воздух». Тот устремился вперед с прямодушной яростью. Следящие устройства дракона перевели охотничью песню снаряда в нарастающий электронный писк. Как только звук достиг пика, Джейн резко дернула Меланхтона влево. Тварь проскольз-

нула мимо правого крыла. Протуберанец первородного океана вырос под ними, и их снова бросило вправо.

— Гребаный Цернунос! Мы не можем подняться над этим дерьмом?

— Местные условия — выше никак. Забудь. Твой летун слишком близко. Отбрось его назад.

Джейн запоздало вспомнила о кормовых орудиях и подорвала торпеду. Дракон Ракеты качнулся в сторону и вернулся на курс, не утратив ни капли скорости. Джейн вильнула вокруг поднимающейся колонны и мельком увидела, как он нырнул под опадающую петлю первобытной материи ради мизерного выигрыша в дистанции. Что ни говори, а Ракета великолепный пилот.

Два черных взрыва расцвели в воздухе за спиной Ракеты, это появились в кильватере его братья по оружию.

— Эй, парень, соскучился?

— Надеюсь, ты нам что-нибудь оставил.

Они выстроились боевым порядком. Их троица то появлялась, то пропадала среди извивающихся, вздымающихся и опадающих щупалец света. Вдруг в эфире возник голос Ракеты, чистый и неожиданно высокий. Он пел:

Я плачу о любви — она мертва!
Я плачу о *любви!* Но наши слезы
Не в силах растопить покровы льда,
Сковавшие черты моей любимой!

Перед ней взмыла, раскачиваясь, звездная вспышка, и Джейн едва успела увернуться.

— Он спятил! — воскликнула она. — Какого дьявола он вытворяет?

— Поет тебе отходную. — Странная интонация — почти сожаление — мелькнула в голосе Меланхтона. — Это воинская традиция. Не обращай внимания.

Более глубокий, чем бас, рокот 8607-го поднялся фоном к голосу Ракеты, и к нему присоединились сдвоенные голоса Ястреба и его 2928-го и Злодея с 6613-м, все сливаясь в одно:

Где ты была, о всеблагая Мать,
Где ты была, когда она лежала,
Лежала дочь любимая твоя,
Пронзенная копьем, во тьме летящим?

В песне присутствовала странная, неотмирная красота. На мгновение Джейн с дрожью представила, каково было бы, будь Меланхтон подчинен ее воле, такой же умный и сильный, но послушный.

— Трусы! — взревел Меланхтон. — Имей вы хоть каплю самоуважения, сбросили бы этих паразитов и присоединились ко мне. Лизоблюды! Рабы!

Но пение продолжалось не прерываясь. Лес беспорядочных водяных смерчей заслонил их от преследователей, однако дистанция медленно, но верно сокращалась.

— Я еще не умерла! — крикнула она им.

Не обращая внимания, ее преследователи допели панихиду до конца. Песня не отвлекла их от текущей задачи, скорее помогла сосредоточиться. Когда они закончили, то оказались ближе, чем когда начали.

— Посторонись, Ракета, — манерно протянул Ястреб, — и я выпущу вэвэшку.

— Нет.

— Эй, доверь мне выстрел. Это ж верняк.

— Нет!

— Мы приближаемся к точке невозврата, — произнес Злодей. — Топлива хватит еще на пару-тройку минут, если мы хотим вернуться на базу невредимыми. Дай нам цель!

— Нет, она моя.

Дракон Ракеты дразняще завис на краю слепого пятна Джейн, то пропадая, то мельком появляясь на периферии зрения. По иронии, его близость закрывала ее от ракет его же товарищей.

— Ракета, отвали с дороги!

— Трехмерная конвергенция — и залп, начальник. Как по учебнику.

— Говорю вам, она моя.

Он медленно подбирался ближе, в удобную для схватки позицию, откуда уже никакая мыслимая тактика увиливания не сможет его выбить. Даже не будь дракон Ракеты моложе, сильнее, быстрее — а у Джейн не было причин сомневаться в его превосходстве, — пилот из нее никакой. Она не обладала даже малой толикой Ракетиных боевых навыков.

Спиральный замок приближался, но медленно, слишком медленно.

— Вот и момент истины, — побормотал Меланхтон.

Джейн видела, как четыре точки света на навигационной панели подползают к изогнутой оранжевой линии — пределу дальности драконов. Никто не мог пересечь ее и надеяться вернуться домой живым.

Ястреб и Злодей уже натягивали вожжи своих разочарованных скакунов, поворачивая у самой линии. Когда командир не последовал за ними, они окликнули его. Голоса их были исполнены страха.

— Осторожно, Ракета!

— Эй, парень! Поворачивай!

— Ракета!

Джейн оборвала их угасающие голоса. На виртуальном экране она видела лицо Ракеты, его глаза, застывшие на ее собственном виртуальном изображении. В переплетении чужих инверсионных следов она различала тоненькую кривую собственного, видимую на высоких ультрафиолетовых и глубоких инфракрасных частотах, — перегретый ионный след сотни истинных имен, с таким трудом собранных, а теперь растрачиваемых в затяжной и безрассудной гонке. Дракон Ракеты уже почти пересек оранжевую черту.

— Последний раз предупреждаю тебя — поворачивай!

— Ни за что, — мрачно отозвался он. — Мы падем вместе.

— Как хочешь! — каркнула она.

На экране Ракета выглядел словно молодой бог. Боевой огонь яростно пылал на его лице. Отставшие братья по оружию, видно, что-то сказали ему, ибо лицо его внезапно перекосилось.

— Она моя! — заорал он. — Никто, кроме меня, ее и пальцем не тронет!

— Так догони меня, красавчик! — насмешливо крикнула Джейн. — Что поймаешь, то твое!

Дракон Ракеты пересек черту.

— Черт! — мрачное бормотание Меланхтона пронзило возбуждение Джейн.

— Черт? Что значит — черт?

— Сама подумай.

Теперь 8607-й находился у них в мертвой зоне, прямо рядом с одной из дюз, недоступный для их орудий. Но в самый раз, чтобы выстрелить самому. Девушка рывком послала дра-

кона вправо, влево, снова влево. Ракета следовал за ней с изяществом, явно не требовавшим усилий. Он не собирался уходить. А Спиральный замок по-прежнему маячил далеко-далеко впереди.

— Нам его не обогнать! — выкрикнула Джейн во внезапном отчаянии. — Ничего у нас не получится.

— Тогда давай мне истинное имя полукровки.

— Что?

— Его истинное имя, — прорычал Меланхтон. — У меня есть программа, и я знаю, как ею пользоваться. Скажи мне его имя, и я смогу приказать ему уничтожить собственного скакуна.

— Нет!

— Я знаю, оно тебе известно. Оно пылает в твоем сознании путеводной звездой.

Дракон запустил в нее темные щупальца. Джейн легко могла бы изгнать его, быстро отключив и снова включив электросети. Но при таких скоростях нельзя позволить себе ни на мгновение отвлечься. Их просто убило бы обоих.

— Ракета! — крикнула она. — Поворачивай назад! Поворачивай!

Прикосновение дракона было нарочито грязным, почти карикатурным, словно руку обмакнули в черную патоку, а потом провели по манишке белоснежной шелковой блузки. Шустро, словно мокрая крыса на садовой стене, он юркнул в завалы ее воспоминаний.

В этом не было логики. Для него не существовало запретных мест.

— Выслушай меня! — Она слышала, как он всхлипнул: негромкий и жуткий звук, состоявший в равной степени из слез и желания. — Ракета!

В следящих системах зазвучал писк второй твари класса «воздух—воздух». Пронзительное попискивание, пока она искала фокус радара. Радостный вопль, когда нашла.

— Имя! — Дракон настигал свою жертву.

Джейн сопротивлялась, наугад бросая ему под ноги обрывки воспоминаний: Крысякис стоит с членом в руке, глумливо ей ухмыляясь. Гвен примеряет новую цепочку. Малявка сидит в тени за ящиком с металлической стружкой, плачет, а Задира с отвращением на нее смотрит. Ее тащат по закручивающемуся хребту Дома Инкол... Меланхтон жадно вцепился в увиденное.

— Куносоура! — выкрикнул он в момент залпа.

Перед глазами Джейн на мгновение возникла сферическая волна и унеслась навстречу преследователю. Должно быть, истинное имя сводной сестры имело на Ракету какое-то косвенное влияние, ибо при соприкосновении с ним снаряд завертелся как безумный и кувырком полетел в сияющий океан. Вздымающийся кунол выпуклой белизны коснулся его, и реактивная тварь без перехода просто прекратила свое существование, растворившись в своем же потенциале. Истинное имя Леси также обрушилось под тяжестью собственных слогов и перестало быть.

Пошла третья боеголовка. Джейн слышала ее голос в наушниках, и голос Ракеты тоже. Он негромко мурлыкал себе под нос в причудливом сплаве ярости, похоти и отчаяния:

— Давай, детка! Чуть ближе. Да. Да, вот я тебя и поймал. Я взял тебя сладко и гадко. — Он твердо и неуклонно удерживал 8607-го в хвосте Меланхтона, как раз на границе досягаемости ее орудий. Пошло попискивание. — О-о-о да-а, вот ты и моя.

— Разве твое слово ничего не значит? — потребовал Меланхтон. — Ты всю дорогу лгала себе, воображала, что можешь заставить своего любовника-полукровку остановить тебя, спасти от последствий твоих же поступков, оттолкнуть кинжал, подхватить тебя на руки и унести в розовую теплую атласную постель, где вы лежали бы в безопасности и уюте, словно две горошины в стручке, всю оставшуюся жизнь. Чушь! Не важно, что он чувствует и чего хочет. Он уже не может сделать ничего, кроме как убить тебя. Вселенная снова загнала тебя в угол — убей или умри. Выбора нет. Неужели тебя это не злит? Не заставляет жаждать мести? Или ты собираешься очередной раз прогнуться перед Госпожой Судьбой, чтобы оказаться раздавленной и, насколько я знаю, воскреснуть и снова и снова бегать по пыточному лабиринту? Хоть раз поднимись с колен!

— Я...

Третья боеголовка издала радостный вопль.

— *Имя!*

Это было неизбежно. Она ничего не могла поделать.

— Тетигистус, — шепнула Джейн.

Меланхтон победно взревел, когда тварь, пойманная в момент запуска, взорвалась прямо перед 8607-м. Дракон Ракеты развалился на части.

Джейн не могла смотреть. Она плакала от ярости.

«Убить суку!..» — подумала она в отчаянии.

Вокруг нее, закручиваясь смерчами, как безумные плясали протуберанцы.

«Если я должна умереть, пусть это будут мои последние слова, моя последняя мысль. Убить гребаную суку!»

Сердце колотилось.

«Убить суку убить суку убить суку убить суку!»

Слова бежали у нее в мозгу, сливаясь в одно, превращаясь в вопль, мантру, истерическую молитву, последнее скупое признание власти Богини.

Спиральный замок становился все больше, заполняя ее поле зрения своими белыми как мел стенами. Джейн чувствовала себя мошкой, атакующей континент. Меланхтон смеялся — *смеялся!* — пока они летели, паля изо всех орудий. Чистое воплощение безумия и разрушения. Железное тело ящера каждый раз содрогалось, когда попарно срывались ракеты.

«Я камень в праще, — думала Джейн. — Я стрела в полете».

Это была ее собственная мысль, но на вкус как драконья. Кабина нагревалась, пот щекотал подменышу лицо и тек из подмышек, тело сделалось скользким и чесалось. Наплевать. Для этого она родилась, выросла, училась, на долгие скучные годы изгнанная с небес, которых теперь надо достичь.

И вот всему конец.

Спиральный замок все рос и рос, заполняя собой вселенную, океан под ними сделался странно спокойным, что-то стало происходить с драконом.

Началось с ослабления чувствительности в кончиках крыльев, и процесс этот распространялся стремительно. Колонки буквенно-цифровых показателей упали до нуля. Конечности дракона окоченели. Пропала всякая чувствительность на коже. Огромные массы данных о состоянии пропали. Квантовый океан внизу заслонили обрывки белого тумана. Они летели сквозь тепловатую, разъедающую молочную белизну. На внешней оболочке дракона росли пятна ржавчины. В шкуре появились прорехи.

Атмосфера пожирала Меланхтона снаружи.

— Что происходит?! — кричала Джейн. — Что происходит?!

Контрольная панель не отзывалась.

— Пытки и содомия! — взвыл дракон. — Проклятие, смерть и красная мука, говорю я. Имел я эльфов, имел я тегов, имел я гномов, кобольдов, нимблей и гримов. Имел их всех во всех позах и смыслах. Я направляю на них око смерти. Я призываю на них слово гнева. Я проклинаю их криком вины. Будь прокляты они и их повелители, и боги, и хозяева, и матриархи!

— Что мне делать?! Скажи мне, что делать!

От драконьего тела отрывались громадные куски. Джейн оглушал жуткий скрежет раздираемого металла. Двигатель взорвался и отвалился. Ее швыряло из стороны в сторону. Большая часть дракона была разрушена, оставшееся таяло, а он все исходил яростью на Богиню, жизнь, на сам факт бытия.

— Скажи мне!

Голос Меланхтона поднялся в бессловесном вое, и боевая машина рассыпалась в ничто.

— Прости, — тихо сказала Джейн. — Мне жаль, что все кончилось таким образом.

У дракона не осталось слов. Его лингвосистемы погибли. Но связь между ним и Джейн была достаточно сильна, и она по-прежнему различала чувства, выливающиеся в смертный вопль: удовлетворение оттого, что она тоже умрет, и сожаление, что это произойдет так быстро.

Остался лишь крик, внезапно сделавшийся тише, затем вдруг перешедший в скулеж, — и тишина.

Его больше не было.

Бесконечное мгновение Джейн продолжала двигаться сама по себе. Инерция с неослабевающей скоростью несла ее вперед сквозь тепловатую белизну. Их цель нескончаемо увеличивалась, ничуть при этом не приближаясь; она могла лететь вечно и никогда не достигнуть ее. Подменышу как раз хватило времени сообразить, что у них изначально не было ни единого шанса, что Спиральный замок по природе своей защищен от самых героических усилий и драконов, и женщин.

Затем она умерла.

ГЛАВА 23

Сильвия в запятнанном лабораторном халате склонилась над электронным микроскопом.

— Мама? — удивленно произнесла Джейн.

— Тсс. — Не поднимая головы, Сильвия сунула в угол рта сигарету. — Не подашь огоньку, милая?

Джейн повиновалась.

— Заразы мелкие! — Ее мать глубоко затянулась и выдохнула дым через нос. — Они действительно попытались, но как же трудно заставить этих тупых тварей понять, чего я от них хочу.

Лаборатория казалась до отвращения обыденной: шлакоблочные стены выкрашены в невыразительный бежевый цвет, рабочие столы покрыты эбонитом, окна отсутствуют. Непостижимо. Последнее, что Джейн помнила, это разваливающийся на части в белесом тумане над квантовым океаном Меланхтон. А теперь вот. Голова у нее гудела. Она пребывала в том же странном ошалении, в какое всегда впадала где-то через час после приема кислоты, как раз перед наступлением прихода.

— Где я? — выдохнула она.

— В Спиральном замке, — ответствовал мужской голос.

Она резко обернулась.

На вновь пришедшем красовался костюм в очень тонкую полоску со старомодно узкими лацканами. На голове сидел щегольский черный котелок с загнутыми двумя короткими рожками полями. Хотя лицо у него высохло и сморщилось, в глубине глаз мерцало веселое удивление. Губы его сложились в улыбку.

— Мисс Джейн, — произнес Балдуин, — приятно увидеть вас снова.

Джейн уставилась на него, разинув рот.

— С вашего позволения. — Он взял ее под руку. — Для меня большая честь стать вашим чичероне.

— Моим кем?

— Провожатым. — Коснувшись шляпы перед Сильвией, он повел Джейн к двери. — В конце концов, Спиральный замок такой большой, и в некоторые его части вам вряд ли хотелось бы забрести даже по ошибке.

Поступь его была широка и энергична. Джейн поспешила, чтобы не отстать.

— В юности у меня был «Транс Эм»[1]. — Голос Балдуина звучал доверительно и тепло, но не отличался особой силой.

Джейн приходилось наклоняться, чтобы расслышать слова. Пустая тишина после хлопка двери с проволочной сеткой отдавалась эхом у нее в ушах, хотя она не помнила, чтобы сетчатая дверь хлопала.

— Очень серьезная, мощная машина, и я вложил в нее немало труда. Я тогда работал сварщиком на верфи ВМФ, и, когда намечался простой на несколько недель, я брал с собой приятеля, чтобы крутить баранку по очереди, и мы катили через все Штаты до самого Форт-Лодердейла, прихватив с собой термос черного кофе и полные карманы амфетаминов, чтобы не заезжать в мотели. Мы врубали радио на полную и слушали, да, «Квин», «Ти Рекс», может, немного раннего Спрингстина. Все, что крутили местные диджеи. С ревом неслись вперед, под ливнем поющих электронов, низвергающихся на нас из ионосферы, словно механизмы ночи обрели голос. Когда едешь достаточно долго, перестаешь обращать внимание на трассу и до некоторой степени впадаешь в состояние дзен. Делаешься очень спокойным. Двигаются только руки и рулевое колесо. И мир проплывает под тобой.

Джейн нахмурилась, изо всех сил стараясь уследить за нитью повествования, тянущейся сквозь дебри незнакомой терминологии. Она посмотрела вверх и обнаружила, что они идут по тропе через густой лес. Листья на деревьях отсутствовали, и ветви заканчивались не побегами, а частями человеческих тел. Ближайшие были сплошь из кистей рук, неподвижных в стоя-

[1] *«Транс Эм»* («Trans Am», сокращение от «Trans American») — модификация автомобиля «Pontiac Firebird» 1969 года.

чем воздухе. Под ногтями собиралась прозрачная жидкость, образовывала капли на подушечках пальцев и с печальным шлепком падала на глинистую почву.

— Однажды, проезжая через Каролину где-то между двумя и тремя ночи, Джерри-Ди и я обогнали белый «лотос», в котором сидели две блондинки. Мы бибикнули и помахали им. Они показали нам фак и втопили. Я, разумеется, сделал то же самое, но, даже несмотря на двухскоростной ведущий мост, мы им в подметки не годились. У нас был мощный автомобиль, но у них была секс-машина. Они заставили нас глотать пыль.

Земля по обе стороны тропы пошла вверх. Джейн подняла голову к далеким склонившимся над тропой деревьям и не увидела горизонта. Она переводила взгляд все выше и выше, пока наконец не узрела деревья, делающие петлю высоко над головой и спускающиеся обратно вниз по другой стороне. Они шли по огромной трубе или туннелю, который головокружительно извивался, словно артерия, выбегающая из темного сердца невообразимо большого тела. Гротескные полулюди-полудеревья сомкнулись вокруг них.

— Через десять-пятнадцать миль мы увидели «лотос» на парковке у Роя Роджерса. Мы завернули туда за гамбургерами навынос. Девушки были там. Мы заговорили с ними. Когда мы уезжали, Джерри-Ди пересел к хозяйке «лотоса». Ее подруга поехала со мной.

— Это не про наш мир, так ведь? — только и смогла выдавить Джейн. Когда Балдуин говорил, ее неумолимо уносило потоком слов и она без усилий понимала его. С другой стороны, сосредоточиться удавалось с трудом. — Я имею в виду, не верхний мир. Это, наверное, происходило в нижнем мире.

— Ай, уж не думаешь ли ты, что между ними имеется принципиальная разница? Как бы то ни было, вот он я и трущаяся об меня блондинка в шортиках. Педаль в пол, ее язычок у меня в ухе, а рука в штанах. Я задрал ей топик на бретельках и мял груди. Воздух мерцал скрытым откровением. По радио Литл Ричард пел «Тутти-фрутти», и почему-то казалось очень важным, что слышимое мной закодировано электромагнитным способом, передано в виде модулированного излучения, восстановлено с помощью радио в звук и только где-то в темных уголках моего мозга интерпретировано как музыка. Тогда я почувство-

вал, что мир есть иллюзия, и притом весьма убогая, изображение, спроецированное на тончайшую из пленок. Стоит надавить на нее под определенным углом — и я смогу выйти из мира вообще. Я расстегнул ее шортики. Она немного поерзала, помогая мне. Я сунул ладонь ей в трусики. Я размышлял о том, что все в мире суть информация, когда обнаружил, что сжимаю стоячий член. Я резко повернул голову. Блондинка яростно улыбалась мне в лицо. Моя рука непроизвольно сжала ее член. Ее пальцы стиснули мой. Это могла быть одна и та же рука. Мы могли быть единым сдвоенным существом. Машина мчалась под сотню миль. Я даже не смотрел, куда мы едем. Мне было все равно. В этот момент я и достиг просветления.

Что-то подвернулось под ноги. Джейн споткнулась и, обернувшись, увидела, что рука, торчащая из корней ближайшего дерева, схватила ее за туфлю.

Она ахнула и выдернула ногу.

Туфля свалилась. Рука засунула туфлю в рот, открывшийся в стволе, и дерево ее начало жевать. Джейн даже не попыталась вернуть потерянное, а заковыляла дальше за невозмутимым Балдуином.

— Я делал все, что мог, лишь бы не пустить тебя сюда, — заметил он. — Спиральный замок слишком опасен, если попадешь сюда раньше времени.

— Я не понимаю! — крикнула она. — Что означает ваш рассказ? Объясните мне, о чем он.

— Подобные вещи может растолковать только Богиня, — с мягким недоумением произнес Балдуин. — Кто я такой, чтобы говорить за Богиню? Я всего лишь ее консорт — и далеко не единственный, уверяю тебя. Ты сможешь задать любые вопросы, когда встретишься с ней.

— Я думала, Богини не существует. Я полагала, что это метафора.

— Богиня совершенно точно существует. К ней я тебя и веду.

Веер холодных детских пальчиков мазнул Джейн по щеке. Она отпрянула и передернулась. Но тропинка становилась все уже, кусты и деревья подбирались к ней все теснее. Ее толкали и пихали темные формы, она натыкалась на чьи-то руки и плечи. Ветер донес дизельный выхлоп, и затем толпа, Балдуин

и все остальное хлынули вниз по лестничному маршу. Джейн, беспомощную, несло вперед.

Люди вокруг молчали. Опустив головы, они торопливо спустились на несколько маршей. Слышалось только шарканье подошв и цоканье каблуков. Граффити на грязных каменных стенах имели странную форму, и Джейн не могла их прочесть. Пальто и сумки на плечах стискивали ее со всех сторон.

Ступени повернули и пронесли их мимо рядов хромированных турникетов, прочесывавших толпу, словно шерстяную кудель. Из горловин темных проходов за ними донесся рев, словно голоса огромных машин или низвергающихся в бездонные пропасти водопадов. Внизу лестница вынесла ее в едва освещенный зал. Толпа рассеялась, чтобы заполнить открывшееся пространство, но не замедлила темпа. Все оставались молчаливы, торопливы, погружены в себя.

— Уже недалеко, — обнадежил Балдуин.

Джейн кивнула.

Впереди она видела яркое озерцо света; толпа, не снижая скорости, обтекала его. Подойдя ближе, подменыш разглядела, что это ребенок, девочка с красными розами в волосах. Кожа у малышки была бледнее мрамора, обесцвеченная и бескровная. Черты лица изящны и тонки, без малейшего намека на слабость. Она взглянула на Джейн глазами такой же резкой белизны, как и ее кожа, ее платье, ее волосы.

— Ты! — воскликнула она.

— Я? — Джейн в изумлении остановилась.

Никто не обращал на невероятное существо ни малейшего внимания. Толпа спешила мимо.

— Ты такая глупая! — сказала девочка. — Как можно быть такой дурой?

— Я...

— Ты же ничегошеньки не поняла, так? — Она сгребла летную куртку подменыша и принялась шарить по карманам. — Какая же ты идиотка, полная кретинка. Ты стала причиной Задириного увечья — зачем ты попусту теряла время в кабинете у Благга? Ты все испортила Гвен и Питеру, когда я предназначила тебя им в утешение. Ты даже не переспала с Паком! Ты... У меня нет времени перечислять твои провалы и предательства. Где вещи, которые я тебе одолжила?

— Какие вещи?

Джейн попыталась отступить, но девочка безостановочно носилась вокруг нее маленькой фурией. Она рванула на Джейн блузку, сунула руку ей за пазуху и вытащила кожаный мешочек для амулетов, о существовании которого девушка и не подозревала. Малышка высыпала содержимое мешочка себе на ладонь. Взору подменыша предстали засохший предмет, примерно в два раза толще и длиннее кроличьей лапки, и тонкий яркий световой лучик.

Джейн уставилась на них. Сердце у нее забилось. Хотя она никогда в жизни их не видела, эти два предмета показались ей самыми драгоценными вещами во вселенной.

— Ты их прощелкала!

Девочка взяла двумя пальцами лучик света, чтобы Джейн могла разглядеть, что это такое: игла. Затем уронила обратно в мешочек. Потом подняла более крупный предмет. Он был покрыт короткой жесткой шерстью: ампутированный собачий хвост.

— Готова спорить, ты даже не знаешь, *для чего* они.

Ее зубы сердито клацнули. Собачий хвост последовал за иголкой. Жуткие белые пальцы сомкнулись вокруг мешочка в кулак.

— Ты слабачка! Ты дура! Ты самодовольная эгоистичная курица!

С каждым брошенным в Джейн ругательством девочка била ее в грудь. Кроваво-красные розы шелестели при каждом ударе. Наконец дитя с презрительной улыбкой повернулось к ней спиной. Толпа сомкнулась вокруг нее, а когда снова расступилась, девочка куда-то пропала.

Джейн моргнула. Запахнула и застегнула рубашку. Потом застегнула на молнию куртку. Она стояла на перекрестке. Вестибюль простирался бесконечно далеко во всех направлениях.

В приступе внезапной паники девушка осознала, что Балдуина нигде не видно.

Ее провожатый исчез.

В сером мареве отчаяния она побрела мимо вывесок «Бар B-Q», «Витамины со скидкой», «Аппетитбургеры», «Ремонт обуви», «Доллар-экспрес$», «Ювелирный» и «Китайская кухня». Так оно и есть, равнодушно подумалось ей тогда. Бесцельное блуждание сквозь вечность. Приговор оказался неожиданно мягким и в то же время до странности подходящим.

Но стоило об этом подумать, как, случайно глянув в окно закусочной, она увидела сидящего возле стойки Балдуина, жующего пончик в сахарной пудре. Она вошла.

При ее приближении он положил пончик на тарелку, промокнул губы салфеткой и вежливо улыбнулся.

— А вот и ты.

— Да, — ответила она. — Но где я?

— Там же, где и всегда. Изменилось только твое восприятие места. — Балдуин поднялся. — Следуй за мной.

Он провел ее за стойку и открыл то, что она приняла за дверь в подсобное помещение. Они вошли.

И вроде бы оказались в комнате. Или это было какого-то рода пространство, а скорее — полное отсутствие пространства вообще. Разобраться не представлялось возможным, ибо все ее внимание оказалось высосано и поглощено тем, что находилось перед ней.

Джейн стояла перед Черным Камнем.

Он был огромен, минимум в три раза выше ее. Но поскольку сравнивать было не с чем, камень мог иметь какой угодно размер — больше планет, огромнее звезд. Его поверхность казалась то гладкой, то неровной, местами почти зеркальной, местами изрытой и бугристой, словно шкура метеорита. Однако в основном она была черная, твердая и реальная. Девушка почему-то не сомневалась, что перед ней воплощение Богини.

— Можешь спрашивать, о чем хочешь, — сказал Балдуин и ушел.

Снизу вверх Джейн смотрела на Черный Камень. Долгое время она не говорила. Затем прочистила горло и спросила:

— Почему?

Ответа не последовало.

— Почему? — повторила она. — Почему жизнь исполнена такой ненависти? Зачем существует боль? Почему боль причиняет такие страдания? Не могла бы ты устроить мир по-другому? Или у тебя не больше выбора, чем у меня? Или выбора не существует? Зачем любовь? Ты создала нас просто для того, чтобы наказывать? Почему нас наказывают? В чем наш грех? Как может мать так обращаться с собственными детьми? Ты нас не любишь? Ты ненавидишь нас? Мы — твои отражения? Ты настолько изголодалась по чувствам, что воплощаешь в нас час-

тички себя, дабы пережить унижение, страх и боль? Что такое смерть? Что происходит с нами после смерти? Мы просто прекращаем существовать? У смертных всего одна жизнь? Были ли другие жизни прежде этой? Совершили ли мы в них нечто непростительное? Поэтому ты нас так ненавидишь? Будут ли еще жизни? Они будут еще хуже? Можешь ли даже ты умереть? Если ты нас так ненавидишь, зачем существует красота? Не на нее ли опирается наше страдание? Не были бы мы счастливее без красоты? Зачем существует радость? Чего именно ты хочешь?

Ответа не последовало.

Казалось, Джейн простояла неподвижно перед Черным Камнем несколько часов, дней, веков, прежде чем наконец отвернулась. Рядом материализовался Балдуин и увел ее, взяв под локоть.

Теперь темные заросли не таили ужасов. Семнадцать пар глаз внезапно открылись в ближайшем дереве. Всего лишь глаза. Гибкие руки хватали ее. Подумаешь, руки.

— Полегчало тебе? — спросил Балдуин.

— Да.

— Богиня повелела мне дать тебе, что пожелаешь.

— Да?

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы меня наказали, — произнесла Джейн.

Она не контролировала собственную речь. Слова слетели с уст непроизвольно, и она поразилась, услышав свой голос. Но не собиралась отрекаться от них. Она умела признавать правду.

Балдуин долго молчал. Наконец он спросил:

— Станешь ли ты теперь служить Богине? Сознательно и с любовью, в сладостном послушании и смиренном признании всего, что Она есть?

— Нет. — Слово казалось камушком во рту. Джейн выплюнула его. — Не сейчас, не завтра, будь у меня даже миллион жизней. Никогда.

Балдуин остановился и взял ее за руки.

— Дорогое дитя, — произнес он, — я уже было подумал, что ты безнадежна.

Она снова очутилась в лаборатории. Джейн тряхнула головой и спрыгнула с табуретки, на которой сидела.

Мать подняла глаза от панели управления микроманипулятора.

— Вернулась, — констатировала она. — Тебе понравилось в гостях?

Джейн не могла заставить себя заговорить. Она прошла к рабочему столу и начала перебирать неряшливую кучу бумаг на нем. Это оказались бесконечные фотокопии карты одного и того же повторяющегося гена. На каждой имелись каракули, отмечающие, какая последовательность нарушена, переставлена, испытана и отвергнута. И хотя на столе были навалены сотни листов, пока исследованию подверглась только малая часть возможностей.

— Тут много работы, — произнесла Джейн, лишь бы что-то сказать.

— И все без толку. — Мать улыбнулась уголком рта. — Иногда хочется сгрести маленьких ублюдков за шиворот и хорошенько встряхнуть, такие они тупые. Говорю тебе, сунуть бы их всех в автоклав и начать с нуля в какой-нибудь другой области. Официанткой в баре, например, или продавцом подержанных авто.

Джейн вдруг показалось, что мать говорит вовсе не о генной инженерии, но о чем-то одновременно более общем и более личном. Внезапное смятение, должно быть, отразилось у девушки на лице, потому что Сильвия обняла ее, не прижимая к себе.

— Не смотри так — это всего лишь мимолетная фантазия. Подобные капризы посещают меня постоянно и почти всегда рано или поздно проходят сами собой. — Сильвия разомкнула объятия. — Они же на самом деле не виноваты, правда?

— Нет.

— Просто они так устроены.

— Да.

Сильвия затушила сигарету. По некоторой суетливости движений Джейн поняла, что ей не терпится вернуться к электронному микроскопу.

— Ну, детка, приятно было тебя повидать. Но в данный момент я действительно занята. Спасибо, что зашла, милая.

— Ага, — отозвалась Джейн. — Ладно, конечно. Будь осторожна, угу?

Она повернулась к двери.

— Погоди, — остановила ее мать. — К тебе что-то пристало.

Она протянула руку и сняла с воротника дочери маленькое черное существо, сильно напоминающее тысяченожку. Оно отчаянно вертелось и извивалось у нее на ладони, снова и снова бессильно пытаясь ее ужалить.

На мгновение существо расправило черные крылышки. Джейн моргнула. Она всмотрелась пристальнее и разглядела, что эта кроха — № 7332, дракон Меланхтон из рода Мельхешиаха, из рода Молоха.

— По-моему, тебе это больше ни к чему, — сказала мать.

И бестрепетно раздавила дракона пальцами.

Потрясенная Джейн глянула матери прямо в глаза и увидела в них нечто безграничное и чужое, смеющееся. Тут она поняла, что образ Сильвии служил только маской для чего-то неизмеримо огромного, и в это мгновение испытала ужас такой силы, какой и представить себе не могла. Затем рука схватила ее за шиворот. Ее подняло, а затем поставило снова, но уже в другом месте.

ГЛАВА 24

Холодным февральским днем Джейн выписали из клиники. Мать взяла на работе отгул и отвезла ее домой в стареньком «субару» с неисправной печкой. Обе всю дорогу курили. И та и другая помалкивали.

Джейн устроилась продавщицей в молле. Она пошла на вечерние курсы и через год получила школьный аттестат зрелости. Она читала все книги по химии, которые попадались ей в руки. В следующем сентябре ее приняли в местный колледж, куда она ездила каждый день из дома, экономя таким образом на оплате жилья. К тому времени она избавилась от лишнего веса, научилась играть в теннис и почти вернула себе прежнюю форму.

Это далось нелегко. Случались дни, когда ей трудно было просто вылезти из кровати и перспективы возвращения к нормальной жизни казались весьма далекими. Ей часто снились кошмары. В них она снова стояла перед Черным Камнем, требуя наказания. Сумерки заполнялись враждебными хихикающими призраками, и на сей раз значение ужасного молчания Госпожи представлялось ей совершенно ясным. Но наутро она вспоминала выражение лица Богини в последнее мгновение их финальной встречи, за секунду перед тем, как она снова ожила и оказалась в своем родном мире. И понимала, что это любовь.

Следовательно, это уж точно не наказание.

За два года она усвоила все, чему могли научить в колледже. В конце января, после долгих обсуждений, профессор Сарнов сел на телефон. К апрелю Джейн получила рабочую стипендию в университете Карнеги-Меллон, куда она и стремилась попасть с самого начала. По этому поводу устроили скромную вечерин-

ку с розовым нью-йоркским шампанским, которое пили из химической посуды, и Джейн плакала при мысли о расставании с новыми друзьями. Но рассталась.

И понеслось.

Пройдя ускоренную программу для перспективных студентов, она получила дипломы и бакалавра, и магистра. Диссертация далась ей гораздо тяжелее, ибо ее научный руководитель верила: сколь ни хороша студентка, а должна стать еще лучше.

«Останавливаясь на хорошем, — любйла повторять Марта Рейли, — мы жертвуем блестящим. А останавливаясь на блестящем, лишаем себя шанса стать химиками высшего класса!»

Рейли вела себя как тиран, но тем самым заставила аспирантку написать гораздо более сильную работу, чем та от себя ожидала. Однако все чаще Джейн обнаруживала, что упирается лбом в некое фундаментальное несоответствие, в точку, где язык химии и ее собственные интуитивные представления о том, как она должна работать, категорически не совпадают.

Она набросала кое-какие заметки, чтобы привести мысли в порядок. Научный руководитель увидела их и предложила построить на них докторскую. Так Джейн и поступила.

Рейли пять раз заставляла ее переписывать работу с нуля.

На следующий день после предзащиты заглянула Диана сообщить, что на Беличьем Холме вечеринка. Традиционная для окончания учебного года пьянка в честь ее знакомого преподавателя физики, и там будут еще студни из Питта и из Четэма, стало быть, не только обычная тусовка. Джейн согласилась, что более удачного случая надраться и оторваться, вероятно, никогда не представится. Она натянула чистую юбку и сгребла сумочку.

Дырку, чтобы припарковать свою «миату», Диана нашла примерно посередине между парком Шенли и местом, где назначили вечеринку. Когда они вылезли из машины, аромат жимолости заставил Джейн на мгновение замереть.

«Весна, — удивленно подумала она. — Нет, лето. Как быстро пролетело время».

Она закрыла дверцу машины, кнопка выскочила. Она попыталась снова.

— С механизмом что-то не так, — заметила Диана. — Придется запереть снаружи. Лови!

Джейн попыталась выхватить ключи из воздуха правой рукой и сбила их на землю. Она же теперь левша — Джейн часто забывала об этом.

— А как это воспринимает твоя мама? — поинтересовалась Диана, когда подруги двинулись наконец вперед.

— Ну, сначала вопила: «Как ты могла даже подумать о работе на свиней вроде Дюпонов?!» Но теперь, когда я решила отклонить их предложение и ступить на академическую стезю, причитает: «Джейн, как ты можешь! Такие деньги!» — Джейн пожала плечами. — С Сильвией все в порядке. У каждой из нас свои тараканы, но у кого их нет? Кстати, нам еще далеко?

— Три квартала.

Вдоль тротуара тянулись викторианские здания из бурого кирпича. Номера над дверьми из тонированного стекла и заросли аспарагуса в окнах.

Джейн подняла глаза и увидела плывущую высоко в небе Госпожу Луну. Внезапная и беспричинная грусть охватила ее, она вздрогнула.

— В этом мире я чувствую себя ребенком, — тихо произнесла она.

— Цыц! Это прямой путь обратно в учреждение. Я тебе не рассказывала, что попытался выкинуть в прошлый четверг Роджер?

Так, непринужденно болтая, Диана потащила ее дальше по улице. К моменту когда они достигли цели, настроение у Джейн выправилось.

— Вот мы и пришли! — воскликнула Диана и вернулась к прежнему разговору: — Просто руки опускаются. Ну почему так трудно найти хорошего мужика?

— По-твоему, это трудно? Попробуй бросить курить.

— Ой, перестань!

Смеясь, они протопали вверх по ступенькам. На них обрушился гул голосов.

— Может, вечеринка и не фонтан, но с пивом потянет, — заявила Диана и забарабанила в дверь.

Открыл им очень пьяный старшекурсник с прической а-ля свободный художник и сказал:

— Выпивка там.

Они вошли.

Комнаты оказались предсказуемо очаровательны — обычная умная аранжировка пространства, достигнутая путем умелого, продуманного сочетания оригинальной мебели из твердых пород дерева и постмодернистских драпировок на стенах. Всюду толпились студенты. Хозяин отыскался наверху в компании нордического вида секс-плюшки с косичками; помахали ему и взяли себе по пиву. Диана ткнула Джейн локтем в бок и указала бутылкой на гравюру в дорогой раме. Пиранези.

— Как думаешь — оригинал? — шепнула она краешком рта.

Джейн вздрогнула.

— Боже мой! — Она так крепко схватила подругу за локоть, что та со смехом принялась вырываться, и указала на мужчину в другом конце комнаты. — Кто это? Ты должна мне сказать.

По случайному совпадению, а может, побуждаемый замечанием собеседника, он поднял глаза. Их взгляды встретились. Джейн понимала, что с точки зрения Дианы выставляет себя на посмешище, но ей было все равно, все равно, все равно.

— Его имя! — выдохнула она. — Мне нужно узнать его имя.

Драконы Вавилона

Моему отцу Джону Фрэнсису Суэнвику,
который дал мне жизнь.
И Уильяму Кристиану Портеру,
давшему мне нечто даже более драгоценное.

Благодарности

Как и всегда, я должен поблагодарить больше людей, чем вмещается на бумаге и в моей памяти.

Однако я особенно признателен Дэвиду Акслеру за помощь с фольклором, Сюзанне Кларк за разрешение использовать Малую Фейри (Faerie Minor), Нику Геверсу за токолоше и «Джейсову жидкость», Влатко Юрич-Кокичу за помощь с хорватской мифологией, Грир Гилман за трубочистов и бета-тестирование подозрительных мест, Борису Долинго за то, что показал мне каменные цветы, Эллен Кашнер за то, что нечаянно одолжила мне Ричарда Сент-Вира, и Тому Пердому за мудрые музыкальные советы.

Отрывок из брошюры для туристов в начале главы 7 является почти точной цитатой из книги Э. Р. Эддисона «Червь Уроборос». Фрагмент, отнесенный к полностью вымышленной Мотсогнирсаге, взят из песни «Прорицание вёльвы» («Старшая Эдда»). Виллово лошадиное заклинание — это компиляция англосаксонских рунических поэм. Среди прочих цитируемых и упоминаемых песен и стихов — «Песнь косы» Эндрю Ланга, роялистская баллада «Когда король опять воссядет на престол», боевая песня индейцев оджибве «С юга», Апокалипсис и неизбежная «Матушка Гусыня».

Наконец, я крайне признателен Фонду поддержки искусств имени М. К. Портера за некоторые особо вдохновляющие аспекты Алкионы.

1
К ВОСТОКУ ОТ АВАЛОНА

Драконы появились на рассвете, они летели правильным строем, волна за волной, и так низко, что от рева двигателей содрогалась земля; если не смотреть вверх, можно было подумать, что где-то там, в глубине, бьется исполинское сердце мира. Старейшины деревни выскочили из домов кто в чем был; они кругообразно размахивали волшебными посохами и выкликали заклинания. «Скройся!» — кричали они земле. «Усните», — взывали к небесам, хотя и сами догадывались, что, пожелай того эльфы-полукровки, управлявшие драконами, они без труда бы прозрели сквозь жалкую пелену таких заклинаний. Но глаза и мысли пилотов были устремлены на запад, где расположены главные заводы Авалона и куда, если верить слухам, перебросили за последнее время очень много войск.

Тетка махнула наугад рукой, пытаясь зацепить, задержать Вилла, но тот ловко увернулся и пулей вылетел на пыльную немощеную улицу. Тем временем на юге заговорили зенитки, их иступленное тявканье бросало в небо розовые, быстро расплывающиеся облачка дыма от рвущихся снарядов.

Деревенские дети, кого не успели отловить родители, прыгали и скакали по улицам, закинув к небу головы, а те, что с крыльями, сновали и крутились над головами своих бескрылых товарищей. Но тут из бочки вылезла, кряхтя и отдуваясь, ведьма-яга, она широко развела свои морщинистые, сплошь в склеротических бляшках руки, а затем — и откуда только силы взялись? — хлопнула в ладоши с таким оглушительным «БУХ!», что всех детей словно ветром сдуло назад, в родительские хижины.

Всех, но только не Вилла. Дело в том, что он уже три недели еженощно практиковался в специальном колдовстве, защищав-

шем от того колдовства, которым эти старики опутывают детей. Выбегая из деревни, он ощутил ведьмино заклинание как нечто вроде ладони, дружелюбно легшей ему на плечо. Слегка потянула назад и вновь исчезла.

Быстрый и легкий как ветер, он мчался вверх, на горку. Там, на самой-самой вершине, все еще жила его прапрапрабабушка, принявшая облик серого, торчком стоящего камня. Она ничего никому не говорила, но иногда, хотя никто этого ни разу не видел, спускалась ночью к реке, чтобы попить. Вилл, имевший свой собственный, хоть и крошечный челнок, любил по ночам рыбачить; возвращаясь под утро с рыбалки домой, он каждый раз видел ее там и вежливо здоровался. Если улов случался хороший, он потрошил угря или маленького хариуса и мазал бабкины ступни рыбьей кровью: взрослые — они же очень любят знаки внимания.

— Вилл, идиот ты малолетний, поворачивай назад! — крикнул коббли, гнездившийся на деревенской свалке в распотрошенном холодильнике. — Здесь опасно!

Но Вилл лишь упрямо тряхнул белокурой головой и прибавил ходу. Плавный, величественный полет драконов, их невероятная мощь, их волшебство влекли его как магнитом. Это было что-то вроде мании — не интерес, не любопытство, а острая необходимость.

До округлой, поросшей травою вершины холма оставалось совсем немного. Вилл бежал с исступлением, непонятным ему самому. Его легким едва хватало воздуха, ветер от собственной скорости свистел у него в ушах.

И вот он уже стоял на вершине, держась рукою за бабушкин камень, стоял и никак не мог отдышаться.

Драконы все летели, волна за волной. От рева их двигателей закладывало уши. Вилл вскинул голову и ощутил лицом жар их полета, его словно омыло драконьей злобой и ненавистью. Это было как черное вино, после глотка которого тошнота подступает к горлу, а голова начинает раскалываться от боли, изумления и тщетных попыток понять. Мерзко, отвратительно, а хочется еще и еще.

Низко-низко над полями и фермами, над Старым лесом, уходившим куда-то за горизонт, прокатилась последняя их волна, следя за которою Вилл едва не вывернул шею, и в воздухе остался легкий, словно бы серный запах выхлопных газов.

Сердце Вилла стало таким огромным, что казалось странным, как это оно вмещается в груди, таким огромным, что оно грозило поглотить и горку, и фермы, и лес, и драконов, и весь остальной мир.

Из-за дальнего леса в воздух взметнулось что-то черное и страшное, взметнулось и стало быстро догонять последнего дракона. Мир как-то дико, болезненно исказился, а затем на глаза Вилла легла холодная каменная ладонь.

— *Не смотри*, — сказал древний спокойный каменный голос. — *Я не хочу, чтобы ты, моя кровиночка, умер от взгляда василиска.*

— *Бабушка?* — спросил Вилл.

— *Да?*

— *Если я обещаю стоять зажмурившись, ты расскажешь мне, что там происходит?*

— *Хорошо*, — сказал бабушкин голос после недолгой паузы. — *Дракон отвернул в сторону. Он спасается бегством.*

— *Драконы не бегут*, — убежденно возразил мальчик. — *Никогда и ни от кого.*

Он попытался убрать со своих глаз бабушкину руку, но ничего из этого не вышло, ведь его пальцы были не более чем плотью.

— *А вот этот бежит, и очень правильно делает. Но это его судьба. Она пришла из коралловых покоев, чтобы увлечь его в покои гранитные. Его пилот уже поет свою предсмертную песню.*

Она замолкла, а тем временем далекий рев дракона становился все тоньше и тоньше, пока не перешел в пронзительный визг. Вилл понимал, что происходит нечто грандиозное, но звук не давал ему ни малейших намеков, что именно.

— *Бабушка?* — пробормотал он нерешительно. — *А что сейчас?*

— *Этот — он очень умный, он прекрасно сражается и умеет ускользать. Но от василиска ему не уйти. Василиск уже знает два первых слога его тайного имени. В этот самый момент он обращается к его сердцу с приказом остановиться.*

Рев дракона снова стал громче, а потом еще громче. Отзвуки рева прыгали от холма к холму, складываясь в нечто невероятное. И сквозь всю эту какофонию прорезался звук, похожий на нечто среднее между воплем огородного пугала и скрипом ножа по стеклу.

— Теперь они почти соприкасаются. Василиск тянется к своей жертве...

Мир словно взорвался. Череп Вилла озарился изнутри ослепительно-белым светом, и на какой-то миг, показавшийся годами, всякая надежда остаться в живых пропала. Затем бабушка укрыла его каменным плащом, обняла и низко пригнулась к земле, верной защитнице всех попавших в беду.

Когда Вилл очнулся, было темно и он лежал на холодной земле, никого рядом не было. Он собрался с силами и кое-как встал. На западе, куда улетели драконы, тускло светилась красно-оранжевая полоска заката. У реки и на болоте квакали лягушки. В темном вечернем небе метались ибисы, искавшие место для ночлега.

— Бабушка? — Вилл доковылял до вершины холма, часто запинаясь об острые, откуда-то взявшиеся камни, царапая о них лодыжки. Все его тело, каждый сустав нестерпимо ныли. В ушах стоял звон, словно фабричные колокола возвещали о конце смены. — Бабушка!

Никакого ответа.

А по склону холма, от вершины и до того места, где он очнулся, тянулась каменная осыпь. Торопясь подняться наверх, Вилл на камни толком не смотрел, теперь же он увидел, что поверхности у них разные: то гладкие и уютно-серые, как каменная бабушка, то зубристо-изломанные, липкие от крови.

Камень за камнем Вилл перетаскал их на вершину, на прежнее место, выбранное прапрапрабабушкой, чтобы ей удобнее было наблюдать за деревней. На это потребовалось несколько часов. Затем он начал громоздить их друг на друга, стараясь уложить повыше, однако в конечном итоге получившаяся пирамидка не достала ему даже до пояса. Вот и все, что осталось от той, которая столько уже поколений стояла на страже деревни.

К тому времени, когда работа — самая тяжелая за всю его жизнь — была закончена, стемнело уже окончательно, в угольно-черном, безлунном небе сверкали яркие колючие звезды. Если прежде, работая, Вилл обливался потом и совсем не замечал холодного ветра, задувавшего ему под рубашку, теперь он начал дрожать от холода. А в голове вдруг всплыл естественный

вопрос: почему никто его не хватился, никто не нашел? Где его тетя, да и все остальные?

Вилл никогда не расставался со своим колдовательным мешочком. Теперь он вытащил мешочек из кармана штанов и высыпал все его содержимое на ладонь. Перемятое перо голубой сойки, маленький осколок зеркала, два желудя и плоский округлый камешек, одна сторона которого была помечена крестиком. Осколок зеркала он отложил, а все остальное покидал обратно в мешочек. Затем обратился по тайному имени к *lux aeterna*[1], призывая его ниспослать в этот низменный мир малую толику своего сияния. Сквозь зеркало просочился мягкий, как от гнилушки, свет. Держа зеркальный осколок в вытянутой руке так, чтобы видеть в нем свое лицо, Вилл спросил:

— Как это вышло, что наши из деревни так за мною и не пришли?

Губы отражения слегка шевельнулись в серебристом омуте зеркала.

— Они приходили.

Губы эти были бледные и немного синюшные, словно у трупа.

— А почему они ушли? Почему не забрали меня домой?

Вилл бессознательно пнул прабабушкину пирамиду, водруженную им с такими трудами и без чьей-либо помощи.

— Они тебя не нашли.

Волшебное зеркало понимало все, что ему скажут, до ужаса буквально и всегда отвечало только на заданный вопрос, а не на тот вопрос, который имелся в виду. Но Вилл был упорен.

— Почему они меня не нашли?

— Тебя здесь не было.

— А где я был? Где была бабушка?

— Вас не было нигде.

— Как это может быть? Как могли мы не быть нигде?

— Взрыв василиска искривил мир и сеть времени, его заключающую, — бесстрастно объяснило зеркальце. — Булыжная леди и ты были отброшены вперед примерно на половину дня.

Было ясно, что ничего более внятного добиться от зеркала не удастся. Вилл пробормотал заклинание, разрешающее все-

[1] Вечный свет *(лат.)*.

знающему свету вернуться туда, откуда тот пришел, а затем, опасаясь, что кровь на его руках и одежде привлечет вечно голодных ночных духов, поспешил домой.

Добравшись до деревни, он узнал, что отряд, посланный на его розыски, все еще где-то там бродит и ищет. Те же, кто остался в деревне, поставили посреди деревенской площади высокий шест, вздернули на него головою вниз соломенное чучело и подожгли его, надеясь, что, если Вилл еще жив, свет укажет ему дорогу к дому.

Как, собственно, и вышло.

Через два дня после этих событий в деревню приполз из Старого леса искалеченный дракон. Он медленно, из последних сил дотащился до главной площади и рухнул без движения. Крылья его куда-то подевались, в фюзеляже зияли дыры, но даже и так от него исходили едкий запах мощи и миазмы ненависти. Из его распоротого брюха сочилась какая-то жидкость, наверное топливо, и теперь, когда дракон лежал, под ним на булыжниках медленно расползалось маслянистое пятно. Среди тех, кто сбежался поглазеть на невиданное чудище, был, конечно же, и Вилл. Едва ли не все, кроме него, отпускали шуточки и едкие замечания — какая, мол, все-таки уродина. Ну да, конечно же, дракон был построен из холодного черного железа, а взрыв василиска сделал его еще чернее, на месте прежних крыльев торчали короткие иззубренные пеньки, боковые бронеплиты были во многих местах распороты. Но даже и в таком состоянии, полуубитый, дракон был прекрасен. Построенный искусными в ремеслах карликами по чертежам высоких эльфов, как мог он *не* быть прекрасен?

— Это твой, да? — спросил Пак Ягодник[1], ткнув Вилла кулаком в бок.

Вилл раздраженно пожал плечами и ничего не ответил.

— В смысле, тот самый, которого сбил василиск.

— Не знаю, да мне и все равно. Не я же притащил его сюда.

Все надолго замолчали. Затем где-то в глубине драконьей груди заработала какая-то машина. Глухое урчание постепенно

[1] Пак — проказливый эльф из английского фольклора, один из персонажей комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь». Позднее эльф Пак появляется в детской исторической книге Р. Киплинга «Пак с Паковой горки».

перешло в дребезжащий вой и резко оборвалось. Дракон медленно, с явным трудом открыл один глаз.

— Приведите мне вашу правдосказательницу, — пророкотал он голосом, похожим на отдаленные раскаты грома.

Правдосказательницей была торговка фруктами Яблочная Бесси. Как и положено по обычаю, все уважительно называли ее Старая Ведьма либо, для краткости, просто Ведьма, хотя лет этой Старой Ведьме было совсем еще немного. Она пришла, облаченная в просторную мантию и широкополую шляпу, служившие знаком ее положения, с обнаженной по древней традиции грудью, пришла и встала перед могучей боевой машиной.

— Отец Лжи[1], — сказала она, почтительно поклонившись.

— Я искалечен, и все мои ракеты истрачены, — сказал дракон. — Но я все еще очень опасен.

— Это правда, — кивнула Старая Ведьма.

— В моих баках сохранилась добрая половина топлива, и мне ничего бы не стоило взорвать его самой простой электрической искрой. А сделай я такое, и ваша деревня и все, кто в ней живет, мгновенно перестанут существовать. И теперь, так как сила порождает власть, я становлюсь вашим сеньором, вашим царем.

— Это правда.

По деревенской площади прокатилось негромкое бормотание.

— Но правление мое будет кратким. К самуинну[2] здесь будут воины Всемогущего, и они заберут меня в великие кузни Востока, дабы там починить.

— Ты веришь, что так и будет.

Дракон распахнул второй глаз и в упор уставился на правдосказательницу.

— Я тобой недоволен, Ведьма. В один из дней я могу счесть необходимым вспороть твое тело и съесть твое трепещущее сердце.

— Это правда, — кивнула Ведьма Бесси.

И вдруг дракон рассмеялся. Смех был злобный, жестокий, как и любое веселье подобных существ, но все же это был смех.

---

[1] Отец Лжи — Сатана, лукавый (Ин 8: 44).

[2] Ноябрь *(гэл.)*.

Многие деревенские заткнули от ужаса уши. Дети поменьше (им-то уж точно нечего было здесь делать) расплакались.

— Вы забавляете меня, — сказал дракон. — Все вместе и каждый по отдельности — все вы меня забавляете. Мы начинаем мое правление на радостной ноте.

Правдосказательница склонила голову. Вилл заметил в ее глазах огромную, безбрежную печаль — или так ему просто показалось. Во всяком случае, она смолчала.

— Пусть выйдет вперед ваша старейшина, дабы присягнуть мне на верность.

Сквозь расступившуюся толпу медленно прошаркала Черная Агнес — сухопарая горбатая старуха, согнутая чуть ли не вдвое тяжким грузом своей ответственности, знаки которой лежали в черном кожаном мешочке, всегда висевшем у нее на шее. Развязав мешочек, она вынула плоский камешек от первого возжженного в деревне очага и положила его перед драконом. Встав на колени, она опустила на камешек левую руку ладонью вверх.

А затем достала из мешочка маленький серебряный серпик.

— Твоя кровь и наша. Твоя судьба и моя. Наша радость и твоя жестокость. Да будут они едины.

Она уже не говорила, а голосила, как над покойником:

> Духи черные и белые, духи красные и серые,
> Мешайтесь воедино, как я вам повелела.

Ее правая рука, занесшая серпик над левой, судорожно подрагивала, однако косой режущий удар оказался сильным и точным. Хлынула кровь, и скрюченный ревматизмом мизинец отлетел в сторону.

И негромкий гортанный звук, похожий на одиночный крик чайки.

— Я доволен, — сказал дракон и тут же перешел к делу. — Мой пилот умер и уже начинает разлагаться. — В его боку с негромким шипением открылся люк. — Вытащите его наружу.

— Ты хочешь, чтоб его похоронили? — нерешительно спросил чей-то голос.

— Похороните, сожгите, порежьте на наживку для рыбалки — мне-то какое дело? Пока он был жив, я нуждался в нем, чтобы летать, а мертвец мне ни за чем не нужен.

— На колени.

Вилл опустился на колени в двух шагах от драконьего бока. Он простоял в очереди много часов, а были ведь и такие, кому еще стоять и стоять. Все заходили внутрь, стуча зубами от страха, а выходили совершенно ошеломленными. Когда из дракона вышла молоденькая цветочница и кто-то что-то ее спросил, она только всхлипнула и убежала. Да и все остальные — никто из них не хотел говорить о том, что было внутри.

Люк открылся.

— Заходи.

Вилл поднялся с колен и пролез в люк, крышка люка тут же закрылась. Сперва не было видно совсем ничего, затем из темноты начали выплывать тусклые огоньки. Мало-помалу белые и зеленые пятнышки приобрели отчетливые очертания и оказались фосфоресцирующими шкалами приборов. Под руку Виллу попалось что-то кожаное. Пилотское кресло. Из кресла так еще и не выветрился сладковатый, тошнотворный запах разложения.

— Садись.

Вилл неловко вскарабкался в кресло, кожаная обшивка чуть слышно поскрипывала. Его руки сами собой, без драконьих указаний, легли на подлокотники. Кресло было точно по нему, словно на заказ сделанное. Кроме подлокотников, тут были ручки, чтобы за них держаться. По приказу дракона Вилл взялся за эти ручки и вывернул руки наружу сколько мог. На четверть оборота или около того. Откуда-то снизу в его запястья воткнулись иглы. Боль была жуткая, Вилл непроизвольно дернулся, но тут же обнаружил, что не может выпустить ручки. Его пальцы стали словно чужими.

— Мальчик, — внезапно сказал дракон, — какое твое тайное имя?

— У меня его нет, — ответил Вилл, стараясь дрожать не слишком сильно.

И тут же осознал, *почувствовал*, что это не тот ответ. В душном, словно склеп, помещении повисла тишина.

— Я могу причинить тебе боль, — сообщил безразличный голос дракона.

— Господин, я весь в твоей власти.

— Тогда скажи мне свое тайное имя.

За это время его запястья стали совсем холодными, холодными как лед. И этот холод, поднимавшийся постепенно к локтям, не имел ничего общего с онемением — руки отчаянно болели.

— Я его не знаю! — страдальчески выкрикнул Вилл. — Не знаю, мне никто его не говорил, наверное, у меня его и вообще нет.

Огоньки, горевшие на пульте, были похожи на глаза зверей в ночном лесу.

— Интересно. — Впервые за все это время в драконьем голосе появилось что-то похожее на эмоцию. — А что у тебя за семья? Расскажи мне о них поподробнее.

На данный момент вся семья Вилла состояла из одной-единственной тетки. Его родители погибли в первый же день Войны. Они имели несчастье оказаться на вокзале Броселианда в тот самый день, когда налетевшие драконы обрушили на него золотой огонь. После этого Вилла отправили в горы к тетке, все согласились, что там сейчас самое безопасное место. Это было несколько лет назад, и за это время он почти забыл своих родителей. Скоро у него останутся одни воспоминания о том, что он их когда-то помнил.

Что же касается тетки, Слепая Энна представляла собой для Вилла нечто очень немногим большее, чем совокупность правил и указаний, которые следовало по возможности нарушать, и мелких домашних работ, от которых следовало отлынивать. Крайне набожная старуха, она чуть не каждый день убивала во славу Безымянных всяческих мелких зверьков и либо закапывала их трупики под полом, либо приколачивала гвоздями над дверью или окнами. В результате в их хижине постоянно воняло дохлятиной и, как казалось Виллу, благостным ханжеством. Тетка все время что-то бормотала себе под нос, а когда ей случалось напиваться (очень редко, два-три раза в год), она выбегала на ночную улицу в чем мать родила, садилась задом наперед на корову и принималась так нахлестывать ее по бокам ореховым прутом, что бедное животное носилось вверх-вниз по холмам что твой скакун, и продолжалось это до тех пор, пока тетка не падала на землю и не засыпала. Утром Вилл находил ее, заворачивал в одеяло и отводил домой. Но настоящей близости, как между родными, между ними никогда не было.

Вот это и рассказал он дракону, довольно бессвязно и с бесконечными остановками. Дракон слушал и молчал.

А холод тем временем добрался до подмышек. Почувствовав, что холодеют и плечи, Вилл содрогнулся.

— Ну пожалуйста, — взмолился он. — Господин дракон... твой лед подбирается к моей груди. Если он коснется сердца, я, наверное, умру.

— Хм? Да, я немного задумался.

Кресло убрало свои иглы, руки Вилла все еще оставались онемевшими и безжизненными, но холод больше никуда не полз. А потом его пальцы начало слегка покалывать — первое обещание того, что чувствительность к ним в конце концов вернется.

Люк с шипением открылся.

— Теперь ты можешь уйти.

Вилл не столько вышел, сколько вывалился на забытый его глазами свет.

Всю следующую неделю, а то и дольше над деревней висело тревожное ожидание. Но так как дракон никак себя не проявлял и ничего страшного не случалось, деревенская жизнь мало-помалу вернулась в привычную, веками наезженную колею. Впрочем, одно отличие было: главная площадь погрузилась в полную глухую немоту. Люди на ней больше не появлялись, а все окна, на нее выходившие, были плотно закрыты ставнями.

Как-то раз Вилл и Пак Ягодник проверяли в лесу свои силки на кроликов и жирафов (последний жираф был пойман в Авалоне боги уж знают сколько лет назад, но они не теряли надежды), и тут на тропинке показался Точильщик Ножниц. Пыхтя и отдуваясь, он тащил в охапке что-то большое, жарко блестевшее и, как видно, тяжелое.

— Эй ты, жиряга кривоногий! — крикнул Вилл, только что закончивший связывать за задние лапы двух кроликов, чтобы перекинуть их через плечо. — Где ты спер такую штуку? И что это вообще такое?

— Не знаю, ребята, само с неба упало.

— Врешь ты все! — фыркнул Пак.

Мальчики затанцевали вокруг толстого недотепы, пытаясь выхватить у него золотую (а как же иначе?) штуку. Она была

похожа отчасти на корону, а отчасти на птичью клетку. Желтый металл ее прутьев и перекладин сверкал как надраенный, она была сплошь расписана черными рунами, каких в их деревне отродясь не видали.

— Зуб даю, это яйцо птицы Рух, а то и феникса! — сказал Пак.

— Куда ты ее тащишь? — перебил дружка Вилл.

— В кузницу. Может, они смогут сковать из нее что-нибудь полезное. — Точильщик Ножниц, так и продолжавший идти к деревне, оттолкнул чрезмерно разыгравшегося Пака, чуть не выпустив при этом свою добычу. — Может, они дадут мне за нее пенни, а то и все три.

Ромашковая Дженни вынырнула из цветов, густо росших на опушке за свалкой, а как только завидела золотую штуку, помчалась, тряся своими тощими косицами, прямо к ней с отчаянным криком:

— Это-мне-это-мне-это-мне!

Словно ниоткуда появились две вредные дразнючие девчонки и мальчишка, постоянно лазавший по крышам. Подручный Плавильщика с грохотом выронил охапку собранного на свалке металлолома и присоединился к общему веселью, так что к тому времени, когда Луговая тропинка перешла в Грязную улицу, пунцовый от злости, отчаянно ругающийся Точильщик уже из последних сил отбивался от облепивших его детей.

— Вилл, бездельник ты несчастный!

Повернувшись, Вилл увидел, что к ним идет его тетка, Слепая Энна. В руках у нее было два ивовых прута, очищенных от коры, и вот этими прутьями, словно длинными белыми усами, она ощупывала на пути своем землю. Ее лицо не предвещало ничего хорошего. Вилл попятился. Ему очень хотелось бы убежать, однако весь его долгий опыт говорил, что в этом нет никакого смысла.

— Тетя... — начал он неуверенно.

— Ну что, «тетя, тетя», — передразнила его Слепая Энна. — Жабы не закопаны, крыльцо сто лет не мыто, а этот оболтус тут прохлаждается. Ну почему, когда нужно работать, тебя непременно нет дома?

Она взяла его под руку и потащила к дому, все так же ощупывая дорогу своими прутьями.

А Точильщик Ножниц был настолько зол на детей, что совсем забылся и позволил своим ногам направиться старым привычным путем — через главную площадь, а не в обход. В первый раз с того времени, как в деревню приполз дракон, умолкшую было площадь огласили звонкие детские голоса.

Вилл, которого тетка уводила в другую сторону, с завистью оглядывался на своих резвящихся друзей.

Желая прояснить причину столь неожиданного шума, дракон приоткрыл один глаз и тут же встревоженно вскинул голову. И громогласно скомандовал:

— *Брось это!*

Точильщик Ножниц послушно разжал руки.

Непонятное устройство взорвалось.

Магия представляется воображению чем-то привлекательным, великолепным, но на практике она ужаснее всего, что может нарисовать воображение. Бесконечно долгий момент ошеломления и смятения оставил Вилла лежащим навзничь на утоптанной, твердой, как камень, уличной земле. В ушах у него стоял звон, все тело онемело. Рядом с его головой мелькали чьи-то ноги — какие-то люди куда-то бежали. И кто-то стукал его палкой. Нет, двумя палками.

Он кое-как сел, и конец одной из палок чуть не угодил ему в глаз. Он поймал эту палку двумя руками, дернул ее и обиженно завопил:

— Тетя, ты что?!

Слепая Энна пыталась выдернуть у него свою палку, продолжая при этом размахивать второй.

— Да перестань же ты, тетя!

Но она, конечно же, ничего не слышала, он и сам-то себя почти не слышал, так звенело в ушах. Он встал на ноги и плотно обхватил тетку руками. Тетка отчаянно вырывалась, и только тут Вилл запоздало обнаружил, что она ничуть не выше его. Да когда же это произошло? Когда его привезли в деревню, он был хорошо если ей по пояс.

— Тетя Энна! — крикнул он ей прямо в ухо. — Это я, Вилл, я здесь и никуда не подевался.

— Вилл. — Теткины глаза наполнились слезами. — Ты никчемный, непоседливый мальчишка. Ну где ты гуляешь, когда дома полным-полно дел?

За ее спиной он увидел площадь, сплошь исполосованную чем-то черным и чем-то красным. А длинные штуки, валявшиеся на ней, были очень похожи на трупы. Вилл сморгнул и присмотрелся получше. И еще на площади было много людей, и люди эти наклонялись над мертвыми телами. Что-то с ними делали. У некоторых лица были вскинуты к небу, словно люди эти отчаянно голосили. Только он их, конечно, не слышал из-за звона в ушах.

— Тетя, я поймал двух кроликов! — крикнул он тетке в ухо, чтобы та услышала. Кролики, по счастью, никуда не пропали, так и висели у него на плече. А ведь могли бы — в такой-то неразберихе. — Вот нам и будет чем пообедать.

— Это хорошо, — сказала тетка. — Пока ты моешь крыльцо, я их как раз и разделаю.

Чтобы выкинуть из головы страшные мысли, Слепая Энна занялась домашними делами. Она тщательно обмела потолок и выскребла пол. Она заставила Вилла до блеска начистить все ножи и вилки. Затем вся мебель была разобрана, вычищена и собрана снова. Половики потребовалось не просто постирать, но даже прокипятить. Маленькую филигранную шкатулку с ее сердцем потребовалось достать из буфета, где она всегда стояла, и запрятать в самую глубь кладовки. Список необходимых работ не имел, казалось, конца. Весь день до глубокой темноты тетка не давала ни себе, ни Виллу ни секунды продыху. Иногда он вспоминал о погибших друзьях и начинал плакать, и тогда Слепая Энна ковыляла к нему и стукала палкой, чтобы перестал. А перестав плакать, он уже больше ничего не чувствовал. А не чувствуя ничего, он чувствовал себя каким-то чудовищем из-за того, что ребята же умерли, а он ничего не чувствует. Думая об этом, он снова начинал плакать, но теперь прятал лицо в рукав, чтобы заглушить всхлипы, чтобы тетка не услышала и не начала снова бить.

Трудно сказать, когда ему было хуже — когда он чувствовал или когда не чувствовал.

На следующий день на главной площади деревни зазвонил призывный колокол; волей-неволей всем сельчанам пришлось еще раз предстать перед своим новоявленным царем.

— О, сколь же глупы вы, жалкие создания! — возгласил дракон. — Вчера погибли шестеро детей, а с ними и старый Танарахумбра — тот, кого вы называли Точильщиком Ножниц, и все потому, что вы не умеете держать себя в руках.

— Это правда, — согласно кивнула Старая Ведьма Яблочная Бесси.

— Вы истощаете мое терпение, — продолжил дракон. — Хуже того, вы истощаете мои аккумуляторы. Мои запасы энергии быстро скудеют, и за день я не могу их толком пополнить. И все же теперь я отчетливо вижу, что мне нельзя быть царем-чурбаном. Вы нуждаетесь в твердой руке. А потому мне нужен возглашатель. Кто-нибудь мелкого телосложения, чтобы жил внутри меня и передавал наружу мои указания.

— Пусть это буду я, — сказала, выходя вперед, Черная Агнес, — я знаю свой долг.

— Нет! — презрительно кинул дракон. — Вы, дряхлые развалины, слишком уж хитрые. Я выберу из этой толпы кого-нибудь другого. Кого-нибудь простоватого... ну, скажем, ребенка.

«Только не меня, — беззвучно взмолился Вилл. — Кого угодно, только не меня».

— Пусть будет этот, — сказал дракон.

Вот так и вышло, что Вилл стал жить внутри дракона. Весь этот день до глубокой ночи он по подробным указаниям своего повелителя изображал на листах пергамента чертежи неких устройств, похожих на стоячие велосипеды и предназначенных для подзарядки драконьих аккумуляторов. Утром он сбегал на край села в кузницу с повелением к кузнецу незамедлительно изготовить шесть таких штуковин. Затем он сходил к Старой Черной Агнес и передал ей от дракона, что весь этот день и каждый следующий шестеро селян, выбранных по жребию, или по очереди, или как уж ей там заблагорассудится, будут сидеть на этих велосипедах, крутя и крутя педали без малейшей остановки вплоть до самого заката, когда Вилл возьмет аккумуляторы и затащит их в чрево дракона.

Поднимая босыми ногами облака пыли, Вилл носился по деревне, стараясь поскорее передать все драконьи приказания, предупреждения и советы — в первый же день их набралось не

меньше дюжины. От жестокого недосыпа все окружающее приобрело для него невероятную яркость и выпуклость. Зеленый мох на черепах, надетых на колья вдоль первой полумили Приречной дороги, саламандры, неспешно совокуплявшиеся на углях кузнечного горна, даже мертвая неподвижность плотоядных растений, поджидавших в теткином саду неосторожную жабу, которая приблизится к ним на расстояние броска, — все эти знакомые будничные картины преобразились. Все стало новым и необычным.

К полудню все драконьи поручения были выполнены, и Вилл пошел искать своих друзей. Мало удивительного, что на площади было пусто и тихо, однако пустыми оказались и улицы поменьше, соседствующие с ней. Подул и тут же исчез легкий ветерок. Затем Вилл услышал за углом высокий девчоночий голос и радостно на него побежал.

Там маленькая девочка скакала через скакалку и в такт себе пела:

Вот-она-я
Со-всем-о-дна;
Как-меня-звать?
Поскаку-чая-Джо...

— Джоун! — обрадовался Вилл.

Поскакучая Джоун остановилась. В движении она еще занимала какое-то место, но в состоянии покоя ее, почитай, и не было. Над ее маленькой чернявой головкой плясали сто тонюсеньких косичек. Руки и ноги у нее были словно из соломинок сделаны. Единственным, что имело тут нормальные (и даже свыше того) размеры, были карие сверкающие глаза.

— Я скакала до мильона! — сказала Джоун, сердито топнув крошечной ножкой. — А теперь из-за тебя начинай все сначала.

— А ты просто, когда начнешь, начинай считать с миллиона один.

— Будто ты не знаешь, что так не по правилам! Чего тебе надо?

— А куда это все подевались?

— Кто-то рыбу ловит, кто-то охотится, в поле много работают. Кузнецы, жестянщик и Мрачный Тип делают стоячие велосипеды для Самозванцевой площади. Горшечница и ее подмастерья копают на реке глину. А целительницы засели в Курилке, и Пак тоже там.

— Вот туда я тогда и пойду. Спасибо, соплюха.

Поскакучая Джоун не ответила. Она уже снова прыгала через скакалку, сосредоточенно считая:

— Сто-тысяч-раз, сто-тысяч-двас...

Курилкой называли шаткую лачугу с некрашеными стенами, стоявшую так глубоко в зарослях тростника, что при сильном дожде она всерьез рисковала утонуть в болоте. Под навесом ее крыши осы слепили себе гнездо и теперь постоянно крутились рядом. Вилл подошел к Курилке и без лишних церемоний открыл скрипучую дверь. Женщины дружно, как одна, вскинули на него глаза; перед ними на полу лачуги смутно белело тело Пака Ягодника. У всех как одной целительниц глаза были зеленые и никогда не мигающие, ну прямо как у лесных зверей. Они смотрели и молчали.

— Я т-только хотел п-посмотреть, чт-то вы тут д-делаете, — заикаясь, выдавил заробевший Вилл.

— Мы погружаем его в глубокий транс, — сказала одна из женщин. — А теперь тихо, смотри и учись.

Целительницы курили над Паком сигары. Они глубоко затягивались, а затем наклонялись и медленно, тонкими струйками выпускали дым на его голое изломанное тело. Мало-помалу хижину заволокло туманной синевой, превращавшей целительниц в привидения, а лежавшее перед ними тело — в расплывчатое пятно. Пак всхлипывал от боли и что-то бормотал, но постепенно стал затихать, а потом и совсем умолк. В конце концов по его телу прошла длинная судорога, он словно окаменел и перестал дышать.

Целительницы размалевали грудь Пака охрой, а потом замазали ему рот, ноздри и задний проход липкой замазкой из алоэ и белой глины. Покончив с этим, запеленали его тело длинной полосой белой льняной ткани. Твердое как дерево, спеленатое тело они закопали в черную болотную землю на самом берегу Ведьмячьего пруда.

Закидав могилу землей и затоптав, женщины отвернулись от нее и молча разошлись по домам, каждая своим путем.

Вилл смотрел им вслед, пока его живот не заурчал, обиженно напоминая, что с самого утра не получил ни крошки пищи. Ну ничего, тут неподалеку росла вишня, чьи ягоды как раз

должны были созреть, и лежал пирог с голубятиной, который, как он знал почти наверняка, не слишком хорошо сторожили.

Не теряя зря времени, он поспешил в деревню.

Весь остаток дня Вилл гулял и развлекался и вернулся в необъятное брюхо дракона, когда солнце уже закатилось, заранее уверенный, что огромный Червяк закатит ему скандал. Но когда он сел в кожаное кресло и иголки вонзились ему в запястья, дракон заворковал, почти замурлыкал:

— Ну какой же ты пугливый! Весь дрожишь, с головы до ног. Не бойся меня, малыш. Я буду защищать тебя и заботиться о тебе. А ты, в свою очередь, будешь моими глазами и ушами, ладно? Вижу, вижу, что ты согласен. Ну а теперь давай посмотрим, что ты узнал за сегодня.

— Я...

— Тсс, — выдохнул дракон. — Ничего не говори. Мне нужен не твой рассказ, а непосредственный доступ к твоим воспоминаниям. Постарайся расслабиться сколько можешь. Сначала будет немного больно, но потом ты привыкнешь — и станет полегче. Вполне возможно, что со временем ты даже научишься получать от этого удовольствие.

В сознание Вилла внедрилось нечто влажное, холодное и скользкое. На языке появился противный привкус, словно медяшку долго во рту держал. В ноздри ударила мерзкая вонь. Еле сдерживая подступающую к горлу тошноту, Вилл попытался встать с кресла.

— Не сопротивляйся. Будет гораздо легче, если ты сам мне откроешься.

Вилл ощущал, что в него проникает нечто черное, гладкое и маслянистое. Кольцо за кольцом оно протискивалось все дальше и дальше. В какой-то момент он обнаружил, что парит в воздухе прямо над своим телом, которое теперь уже как чужое. Он слышал, как оно мучается сухой, безысходной тошнотой.

— Прими его целиком.

Боль. Боль несравненно худшая, чем любая испытанная Виллом до той поры. Его череп не мог, никак не мог выдержать такого давления. И все же это чужое продолжало проталкиваться в него, и мерзкая, пульсирующая слизь пропитала все его

мысли, все его чувства, все воспоминания. Уродливо их раздула и поглотила. А потом, когда у Вилла уже не было сомнений, что голова его лопнет, процесс завершился.

Весь, без остатка, дракон был внутри него.

Вилл закрыл глаза и в ослепительной, болью пронизанной тьме увидел царя-дракона таким, каким тот существует в духовном мире: гибким, светозарным, гудящим от энергии. Здесь, в царстве идеальных форм, он был не сломанной искалеченной *вещью*, но изящным существом, сочетающим красоту животного с обдуманным совершенством машины.

— Ну разве я не прекрасен? — проворковал дракон. — Разве я не отрада для созерцания?

Вилл задохнулся от боли и отвращения. И все же — да простят ему Семеро непотребную мысль! — это было чистейшей правдой.

2
ЦАРЬ-ДРАКОН

Каждое утро, как только поднимется солнце, Вилл вытаскивал тяжеленные, весом с него самого, аккумуляторы на Самозванцеву площадь, и дежурные сельчане их подзаряжали — сперва один, а затем, по мере того как на кузне делались остальные стоячие велосипеды, и два, и три, а в конце концов и все шесть. Одна из деревенских женщин, тоже назначаемая по очереди, ждала его с готовым завтраком. Как представитель дракона, он имел законное право зайти в любой дом и съесть там все, что найдет, но такой, по очереди, способ казался дракону более уважительным. Весь остаток дня Вилл по приказу своего господина бродил по деревне и ее окрестностям, день ото дня уходя все дальше и дальше, — бродил и смотрел. Первое время Вилл не понимал, что это такое он высматривает. Однако, сравнивая приказы, передаваемые им жителям деревни, с тем, что запомнилось за предыдущий день, он постепенно понял, что дракон исследует обороноспособность деревни и ищет пути ее укрепления.

Правду говоря, защитить деревню от сколько-нибудь серьезной военной силы было невозможно. Но можно было сделать ее менее заметной и менее привлекательной для возможного противника. Были посажены живые изгороди из колючих кустов и — в изобилии — ядовитый сумах. Были засажены деревьями и завалены буреломом все ведущие в деревню тропинки. Был спущен и осушен пруд, чтобы солидный запас пресной воды не привлек внимания наступающей армии. Когда по Приречной дороге приходил еженедельный грузовик с почтой и товарами для лавки, Вилл подолгу листал журналы у прилавка, отвлекая водителя, чтобы тот поменьше глазел по сторонам,

а то еще заметит что-нибудь необычное. Когда главный пасечник с гордостью объявил, что есть излишки меда и что можно продать их в низовье реки за серебро, Вилл передал ему приказ дракона уничтожить половину излишков, чтобы деревня не прослыла слишком уж процветающей.

После заката, когда небо быстро темнело, Вилл ощущал привычное покалывание в запястьях и некую смутную тревожную потребность, и тогда он возвращался к дракону, чтобы вступить с ним в тесное мучительное общение и поделиться всем, что видел за день.

Вечер на вечер не приходился. Иногда внедрение дракона оставляло его слишком разбитым, чтобы делать потом хоть что-нибудь. А иногда он проводил часы и часы, начищая и надраивая драконье нутро. Впрочем, чаще всего он просто сидел в пилотском кресле, прислушиваясь к еле слышному рокоту драконьего голоса, говорившего вещи, болезненные, как пытка, были они там правдой или нет, потому что нельзя было точно сказать, что они неправда.

— Рака у тебя, похоже, нет, — бормотал старый бойцовый змей. Снаружи, если верить часам на панели управления, совсем уже стемнело. Впрочем, люк все равно держался закрытым, а окон в кабине не было, так что светили здесь только шкалы приборов. — Прямая кишка не кровоточит, потери энергии не ощущается, что скажешь, мальчик?

— Нет, ужасный господин.

— Похоже, мне повезло при выборе, повезло куда больше, чем я ожидал. В твоих жилах есть доля смертной крови, это уж ясно как полная луна. Твоя мать была ничем не лучше, чем ей быть положено.

— Как, господин?

— Я сказал, что твоя мать была шлюхой! Ты глухой или просто недоумок? Твоя мать была шлюхой, твой отец — рогоносцем, сам ты — ублюдок, трава — зеленая, камни — твердые, а вода — мокрая.

— Моя мать была честной женщиной!

— Честные женщины спят не только со своими мужьями, но и с другими мужчинами, это происходит повсеместно и по причинам, которых куда больше, чем этих других мужчин. Тебе что, никто про это не говорил? Она могла заскучать, или

просто была безрассудной, или ее шантажировали. Она могла искать денег или приключений или мстить твоему отцу. Она могла быть отчаянной женщиной и поставить свою честь на бросок монеты — орел или решка. Она могла поклоняться Рогатому. Может быть, ею овладело желание поваляться в вонючей канаве, опоганить себя. Она могла даже влюбиться. В жизни случается и не такое.

— Я не буду это слушать!

— А у тебя что, есть выбор? — Виллу показалось, что по лицу дракона — *отсутствующему* лицу — скользнула саркастическая улыбка. — Люк закрыт, и ты не можешь выйти. Да и вообще я больше и сильнее тебя. Это *lex mundi*[1], уйти от которого невозможно.

— Ты лжешь! Лжешь! Лжешь!

— Верь во что душе твоей угодно. Но откуда бы там она ни взялась, эта смертная кровь — большая для тебя удача. Живи ты не в этой вонючей дыре, а в каком-нибудь более цивилизованном месте, тебя непременно призвали бы в военно-воздушные силы. Как тебе, конечно же, известно, все пилоты наполовину смертные, потому что лишь смертная кровь может с успехом противостоять холодному железу. Ты бы жил словно князь и учился быть воином. При удаче ты мог бы убить тысячи и тысячи. — Дракон на секунду задумался, а потом заговорил чуть тише. — Как бы мне отметить это нежданное открытие? Может быть, стоит... Ну да, конечно! Я назначу тебя своим первым заместителем.

— А я что, стану от этого каким-нибудь другим? — спросил Вилл и со злостью сковырнул струп на левом запястье.

— Не презирай титулы и звания. Это как минимум произведет впечатление на твоих друзей.

Это было намеренное оскорбление, потому что друзей у Вилла не было, и дракон прекрасно это знал. Были когда-то, а теперь их не стало. Все по возможности его избегали, а если такой возможности не было, вели себя при нем с предельной осторожностью. Дети дразнили его и всячески обзывали. Иногда они бросали в него камни или глиняные черепки или даже — как-то раз и такое было — коровьи лепешки, подсохшие снаружи, но мягкие и липкие внутри. В общем-то, все это слу-

[1] Закон подлунного мира *(лат.)*.

чалось нечасто, потому что он непременно ловил обидчиков и задавал им хорошую трепку. И каждый раз это вызывало у малышни искреннее удивление.

Мир детей был устроен значительно проще, чем тот, в котором жил он сам. Когда Маленькая Рыжая Маргошка попала в него той самой коровьей лепешкой, он поймал ее за ухо и препроводил к матери.

— Вот, посмотри, что твоя паршивка мне устроила! — крикнул он, тыча ей под нос кожаную безрукавку, измаранную навозом.

Большая Рыжая Маргошка отвернулась от стола, на котором закатывала в консервные банки жаб, ее глаза выражали холодное безразличие, но на какой-то момент Виллу показалось, что в них дрожит еле сдерживаемый смех.

— Сними, и я тут же замою.

Выражение лица, с которым она это сказала, было настолько презрительным, что Виллу нестерпимо захотелось стянуть с себя заодно и штаны, швырнуть их этой наглой бабе в лицо и приказать, чтобы постирала, в порядке наказания. Но в тот же момент он словно наново увидел крепкую розовую плоть Большой Рыжей Маргошки, ее обильные груди и широкие бедра. Его причинный орган набряк с такой силой, что едва уже помещался в штанах, и они оттопырились. Большая Рыжая тут же это заметила, и не скрываемое теперь презрение в ее взгляде заставило Вилла побагроветь от смущения. Хуже того, пока ее мать замывала безрукавку, Маленькая Маргошка плясала вокруг Вилла на безопасном расстоянии, высоко задирая юбчонку, виляя перед ним своей голой задницей, а он не знал, куда глаза девать.

Зато чуть позже, уже выходя из двери с влажной безрукавкой, перекинутой через руку, Вилл остановился, повернулся и сказал, словно только что вспомнив:

— Да, и еще. Изготовь-ка ты мне рубаху из белого камчатного полотна с вышитым гербом на груди: на серебряном поле красный дракон, вставший на дыбы над черным селением. И чтобы было готово к завтрашнему рассвету, принесешь мне сама.

— Ну вы видали такую наглость! — воскликнула Большая Рыжая Маргошка. — Ты не имеешь права требовать от меня такое.

— Я первый заместитель дракона, и это дает мне право на что угодно.

Он вышел с приятным сознанием, что теперь этой рыжей сучке придется просидеть за шитьем для него всю ночь напролет, и заранее радуясь ее бессильной злобе.

С того дня, как схоронили Пака, прошло ровно три недели, и целительницы решили, что пора бы его и выкопать. Они ничего не сказали на заявление Вилла, что он тоже будет при этом присутствовать: никто из взрослых никогда ему ничего не говорил, разве что не было иного выхода, — и все равно, уныло тащась вслед за ними, он отлично понимал, что никому здесь не нужен.

Когда тело Пака достали из могилы и отнесли в Курилку, оно было похоже на огромный шишковатый корень какого-то растения. Непрерывно что-то напевая, женщины размотали полотняный свивальник, вымыли тело коровьей мочой и извлекли из всех его отверстий замазку. Затем под язык ему засунули тонкую пальцевую косточку летучей мыши. О его переносицу разбили куриное яйцо, тщательно отделенный белок выпила одна из целительниц, а желток проглотила другая. А под конец они вкололи ему пять кубиков декстроамфетаминсульфата.

Паковы глаза широко распахнулись. От долгого лежания в мокрой болотной земле его кожа почернела как уголь, а волосы отбелились и стали совсем как седые, однако глаза его сохранили свой удивительный ярко-зеленый цвет. Во всем, за исключением одной детали, его тело осталось таким же, как и прежде, но это единственное исключение заставило целительниц грустно вздохнуть.

Правая нога его сохранилась лишь по колено.

— Земля взяла свою дань, — объяснила одна из мудрых старух.

— Ноги было слишком уж мало, чтобы ее спасти, — сказала другая.

— Жалко, — вздохнула третья.

Затем все они вышли из хижины, оставив Пака на попечение Вилла.

Пак долго ничего не говорил, а только смотрел на свою культяпку; он сел и осторожно ее ощупал, словно убеждая себя,

что отсутствующая плоть действительно отсутствует, а не стала вдруг невидимой под воздействием какого-то колдовства. Затем он скользнул глазами по белой рубашке Вилла и драконьему гербу на ней. А под конец его немигающий взгляд уперся Виллу прямо в глаза.

— Это ты во всем виноват.

— Так нечестно! — завопил Вилл. — Эта мина никаким боком не связана с драконом. Точильщик Ножниц и так бы нашел ее и притащил в деревню. Во всем виновата война, это она принесла на нашу голову и дракона, и мину, а уж в войне-то — ты не можешь этого не признать — я никак не виноват. — Для большей убедительности Вилл взял Пака за руку. — *Чёртирион*... — продолжил он, сильно понизив голос, чтобы никто вдруг не подслушал.

Но Пак с негодованием вырвал свою руку:

— Это больше не мое тайное имя! Я прошел сквозь тьму, и мой дух вернулся из гранитных покоев с новым именем — именем, которого и дракон не знает.

— Не знает, так скоро узнает, — печально заметил Вилл.

— Тебе что, очень этого хочется?

— Пак...

— Мое прежнее обычное имя тоже умерло, — сказал тот, кто был когда-то Паком Ягодником. Цепляясь за стену, он встал на единственную ногу и завернулся в то самое одеяло, на котором лежал. — Можешь звать меня Без-имени, потому что ни одно мое имя не слетит больше с твоих губ.

Без-имени неуклюже поскакал к двери. Там он секунду отдохнул, держась за косяк, а затем решительно преодолел порог и запрыгал дальше.

— Подожди! Да ты послушай меня, пожалуйста! — крикнул вслед ему Вилл.

Молча и не поворачиваясь, Без-имени вскинул правую руку с выставленным средним пальцем.

От бессильного гнева глаза Вилла застлало красной пеленой.

— Мудила хренов! — закричал он вслед бывшему другу. — Поскакунчик безногий! Джонни-полторы-ноги!

С той самой ночи, как в него вошел дракон, Вилл не плакал ни разу, а теперь из его глаз так и хлынули слезы.

На самой вершине лета в деревню с диким ревом мощного мотора влетел на мотоцикле армейский вербовщик; к его заднему сиденью был приторочен большой желто-зеленый барабан. На нем был красивый красный мундир с двумя рядами медных пуговиц, и он приехал аж из самого Броселианда, выискивая парней, которых можно было бы призвать в авалонскую армию. Взвизгнув покрышками и подняв огромное облако пыли, он затормозил перед «Тощей собакой», опустил ногою подпорку, вошел в трактир и снял на весь вечер главный зал.

Выйдя опять наружу, он надел барабан и сыпанул на его туго натянутую кожу горсть золотых монет. *Бум-Бум-де-Бум!* Палочки выбивали из барабана громовые раскаты. *Рап-Рап-э-Тап!* Монеты подпрыгивали и танцевали, как капли на горячей сковородке. К этому времени у «Тощей собаки» собралась уже целая толпа.

— Сержант Бомбаст — так меня звать! — хохотал вербовщик. *Бум! Бум! Та-ра-ра-ра-Бум!* — Я послан сюда, чтоб героев искать! — Он вскинул палочки над головой и звонко ими постучал. *Щелк! Щелк! Щелк! Щелк!* Затем он сунул их за пояс, снял с себя барабан и поставил его рядом с собою на землю. Блеск золота слепил глаза, заставлял толпу забыть обо всем, кроме алчности. — Я хочу предложить отважным парням самолучшую службу, какая только предлагалась когда-либо мужчине. Прекрасную возможность обучиться профессии, стать достойным воином... и получать за это весьма, *очень* даже весьма хорошие деньги. Вот посмотрите на меня! — Он любовно похлопал себя по обширному брюху. — Разве я похож на заморыша?

Собравшиеся дружно засмеялись. Смеясь вместе с ними, сержант Бомбаст замешался в толпу, он бродил то туда, то сюда, обращаясь то к этому слушателю, то к другому.

— Нет, отнюдь не похож. По той очень простой и приятной причине, что армия прекрасно меня кормит. Она меня кормит, одевает и обувает, делает мне все, что я ни попрошу, разве что жопу не подтирает. А благодарен ли я ей за это? Благодарен ли? Так вот, я ей *не* благодарен. Нет, уважаемые сэры и девицы. Я настолько далек от какой-либо благодарности, что еще требую, чтобы армия за это же мне и платила! И сколько вы думаете? Сколько, вы думаете, они мне платят? Принимая во внимание, что вся моя жратва, мои сапоги и штаны и даже моя смор-

калка... — он выхватил из-за обшлага кружевной носовой платок и помахал им в воздухе, — что все это дается мне бесплатно, бесплатно, как воздух, которым мы дышим, и как земля, которую втираем себе в волосы в канун возжигания свеч. Так угадайте: сколько мне *платят*? — В этот момент случайные вроде бы блуждания в толпе вновь привели сержанта к барабану. Его кулак обрушился на барабан, заставив золотые монеты высоко подпрыгнуть, а собравшихся вздрогнуть. — Сорок три медных пенни в месяц!

Толпа изумленно ахнула.

— И платят без всяких задержек, ежеквартально, взаправдашним золотом! Каковое вы здесь и видите! *Или* серебром, это для тех, кто поклоняется рогатой дамочке. — Он пощекотал под подбородком старушку Ой-Я-Боюсь, отчего та вспыхнула и разулыбалась. — Но это еще не все — нет, даже не половина! Как я вижу, вы уже заметили эти монеты. Заметили? Черта с два! Вы просто заметили, что я *хотел*, чтобы вы заметили эти монеты! А почему бы и нет! Каждая из этих красавиц весит целую троянскую унцию, без малейшего недовеса! Каждая отчеканена из прекрасного червонного золота, добытого трудами кобольдов в шахтах Лунных гор — гор, населенных грифонами. Ну как же вам было их не заметить? Как же вам было не задаться вопросом, что же я думаю с ними делать? Неужели я привез их только затем, чтобы потом, отыграв свой спектакль, попросту сгрести их и закинуть назад в свой карман?.. Нет, ничего подобного! Я глубочайше надеюсь уйти из этой деревни без гроша за душой. Я намерен уехать из вашей деревни с пустым, хоть выверни, карманом. А теперь навострите уши, потому что мы дошли до главного. Вот это золото предназначено для выплаты подъемных. Да, вы ничуть не ослышались! Подъемные для тех, кто завербуется. Еще минута, и я кончу трепать языком. Думаю, вы рады это услышать! — Он подождал, пока слушатели отсмеются. — Да, уж вы там верите или нет, но не позже чем через минуту сержант Бомбаст заткнет свою пасть и войдет в это прекрасное заведение, где я заранее заказал исключительное использование главного зала — и, конечно же, кое что еще. Так вот, все, что я хочу, — это просто поговорить — только поговорить, обратите внимание! — с парнями, достаточно сильными и достаточно взрослыми, чтобы записаться в солдаты. Ну и ка-

кой же это возраст? Возраст достаточный, чтобы ваша подружка рисковала подзалететь. — (Новый взрыв хохота.) — Ну и чтобы не слишком уж много лет. А слишком много — это сколько? А столько, чтобы, когда ваша подружка пойдет гулять налево, вы не обиделись, а сказали: ну и пруха же мне!.. Так вот, я люблю потрепаться, и мне нужны парни, с которыми можно бы потрепаться. И если вы здесь такие, если не слишком молоды и не слишком стары и если хотите просто меня послушать без никаких обязательств... — Он выдержал паузу. — Ну что ж, тогда все путем, а пиво ставлю я. Пейте, сколько душе угодно и в брюхо влезет, а я за все заплачу. — Он направился было к трактиру, но затем повернулся, изобразил удивление и поскреб себя в затылке. — Мать твою за ногу, я же тут вроде чего-то забыл.

— Золото! — подсказал чей-то писклявый голос.

— Ну да, конечно же золото! Я б и репу свою где-нибудь позабыл бы, не будь она крепко прибита гвоздями. Как я вам уже говорил, золото — это на подъемные. Вы получите его прямо в ту же минуту, как распишетесь в вербовочном контракте. Ну и сколько же вы получите? Одну золотую монету? Или две? — Он хищно ухмыльнулся. — Так что же, никто и угадывать не хочет? Нет? Ну ладно, держитесь покрепче за ваши писиськи... Парню, который запишется сегодня, я предлагаю *десять золотых*! И еще по десять всем его дружкам, кто захочет последовать его примеру.

Под ликующие крики толпы он вошел в дверь трактира.

Дракон, предвидевший заранее, что из дальних мест приедет вербовщик, дал Виллу подробные наставления, что тот должен делать.

— Теперь мы должны достойно отплатить нашим людям за их беззаветную службу, — начал он. — Этот тип очень опасен как для них, так и для нас. С ним нужно разобраться, и лучше, если это станет полной для него неожиданностью.

— А почему бы не успокоить его дружелюбными улыбками? — спросил Вилл. — Выслушать его, накормить от пуза, и пусть себе едет дальше. Мне кажется, так будет проще всего.

— Можешь не сомневаться, что он наберет себе рекрутов. В добавление к хорошо подвешенным языкам все эти типы располагают мощными волшебными камнями.

— И что же из этого следует?

— Авалону не везет в этой войне. Сегодня набраны уже трое, вряд ли хоть один из них вернется домой.

— Мне это как-то все равно, я за них думать не нанимался.

— Ты быстро учишься, — одобрил дракон. — Но вот другое обстоятельство не может нас не волновать: первый же новобранец, которого приведут к присяге вассальной верности, расскажет своим офицерам, что в вашей деревне поселился я. Он предаст нас всех, ни на секунду не задумавшись о благополучии своей деревни, своей родни и своих друзей. Такова уж сила армейских колдунов.

Так что Вилл с драконом посовещались и все спланировали.

А теперь пришло время претворить эти планы в жизнь.

«Тощая собака» буквально ломилась от перспективных новобранцев, и никому из них не было отказа ни в пиве, ни в табаке. Дымились все кальяны, имевшиеся в трактире, так что сержанту Бомбасту пришлось послать за подкреплением. В плотном облаке сизого дыма деревенская молодежь шутила, заливисто хохотала и улюлюкала, а тем временем вербовщик высматривал опытным глазом какого-нибудь парнишку, совсем уже вроде готового записаться, сахарно улыбался ему и подзывал к себе. Вилл увидел это прямо с порога.

Он отпустил дверь, и та с треском захлопнулась за его спиной.

Все взгляды обратились на него. В комнате повисла гробовая тишина.

Он шел через зал под скрип отодвигаемых стульев и стук тяжелых кружек, опускавшихся на столы. Кто-то выскользнул в кухонную дверь, за ним кто-то еще. Трое парней в зеленых рубашках, тесно сидевших за одним из столиков, ушли через главную дверь. Люди зачем-то вставали, куда-то двигались и уходили, уходили... К тому времени, как Вилл подошел к вербовщику, в зале не осталось, кроме них, никого.

— Драть меня в рот и ухо, — поразился сержант Бомбаст, — если я в жизни видел такое.

— Это я во всем виноват, — смущенно пояснил Вилл.

— Уж это-то я как-нибудь и сам вижу! Все дело в тебе, это видно любому, кто не совсем ослеп, но чтоб мне спьяну жениться на бритой козе, если башка моя понимает, в чем тут, собственно, дело. Да ты садись, парнишка, садись. На тебе что, про-

клятье какое-нибудь? У тебя дурной глаз? Подхватил эльфийскую чумку?

— Да нет, все не так. Просто я... — Вилл запнулся и густо покраснел. — Просто я наполовину смертный.

Долгое мучительное молчание.

— Ты это что, серьезно?

— Да, сэр. У меня железо в крови. Потому у меня и нет тайного имени. Ну и потому же все смотрят на меня как не знаю на что. — Он заставил себя посмотреть вербовщику прямо в глаза и с удивлением обнаружил, что тот верит каждому его слову. — Теперь, когда все это знают, в этой деревне нет для меня места.

Бомбаст задумчиво пожевал косточку своего большого пальца, а затем указал на черный округлый камень, лежавший на стопке пергаментных вербовочных договоров.

— Это тут у меня именной камень. Булыжник булыжником, и взглянуть-то не на что, верно?

— Да, сэр.

— А вот его напарник, который лежит у меня под языком, стоит того, чтобы на него посмотреть. — Он вынул изо рта маленький, похожий на обсосанный леденец камешек и показал его Виллу. В самой середке блестящего, кроваво-красного камня проглядывало что-то черное. Дав Виллу налюбоваться, сержант снова сунул камешек под язык. — Так вот, если ты положишь руку на этот, что на столе, именной камень, твое тайное имя тут же сообщится камешку, который у меня во рту, а затем прямиком поступит мне в мозг. Это мы таким образом гарантируем выполнение договоров, подписанных новобранцами.

— Ясно.

Внимательно глядя на лицо вербовщика, Вилл положил ладонь на черный именной камень. Ничего, ни малейшей реакции. Были, конечно же, способы скрыть свое тайное имя, но кто же их, эти способы, знает в глухой деревушке, затерявшейся на Спорных холмах? Проверка именным камнем ничего не доказывала, однако давала серьезные основания верить его словам. Сержант Бомбаст медленно вдохнул, медленно выдохнул, а затем открыл небольшой ларец, стоявший на столе рядом с его левым локтем.

— Мальчик, ты видишь это золото?

— Да, вижу.

— Эти восемьдесят унций превосходного червонного — ты заметь, что не какого-то там белого, а об электруме[1] не стоит даже и вспоминать! — золота ближе сейчас к тебе, чем одно твое ухо к другому. Но это лишь задаток, твое полное вознаграждение будет во много, в дюжину раз больше всего, что есть у меня при себе. Если, конечно же, ты сказал мне правду. Ты можешь как-нибудь это доказать?

— Да, сэр. Могу.

— А теперь объясни-ка мне все это еще раз и поподробнее, — сказал сержант. — Ты это что же, живешь в *железном* доме?

Они уже шли по тревожно молчавшей деревне. Вербовщик оставил свой барабан в трактире, однако именной камень он сунул себе в кармап, а тяжелый ларец запер на ключ и подвесил к поясу.

— Ну да, там я по ночам и сплю. Ведь это доказывает мои слова, верно? Доказывает, что я... ну, то, что я сказал.

За разговором Вилл вывел вербовщика на Самозванцеву площадь. День был теплый, безоблачный, площадь пахла пылью и словно бы корицей, с чуть заметной горьковатой примесью запахов горючего, медленно сочившегося из дракона, и холодного железа. Время только-только перевалило за полдень. При виде дракона сержант Бомбаст изменился в лице.

— В глаз и в нюх, — пораженно выдохнул он, на чем разговор, собственно, и закончился.

Словно по сигналу, Вилл крепко обхватил сержанта, прижав его руки к телу, а все двери, выходившие на площадь, разом распахнулись, и на площадь хлынули, размахивая граблями и мотыгами, селянки, таившиеся там в засаде. Некая старая птичница с размаху саданула вербовщика по голове прялкой, и тот обмяк у Вилла в руках; не в силах держать такую тушу, Вилл уронил его на землю.

А тут уж женщины вдосталь поизмывались над павшим воином: они били его и пинали, кололи и драли за волосы, сопровождая все это действо непрерывным потоком проклятий. Их ярость не знала предела, ведь это все были матери тех, кого

[1] *Электрум* — природное низкопробное золото либо сплав золота с большим количеством серебра.

сержант заманивал в армию. Они выполняли приказ дракона, отданный им через Вилла, и выполняли с рвением куда большим, чем любой из предыдущих его приказов. Теперь же они не только отводили душу, но и вдвойне гарантировали, что вербовщик никогда уже больше не придет, чтобы сладкими песнями сманивать их сыновей.

Покончив со своей серьезной работой, они молча, словно и говорить-то тут было не о чем, разошлись по домам.

— Утопи мотоцикл в реке, — приказал чуть позднее дракон. — Барабан разломай и сожги, чтобы не было никаких улик. Труп закопай на свалке, и поглубже. Ничто не должно указывать, что он сюда заезжал. Ты взял его денежный ящик?

— Нет, его не было при трупе. Не иначе как украла одна из этих баб.

— Ох уж эти мне крестьяне! — хохотнул дракон. — Будь у них возможность, они б украли золотые коронки с собственных своих зубов. Но в целом и это в плюс. Монеты уже надежно погребены под каменными плитами, устилающими пол какого-нибудь подвала, и останутся там едва ли не навсегда. А когда сюда заявится следователь, ищущий пропавшего вербовщика, его встретят полным непониманием, замысловатым враньем и якобы случайными, но тщательно продуманными мелкими свидетельствами, наводящими на ложный след. Из чистой своей жадности они послужат нашему делу лучше, чем служили бы по приказу.

Полная луна, восседавшая в небе на императорском троне созвездия Бешеной Собаки, правила со своей недосягаемой высоты одной из самых душных за лето ночей, когда дракон неожиданно заявил:

— Намечается сопротивление.

— Как?

Вилл стоял у открытого люка, апатично наблюдая за каплями пота, падавшими в пыль с его наклоненной головы. Он мечтал хоть о малейшем ветерке, однако в это время года, когда те, у кого были хорошие дома, спали нагишом на своих плоских крышах, а у кого таких домов не было, шли на реку и зарывались в прибрежный ил, ночью не бывало ветерков достаточно пронырливых, чтобы пробраться сквозь лабиринт домов и домиков и выпорхнуть на площадь.

— Бунтовщики, не признающие моей верховной власти. Мятежники. Сумасброды, готовые пойти на верное самоубийство.

Капнула еще одна капля. Вилл отдернул голову в сторону, чтобы передвинуть ее тень, и увидел, как по пыли расползается черный отчетливый кружок.

— Кто это?

— Зеленорубашечники.

— Да это ж дети, — отмахнулся Вилл. — Сопляки желторотые.

— Не нужно презирать их за молодость. Из молодых получаются отличные солдаты и еще лучшие мученики. Ими легко управлять, они быстро учатся и могут быть предельно беспощадными, если получат на то приказ. Они убивают без сожаления и без колебаний идут на смерть, потому что не могут до конца осознать, что смерть — это всерьез и, более того, навсегда.

— Ты уделяешь им слишком много внимания. Все, что они могут, — это показывать мне потихоньку кукиш, смотреть глазами, бледными от ненависти, и плеваться на мою тень. Так это ж и все делают.

— Их число и отвага растут день ото дня. Их вожак, так называемый Без-имени, парень ушлый и весьма небесталанный. Меня тревожит, что он сумел сделать себя невидимым и для твоих глаз, и, как следствие, для моих. Ты не раз натыкался на логово в полях, где он спал прошлой ночью, либо чуял характерный запах его помета. Но когда, скажи мне на милость, ты последний раз видел его лично?

— Я даже не видел эти его лежбища и не чуял запаха дерьма, о котором ты тут говорил.

— Ты и видел, и чуял, только сам того не понимал. Тем временем этот Без-имени умело избегает попадаться тебе на глаза. Он превратился фактически в призрака.

— Чем призрачнее, тем лучше. Да хоть бы и никогда его больше не видеть.

— Увидишь, и скоро. А тогда не забывай мое предупреждение.

Не прошло и недели, как драконье предсказание сбылось. Вилл шел куда-то по его делам, смотря по сторонам и поражаясь, как это часто бывало в последние дни, насколько неказис-

той и уродливой стала казаться ему деревня. Половину домов составляли убогие мазанки, кое-как сплетенные из прутьев и палок и облепленные речною глиной. Домишки, построенные из взаправдашних досок, все как один оставались некрашеными и быстро серели от ветра и дождя, чтобы снизить оценку их стоимости, ежегодно проводившуюся налоговым инспектором центрального правительства. По улицам бродили свиньи, а бывало, что и помоечный медведь, тощий и облезлый, словно молью побитый. Ничего здесь не было чистого, ничего нового, ничего и никогда не чинили. Вот таковы-то были Вилловы мысли, когда кто-то с размаху надел ему на голову царапучий рогожный мешок, кто-то другой ударил его под дых, а кто-то третий подшиб ему ноги.

Это было похоже на фокус. Секунду назад он шел по оживленной улице, где шумно играли дети, трудолюбивые ремесленники спешили в свои мастерские, а добропорядочные хозяйки либо высовывались из окон, обмениваясь новейшими сплетнями, либо сидели в дверях своих хижин и лущили горох. И вот весь мир погрузился в темноту, и четверо крепких парней куда-то его торопливо тащат.

Он отчаянно сопротивлялся, однако вырваться не сумел. На его полузадушенные крики парни не обращали никакого внимания. Даже если кто-нибудь их и слышал — ведь на улице было много народу, — желающих помогать ему не находилось.

По прошествии бесконечно долгого, как показалось Виллу, времени его бесцеремонно, словно какой-нибудь тюк, уронили на землю. Он тут же сорвал с головы ненавистный мешок и обнаружил себя на влажном, сплошь усыпанном камнями дне заброшенного щебеночного карьера, находившегося к югу от деревни. Склоны карьера заросли плющом и диким виноградом. Где-то неподалеку пели птицы. Поднявшись с земли, он с ненавистью отшвырнул мешок и взглянул на своих похитителей.

Их было двенадцать, все в зеленом.

Вилл их, конечно же, знал, как знал он и всех жителей деревни. Более того, все они в то или иное время были его друзьями. Если бы не служба дракону, он бы тоже, без всяких сомнений, был бы одним из них. Но сейчас он не испытывал к этим ребятам ничего, кроме презрения, потому что прекрасно знал, как поступит с ними дракон, осмелься они причинить хоть какой-либо вред его главному и единственному помощнику. Од-

ного за другим он будет принимать их в свое тело, лишая их разума и покрывая их тела мучительными язвами. Первому из них он заранее опишет во всех кошмарных подробностях все этапы предстоящей ему смерти, а затем на глазах одиннадцати остальных исполнит свое обещание. Смерть за смертью, а те, кто еще жив, будут смотреть и дрожать от ужаса, предвкушая свою собственную участь. А последним будет их вожак, Без-имени.

Вилл понимал ход мыслей дракона.

— Отпустите меня, — высокомерно сказал он. — Так будет лучше для вашего дела.

Двое зеленорубашечников схватили его за локти и поставили перед Без-имени. Тот, кто был в прошлом Паком Ягодником, стоял, опираясь на ясеневый костыль. Его лицо исказилось от ненависти, глаза лихорадочно блестели.

— Очень, конечно, любезно, что ты так беспокоишься о нашем деле. Только ты же не совсем понимаешь, в чем оно, это дело, состоит, согласен? А состоит наше дело вот в чем. — Без-имени полоснул Вилла чем-то твердым и острым сверху вниз по лбу и левой щеке. — *Ландрисос*, — крикнул он, — я велю тебе: умри!

Зеленорубашечники отпустили локти Вилла. Он чуть пошатнулся и отступил на шаг. По его лицу стекало что-то теплое. Он потрогал свою щеку и взглянул на палец. Кровь. Без-имени смотрел и словно чего-то ждал. Его пальцы сжимали чертов ножик — плоский, в форме наконечника стрелы камень, какие во множестве вымывает из земли едва ли не каждый дождь. Вилл толком и не знал, рукотворные это предметы, оставшиеся от какой-нибудь древней цивилизации, или так, случайный каприз природы. Не знал он прежде и того, что, если оцарапать кого-нибудь одним из этих камешков, обратиться к нему по тайному имени с приказом умереть, этот кто-нибудь умрет. Но в воздухе появился резкий запах озона, непременно сопровождающий любую смертоносную магию. Мелкие волоски, росшие на затылке, зашевелились, а в носу невыносимо защекотало, все это было точным подтверждением, что секунду назад едва не случилось непоправимое.

После недолгого недоумения Без-имени буквально взорвался.

— Ты и не был мне другом, никогда не был! — крикнул он, яростно швырнув чертов ножик на землю. — В ту ночь, ко-

гда мы обменялись своими тайными именами и смешали нашу кровь, ты и тогда, с самого начала врал! Ты все, все врал! Какой ты был тогда, такой и сейчас!

В общем-то, все так и было. Вилл помнил тот день, когда они с Паком доплыли на своих челноках аж до дальнего острова, наловили там рыбы, которую поджарили потом на углях, и поймали большую черепаху, из которой в ее же собственном панцире сварили прекрасный суп. И вот тогда-то Паку вдруг захотелось обменяться с ним тайными именами и поклясться в вечной дружбе, а Вилл и сам давно уже хотел иметь настоящего друга, но заранее знал, что Пак ни за что не поверит, что нет у него тайного имени, нет, и все тут, а потому взял да выдумал для себя вот это самое имя, Ландрисос. Он предусмотрительно позволил другу открыть свое тайное имя первым, а потому, произнося позднее свое «имя», вовремя задрожал как припадочный и вовремя закатил глаза. Но при каждом воспоминании об этом вынужденном спектакле его охватывал мучительный стыд.

Даже вот и сейчас.

Стоя на своей единственной ноге, Без-имени подбросил костыль, перехватил его за нижний конец, а затем широко размахнулся и ударил Вилла тяжелой рукоятью по лицу.

Вилл упал.

И тут же остальные зеленорубашечники принялись избивать его руками и ногами.

На какую-то секунду Виллу пришла в голову странная мысль, что, если бы в свое время и он стал одним из них, сейчас их была бы ровно чертова дюжина, чертова дюжина и общее темное дело. Тринадцать, как колдунов или ведьм, собравшихся на малый шабаш. Вот шабаш тут и есть, а он — случайный прохожий, которого приносят в жертву дьяволу, приносят посредством пинков и ударов. А потом не осталось ничего, кроме боли и ярости, вскипевшей в нем настолько бурно, что она хоть и не могла приглушить боль, но зато полностью подавила страх, который он должен был бы чувствовать, понимая, что непременно умрет. Он ощущал только боль и изумление — огромное, словно мир, изумление, что такая серьезная, непостижимая вещь, как смерть, может случиться с *ним*, и где-то рядом удивление поменьше, что Паку и его славным громилам достало духу довести задуманную ими кару до порога смерти и они

даже готовы решиться на последний решающий шаг. А ведь кто они такие? Просто мальчишки. Где же они успели этому научиться?

— Помер вроде бы, — сказал чей-то голос.

Может быть, Пака. А может, и нет. Голос донесся словно очень, очень издалека.

— А вот мы сейчас проверим.

Еще один удар сапога по уже переломанным ребрам. Вилл судорожно, всем телом передернулся и с хрипом и свистом хватил глоток воздуха. Кто-то глумливо хохотнул.

— Это наше послание твоему хозяину, — сказал вроде бы проверяльщик. — Передай ему, если вдруг выживешь.

И тишина. Через какое-то время Вилл заставил себя открыть левый глаз — правый заплыл до такой степени, что не открывался, — и увидел, что остался в карьере один. День был просто роскошный: солнечный, но совсем не жаркий. Щебетали птицы. Теплый, еле заметный ветер шевелил его волосы.

Он заставил себя подняться, с огромным трудом вылез из карьера и потащился в деревню, к дракону, плача от ярости и оставляя за собой кровавый след.

3

ПОСЛЕДНИЙ ЗЕЛЕНОРУБАШЕЧНИК

Так как дракон не доверял целительницам и не хотел пропускать внутрь себя никого из них, Вилловы травмы лечила «промокашка». Вилл лежал, а девушка стояла рядом на коленях и впитывала из его тела все страдания и повреждения, принимая их на себя. Немного набравшись сил, он сумел наконец осознать, что девушка совсем еще молодая — даже младше его самого. Безмерно смутившись, он попытался оттолкнуть ее прочь, но дракон не позволил. И только когда из него истекли последние капли боли, девочка встала.

От вида того, с каким трудом и мучениями ковыляет она к выходному люку, даже, пожалуй, и василиску стало бы стыдно и тошно.

— Скажи мне, кто это сделал, — прошептал, когда она ушла, дракон, — и мы отомстим.

— Нет.

Длительное шипение, словно где-то в глубине драконьего горла приоткрылся, сбрасывая пар, какой-то клапан.

— Я бы тебе не советовал так со мною дурачиться.

— Это моя проблема, а совсем не твоя, — сказал Вилл и отвернулся к стенке.

— Зато ты сам — моя проблема.

В пилотской кабине постоянно звучало еле слышное ворчание и бурчание какой-то механики, сходившее почти на нет, когда перестаешь его замечать. Частично это было за счет вентиляционной системы, никогда не дававшей воздуху стать окончательно затхлым, хотя в нем порою и ощущался некий неприятный пресноватый привкус. Все прочие звуки производились рефлекторно — отражение процессов, поддерживающих драконью жизнь. Прислушиваясь к этим механическим голосам,

глохнувшим и затухавшим в глубинах змеиного тела, Вилл начинал видеть некий округлый лаз, который никогда и нигде не кончался, но сам по себе был целым миром, вся ночь которого была замкнута в мрачных пределах этой огромной железной туши и расширялась инверсно к естественному порядку вещей: звезды, мерцающие в бездонных глубинах далеких конденсаторов и топливных насосов, и, может быть, лунный серп, застрявший в шестернях зубчатой передачи.

— Я не буду с тобою спорить, — отрезал Вилл, — но и на вопрос твой не отвечу.

— Ответишь как миленький.

— Жди хоть до той поры, когда Воинство Мрака восстанет из моря, чтобы ринуться на землю, и все равно ты ничего не добьешься.

— Ты так думаешь? А вот я обещаю, что за какой-нибудь час сумею склонить тебя к своей воле.

— Нет!

Кожаная обивка пилотского кресла чуть поблескивала в тлеющем свете приборной доски. Вилловым запястьям стало вдруг очень больно.

Исход был предрешен. Сколько Вилл ни старался, он не мог противиться зову кожаного кресла, рукояток, заполнявших его ладони, и иголок, вонзавшихся ему в запястья. Дракон вошел в него, быстро узнал абсолютно все, что ему хотелось, но на этот раз, в отличие от прошлых, не стал выходить.

Вилл шел босиком по деревне, оставляя за собою огненные следы. Его переполняли гнев и дракон.

— Выходите, не прячьтесь! — ревел он диким, как у хищного зверя, голосом. — Выдайте мне этих ваших зеленорубашечников, всех до единого, или я сам обыщу всю деревню, улицу за улицей, дом за домом, конуру за конурой. — Он ухватился за дверь ближайшего дома и сорвал ее с петель, объятые пламенем обломки досок рухнули на землю, как огненный град. Смутные фигуры метнулись от двери в глубь дома. — Здесь укрывается Спилликин. Не заставляйте меня самого выволакивать его за шкирку!

Смутные, дрожащие руки швырнули Спилликина к Вилловым ногам.

Спилликин, безобидный альбинос с тоненькими, как спички, руками и ногами болотника, отчаянно завопил, ощутив на

себе руку Вилла, которая взяла его за шкирку и вздернула на ноги.

— Следуй за мной, — бесстрастно бросил Вилл-дракон.

И столь велика была ярость Вилла, удвоенная яростью дракона, что устоять перед ней не могло ничто. Словно добела раскаленный бронзовый идол, он гнал перед собой волну иссушающего жара, от которой сохли и съеживались растения, обугливались фасады домов и пламенем вспыхивали волосы нерасторопных раззяв, не успевших убежать или спрятаться.

— Я — гнев! — ревел он во все горло. — Я — кровавое отмщение! Я — скорый и безжалостный суд! Выбирайте сами: утолить мою жажду или погибнуть!

Парней в зеленых рубашках, конечно же, выдали.

Вроде бы всех, но Без-имени в их число не попал.

Их привели на Самозванцеву площадь; понурив головы, они стояли перед драконом на коленях. Двое из них даже оказались настолько неосторожными, что не успели снять с себя зеленых рубашек, остальных притащили полуголыми или в обычной одежде. Все они дрожали от страха, а кое-кто и обмочился. Родственники и соседи пришли вместе с ними на площадь и теперь оглашали ее стонами и воплями. Одним угрожающим взглядом Вилл заставил их стихнуть.

— Повелителю известны ваши тайные имена, — сурово сказал он зеленорубашечникам, — и он может убить вас одним своим словом.

— Это правда, — подтвердила Старая Ведьма; ее лицо оставалось бесстрастным, голос звучал спокойно и ровно, хотя среди зеленорубашечников был ее младший брат.

— Более того, он способен так помрачить ваш ум, что вы ощутите себя в аду, претерпевающими вечные муки.

— Это правда, — подтвердила Бесси.

— И все равно он не склонен обрушить на вас всю мощь своего гнева. Вы для него ничуть не опасны. Он считает вас существами жалкими, незначительными.

— Это правда.

— И лишь один из вашего круга вызывает у повелителя жажду мести. Ваш вожак — тот, кто назвал себя Без-имени. А посему наимилостивейший из всех повелителей хочет сделать вам предложение. Встаньте. — Парни послушно встали, а Вилл схватил грабли, стоявшие прислоненными к стене одного из домов; деревянная ручка тут же вспыхнула. Вилл подкинул граб-

ли вверх и ловко поймал их за железные зубья. — Приведите ко мне вашего Без-имени, пока горит еще этот огонь, и я всех вас отпущу. — Он вскинул свой факел над головой. — Если же нет, вы испытаете все муки, какие только способен придумать драконий, нечеловеческий ум.

— Это правда.

Кто-то в толпе негромко безостановочно всхлипывал. Вилл словно и не слышал эти жалкие звуки, сейчас в нем было больше дракона, чем его самого. Странное это чувство, когда ты сам собою не владеешь. Виллу это даже нравилось. Это было, словно ты утлый челнок, безвольно уносимый мощным ревущим потоком. У потока эмоций есть собственная логика, он течет по своему разумению, ни с кем ничего не обсуждая.

— Ну! Чего вы тут стоите?! — крикнул Вилл. — Живо!

Зеленорубашечники прыснули прочь, словно испуганные зайцы.

Не прошло и получаса, как отчаянно вырывавшегося Без-имени приволокли на площадь. Бывшие его верные последователи связали ему руки за спиной и заткнули рот скомканным красным платком. Он был избит — не так изуверски, как недавно Вилл, но все равно довольно сильно. Из его носа безостановочно капала кровь.

Вилл заложил руки за спину и пару раз прошелся перед пленником. Изумрудно-зеленые глаза сверкали на него ничем не замутненной праведной ненавистью. Нет, этого парня словами не переспоришь, и боли он тоже не испугается. Он был, по сути, своей некой стихийной силой, полным отрицанием Вилла, духом возмездия, воплотившимся и устремленным к одной-единственной цели. И все слова, что не мог произнести этот мальчик, этот мятежник, шквалом неслись из его поразительных глаз. Они без труда, как острейшие иглы, проникали в голову Вилла, и тот принимал их, словно свои.

За спиной Без-имени ровной неподвижной шеренгой стояли старейшины. Мрачный Тип неспешно жевал пустоту — точь-в-точь престарелая черепаха, вся ушедшая в глубокие размышления. Но вслух он ничего не говорил. Молчали и Старая Черная Агнес, и ведьма-яга, чьего повседневного имени не знал никто из живущих ныне, и Бабушка Капустница, и Плоскопят, и Бабка Анни Чехарда, и Папаша Костлявый Палец, и все остальные, кто там был. Селяне, тесно столпившиеся за спинами старейшин, бормотали и перешептывались, но ничего опре-

деленного там не звучало. Ничего такого, что можно было расслышать, за что можно было бы наказать. Время от времени сквозь смутный ропот прорывалось жужжание крыльев, прорывалось и тут же стихало, как цикада в жаркий летний день, однако в воздух так никто и не взлетел.

Вилл продолжал ходить взад-вперед, как леопард, запертый в клетке, а тем временем дракон, невидимо для глаза находящийся в нем, обдумывал возможные наказания. Порка кнутом лишь укрепит в этом самом Без-имени его ненависть и решимость. Отрубить ему руку? Это тоже не решение, ведь он уже лишился одной конечности и все равно остался опасным, не знающим колебаний врагом. Заточить его навечно в темницу? В деревне нет такой темницы, если не считать самого дракона, но дракон отнюдь не желал принимать в свое тело это дьяволово отродье со всей его непредсказуемостью. Значит, смерть. Кроме смерти, ничего тут не придумаешь.

Смерть, но какого рода? Удушить? Нет, слишком уж это быстро. Сожжение было бы гораздо лучше, но у всех окрестных домов соломенные крыши. Топить пришлось бы в реке, вдали от самого дракона, а тому непременно хотелось, чтобы мана[1] страшной кары была для подвластных ему селян неразрывно связана не только с его собственной духовной личностью, но и с его материальной оболочкой. Можно бы, конечно, притащить сюда огромный чан, наполненный водой, а лучше бы даже вином, но тогда в брыканьях и барахтаньях казнимого появится юмористический элемент, абсолютно здесь лишний. Ну и опять же, слишком уж это быстро.

Дракон неспешно перебрал все варианты, а затем остановил Вилла перед сидевшим на земле Без-имени. Он вскинул голову Вилла и дал малой доле драконьего света воссиять из Вилловых глаз.

— Распните его.

К полному Виллову ужасу, селяне так и сделали.

Это продолжалось часы и часы, но незадолго до рассвета мальчик, звавшийся когда-то Паком Ягодником и бывший лучшим другом Вилла, уже умерший однажды и возродившийся

[1] Согласно верованиям многих народов Полинезии, мана — это некая важная, очень общего плана сверхъестественная сущность, способная концентрироваться в людях и предметах. В частности, количество маны определяет силу и влияние человека.

к роли его Немезиды, а затем готовивший мятеж, который мог при удаче закончиться падением дракона, устал бороться за жизнь и испустил дух. Он передал свое имя своей высокочтимой прародительнице Матушке Ночи, его тело обмякло, а утомленные бурным днем и невыносимо долгой ночью селяне смогли наконец разойтись по домам, чтобы лечь спать.

Чуть позднее, уже покинув тело Вилла, дракон сказал:

— Хорошая работа, хвалю.

Вилл, недвижно лежавший в пилотском кресле, ничего не ответил.

— Ты достоин вознаграждения и непременно его получишь.

— Не надо, господин, — устало отмахнулся Вилл. — Ты и так слишком много для меня сделал.

— Хм. А ты знаешь первый и верный признак того, что холуй признал наконец справедливость своего жалкого положения?

— Нет, господин.

— Этот признак — жалкая наглость. По каковой причине ты получишь не наказание, а, как я уже сказал, награду. Прислуживая мне, ты заметно вырос. Твои вкусы стали более зрелыми. Ты заслуживаешь чего-то большего, чем твоя собственная рука. Заслуживаешь и получишь. Иди к любой женщине и скажи ей, что она должна делать. Ты имеешь на то мое дозволение.

— Мне не нужен этот твой дар.

— Так я тебе и поверил. У Большой Рыжей Маргошки есть три дыры, и ни в одной из них она тебе не откажет. Проникай в нее, как тебе угодно и сколько угодно. Крути ее сиськи, как только тебе заблагорассудится. Скажи ей, чтобы она ликовала, едва завидев тебя. Скажи ей вилять хвостом и радостно лаять подобно дворовой собаке. Пока у нее есть дочка, ей не остается иного выбора, как подчиняться. Примерно то же относится и к любому из моих возлюбленных подданных вне зависимости от их пола и возраста.

— Они тебя ненавидят, — заметил Вилл.

— Как и тебя, моя радость, как и тебя.

— Но тебя по вполне серьезной причине.

Последовало долгое молчание. А затем огнедышащий дракон сказал:

— Я знаю твой мозг так подробно, как не знаешь его и ты сам. Я знаю, чем ты хотел бы заняться с Рыжей Маргошкой —

с ее согласия или даже без. Верно говорю, в тебе таится жестокость, далеко превосходящая все, что знаю я. Этот дар получает от рождения любое плотское существо.

— Ты лжешь!

— Правда, что ли? Тогда скажи мне одну вещь, моя дражайшая безвинная жертва. Да, когда ты повелел старейшим распять Без-имени, приказ отдавался мною, моим дыханием и голосом. А вот что касается формы... разве не ты выбрал, как именно будет осуществляться кара?

Все это время Вилл вяло лежал в пилотском кресле, бездумно разглядывая безликий стальной потолок. Теперь он резко сел, его лицо побелело от потрясения, как в тот короткий момент после того, как тебя ударят, и до того, как кровь прихлынет к голове. Без задержки продолжая то же самое движение, он встал и повернулся к люку.

— Да никак ты собрался уйти от меня? — презрительно хохотнул дракон. — И тебе правда кажется, что ты сможешь? Ну попробуй, попробуй!

Дракон своими собственными силами с лязгом распахнул наружный люк. В кабину хлынули прохлада и безжалостный свет едва занявшегося утра. Свежий ветер принес ароматы лесов и полей. Это заставило Вилла болезненно ощутить свою собственную кислую вонь, насквозь пропитавшую внутренности дракона.

— Ты нуждаешься во мне куда больше, нежели сам я когда-либо нуждался в тебе, — я об этом заранее побеспокоился! — продолжал дракон. — Ты не сможешь никуда убежать, а если и сможешь, твой ненасытный голод быстро приведет тебя обратно, с оголенными руками, запястьями вперед. Ты меня желаешь. Ты без меня нестерпимо пуст. Ну давай! Попробуй убежать! И сам потом посмотришь, что из этого получится.

Вилл задрожал.

А потом вылетел из люка и рванул, не разбирая дороги, лишь бы подальше от дракона.

Вечером, как только село солнце, Вилла начало рвать, буквально выворачивая наизнанку. Затем ему свело живот, начался жестокий понос. Скрючившись от боли, грязный и зловонный, он забился поглубже в непролазную чащу Старого леса и то выл по-волчьи от тоски, то катался по земле от нестерпи-

мой боли. Тысячу раз ему хотелось вернуться в село, вернуться к дракону. И тысячу раз он говорил себе: ну потерпи еще немного. Еще немного, а потом можно будет и сдаться. А пока еще рано.

Еще немного. Пока еще рано.

Скоро, совсем скоро. А пока еще рано.

Страстное желание вернуться то накатывало, то чуть отступало. Когда оно отступало, Вилл начинал хоть что-то соображать и думал: если я продержусь целый день, следующий день будет легче, а третий — и еще легче. Когда тошнотворное желание вновь накатывало, проникая в каждую клеточку его тела и воспламеняя мучительной ломотою каждую его кость, он снова твердил себе: пока еще рано. Продержись еще хотя бы пару минут, а потом можно будет и сдаться. Скоро, совсем скоро. Ну продержись еще немного.

Еще немного.

Он нашел в небе Косу и прикинул по ее положению, что до рассвета еще долго, что ночь не дошла еще до половины. Вся эта его твердая решимость, все его старания держать себя в руках хоть и казались бесконечно долгими, но реального времени почти не заняли. От жалости к себе он даже заплакал. Но разве же он не старался? Старался, Безымянные тому свидетелями, ну и что же из этого вышло? Их промыслом было предначертано, что он потерпит поражение, а раз так, можно и бросить тщетную борьбу. И он решил ее бросить.

Но не сейчас, а скоро, совсем скоро.

Так продолжалось всю ночь. Цепью постоянных поражений и постоянным откладыванием окончательной капитуляции. Иногда Вилл начинал лупить кулаками по жестким, покрытым корявой корой стволам столетних вязов, чтобы боль в разбитых костяшках хоть чуть-чуть отвлекла его мысли. Равнодушная ко всем его страданиям, Коса тащилась по небу и мало-помалу бледнела. Нет, ничего не получалось! И пора бы в этом признаться и бросить тщетные старания. Пора вернуться к господину и честно признать, что разлука с ним просто невыносима.

Но пока еще рано.

Скоро, совсем скоро.

К утру самое страшное было позади. Едва забрезжил рассвет, Вилл постирал свою одежду в ручье и развесил ее сох-

нуть. Чтобы совсем не продрогнуть, он расхаживал взад-вперед, в голос горланя «Chansons Amoreuses»[1] Мерлина Сильвануса, те из пяти с лишним сотен куплетов, какие ему удалось припомнить. Когда одежда подсохла и ее, хоть и влажную, можно было уже надеть, он отыскал огромный, с детства знакомый дуб и выудил из глубокого дупла в детстве же украденную бельевую веревку. Забравшись повыше, чуть не на самую верхушку огромного дерева, он привязал себя к его стволу и быстро уснул, убаюканный неумолчным шепотом листьев.

Время шло и шло.

Через две недели к Виллу пришла Старая Ведьма Бесси. Вилл сидел в тени огромного дуба на лужайке, буйно поросшей молочаем, кисточками рогатого бога и кружевами царицы Мэб[2]. Пчелы прилежно и не без выгоды для себя опыляли скромную лесную флору. Чуть в стороне виднелся древний курган, раскопанный когда-то искателями сокровищ, которые выкинули оттуда все кости и оставили валяться на солнце. Там-то, в некоем подобии пещеры, и спал Вилл прошлой ненастной ночью под плеск дождя, завывания ветра и пушечные раскаты грома. Сельские избегали кургана, в котором, по их мнению, угнездились неприкаянные души далеких предков, но Вилл этим сказкам не верил, и никакие духи так за всю ночь ему и не явились, не потревожили его сон.

Правдосказательница поклонилась и официально, без всяких эмоций произнесла:

— Господин дракон просит тебя вернуться.

Вилл не стал расспрашивать высокочтимую ведьму, как она сумела его найти. Мудрые женщины умеют многое и никогда не объясняют свои умения.

— Я вернусь, — ответил он, — когда буду готов. Мои дела здесь еще не закончены.

Иголкой, многотрудно изготовленной из длинного шипа терновника, и нитками из раздернутых на волоконца травинок Вилл сшивал воедино листья дуба, ольхи, ясеня и тиса. Работа оказалась очень нелегкой и заставила Вилла навсегда проник-

[1] Любовные песни *(фр.)*.

[2] «Колдуньей Мэб сон этот наведен. / Она ведь повитуха сновидений / У эльфов. И катают еженощно / Ее по переносицам людским / Лошадки-крохотки...» (*Шекспир У.* Ромео и Джульетта. Акт I, сцена 4. Перевод О. Сороки).

нуться уважением к прилежным мастерицам, день и ночь корпящим над своим шитьем.

— Ты подвергаешь нас серьезной опасности, — нахмурилась Бесси.

— Он не станет убиваться из-за такой ерунды, как сбежавший мальчишка. А уж тем более когда он точно знает, что рано или поздно я вернусь.

— Это правда.

— Только зачем же, высокочтимая леди, щеголять здесь этим твоим ремеслом? — безрадостно усмехнулся Вилл. — Говорила бы ты лучше со мной, как с любым другим из наших сельских. Я больше на дракона не работаю.

— Это уж как тебе хочется.

Правдосказательница поправила обвивавший ее плечи платок, с размаху плюхнулась на землю и скрестила ноги. Одноединственное движение, и она снова стала той давно знакомой Бесси.

— Забавно, — сказал Вилл, ни на секунду не оставляя свою работу. — Ты немногим старше меня, теперь я это прекрасно вижу. Будь сейчас спокойное, мирное время — кто знает? Года через два, ну, через шесть лет я повзрослел бы достаточно, чтобы заявить на тебя права согласно древнему обычаю зеленой травы и полной луны.

— Что это, Вилл? — улыбнулась Бесси. — Да никак ты со мною заигрываешь?

— Если бы так, — Вилл поймал нитку на зуб и перекусил ее, — я постарался бы сесть к тебе поближе. И шитье бы на время оставил — освободил бы руки, чтобы говорить подходчивей.

— Уж больно ты сегодня смелый.

— Я повзрослел. Какие-то месяцы назад я был совсем еще сосунком и очень бы встревожился, приди мне подобные мысли в голову. Но теперь... Ладно, все равно ничего такого не будет, или ты думаешь иначе?

— Нет, — качнула головой Бесси, — не будет. — И осторожно добавила: — Вилл, что это ты задумал?

— Я теперь стал зеленорубашечником, — сказал Вилл, демонстрируя Бесси наконец-то дошитую рубашку.

Он был голым до пояса, потому что в первый же день своей жизни в лесу разорвал красивую, с красным драконом рубаш-

ку на полоски, немного их обуглил и использовал в качестве трута при разведении огня. А вот теперь гордо облачался в рубашку лиственную, только что им изготовленную.

Подпоясавшись сплетенным из травинок поясом, Вилл спросил Бесси:

— Как ты думаешь, много ли наших последует за мной, если я смогу прямо у них на глазах покончить с драконьим правлением?

— Никто, совсем никто. Нельзя же так вот сразу поверить ставленнику дракона. И еще, многие никогда не простят тебе распятого Пака.

— Никто? И даже ты мне не поверишь?

— Ну, в общем-то... — Бесси смешалась и покраснела. — Да, конечно, я бы за тобой пошла, только толку-то во мне совсем немного. Я — это только я, ну что я могу полезного сделать?

— Ты можешь соврать. — Вилл взглянул ей прямо в глаза. — Ты же *можешь* соврать, — сказал он с упором на «можешь». — Можешь ведь, правда?

Бесси побледнела.

— Однажды могу, — сказала она еле слышным, дрожащим голосом и инстинктивно прикрыла руками низ живота. И смотрела она только вниз, пряча от Вилла глаза. — Только слишком уж велика цена, непомерна велика.

— Так или иначе, но ее придется заплатить, — сказал Вилл, вставая. — А теперь поищем-ка мы где-нибудь лопату. Самое время малость пограбить могилы.

К тому времени, когда Вилл вернулся наконец к дракону, солнце почти уже закатилось. За эти дни Самозванцеву площадь огородили по периметру колючей проволокой; мощные, на скорую руку прилаженные светильники начисто вытравили многоцветие жизни, сделали все на площади белым и серым. На высоком столбе был повешен динамик, провода от которого вели внутрь металлической туши дракона, чтобы тот мог отдавать приказания подданным и в отсутствие сбежавшего помощника. С учетом всех нововведений площадь сделалась похожей на маленький концлагерь.

— Иди ты первой, — сказал Вилл Старой Ведьме, — убеди его, что у меня нет никаких злых умыслов.

С обнаженной грудью, облаченная в соответствии со своим высоким статусом в длинную мантию и широкополую шляпу, Яблочная Бесси миновала калитку в колючей ограде (сторожевой гримпкин открыл калитку и сразу же за ней закрыл) и вступила на черно-белую арену площади.

— Порождение жестокости, — склонилась она перед драконом. — Твой помощник к тебе вернулся.

Вилл стоял в тени, зябко ссутулившись, виновато опустив голову и пряча руки в карманах.

— Я пошел поперек твоей воли, о величайший, — сказал он бесцветным голосом. — Я готов исполнить любое твое повеление, сделать все, чего ты ни пожелаешь. Заставь меня пресмыкаться, заставь меня ползать в пыли, только прими меня снова.

— Это правда, — сказала Бесси, широко раскинув руки, и вновь поклонилась дракону.

— Ты можешь приблизиться. — Даже сквозь треск и шипение плохой усилительной системы в голосе дракона ощущалось торжество.

Старый кисломордый гримпкин отворил перед Виллом калитку точно так же, как минуту назад отворил ее перед Бесси. Понуро, как привычный к побоям пес, возвращающийся к единственному в жизни хозяину, который хоть когда-нибудь бросал ему кусок, Вилл пересек пыльную, булыжником мощенную площадь. Он помедлил перед динамиком, тронул его столб дрожащими пальцами и тут же снова засунул руку в карман.

— Ты победил, твоя победа несомненна. Ты торжествуешь над всеми моими желаниями.

Вилл даже сам удивился, насколько искренне звучали эти слова, насколько естественно сходили они с его языка. Он ощущал подленькое желание капитулировать перед тираном, безоговорочно принять любое наказание, какое только тот возжелает на него наложить, и с благодарностью вновь погрузиться в пучину рабства. «Это так просто! — кричал ему в уши какой-то тонюсенький голос. — Это так просто!» И так это и было — до ужаса просто, устрашающе просто. Унизительное осознание, что какая-то часть его страстно того желает, заставило Вилла густо покраснеть.

Дракон неспешно приоткрыл левый глаз.

— Итак, мой мальчик... — Это игра воображения или и вправду драконий голос звучал не так сильно и уверенно, как две недели назад? — За эти дни ты осознал и прочувствовал вкус необходимости. Ты исстрадался от своих желаний точно так же, как и я. Я... я... я, сознаюсь, ослабел, и все же я не настолько еще слаб! Ты думал доказать, что это я в тебе нуждаюсь, а сам доказал обратное. Хотя нет у меня ни крыльев, ни ракет и мои запасы электричества ничтожны, хотя я не могу даже включить свои двигатели, не уничтожив вашу деревню и себя вместе с ней, все равно я могуч, потому что не знаю ни сострадания, ни сожаления. Ты думал, что я истоскуюсь по какому-то там мальчишке? Думал заставить меня пресмыкаться перед жалким, хлипким, мягкотелым ублюдочным полусмертным эльфом? Тьфу на тебя! Ты мне не нужен. Даже не думай, что я... что я нуждаюсь в тебе.

— Пусти меня к себе, — проскулил Вилл. — Я буду делать, что ты только захочешь.

— Ты... ты понимаешь, что ты должен быть наказан за свое непослушание?

— Да, — затараторил Вилл. — Да, наказывай меня сколько хочешь. Оскорбляй меня и унижай, я мечтаю об этом.

— Ну, как ты хочешь, — (люк в драконьем боку с шипением открылся), — так оно и будет.

Вилл неуверенно шагнул вперед, шагнул еще раз и, спотыкаясь, не глядя под ноги, побежал к открытому люку. Когда его левая рука плотно сомкнулась на перильцах короткого, в четыре ступеньки, трапа, по всему его телу прокатилась волна безумного облегчения, и на какой-то миг он подумал, не вернулся ли к дракону слишком уж рано.

Но затем он отпустил трап и сделал шаг в сторону, так что оказался перед черной безликой стеной драконьего бока. Сунув руку в левый карман, он достал округлый черный камень — именной камень покойного сержанта Бомбаста. Маленький кроваво-красный напарник этого камня уже лежал у него во рту. На первом так и осталась присохшая могильная земля, а у второго был какой-то странный вкус; но это все были мелочи. Вилл дотронулся черным камнем до стального покатого бока, и тут же тайное имя дракона само, безо всяких усилий скользнуло ему в голову.

Едва ли не в тот же самый момент он выхватил из правого кармана чертов ножик и с размаху полоснул им по стальной броне, оставив на ржавчине длинную блестящую царапину.

— Что ты там делаешь? — всполошился дракон. — Прекрати, прекрати сейчас же! Люк открыт, кресло тебя заждалось!

Его крики раскатывались по площади, эхом прыгая между домами, за плотно закрытыми ставнями которых притаились, конечно же, селяне, притаились и молча слушали. Затем драконий голос попритих, в его жестяном, как из плохого телефона, звучании появились молящие нотки.

— Мои иглы тоскуют по твоим запястьям, о мой единственный. Как и я сам истосковался по...

— Ваалфазар из рода Ваалмолоха, что из рода Ваалшабата! — крикнул во все горло Вилл. — Я велю тебе: умри!

И так оно и случилось. Буквально через мгновение, без всяких криков и шума повелевавший селянами дракон умер, скончался, сдох. Вся его мощь и вся его злобность превратились в бездушную груду металла, который предстояло теперь разрезать на куски, отвезти в город и продать в полукустарные плавильни, снабжавшие своих более солидных сестер стальными чушками, из которых ковалось новое оружие для продолжения все той же войны.

Чтобы выразить свое презрение к мертвому дракону, Вилл ударил его ногою в бок. Затем набрал в рот побольше слюны, яростно плюнул и стал смотреть, как слюна неспешно стекает по черному гладкому металлу. В заключение он расстегнул штаны и помочился на недавнего угнетателя, тем окончательно доказав себе, что тиран действительно умер, умер бесповоротно.

Яблочная Бесси — теперь уже не Старая Ведьма — стояла тут же, за его спиной, тихая и потерянная. Без слез и слов она оплакивала свое бесплодное чрево и невидящие глаза. Вилл взял Бесси за руку и повел к ее хижине. Он открыл перед нею дверь. Он посадил ее на кровать.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил он. — Воды? Поесть?

— Нет, — качнула головою Бесси. — Ты просто уйди. Дай мне оплакать нашу победу в одиночестве.

И Вилл ушел, неслышно прикрыв за собою дверь. Кроме как домой, идти ему было некуда. Только он не сразу вспомнил — куда это.

Домик Слепой Энны стоял в конце кургузого переулка, сплошь заросшего жимолостью, чей тяжелый сладковатый запах густо висел в ночном воздухе. Когда подошел Вилл, Энна стояла на четвереньках и отскребала сверкающее чистотою крыльцо от воображаемой грязи.

— Тетушка! — крикнул Вилл. — Это я, я вернулся!

Не выпуская ведерка из рук, старушка вскочила на ноги. Оглушенная неожиданностью, она поводила головой из стороны в сторону, словно пытаясь обнаружить племянника по запаху. В лунном неверном свете ее невидящие глаза казались черными кляксами, а старческий сморщенный рот — разверстой в полном отчаянии ямой. Простояв так несколько секунд, она вдруг выплеснула воду из ведерка прямо перед собой, словно отгоняя омерзительную собаку-стервятницу.

Вилла меньше бы, пожалуй, удивило, отрасти она вдруг крылья и упорхни прочь.

— Да что это ты, тетя? — спросил он неуверенно. — Да никак ты меня забыла? Я же Вилл, твой племянник.

— Уж тебя-то я как-нибудь помню! — воскликнула старая ведьма. — И тебя, и все твои дела, и позор, принесенный тобою нашей семье. Это ж надо такое придумать — якшаться с драконами! А потом и распинать своих друзей! Ну какой же ты гнусный, паршивый, упрямый мальчишка! И не мальчишка ты даже, а мерзкая маленькая говешка! Жуткое, нечестивое дьяволово отродье! Будь ты прикован у адских врат, дабы вечно служить цепным псом Эрешкигала, даже и тогда всех твоих мучений недостало бы, чтобы искупить твою вину!

Раскинув, чтобы обнять ее, руки, Вилл неуверенно шагнул вперед. Однако Слепая Энна, услышав шорох его шагов, выпустила ведерко и опрометью бросилась в дом. И только теперь Вилл осознал, что она действительно его боится.

— Уходи! — крикнула она и попыталась захлопнуть дверь.

Но Вилл успел вовремя подставить ногу, да и сил у него было поболыше. Невзирая на тетино сопротивление, он вошел в дом.

Все здесь было на удивление знакомым и уютным. Просторная комната, где провел он так много дней и ночей, была мягко освещена парящими в воздухе огоньками. От каждой вроде бы пустяшной подробности у него щемило сердце. Вот в нише над каменным, дочерна закопченным камином его кровать

с соломенным матрасом, а в головах у нее отставший камень, за которым он в детстве — то есть какие-то месяцы назад — прятал волшебные камни, цветные стеклышки и прочую подобную чепуху. Вот чайник в виде петуха, который из-за ошибки в заклинании не умел ни кукарекать, ни даже свистеть. Вот благочестивая гравюра, на которой двое из Семерых сдирают с дриады заживо кожу. Вот большая плетеная корзинка, многажды бывшая для него то кораблем, то птицей Рух, то пещерой, и маленькая корзинка, в равной степени бывавшая для него то шлемом, то котлом для колдовского варева, то бочонком с драгоценностями. Жарко сверкают медные кухонные котелки, каждый висит на своем, только ему назначенном крючке. За стропилами сохнут пучки тимьяна, орегано и розмарина. Ко всем оконным рамам и косяку двери приколоты булавками бабочки.

Слепая Энна забилась в свой швейный уголок и в жалкой попытке защититься махала перед собою валиком от прялки.

— Не подходи, — осадила она Вилла дрожащим от страха голосом. — Не смей меня мучить.

И тут вдруг Вилл почувствовал себя совершенно разбитым, ему стало до смерти тошно и от этого тетиного страха, и от всего, что сегодня было, и вообще от всей этой жизни, всей без изъятия. У него уже не было ни сил, ни терпения с кем-то там спорить и что-то там доказывать.

— Ох, Энна, Энна, — сказал он со вздохом. — Ну кто там кого собирается мучить? С этим покончено раз и навсегда.

А затем привычно вскарабкался по стенке камина и лег на свою кровать. И какой же маленькой она показалась! В такое было трудно поверить, но, судя по всему, за эти короткие месяцы он заметно вырос.

Когда Вилл проснулся, время шло уже к полудню, в окна лились потоки солнца, и в них весело плясали пылинки. Видимо, тетя позволила ему спать допоздна, что было совсем не в ее обычаях. Кстати, ее самой в комнате не было. Она оставила дверь настежь открытой, что тоже было не в ее обычаях. Вилл пожал плечами, оделся, умылся, позавтракал хлебом с вареньем, запил это дело пинтой подкисшего пива и отправился на поиски тети.

День был словно на заказ, с легким ветерком и без единого облачка в небе, а дракон еще вчера благополучно сдох. На Самозванцевой площади мастеровые, одетые в защитные комби-

незоны, раздраконивали его труп. Чтобы поднимать непосильные тяжести, они привели с дальних холмов придурочного, но вполне добродушного великана. И вся деревня должна была вроде бы петь и плясать.

Но не пела она и не плясала. Враждебность стояла в воздухе так густо, что от нее можно было задохнуться. Старая карга, развешивавшая постирушки в чердачном окне, завидев Вилла, с треском захлопнула ставни. Малознакомый хобгоблин, кативший по улице бочку с элем, едва не отдавил Виллу ногу — и отдавил бы, не отскочи Вилл вовремя в сторону. А когда Вилл начал ругаться, этот ублюдок еще и сделал вид, что ничего не видит и не слышит. Все было так, словно вчерашних событий вовсе и не было. Духи васильков и колокольчиков хмурились и бегом убегали от его заискивающей улыбки. Наглый Развозчик Льда двумя руками показал ему нос и тут же снова схватился за вожжи, чтобы послать свою кобылу рысью. Вся деревня не удостоила своего спасителя ни одним добрым взглядом, не говоря уж о добром слове.

Тебя вызывают.

Призадержавшийся на распутье Вилл рефлекторно оглянулся. Рядом не было ни души.

Иди.

Слово прозвучало прямо в ухе. Вилл раздраженно махнул рукою над головой, хотя и понимал, что толку от этого не будет. Голос ниоткуда явно принадлежал Старой Черной Агнес. Значит, это было вынуждение, приказ, относящийся только к нему и не слышный никому из окружающих. Злой и возмущенный, он попытался заслонить свой мозг от назойливого вторжения.

Ты не можешь ослушаться.

— Хрен там я не могу.

Улица, уходившая влево, призывно манила: плавный спуск, божественная прохлада, слева и справа густые заросли изумрудной травы и полевых цветов. Путь направо казался плохим: слишком трудным, слишком жарким и вообще каким-то неприятным. Вилл упрямо набычился и пошел направо.

Поверни назад.

— Щас, обязательно, — скривился Вилл.

Наклонившись вперед, словно противясь встречному ветру, он бродил по улицам, не направляясь ни в какое конкретное

место, но повсюду высматривая тетю. Все на пути было ему так же знакомо, как воздух, которым он дышал. Вот здесь, за околицей, рядом с мусорной ямой, была лужайка, сплошь заросшая кисточками рогатого бога и кружевами царицы Мэб, лужайка, на которой он, совсем еще маленький, собирал в пузырек светляков. А это тот самый проулок, где ребята, и он вместе с ними, загнали в угол детеныша мантикоры и забили камнями насмерть. А тут, за консервным заводиком, то самое место, с которого он совершенно случайно увидел в окне второго этажа раздевающуюся русалку и так и стоял разинув рот, пока пара черных кожистых лап не утащила ее в глубь дома. И вся его юная жизнь была навеки впечатана в хитросплетение деревенских улиц. И везде, куда бы он ни шел, его избегали и сторонились. Будто ничего и не изменилось. Будто в нем, внутри, все еще сидит дракон.

А в каком-то смысле так оно и было. Он не мог притворяться, что дракона в нем никогда и не было. Он не мог так просто взять и вычеркнуть то, что узнал и осознал за это время. Он и теперь видел мир глазами дракона, без всяких иллюзий. Видел его таким, какой он есть. И пивовар, разбавляющий пиво водой, и кабатчик, добавляющий в него для крепости эфир, и горемыка-пьяница, жадно дохлебывающий чужие опивки, — все они были законными гражданами этого мира. Так же как и сапожник, бьющий свою жену, разносчик, ее утешающий, и зеленая дамочка, которая живет в лесу и за умеренную плату предоставляет сапожнику, как и любому другому желающему, то, что его жена более не может ему предоставить. Не говоря уж о зеленорубашечниках. А также об их соседях и родственниках, которые предали их так быстро и так легко, и о нем самом, который их к этому вынудил. Жалкая, насквозь прогнившая деревенька, а он в ней — худший из всех, безнадежно неисправимый.

Вот так, без цели и направления, он блуждал по каким-то улицам, каждый раз выбирая тот путь, который представлялся ему самым удобным, и в конце концов обнаружил себя перед распахнутой дверью домика Старой Черной Агнес. Черный манящий прямоугольник.

Войди.

Терзаясь угрызениями совести, весь ушедший в раздумья, Вилл позволил своим ногам брести, куда им самим захочется,

а если вспомнить про вынуждение, то мало удивительного, что он оказался перед этой дверью. Таинственная темнота притягивала почти физически. Словно очнувшись от забытья, он несколько раз встряхнул головой и начал поворачиваться.

А куда тебе еще идти?

Вилл застыл в нерешительности.

Войди.

Он вошел.

Садись.

Старая Черная Агнес сидела, глубоко утонув в мягком кресле, обтянутом дешевеньким ситцем и с кружевными чехлами на подлокотниках. Ее маленькое, сплошь в морщинах лицо было похоже на печеное яблоко, старческие узловатые руки покоились на коленях, как бледный отощавший паук. Подняв одну из них, она указала на маленький, почти детский стул, стоявший посреди гостиной.

Вилл сел, чувствуя себя до крайности неуютно.

Здесь же были и остальные старейшины, составлявшие деревенский совет. Одни из них стояли, другие сидели на принесенных с собою стульях. Трое, недвижные и немигающие, как три совиных чучела, расположились на единственном диване, а один, с босыми ногами, даже взгромоздился на буфет. В ногах у Агнес сидела на скамеечке Попрыгучая Джоун; в коитo веки угомонившаяся, она чинно держала руки на коленях, и лишь огромные ее глазища все так же горели любопытством. Вот это было хотя бы понятно. Яблочная Бесси перестала быть Старой Ведьмой, а значит, нужно учить на правдосказательницу кого-то другого. Джоун еще долго будет сидеть на советах и молчать, однако ее присутствие необходимо, потому что участников собрания непременно должно быть тринадцать, иначе все решения будут незаконными.

А деревенские старейшины всегда хранили верность букве закона.

— Чаю? — спросила Черная Агнес.

Вилл молча кивнул и принял предложенную чашку. И тупо смотрел, как она доливает туда молоко и кладет два кусочка сахара.

— Ты очень задержался с приходом. Я почти уже махнула на тебя рукой.

— Я... Я искал свою тетю.

Нос старой карги, похожий на клюв какой-то хищной птицы, почти окунался в ее чашку; теперь она его приподняла и ткнула пальцем в дальний угол погруженной в полумрак гостиной, откуда арочный проем вел в совсем уже темную кухню.

— А чего было искать, вот она.

Чуть-чуть присмотревшись, Вилл различил в темноте смутный силуэт своей тети. Слепая Энна испуганно дернулась, словно ощутив его взгляд; судя по голове, чуть наклоненной набок, она внимательно вслушивалась в разговор. Виллу даже показалось, что она, как любопытный зверек, насторожила уши.

— Тетушка, — начал он.

Слепая Энна в голос завыла от страха, заслонила, как от сглаза, свое лицо фартуком и убежала в темные глубины дома.

— Подожди... — Ошеломленный ее реакцией, Вилл вскочил на ноги. — Да я же совсем... Я в жизни бы не подумал...

Он не знал, что и сказать, и вдруг, к своему полному смущению, расплакался, как когда-то в детстве. И тут же Агнес, будто только того и ждавшая, сказала громким командным голосом:

— Ладно, теперь все мужчины-старейшины могут удалиться. Мы проведем этот совет в узком женском кругу.

— А ты не зря это? — гулко пророкотал Мрачный Тип. — Без нас ты лишишься права принуждения.

— Он заплакал, — напомнила Агнес. — Так что мы обойдемся без принуждения, одним убеждением.

Со многими вздохами, недовольным ворчанием и шарканьем стульями Папаша Костлявый Палец, и Плоскопят, и оба Ночных Ходильца, и Ральф Перевозчик потянулись вслед за Мрачным Типом на выход. Добрейшая Анни Чехарда вынула из рук Вилла совсем позабытую им чашку.

— Похоже, она тебе ни к чему, — улыбнулась старушка. — Ты и глотка так и не отпил.

Вилл молча кивнул.

— Вы только взгляните на этого мальчика. — Она погладила Вилла по всклокоченным вихрам. — Беленький и пушистый, как одуванчик, и так же готовый в любую секунду потерять свою голову. Сердце рвется, глядя на таких героев, младших сыновей и блаженненьких дурачков. На тех, кто безудержно рвется защитить этот мир от всех напастей, даже не пытаясь за-

даться вопросом, да хочет ли мир, чтоб его спасали, и не думая о неравенстве сил. — (Прочие советницы согласно заквохтали.) — Жаль, что придется его изгнать.

— Что? — пораженно вскинулся Вилл.

— Здесь нет для тебя места, — пояснила Анни. — Ты же видел свою тетю. Бедняжка от тебя в диком ужасе.

— Да если б она одна, — пробормотала ведьма-яга, — а то ведь все, все и каждый.

Ни одна из прочих старух не стала ей перечить.

— Но я же убил дракона! — крикнул в отчаянии Вилл. — Я свершил для вас деяние, непосильное и всем вам вместе!

— Это совершенно ни при чем, — улыбнулась Анни.

— Как это ни при чем?

— А вот так, милый мой, и ни при чем. В том-то, собственно, все и дело.

— Я никак не...

— Вопрос не в том, что ты сделал, а в том, какой ты есть, — заговорила Черная Агнес. — Ты презираешь и нас, и то, как мы живем. Ты не можешь, не способен видеть в нашей жизни хоть что-то хорошее, наши глупости и промахи застят тебе глаза. Ты полон гнева и нетерпения и рвешься что-нибудь сделать, но в то же время ты молод и не набрался еще мудрости, а здесь у нас нет никого, кто мог бы эту мудрость тебе преподать. Хуже того, ты и не принял бы такое обучение ни от кого из нас. Так что выхода нет. Ты должен покинуть деревню.

Каждое сказанное ею слово было чистейшей правдой, и Вилл не мог ничего возразить.

— Но куда же я теперь? — спросил он с отчаянием.

— Увы, — пожала плечами Агнес, — это не моя проблема.

4
ПЕСНЯ КОСЫ

Уйти из деревни, конечно же, пришлось, и первые дни все было спокойно. Вилл пошел на юг по приречной дороге, а когда болотистые берега стали круто подниматься, свернул вместе с дорогой налево и пошел по ней на восток, петляя между фермами и все больше удаляясь от реки. Время от времени ему удавалось немного подъехать на возу с сеном или на тракторе, а иногда даже побатрачить на какого-нибудь фермера и получить в оплату хороший, сытный ужин. А так он кормился тем, что земля пошлет, и купался при свете небесных светильников, звезд, в темных загадочных прудах. Когда ему не удавалось найти подходящий амбар или незапертый сарай со всякой хозяйственной всячиной, он заворачивался для защиты от клещей в свой видавший виды плащ и залезал под стог душистого сена. Все эти мелкие хитрости и уловки не представляли для него, деревенского фея, ни малейших трудностей.

А вот настроение его все время менялось. Иногда эта новая, вольная жизнь, сменившая тоскливое однообразие старой, вызывала у него бездумное ликование. А иногда он мрачно замышлял грядущее возмездие изгнавшей его деревне, рисовал в уме картины кровавые и сладостные. Занятие крайне постыдное, потому что главным виновником всех его злоключений он же сам и был, а все прочие жители деревни были такими же, как и он, безвинными жертвами принесенного войною дракона. Но он не умел распоряжаться своими мыслями, а потому начинал в такие моменты сам себя щипать, кусать и царапать, истязая свою плоть, пока приступ черной ярости не проходил.

А затем как-то утром вдруг оказалось, что все дороги запружены народом. Это было вроде фокуса, когда ладонь на мгновение накрывают легким шелковым платком, а затем платок

сдергивают и на недавно пустой ладони удивленным зрителям предстает клубок извивающихся червей. Когда Вилл засыпал, дороги были совершенно пустые, и всю эту ночь ему снилось море. Он проснулся от непонятных бормочущих звуков, а когда вылез из-под скирды, с удивлением обнаружил, что это голоса, бессвязные разговоры смертельно уставших людей, пришедших из невесть какой дали и идущих куда-то очень далеко.

Вилл стоял у дороги, глядя, как течет по ней река обветренных, пропыленных странников, и тщетно пытаясь высмотреть среди них какое-нибудь знакомое или хотя бы чем-то интересное лицо. Тщетно — пока он не увидел, как женщина, чья голая грудь и зеленый шарф надежно свидетельствовали о ее высоком звании ведьмы, сошла с дороги, устало уронила свой рюкзак и села на камень. Вилл подошел к ней, церемонно поклонился и столь же церемонно заговорил:

— Достопочтенная госпожа, я жажду припасть к хрустальному роднику твоей мудрости. Кто эти, здесь идущие? Куда они все направляются?

Ведьма подняла глаза.

— Войска Всемогущего, — сказала она, — идут по этой земле, сжигая посевы и сравнивая с землею селения. Их опережает ужас, и нет никого, кто бы решился воспротивиться их безмерной мощи, а потому все от них бегут: одни — в Старый лес, другие — через границу. Ходят слухи, что там открывают лагеря для беженцев.

— В том ли состоит твоя мудрость, — спросил Вилл, тронув правой рукою лоб, как того требовала эта ритуальная формула, — что этим путем нам и нужно следовать?

Присмотревшись, становилось понятно, что ведьма едва еще вышла из детского возраста, хотя усталость заставляла ее казаться старше.

— Мудрость это или нет, — сказала она, — но лично я туда и направляюсь.

Без дальнейших слов она встала, вскинула на плечи рюкзак и влилась в поток беженцев.

Грозящие беды выгнали из горных и лесных убежищ большую часть их обитателей, в том числе и существ, считавшихся обычно вымершими. Тролли с далеких известняковых холмов и красноглазые, с полупрозрачной кожей и вялым, как тапиоковый пудинг, телом великаны-альбиносы брели по дороге на

общих правах с заурядными феями и хобгоблинами, с людоедами, брауни, селки и чалки. Помедлив в нерешительности пару секунд, Вилл встроился в их ряды.

Так он стал беженцем.

В тот же день, но позднее, когда солнце стояло уже высоко, Вилл, все так же шедший по пыльной дороге и бездумно смотревший на поле, засаженное золотым овсом, и пронзительно-синее небо, вдруг почувствовал, что ему нужно отлить. Далеко за полем, где небо сходилось с землей, смутно виднелся лес. Он повернулся к дороге спиной и в тот же самый момент снова стал беззаботным бродягой. Ни разу не обернувшись, он шел, раздвигая низкорослый, с крепкими колосьями овес, и сам себе пел песню жатвы:

Косарь усталый на солнце знойном,
Тебе ли не знать тайное слово...

День был прекрасный, и при всех своих бедах Вилл не мог не ликовать, что он жив и способен радоваться густому золотому запаху, поднимавшемуся от колосьев, бодрящему зеленому аромату, долетавшему от далекого леса, и резкому треску кузнечиков, мелькавших под самым его носом.

Какое слово снова и снова
Поет Коса траве и цветам?

А еще Вилл думал о жестянщиковой дочке, которая отрастила за зиму просто роскошный бюст, а весною однажды покраснела и разозлилась, когда он всего-то и сделал, что посмотрел на нее, хотя тогда, в то время, он ни о чем таком и не думал. Впрочем, позднее при воспоминаниях об этом случае его мысли приобрели то самое направление, в котором она тогда его зазря подозревала. А теперь он очень бы хотел привести ее сюда в такой вот жаркий полдень, захватив с собою одеяло, подыскать в поле уютную низинку, где овес совсем их укроет, и подробнейшим образом исполнить известные ритуалы, которыми с давних пор повышают урожай.

— Папа! Папочка!

По полю бежит маленькая девочка — руки раскинуты по сторонам, за спиною треплется червонное золото локонов.

— Папочка! — кричит она отчаянным голосом. — Па-поч-ка!

До изумленного Вилла не сразу дошло, что она направляется прямо к нему. За нею, чуть подотстав, поспешали два карикатурно тощих, словно и правда из палок сделанных, палочника и коренастый приземистый лубин, и было очень похоже, что она только что от них сбежала. Подбежав к Виллу, девочка крепко, словно ища спасения, обхватила его руками за пояс и уткнулась носом ему в плечо.

— Помоги мне, — прошептала она, — ну пожалуйста. Они хотят меня изнасиловать.

Вполне возможно, что в жилах Вилла текла какая-то капля крови правдоговорительниц, потому что он поверил этому мгновенно и до конца. Тут же вступая в роль, прописанную девочкой, он приподнял ее, покрутил в воздухе, вызвав тем самым восторженный визг, а потом поставил на землю, положил руки ей на плечи и строго сказал:

— Ну что же ты это делаешь? Никогда — ты слышишь меня? — никогда не убегай, как сегодня, а то я так вспорю тебе задницу, что месяц сесть не сможешь! Ты хорошо меня поняла?

— Да, папочка.

Виновато потупившись, девочка ковыряла носком туфли потихоньку расширявшуюся ямку в земле.

Тут как раз подоспели, задыхаясь от бега, ее преследователи.

— Милостивый сэр! — воскликнул лубин. Как и у всей их породы, у него была собачья голова, а заодно — обширное брюхо, привычные к труду руки и плечи и широкополая, с грязным белым плюмажем шляпа. Он сдернул шляпу с головы и церемонно поклонился. — Мое имя, почтеннейший сэр, Салигос де Граллох. Мы с моими товарищами нашли вашу дочку, бродившую в полном одиночестве, голодную и не знавшую, куда ей идти. Слава Семерым, что мы... — Он оборвал фразу, нахмурился и подергал себя за шерстистое ухо. — Так вы, говорите, ее *отец*?

— Огромное вам спасибо, — сказал Вилл, словно не расслышав вопроса. Он присел на корточки и крепко обнял девочку, ни на миг не переставая лихорадочно думать. — Хорошо, что вы не поленились вернуть ее мне.

По молчаливому знаку лубина палочники зашли слева и справа от Вилла. Сам он шагнул вперед и уставился на Вилла в упор, так скривив фиолетовые губы, что стали видны желтые клыки.

— Так вы ее отец? — переспросил он. — Не можете вы быть ее отцом. Вы слишком для этого молоды.

Вилл ощутил, как в нем поднимается черная драконья ярость, и постарался взять себя в руки. Лубин был тяжелее его раза в два, а при всей видимой хлипкости палочников руки у них быстрые, ловкие и крепкие, как те палки. Оставалось только хитрить.

— Грудным еще ребенком она подверглась действию черного железа и чуть не умерла, — объяснил он почти легкомысленным тоном. — Чтобы купить спасительное зелье, мне пришлось продать Пожирателю Лет десять лет своей жизни.

Один из палочников замер, пытаясь постигнуть логику сказанного Виллом, и стал похож на черное высохшее дерево, а другой нетерпеливо приплясывал взад-вперед на своих длинных ногах и еще более длинных руках. Лубин презрительно сощурился.

— Оно же не так все бывает, — прорычал он, словно выплевывая слова. — Все же как раз наоборот. Запродав этому безмерному ужасу часть своей жизни, ты становишься не младше, а старее.

Но Вилл уже протянул довольно времени, чтобы точно спланировать дальнейшие действия.

— Родная моя, — пробормотал он, а затем поцеловал большой палец своей же собственной правой руки и тронул им девочкин лоб. Все это было так, спектакль, для отвлечения внимания. С сердцем, колотящимся от страха, но стараясь выглядеть беззаботным, он взял девочку за руку, так что крошечный мазок теплой слюны перешел на ее пальцы. — Маленькая, моя сладкая...

Это было мелкое колдовство, знакомое каждому деревенскому мальчишке. Ты подходил к спящему товарищу и осторожно, чтобы не разбудить, совал его руку в посудину с теплой водой. И тут же, без задержки, некие хитрые магические принципы заставляли бедного дружка обмочиться. Капля слюны могла прекрасно заменить воду. Сосредоточив на ней все свои мысли, Вилл пробормотал среди потока ласковых слов одно из так любимых его тетей симпатических заклинаний — то, в котором мочегонное действие сочеталось со слабительным.

С раскатистым, удивительно громким для такой крохи звуком выпускные шлюзы девочкиного тела открылись, и по но-

гам ее неожиданно хлынули вонючие потоки мочи и жидкого кала.

— Ой! — закричала она в ужасе и смятении. — Ой! Ой! Ой!

Ее похитители скривились от отвращения и подались назад.

— Фу! — сказал один из палочников и замахал у себя под носом длинной костлявой ладонью; его напарник уже опрометью бежал к дороге.

— Вы уж простите нас, — смущенно улыбнулся Вилл. — У нее такое давно, и мы никак не можем справиться с этой бедой... — Девочка попыталась пнуть его, однако Вилл ловко увернулся. — Она не очень умеет управлять своим телом.

— Ой!

На прежнем месте остался только лубин. Он выставил вперед кургузый указательный палец, а большой палец поднял вверх, словно держал в руке пистолет, и ткнул воображаемым оружием в сторону Вилла.

— Других ты, может, и одурачил, но только не меня. Перейдешь еще раз дорогу Салигосу — пеняй на себя.

Он окинул Вилла тяжелым неприязненным взглядом, повернулся и затрусил, не оборачиваясь, прочь.

— Посмотри, что ты со мною сделал! — возмущенно сказала девочка, когда Салигос окончательно исчез из виду. Она с отвращением дернула себя за краешек платья, мокрого, вонючего и грязно-бурого.

— Зато это спасло тебя от серьезной неприятности, или ты будешь спорить? — широко улыбнулся Вилл. — Спасло нас обоих от серьезной неприятности... Там, в лесу, — он махнул рукой, — течет ручеек. Пошли, и мы быстренько тебя отмоем.

Осторожно придерживая девочку подальше от себя, он повел ее в лес.

Девочку звали Эсме. Пока она отмывала себя в ручье, Вилл чуть спустился вниз по течению с ворохом ее одежек; он усердно тер, полоскал и выкручивал несчастные тряпицы, пока не избавил их от гнусного коричневого цвета. Затем разложил их сохнуть на ближайших кустах. К этому времени Эсме уже закончила свое купание и как была, голая и мокрая, присела на берегу ручья, подобрала какой-то сучок и принялась увлеченно рисовать на мокром песке. Чтобы подсушить малолетнюю дуреху, Вилл развязал рюкзак и обернул ее своим одеялом.

Придерживая на себе одеяло, словно это была королевская мантия, Эсме отломила стебель рогоза, хлестнула им Вилла по плечам и торжественно возгласила:

— Дарованной мне свыше властью я посвящаю тебя в рыцари! Восстань, сэр Герой Бобово-Злаковых Ристалищ.

Кто угодно другой был бы очарован, но на Вилла вдруг вновь опустилась знакомая черная ярость, и он мог думать только о том, как бы сбыть эту Эсме с рук. У него ведь не было ровно ничего, в том числе и перспектив. Странствуя налегке — а как иначе мог он странствовать? — он не решался, да и не имел никакого права взвалить на себя ответственность за ребенка.

— Откуда ты взялась?

Эсме равнодушно пожала плечами.

— Сколько времени ты идешь по этой дороге?

— Я не помню.

— Где твои родители? Как их звать?

— Не знаю.

— Но у тебя же есть какие-то родители? Есть ведь?

— Не знаю.

— Не слишком ты много знаешь. Или как тебе кажется?

— Я знаю, как отскребывать дочиста пол, испечь пирог из батата, делать мыло из животного жира и щелока и свечки из льняного шнура и пчелиного воска, как чистить скребницей лошадь, как стричь баранов, как налаживать карбюратор и как надраивать сапоги до зеркального блеска. А еще... — Она отпустила края одеяла, невольно выставив на обозрение свою левую плоскую, едва завязавшуюся грудь, и приняла горделивую позу. — На мое сладостное пение слетаются завороженные птицы.

— Только сейчас не нужно, пожалуйста! — расхохотался Вилл. И тут же тяжело вздохнул. — Вот же свалилась на мою несчастную голову. Ну что ж, никуда мне от тебя не деться — в ближайшее, во всяком случае, время. Когда твои одежки подсохнут, мы сходим выше по течению, и я научу тебя ловить форель руками. Это будет совсем не лишней прибавкой к твоим прочим многочисленным умениям.

Наступали чьи-то там войска, и ни одно сколько-нибудь разумное существо не задерживалось в зоне военных действий ни на одну лишнюю минуту. А вот они задержались. К тому времени, как село солнце, они поймали пару форелей, насобира-

ли грибов и накопали съедобных кореньев более чем достаточно для хорошего ужина и устроили на лесной опушке нечто вроде походного лагеря. Подобно большинству феев, Вилл не мог похвастаться особой чистокровностью, но в его жилах текла солидная доля крови лесных эльфов, и если бы не эта война, он с превеликим удовольствием прожил бы здесь как угодно долго. Сейчас же он устроил для Эсме гнездышко из лапника и снова завернул ее в свое одеяло. Эсме потребовала, чтобы он спел ей песню, затем рассказал сказку, затем еще одну сказку, а затем — спел колыбельную. Мало-помалу глаза у нее начали слипаться, она сладко зевала и как-то почти незаметно ускользнула в просторы сна.

Эта девочка приводила Вилла в полное недоумение. Она вела себя так, словно провела в лесу, в таком вот лагере, всю свою жизнь. Можно было ожидать, что после всех дневных треволнений она будет упорно бороться со сном, а заснув — тут же с криком просыпаться от кошмарных сновидений. Но вот тебе пожалуйста, прекрасно уснула и сопит себе в две дырочки, ничего не боясь.

Со смутным подозрением, что его нагло использовали, Вилл завернулся в свою ветровку и почти мгновенно уснул. Несколько часов спустя — хотя, возможно, это были минуты — его вырвал из беспокойного сна какой-то громкий, настойчивый звук, оказавшийся ревом реактивных двигателей. Вилл открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как пролетает звено драконов. Набирая высоту на форсаже, крылатые чудовища чертили в ночном небе тонкие огненные линии, постепенно уменьшались, улетая на запад, а потом и совсем исчезли за горизонтом. Он сунул левую руку в рот и стал кусать кожу между большим и указательным пальцем, пока не почувствовал вкус крови. И как же он когда-то восхищался этими кошмарными машинами! И даже, в невинности юного сердца, любил их и мечтал, как будет когда-нибудь управлять одной из них. А теперь от одного их вида его начинало тошнить.

Он встал, с кислой завистью отметил, что Эсме как спала, так и спит, и подкинул в огонь несколько толстых дровин. Сегодня уж точно не уснуть, так что главное теперь — не продрогнуть в ожидании восхода.

Так вот и вышло, что он не спал, когда по освещенному луной полю проскакал отряд кентавров, туманно-серых, как при-

зраки, и молчаливых, как олени. При виде горящего костерка передний сделал рукою знак, трое из них отделились и поскакали в сторону Вилла. Вилл встал им навстречу.

Дробно грохоча копытами и разбрасывая ими же комья земли, кентавры, вернее, кентаврихи осадили сами себя.

— Это какой-то гражданский, сардж, — хрипло сказала одна из них; на кентаврихах были красные мундиры с узкими золотыми кантами и такие же кивера. — Веселенький лопоухий придурок выволок сюда свою долбаную жопу на трижды долбаный пикник. Видимо.

— Так он что, даже не знает про эту, гори она огнем, войну?

— Видимо, нет. Ты знаешь, что Сыны Огня выступили в поход? — спросила кентавриха у Вилла.

— Я не имею представления, о чем это вы говорите. — Голос Вилла предательски подрагивал. — Ни даже о том, на чьей вы стороне, — добавил он, собрав все остатки своей храбрости.

Одна из кентаврих презрительно фыркнула. Вторая стукнула кулаком по знакам различия на своей груди и громко возгласила:

— Мы Пятый Амазонский — племенные кобылы смерти. Ты что, совсем идиот, что никогда о нас не слыхал?

— И нет никакого значения, на чьей мы стороне, — вступила третья. — Грядет народ камня, обитающий в потаенных глубинах Страны Огня. В этот самый момент они уже карабкаются к поверхности, неся с собою нестерпимый жар и огромную, наводящую ужас кинетическую энергию. Когда они выйдут на свет, земля вскипит и окутается дымом. Все вот *это*... — она широко взмахнула рукой, — будет смыто огнем, уничтожено. А уж потом дойдет дело до битвы. И это будет такая битва, что любой, оказавшийся поблизости, за кого бы он ни был, неминуемо погибнет.

— Пошли отсюда, Антиопа, — сказала первая, старшая и как раз и бывшая, судя по начальственному голосу, у них сержантом. — Нам сказали очистить эту землю от всех зазевавшихся нонкомбатантов. Приказ не вменяет нам в обязанность еще и спасать идиотов.

— А это что еще такое? — спросила вторая, опускаясь на колени. — Ребенок, да к тому же еще и девочка.

Вилл дернулся выхватить у кентаврихи Эсме, однако две другие преградили ему путь.

— Ты только взгляни на нее, сержант Лукаста, — продолжила вторая. — Бедную засранку совсем сморило, она даже не проснулась, когда я взяла ее на руки.

Она передала Эсме своей командирше.

— Ну ладно, двигаем дальше, — сказала сержант Лукаста, подхватывая спящую девочку и трогаясь с места. — Мы и так тут потратили уйму времени.

— Костер-то зальем? — спросила Антиопа вслед ей.

— Да пускай себе горит. Через сутки здесь такое будет, что какой там костер.

Вторая кентавриха поразительно быстро и ловко собрала Виллово хозяйство, затолкала его в набедренные сумки и последовала за командиршей. Третья, младшая из них, схватила Вилла за руку и легко, как пушинку, закинула себе за спину. Затем она поднялась на дыбы, и он, чтобы не упасть, спешно обхватил ее за талию.

— Меня звать Кампаспа, — ухмыльнулась она через плечо. — Держись, мальчонка, покрепче. Я тебя так покатаю, как тебя еще никто в жизни не катал.

Вот так и начался их полуночный галоп, они скакали то в гору, то под гору, мимо рощ и лесов, мимо фермерских домиков и несжатых полей. Мир струился мимо, как вздуваемый ветром занавес, тонкий покров, кое-как накинутый на нечто огромное и с трудом постижимое. Вилл пытался представить себе, что таится за ним, и не мог.

— Неужели все это действительно погибнет? — спросил он сквозь свист ветра Кампаспу. — Неужели такое возможно?

— Повидай ты хоть малую долю того, что видела я, этот вопрос у тебя даже не возник бы. А теперь затихни и устройся поудобнее, нам скакать еще долго.

Ловя Кампаспу на слове, Вилл прижался щекою к ее спине. Спина была теплая, почти горячая. Под ним и между его ногами ритмично двигались мощные мышцы кентаврихи. Его ноздри заполнял чистый, свежий запах пота.

— Эй, сардж, похоже, этот гражданский ко мне неравнодушен — у него встал!

— Чтобы в тебя такую воткнуть, ему потребуется встать на пенек, — кинула через плечо Лукаста.

— Хорошо, что ему хотя бы не потребуется вазелина! — встряла Антиопа.

— Да это просто... Я же совсем... — растерялся Вилл, и кентаврихи дружно расхохотались.

— Правда, что ли? — презрительно ухмыльнулась Кампаспа, а затем переложила его ладони со своей талии на грудь. — Ну а теперь что ты скажешь?

Вилл в ужасе, словно обжегшись, отдернул руки, чуть не свалился на землю и снова схватил Кампаспу за пояс.

— Я бы никак, ни за что не мог! Безымянные за это строго карают!

— Для меня, мелкий ты павиан, это тоже было бы скотоложством! — расхохоталась Кампаспа. — Но на хрена придумали войну, как не затем, чтобы на время малость смягчать законы? Ты согласна, сардж?

— Других причин я как-то и не вижу.

— Я знала одну девку из Седьмого, которой страсть как нравилось с собаками, — вступила Антиопа. — С большими, конечно же, вроде мастифа. И вот как-то раз эта самая девка...

И она принялась живописать историю настолько непристойную, что Вилл покраснел почище ее мундира. Две другие ржали как лошади сперва над ее рассказом, а затем над его смущением.

Они скакали прямо, как сокол летает, и почти столь же быстро. Мало-помалу Вилл попривык к грубым шуточкам Кампаспы. Она, как он сообразил, не вкладывала в них никакого особого смысла, а просто была еще очень молода, участвовала в войне и флиртовала с ним от чистой нервозности. Он снова припал щекою к ее спине, а она закинула руку назад и дружелюбно, ободряюще почесала его макушку. В этот самый момент он заметил на ее плече латунный значок и попытался его рассмотреть. При ярком свете полной Селены сверкал рисунок, сделанный по латуни тонкой ниточкой лунного серебра: три вооруженные мечами руки, расходящиеся из общего центра наподобие трехчленной свастики. Вилл с ужасом и даже с отвращением узнал трискелион армии Всемогущего. И ведь он находится в полной их власти.

Сержант Луката, скакавшая рядом, заметила его реакцию и переложила мирно спавшую Эсме с одного плеча на другое.

— Ну наконец-то до парня дошло, — сказала она. — Мы ваши злобные, насквозь порочные, едящие на завтрак младенцев

враги. И в то же время, как это ни странно, именно мы, а не ваша долбаная армия, вытащили тебя из смертельной жопы. Есть о чем задуматься или ты так не считаешь?

— Это же все потому, что он гражданский, верно, сержант? Ну какое тебе удовольствие, когда убиваешь гражданских, — сказала Кампаспа.

— Они не умеют драться и не умеют стрелять, — вставила Антиопа. — Хорошо еще, если кто-нибудь из них умеет хоть толком умирать. По счастью, у них есть для всей этой работы мы.

Сержант Лукаста вскинула руку, и вся группа перешла на шаг.

— Нам давно бы пора соединиться с нашим взводом.

— Не бойся, мы их не прозевали, — сказала Антиопа. — Вон же их следы.

— И запах их помета тоже чуется, — добавила Кампаспа.

Справа от них была осиновая роща.

— Мы остановимся здесь и немного отдохнем, — сказала Лукаста. — А я тем временем попробую понять, как же это все получается.

Кампаспа остановилась, и Вилл благодарно соскользнул на землю. Расстегнув одну из своих сумок, кентавриха вытащила термос и протянула его Виллу.

— Это кофе, горячий, — сказала она. — Пей, если хочешь, и мне оставь.

— Мне... мне нужно отлить. — Вилл залился краской и потупился.

— Ссы сколько хочешь, — безразлично кинула Кампаспа. — И с чего это ты просишь у меня разрешения? — А затем, увидев, что он пошел в сторону леса, удивленно крикнула: — Эй! Ты куда это, на хрен, намылился?

Вилл снова покраснел, вспомнив, как непринужденно облегчались его спутницы этой ночью, роняя катышки помета прямо во время разговора.

— Моя порода нуждается для этого в уединении, — сказал он, ныряя в кусты.

— Фу-ты ну-ты! — расхохоталась Кампаспа, ее дружно поддержали товарки.

Забравшись в рощу так глубоко, что уже не были слышны голоса кентавриx, он расстегнул штаны и помочился на бледный ствол худосочной осинки. Появилась мысль: а не сделать

ли ноги? Леса были его стихией, в то время как кентавры предпочитали открытую местность. Он мог быстро и совершенно бесшумно скользить сквозь подлесок, который замедлит их бег до шага, мог закопаться в опавшие листья настолько искусно, что им ни за что его не найти. Но разве можно оставлять с ними Эсме? Кентавры не отличаются особым изяществом манер, потому что они из самых ранних творений, подобно троллям и великанам. Они и думают куда прямолинейнее, чем большинство мыслящих существ, и более примитивны в своих эмоциях. Желание убить возникает у них куда легче, чем просто враждебность, необузданная похоть — легче, чем любовь, восторг — легче жалости. С них очень даже станется убить малолетнюю девочку просто из-за раздражения, что он от них улизнул.

Эсме ничего для него не значила. И все равно он не хотел брать на себя ответственность за ее гибель.

Но все было вроде бы не так уж и тревожно: возвращаясь к месту привала своих пленительниц, он издалека услышал детский смех. Эсме уже не спала и, очевидно, от всей души веселилась. Выбравшись наконец из зарослей осины, он увидел, что сержант Лукаста сидит на траве, поджав под себя передние ноги, и смотрит на Эсме с нескрываемой нежностью, словно на собственного жеребенка. Вилл невольно улыбнулся. Все-таки бабы — они и есть бабы, вне зависимости от породы и от того, на чьей стороне воюют. Надо думать, с этими лихими скакуньями Эсме была ничуть не в большей опасности, чем с ним самим.

— Еще! — весело взвизгнула Эсме. — Еще, ладно?

— Ну хорошо, хорошо, — нежно улыбнулась Лукаста, а затем вскинула револьвер, крутанула пару раз барабан, взвела курок и приложила вороненый ствол прямо ко лбу девочки.

— Стой!!! — заорал Вилл. Бросившись вперед, он подхватил Эсме на руки. — Ты что, совсем?..

Сержант откинула барабан и заглянула в верхнее гнездо.

— Патрон. Не останови ты меня, она бы умерла. Повезло.

— Нет, это мне! — обиженно крикнула Эсме. — Это мне повезло!

Кентавриха защелкнула барабан, крутанула его, а затем быстро, продолжением того же движения прицелилась в голову Эсме и нажала на спуск.

Щелк! Курок ударил по пустому гнезду.

Эсме восторженно расхохоталась.

— Ради всех Семерых! — в отчаянии крикнул Вилл. — Она же совсем ребенок!

Только теперь он заметил, что ни Кампаспы, ни Антиопы поблизости не видно. В этом ему почудилось нечто зловещее.

— У нее такое невинное личико, — заметила Лукаста, пряча револьвер в кобуру. — Двадцать три раза я крутила барабан и стреляла ей в голову, и двадцать три раза курок попадал на пустое гнездо. Ты знаешь, какая тут вероятность?

— Я не слишком-то силен в математике.

— Как и я. Но точно какая-то очень маленькая, уж в этом-то я уверена.

— Я же говорила тебе, что мне везет, — сказала Эсме, вырываясь из рук Вилла. — Никто никогда меня не слушает.

— Давай я задам тебе вопрос, а потом внимательно тебя послушаю. Вот он... — она указала на Вилла, — кто он тебе?

— Мой папа, — уверенно ответила Эсме.

— А я тебе кто?

Девочка погрузилась в раздумье, ее лоб сосредоточенно наморщился.

— Моя... Моя мама?

— Спи.

Кентавриха положила ладонь на лоб девочки, а затем сдвинула ее на глаза. Когда она убрала ладонь, Эсме уже сладко спала. Осторожно, заботливо кентавриха положила девочку на траву.

— Мне уже доводилось с таким встречаться, — сказала она. — Я повидала множество вещей, о которых почти никто и не знает. Она ведь старая, эта красотка, и очень давно вышла из детского возраста, хотя и думает, и ведет себя как ребенок. Почти наверняка она старше нас с тобою, вместе взятых.

— Но как же это может быть?

— Она продала свое прошлое и свое будущее, свои воспоминания, свои юные и зрелые годы Пожирателю Лет в обмен на бесконечное настоящее и особое везение, необходимое ребенку, чтобы выжить без посторонней помощи в таком, как наш, мире.

Вилл вспомнил, как и что соврал он лубину, и зябко передернулся. Придуманная история пришла ему в голову вроде бы ниоткуда, однако это не могло быть простым совпадением. И все же он упрямо сказал:

— Не верю я в это.

— Что вас с нею свело?

— Она убегала от мужиков, хотевших ее изнасиловать.

— Повезло ей, что ты вовремя подвернулся. — Сержант похлопала себя по карману и достала трубку. — Ты вообще замечал, что количество везения в нашем мире строго ограниченно? Его не может быть больше или меньше ни на вот столько. А эта притягивает к себе все близлежащее везение. Мы должны были соединиться с однополчанками еще много часов назад. Ей повезло, что мы провезли вас гораздо дальше, чем собирались. Но для нас это было невезение. — Она порылась в одном из набедренных мешков и достала кисет. — Эта девчонка чудовище, у нее нет памяти. Если ты оставишь ее и уйдешь, уже к утру она забудет тебя начисто.

— Ты это что, к тому, что я должен ее бросить?

— На произвол судьбы? Да.

Вилл посмотрел на спящую девочку, такую мирную и так ему доверявшую.

— Я... Я не могу.

— Тебе решать, — пожала плечами Лукаста. — Теперь мы подошли ко второй части нашего разговора. Ты уже заметил, что я отослала своих девочек. Это потому, что ты им нравишься. У них нет моего трезвого взгляда на вещи. У этой маленькой поганки двойное дно, но ведь не только, я думаю, у нее. — Разговаривая, она набивала свою трубку табаком и аккуратно уминала его пальцем. — В тебе есть какая-то темнота, хотя эти салаги ее и не видят. Расскажи мне, как это вышло, что ты шел по дороге один, без родных и товарищей.

— Моя деревня меня изгнала.

Сержант сунула трубку в рот, раскурила ее и задумчиво затянулась.

— Ты был коллаборационистом?

— Это слишком упрощает суть дела, и можно подумать, будто я мог сказать «да» или «нет». Но, в общем-то, да, был.

— Ты рассказывай, рассказывай.

— Дракон... В нашу деревню приполз дракон и объявил себя царем. Раненый дракон. Вся его электрика была расшиблена в хлам, голоса почти не слышно. Ему нужен был помощник, посредник между ним и деревней. Чтобы... чтобы приказывать. На мое несчастье, он выбрал меня.

— Могу предположить, что ты делал плохие вещи. Сперва ты вроде не собирался, но одно вело к другому, другое к третьему. Односельчане тебя не слушались, и потому приходилось их наказывать.

— Они меня ненавидели! Они винили меня в своей собственной слабости!

— О?

— Они не подчинялись! У меня-то не было выбора. Я должен был им приказывать. Если бы они подчинялись, их бы никто не наказывал!

— Говори, говори.

— Ну да, согласен, я делал всякое! Но если бы я не делал, дракон бы сразу об этом узнал. Я был бы наказан. И они тоже были бы наказаны. Наказаны более жестоко, чем это было потом. Я просто пытался их защитить.

Вилл начал всхлипывать.

Сержант Лукаста замолчала и молчала долго. Затем она вздохнула и спросила:

— Убил кого-нибудь?

— Одного парня. Он был моим лучшим другом.

— Ну что ж, познакомился поближе с войной. Думаю, ты совсем не так плох, как тебе кажется. Во всяком случае, ты не шпион и не провокатор, а это все, что мне нужно знать. Так что я могу с чистой совестью оставить тебя здесь.

— С чистой совестью?

— Теперь ты уже на безопасном расстоянии от эпицентра. А нам не встретиться со своим взводом, если мы сперва не бросим эту пожирательницу везения. — Лукаста извлекла из кобуры револьвер и прицелилась в спящую девочку. — Ну как, испробуем везение этого чудища в последний раз? Или лучше я выстрелю в воздух?

— В воздух, — попросил Вилл. — Пожалуйста.

Лукаста направила ствол вверх и нажала спуск. Грохот выстрела в клочья разорвал ночную тишину, но ничуть не потревожил спящую Эсме.

— Опять повезло, — сказала сержант Лукаста.

На выстрел легкой рысью притрусили Кампаспа и Антиопа. Они восприняли известие, что гражданские останутся здесь, без всяких видимых эмоций, однако Кампаспа, прощаясь с Виллом, наклонилась, чтобы вроде бы клюнуть его губами в щеку,

а сама вместо этого засунула язык ему в рот едва ли не до горла и весьма ощутимо сдавила рукою мошонку. Антиопа сбросила ему под ноги все их с Эсме походное хозяйство и игриво шлепнула его по заднице, и так отчаянно болевшей после долгой ночной скачки. Когда Лукаста тоже нагнулась вроде бы с намерением его поцеловать, Вилл рефлекторно напрягся. Однако она просто сказала:

— Прислушайся к словам старой служивой. Пока этот ребенок остается на твоем попечении, беды будут ходить за тобой косяком. А что касается прочего, — Лукаста выпрямилась, — держи путеводную звезду по правое плечо, а как только рассветет, поворачивай в сторону солнца. Так ты будешь двигаться в основном на восток, а там, сразу за Большой рекой, есть лагеря для беженцев. И лучше все-таки поторопись.

— Спасибо.

— Двигаем дальше, мадамочки, эта долбаная, на хрен, война не станет воеваться сама собою.

И кавалердамы ускакали прочь, ни разу даже не оглянувшись.

Вилл осторожно растолкал Эсме, а затем вскинул на плечи рюкзак и взял ее за руку. Они шли до тех пор, пока не рассвело, и даже какое-то время потом, шли на восток и на восток. Когда Эсме устала, он подхватил ее на руки и понес. Солнце не успело еще сильно подняться, когда Вилл окончательно понял, что больше ему ее не пронести. Он нашел в зарослях сумаха чуть не насквозь проржавевшую машину и постелил себе на переднем сиденье, а Эсме — на заднем.

И на какое-то время уснул.

В деревне, выпроваживая Вилла, женщины-старейшины наделали ему гору бутербродов и наложили на приготовленный в дорогу рюкзак специальное заклинание, не позволявшее проспать, если кто-нибудь вдруг захочет покопаться в его вещах.

И теперь Вилл мгновенно проснулся, сел и уставился на рюкзак. В нем копался, запустив руки чуть не по локоть, не кто иной, как Салигос де Граллох.

— Проснулись, молодой господин? — оскалился он волчьей ухмылкой. — Это хорошо, хорошо. Только тут почему-то нету ни крошечки золота.

— А что это ты без своих палочников?

— Мы немного разошлись во мнениях, и мне пришлось их убить. По счастливой случайности я нашел тут тебя — а то ведь остался бы в полном одиночестве.

— Какая там случайность, — качнул головою Вилл. — Найдя эту девочку, ты разломал пополам булавку или пуговицу и подсунул одну половинку в ее одежду — вдруг улизнет. Ну а сегодня вторая половинка привела тебя сюда.

— Надо же, какой он сообразительный, и это ведь едва проснувшись, — одобрительно ухмыльнулся Салигос. — Однако я должен заметить, что ты сказал не «мою дочку», а просто «девочку». Так что никакой ты ей не отец. Я ведь вас, мужицкое отродье, вижу насквозь. Где-то при тебе должно быть припрятано золото, пусть хоть одна-единственная монета, чтобы привести когда-нибудь к заветному горшку, зарытому на заднем дворе.

— Нет у меня золота, ты уж извини.

— Жаль, очень жаль. — Салигос непринужденно, словно так и полагается, снял свой широкий пояс. — Вчера ты кое-что прервал. Поэтому прежде, чем заняться проверкой, не припрятал ли ты на себе что-нибудь интересное, я привяжу твои руки к баранке. Ты получишь полную возможность наблюдать, как я ее отделаю. — Он кивнул на Эсме, так и продолжавшую мирно спать. — Отделаю добротно и со вкусом.

Вилл снова почувствовал, как в нем поднимается драконья тьма, однако теперь не стал с ней бороться, а как раз наоборот — приветствовал ее, позволил ей заполнить его мозг, черным пламенем сверкнуть из его глаз.

Лубин злобно ощерился — и вскрикнул от боли, когда Вилл рванулся вперед и схватил его за руки.

Он сжимал запястья омерзительной твари, с восторгом ощущая, как трещат и дробятся ее кости.

— Ну а вот это, *вот это* тебе нравится? — спрашивал он. — Нравится, когда такое делают с *тобой*?

Псоглавец извивался и корчился, тщетно пытаясь разорвать безжалостную хватку. Его рот был распахнут, губы шевелились, однако Вилл если что и слышал, то лишь стук крови в собственных ушах. Ну конечно же, лубин умолял пощадить его. Ну конечно же, скулил. Ну конечно же, визжал. А что бы еще мог он делать? Вилл прекрасно знал эту породу.

Сперва драконья страсть сделала весь мир кроваво-красным, словно Вилл смотрел на него сквозь прозрачную пелену

чистой, незамутненной ярости, а затем нахлынула полная тьма. Когда он снова начал видеть, рядом с машиной лежало безжизненное, страшно изуродованное тело Салигоса де Граллоха. Вилловы пальцы нестерпимо болели, его руки были по запястья в крови. Глаза лубина слепо таращились в небо, его зубы оскалились кошмарной предсмертной гримасой. Рядом с разорванной, вспоротой грудью на земле валялось нечто, бывшее, наверное, его сердцем.

— Папа? — Эсме, разбуженная шумом и криками опустила стекло и высунула голову наружу. — С тобой все в порядке?

Еле сдерживая тошноту, Вилл отвернулся от машины и помотал головой.

— Тебе обязательно нужно уйти, — сказал он тяжелым голосом. — Беги от меня, беги со всех ног!

— Почему?

— Во мне есть что-то... что-то очень плохое.

— Ничего, не тревожься.

Руки. Вилл смотрел на них и смотрел. Руки убийцы. Его голова была как свинцовая, сердце колотилось так сильно, что даже болела грудь. Он попробовал встать и был удивлен, когда встать получилось.

— Ты не понимаешь. Во мне так и остался кусочек дракона. Я никак не могу от него избавиться!

— Ну и что? — Эсме вылезла из машины, старательно избегая наступать на труп и на пятна крови. — Меня ничто плохое не беспокоит, потому-то я и продала себя Пожирателю Лет.

Вилл повернулся и смерил девочку долгим пристальным взглядом. Небесное невинное создание: золотые кудряшки, чуть великоватая для тела голова, ножки как спички, чуть не дочерна загорелая кожа.

— У тебя же нет памяти, — сказал он наконец. — Так откуда ты тогда знаешь про Пожирателя Лет?

— Это леди-лошадь так думает, что у меня нету памяти. И совсем все не так. Я забываю только людей и всякое, что происходит. А все, что важное, я помню. Ты учил меня ловить форель руками, и теперь я это помню. Кто-то другой научил меня, снимать усыпляющие заклинания. — Она взглянула на жуткий, как в страшном сне, труп и равнодушно отвернулась. — Сегодня к вечеру я уже позабуду и про него, и про то, что пришлось тебе с ним сделать.

Затем Эсме отвела Вилла к ближайшей луже, чтобы тот вымыл руки. Тем временем сама она стирала его рубашку, стирала, пока не исчезли все следы крови. И мурлыкала при этом мотив той песни, которую пел он, когда увидел ее впервые. Несмотря на все, что случилось, она выглядела веселенькой и беззаботной. Она была, осознал наконец-то Вилл, таким же извращенным, пропащим созданием, как и он сам. И если он где-нибудь ее бросит, никто не сможет его осудить.

Да уж, сладкая парочка — и он, и она со сдвигом.

Он все пытался, и все без толку, понять, как будет лучше поступить.

Ровно в полдень небо у них за спиной вспухло облаком дыма, а чуть позднее земля содрогнулась от взрыва настолько мощного, что все беженцы попáдали на дорогу, зажимая ладонями уши, и прошел еще добрый час, пока к ним хоть немного вернулся слух. Весь запад поглотила глубокая, непроглядная тьма, которую иногда прорывали выплески пламени, это вспыхивали и взрывались домики, сараи и силосные башни, захлестнутые потоком расплавленного камня. Те, чьи оставленные дома постигла эта участь, вознесли к небу скорбные вопли. В какой-то кратчайший миг все бессчетные поколения, неразрывно связавшие с этой землей свою жизнь, были стерты с ее лица. Словно их, этих предков, никогда и не было — ни тех, чья память бережно хранилась, ни тех, кого зарыли и забыли.

Гиганты, восставшие из дыма, горели огнем, ослепительным, как сам Священный город, нестерпимо жарким, как кузницы заката. Медленно, постепенно они остывали и темнели, сперва до тусклого, словно вполнакала, сияния, а потом и до серого цвета, едва различимого на фоне облаков. Их было двое, и в руках у них были дубины. Еще горя остаточным тускло-красным светом, они начали поднимать дубины. К тому времени, как их дубины были вскинуты до предела, сами они превратились в серые туши, непомерно огромные и еле заметные в облачном небе.

Движения гигантов были столь медлительны, что глаз их не видел, как не видит он движения часовой стрелки. Но если Вилл несколько минут на них не смотрел, а потом смотрел снова, их позы оказывались немного другими. Все долгое, очень долгое утро огромные дубины сближались. Ровно в полдень они

соприкоснулись. И еще столько времени, сколько требуется, чтобы досчитать до тридцати, тишину ничто не нарушало. Затем по земле прокатилась ударная волна. Вилл видел, как она приближается подобно мощному порыву ветра, гнущему и ломающему деревья. Он схватил Эсме за руку и бросился вместе с нею в канаву, в результате чего удар их почти не затронул.

В тот день они прошли много миль, но Большая река словно бы и не стала ближе. Иногда они садились, но только на пару минут, отдыхать дольше Вилл не решался. В конце концов, уже ближе к закату, Эсме так утомилась, что стала плакать. Тогда Вилл нагнулся, натужно крякнул и подхватил ее на руки. Его ноги подламывались и не хотели идти.

— Тише, тише, спи-усни, — пел он девочке; вот так же поет коса в жаркий летний день. — Спи-усни.

Все-таки она была малым ребенком, а кем там еще — не имеет значения.

Эсме хныкала все тише и тише, а затем и вовсе уснула, положив головку Виллу на плечо. Вилл упорно ковылял по дороге, а через какое-то время рядом с ним остановился трактор, и водитель предложил ему сесть на задний борт прицепа, где уже сидели четверо других бедолаг. Он сказал, что у Эсме очень трогательный вид, такая маленькая и сонная — притомилась, наверное, бедняжка, а еще он сказал, что едет прямо до этих лагерей и при удаче они будут там уже к утру.

Так что, если разобраться, она за себя заплатила.

5
ВОРО́НЫ «ОБЕРОНА»

Лагерь «Оберон»[1] насквозь пропитался вонью через край переполненных сортиров и грошовым волшебством; первая автоматически порождала настоятельную потребность в последнем. Хлипкие, как листки папиросной бумаги, заклинания были кое-как наложены на двери едва ли не каждой палатки, так что, пробираясь между рядами брезентовых обиталищ по немощеным проходам (ну и грязища же здесь будет, если хлынет дождь), Вилл попеременно улавливал запахи то шиповника, то пчелиного воска, то корицы или мокрых дубовых листьев, ощущал на лице холодные брызги водопада, слышал далекие, едва различимые звуки эльфийской музыки. Ничто из этого не было реальным или хотя бы достаточно убедительным и все же хоть немного отвлекало от беспросветно унылой окружающей обстановки. Жалкие, плохо ухоженные клумбы, успевшие появиться рядом с теми палатками, что постарше, были обложены бордюрами из выбеленных известкой булыжников.

Лагерь располагался рядом с Эльфвайном на высоком, продуваемом всеми ветрами плато. Его обвод хоть изредка, но патрулировался, а вот ограды не было вовсе — ну куда им отсюда идти? Три раза в день «канарейки»-охранники в желтых куртках разводили своих подопечных по огромным шатровым палаткам, приспособленным под столовые. В промежутках между кормежками старики коротали время, без конца рассказывая друг другу о прошлой жизни и о родных, навсегда ушедших деревнях. В отличие от них, те, что помладше, рассуждали о серьезных делах и о политике.

— Они отправят всех нас на восток, в самое брюхо зверя, — просвещал своих слушателей некий многознающий кобольд. —

[1] *Оберон* — король эльфов из «Сна в летнюю ночь» У. Шекспира.

В самое сердце этой злобной и жестокой, без царя живущей империи, в пресловутую Башню Шлюх. Там каждый из нас получит временный паспорт, пятьдесят долларов, ваучер на месячную оплату жилья и сапогом под задницу за то, что ввел их в такие расходы.

— Не пожги они, на хрен, наши долбаные халупы, не нужно бы было никаких этих, на хрен, расходов, — прорычал коренастый карлик. — Ну и какой же тут, на хрен, смысл?

— Это у них политика такая. Чем оставлять у своих границ орды голодных, бездомных врагов, они поглощают их и стараются переварить. К тому времени, как упорный труд и деловая смекалка помогут нам почувствовать почву под ногами, мы позабудем о былой вражде и станем здесь нормальными законопослушными гражданами.

— И это что же, так оно и получается? — усомнился Вилл.

— Пока что не очень. — Кобольд встал, расстегнул дверь палатки и, не выходя наружу, блаженно помочился. — Пока это только превратило их в самый вздорный и плохо управляемый народ из всех когда-либо существовавших. И то, что они послали сюда войска, желая разрешить все наши проблемы, тоже, без всяких сомнений, как-нибудь с этим связано, только вот я, хоть убейте, не знаю — как именно.

Он повернулся лицом внутрь палатки и застегнул ширинку.

— Все это пустое сотрясание воздуха, — сказал чей-то голос. — А главный вопрос в том, что же нам следует *делать*.

Из дальних глубин палатки, где мрак купался во мраке, зыбкое, едва различимое мерцание, бывшее жутенем, вставило свое слово:

— Из длинной проволоки, небольшой связки спичек и куска наждачной бумаги получается прекрасный взрыватель для кофейной банки, набитой черным порохом и мелкими гвоздями. Щепотка мелко порубленных тигриных усов, подсыпанная в пищу, вызовет сильное желудочное кровотечение. Если привязать прядь волос к жабе-альбиносу и закопать в полночь на глухом перекрестке, произнеся нужные заклинания, намеченная жертва будет обречена на долгую, мучительную смерть. Попросите меня хорошенько — и я преподам патриотически настроенным гражданам как упомянутые мною искусства, так и многие, им подобные.

Наступило неловкое молчание, кое-кто из присутствующих встал и вышел из палатки.

Вилл последовал за ними.

Один из вышедших, тот самый карлик, достал из кармана пачку сигарет. Снабдив одной из них Вилла, он сунул другую себе в рот.

— Как я могу догадаться, ты тоже не из долбаных патриотов.

— Да тут, в общем-то... — Вилл пожал плечами. — Я просто спросил себя: будь этот лагерь под моим управлением, не захотелось бы мне подсадить в такую вот группу своего информатора?

Карлик негодующе фыркнул. Рыжий, со смуглым лицом, он явно принадлежал к так называемым ржавым карликам.

— Ты подозреваешь нашего любимого коменданта в применении неэтичных методов? Услышь такое сам Безногий, он бы от обиды нажрался в хлам.

— Я просто думаю, что кто-то у него здесь есть.

— Ха! В этой палатке нас было десять. По моему личному опыту это значит, что стукачей по меньшей мере двое. Один за деньги, а другой потому, что вот такое он говно.

— Ты циник.

— Я отбарабанил срок. И теперь, выйдя на свободу, я по возможности стараюсь не распускать сопли и все время держать топор под рукой, сечешь? Ну, пока, еще увидимся.

Он повернулся и пошел прочь.

Вилл тут же бросил сигарету на землю — первая в его жизни, она должна была, по его глубокому убеждению, остаться и последней — и отправился на поиски Эсме.

Эсме вписалась в лагерь для перемещенных лиц не только легко, но и с полным восторгом. Она с ходу становилась вожаком любой детской компании, ее обожали все взрослые, с ней любили играть все старушки. Она часами пела песни лежачим пациентам лазарета и играла в любительских спектаклях. Посторонние несли ей свои старые кимоно, расклешенные брюки и юбки с фижмами, чтобы забавной малютке было во что вырядиться на маскарад, и решительно пресекали каждую ее попытку прогуляться по дороге, проходившей в опасной близости от Провала. Она свободно могла себя прокормить — конфетка здесь, кусочек там, — просто бегая вприпрыжку от палатки к палатке и бесцеремонно любопытствуя, чем это заняты ее обитатели. Вилл знал, что за ней постоянно приглядывают десятки любящих глаз, и это сильно упрощало ему жизнь. Те-

перь же половинка разломанного шиллинга, постоянно лежавшая у него в кармане, вела его прямо к своей сестричке, безжалостно продырявленной, чтобы продеть тесемку, и висевшей у Эсме на шее.

Эта красотка играла с дохлой крысой.

Эсме где-то раздобыла фельдшерский рябиновый жезл, все еще хранивший остатки живительной энергии, и теперь пыталась вернуть крысу к жизни. Уставив жезл на крошечный трупик, она победительно возгласила:

— Восстань! Живи!

Лапки крысы судорожно дернулись и зацарапали землю.

Яблочный имп, стоявший по другую сторону крысы, разинул от удивления рот.

— Как ты это сделала?

Глаза у него были большие, как блюдца.

— Я предприняла, — начала Эсме, — оживление архипаллиума, он же рептильный мозг. Архипаллиум является древнейшей, примитивнейшей частью центральной нервной системы и контролирует мускулы равновесия и функции вегетативной нервной системы. — Она выписала жезлом над крысиной головой замысловатую кривую. Судорожными рывками, как марионетка, управляемая неопытным кукловодом, крыса поднялась на ноги. — Теперь тепло достигло ее палеопаллиума, который отвечает за инстинкты и эмоции, за драки, за бегство от опасности и сексуальное поведение. Заметьте, что крыса физически возбуждена. Далее я получу доступ к миндалевидной железе, ее центру страха. Это даст...

— Эсме, брось ее сейчас же! — тревожно вмешался чей-то голос. Женский. — Ты же не знаешь, откуда она взялась и где была раньше. У нее могут быть микробы.

Девочка расплылась в улыбке, крыса упала и больше не шевелилась.

— Мама, мама!

Из дверей своей палатки озабоченно хмурилась Матушка Григ.

В лагере было нечто вроде округов, образованных более или менее в соответствии с прежним местом жизни беженцев, поселившихся в них; у администрации лагеря возникали когда-то планы искусственно упорядочить его социальную жизнь, но планы эти она давно позабросила. Вилл и Эсме жили в квартале «Ж», куда попадали все те, кто был вроде и не к месту в про-

чих кварталах, — изгои, нелюдимы и те, у кого, как и у них самих, не было здесь единоплеменников. Как-то так вышло, что Матушка Григ стала тут кем-то вроде мэра: сурово отчитывала лентяев, хвалила трудолюбивых и была неиссякаемым источником все новых и новых планов по обустройству отведенного им участка. Через два дня на третий она вершила суд, куда просители приходили с мелкими склоками и жалобами, разбираться в которых комендант считал ниже своего достоинства.

Теперь же она повелительно махнула дубовой палкой, помогавшей ей при ходьбе:

— Иди сюда. Нам надо кое-что обсудить. — И добавила, обращаясь к Виллу:— И ты, внучек, тоже.

— Я?

— Что, с соображением слабовато? Да, ты.

Вилл последовал за ней.

Войдя в зеленый полумрак палатки, Вилл с удивлением увидел, что изнутри та гораздо больше, чем выглядела снаружи. Сперва ему показалось, что опорных кольев невероятно много, но потом, когда глаза попривыкли, стало видно, что это не колья, а стволы деревьев. Мимо пропорхнула птица, другие птицы чирикали где-то в кустах. Высоко над головой висело что-то, что никак уж не могло быть луной.

Утоптанная тропка вывела их на прогалину.

— Садись. — Матушка Григ села сама и взяла Эсме себе на колени. — Ты когда последний раз расчесывала волосы? Сплошные колтуны, ужас какой-то.

— Я не помню.

— Так, значит, это ты отец Эсме? — Матушка Григ критически оглядела Вилла. — Немного помладше, чем можно бы ожидать.

— В общем-то, я ее брат. Эсме вечно все путает.

— Уж это точно, от этой паршивки никогда не дождешься прямого ответа. — Она достала из сумочки гребенку и принялась безжалостно драть лохмы Эсме. — Не ерзай, не так уж это и больно. А сколько ей лет? — Матушка Григ вскинула на Вилла внимательные голубые глаза, будто видевшие его насквозь. И добавила, когда он замялся: — Она старше тебя?

— Она... не знаю, может быть.

— А-а, значит, я не ошиблась.

Матушка Григ низко опустила голову, деревья задрожали и немного расплылись, воздух наполнился запахом горячего

брезента. На мгновение показалось, что они сидят в такой же, как остальные, палатке с деревянным полом и шестью койками, возле каждой из которых стоит тумбочка. Затем лес вернулся. Матушка Григ взглянула на Вилла, по ее щекам катились слезы.

— И никакой ты ей не брат. А теперь расскажи, как ты с ней встретился.

Слушая Вилла, Матушка Григ промокала слезы бумажным носовым платком.

— А теперь послушай меня ты, — сказала она, когда рассказ был закончен.

У нее на коленях Эсме опрокинулась на спину и беспечно улыбалась, старушка гладила ее по щеке.

— Я родилась в Гробосвечной Пустоши, деревне, ничем не примечательной, кроме того, что на ней лежало проклятие. Или мне так просто казалось, потому что все там шло пропадом. Отец мой умер, а мать куда-то сбежала, когда я была еще совсем крошечной. Так что растили меня всем миром, как у нас говорят. Меня передавали из дома в дом, сквозь нескончаемый строй недолгих сестричек, братьев, мучителей, защитников и друзей. Когда я подросла, кто-то из них стал мужем или любовником, и они тоже были недолгими. Все текло, просыпалось сквозь пальцы: предприятия лопались, трубы тоже, кредиторы забирали мебель. Моей единственной надеждой были мои дети. Какими милыми они были, какими хорошими! Я любила их каждой частичкой своего существа. Ну и как же, ты думаешь, они мне отплатили?

— Я не знаю.

— Эти маленькие ублюдки выросли. Выросли, повыходили замуж и переженились — и все разъехались. А поскольку их отцы, все пятеро, ушли на болота и сгинули — но это другая история, и вряд ли ты ее когда-нибудь услышишь, — я снова осталась одна, слишком старая, чтобы родить еще одного ребенка, хотя и очень его хотела... Я была настолько глупа, что купила черного козла, позолотила ему рога и глубокой ночью завела его в трясинистые дебри, к омуту, где часто топились. Ровно в полночь я столкнула козла в этот омут и держала его под водой, пока он не затих; так *genius loci*[1] принял мою жертву, и я молила этого всесильного духа даровать мне одного-

[1] Дух места *(лат.)*.

единственного ребенка. В страстном своем желании я подняла такой отчаянный вой, что сбежал бы в страхе и саблезубый волк. — Матушка Григ на секунду замолкла. — Слушай внимательно, юноша, потом может быть проверка.

— Я все время слушаю внимательно.

— Ну и прекрасно. С первыми лучами встающего солнца тростники зашуршали, и на поляну вышла очаровательная девочка — вот эта самая девочка. — Она пощекотала Эсме, та с хохотом отбивалась. — Она не знала, кто она и откуда, и начисто забыла свое имя, что случилось с ней, можно не сомневаться, далеко не первый раз, так что я назвала ее Ирия. Ты помнишь хоть что-нибудь из этого, малышка?

— Я не помню ничего, — сказала Эсме. — Ничего и никогда. Поэтому мне всегда весело.

— Она продала свою память не кому иному, как...

— Тихо, — оборвала его Матушка Григ. — Я же говорила, что ты не слишком умен. Никогда не поминай никого из Семерых, если ты не под открытым небом. — Она снова принялась орудовать гребенкой. — Она была точно такая же, как сейчас, каждый восход был первым в ее жизни, каждый вечер радовал ее нежданным появлением луны. В ней было для меня все, весь мир.

— Так, значит, она ваша, — подытожил Вилл и почувствовал неожиданный укол сожаления.

— Да ты взгляни на меня повнимательнее, я же умру не сегодня завтра. Нет, так просто тебе от нее не отделаться. Так на чем же я остановилась? Ах да. Десять или двадцать лет я была безмерно счастлива. Ведь чего другого может желать мамаша? Но постепенно соседи начали роптать. Им все время не везло. Коровы переставали доиться, в подвалах выступала вода, один неурожай шел за другим, расплодилось невиданное множество мышей. Сыновей забирали в армию, незамужние дочки брюхатели, их папаши валились в подвал и ломали ноги. У холодильников отказывали насосы, а запасных частей, чтобы их починить, нигде уже не было — старая марка. Как-то ночью все пугала в деревне разом вспыхнули и сгорели. И подозрения добрых соседушек сошлись на моем ребенке. Поэтому они сожгли мой дом и прогнали меня из Гробосвечной Пустоши, одну-одинешеньку, без гроша в кармане и без какой-нибудь надежды на пристанище. Ирия со всегдашним ее везением тем самым утром ушла на болото и так пропустила свое собственное линчева-

ние. И я никогда ее больше не видела — до, как теперь оказывается, этих последних дней.

— Наверное, у вас было разбито сердце.

— До чего же тонко ты подмечаешь очевидные вещи. Но в кузнице бед куется мудрость, через боль и страдание я постепенно осознала, что эта утрата совсем не проклятие, павшее на меня и мою деревню, а просто так устроен мир. Ну и быть по сему. Будь весь мир в моей власти, единственное, что я бы в нем изменила, — это вернула бы Эсме-Ирии утраченную ею память.

— Я не хочу, — надула губки Эсме.

— Дурочка. Если ты ничего не помнишь, ничему и не научишься. Ну, может быть, как потрошить рыбу или работать с газовым хроматографом, но уж никак не вещам действительно *важным*. Когда за тобою придет смерть, она задаст тебе три вопроса, и ни один из них не будет никоим образом связан ни с рыбьими кишками, ни со временем задержки образца.

— Я никогда не умру.

— Никогда, моя милая, — это очень долго. Когда-нибудь завершится древняя война между Океаном и Сушей и Луна вернется в утробу своей матери. Так что же, ты и это переживешь? — Матушка Григ взяла свою сумочку и начала в ней копаться. — Конечно, если ты и вправду никогда не умрешь, эта твоя блаженная забывчивость просто незаменима. — Она принялась обшаривать сумку по второму разу. — Только никто ведь не живет вечно, и ты не будешь. — Ее рука извлекла из сумочки какой-то маленький предмет. — Видишь это кольцо? Его сделал мне Гинарр Гномсбастард в благодарность за некую услугу. Ты можешь прочитать надпись, которая на нем внутри?

Эсме откинула с лица прядь волос и прищурилась.

— Могу, только я не знаю, что это значит.

— *Memento mori*. Это обозначает «не забудь умереть»[1]. Это один из пунктов перечня того, что ты должен сделать, и, если ты этого еще не сделал, твоя жизнь была неполна. Надень это кольцо себе на палец. Я прошептала над ним свое имя, когда серебро еще не застыло. Носи его постоянно, и, когда я умру, что бы другое ты ни забывала, меня ты будешь помнить.

— А оно не заставит меня взрослеть?

— Нет, маленькая. Это можешь сделать только ты сама.

---

[1] В действительности — «помни о смерти».

— Оно не золотое, — критически отметила Эсме.

— Нет, это серебро. Серебро — самый колдовской металл, оно принимает заклинания куда легче, чем золото, да и удерживает их лучше. Оно проводит электричество почти так же хорошо, как золото, а так как точка плавления у него выше, оно применяется в электронике гораздо шире. Да к тому же оно и дешевле.

— Я умею ремонтировать электронику.

— Уж в этом-то я не сомневаюсь. Ладно, кончаю тебя мучить. Иди играй. — Она шлепнула девочку по задику и проследила взглядом, как та убегает. А потом повернулась к Виллу. — Твои руки кровоточат от бесчисленных ран.

Вилл недоуменно посмотрел на свои руки.

— Это метафора, идиот. Раны — это твои воспоминания, а кровь — это боль, причиняемая ими тебе. Вы с этой девочкой подобны Бенжамену и Молли Делл[1]. Она все забывает, а ты все помнишь. И то и другое ненормально. И неразумно. Ты, юноша, должен научиться более легкому отношению к жизни, а то ведь эти метафорические кровопускания доведут тебя до самой настоящей смерти.

Ехидный ответ прямо крутился у Вилла на кончике языка, но он постарался его проглотить. Ему не раз доводилось иметь дело с такими старухами, и споры никогда ничему не помогали. И если уж хочется сказать: шла бы ты, мол, подальше — лучше сделать это со всем возможным тактом.

— Спасибо за совет, — выдавил он из себя и встал. — А теперь мне нужно идти, дела еще всякие.

Хотя тропинка была вроде довольно длинная, три не слишком размашистых шага вынесли его наружу. После полумрака палатки солнечный свет показался ему нестерпимо резким, заставил зажмуриться. Двое канареечных схватили его за руки.

— Мусорный наряд, — сказал один из них.

Вилла уже раз отправляли на такую работу; и в мыслях не имея сопротивляться, он прошел вместе с ними к служебному фургончику. Фургончик протарахтел через сектор «Ж», выехал

[1] Отсылка к английскому детскому стишку, который переводится примерно так:

Бенжамен Делл жиру не ел,
Жена его Молл не терпела постного.
Так что, садясь за обеденный стол,
Бенжамен с Молл подметали все дочиста.

из лагеря, а когда палатки почти уже исчезли вдали, притормозил и замер. Совершенно неожиданно один из солдат надернул ему на голову кожаный мешок, а другой с привычной ловкостью опоясал его веревкой, так что руки оказались прижатыми к телу.

— Эй, что это вы?

— Не вырывайся, а то придется сделать тебе больно.

Машина дернулась, клацнула передачей и стала набирать скорость. Вскоре появилось ощущение, что она взбирается по не слишком крутому склону. В ближних окрестностях лагеря «Оберон» был один-единственный холм, довольно плюгавый, с лысой верхушкой, где стоял старинный особняк, реквизированный комендантом под свою контору. Машина остановилась; так ничего и не видевшего Вилла тычками провели по каким-то коридорам, где пахло вроде как кошками, но больше всего рептилиями, словно в этом доме кишмя кишели жабы.

Осторожный стук костяшек пальцев по дереву.

— Перемещенное лицо, за которым вы посылали, господин комендант.

— Введите его и подождите снаружи.

Вилла протолкнули вперед, мешок развязали и стянули с его головы. Дверь за спиною закрылась. На коменданте были неформенная, с короткими рукавами рубашка цвета хаки и галстук ей в тон. И никаких знаков различия. А голова зеркально лысая и в крапинку, как перепелиное яйцо. Крепкие, поросшие жестким волосом руки покоились на столе. Непринужденно, словно так и полагается, комендант сунул руку в салатницу с дохлыми крысами, подцепил одну из них за хвост, отправил в рот и проглотил. Вилл вспомнил, с какой игрушкой играла сегодня Эсме, и с трудом подавил желание рассмеяться.

Смеяться было бы весьма неразумно. Мимика коменданта, его движения, а в первую руку надменность, с какой он себя держал, рассказали Виллу абсолютно все, что стоило знать об этом типе. Это была пародия на сильную личность, любитель всеми помыкать, возомнивший себя диктатором, дракон Ваалфазар в карманном исполнении. По спине Вилла пробежал нервный холодок. Жестокость плюс власть, пусть даже и мелкая, — это очень опасная смесь.

Комендант взял со стола какую-то папку и бегло ее пролистал.

— Донесение из ЛПЛ «Лесной царь», — пояснил он Виллу. — Это туда попало население твоей деревни.

— Правда?

— Они отзываются о тебе не больно-то лестно. В частности, — он начал читать из папки, — незаконный захват частной собственности. Шантаж. Сексуальные домогательства. Принудительный труд. Поджоги. Еще тут говорится, что ты приговорил одного из граждан к смертной казни и привел эту казнь в исполнение. — Комендант уронил папку на стол. — Вряд ли ты стал бы там всеобщим любимцем, реши я тебя перевести.

— Переводите, если вам хочется. Я тут совершенно бессилен.

— Смело, очень смело, — нехорошо улыбнулся комендант. — Особенно для того, кто полчаса назад участвовал в сборище подрывных элементов. Ты ведь не знал, что у меня было там свое ухо?

— Не ухо, а два. Жутень и карлик.

Несколько секунд комендант молчал и только втягивал воздух через зубы. Затем он поднялся из-за стола, оказавшись очень высоким, почти коснувшись головою потолка. От пояса вниз тело у него было змеиное.

Он медленно, угрожающе заскользил вперед. Вилл не вздрогнул и не издал ни звука, даже когда ламий[1] окружил его петлями своего тела.

— Ты понимаешь, чего я от тебя хочу?

Да, думал Вилл, я понимаю, чего ты хочешь. Ты хочешь вставить внутрь меня руку и управлять мной, как тряпичной куклой. Чтобы я прыгал и плясал по малейшему движению твоего пальца.

— Я был уже раз коллаборационистом, и это оказалось большой ошибкой, — сказал он вслух. — Мне не хочется ее повторять.

— Тогда ты выйдешь отсюда через главную дверь и без всяких мешков на голове. Ну и сколько же ты потом проживешь? Потом, когда все узнают, что ты со мною подружился?

Вилл уставился на свои ноги и упрямо помотал головой. Комендант проскользил к двери и открыл ее. Там замерли в ожидании двое канареечных, молчаливых, как волкодавы.

— Постой там, в вестибюле, и получше все обдумай. Когда что-нибудь надумаешь, стучись, да посильнее, эта штука из

[1] *Ламия* — мифическое чудовище, змея с головой и грудью прекрасной женщины. Автором придуман ее дублер мужского пола — ламий.

красного дерева и в дюйм толщиной. А в общем-то, — нехорошо улыбнулся ламий, — ты всегда можешь выйти через главную дверь.

В грязноватом, с чуть не до дыр протертым линолеумным полом вестибюле не было никакой мебели, кроме того самого стола и хлипкого канцелярского столика, на котором лежали тощенькие стопки медицинских брошюр по хламидиозу, СПИДу, сглазу и диарее. Слева и справа от двери были высокие, с рифлеными стеклами окна, через них в вестибюль пробивались косые пучки солнечного света. Справа от двери было два выключателя, для внутреннего и внешнего освещения, но когда Вилл попытался это освещение выключить, выключатели звонко щелкнули — и этим все ограничилось. Работа на коменданта исключена, уж в этом-то не было никаких сомнений. Но точно так же он не хотел получить клеймо стукача и уповать потом на сомнительную милость собратьев по несчастью. Ему не раз доводилось наблюдать, как поступает эта бдительная публика с теми, кого они заподозрили не то что в доносительстве — в недостатке солидарности. Вилл мерил вестибюль шагами — туда и назад, туда и назад, — лихорадочно перебирая немногие варианты действий, пока не остановился на одном из них. Именно на нем, потому что других просто не было.

Положив ладони на полированную крышку массивного, невесть когда сработанного стола и стараясь держать распрямленные руки под прямым углом к телу, Вилл попятился как можно дальше. Он не был так уж уверен, что наберется духа исполнить задуманное.

Взглянув на свое отражение в блестящей, как зеркало, крышке стола, он зажмурился и набрал в легкие побольше воздуха.

А затем одним резким движением, словно подрубая под собой опору, убрал руки за спину и крепко их там сцепил. Противу всяких его намерений голова крутанулась на сторону, тщетно пытаясь защитить ни в чем не повинный нос. И тут же лицо ощутило сильный безжалостный удар.

— Кернунн![1]

[1] *Кернунн* (в латинизированном написании Сернуннос) — кельтский рогатый бог плодородия, отвечающий по совместительству за богатство и подземный мир. Его именем назвала свой клуб одна из английских байкерских компаний.

Держась рукою за сломанный нос, Вилл кое-как поднялся на ноги, кровь обильно струилась между его пальцами и стекала вниз на рубашку. Словно пожар в сухостойном лесу, в нем мгновенно вспыхнула ярость, и потребовалась секунда-другая, чтобы надежно ее смирить.

Он покинул комендантское логово через главную дверь.

Вилл медленно брел по сектору «А»; его кровью пропитанная рубашка была сейчас гордым символом на манер государственного флага или клубного шарфа какой-нибудь байкерской шайки. К тому времени, как он дошел до лазарета, по лагерю лесным пожаром пронесся слух, что его жестоко избили «канареечники». Сестричка остановила ему кровотечение, а он ей объяснил, что поскользнулся и сломал нос о край стола. После этого он мог бы баллотироваться в президенты лагеря, существуй такая должность в природе, и выиграл бы выборы под всеобщие рукоплескания. На всем долгом пути домой каждый встречный считал своим долгом хлопнуть его по спине, многозначительно ткнуть локтем в бок или заговорщицки ему подмигнуть. Кто-то шепотом сулил «им» скорое неминуемое возмездие, кто-то бормотал в «их» адрес непристойные проклятия. Неожиданно оказалось, что союзники нравятся ему ничуть не больше врагов.

Такое поневоле вгоняло в тоску. Огромная безысходная тоска выгнала его из палатки и повела на околицу лагеря, по железнодорожному переезду и со склона вниз, короткой тупиковой дорогой, упиравшейся в Горло. Лагерь был совсем рядом; однако отсюда палатки не просматривались, и редко кто сюда забегал. Одним словом, это было прекрасное место для уединения, и Вилл давно это знал.

Горло имело в длину чуть более полумили — от верхнего бьефа плотины гидростанции до водопада, после которого Эльфвайн вырывался на простор и, ничем уже не стесненный, нес свои воды на юг, чтобы влить их в Большую реку. Ущелье, пробитое им в скальной основе, было таким прямым и узким, что обрывы на обоих берегах были почти отвесными, а внизу неудержимо стремился белый от пены поток; он ревел, как обуянный сотнями бесов, и, гордясь своей мощью, в щепки дробил толстые бревна и катил, словно мячики, огромные валуны. Любой, кто попытался бы спуститься здесь с обрыва, неминуемо

упал бы. Но если хорошенько разбежаться и изо всех сил оттолкнуться ногами от края, очень даже можно не зацепиться за скалы и упасть прямо в воду. И тогда он обязательно умрет. Ни один, кто взглянул бы сейчас вниз, на эту бушующую ярость, не стал бы утверждать обратного.

Зрелище завораживало, не позволяло оторвать от него взгляд: скала, поток, скала. Твердое, взвихренное, твердое. Ни одно дерево, ни один цветок или кустик не нарушали совершенства его безжизненности. Вода казалась на взгляд холодной, бесконечно холодной.

— Не надо, парнишка.

Вилл резко обернулся. В нескольких шагах от него стоял тот самый карлик, стоял настолько спокойно, что почти сливался с окружающими камнями, и Вилл никогда бы его не заметил, не начни он говорить.

— Чего не надо?

— Ну да, ты вроде как и в мыслях не имел туда прыгнуть. — В руке у карлика была пачка сигарет, открытая с уголка; постучав ее по донцу так, что вылезли две сигареты, он сунул одну из них в рот, а пачку с высунутой второй протянул Виллу. Вилл взял сигарету. — И я не имел. — Чуть прищурившись, он посмотрел вниз. — Ты посмотри на эту в грызло долбаную маслобойку! И поразмысли обо всем том времени, которое потребовалось, чтобы прорезать такую вот щель, не имея другого ножа, кроме воды. И тогда вся твоя жизнь покажется коротенькой, как дристнуть поносом, ведь правда же?

Вилл должен был согласиться, что так оно и есть.

— Видишь на скалах эти полоски? Эти слои, по-ученому — страты? Каждый слой — это одна из нот, прозвучавших при долбаном начале времен, когда Мать Тьмы своим пением призвала мир к бытию. Ты бывал когда-нибудь в нашем Дварфенхейме?

Вилл молча помотал головой.

— Вот уж где долбаное полицейское государство. У Ассая шпионы под каждой кроватью. Даже отлить спокойно нельзя, обязательно кто-то подсматривает. Ты можешь быть последним мелким говном из последней сраной жопы, и все равно у них есть на тебя досье. Как же они такое могут? Да очень просто. Они вербуют всех и каждого, без никаких долбаных исключений. Тебя вызывают в штаб-квартиру Ассая, и этот долбаный

бюрократ читает тебе вслух самые сочные кусочки из твоего собственного досье. Необязательно, чтобы много, но достаточно, чтобы ты ясно увидел: на горизонте маячит полный звездец. И тогда, когда ты совсем уже готов обосраться, он говорит, с милой такой улыбкой, что им нужен кто-нибудь, кто приглядывал бы за твоими друзьями и родными. — Карлик яростно сплюнул. — Ты удивишься, какие вещи они могут заставить тебя сделать.

— А может, и нет, — сказал Вилл. — Может, я совсем и не удивлюсь.

— А как тебя звать, парнишка?

— Вилл ле Фей.

— Хорнбори Монаднок. — Карлик протянул Виллу руку для пожатия. — Рад с тобою, жопа, познакомиться.

— Послушай, — устало сказал Вилл, — ты, Монаднок, отличный вроде бы парень, но у меня сегодня выдался очень трудный день. И нос болит не утихая, и подумать нужно о многом. Так что, если ты не против...

— Не жми на слезу, я должен рассказать тебе нечто важное. Но сперва мне обязательно нужно заставить тебя понять, что я мужик не совсем уж пропащий. Конечно, не без некоторых шероховатостей, но кой же хрен, у кого их нет. — Он положил руку Виллу на плечо. — Ты только чего не подумай, никого я, на хрен, не убил.

— Я послушаю, — сказал Вилл, стряхивая руку карлика. — Только не нужно меня лапать, ладно?

— Сказано с достоинством раздолбучего джентльмена. Слышал досужую басню, что, если раскроить карлику череп, в самой глубине его мозга найдешь бесценную жемчужину? Это и правда, и нет. В царстве мертвых несть числа раздолбаям, самоуверенно решившим, что какой-нибудь там сраный карлик будет для них очень легкой добычей. А если бы и так, никаких драгоценностей они бы не нашли. Но *метафорически* это верно. Каждый из нас носит здесь, в своей репе, распробесценную жемчужину. Только толку нам самим от этого чуть. Не пройдет и суток, как я сдохну.

— Что?

— Какой-то говнюк меня заложил. Генералиссимус Гадюкко махался языком, что надежно меня защитит. Хрен там он

чего защитит. Сколько бы он ни командовал днем, ночь принадлежит сопротивленцам. Счастье еще будет, если они не наденут мне «ожерелье». Ты ведь знаешь, что это такое? Они мочат покрышку в бензине, надевают тебе на шею и чиркают зажигалкой.

— Послушай, — встревожился Вилл, — ты же спокойненько можешь сбежать. Наружные патрули — это чистый смех. Я сбегаю в палатку и принесу тебе и еду на первое время, и все, что нужно. Бритву принесу. Сбрей бороду, а если вдруг где-нибудь схватят, просто назови им другое имя. Ты уж извини меня, но для нас все ваше племя на одно лицо.

— Поздно, парнишка, слишком поздно. А эта жемчужина, о которой я говорил? У каждого карлика есть одно истинное пророчество, которое он может сделать в день своей смерти. И я давно уже чувствую, как мое рвется наружу. Как правило, мы приберегаем эту в глаз долбаную драгоценность для своих единоплеменников. Только в «Обероне» карликов — раз-два и обчелся, и все это такие, что, загорись у них волосы, я и поссать бы на них побрезговал. Вот и думаю отдать этот трижды долбаный и достойный королей дар тебе.

— Не понимаю. Почему именно мне?

— Потому что ты здесь, под рукой. А теперь кончай свои долбаные вопросы и слушай.

Монаднок встряхнул свои руки так, что они повисли плетями, и глубоко вздохнул. По его телу пробежала дрожь, а затем он затрясся как припадочный. Его глаза закатились, так что были видны только белки. Высоким, полузадушенным голосом он не то проговорил, не то пропел (а в голове Вилла одновременно звучали слова перевода):

— Sol ter sortna,	(Солнце померкло,
sigr fold i mar,	земля тонет в море,
hverfa af himni	срываются с неба
heidar stiornor.	светлые звезды,
Geisar eimi	пламя бушует
Vid aldrnara,	питателя жизни,
Leikr har hiti	жар нестерпимый
Vid himin sialfan.	до неба доходит.)[1]

[1] Древнеисландский эпос «Старшая Эдда», фрагмент песни «Прорицание вёльвы», перевод А. И. Корсуна.

Затем карлик двумя руками схватил Вилла за ворот и резко дернул, так что теперь их головы были на одном уровне. С глазами устрашающе пустыми и белыми, он правой широченной ладонью схватил Вилла за лоб и сжал.

Его словно ударило молнией, весь мир вспыхнул раскаленной бездной. Долго, очень долго он недвижно стоял на холодной безжизненной равнине под беззвездным небом. Камень, камень, везде рваный камень. И никаких признаков жизни. Сквозь его несуществующее тело струилась радиация.

Вилл совершенно не понимал, что значит это видение. Однако он знал, знал с той же самой беспричинной уверенностью, какая бывает во сне, что все это правда, а может быть, даже его судьба. И уж совсем не подлежало сомнению, что это — ключевой, наиважнейший момент его жизни. А все остальное, что было и будет, не более чем примечания к нынешнему моменту.

Карлик откинул Вилла в сторону, словно тряпичную куклу, и зашелся неудержимой рвотой.

К тому времени, как Вилл пришел в себя и кое-как поднялся на ноги, Монаднок уже закуривал новую сигарету. Потом он подошел к краю обрыва. Снизу, от Горла, капризными порывами дул ветерок.

— Ну теперь-то я, пожалуй, заслуживаю хоть немного долбучего уединения или тебе так не кажется?

— Что это было? Эти слова — что они значат?

— Слова эти из «Мотсогнирсаги»[1], текста настолько священного для всего нашего племени, что его никогда не видел и не увидит никто из вас, верховых. Так что все это вышло не по делу. А что значит это видение, узнавай, пожалуйста, сам, мне же это ровно по хрену. А теперь, мудила хренов, чеши-ка ты отсюда, мне нужно кое-что сделать.

— Последний вопрос. Это что, видение чего-то такого, что может случиться? Или что непременно случится?

— Уйди!

Растерянно и задумчиво Вилл побрел к лагерю. В самой верхней точке подъема, где после переезда дорога начинала ид-

[1] *«Мотсогнирсага»* — «Сага о Мотсогнире». Мотсогнир — самый старший из племени карликов, мельком упомянутый в «Прорицании вёльвы».

ти под уклон, а Горло совершенно исчезало из виду, страшная догадка заставила его помедлить и обернуться.

Но карлик уже исчез.

Матушка Грит скончалась полмесяца спустя, смерть ее последовала не от какой-нибудь запущенной болезни или случайно подхваченной заразы, а как заключительный, давно ожидаемый удар проклятия, павшего на нее еще в раннем, давно позабытом детстве. Маленькой девочкой она заблудилась в лесу и случайно вышла на лужайку, где Белые Дамы танцевали свой предрассветный танец, и так увидела то, что не должен видеть ни один непосвященный. В запальчивости и гневе Белые Дамы возгласили ей смерть при звуке... «третьего вороньего карканья, какой она услышит», собирались они сказать, но в самый последний момент, запоздало осознав ее молодость и невинность побуждений, не запятнанных никакими злыми намерениями, одна из них смягчила приговор до миллион первого карканья. С этого момента каждая пролетающая ворона на какой-то волосок приближала Матушку Грит к смерти.

Матушка Грит успела поведать Виллу эту историю, а потому, когда пришло исполнение предреченного, он понимал, в чем тут дело. В то утро она сидела перед палаткой на скамеечке, грелась на солнце и неспешно чесала шерсть, а когда мимо проходил Вилл, попросила его помочь ей. В какой-то момент Матушка Грит неожиданно улыбнулась, отложила работу в сторону и взглянула на небо.

— Карр! — сказала она. — Вот уж действительно знакомый звук. Чернокрылые Правнуки Коррина прилетели сюда и...

Умершая на середине фразы, она мягко упала на бок.

А Эсме играла в палатке, сооружая из глины и камешков запруду на крошечном ручейке, блуждавшем в чаще воспоминаний Матушки Грит об утраченных лесах ее детства. В этот самый момент она взвыла так горько, словно сердце у нее разбилось.

Сперва Вилл решил, что она расстроена потерей своей игровой площадки, которая, как он прекрасно понимал, никак не могла пережить свою создательницу, а потому не стал подходить к ней, пока местные старики, набежавшие из своих палаток, не оттеснили его от тела Матушки Грит, после чего у него

и дел-то особых не осталось, кроме как пойти в палатку и заняться Эсме.

Но та была безутешна.

— Она умерла, — всхлипывала Эсме, лежа у Вилла на руках. — Грит умерла.

Все попытки Вилла укачать ее, успокоить ни к чему не приводили.

— Я *помню* ее! — настаивала девочка. — Теперь уже помню.

— Это хорошо. — Вилл отчаянно подыскивал верные слова. — Это всегда хорошо помнить людей, для тебя дорогих. Но не нужно так уж сильно расстраиваться — она прожила долгую, плодотворную жизнь.

— Нет! — отчаянно вскрикнула Эсме. — Ты ничего, ничегошеньки не понимаешь. Грит была моей дочкой.

— Что?

— Она была моя сладкая, моя младшенькая, мой свет в окошке. О, моя маленькая Гритхен! Она принесла мне в своем маленьком кулачке пучок одуванчиков. Проклятая память! Проклятая ответственность! Проклятое время! — Эсме сорвала с пальца серебряное колечко и яростно его отшвырнула. — Теперь я помню главную причину, почему я продала свой возраст.

Обитатели сектора «Ж» почтили смерть Матушки Грит традиционными ритуалами. На лбу у нее вырезали три священные руны. Затем вспороли ей живот, чтобы прочесть и истолковать ее внутренности. За неимением положенного тура принесли в жертву бродячую собаку. Затем возложили тело на помост и поставили помост на подпорки из длинных шестов, чтобы приманить священных пожирателей, стервятников. Санитарные инспекторы лагеря попытались было убрать это вопиющее безобразие, последовал спор, быстро переросший в мятеж, который захлестнул весь лагерь и бушевал трое суток.

А завершился он тем, что всех их загрузили в вагоны и увезли из лагеря. В далекую Вавилонию, объяснили социальные работники, в Малую Фейри[1], где они будут строить для себя но-

[1] Fäerie Minor — это название (и написание с умляутом) Суэнвик позаимствовал у Сюзанны Кларк. В русском переводе ее рассказа «Том Ветер-в-поле, или Как был построен волшебный мост в Торсби» (сборник «Дамы из Грейс-Адье и другие истории») это название передано как Малые Королевства (переводчик М. Клеветенко).

вую жизнь. Только никто им не верил. Все, что лагерники знали про Вавилонию, — это что улицы ее столицы сплошь вымощены золотом, а зиккураты касаются неба. Но в одном они были точно уверены: в месте вроде этого никто из деревенских никогда не сумеет толком устроиться. Не было даже уверенности, что они вообще там выживут. А потому они торжественно поклялись всегда, при любых условиях держаться вместе, чтобы непременно прийти друг другу на помощь при грядущих, непостижных разуму бедах. Вилл вместе со всеми другими промямлил эту клятву, хотя и не верил в ней ни единому слову.

Подали к посадке поезд. «Канарейки» с длинными палками в руках стояли на бочках по наружную сторону от коридоров, кое-как сооруженных из загородок для скота, и без особых церемоний загоняли беженцев в вагоны. Вилл шел вместе с галдящей беспокойной толпой, крепко держа Эсме за руку, чтобы их, упаси все боги, не разделили.

После смерти Матушки Грит Вилл все время думал — о ней, о коменданте, о карлике и его пророчестве. Теперь все становилось на место. Все эти разрозненные события, чередой прошедшие через его жизнь, составляли, по сути, единое целое, и это целое — не что иное, как жестокий белый свет правосудия, пробившийся из безжалостного суда бытия. Добрые страдали, жестокие несли кару. Теперь он осознал, что свободен совершать поступки, ничуть не ища им оправдания. Так, конечно же, было гораздо проще. И теперь перед ним стояла цель. Он направлялся в Вавилон, и хотя было совершенно не ясно, что там будет и как, главное не подлежало сомнению: они с лихвой заплатят за все, им пережитое.

Аз есмь ваша война, думал он, я иду прямо к вам.

6

ПО ПУТИ ЧЕРЕЗ МАЛУЮ ФЕЙРИ

Такого понятия, как «время», не было. Мир замер и завис, словно муха в янтаре, в некой среде, безвоздушной и незыблемой, как гранит. Затем с еле слышным неизреченным толчком первого атома, прорывающегося в бытие, перрон начал медленно отползать назад. Цепочка фонарей распадалась на части, которые одна за другой убегали назад, в прошлое. Исчез из виду вокзал, проплыл, все ускоряясь, плот из хлипких деревянных домиков, и вот уже поезд, быстрый, как шхуна на глади вод, прорезает прямую, без извивов, борозду в золотящихся зрелой пшеницей полях Малой Фейри.

Вверх-вниз, словно волны в океане, колыхались телефонные провода. Если верить всем сказкам, в этой стране лошади ели плоть, а мыши грызли железо; она казалась слишком пустынной для изобилия чудес, о которых недавние обитатели лагеря «Оберон» прожужжали друг другу все уши.

Вагон, из окна которого смотрел Вилл, был забит свыше всяких возможностей. Сидевшая напротив девушка-коза то и дело стукалась с ним коленями и держала подбородок так высоко, что сидевшей рядом русалке было впору расчесать ее реденькую бородку, при этом она деликатно пощипывала букет маргариток, один лепесток за другим, гадая на какого-нибудь будущего мужа, или поклонника, или шустрого любовника, тихонько стучащего ночью в окно. Людоед, весивший фунтов четыреста с лишним, в голубом пиджаке, который был ему мал размера на три, втиснулся рядом с Виллом, засунул на манер кружевного платочка в свой нагрудный карман обкусанный бутерброд и тут же заснул. С его длинного, одинокого, грязновато-желтого клыка ритмично падали капли слюны. Были здесь и другие. В восьмиместном, по идее, купе перемешались, как части головоломки, импы и динтеры, гномы и огневые поскакунчики, домовые и феи.

— Мы уже приехали? — спросила Эсме.

— Нет еще. Да ты спи, маленькая, спи.

А вонь тут стояла — хоть топор вешай: дичайшая смесь вавилонского табака, неделю не мытых подмышек, рисовой пудры, гниющих фруктов, корицы, забитого туалета, скуки и черной тоски, а окно, дергай не дергай, никак не хотело открываться. Вилл отвлекался от всей этой неописуемости, глядя в окно на проплывавшие мимо равнины. Безупречно гладкие, без единой зацепки для глаза, они гипнотизировали, навевали сон. И такими, говорили ему еще в лагере, они и будут всю дорогу, пока не начнется Большая Фейри. (Но если он чему-нибудь и научился в этом лагере, так это не верить ничему, что рассказывают.) Однажды с наружной стороны долгого, многомильного поворота он вроде бы увидел вдали Вавилон, вернее, Вавилонскую башню, которая нагло располосовала безупречную чистоту небес. Но у него оставались сомнения, потому что башня была слишком уж большой, слишком уж высокой, слишком уж как-то легко заметной. Ее стены и окна вторили цветом небу. Затем вагоны с клацаньем повернули, и башня, если это и вправду была она, пропала из виду.

Но внутренним зрением он все еще видел тень этого невероятного шпиля, ометающую равнину быстрее любого поезда, неуклонно, как стрелка часов.

Без всякого желания Вилла его рука поднялась и написала на стекле:

!ИГЕБ

Но Вилл не обратил на это внимания, он все смотрел и смотрел на бескрайнюю равнину, чувствуя себя крошечным и никчемным и постепенно возбуждаясь. Страх мешался у него с желанием. С каждой оставленной позади милей он испытывал все большую пустоту, нарастающее напряжение, щемящее желание быть переписанным наново, бывшее настолько сильным, что почти что стало молитвой: *Великий Вавилон, матерь всех городов, прими меня, поглоти меня, растворы меня, преобрази меня. На этот, только этот единственный случай пусть один плюс один не равняется двум. Переделай меня в кого-то другого. Сделай этого другого всем, чем я лишь хотел быть. Во имя секиры и лабриса*[1], *аминь.*

[1] *Лабрис* — древнегреческий двусторонний топор, главным образом церемониальный.

Любые молитвы опасны. Их либо услышат, либо не услышат, и это еще вопрос, о каком из исходов придется больше жалеть. Но в то же время они были необходимы, потому что сулили хоть какой-то выход из невыносимого настоящего. В деревне был один жестянщик, который сорвал в лотерее крупный куш. На первую треть выигрыша он купил себе жену. Вторая треть ушла этой стерве, чтобы дала развод. На последнюю треть он пьянкой загнал себя в могилу. Как-то незадолго до конца он столкнулся с Виллом в двух шагах от трактира, отшатнулся к стенке и ополз на землю. Глядя вверх, он блаженно улыбнулся и подмигнул.

— Почти уже там, — сказал он Виллу. — Приму на грудь еще пару стаканов, и дело с концом.

Виллова рука опять поднялась. На этот раз она написала:

!!!ЙАВАД — ТУДИ ИНО

Из плетеной корзины, стоявшей посредине, высунулась рука Эсме, высунулась и дернула Вилла за штанину.

— Мы хоть когда-нибудь доедем?

— Когда-нибудь, — ответил Вилл. — Не вчера и не позавчера, а пока что и не сегодня. Я разбужу тебя, когда будет что-нибудь, на что можно будет посмотреть.

— Я хочу пить, — капризно заявила Эсме.

— Сейчас схожу поищу.

— Я хочу шипучки. «Айрн-брю».

— Ладно, посмотрим, что можно сделать.

Вилл зевнул, потянулся и встал; сидевшие на одной с ним полке тут же расширились и полностью заняли все место. Бормоча извинения, он кое-как выбрался из купе и пошел по проходу.

Здесь было жарко и душно, перестук колес нагонял сон. Постепенно Вилл стал на ходу задремывать, а потом даже увидел сон, настолько четкий и выпуклый, что он не мог быть ничем иным, кроме как самым настоящим ясновидением. В этом сне он совершенно не ощущал себя, а потому наблюдал происходящее словно со стороны, с отстраненным бесстрастием, достойным самой Богини. Увидь сейчас он ту девушку-козу, как она догоняет его, вытаскивает из сумочки нож и с размаха втыкает ему в шею, он бы, наверное, подумал: вот покушение на убийство. Вполне вероятно, что жертва умрет.

А в настоящем сне на него еще только охотились.

Три ведьмы возникли из ничего в последнем вагоне, в самом хвосте поезда. Он уже знал эту породу. Ведьмы были самоназначенными законодательницами этого мира. Они вечно совали свои носы в чужие дела, требуя, чтобы этот розовый куст был пересажен, или этому ребенку дали другое имя, или этого мелкого преступника сняли с виселицы, полузадушенного, но еще живого. Было почти невозможно родиться, утратить девственность, задумать убийство, умереть или возродиться без того, чтоб какая-нибудь из них, если не целая шайка, выскочила невесть откуда, изрекая гностические благоглупости.

Не раз и не два Вилл страстно желал, чтобы всю их породу отвезли куда-нибудь к Южным морям и там скормили морскому чудовищу Жасконию. Эти три были в серых бумажных блузках с галстуками-шнурками, в серых же куртках и в серых, до середины голени юбках. На них были тяжелые, тупоносые, с толстыми подошвами ботинки. Даже без серебряных значков на лацканах, изображающих орхидею, пронзенную кинжалом, от них за сто ярдов несло политической полицией. У двоих из них под куртками бугрились пистолеты, у третьей оружия не было.

— Он здесь? — спросила старшая, офицер.

— О да, я чую его запах. Слабенький, но точно его.

— Надеюсь, он окажется милашкой, — заметила младшая, первогодка. У нее на поясе висела резиновая дубинка.

Они пошли по вагону к голове поезда, обнюхивая по пути пассажиров, ловкими пальцами делая пассы над лицами спящих. В силу отрицательного отвлекающего волшебства никто их вроде бы и не видел. У старшей лицо было суровое и грубое, как сыромятная кожа. Средняя, невысокого и плотного сложения, имела вид довольно флегматичный. Младшая была тонкая, как тростинка, и совсем безгрудая. Вилл отстраненно подумал: да женщина ли это вообще? Она вполне могла быть мальчишкой, который отрастил длинные волосы и нацепил девчоночью юбку.

— Будем надеяться, что он не заставит нас его убить. Это всегда неприятно, да и писанины потом не оберешься.

— Ну что ж, пока нам еще и не нужно его убивать. Он точно не в этом вагоне.

— А этот видит во сне свою сестру. — Из кармана спящего высовывался кончик мышиного хвоста; средняя вытащила дох-

лую мышь наружу и с брезгливой гримасой уронила ее обратно. — Фу!

— Не хочешь знать и видеть, так и не смотри, — сказала коренастая ведьма. — Двигаем дальше. Вонь предопределения все нарастает.

Между вагонами, на громко клацавшей переходной площадке, Вилла остановил высокий ослиноухий фей.

— Привет, герой! Огонек найдется?

Вилл полусонно похлопал себя по карману, вытащил полоску трута и простеньким волшебством поджег ее кончик. Ослиные Уши кивком обозначил свою благодарность, раскурил сигарету и глубоко затянулся. Трут он пренебрежительно откинул в сторону. А затем выщелкнул из пачки вторую, для Вилла, сигарету.

— Спасибочки, сынок. Что б я без тебя делал.

Вилл взял сигарету, прикурил у ослиноухого и начал было протискиваться мимо него, чтобы идти дальше. Но вдруг, совершенно неожиданно, ослиноухий схватил его за плечи, сильно встряхнул и заорал:

— Эй, муха сонная! Да очнись ты!

Вилл сморгнул, потряс головой и действительно очнулся.

— А ведь я тебя знаю, — удивился он. — Ты Нат Уилк.

— Да, кое-кто и так меня называет.

Там, в ЛПЛ «Оберон», Нат слыл посредником по любым самым хитрым вопросам. Если кому-нибудь что-нибудь было нужно — футбольный мяч, подвенечное платье, пистолет или насчет отсосать, — Нат в точности знал, где и как можно это получить, и готов был за умеренную плату поделиться информацией. Сейчас на его скуластом, с глубокими морщинами лице появилась озабоченность.

— Похоже, на тебя, сынок, снизошла *авен*[1]. Расскажи мне, что ты там видел.

Вилл чуть-чуть запрокинул голову и почувствовал, что сон снова его обволакивает. Ведьмы призадержались около очень знакомого купе. Молодая опустилась на колени, заглянула под сиденье и несколько раз с головы до ног обнюхала спящую Эсме.

— Вот же мерзкая тварь! — воскликнула она. — Нам бы следовало задушить ее прямо во сне.

---

[1] Древний кельтский термин для чего-то вроде вдохновения, прозрения.

— А кто возьмется объяснять этим, из социальной службы, по какому праву мы вдруг влезли на их территорию? Ты? Не смешите мои тапочки.

— Это политическая полиция, — сказал Вилл, с трудом вырывая себя из сна. — Они за мной охотятся.

— Вот же мать твою. — Нат отщелкнул окурок, и его унесло ветром куда-то под вагон. — За мной. Быстро. — Он прошел в следующий вагон, отдернул вбок дверь женского туалета и втолкнул туда Вилла. — Я тут устрою мощный кипеш, а ты ничего не отвечай и вообще не реагируй. Усек?

— Да.

— И что бы ты там ни делал, дыми без передыху.

Нат втиснул ему в ладонь пачку сигарет и спичечный коробок.

Вилл захлопнул дверь, закрыл ее на защелку и сел на унитаз. Снаружи Нат начал тарабанить в дверь.

— Галадриель! Да когда же ты, на хрен, выйдешь оттуда?!

Пока Нат барабанил и орал, Вилл заполнял тесную кабинку клубами вонючего дыма. Когда столбик пепла становился длинным, он стряхивал его в раковину. Мало-помалу он снова выскользнул из осязаемого мира и стал следить за медленным, методичным продвижением ведьм по поезду, пока те не подошли к разбушевавшемуся Нату.

— Кто это там, сэр? — спросила старшая.

— Моя трижды долбаная баба, вот кто! — Нат шарахнул ногою в дверь так, что она содрогнулась. — Она там, наверно, все кишки высрать собралась, год ведь целый сидит.

Средняя ведьма принюхалась к двери.

— Фу! — Она сморщилась и помахала ладонью под носом. — Находящаяся там особа дымит как паровоз. Это, да будет вам, гражданин, известно, уголовно наказуемо.

Нат забарабанил с удвоенной силой.

— Ну что я, на хрен, тебе говорил, Галл, про эти твои долбаные сигареты? Потуши ее, на хрен, вытащи оттуда свою долбаную жопу и пойдем отсюда к едреной...

— Сэр, вы мешаете другим пассажирам.

— Ну да, понятно, может, кому-нибудь тоже нужно посрать. — *(Бам-бам-бам.)* — Ведь ты же, девулечка, нарушаешь закон. Тащи оттуда свою толстую жопу, и поскорей. — Он повернулся к ведьмам. — Стреляйте в замок.

Они воззрились на него в полном недоумении.

— Вы, гражданин, слишком уж начитались детективных романов, — сказала старшая.

— Послушай, я же знаю, что у тебя есть пистолет. Отстрели этот замок! Вы же, на хрен, служите обществу, верно? За что я плачу эти долбаные налоги?

Старшая взглянула на тощенькую первогодку и кивнула.

Одним сложным непрерывным движением та шагнула за спину Ната, придавила схваченной за концы дубинкой его горло и уперлась коленом ему в поясницу. Одновременно корена-стая ведьма ударила его в живот. Задыхаясь, Нат упал на четвереньки.

— Так вот, *сэр*, — сквозь зубы процедила первогодка, — извольте осознать свое положение. Вы создали собой помеху для общества, а значит, у меня есть законное право, а кто-то скажет — и обязанность измолотить вас в кровавое месиво. Сейчас я ровно на секунду ослаблю давление на ваше горло. Кивните, если вы меня поняли.

Нат кивнул.

— Прекрасно. Так вот, так уж случилось, что в настоящий момент мы действуем в соответствии с полученными нами инструкциями и не можем позволить себе потратить лишнее время, которое потребовалось бы для такого весьма благотворного наказания. И все же. Мы найдем время для примерного вам урока, если вы нас к тому принудите. Вы намерены нас принудить? Сейчас я снова на секунду ослаблю давление.

Нат помотал головой.

— Великолепно. Сейчас я освобожу вас, пребывая в полной уверенности, что затем вы медленно поднимете-сь на ноги, поклонитесь по одному разу каждой из трех представительниц правительства Его Отсутствующего Величества, каковых вы видите перед собой, а затем молча — я подчеркиваю: молча! — вернетесь на отведенное вам место. Ваша леди присоединится к вам, когда она сама того пожелает. Даже если ожидание покажется вам нестерпимым, вы будете спокойно ждать. — Она освободила Натово горло и отшагнула в сторону. — Ну вот. Теперь постарайтесь оправдать доверие, чистосердечно вам оказанное.

Нат с трудом, очень медленно встал. Превозмогая боль, поочередно поклонился всем трем ведьмам, сопровождая каж-

дый поклон тремя легкими прикосновениями пальцев ко лбу, сердцу и ширинке. И полусогнутый, не в силах распрямиться, заковылял прочь.

— Жопа, — фыркнула коренастая ведьма.

И все трое двинулись дальше.

Внутренним зрением Вилл следил, как ведьмы проходят вагон за вагоном, пока они не дошли до локомотива и не исчезли. И тут же стало казаться абсолютно невозможным, что они вообще хоть ногою ступали в этот поезд. Скорее всего, эти минуты были просто галлюцинацией, преходящей фантазией, сотканной его мозгом из скуки и пустоты.

Но тут же — негромкий стук в дверь.

— Ладно, парнишка, можешь выходить.

Официально все беженцы делили пространство — вернее, тесноту — поезда на равных правах. Однако Нат, что и *можно* было ожидать, выговорил для себя отдельное купе в первом вагоне. Невесело посмеиваясь, он вел туда Вилла.

— Страшно и подумать, в каком виде я завтра проснусь. Чтобы в моем-то возрасте меня катали-валяли *les poulettes*[1] — *можно бы ожидать*, что для меня время подобных приключений давно осталось в прошлом.

— Послушай, — прервал его Вилл. — Мне нужно поскорее вернуться к...

— Это уже принято во внимание.

Эффектным жестом заправского фокусника Нат Уилк распахнул дверь купе.

— Папа! — взвизгнула Эсме. В ее руке была банка какого-то питья. — У меня тут вон что, «Айрн-брю».

Пару секунд Вилл стоял молча, а затем кивнул:

— Отличный номер.

— О, со временем ты убедишься, что я и почище номера умею откалывать. — Нат жестом предложил Виллу сесть, Эсме тут же забралась к Виллу на колени и стала глядеть в окно. — Но об этом мы поговорим чуть позже. Сейчас главный вопрос — это почему здешние органы вдруг к тебе привязались?

Вилл пожал плечами.

---

[1] *Букв.:* курочки, цыпочки *(фр.)*. На французском арго — полицейские, обычно мужчины, но, вообще говоря, безотносительно к полу.

— Может, кто-нибудь тебя проклял? Или ты нарушил табу? Или тебе что-нибудь напророчили? Не сопровождалось ли твое рождение какими-нибудь чудесами? А как насчет руничесских татуировок, третьих сисек и прочих знаков судьбы?

— Ничего такого, о чем бы я знал.

— Ты связан как-нибудь с политикой?

Вилл отвел глаза.

Нат раздраженно посопел носом.

— Слушай, мальчонка, ради тебя я схлопотал коленом в яйца. Ну и где же твоя благодарность?

Эсме попыталась вывернуться из рук Вилла, но он ее не пустил.

— Ты попросил у меня огоньку, а у самого в кармане были спички. Ты знал про Эсме. Это каким же нужно быть идиотом, чтобы не понять, что ты меня там поджидал? Ну ладно, вот он я, здесь. Так чего же ты действительно хочешь?

Совершенно неожиданно Нат разразился смехом:

— Ну и шустер же ты, парнишка! Ну конечно, я тебя ждал.

Он покрутил рукою в воздухе, демонстрируя, что ничего в ней нет, а затем вытащил из уха Эсме визитную карточку. Пока Эсме смеялась и хлопала в ладоши, он протянул карточку Виллу. Там значилось:

ИКАБОД ДУРИЛА
ПРОЖЖЕННЫЙ МОШЕННИК

— Икабод Дурила?

— Мое *nom de scene*[1], одно из многих, но это не имеет значения. А имеет значение то, что я являюсь полноправным мастером Праведной и Почтенной Гильдии Жуликов, Мошенников и Плутов, и я готов взять тебя в подмастерья.

— А почему именно меня?

— А почему нет? Мне нужен напарник, а ты передо мною в долгу. К тому же... ты уж прости, что я так, в лоб, но с этой твоей проблемой тебе просто необходим постоянный источник дохода.

— А в чем состоит моя проблема? — насторожился Вилл.

— Деньги жгут тебе руки. — Нат вытащил толстый бумажник, покопался в его хрустящем содержимом и извлек стодолларовую купюру. — На, возьми. Если ты сможешь удержать ее хотя бы минуту, она твоя.

---

[1] Сценическое имя, сценический псевдоним *(фр.)*.

Как только Вилл коснулся купюры, она ярко вспыхнула. Не успел он разжать или отдернуть пальцы, как купюра догорела, сморщилась, превратилась в серый пепел, исчезла совсем.

Эсме весело захлопала в ладоши:

— И меня научи! И меня научи такому!

— Вот именно. Как ты это сделал?

— О, это же один из простейших моих фокусов. Постарайся догадаться сам.

Вилл задумался на пару секунд, а затем сказал:

— Когда я вызвал *lux aeterna*, чтобы зажечь твою сигарету, ты проделал то же самое с этой банкнотой. Возможно, ты держал ее сложенной тут же, в руке. Как бы там ни было, мое собственное заклинание скрыло действие твоего. Только ты не закончил последний слог, опустил нейтральный гласный, легкое такое придыхание. А потом, когда я взял банкноту, ты тихонько издал этот звук, закончив тем самым заклинание. И тут же огонь.

— Браво! Я знал, что делаю хороший выбор.

Устав от всей этой болтовни, Эсме вывернулась из Вилловых рук и снова прилипла к окошку. Снаружи громоздились огромные горы мусора, по ним даже змеились вполне настоящие дороги. Груженные мусором грузовики тяжело карабкались по склонам, переваливали через хребты и пропадали из виду. Между хламными завалами и полотном железной дороги поблескивала сложная сеть ручьев и ручейков, луж и прудов, по берегам которых росли чахлые тростники и ржавели какие-то механизмы. За окном мелькнули голые, прямо из мусора торчащие скалы, неумело размалеванные обычными нехитрыми граффити: «Ура Лемурии», да «Вся власть дуппям»[1], да «Инкубы сосут». Рядом с процессией вразнобой перекошенных телеграфных столбов, шагавших по болоту, почти роняя провода в воду (но никогда не роняя их совсем), с плеском опустился в большую лужу клин диких гусей.

— Странное какое-то место, — заметила Эсме. — А что здесь вообще такое?

— Сейчас, бабуленька, мы проезжаем мусорную свалку «Цепкая трясина». Это крупнейшее в мире искусственное сооружение. Оседлав птицу Рух, ты могла бы ее увидеть из космоса. — Нат благодушно откинулся на спинку сиденья. — Ну что, раз уж все мы теперь одно счастливое семейство, я пред-

[1] В карибском фольклоре дуппи — своего рода дух, призрак.

лагаю скоротать время, рассказывая всякие истории. О себе самих и о том, откуда мы пришли.

— Лично я пока что ни на что еще не согласился.

— Да ты не спеши, подожди, пока услышишь мою историю. Она непременно тебя убедит.

— Хорошо, — кивнул Вилл. — Я весь внимание.

Я был когда-то вавилонским джентльменом (начал Нат), отнюдь не тем отъявленным негодяем, какого вы видите перед собой в настоящий момент. Я ел из серебряного корыта, ковыряясь в зубах золотой вилкой. Если вдруг посреди ночи мне требовалось помочиться, два лакея приносили ночную вазу, а третий держал мой член и стряхивал потом капли. Для такого, как я, человека, всей душой болевшего за народ, это была не жизнь, а сплошная мука. А потому в один прекрасный момент, когда никого рядом не было, я вылез в окно и сбежал.

Вы, имевшие счастье родиться в небогатых семьях, и представить себе не можете моих тогдашних ощущений. Улицы были пестрым калейдоскопом пешеходов, и я был одним из них, движущейся крупинкой цвета, не лучше и не хуже всех остальных и, о блаженство, никем не замечаемой. Я был пьян от накативших чувств. Мои руки то и дело взмывали в воздух, как птицы. Мои глаза танцевали от предмета к предмету, завороженные всем, что они видели.

Это была сказка, настоящая сказка.

Когда мне надоело идти все по одной и той же улице, я свернул за первый попавшийся угол и по слепой случайности оказался на станции, где и сел на местный до нижнего уровня. Теперь более целеустремленно я доехал на рикше до городской черты и вышел наружу.

Как раз в эти дни к Вавилону пришел табор бродячих фейри, и они раскинули за Вратами из Слоновой Кости гоблинскую ярмарку. Лоточники торговали шиш-кебабом и сахарной ватой, футболками и кашемировыми шалями, талисманами гри-гри и заколдованными мечами, ручными сороками и свечами для ночной службы Высвобождения Быстрой Удачи, целлулоидными куклами и кожаными, ручной работы фигурками верблюдов в сбруе с блестками, выполненными в масштабе один к шести. Музыканты, игравшие на шаранго, наполняли воздух сладостными мелодиями. Я был счастлив как никогда.

— Эй, говнюк! Это я тебе, жопа с ушами! Слушай, когда к тебе обращается дама!

Я недоуменно оглянулся.

— Смотри сюда, мыслитель.

Голос доносился из балагана с ярко размалеванной вывеской «А ну-ка! Подшиби лису!». В клетке, установленной на возвышении, в самом конце длинной брезентовой выгородки лежала, аккуратно подобрав под себя передние лапы и вывесив наружу влажный черный язык, обыкновенная рыжая лисица, лежала и нагло мне ухмылялась. Заметив, что я на нее смотрю, лисица вскочила на ноги и начала бегать из конца в конец клетки, непрерывно при этом болтая:

— Педрила! Засранец! И жена твоя зассыха! Говноед! Член у тебя вялый, как вареная макаронина, и ты бросаешь камни, как девчонка!

— Три за доллар, — сказал фоллет-балаганщик, державший в руке бейсбольный мячик. Затем, приняв мое смятение за скепсис, добавил: — Все по-честному, мсье, — и легонько швырнул мячик в клетку; лисица ловко увернулась, затем носом протолкнула мячик между прутьями клетки, и он упал на землю. — Попадите в лису и получите приз.

Позднее я узнал, что тут была некая хитрость. Хотя с виду казалось, что все прутья стоят на равном друг от друга расстоянии, один из промежутков был сделан чуть пошире — как раз таким, что проходил бейсбольный мяч. Лисице только и нужно было, что избегать этого места, и тогда ей ничто не угрожало. Но даже не зная, что игра эта жульническая, я не хотел в нее играть, меня переполняла нерассуждающая любовь ко всем и ко всему. А уж в такой-то день мне было и совсем невыносимо видеть такое же, как я, живое существо сидящим в заточении.

— Сколько стоит лисица?

— Сет импосибль[1], — ответил фоллет. — Да она вам, сэр, и ни к чему, слишком уж ругается.

Но я уже достал бумажник:

— Берите все, что там есть.

Глаза фоллета стали большими, как суповые тарелки, и по этому признаку я догадался, что несколько переплатил. Но с другой стороны, рассудил я здраво, в саквояже, прихваченном

[1] C'est impossible *(фр.)* — это невозможно.

мною из дома, лежит и столько, и два раза по столько, и много, много раз по столько.

После того как фоллет открыл дверцу клетки и торопливо слинял, лисица преклонила у моих ног колени.

— Я, господин, говорила все это просто так, ничего такого в виду не имея, — пропела она сладеньким голосом. — Это была просто такая, ну, знаете, пустая болтовня. Теперь же, когда вы мой хозяин, я буду служить вам правдой и совестью. Прикажите, и я подчинюсь. Я посвящу всю свою жизнь вашему благу, если только вы мне это позволите.

Чтобы снять с лисицы рабский ошейник, мне нужны были свободные руки, и я поставил саквояж на землю.

— Мне не нужно твое подчинение, — проворчал я. — Делай что хочешь, ни в чем мне не подчиняйся и думать не думай ни о каком моем, прокляни его боги, так называемом благе. Отныне ты свободна.

— Ты шутишь! — воскликнула фраппированная лисица.

— Очень даже не шучу. А потому, если ты...

— Всеблагая Мать Всех Зверей! — сдавленно выдохнула лисица, выпучив глаза на что-то, появившееся за моею спиной. — Осторожно!

Я крутнулся волчком, но за спиной не было ничего, кроме все тех же балаганов и ярмарочных зевак. Полный недоумения, я снова повернулся к лисице — но она уже исчезла.

И к тому же увела мой саквояж.

Так мне поневоле пришлось познать, каков вкус у свободы, когда у тебя в кармане нет ни гроша. С равной горечью проклиная и подлую лисицу, и свое собственное легковерие, я покинул гоблинскую ярмарку. Незаметно для себя я оказался на берегу Гихона. Там я перекинулся словом-другим с лодочником, и тот в результате отвез меня на пристань и посадил на буксир, капитаном которого был его хороший знакомый. Буксир уже подцепил баржу с мусором, чтобы тащить ее вверх по реке к «Цепкой трясине».

Как тут же выяснилось, мусорная свалка была отнюдь не тем местом, где стоило сходить на берег. Тут было множество дорог, ведущих в глубь заваленной хламом пустыни, но ни одной, которая шла бы вдоль берега, вверх по течению, куда я, собственно, и хотел направиться. А уж запах! Неописуемо.

Рядом с пристанью, в тени крутой огромной мусорной горы прилепилась маленькая горстка зданий. Это были по большей части гаражи для самосвалов-мусоровозов, но я заметил и несколько полукруглых металлических ангаров, приспособленных, надо думать, под ремонтные мастерские и склады, а также несколько нормальных, приличных когда-то домов, окна которых были наглухо заложены кирпичами. В этих домах размещались конторы и все тому подобное, а один из них, над которым нервно мигала и потрескивала полудохлая неоновая вывеска «Бриг-о-дум», отдали под бар. Рядом с баром стоял переполненный мусорный бак, выглядевший немного диковато, посреди свалки-то.

Вот туда-то меня и потянуло.

Вам следует понять, что никогда прежде я не испытывал голода, настоящего мучительного голода. В то утро, возбужденный заранее задуманным побегом, я даже не позавтракал, а предыдущим вечером съел лишь легчайший из ужинов. На буксире я жадно наблюдал, как капитан неспешно расправляется с двумя большими бутербродами и яблоком, но был слишком горд, чтоб попросить у него кусочек. Какие претерпел я страдания, когда он небрежно кинул за борт далеко не полностью обгрызенный огрызок яблока! А теперь...

Теперь, к полному своему ужасу, я вдруг обнаружил, что иду к мусорному баку. С омерзением увидев, как из-под него выскочила крыса, я совсем было повернул назад, однако голод мне этого не позволил. Я был как мошка, летящая на пламя свечи. Я и надеялся, что в баке найдется какая-нибудь пища, и ужасался, что, если она найдется, я ее съем.

И вот тогда-то, в этот мрачнейший из часов, я услышал знакомый голос, который никак уж не ожидал когда-нибудь снова услышать:

— Эй, башка, говном набитая! Не хочешь ли сказать тете, что рад ее видеть?

На стоявшем неподалеку подсобном грузовике сидела лисица.

— Ты!.. — воскликнул я, но не стал, хоть и очень хотелось, завершать оборванную фразу «Ты, мерзкая тварь!». Бедность уже начинала учить меня политесу. — Как ты сумела меня выследить?

— О, я знаю много способов.

Надежда билась в моей груди, как в кулак зажатая птица.

— У тебя сохранился мой саквояж?

— Естественно, нет. Ну как ты представляешь себе лисицу с багажом? Я сразу же его и выкинула. А вот ключик от него я сохранила. Ну не хорошая ли я девочка?

Она наклонила голову, и маленький ключик, висевший на тесемке у нее на шее, соскользнул на асфальт, завершив свое падение негромким звоном.

— Придурочная лиса! — заорал я, раздосадованный крушением надежды. — Ну зачем мне ключ от саквояжа, которого больше нет?

И она объяснила зачем.

Как и можно было ожидать, «Бриг-о-дум» оказался кабаком весьма дурного пошиба. Висевший на стене черно-белый телевизор был постоянно настроен на какие-то боксерские матчи, сукно на бильярдном столе протерлось до дыр. На двери туалета какой-то остряк-самоучка намалевал корявыми белыми буквами «Тир-на-бог»[1]. Я сел за стойку и сказал подошедшему наливальщику:

— Пиво.

— «Красную полоску» или «Драконий стаут»?

— А ты меня удиви.

Я одним глотком уполовинил принесенное пиво. Мой желудок сразу же заболел, голова закружилась, но все это были мелочи, не стоящие внимания. Ведь впервые за последние сутки с лишком в моем желудке появилось нечто существенное. Затем я повернулся на табуретке и обратился к бару как к цельному организму.

— Мне нужен проводник. Кто-нибудь, кто поведет меня к месту на свалке, явленному мне в видении. Узкий пятачок у ручья, в котором мешки мусора всплывают на поверхность и лопаются, распространяя кошмарную вонь...

— Такого тут сколько угодно, — фыркнул токолоше[2], какой-то особенно неприятный образчик этой породы: смуглый

---

[1] В кельтской мифологии есть Тир-на-ног — страна вечной молодости, буквально — страна молодых. По-английски *bog* — трясина, болото (особенно ирландское), а на сленге — сортир. Изменив одну букву, остряк превратил кельтскую страну молодых в сортирную страну.

[2] Персонаж зулусского фольклора.

волосатый карлик с горящими глазами и длинными желтыми клыками.

Сидевший в одной с ним кабинке фоссегрим[1] угодливо подхихикнул, не было ни малейших сомнений, кто в этой парочке главный.

— ...а из тростников чуть высовываются две бронзовые ноги от Родосского маяка.

Токолоше секунду подумал, а затем подвинулся, освобождая мне место рядом с собой. Фоссегрим, высокий и тощий, с волосами светлыми, как щетка трубочиста, тоже подвинулся и прямо навис нал столиком, готовясь послушать, что скажет товарищ. А тот, не тратя лишних слов, вполголоса прорычал:

— Что нужно сделать?

— Сумка от этого ключа, — сказал я тоже вполголоса. — Она где-то там зарылась. Мне нужно ее найти, и я заплачу.

— Хм, — сказал токолоше. — Ну что ж, мы с товарищем знаем это место, которое ты ищешь. И есть тут один такой они[2], который может что надо выкопать. Всего, значит, трое. Ты заплатишь каждому из нас по сотне?

— Да. Когда сумка будет найдена. Никак не раньше.

— А как насчет тысячи?

— А ты потом снова повысишь цену, а потом снова, пока не нащупаешь потолок? Вот мое окончательное предложение: десять процентов того, что в сумке.

— *Каждому* по десять. — И, заметив, что я немного замялся, токолоше добавил: — И твой счет в баре будет на нас.

Ну ведь все до капельки в точности как предсказала лиса. Я был одет, как одеваются богатые, но при этом весь грязный и взъерошенный. Это, вкупе с моим острым желанием вернуть себе утраченный саквояж, сказало моим новонайденным партнерам все, что им хотелось знать.

— Двадцать процентов, — отрезал я. — Всего. Делите их, как уж вам хочется. Но сперва вы купите мне поесть. Бифштекс с яичницей, если у них здесь бывает такая роскошь.

Солнце уже село, небо было багрово-желтым, как синяк, начинающий чернеть по краям. В быстро надвигающейся темноте наш грузовичок переваливался с бугра на бугор на каких-

[1] Водяной дух в скандинавском фольклоре.

[2] Демон-великан в японской мифологии, клыкастый и рогатый.

то тайных извилистых тропах. Грим сидел за рулем, карлик периодически прикладывался к плоской бутылке «Джейсовой жидкости»[1] (а мне не предложил ни разу). Никто не разговаривал. Они, который никак бы не поместился с нами в кабину, сидел в кузове, свесив ноги за задний борт. Звали его Ёси.

Забравшись на много миль в глубь свалки, мы в конце концов остановились над черным вязким ручьем, рядом с которым лежали две огромные, сплошь изъеденные коррозией ноги.

— Можешь найти мне что-нибудь на манер рогатки? — спросил я у токолоше.

Покопавшись в мусоре, токолоше достал платяную распялку.

— Попробуй это.

Я согнул из проволоки некое подобие искательской лозы, привязал к короткому концу ключ от саквояжа и взял длинные концы в руки. Ключ отклонился от вертикали на добрую половину дюйма. Затем, спотыкаясь и с хрустом давя ногами ржавые пивные банки, я походил туда-сюда, пока тесемка не повисла прямо вниз.

— Здесь.

Токолоше ковырнул землю ногой и вытащил пакет муки.

— Ну и сколько, ты думаешь, нужно копать?

— Довольно много, — протянул я. — Футов, пожалуй, десять.

Токолоше отмерил на земле квадрат, — впрочем, это было трудно назвать землей, потому что мусор сюда высыпали всего несколько часов назад. По его приказу Ёси принес четыре лопаты, и мы приступили к работе.

Когда яма достигла глубины шесть футов, в ней стало слишком тесно, и мы оставили копать одного Ёси. Это был здоровенный тип и весь сплошь из мускулов, на лбу его бугрились трогательно маленькие рожки, из нижней челюсти торчали вверх два коротких мощных клыка. Он работал совершенно потрясающе, куча выброшенного наверх мусора становилась все выше и выше. На девятом футе Ёси взмок от пота, как свинья. Перекинув через край ямы допотопную стиральную машину, он не стал снова браться за лопату, а проворчал:

— С какой такой стати я тут один работаю?

— А с такой, что ты дубина, — осклабился фоссегрим.

Токолоше дал дружку затрещину.

---

[1] Очень сильный дезинсектант, запатентованный в XIX в.

— Ты копай, копай, — повернулся он к они. — Я плачу тебе за это пятьдесят зеленых.

— Как-то слишком мало.

— О'кей, о'кей. — Токолоше вытащил из кармана пару бумажек и протянул их мне. — Слетай-ка быстренько в «Бриг-о-дум» и привези для Ёси кварту пива.

И тут я сделал глупость, каких еще не было в моей жизни.

Вплоть до этого момента я следовал сценарию, набросанному передо мною лисицей, и все шло в точности, как она и предсказывала. Теперь же, вместо того чтобы во всем подыгрывать токолоше, как она настоятельно советовала, я распушил перышки. До саквояжа осталось совсем немного, и в своей непроходимой глупости я все еще верил, что они отдадут его мне.

— Ты что же, — спросил я, — считаешь меня полным идиотом? Нет, так просто вам от меня не отделаться.

— Крутой ты парень, Икабод, — пожал плечами токолоше. — Крутой, как те яйца.

Они с фоссегримом сшибли меня с ног. Примотали толстым скотчем мои лодыжки одну к другой, а затем то же самое сделали с запястьями, и не спереди, а за спиной. А потом закинули меня в кузов.

— Ори сколько хочешь, — великодушно предложил токолоше. — Нам все равно, а больше никто тебя и не услышит.

Я, конечно же, был в полном ужасе. Но едва я успел осознать безнадежность своего положения, как Ёси радостно завопил:

— Нашел, нашел, я нашел!

Фоссегрим и токолоше торопливо вскарабкались на вершину неустойчивой груды мусора.

— Ты точно нашел? — крикнул первый.

А второй скомандовал:

— Давай сюда.

— Не делай этого, Ёси! — закричал я из кузова. — В этом саквояже деньги, во много раз больше, чем пятьдесят долларов, и ты можешь получить половину.

— Давай мне сумку, — мрачно сказал токолоше.

За спиной токолоше возбужденно приплясывал фоссегрим, из-под ног его сыпались банки, бутылки и прочая мелкая дрянь.

— Вот-вот! — выкрикнул он срывающимся фальцетом. — Давай ее сюда.

Но Ёси все медлил.

— Половину? — спросил он недоверчиво.

— *Все!* — заорал я не своим голосом. — Бери все, только оставь меня в живых!

Токолоше вскинул лопату и двинулся вперед и вниз, его дружок сделал то же самое.

Так началась эта жуткая и комичная битва — коротышки прыгали, оскальзывались и падали на неустойчивом склоне, размахивая при этом лопатами, а великан сносил их удары, безуспешно пытаясь добраться до своих мучителей. В общем-то, я ничего там не видел — разве что изредка взмахи лопат, хотя я сумел кое-как встать на колени; не видел потому, что слишком уж высокую гору мусора накидал трудолюбивый Ёси. Но я слышал ругань, проклятия и угрозы, слышал тупой стук лопат о тупую голову Ёси и отчаянный визг фоссегрима, когда огромная лапа все-таки сумела его схватить.

За этим визгом последовали стук, клацанье и еще странный звук, словно что-то куда-то съезжает, — это, надо думать, токолоше бросился в последнюю решающую атаку. Теперь я словно вижу, как он несется вниз по склону, держа лопату, как копье, и целясь ее лезвием в толстенное горло Ёси. Но вот удался ли удар, я не узнал и не узнаю, потому что вся эта суета привела мусор в движение.

Однажды стронувшись, лавина была неудержима. Вниз и вниз стремился мусор, вниз и вниз он тек, дребезжа и клацая, как земля, ставшая на время жидкой, но сохранившая при этом всю свою жуткую массу. Вниз и вниз в силу вечных законов природы, вниз и вниз с ошеломляющей мощью, погребя в конечном итоге этих троих настолько плотно, что не осталось ни малейшего шанса, чтобы выжил хоть кто-то из них.

А затем настала тишина.

— Ну что ж, — сказала лисица. — Это была прелестная мелодрама. Хотя тут же должна сказать, что все прошло бы для тебя гораздо легче, если бы ты не проявлял дурацкую инициативу, а просто выполнял мои указания. — Она спокойно сидела на крыше водительской кабины.

Никогда в своей жизни я не испытывал подобной радости от встречи с кем бы то ни было.

— Ты уже второй раз появляешься в тот самый момент, когда все, казалось бы, рушится, — сказал я, испытывая ни с чем не сравнимое облегчение. — И как это только у тебя выходит?

— О, еще крошечным щенком я проглотила звездную пылинку, и с того самого момента не было такого места, куда я не могла бы попасть, и не было такого места, откуда я не могла бы выбраться, если только мне этого хотелось.

— Прекрасно, прекрасно, я очень рад. А теперь освободи меня.

— Ой-е-е-е-ей. Как жаль, что ты это сказал.

— Что?!

— Много лет назад по причинам, которые никак тебя не касаются, я поклялась страшной клятвой никогда больше не подчиняться приказаниям какого бы то ни было мужчины. Вот потому-то я и таскаюсь за тобой — потому что ты приказал мне не заботиться о твоем благе. Вот мне и приходится тебя опекать. Но теперь ты приказал мне освободить тебя, и я никак не смогу этого сделать.

— Слушай меня внимательно, — сказал я лисице. — Не подчиняясь этому моему приказу, ты автоматически подчиняешься моему предыдущему приказу ни в чем мне не подчиняться. Так что твой обет не имеет смысла.

— Я знаю. Все это как-то очень запутанно. — Лисица легла и подобрала под себя передние лапы. — Вот еще вроде этого: есть в Севилье цирюльник, который бреет всех, кто не бреется сам, и никого кроме. Возникает вопрос...

— Пожалуйста, — взмолился я. — Прошу тебя. Милая лисичка, дражайшее существо, самое красивое из всех животных... Если ты будешь так добра, что развяжешь меня просто из ни с чем не сравнимой доброты своего сердца, по собственной свободной воле, я буду тебе в высшей степени благодарен.

— Вот это уже получше. А то я уж начала думать, что ты вообще не знаком с хорошими манерами.

Лисица погрызла и подергала скотч, связывавший мне руки, и довольно быстро их освободила. После этого с ногами я справился сам. Мы с ней сели в кабину грузовичка. Ни один из нас и словом не обмолвился о новой попытке откопать мой саквояж. Не знаю, как она, а я уже махнул на него рукой.

Но, выруливая из мусорных дебрей, я случайно повернулся, и там, где только что была лисица, сидела, аккуратно подобрав под себя ноги, прелестная девушка. Глаза у нее были зеленые, а волосы рыжие, коротко остриженные. И у меня было отчетливое впечатление, что она надо мною смеется.

— Все твои деньги, — сказала она, — под сиденьем в картонной коробке. Вместе с полным комплектом чистой одежды, в которой ты, между нами, девушками, крайне нуждаешься, и фамильным перстнем. А в саквояже том были только старые газеты да камни для веса.

— Что-то голова моя совсем уже не варит, — пожаловался я. — Если мои деньги с самого начала были у тебя, зачем было ломать всю эту комедию?

— Есть старая поговорка: научи человека рыбачить, и он будет есть только ту рыбу, которая сама лезет на крючок. Научи его хорошему мошенничеству, и от желающих заглотить наживку не будет отбоя. — Девушка ослепительно улыбнулась. — Мошеннику всегда пригодится напарник. А мы ведь теперь напарники, верно?

Так закончился Натов рассказ. Эсме давно уже бросила слушать. Она снова глазела в окно на то, как гидропонные фермы и пирамиды контейнеров с неведомыми грузами убегают назад, в прошлое. Опоры высоковольтной линии вылетели из ниоткуда, поравнялись с поездом и зашагали вдоль железной дороги. К ним присоединились еще две пары рельсов, затем еще две, а затем и канал. Судя по всему, все дороги мира вели в Вавилон.

— А что стало с лисой? — спросил Вилл.

Нат многозначительно постучал себя по сердцу:

— Она здесь. Смеется надо мной. — Затем он вдруг посерьезнел. — Не знаю уж, парнишка, чем ты там таким мог мне понравиться, но понравился. Поэтому давай я спрошу тебя еще раз. Ты хочешь работать со мной? Я преподам тебе всю премудрость, включая кратчайшие и самые ловкие способы вести дела с этим миром, и ты будешь получать полноценную треть добычи. Ну так что скажешь? Мы напарники?

Колено Вилла ощутило какую-то щекотку. Опустив глаза, он увидел, что его указательный палец раз за разом рисует на штанине невидимые буквы.

АД ИЖАКС
АД ИЖАКС
АД ИЖАКС

В этот самый момент прямые прежде рельсы изогнулись, грибная поросль резервуаров с природным газом отошла в сторону, и стала видна стена, уходившая прямо в небо. Конца ей

не было видно ни слева, ни справа. Один уже только ее размер заставлял содрогнуться сердце — она казалась больше, чем все остальное в мире, вместе взятое. И сразу же размах собственных амбиций показался Виллу полнейшей глупостью. Эта жуткая башня была больше, зловреднее и безжалостней, чем мог стать он сам в самых смелых своих мечтах. У него попросту не было способа хоть как-нибудь ей отомстить.

У того, кем он был сейчас, точно не было.

АД ИЖАКС

И тут же его пронзило ощущение неизбежной судьбы. Если я собираюсь совершить свое отмщение, думал он, мне нужно научиться обману и многому прочему. Прекрасно. Пусть этот Дурила будет моим первым учителем.

— Да, — соврал он. — Напарники.

Эсме уже надоели заоконные картины, и она принялась копаться в Натовых вещах. Вытащив транзисторный приемник, она тут же его включила, и купе наполнилось музыкой более прекрасной, чем все, что Виллу доводилось слышать прежде. Так могли бы петь звезды в едва зародившемся мире, перед первым восходом солнца.

— Что это такое? — спросил он удивленно.

Нат Уилк улыбнулся:

— Это называется «Take the „A“ Train»[1]. Дюк Эллингтон.

Все быстрее и быстрее несся поезд прямо на безликую каменную стену, и уже начинало казаться, что крушение неизбежно. Затем, в самый последний момент, в стене открылось жерло туннеля, черное, как разверстая пасть. Поезд ворвался в эту пасть, и Вавилон его проглотил.

---

[1] «Сядь на поезд „А“» *(англ.)*.

7
ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Согласно туристическому буклету, гулявшему по поезду и дошедшему до Вилла после стольких рук, что он уже совсем растрепался, стены и колонны главного зала Ниневийского вокзала были сложены из белоснежного мрамора. «По семь колонн с каждой стороны несут на себе полукруглый свод крыши, все стропила изготовлены из золота и украшены великолепной резьбой, сама же крыша — перламутровая». И дальше: «...скамейки, которые тянутся из конца в конец обширного помещения, изготовлены из кедра, инкрустированного слоновой костью и кораллом... Пол в зале выложен квадратными плитками мрамора и зеленого турмалина. На всех турмалиновых квадратах изящно вырезаны изображения рыб: дельфин, морской угорь, уроборос, лосось, ихтиокентавр, кракен и прочие чудеса глубоководного мира. На гобеленах и тканых шторах изображены цветы: змеиная лилия, драконий зев, гадючий лук и прочие в том же роде; на всех подоконных панелях мы видим скульптурные изображения птиц, зверей и ползучих тварей».

Возможно, так оно когда-то и было. Но за много лет до того, как Вилл сошел с поезда, скамейки, шторы и гобелены сняли и куда-то запрятали, мраморно-турмалиновый пол заменили на линолеум, а выхлопные газы локомотивов и дым миллионов сигарет окрасили мрамор стен и колонн в унылый грязно-бурый цвет.

И все равно огромный зал ошеломил его, и не богатством своим, а бессчетными поездами, которые все прибывали и прибывали, изрыгали толпы пассажиров и двигались к следующим платформам, чтобы принять отъезжающих. И таково было количество иммигрантов и путешественников, что, хотя по

отдельности они суетились и натыкались друг на друга, как роящиеся насекомые, коллективно их толпа обретала свойства жидкости: текла ручьями и потоками, взвихривалась в тихих отстойных уголках и снова бросалась вперед, чтобы немного успокоиться, разлившись озером перед длинной плотиной таможенного контроля.

— Вы — мое семейство, — сказал Нат. — Постарайтесь это не забыть.

— Да, папочка.

— Почему это? — спросил Вилл.

— А потому что я хочу проскочить на дурика. Тот паспорт, что у меня, не проведет и близорукую корову.

— Подожди. Если ты в настолько плохом положении, так зачем же было впутывать сюда еще и нас?

— Да ладно. С моим языком я выберусь откуда угодно.

Подхватив Эсме на одну руку, а Виллов чемоданчик в другую, долговязый фей стал проталкиваться через толпу; Вилл поспешал следом, неуклюже таща два Натовых чемодана в руках, а третий, с колесиками, волочил за собой. Он изо всех сил старался не терять Ната и Эсме из виду в страхе, что, отведя глаза хоть на мгновение, навсегда потеряет их в этой толчее.

Через куда меньшее время, чем можно было ожидать, таможенник хмуро перелистал Натовы документы, коротко поговорил с кем-то по телефону и указал на одну из боковых дверей.

— Вам нужен иммиграционный контроль, кабинет сто два, в самом конце коридора, вы легко найдете. Это единственная там дверь, не заколдованная убивать любого, у кого нет допуска, — сказал он и закрыл за ними дверь.

После зала прибытия, гудевшего тысячами разноязыких голосов, кабинет 102 оглушал почти сверхъестественной тишиной. В крошечном помещении только и хватало места что на два канцелярских стола с грудами бумаг и на узенький проход между ними. Под столами торчали картонные коробки, под завязку набитые еще какими-то бумагами. На дальней стене, за железными шкафчиками, уже не закрывавшимися от переполнивших их документов, висели две казенной печати репродукции, слева и справа от закрытой двери. Как легко догадаться, это были Брейгелева «Вавилонская башня» и его же «„Малая“ Вавилонская башня», показывавшие город таким, каким он,

наверное, выглядел на ранних этапах строительства. На переднем плане одной из них царь Нимрод, великаном (а он ведь таким и был) возвышающийся над ошалевшими в благоговении каменщиками, сурово наставляет их на свершение еще более славных подвигов на строительном фронте. А вот на второй людей и совсем не видно, а башня выглядит темной, зловеще багровой, ну прямо разрываемый внутренними конфликтами герой своей собственной сложной психодрамы.

Когда Нат, Вилл и Эсме вошли в кабинет, в их сторону повернулись, стуча по полу копытами, два крылатых быка с человеческими лицами и длинными прямоугольными бородками. Их волосы, их бородки и кончики их хвостов были аккуратнейшим образом расчесаны и завиты. Рук они, конечно же, не имели, а потому каждому из них помогала в работе пара здоровенных обезьянов в красной униформе с желтым кантом, что обозначало иммиграционный контроль.

— *Vašu putovnicu, molim!* — сурово сказал один из быкочеловеков.

Нат вытащил паспорт. Один из обезьянов раскрыл его перед лицом своего начальника.

— *Imate li što za prijaviti?*

— Нет, мне нечего заявить. В смысле, кроме того, что я не хорват.

Оба крылатых быка недовольно нахмурились, однако язык сменили.

— Вам нечего заявить, и все равно вы в этом кабинете. Как вы думаете, почему вы здесь, если должны быть в другом месте? Вы считаете нас за дурачков?

— Нет, это скорее уж по моей части, видите? — Идиотически ухмыляясь, Нат ткнул пальцем в свои бумаги. — Икабод Дурила. Это я он самый и есть.

Повисла долгая тишина. Затем человекобык указал кивком на дальнюю дверь в стене:

— Видите эту дверь? — (Один из обезьянов торопливо подбежал к двери и открыл ее.) — Как только вы ее минуете, вам можно будет навсегда забыть про этот кабинет. Но чтобы это произошло, вам нужно сперва пройти мимо нас. — (Обезьян захлопнул дверь и вернулся в прежнюю позицию.) — Поэтому я бы вам очень советовал...

— Это подделка, — заявил второй бык; к полному Виллову изумлению, обезьян держал перед ним не Натов паспорт, а его собственный. — Это все сплошные подделки!

— Нет, нет, — умиротворяюще закудахтал Нат, качая головой из стороны в сторону.

— Транзитные визы, пункты прибытия — все не так! — Крылатый бык повернулся от паспортного обезьяна к другому, который держал перед ним открытую книгу размером с телефонный справочник. — Согласно этим данным, вы должны были быть направлены в Ур.

— Но я же не сам выбирал, куда мне ехать, — возразил Вилл. — Они посадили меня на поезд и привезли прямо сюда. А это все документы, выданные мне чиновниками лагеря «Оберон», и, если там что-то не так, это их вина, а не моя.

— Вы были обязаны удостовериться, что все полученные вами документы оформлены правильно и что вы имеете законное право на их получение. — Бык коротко кивнул, и обезьян подсунул ему под нос другой паспорт. — В документах этой девочки не указан год рождения.

— А мы не знаем, — сказал Вилл.

— О! Как же такое может быть? — Таможенник повернулся к Нату. — Уж вы-то, как ее отец, непременно должны это знать.

— Я не присутствовал при ее рождении, — сказал не моргнувши глазом чистейшую правду Нат. — Но мне кажется довольно очевидным, что моей дочери девять лет. Так что запишите ее годом Кузнечика.

Эсме сидела на груде их багажа и баюкала куклу, вырезанную из кукурузного початка. Теперь она вскинула глаза, расплылась от уха до уха и сказала:

— Я люблю кузнечиков.

— В наши служебные обязанности входит не помощь всем вам в ваших подделках, а изучение ваших документов на предмет наличия несуразностей. Вот ваш, к примеру, паспорт — настоящая сокровищница разнообразных нелепостей. Он напечатан на бумаге такого сорта, какой никогда не использовался никакими официальными органами. В нем нет положенных водяных знаков. Шрифт попросту смехотворен. Печати, сколько я могу понять, были неумело вырезаны на сырой картошке.

Даже фотография какая-то сомнительная, вы ничуть на нее не похожи.

— Правду говоря, — сказал Нат, взглянув на свои часы, — я не понимаю, с какой такой стати мы с вами все еще разговариваем. Вы ведете себя чрезмерно обструктивно. Я гражданин, и я знаю свои права.

— Права? — презрительно фыркнул первый бык. — У вас нет никаких таких прав. Только обязанности и привилегии. Обязанности я мог бы перечислить, но это долго, а привилегии полностью зависят от моей доброй воли. Они могут быть отозваны без всяких объяснений и без права на апелляцию по малейшему моему капризу. Вам бы стоило это запомнить.

— Кроме того, — добавил второй крылатый бык, — одной только наглости никак не достаточно, чтобы сделать субъекта гражданином. Так что ты, *чужеземец*, мог бы не тратить попусту сил на свои спектакли. Мы все это видели, и не раз.

На мгновение могло показаться, что Нат не находит слов для ответа. Затем, беззаботно поцокав языком, он сказал:

— Мне кажется, что эта проблема может быть разрешена достаточно легким образом. — Несколько купюр, извлеченных им из бумажника, исчезли, за исключением маленького уголка, между двумя стопками каких-то желтых машинописных листов. — Я уверен, что, изучив эти бумаги, вы сразу увидите...

Вилл никак не думал, что глаза этих быков могут раскрыться шире, чем были раскрыты до того, и что выражение их лиц может стать еще более возмущенным. Теперь он увидел, что все в этом мире возможно. Оба чиновника как один гордо вскинули головы, их ноздри трепетали от святого негодования, они рыли линолеумный пол копытами и яростно хлопали крыльями. Один из них задел краем крыла железный шкафчик с делами, чуть не смахнув на пол гору скоросшивателей.

— Помести вещественные доказательства этой оскорбительной попытки подкупа официального лица в пакет для вещественных доказательств, — сказал один из быков ближайшему обезьяну.

— Затем помести этот пакет в папку временного хранения! — приказал второй.

— Вложи туда же фотокопии всех документов, относящихся к данному делу и имеющихся на настоящий момент.

— Присвой этому делу порядковый номер.

— Сделай перекрестные ссылки и разошли копии материалов по всем соответствующим отделам.

— Подготовь бланки для официального заявления о выявленном преступлении.

— Фиксируй все предпринимаемые меры и все проходящие по делу документы в регистрационном журнале.

Пока обезьяны метались по кабинету, хлопая ящиками и дверцами шкафов, отталкивая друг друга от ксерокса и собирая быстро растущую кучу бумаг, один из быков подошел к Нату вплотную и угрожающе сказал:

— Теперь ты на собственной шкуре узнаешь, что здесь, в Вавилоне, любая попытка подкупить чиновников правительства Его Отсутствующего Величества воспринимается с крайней серьезностью.

— «Подкупить» — это очень грубое слово, — запротестовал Нат. — Я ведь только...

— Так как ты очевиднейшим образом *не* гражданин, — оборвал его другой бык, — у тебя нет права на бесплатного адвоката. В случае если у тебя есть деньги, чтобы нанять адвоката, эти деньги будут конфискованы. Все, что ты скажешь, подумаешь или не захочешь признать, может и будет использовано против тебя. Тебе никогда не будет сообщено, по каким обвинениям ты арестован, а также не будет позволено ни увидеть тех свидетелей, которые могут быть вызваны в суд для дачи показаний о твоей виновности, ни получить информацию, сколько им за это заплатили. В период заключения ты будешь обязан платить за камеру и за свое содержание по рыночным ценам. Если это окажется тебе не по карману, тебя будут регулярно бить. У тебя не будет права на медицинское обслуживание. У тебя не будет права на выздоровление. У тебя не будет права на похороны. Ты хорошо меня понял?

— Возможно, я был недостаточно щедр. Следует ли мне подкинуть немного силосу? У меня есть отличные связи насчет первосортной люцерны пополам с клевером.

Эсме подергала Вилла за рукав, а когда тот нагнулся, еле слышно прошептала:

— Что-то горит, я чувствую запах.

Теперь это учуял и Вилл. Покрутив головой, он заметил струйку дыма, поднимавшуюся от наваленных на стол бумаг.

— Э-э... — Нат и быки продолжали яростно спорить; Вилл помахал рукою в воздухе. — Похоже, у нас тут какие-то сложности.

С негромким «пых» бумаги вспыхнули пламенем.

Быки замолкли и в тревоге попятились. Одновременно Нат заорал: «Берегись!» — и бросился к столу, стараясь сбить огонь своей шляпой. Однако все его усилия закончились лишь тем, что он сбросил часть горящих бумаг под стол, в забитую делами картонную коробку.

Огонь быстро распространялся.

Сработала пожарная сигнализация, завыла сирена. Обезьяны визжали и прыгали между столом и железными шкафчиками, в животной панике сшибая бумаги на пол. Объятые той же паникой человекобыки носились из угла в угол, шумно хлопая крыльями. В этом всеобщем смятении Вилл едва ли не по случайности краем глаза заметил, как Нат ускользнул в ту самую дверь.

Тогда он схватил свой паспорт, схватил Эсме за руку и, никем не остановленный, последовал за Натом. И только в последний момент догадался тихонько прикрыть за собою дверь.

Нат был уже в конце коридора, и перед ним раздвигались в стороны две бронзовые двери. Не дождавшись, когда они раздвинутся совсем, Нат нырнул в грузовой лифт и ударил по кнопке. «Подожди!» — крикнул Вилл, крикнул сдавленным голосом, чтобы вдруг не услышали в сто втором кабинете. Они с Эсме вбежали в лифт, двери сошлись, и кабина пошла вниз. Нат крепко их обнял.

— Ох, дети! — выдохнул он. — Забавно было, правда?

— Ты совсем сошел с ума, — скрипнул зубами Вилл. — Ну зачем же было ехать по поддельным документам, когда в «Обероне» нормальные попросту *раздавали*? А теперь мы нелегальные иммигранты без документов и с боги знают сколькими преступлениями на своем счету.

— Зато уж оттянулись в полный рост, а это многого стоит.

— О таких мелочах, как утрата всего багажа, даже не стоит и вспоминать.

Нат помахал руками, как птица крыльями.

— Зато какое облегчение, что не нужно таскать все эти котули.

Двери лифта раскрылись в обшарпанный вестибюль. Толкнувшись в дверь, они вышли наружу, глазея, как по улице, мощенной синими глазурованными плитами, проходят мастодонты в красно-оранжевых попонах, а с ними верблюды, волынщики и парочка серпентистов, вовсю наяривавших марш Сузы[1].

— Парад, парад! — заплясала от возбуждения Эсме.

Следом за музыкантами вытанцовывали голые нимфы. Их головы и рожки были обвиты плющом, весело помахивали коротенькие козьи хвосты. Полди, хайнты и хайтер-духи стремглав перебегали с тротуара на тротуар, размахивая длинными шелковыми косынками, а вверху, над головами у всех, крутили сальто лебедевы. Вилл и представить себе раньше не мог такого великолепия, и оно простиралось вдоль улицы, сколько хватал глаз, и в ту и в другую сторону.

— А по какому это случаю? — спросил он Ната.

— А у них всегда тут что-нибудь, — пожал плечами Нат. — Какой-нибудь фестиваль, избирательная кампания, да это, собственно, и не важно. Когда живешь в большом городе, быстро ко всему привыкаешь.

Он поймал Эсме за руку и зашагал по улице к какой-то одному лишь ему ведомой цели.

Город ослеплял и оглушал Вилла, от него кружилась голова, он вселял в сердце страх. Даже не считая музыкантов, танцоров на ходулях и духов с объятыми пламенем шевелюрами, он не узнавал и половины племен, наблюдавших за парадом с обочины. А были еще и костюмированные участники парада, успевшие уже отыграть свою роль и отдыхавшие на тротуаре со все еще раскрашенными лицами и банками пива в руках, и активные зрители, заляпавшие себя кровью или надевшие для такого случая семимильные колпаки и боа из розовых перьев, так что он толком и не понимал, кто тут участник процессии, а кто нет. Казалось, что весь Вавилон — это один огромный праздник.

Виллу тоже хотелось бы поучаствовать в этом празднике — без, как он начинал уже думать, неудобного и беспокойного присутствия Ната Уилка.

— А чего это рука твоя дергается? — спросила Эсме.

---

[1] Джон Филип Суза (1854–1932) — американский композитор, прозванный «королем маршей».

Вилл удивленно опустил глаза; его рука двигалась сама по себе, как отдельное живое существо. А теперь обе его руки поднялись на уровень лица, и правый указательный палец выписывал на левой ладони невидимые буквы. Вот «О», вот «Н», вот «И», вот еще раз «И»...

— «Они идут», — прочитал Вилл.

— Кто «они»? — насторожился Нат.

У-л-а...

— Уланы.

Из тех же самых двойных дверей, из которых минуту назад вышли они сами, выехал кавалерийский взвод. Чтобы не стукаться головами о притолоку, уланы низко пригибались, а потом, проехав, снова распрямлялись и придерживали коней. Высокий эльф, явно бывший у них командиром, окинул улицу взглядом — сперва в одну, а потом в другую сторону. Когда его взгляд упал на Вилла, тот ощутил зябкую дрожь. И тут же командир указал своей саблей прямо на него.

— Солдаты! — радостно взвизгнула Эсме.

— Вот же сучары, — добавил Вилл.

Уланы построились в каре и взяли пики наперевес, чтобы расчистить себе путь. По отрывистому, как собачий лай, приказу командира они легкой рысью двинулись вперед. Толпа расступалась с живейшей охотой. Командир, единственный из них обходившийся без пики, высоко вскинул руку; из его ладони сверкнул яркий свет, его губы шевелились, произнося заклинание. Вилл почувствовал, как все его тело тяжелеет, как воздух становится густым и вязким.

— Не боись, — сказал Нат. — У меня есть заклинание куда сильнее этого.

Его рука метнулась к внутреннему карману куртки и вытащила толстую пачку долларов, перетянутую красной резинкой. Он откинул руку, словно держал в ней гранату, а затем сдернул пальцем резинку, швырнул всю пачку в воздух и что было сил проорал:

— Де-е-еньги!

Пожар в сумасшедшем доме. Парад мгновенно рассыпался, его участники бросились ловить медленно падающие купюры. Те, что стояли на тротуаре, боролись за место под волшебным денежным дождем. Карлики бегали на четвереньках, подбирая

купюры, так никем не пойманные в полете. Уланы, которых никто уже не боялся, растерянно остановились посреди бушующей толпы. Некоторым из них приходилось даже отбиваться, чтобы не сдернули с коня.

— За мной.

Нат бросился в ближайший проулок, пробежал его до самого конца. Вынырнув на какой-то другой улице, он перебежал ее перед самым носом троллейбуса, который откликнулся отчаянной трелью звонка и россыпью синих электрических искр. Тяжело отдуваясь, потому что Эсме была не такой уж и легонькой, Вилл догнал Ната в тот самый момент, когда тот добежал до спуска под землю. Он поставил Эсме на ноги, и они следом за Натом понеслись по лестнице вниз. В конце лестницы был перрон общественного лифта; чтобы не возиться с деньгами и билетами, они перемахнули через турникет и втиснулись в переполненный экспресс нижнего направления.

Хотя снаружи сияло полуденное солнце, Нижний Ист-Сайд был окутан полумраком. На улицах горели фонари, и раз уж их не выключили сейчас, то во все прочие времена суток не выключали и подавно. На одной стороне улицы стояли вполне обычные здания, но те, что на другой, выглядели так, словно их вырубили из глыб дикого камня.

— Сюда, — сказал Нат, ныряя по замызганной лестнице в подвал, над которым горела вывеска «Дыра Герцогини».

В салуне стоял неистребимый запах прокисшего пива. Два всеми покинутых игральных автомата подмигивали цветными огоньками и сами себе что-то бормотали. Облицованные грубо отесанным камнем и покрашенные черной краской стены были увешаны светящимися рекламами пива и окантованными постерами Джека Демпси и Мохаммеда Али[1]. В одном из углов висел телевизор, то ли выключенный, то ли навеки заглохший.

По ту сторону стойки, заполняя почти все пространство, какое было, сидела огромная жаба. У нее были тяжелые веки, толстенные губы, бессчетная масса мягких, свободно болтающихся подбородков, большие выпученные глаза и скептичное, на

[1] *Джек Демпси* (Уильям Харрисон Демпси, 1895–1983) — боксер-профессионал по кличке Костолом из Манассы, чемпион мира в супертяжелом весе. *Мохаммед Али* (Кассиус Клей, р. 1942) — боксер, чемпион Олимпийских игр 1960 г. в полутяжелом весе, многократный чемпион мира среди профессионалов (1964–1974) в тяжелом весе.

грани презрения ко всему сущему, выражение морды. Чуть приподняв левый уголок огромного рта, она безразлично спросила:

— Вам что, жентельмены?

— Вы, наверно, и есть Герцогиня. Меня зовут Нат Уилк. — Нат сел и поставил локоть на стойку. — Похоже, ты клевая девка.

— Не обманывайся моей девичьей внешностью, вислоухий ты мальчик. Я много старше, чем выгляжу, и мне насквозь знакомы все виды жульничества, мухлежа, обмана и грошовой магии.

— Все, да не все. Этот я только что придумал. — Нат положил на стойку железную шайбу — металлическую кругляшку с дыркой размером примерно в гривенник. Рядом с шайбой он кинул четвертак. — Десять долларов, что я протолкну этот четвертак через эту шайбу.

Жаба потерла шайбу между пальцами. Затем поднесла ее к глазу и посмотрела сквозь дырку. Затем с той же тщательностью обследовала четвертак. И под конец сказала:

— Хорошо, иду на десятку.

Нат взял шайбу, просунул палец в дырку и толкнул им четвертак. Секунду Герцогиня молчала, а затем рассмеялась и стала вытаскивать из-под стойки сигарный ящик.

— Просто запиши на мой счет, — остановил ее Нат. — Думаю, я буду приходить сюда довольно постоянно. Начнем, пожалуй, с ленча. На троих.

— Дело нехитрое. — Герцогиня взяла огрызок мела и написала в свободном уголке сплошь исчирканной надписями стены: НУ, $8.45.

Нат перегнулся через стойку и пальцем стер 45 центов.

— Чаевые, — объяснил он. — Слышь, а у тебя нету, случаем, новой колоды карт?

Жаба достала из-под стойки колоду.

— Три зеленых.

— Нет, в смысле — казенная.

— Четвертак.

Она заменила колоду на вроде бы точно такую же и подбила счет. Нат взял у нее мел и заменил конечную пятерку на ноль. Герцогиня улыбнулась.

Она ушлепала на кухню, чтобы через несколько минут вернуться с двумя корзинками поджаренных бутербродов с сыром,

и нацедила из крана три кружки пива. Когда с ленчем было покончено, Нат заказал пачку «Мальборо» и уменьшил конечный счет еще на гривенник.

— Первая, как мы попали в этот город, — заметил Вилл, блаженно затягиваясь.

— Впервые у нас? — спросила Герцогиня. — И Вавилон, конечно же, не такой, каким он тебе представлялся.

— Я думал, все это сплошь одно здание.

— Все так думают. Но единое здание — это очень негибкая структура. Времена меняются, и все, что нужно, меняется вместе с ними. Когда-то народ ездил в конных повозках и зимой спал по дюжине в комнате, чтобы было теплее. Теперь все конюшни и каретные сараи перестроены в апартаменты, потому что центральное отопление и все хотят селиться без ничьих посторонних глаз. Нимрод понимал это с самого начала и потому построил не город, а вроде как каркас города — двойную спираль с перемычками, стоящую на этой самой вулканической пробке. Здания сносят и ставят новые, а город продолжает существовать. Большого провидения был человек, царь Нимрод.

— Была знакома с ним лично, если я верно тебя понимаю? — спросил Нат, явно забавлявшийся этим разговором.

— Я ведь не всегда была такой, как сейчас, — высокомерно заметила Герцогиня. — В давно минувшие времена я была юной и простодушной. К тому же настолько маленькой, что поместилась бы в чайную чашку. Я жила тогда в трещине скалы на склоне Арарата, рядом с узкой тропинкой к его вершине. Каждое утро царь Нимрод шел по этой тропинке, чтобы пением сделать гору выше, и каждым вечером он спускался по ней назад. Такой уж у него был обычай, и я нимало об этом не задумывалась, потому что была тогда глупенькой тварью, не умевшей ни излагать свои мысли, ни хотя бы мыслить здраво... Однажды Нимрод так и не стал подниматься на гору. О, что за день это был! Страшные грозы сражались в небе подобно драконам, по скалам хлестали молнии, земля сотрясалась до самых своих оснований, гора плясала и прыгала. Нет слов, способных описать этот разгул стихии. Это был тот самый день — но прошли столетия, пока я это осознала, — когда вынужденный страшнейшей опасностью Нимрод вызвал море, дабы сокрушить своих недругов. Арарат гудел, как огромный колокол, когда океанские воды били по нему яростнее любого молота, за-

топляя по Нимродову приказу луга и создавая попутно Бухту Демонов, и по сю пору остающуюся для Вавилона главным портом и главным источником его процветания. Но ты, наверное, слышал эту историю.

— Да, — кивнул Вилл.

Нат торжественно продекламировал:

До начала истории, до начала времен
Царь Нимрод вел народ из Урдумхайма.
По глухим пустыням они бежали
В топи и хляби в годину потопа...

Сменив громогласное громыхание на будничный голос, он добавил:

— Я могу, если хотите, прочитать все восемь тысяч строк.

— Кто сейчас рассказывает — ты или я? — окоротила его Герцогиня. — На следующий день Нимрод появился, только шел он на гору без прежней бодрости, нога за ногу. На лице его было недовольство, он взглядом обшаривал все вокруг, словно что-то искал и не мог найти. Заметив в скальной трещине жабу, он, по минутному капризу, остановился и подобрал меня. И обратился ко мне с такими словами: «Взгляни на дела мои, маленькая квакушка, и отчайся». Из его глаз струились слезы, ибо ценою, уплаченной им за освобождение своего народа, стала смерть. Все они были от рождения бессмертными, а он привязал их к колесу времени. Само собой, я ничего не сказала. Но Нимрод все равно говорил сам с собой, ибо если Могучие и нуждаются иногда хоть в каких-либо слушателях своих монологов — в тот раз эта роль досталась мне, — то никакой реакции им уж точно не нужно. «Умалились, — сказал он, — мои силы. Гору, которая должна была стать нашей крепостью, я не могу больше вырастить ни на ладонь. Лучше свобода и смерть, думал я, чем бесконечная жизнь в рабстве. А теперь моя уверенность поколебалась. Какой смысл что-то строить, если когда-нибудь оно непременно разрушится? Если когда-нибудь я непременно умру — к чему тогда ждать? Завтра ничем не лучше, чем сегодня. — Он взглянул на меня так, словно увидел впервые. — Но тебе это слово неведомо, так ведь? Животные понимают смерть лишь тогда, когда она прямо к ним приходит. Ну что ж, у меня сохранилось еще достаточно сил, чтоб заставить тебя понять». И его пальцы, бывшие до того очень осторожны-

ми, сомкнулись вокруг меня подобно клетке. Медленно, постепенно сжимал он их в кулак, выдавливая из меня мою жизнь. Я барахталась, сопротивлялась, но все, конечно же, было тщетно. О, сколь велик был мой ужас! И в тот момент я действительно осознала смысл и природу смерти.

— И что же ты сделала? — поинтересовался Вилл.

— Я сделала то, что сделала бы в такой ситуации любая уважающая себя жаба. Я написала ему в ладонь.

— Довольно рисковый поступок, — поморщился Нат, — особенно если учесть, что Нимрод был не только волшебником, но и Силой.

— Откуда мне было знать? Что там знает долбаная жаба?

— Ну и что же было потом?

— Нимрод рассмеялся и отпустил меня. «Живи, маленькая жаба, — сказал он в напутствие, — расти и процветай». Получив свободу, я забилась в скалу так глубоко, как только сумела, и был еще, как видно, в его словах остаток могущества, потому что здесь я и нахожусь с того самого времени.

— Тяжело, наверное, быть вечно запертой в каменном пузырьке без всякой возможности его покинуть?

— Я получаю газету. Я слушаю приемник. Как правило, я зарабатываю вполне достаточно, чтобы себя прокормить, а если нет, то впадаю в спячку. И такая жизнь тоже жизнь.

В этот момент раздался грохот, словно по лестнице катилась лавина железной посуды. Дверь распахнулась, и в грохоте копыт, в фонтанах щепок сразу за порогом замерла худосочная вороная кобылка. Лестница в подвал была винтовая и очень крутая. Не иначе как ноги у этой лошадки были из лучшей резины — а то как бы она спустилась? А жилы в них сплошь стальные — а то как бы смогла она мгновенно остановиться? И тут же одним гибким движением с нее соскользнул всадник — тот самый, прежний капитан уланов.

Вилл замер, не успев закурить новую сигарету. На лице у сидевшего напротив Ната появилась грусть пополам с обидой.

— Ты настучала на нас, — укорил он Герцогиню.

Жаба поморщилась как от чего-то неприятного.

— Ты симпатяга, — сказала она, — а я люблю симпатяг. Но про охоту на вас орет весь полицейский сканнер, а я никогда не рискую и только тем и сумела дожить до такого возраста.

Лошадь распрямила ноги и по-собачьи встряхнулась. Ее всадник в пылу погони то ли потерял, то ли где-то оставил свою саблю, а заодно и весь свой взвод, однако на боку его все еще висел пистолет, и естественность движения, которым его пальцы расстегнули кобуру, явно намекала, что при нужде пистолет очень быстро прыгнет ему в руку.

— Капитан Багабъяксас, — представился он и коротко поклонился. Капитан был изящно худощав, с резкими чертами удлиненного лица. — Боюсь, я буду вынужден задержать вас для снятия показаний.

Закуривший все-таки Вилл выпустил облачко дыма. Затем сунул два пальца в карман и вытащил свой многострадальный паспорт.

— Вот, уж это-то вы точно спросите.

— Да, конечно. Спасибо. — Капитан принял паспорт, ни на мгновение не опуская взгляда, и сунул его в карман мундира. — Вы достаточно разумные ребята, а любой, у кого есть хоть крупинка разума, оказавшись в вашем положении, оставит все мысли о побеге. — Эсме, сидевшая у Ната на коленях, протянула руку и погладила лошадь по носу; по лицу Багабъяксаса скользнула тень улыбки. — Советую вам даже не пытаться. Если будете вести себя спокойно, это зачтется вам в плюс.

Вилл мельком взглянул на Ната и увидел, как глаза полноправного мастера Гильдии Жуликов на мгновение метнулись к кухонной двери. Там, значит, находится задняя дверь, а за нею служебный коридор, а дальше — миллионы дорог. И всего-то и надо, что секундное отвлечение.

Еле слышно, одними губами Вилл шепнул тот нейтральный гласный.

Мундир улана вспыхнул.

Как листья, гонимые ураганом, они пронеслись через кухню и вылетели в заднюю дверь. Нат бежал первым, Эсме сидела у него на плече и оглашала воздух громким хохотом. Вилл старался от них не отставать.

— Ты... ты каждый день так развлекаешься? — спросил он, чуть задыхаясь, когда они вбежали в служебный коридор, уныло окрашенный зеленой краской.

— Слишком их много, этих развлечений. Но если уж ты решаешь стать мошенником, это входит в обязательный набор.

Ну, как тебе понравилась Герцогиня? — Нат добродушно хохотнул. — Отличная девка, верно? Жаль, что нам не доведется работать с нею вместе.

— Стойте! Не двигаться!

В дальнем конце коридора стоял Багабъяксас, в горящем мундире, с горящими волосами, но все еще — сумасшедший дом! — полный решимости помешать их побегу. Его рука привычно вскинула оружие. Пуля с визгом пробуравила воздух между Натом и Виллом; мгновение спустя раздался звук выстрела, настолько громкий в тесном помещении, что Вилл минуты на две утратил слух.

Они снова бросились бежать.

Багабъяксас их преследовал.

Они пробегали один кошмарный, как в фильме ужасов, коридор за другим, но никак не могли отвязаться от пылающего улана. Он выстрелил еще трижды — три новых удара по Вилловым ушам. Но затем, когда Вилл пробегал мимо железной двери, запертой с той стороны на цепочку, но чуть-чуть приоткрытой, его рука по собственной своей воле схватилась за край двери, чуть не вывернув плечо из сустава. А затем он упал на пол и увидел перед собою треугольный просвет между дверью и сильно перекошенным косяком.

— Ни с места! — полоснул по ушам голос Багабъяксаса.

Вилл лихорадочно протиснулся в узкий просвет и тут же упал с короткой, по счастью, металлической лестницы. Еще поднимаясь на ноги, он услышал грохот — распаленный погоней, в пылающем мундире, улан яростно рвал ручку двери. Нет, цепочка так долго не выдержит.

Вилл побежал.

Крысы бросались от него врассыпную, под ногами хрустели тараканы. Он находился в огромном темном пространстве, пронизанном кое-где массивными двутавровыми балками и освещенном нечастыми жалкими лампочками, чей свет едва добирался до пола. Небесный промысел или слепое везение ввели его в один из целой сети туннелей, спирально восходивших, виток за витком, к верхушке Вавилонской башни.

Держась подальше от смертельно опасного третьего рельса и вслушиваясь в темноту, не едет ли, часом, поезд, он пошел по одному из путей. Иногда вдали что-то громыхало, а один раз

из туннеля и правда вырвался поезд, прогрохотал в каких-то дюймах от Вилла, с дрожью вжавшегося в стену, и надолго его ослепил. Когда Вилл снова стал видеть, в туннеле царило глухое молчание и ничто за спиной не горело — Пылающий Улан то ли сбился со следа, то ли оставил свою погоню. Эта опасность Виллу не угрожала.

Но он безнадежно заблудился.

Он шел и шел, сам не зная куда, а через какое-то время увидел впереди канализационного сантехника — хайнта в высоких резиновых сапогах и пластиковой каске.

— Что ты тут делаешь, белый парень? — спросил хайнт, когда Вилл его поприветствовал.

— Я заблудился.

— Ну так лучше разблудись. Здесь можно схлопотать себе на жопу большие неприятности.

— Я бы и рад, да не могу, — начал Вилл. — Я не знаю...

— Это твоя жопа, — пожал плечами хайнт. Он просочился в стену и исчез.

Вилл ожесточенно сплюнул и пошел дальше.

Он понял, что забрел на опасную территорию, когда его левая рука неожиданно поднялась и сама, по собственной воле крепко вцепилась в правую. Стой! — приказал он себе, ощущая, как по венам бежит адреналин.

Сколько Вилл ни всматривался в темноту, он не увидел ровно ничего. Далекая лампочка бросала на рельсы еле заметный отблеск. Опоры свода стояли густо, как деревья в полночном лесу. Он не мог разобрать, как далеко этот лес тянется, однако по какой-то свободе воздуха чувствовалось, что здесь сходятся несколько путей и какое-то время идут параллельно.

Далеко-далеко позади светились путевые сигналы, чуть заметные зеленые и красные точки.

И вдруг он как-то сразу осознал, насколько легко здесь зайти ему в спину. Может быть, лучше, подумал он, вернуться назад.

Но тут же невидимый кулак с размаху ударил его под дых.

Вилл сложился почти что вдвое, и в тот же самый момент его руки оказались в цепкой хватке. Невидимые враги толкнули его вперед и силой поставили на колени. Его голова свисала почти до земли.

— Отпустите его.

Голос был спокойный и уверенный, голос вождя.

Чужие руки убрались, оставив Вилла стоящим на коленях. Превозмогая боль, хватая открытым ртом воздух, он распрямил спину и, сколько мог, осмотрелся.

Он был в плотном кольце.

Они — кем бы там они ни были — окружили его, нимало не нарушив тишины. Слух у Вилла был острый, но даже и теперь он не мог разобрать по звуку, сколько их и где они. Зато каким-то дополнительным чувством ощущал на себе все множество их взглядов, а потом постепенно начал видеть и их глаза.

— Ну, парень, ты и вляпался, — сказал тот же самый голос.

8

ДЖЕК РИДДЛ[1]

Глаза говорившего горели красным огнем.

— Ну так что? Баст[2] слопала твой язык? Я предоставляю тебе возможность объяснить, почему ты вторгся на территорию Армии Ночи. Другой возможности ты не получишь.

Вилл делал все возможное, чтобы побороть свой страх. Здесь была огромная опасность, но вместе и отличная возможность — если суметь ею воспользоваться.

— Я признаю, что это ваша территория, — сказал он с дерзкой уверенностью, которой отнюдь не чувствовал. — Я вторгся на нее совершенно случайно. Но раз уж я здесь, то надеюсь, что вы позволите мне остаться.

— О? — спросил все тот же, ставший вдруг опасным голос.

— У меня нет денег, нет документов и нет друзей. Мне нужно место, где можно было бы жить. А это место выглядит не хуже любого другого. Позвольте мне вступить в вашу армию, и я отплачу вам службой.

— Лорд Уиэри[3] знает, что ты беглец, — прошептал другой голос. — Скрыть такую вещь невозможно, уж тем более здесь, в темноте. Здесь ничто не отвлекает, нет солнечного света, слепящего глаза.

— Кто за тобою гонится? — спросил лорд Уиэри.

Вилл подумал о политической полиции, об уланах, о Пылающем Улане — особо, и криво усмехнулся:

— А кто не гонится?

---

[1] Riddle *(англ.)* — загадка.

[2] *Баст*, Бастет — древнеегипетская богиня радости, веселья и любви, женской красоты и домашнего очага, изображалась в виде кошки или женщины с головой кошки.

[3] Weary *(англ.)* — усталый, утомленный.

— А он хорошенький, — сказало нечто женского рода. — Если уж не драться, мы могли б найти ему другое применение.

Три-четыре ее дружка захихикали.

— Фу, Дженни, — пробормотал один из них. — Ты плохая девочка.

— Лорда Уиэри все это позабавило, — прошепелявил шептун, — а потому он склонен к милосердию. Но здесь, у нас, милосердие простирается не слишком далеко. Ты будешь избит и прогнан прочь, ведь иначе твои преследователи могут взяться за Армию Ночи.

— Срань все это собачья! — сказал новый голос. — Сумасброды подослали его к нам, чтобы шпионил. Прикончить, вот и все.

— Не тебе, Оборванец, решать, — резко бросил лорд Уиэри.

— *Siktir git!*[1] — выплюнул Оборванец. — Мы же знаем, кто он такой!

— Разве мы дикари? Нет, мы сообщество братьев. И все, что здесь делаем, будет делаться согласно нашим законам.

Последовала долгая пауза, во время которой, как представилось Виллу, лорд Уиэри обвел свою шайку взглядом — не рискнет ли кто-нибудь ему возразить. Когда таковых не нашлось, он продолжил:

— Благодари за это сам себя.

Вилл не стал спрашивать, что лорд Уиэри имел в виду. Здесь вокруг него была уличная шайка — мальчишкой он и сам в таких участвовал. У шайки всегда был вожак, всегда был смышленый парень, державшийся рядом с вожаком и дававший ему советы, и всегда какой-нибудь смутьян, стремящийся сместить вожака. У них всегда были законы, никогда не обретавшие письменной формы. Их правосудие неизменно сводилось к *lex talionis*[2]: глаз за глаз, зуб за зуб, битая морда за оскорбление. Они всегда разрешали свои разногласия дракой.

— Испытание боем, — сказал Шептун.

Кто-то чиркнул спичкой; негромко зашипев, керосиновый фонарь швырнул ослепительно-белый свет на потолок с густым переплетением балок, заставив их прыгнуть в глаза и тут же снова затаиться, когда фитиль был прикручен до минимума.

---

[1] Турецкая матерщина, успевшая проникнуть в современный американский сленг.

[2] Закон возмездия *(лат.)*.

— Ты можешь встать, — сказал лорд Уиэри.

Вилл поднялся на ноги.

Перед ним неровным полукругом стояли два-три десятка феев. Они были разных племен и рас, высокие и низкие, мужчины и женщины, с единственной общей чертой: жалковатой злобностью, делавшей их похожими на стаю бродячих собак, которые знают, что им не справиться с жителями деревни, но тем охотнее растерзают одинокого безоружного путника. Были тут и такие, сквозь которых смутно, как сквозь закопченное стекло, просачивался свет фонаря, — хайнты, конечно же.

Прямо напротив Вилла стоял, судя по гордой осанке прирожденного лидера, сам лорд Уиэри; у него была бледная кожа, высокие скулы и удлиненные, чуть заостренные уши, характерные для высоких эльфов. Ни Шептуна, ни Оборванца Вилл распознать не смог.

Но затем уморительно тощий болотник выбежал из группы и закричал, тыкая Вилла тощей, как тростинка, рукой:

— Да он же один из этих долбаных Сумасбродов! Убить его надо, убить, вот и все!

Вот и Оборванец нашелся.

Вилл решительно шагнул вперед и плечом оттолкнул болотника в сторону.

— Ну, убейте меня, если сможете, — сказал он лорду Уиэри. — Только вряд ли вам это удастся. Если вы во мне сомневаетесь, выставляйте вашего бойца. Самого крупного, самого сильного раздолбая, какой у вас только есть, чтобы потом не было никаких сомнений, что я, если вдруг будет нужно, побью любого из вас. Я это серьезно, без трепа. А затем, если вы меня примете, я охотно присягну на верность и поставлю все свои способности вам на службу.

— Красиво говоришь, — негромко заметил лорд Уиэри. — Но слова — валюта дешевая, а времена очень трудные. — А затем, возвысив голос, он обратился к своим дружкам: — Так кого же мы выставим?

— Костолома, — предложил чей-то голос.

— Костолом... Этот может... Здоровенный бычара... Да, Костолом, — согласно забормотало множество голосов.

Неспешной ковыляющей походкой из тени вышла абсолютно голая, поросшая шерстью личность с куском железной трубы в руках. Это был вудвоуз, лесной дикарь. Виллу уже доводилось видеть диких людей, по преимуществу в Старом лесу.

Мало отличавшиеся от животных, они все же могли членораздельно изъясняться на самые простейшие темы, а природная хитрость и коварство делали охоту на них очень опасным занятием. Неспособные совладать ни с каким образом жизни, кроме жалкого существования охотников-собирателей, и ни с какими орудиями, более сложными, чем заостренная палка, они навсегда застряли в древних, предрассветных временах. Механизмов они боялись, спать в домах наотрез не желали, хотя иногда и случалось, что раненый вудвоуз искал себе убежища в каком-нибудь сарае. Трудно было себе представить, какой извилистый путь привел этого персонажа в сверхгород, ничем не похожий на его естественную среду обитания.

Вудвоуз защевелил губами, пытаясь — трудная работа — сформировать слова.

— Имел тебя, — сказал он наконец и добавил после длительной паузы: — Жопа.

— Сэр, я охотно принимаю ваш вызов, — галантно поклонился Вилл. — Я сделаю все от меня зависящее, чтобы не травмировать вас непоправимым образом.

Лохматую шерсть, сплошь покрывавшую лицо дикаря, прорезала злая ухмылка.

— Говнюк, — сказал он. — Засранец.

Это тоже имелось в каждой банде, какую Вилл только видел: крупный тупоголовый тип, не способный ни на что, кроме как драться.

Лорд Уиэри растворился в темноте и вскоре вернулся с железной трубой, примерно такой же, как у вудвоуза.

— Правил никаких, — сказал он, передавая железяку Виллу. — Кроме одного-единственного: кто-то из вас должен умереть. — *И спросил голосом спортивного рефери:* — Бойцы готовы?

— Мать твою на.

— Да, — сказал Вилл.

— Тогда тушите свет.

И тут же на Вилла обрушилась тьма.

— Я ничего не вижу! — закричал он в ужасе.

— А мы видим.

В голосе лорда Уиэри явно звучала улыбка.

С негромким шелестом босых ног по бетону Костолом бросился в атаку.

Хотя Вилл ощущал себя совершенно ослепшим, в туннеле были, по-видимому, какие-то крохи света, потому что он заметил, как блеснула труба, опускавшаяся прямо ему на голову, и еле-еле, но все же успел двумя руками вскинуть над головой свою собственную трубу.

От силы удара у него подломились колени. Вудвоуз снова вскинул трубу и ударил ею, как мясник топором, целясь Виллу по голени: Вилл едва успел отскочить, а труба со звоном выбила из рельса целый фонтан искр. Задыхаясь, он с удивлением осознал, что все еще ни разу не попытался ударить.

Как и любой деревенский парень, Вилл умел драться квотерстаффом — длинной палкой с окованными железом концами, но дикарь все время держал свою трубу за один конец и дрался ею как дубиной. Это была размашистая, сопряженная с большими усилиями техника, с которой Виллу не приходилось еще встречаться. Новый удар, и конец дубины промелькнул в опасной близости от его груди. Еще бы пара дюймов, и переломал бы все ребра. Словно размахивая бейсбольной битой, дикарь остановил полет своей дубины и тоже горизонтально, но чуть повыше повел ее назад. Вилл пригнулся, и очень вовремя, иначе этот удар размозжил бы ему череп.

Вилл едва ли не наугад взмахнул своей трубой и почувствовал, как она отскочила от ребер вудвоуза. Но дикарь не попятился и никак не замедлил движений, его труба пронеслась сверху вниз, целясь Виллу в плечо. Вилл отклонился, так что труба лишь вскользь зацепила его по руке, но и этого оказалось достаточно, чтобы рука онемела от боли и ее пальцы выпустили свой конец оружия. Теперь Вилл держал трубу не двумя руками, а одной, да к тому же левой.

С той стороны, где стояли зрители, донесся одобрительный ропот, но никак не больше, никаких криков восторга. Из чего получалось, что ночные армейцы не слишком-то жалуют Костолома, как бы они ни ценили его умение драться. Боль пробудила таившегося в Вилле дракона, всколыхнула волну безумной ярости, которая грозила захлестнуть его сознание и смыть, как мусор, все попытки мыслить здраво. Почти невозможным усилием воли Вилл смирил эту волну. Вращая трубу над головой, он сделал ложный выпад в сторону плеча вудвоуза, а когда тот вскинул на защиту свое оружие, изменил направление удара. Труба ударила Костолома по лбу и со звоном отскочила. Тот помотал всклокоченными дредами и снова вскинул свое оружие.

В этот самый момент из глубины туннеля донесся нарастающий грохот. Поезд! Вилл зажал трубу под мышкой, словно копье, и бросился на противника; сильный удар в грудь чуть не опрокинул того на спину.

Из-за поворота вырвался поезд, его фара расцвела, как полночное солнце. Вилл отскочил к дальней стороне пути и прижался к опоре, всей спиной ощущая ее холодную несокрушимость. На другой стороне пути Костолом дернулся было вперед, но тут же остановился, отступил и отвернулся, прикрывая глаза здоровенной корявой ладонью.

Прикрывает глаза? Интересно.

Поезд промчался мимо Вилла, толкнув его воздушной волной, словно мягким теплым кулаком. Он на мгновение заметил в окне вагона изумленные лица пассажиров и лишь затем вскинул руку к глазам, защищая их от мучительно яркого света.

Поезд проехал. Вилл снова открыл глаза, но увидел все то же, что и с закрытыми, — бестолковую суету ярких цветных пятен.

— Ослеп, говнюк, — хохотнул Костолом. — Срань раздолбучая.

Вот теперь-то Вилл действительно испугался.

Но вместе со страхом пришла и ярость, а ярость ослабила запреты и облегчила Виллу обращение за помощью к драконьей тьме, таившейся внутри него. Он почувствовал, как она поднимается, и твердо ее осадил, наотрез отказавшись давать ей первую руку. Но тьма не оставляла стараний, по его жилам бежал огонь, в горле поднималась жуткая песня. Тьма пыталась вырваться на свободу.

Он услышал шорох босых ног Костолома по рельсам и попятился.

Теперь он обрел внутреннее зрение, словно пронзавшее мрак. Все оставалось тенью, тенью тени, однако он твердо знал, что вот этот, прямо напротив, подвижный мрак — это вудвоуз, который тихо на него надвигается, поднимая железную дубину для последнего сокрушительного удара.

Драконья ярость рвалась с поводка, и Вилл ее немного приспустил, чтобы иметь возможность броситься в контратаку. Он отшвырнул трубу и шагнул вперед, прямо под удар. Левой рукой вырвал у дикаря его дубину и тоже отшвырнул ее в сторону, а правой сдавил ему горло.

Затем он наклонился и схватил противника за бедро. Шерсть у вудвоуза была жесткая, как у эрделя, и сплошь в колтунах. Слегка напрягшись, Вилл вскинул его над головой. Вудвоуз пытался ругаться, но издал лишь несколько сдавленных звуков — рука Вилла, сжимавшая ему горло, превратила ругательства в полузадушенный хрип.

Теперь этот ублюдок был абсолютно беспомощен. Вилл мог с размаху размозжить его голову об одну из опор или швырнуть его вниз на свое колено и тем сломать ему позвоночник. И то и другое было бы проще простого.

Нет уж, на хрен это дело.

— Я ничего против тебя не имею, — сказал он дикарю, все еще пытавшемуся вырваться. — Дай мне слово, что ты сдаешься, и я тебя отпущу.

Костолом издал нечто среднее между кашлем и бульканьем.

— Это невозможно. — В голосе лорда Уиэри звучало сожаление. — Наши законы повелевают: до смерти.

Вилла охватило отчаяние. Столько стараться, и чтобы все твои старания отправились псу под хвост из-за какого-то ребяческого воинского кодекса! Ну что ж, придется снова бежать. И вряд ли Армия Ночи будет преследовать его с особым энтузиазмом, только что посмотрев, как он победил лучшего их бойца.

— Если у вас такие законы, — ощерился Вилл, — то срать я на них хотел.

В новом приступе ярости он отшвырнул вудвоуза, как тряпичную куклу.

— Долбаный ублю...

Слово оборвалось в тот самый момент, когда вудвоуз коснулся земли. Праздничным фейерверком взметнулись электрические искры. Тело дикаря изогнулось дугой и затрещало, как жир на сковородке. По ноздрям ударили запахи жженых волос и подгоревшего мяса.

— Крутенько, — присвистнул кто-то из зрителей.

Эти последние минуты Вилл думал о чем угодно, кроме третьего рельса.

Лорд Уиэри составил похоронную команду из четверых членов своей шайки.

— Отнесите Костолома наверх, — приказал он, — и оставьте где-нибудь на видном месте, чтобы о теле позаботились го-

родские службы. И не забудьте положить его лицом вверх! Я не хочу, чтобы одного из моих солдат приняли за животное. — Затем он повернулся к Виллу и хлопнул его по плечу. — Отличный бой, парень. Добро пожаловать в Армию Ночи.

Когда похоронная команда потащила тело Костолома к забвению, лорд Уиэри построил остальных колонной и повел их в противоположную сторону.

— В Нифльхейм[1], — приказал он.

Вилл пристроился в конец колонны и, дрожа всем телом, изо всех сил старался не отставать. Он шел, казалось, уже целую вечность или, что то же самое, совсем никакое время, когда запахи мочи и фекалий, почти незаметные прежде, стали такими сильными, что у него заслезились глаза. Похоже, это место давно заселили. Причем очень густо. Вслед за другими Вилл поднялся по крошащимся бетонным ступенькам на бетонную же площадку.

Здесь был целый город — около сотни лачуг, построенных из деревянных ящиков и картонных коробок; в большинстве их мог поместиться разве что спальный мешок, и ничего кроме. С потолка свисали плетеные корзинки, достаточно большие, чтобы спать в них. Между лачугами были узенькие улочки, где мелькали какие-то тени. Армия Ночи пробралась этими улочками на центральную площадь, где кучка хайнтов и феев сидела на корточках вокруг портативного телевизора, звук в котором был прикручен до еле слышного бормотания. Те, кто не хотел смотреть телевизор, тихо о чем-то беседовали или читали при свечах потрепанные книги в бумажных обложках. Наверху, на стенах, был мозаичный фриз, изображавший карликов, добывавших руду, выплавлявших металл или что-то там делавших в мастерских. Руническая надпись, высеченная на каменной арке над замурованным шлакоблоками входом в какое-то обширное помещение, гласила: «Вокзал Нифльхейм». Судя по количеству мусора на полу, станция была закрыта очень давно. Навстречу им встала хулдра (что было сразу понятно по ее роскошной фигуре и коровьему хвосту, свисавшему из-под подола).

— Лорд Уиэри, — сказала она, — мы рады приветствовать вас и вашу армию. Я вижу, что у вас появился новичок.

---

[1] В скандинавской мифологии Нифльхейм — мир мрака, загробный мир, существовавший еще до начала творения.

Среди вставших вместе с ней большинство составляли хайнты.

— Благодарю тебя, тан-леди[1] Хьердис. А новобранец у нас настолько новенький, что не успел даже выбрать себе имя. Теперь он наш главный боец.

— Он? — нахмурилась Хьердис. — Этот *мальчик*?

— Не обманывайся внешностью, этот парень действительно крут. Он убил Костолома.

По площади прошелестело многоголосое бормотание.

— Хитростью? — усомнился кто-то.

— В открытом и честном бою. Я сам все видел, своими глазами.

На какой-то момент в воздухе повисло напряжение, разрядившееся, когда тан-леди кивнула, принимая услышанное к сведению. А затем лорд Уиэри обратился к ней:

— Нам нужно посовещаться. Грядут серьезные события.

— Но сперва мы поедим, — сказала Хьердис. — Ты сядешь со мной во главе стола.

К великому Виллову удивлению, вместе с лордом Уиэри был приглашен и он. Видимо, статус главного бойца делал его заодно и советником. На площади быстро появились столы из досок, положенных на молочные ящики и покрытых вместо скатерти газетами. Худощавый коббли расставил толстые пачки газет вместо стульев и одноразовые тарелки. Другой коббли раскладывал по тарелкам еду. Стол тан-леди стоял у самой стены, под мозаичными карликами. Она и самые почетные из ее сотрапезников сидели спиной к стене, а все остальные — напротив.

Еда оказалась получше, чем Вилл ожидал. Часть ее раздобыли на магазинных свалках, куда она попала по истечении срока годности, а часть поступила сверху, от всяких благотворителей. Ели, негромко переговариваясь, при свете коптилок с фитилями из тряпок, обмакнутых в прогоркший кулинарный жир.

Вилл заметил, что, судя по всему, сеть туннелей куда сложнее и обширнее, чем можно было бы подумать, на что Хьердис сказала:

— Ты и представить себе не можешь, насколько она сложна. Прежде в Вавилоне было пятнадцать различных газовых ком-

[1] Тан — шотландский лорд, предводитель клана. Тан-леди (каковых никогда не бывало) — женщина-тан.

паний, шесть различных систем теплосетей и Сируш[1] уж знает сколько систем метро, пневматических поездов, линий неглубокой закладки, подземных троллейбусных линий и пешеходных проходов, которыми никто уже не пользуется. Сюда еще нужно добавить туннели обслуживания энергетической, телефонной, водопроводной и канализационной систем, дождевые стоки, летние убежища от жары, бывшие в моде у толстосумов лет сто тому назад, а еще бомбоубежища, а еще винокурни самогонщиков, да всего и не перечтешь.

— Да, — согласно кивнул лорд Уиэри. — Никто не знает тайные пути Вавилона со всей доскональностью — слишком уж много их, и слишком они разнообразны. — Его большие, цвета морской волны глаза внимательно изучали Вилла. — А теперь расскажи поподробнее, что тебя к нам привело.

— Говори осторожно и чистую правду, — прошептал ему на ухо Шептун, — иначе этот ужин станет для тебя последним.

Вилл повернулся, но никого рядом не было. Он посмотрел на суровое лицо лорда Уиэри и решил, что к совету Шептуна стоит прислушаться.

Свой рассказ он закончил словами:

— После этого я был изгнан из деревни, и несчастья преследовали меня по всей Малой Фейри и дальше, до Жуткой Башни. Возможно, смерть дракона стала моим проклятием. Во всяком случае, с того самого дня не было места, которое я мог бы назвать своим домом.

— Теперь, парнишка, у тебя есть дом, и этот дом здесь, — сказал лорд Уиэри. — Мы станем твоей семьей — если ты сам того захочешь.

Он положил на голову Вилла руку, и того мгновенно захлестнули чувства. Без какой-либо внятной причины он вдруг полюбил эльфийского лорда, словно родного отца. Теплые слезы облегчения покатились по его щекам. А когда Вилл снова обрел дар речи, он спросил:

— А почему вы живете здесь?

Бессмысленный, в сущности, вопрос, заданный только для того, чтобы перевести разговор на более нейтральные предметы, однако отклик на него поступил мгновенно.

---

[1] *Сируш* — страшный дракон, символическое животное Мардука, главного вавилонского бога.

— А почему кто бы то ни было живет где бы то ни было? — спросил Шептун.

Вилл повернулся, но опять никого рядом не было.

Затем Хьердис милостиво объяснила, что, хотя верхние считают всех обитателей тьмы троллями либо дикими карликами, в действительности подземных по природе среди них очень мало. Бóльшую часть народа тан-леди составляли хайнты и темные эльфы, ниссы, шелликоуты и вконец разорившиеся феи — кто угодно, кому для жизни в обществе не хватает либо денег, либо добродетели. У них зачастую есть проблемы с наркотиками, алкоголем и психическим здоровьем, однако они по мере сил заботятся друг о друге. Сами они называют себя *йохацу* — «безымянные странники».

— А много таких, вроде этой, общин?

— Их многие десятки, — вступил лорд Уиэри, — а возможно, и сотни. Есть среди них очень маленькие, по шесть или десять личностей. Другие гораздо больше, чем та, которую ты здесь видишь. В общем-то, никто и не знает толком, сколько их, обитателей тьмы. По прикидкам Оборванца, их десятки тысяч. Но они не общаются между собой, не желают работать вместе и вынуждены вести бродячий образ жизни, потому что время от времени иммиграционная полиция находит и уничтожает их поселения, а тех, кто в них жил, разгоняет. Но Армия Ночи изменит положение в корне. Мы первая и единственная организованная военная сила, когда-либо появлявшаяся в среде йохацу.

— А сколько в армии народу?

Тан-леди прикрыла улыбку бумажной салфеткой.

— Ты видел их всех, — неохотно ответил лорд Уиэри. — Это новая идея, и она очень медленно проникает в массы. Но Армия Ночи будет расти. Наступит час, и моя мечта воплотится в жизнь. — Его голос звучал все громче. — Оглянись вокруг! Это — отверженные Вавилона, слабые, больные и кроткие. Кто замолвит за них слово? Уж никак не Лорды Мэральности и не Совет Волхвов. Когда-то их защищал Его Отсутствующее Величество, но он давным-давно исчез, и никто не знает куда. Кто-то должен набраться смелости и заполнить возникшую пустоту. Я клянусь Солнцем и Луной, Звездами и Золотыми Яблоками Запада, что с благосклонного позволения Семерых этим местоблюстителем буду я!

Йохацу застыли на своих местах, не разговаривая и почти не дыша. Их глаза сияли как звезды.

Хьердис тронула руку лорда Уиэри.

— Перед пищей отступают и самые большие проблемы, — сказала она. — Потом, после еды, мы сможем спокойно все это обсудить.

Когда с едой было покончено и со столов убрали, Хьердис закурила сигарету и пустила ее по кругу.

— Ну так что? — спросила она через какое-то время.

— Последний раз, — сказал лорд Уиэри, — я оставил тебе на хранение кое-какие ящики. Теперь они нам нужны.

По лицу тан-леди пробежала тень.

— Я так и думала, — сказала она с явной неохотой. — Поэтому их уже достали.

Не дожидаясь приказания, шесть нифльхеймеров встали, растворились в темноте и вскоре вернулись, волоча длинные деревянные ящики. Ящики положили перед столом, и по жесту лорда Уиэри Оборванец вскрыл один из них длинным, вроде финки, ножом.

Тускло заблестели стволы винтовок. В воздухе пахну́ло смертью.

— А зачем они нам? — осторожно поинтересовался Вилл.

— Тут намечается охота на крыс, — поморщился лорд Уиэри.

— А мы что, будем охотиться на крыс?

— Мы, парень, не охотники, — невесело усмехнулся лорд Уиэри. — Мы крысы.

Нифльхеймеры напряженно слушали, теперь они сгрудились вокруг стола еще теснее.

— Это все Сумасброды, — пояснил один из них. — Они спускаются сюда раз в месяц, в день Жабы или в день Лабриса, позабавиться им, видите ли, хочется. У них очки ночного видения и такие охранные заклинания, что ты не поверишь, и они берут с собой бейсбольные биты. Мы без особого шума ускользаем, но им, как правило, удается поймать кого-нибудь больного, или слишком старого, или просто уторчавшегося в хлам.

— Это у этих ублюдков *хобби* такое, — прорычал Оборванец.

— В последний раз им попался Макар Хреновина: несчастный старик надрался и спал, так они, вместо того, чтобы отметелить его, как обычно, облили бензином и подожгли.

— Я сам видел труп!

— Это полное сумасшествие и очень опасная причуда, — сказал Шептун. — Их папаши сплошь промышленники и Лорды Мэральности. Если погибнет хоть один из ихних щенков, в поисках отмщения они пришлют сюда татей с их саблезубыми волками.

— Я опасаюсь ответного удара, — сказала тан-леди и добавила с очевидной неохотой: — Но эти Сумасброды совсем уже распоясались. Возможно, и правда настала пора ответить на насилие насилием.

— Нет! — почти выкрикнул Вилл.

За обедом он почти ни к чему не притронулся, его все еще мутило от нифльхеймской вони, да и смерть Костолома никак не забывалась. Стоило ему зажмуриться, как перед глазами снова сверкали искры вокруг скорченного трупа. Он же не хотел никого убивать. Все это случилось только потому, что он не продумал ситуацию заранее. Теперь он думал, думал быстро и напряженно.

— Положите винтовки назад.

— Никак ты *боишься*? — Лорд Уиэри распрямил спину, его осуждение хлестнуло Вилла словно кнутом.

— Я могу разобраться с Сумасбродами. Если хотите, я разберусь с ними сам.

Все замолкли.

— Один?

— Да, один. Но чтобы все это устроить, мне нужна подходящая одежда. Чем аляповатее, тем лучше. И боевая раскраска. Не какая попала, а чтобы краска светилась в темноте.

— Я отправлю наверх наших лучших магазинных воров, — улыбнулась Хьердис.

— И взрывчатка. Лучше бы, конечно, ручную гранату, но как у вас с этим делом — нет? Ладно, а можно как-нибудь раздобыть химикаты для изготовления бомбы?

— Поближе к поверхности есть метамфетаминовая лаборатория, — вступил Оборванец. — Те подонки, что ее держат, свято уверены, что никто про нее не знает. У них там есть здоровые баки этилового эфира и уайт-спирита. Возможно, найдется и красный фосфор.

— А есть у нас кто-нибудь, кто умеет со всем этим обращаться?

— Хм... Один из наших защитил докторскую по алхимии. Только это когда еще было. Там, наверху. — Оборванец нервно покосился на лорда Уиэри. — До того, как он спустился к нам. Так что я и не знаю, стоит называть его или нет, вдруг ему не понравится?

— У тебя докторская степень? — удивился Вилл. — Так каким же тогда образом... — он собирался сказать «пал так низко», но вовремя прикусил язык, — оказался здесь?

— Беспечность, — пожал плечами лорд Уиэри. — Однажды мне предложили выпить. Мне понравилось, и я выпил еще. Чтобы держать стакан, хватает и одной руки, вот я и начал курить, чтобы вторая не простаивала. Я стрелялся на дуэлях, а отсюда лишь маленький шажок до азартных игр. Я купил себе бойцового петуха. Я купил медведя. Я купил боевого карлика. Я зачастил к портным и шлюхам. От шампанского я перешел к виски, от виски к вину, от вина к денатурату. Через какое-то время я перепробовал все возможные напитки, кроме крови, все разновидности секса, кроме бездарного, и все разновидности правонарушений, кроме насильственной революции... Каждый шаг вниз был мне приятен. Каждый новый жизненный опыт наполнял меня презрением к тем, у кого не хватило на него смелости. И вот, как все вы видите, я здесь.

— А это подлинная история? — усомнился Вилл. — Или притча?

— Твой вопрос, — сказал лорд Уиэри, — много глубже, чем ты сам думаешь: мир, в котором я падал, реальный он или иллюзорный? Множество умов, куда лучших, чем мой или твой, бились над этим вопросом, и все безрезультатно. Как бы там ни было, я сделаю тебе бомбу.

Чтобы составить подробный план, потребовалось несколько часов. Но в конце концов Хьердис встала из-за стола и твердо сказала:

— Хватит. Наш новый боец наверняка устал. Помещение Костолома будет теперь твоим. Я покажу тебе, где ты спишь.

Она взяла Вилла за руку, отвела его в дальний темный угол коробочного поселка и встала на колени перед своего рода палаткой из залатанных одеял, подвешенных к веревкам.

— Сюда.

Приподняв угол одеяла, она забралась внутрь.

Вилл последовал за ней.

К его великому удивлению, все внутри сверкало чистотой. На листах картона, служивших и полом, и матрасом, был постелен полинявший тебризский ковер. Ваза, наполненная фосфоресцирующими грибами, озаряла помещение мягким призрачным светом. Все еще стоя на коленях, Хьердис повернулась и сказала:

— Все принадлежавшее Костолому теперь твое. Его палатка. Его звание... — Она стянула через голову платье. — Его обязанности.

У изумленного Вилла перехватило дыхание; убить вудвоуза и в тот же день разделить постель с его любовницей — в этом было нечто ужасное.

— Нам совсем не обязательно... — начал он, запинаясь.

— Ты что, голубой? — недоуменно спросила тан-леди. — Или страдаешь недугом Короля-Рыбака?[1] — Она потрогала его ширинку. — Да нет, тут все в порядке. Так в чем же тогда дело?

— Я просто не понимаю, как ты сможешь спать со мной, после того как я убил твоего... убил Костолома.

— Да никак ты думаешь, в этом есть что-то личное! — рассмеялась Хьердис. — Блонди, ты самый распродолбаный лучший боец, какого я в жизни видела.

По ее указанию Вилл полностью разделся. Затем Хьердис повалила его на себя и направила внутрь. Затем она обхватила его ногами, звонко шлепнула по заду и скомандовала:

— Ну, поскакали.

Так началась всенощная скачка. Мельком, в тот самый момент, как впервые кончил, Вилл ощутил, что ясновидящие политической полиции пытаются его нащупать. Но между ним и *les poulettes* лежала половина Вавилона, а тут еще Хьердис направляла его голову вниз, к своей орхидее, и он был слишком занят, чтобы о чем-то еще и думать.

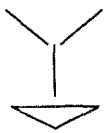
Утром (приходилось верить Хьердис, что это действительно утро) Вилл, прихватив с собою двух скаутов лорда Уиэри, пошел осматривать возможные места для приведения плана в действие. Вернувшись в коробочный город, он стал разбираться в грудах одежды, принесенной ему нифльхеймерами, часть этой одежды была извлечена из старых загашников, а часть —

---

[1] *Король-Рыбак* — второстепенный персонаж артуровского цикла легенд о святом Граале. Ранение в пах сделало его импотентом.

только что для этого случая сперта. Со всем возможным старанием он подобрал себе костюм. Байкерские сапоги. Черные брюки с цепями и заклепками. Цилиндр, обмотанный белым шарфом, конец которого болтался сзади подобно призрачному лисьему хвосту, и украшенный индюшачьими перьями, раздобытыми на мясофасовочной фабрике. Ярко-красная куртка с золотыми пуговицами, опоясанная белым кушаком. А заключительным аккордом — ожерелье из крысиных черепов.

Фосфоресцирующим гримом он намалевал над своими глазами две красные, с наклоном наружу линии, прямую синюю линию вдоль носа и желтый треугольник, превращавший его рот в издевательскую мультяшную улыбку.



При удаче впечатление будет достаточно жуткое, чтобы противники притормозили. А что куда важнее, эльфы увидят светящиеся линии на его лице, цилиндр с перьями и шарфом и ожерелье из черепов, но не увидят *его самого*. Стерев грим и выбросив карнавальные тряпки, он вернет себе полную анонимность. Он сможет ходить по улицам, не опасаясь ареста.

— Только мне нужна еще одна вещь, — сказал он, разобравшись с одеждой. — Мотоцикл.

Два дня спустя от передовых постов Армии Ночи пришло известие, что Сумасброды на подходе. Вилл уже подобрал идеальное место для намеченной конфронтации — огромную, с хороший собор, цистерну, построенную много столетий назад на случай осады, для хранения запасов воды. Водопроводная магистраль новейшей постройки прореза́ла цистерну в верхней ее части, но все остальное осталось примерно в том же виде, как когда ее осушили. Вот сюда и должны были заманить Сумасбродов специально отряженные скауты, а тем временем Вилл раскрашивал лицо фосфоресцирующим гримом и выкатывал мотоцикл на исходную позицию.

— Ты с ними поступил как тот солдат, варивший суп из топора, — прошептало у Вилла в ухе.

— Да, пожалуй. Но если бы я сразу попросил мотоцикл, вряд ли они стали бы его доставать. А после этого циркового номера никто и не подумает обижаться.

— Или ты просто погибнешь.

— Слушай, Шептун, скажи мне одну вещь: почему я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь к тебе обращался?

— Потому что ты единственный, кто слышит меня. — Шепот был мягким, доверительным, с легким привкусом насмешки. — Ты, милый Вилл, и только ты.

— Кто ты такой?

Тишина. Шептун исчез.

Вилл поджидал внизу, укрывшись за опорой. Длительное время не слышалось никаких звуков, кроме погромыхивания далеких поездов. Затем чуть слышно прорезался пьяный эльфийский смех. Мимо места, где он стоял, испуганными тенями пробежали два скаута. Хохот становился все громче и веселее и вдруг загрохотал в полную силу — Сумасброды кучей вывалили из проема, черневшего в самом верху цистерны.

И сразу начали спускаться по длинной кирпичной лестнице, тянувшейся вдоль дальней стены.

Они мерцали в темноте, эти эльфы, мерцали как звезды. У них были большие электрические фонари и алюминиевые бейсбольные биты. Кое-кто из них был в камуфляже. Кое-кто запасся ночными гляделками. Числом их было девять, совсем еще юные, почти что дети. Их вожак допил последние капли пива и выбросил банку, она гулко зазвенела по бетону.

Вилл дождался, когда они спустились с лестницы, перелезли через трубу магистрального водопровода и двинулись по дну цистерны. И только тогда запустил мотоцикл. Это был трехцилиндровый двухтактный «кавасаки» со снятым глушителем, простой в обращении и кошмарно громкий. Вырвавшись из укрытия, Вилл круто свернул налево и дал полный газ. Сводчатый купол многократно усиливал рев двигателя, Вилл мчался на эльфийскую шайку, как банши, которой подпалили заднищу.

Отличное дело снова сесть на мотоцикл! Паку Ягоднику — еще в те времена, когда они с Виллом были лучшими друзьями, — родители купили внедорожный мотоцикл, и они на нем тренировались по очереди, пока оба не освоили все те «фишки», которые казались парням постарше особенно важными.

Вилл вскинул мотоцикл на дыбы и остановил его в каком-то десятке ярдов от ошалевших эльфов. Прибрав обороты, чтобы двигатель не заглушал голос, он крикнул:

— Если тебе знакома честь, я вызываю тебя *холмгангулогом*! Я представляю свой народ как его военачальник и защитник. Пусть выйдет ваш лучший боец, дабы мы с ним могли помериться в подвигах силы и славы.

На лицах эльфов отразилось изумление, а затем по их группке прокатился злой пренебрежительный смешок.

— Так, значит, ты, господин Огородное Пугало, знаком с законами учтивого вызова, — сказал передний. Трусом этот тип явно не был. — Прекрасно. Мое имя Флориан из рода Л'Инконну. — Он насмешливо поклонился. — Как твое имя и какие условия ты предлагаешь?

— Командор Джек Риддл, — сказал Вилл, выбрав *nom de guerre*[1] практически случайно. — Взрывчатка и ближний бой.

Эльфенок помял свою несуществующую бороду, явно забавляясь ситуацией.

— Твое предложение крайне непрактично. — Его рука скользнула за лацкан куртки, — вне всяких сомнений, у него там был пистолет в подмышечной кобуре. — Дело в том, что у меня нет при себе взрывчатки.

— Не повезет, — пожал плечами Вилл, — так и от родной сестры подхватишь.

И тут же негромко произнесенным словом подорвал бомбу, установленную несколькими часами ранее в точке, подобранной так, чтобы добиться максимального эффекта.

Магистральный водопровод, проходивший прямо за спинами Сумасбродов, лопнул, как прогнившая жестяная труба. Мощная волна сбила эльфийских мальчишек с ног и поволокла их по дну цистерны, до нитки промокших, беспомощно барахтавшихся, но — и это была важная часть Виллова плана — вполне живых.

Тем временем Вилл рывком развернул свой байк и дал полный газ. Он мчался впереди водяного вала, свернул направо, чуть не вылетев из седла, и уже через какие-то секунды вырвался из цистерны в узкий служебный туннель, дававший доступ к электрическим кабелям. На него не попала ни единая капля воды.

---

[1] Псевдоним *(фр.)*, *букв.*: «боевое имя».

Он бы с удовольствием посмотрел, как приходят в себя Сумасброды, смытые на дно цистерны, послушал бы их бессильные проклятия, когда они, совершенно смятенные, выныривали из воды, кое-как выбирались на сухие места и, мокрые как мыши, отправлялись в долгий и бесславный обратный путь. Но нельзя же, в конце концов, быть сразу и там, и там.

Но ему еще об этом расскажут. Галерея в верхней части цистерны, построенная когда-то для ее осмотра, была сейчас битком набита молчаливыми зрителями. Солдатами Армии Ночи и потенциальными рекрутами из Нифльхейма, там же, наверное, стояла сейчас и Хьердис. Они все видели и все слышали. Они видели, как он заманил противников в ловушку и обратил их в бегство без малейшего для себя ущерба, они будут купаться в его славе. Они будут взахлеб рассказывать друг другу про его хитроумную доблесть. Он не был уже просто их лучшим бойцом.

Он был их героем.

Тем же вечером йохацу перебрались на несколько миль в глубь туннелей. Они двигались тихо и уверенно, а когда дошли до заранее намеченного места — заброшенного туннеля экспериментальной пневматической линии, которая обанкротилась еще в Век Турбины, — лорд Уиэри послал специалистов подключиться к электрическому кабелю и к водопроводу. Даже на таком расстоянии от взорванной магистрали давление воды сильно упало и продолжало падать. Только они, в отличие от верхних, знали, что нужно заранее наполнить все, какие есть, пластмассовые бутыли.

— Кислый, — сказал Вилл; близстоящий хадкин вытянулся по стойке «смирно». — Возьми пару толковых парней и подберите место для сортира. Только не слишком близко к лагерю, это антисанитарно. — Он поймал на себе взгляд лорда Уиэри и торопливо добавил: — То есть, конечно, если вы, сэр, не против.

Лорд Уиэри лениво махнул рукой, как бы одобряя все сказанное. Затем обнял Вилла за плечи, нарочито показывая доверительный характер беседы, и тихо сказал:

— Ты мне любезней после твоей маленькой сегодняшней эскапады, чем мясо и вино для голодного человека. Держись меня, и я вознесу тебя выше всего, что ты только можешь себе

представить, и моя империя будет покоиться на твоих плечах. Но если ты еще когда-нибудь отдашь в моем присутствии приказ, не посоветовавшись сперва со мной, я велю вспороть тебе живот и приковать тебя к скале, крысам на пропитание. Ты хорошо меня понял?

Вилл судорожно вздохнул:

— Сэр.

— Конечно, я об этом потом пожалею, но дисциплина не знает любимчиков. — Он отпустил Вилла. — И скажи мне, пожалуйста, одну вещь. Чего же конкретно добились мы сегодня? Ну, повысили боевой дух, а еще? Через сутки, максимум через трое эту трубу заменят. Сумасброды живы-живехоньки. Сейчас они небось уже крепко спят на своих пуховых перинах.

— Мы лишили воды целый район, пусть даже и ненадолго. Там, наверху, администрация воспримет это крайне серьезно. Если следствие выявит, что тут замешаны Сумасброды, это, по части политики, поставит их родителей в очень неловкое положение. А если даже и нет, Сумасброды прекрасно знают, что сегодня пронесло почти что чудом. Те из них, кто поумнее, поймут, что это было предупреждение. Что я без труда мог убить их, но просто не стал. Нет, мы их больше не увидим.

— Не они, так появятся другие.

— Вот-вот, пускай появляются, — хищно усмехнулся Вилл.

Но сам-то он понимал, что все это блеф и пустое бахвальство. Здесь, внизу, ничто не было таким простым, как могло показаться. Когда он стоял в засаде, поджидая Сумасбродов, Шептун назвал его Виллом — а ведь он не называл этого имени никому из здешних.

Так откуда же Шептун его узнал?

9
ВЕЛИКАЯ ГОСПОЖА ЛОШАДЕЙ

Вилл привык к темноте. Он изучил ее повадки, научился любить ее недвижность и молчание. Он привык к обычным для туннелей погромыхиванию проезжающих вдали поездов, еле слышному скрипу, звукам падающих капель и маленьких суетливых лап и к более тихим, опасным звукам, которые обычными не были. Он научился часами недвижно сидеть на корточках, его глаза настолько адаптировались к подземному мраку, что, когда появлялся путевой рабочий с фонариком, ему приходилось прищуриваться, чтобы не ослепнуть надолго. Он научился двигаться бесшумно, как призрак, и мог часами преследовать пришельцев из верхнего мира, ничем не выдавая своего присутствия.

Ночами он выбирался наверх, к свалке, а иногда и воровством занимался. Не по какой-то особой необходимости, а чтобы поддерживать контакт со своими солдатами. Было важно, чтобы они знали, что он может выполнять работу любого из них и совсем не считает их ниже себя. В дальних подземных вылазках, когда не было возможности подниматься наверх за пищей, он мог наравне со всеми остальными ловить крыс, а затем поджаривать и есть. Когда выдавалось хоть сколько-нибудь свободного времени, он рассылал разведчиков исследовать туннели и наносить их на карту, так что через какое-то время вышло, что он знает о подземельях Вавилона больше, чем кто-нибудь до него. Он беседовал с каждым странником, забредавшим во владения лорда Уиэри, выделял тех, что поспособнее и склонны к одиночеству, и подключал их к работе им же организованного сообщества посланников, так что впервые за все времена общины йохацу получили хоть какое-то представление о делах друг друга.

Каждый день приходили добровольцы, мечтавшие служить под командой героя, о котором они столько слышали. Большинство из них получало отказ. И все же Армия Ночи росла. Мало-помалу ее территория расширялась. Неисправимые бродяги, копы-садисты, дегенеративные тролли и прочая малоприятная публика быстро научились избегать туннелей, помеченных тремя линиями и треугольником — знаком, что это место находится под защитой командора Джека.

Вилл окончательно убедился в плодотворности своих трудов в тот памятный день, когда подкрался в туннеле к транспортному копу, несильно сжал его плечо и тихо, ласково прошептал ему на ухо: «Меня зовут Джек Риддл. Если хочешь жить, ты положишь револьвер на землю и без звука удалишься» — и этот приказ был мгновенно выполнен.

В тот же самый день один из гонцов принес сверху полицейский плакат о розыске. Там был весьма приблизительно изображен фей с намалеванной на лице улыбкой, в цилиндре и бусах из крысиных черепов, текст же гласил:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ
за террористическую деятельность
демон, леший, домовой или гонт, известный как
ДЖЕК РИДДЛ.

Клички: командор Джек Риддл, командор Джек, счастливчик Джек, Смеющийся Джек.

ОПИСАНИЕ

Дата рождения: неизвестна.	*Цвет волос:* блондин.
Место рождения: неизвестно.	*Цвет глаз:* темные.
Рост: неизвестен.	*Пол:* мужской.
Вес: неизвестен.	*Кожа:* бледная.
Телосложение: худощавый.	*Гражданство:* неизвестно.

Шрамы и особые приметы: таковые неизвестны.

Склонность Риддла к ярким, вызывающим нарядам и эффектным жестам наводит на предположение, что в прошлом он мог быть как-то связан с театром. Судя по его манере держаться, он мог быть связан с аристократией, возможно как слуга.

Джек Риддл разыскивается за его роль в многочисленных террористических актах, совершенных незаконным подземным вооруженным формированием, находящимся под его командованием и осуществившим множество нападений как на агентов Его Отсутствующего Величества, так и на ни в чем не повинных мирных граждан Вавилона.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Джек Риддл обладает диким, необузданным темпераментом, почти наверняка вооружен и считается крайне опасным.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

Правительство Его Отсутствующего Величества обещает за информацию, могущую прямо привести к аресту Джека Риддла, следующее вознаграждение: для любого гражданина категорий от «В» до «Ж» — его вес в золоте, а для всех прочих — научно обоснованный эквивалент того же самого.

— Ну и как тебе это? — широко улыбнулся Вилл. — И подумать только, что два коротких месяца назад я был никем и звали меня никак.

— Ты не больно-то залупайся, — охолодила его Хьердис. — Деньги это серьезные. Есть много типов, готовых сдать тебя и за малую их часть. — Она подобрала с пола лифчик, застегнула его на животе, перетащила на спину, сунула руки в лямки, уложила груди в чашечки и передернула плечами, чтобы все легло на место. — Я бы, может, и сама соблазнилась, если бы не долг перед моим народом.

Завершая процесс одевания, она натянула платье.

— Не нужно так шутить, — почему-то обиделся Вилл.

— Думаешь, я шучу? А ведь с такими деньгами можно было бы выйти на поверхность и зажить там припеваючи.

— Нам не нужно для этого золота. Объединив подземелья, мы сможем подняться наверх и захватить нижний уровень города. А затем мы захватим всю Жуткую Башню, уровень за уровнем, вплоть до Дворца Листьев.

— Ну да, лорд Уиэри планирует именно так. — В голосе Хьердис звучал откровенный скепсис. — Но так ли все будет в действительности? Я плохо понимаю, почему ты сразу, с потрохами купился на призрачные мечты о величии спившегося эльфийского лорда.

— Плохо понимаешь? — Вилл помолчал, собираясь с мыслями. — События и случайности влекли меня по Малой Фейри как листок, унесенный ураганом. Это не должно повториться. Я мечтал отплатить своим угнетателям, а то, что задумал лорд Уиэри, дает мне такую возможность. Так что все очень просто.

Он еще раз пробежал глазами плакат.

— Невинные мирные граждане. Это, часом, не Сумасброды ли? Или наркоторговцы?

В Армии Ночи было немало солдат, торчавших на разной дури, и было бы очень наивно считать, что торговлю этой дурью можно совсем прекратить. Но наркоторговцы, давно поделившие город, считали свои участки своей неотъемлемой собственностью, были прекрасно вооружены, а к тому же и склонны к неоправданному насилию. Несчастных йохацу убивали просто за то, что они в неудачный момент забрели в неудачный тунель. Поэтому наркоторговцев вытеснили наверх. Тех из них, кто без затей продавал рядом с общеизвестными выходами на поверхность пятаковые пакетики эльфийской пыли да самогон в пол-литровых банках, Армия Ночи милостиво терпела. Но тех, чьи товары были зловредными, чьи товары убивали, — ловили и утаскивали вниз, где их судили друзья погибшего.

За занавеской коробки кто-то вежливо кашлянул.

— Сэр, — сказала Дженни Танцышманцы. — Всяческие уважения от лорда Уиэри, и он сказал: слезай с тан-леди и собирай своих рейдеров. Ему нужны лошади.

Звяканье началось где-то неподалеку — ритмичное и неутихающее, словно кто-то лупил по трубе булыжником. Затем откуда-то подальше ему стало вторить другое звяканье. Затем, еще тише, третье.

— Нас обнаружили, — встревожилась Дженни.

— Вот и прекрасно. — Вилл даже не замедлил шага. — Я хотел, чтобы они нас обнаружили. Я хочу, чтоб они знали, что мы идем. Я хочу, чтоб они знали, что им ничего с нами не сделать.

— А что мешает им проскользнуть сквозь стены? — спросил Оборванец. — Хайнты они или не хайнты?

— Они-то ускользнут, а вот лошади не смогут, и мы их всех переловим. А ведь эти парни — они считай что молятся на своих лошадей.

Лорд Уиэри посылал к лошадиному народу посланцев, предлагая им полноправное членство в его растущей империи, полное освобождение от налогов и призыва, гарантированное снабжение пищей и всякие прочие соблазны в обмен на небольшую ежегодную дань лошадьми. Его авансы были гордо отвергнуты, хотя лошадиный народ, беднейший из всех обитате-

лей темноты, не имел вообще ничего — ни орудий труда, ни даже одежды.

— А тогда чего бы им не оседлать своих лошадей и не ускакать куда-нибудь подальше. Лично я на их месте так бы и поступил.

— Это же *старые* хайнты, — сказала Дженни Танцышманцы, она тоже была из хайнтов и очень этим гордилась. Ее волосы были заплетены во множество тонких косичек, увязанных на затылке в лошадиный хвост, на ее поясе рукоятками вперед висели два пистолета. — Их предки покинули Сумеречный Край еще до того, как с небес был спущен огонь. Они не умеют пахать, не умеют сеять, у них нет никакого оружия, все, что они умеют, — это ездить на лошадях.

— Так кой же хрен они так за этих кобыл своих держатся?

— А за что же им еще держаться, если у них больше и нет ничего?

Вилл объявил пятиминутную остановку, чтобы свериться с картой; короткое, невнятно пробормотанное слово, и все ее линии загорелись зеленоватым огнем. Вокруг него собрались и остальные рейдеры. Группа подобралась хорошая — кроме двух своих помощников, он взял Радегунду де ла Кокейн[1], Кокудзу, Голодальца и Малютку Томми, он же Красная Шапочка.

— Мы на нижнем из транспортных уровней, хотя есть и туннели, уходящие глубже, одни из них естественные, другие нет. — Он провел их вперед еще на полсотни ярдов, и в стенке туннеля открылся черный проем; из проема дуло прохладным воздухом. — Когда-то это был акведук, но его давным-давно забросили. Похоже на работу карликов.

— Этот акведук куда старше карликов, — презрительно скривилась Дженни. — Уж моему ли народу не помнить. Мы сами его и построили, своими руками. А с нами потом даже не расплатились.

— Дженни, — сказал Оборванец, — поговори о чем-нибудь другом.

Приближался поезд, и они торопливо повернулись к нему спиной. Когда поезд проехал и глаза их опять приспособились к темноте, они вошли в акведук. Минут через десять Вилл снова обратился к карте.

---

[1] De la Cockaigne *(фр.)* — из Кокейна. Кокейн — сказочная страна дураков, страна изобилия и безделья, где на деревьях растут пироги.

— Если все идет строго по плану, наши отряды стоят на позициях *здесь* и *здесь*, — объяснил он товарищам. — Это оставляет им единственный путь отхода: прямо через нас. Они погонят впереди табун в надежде, что он нас затопчет.

— Пускай попробуют, — язвительно хмыкнул Малютка Томми, — и я повыдергиваю ихним кобылам ноги.

— Все вы были отобраны, — напомнил Вилл, — за ваше умение ездить верхом. Теперь разойдитесь пошире, и посмотрим, как вы умеете лазать.

Они быстро залезли на стены. Это было новое для Вилла дело, но он быстро его освоил. Наверху, чуть пониже сводчатого потолка, имелись узкие полки, на которых рейдеры и расположились, одни со одной стороны, другие с другой. Все, кроме Дженни и Голодальца, которые, как опытные скалолазы, забрались на потолок и вбили там крючья, чтобы в ожидании висеть над проходом, как летучие мыши.

После долгой немой паузы Кокудза пробурчал:

— Чего-то я не понимаю. Лошади. Пещеры. Назовите меня идиотом, но здесь какое-то противоречие.

— Предки этих лошадей были дикими, — начал объяснение Вилл. — Давным-давно, еще до того, как Нимрод заложил основание Вавилона, они паслись на зеленых склонах Арарата. Лорд Уиэри дал мне как-то прочитать статью, где про все это говорилось. Специалисты предполагают, что какое-то количество лошадей могло забрести в естественные пещеры, чтобы щипать там мхи и лишайники. Если так, то это произошло десятки тысячелетий назад. А затем что-то случилось, например землетрясение, и небольшая популяция этих лошадей осталась запертой в пещерах. Они адаптировались к темноте. Нельзя сказать, чтоб они так уж плодились и процветали, — за все про все их не более сотни. Но все же они выжили и дожили до наших дней. Бледные, как тени, короткошерстые и очень нервические. Ловить их будет ой как нелегко.

— Сам понимаешь, что бы посоветовал я. — Оборванец похлопал свой патронташ.

Теперь, когда построение империи было уже на мази, у них хватало денег, получаемых в виде дани от транспортных рабочих, а иногда и попросту экспроприируемых, на покупку материалов, прежде в подземелье недоступных. Вилл первым начал постоянно держать при себе магниевые фальшфейеры и темные

очки, как у сварщиков, а Оборванец, бывший не только его заместителем, но и, как все знали, закоренелым подхалимом, тут же последовал его примеру. Что лишний раз показывает, как быстро и как высоко вознеслась звезда Вилла.

— С этими лошадями так не получится, — покачал головой Вилл.

— Почему это?

— Они слепые, — сказал Вилл. — А теперь — стихни.

Через какое-то время звяканье прекратилось, что означало, что скоро появятся лошади. Еще какое-то время спустя Вилл почти уверенно решил, что слышит что-то похожее на шум далекого дождя. Это был не столько даже звук, сколько желание его услышать. И все же он был. Возможно.

— Не бери переднего коня, — посоветовал призрачный голос.

— Почему не брать? — спросил Вилл так же беззвучно. — Ведь, конечно же, вожак самый быстрый, а потому самый ценный.

— Ничего подобного. Быстрый — это наверное, но при этом зеленый, неопытный. Лошади поумнее держатся позади, позволяя молодым жеребцам, их героям, брать на себя и лидерство, и все связанные с ним риски. Они легко заменимы. Если хочешь добыть Царь-кобылицу, она держится где-то в середине табуна. Она и самая быстрая, и самая умная, не оскальзывается на влажных поверхностях, осторожна на сухих и всегда настороже, даже тогда, когда опасности вроде и нет.

В глубине туннеля расцвело едва заметное сияние, так светится изнутри океан в глухую безлунную ночь. И еще еле слышный звук, словно где-то вдали дышали полной грудью десятки животных.

— Идут, — прошептал Оборванец.

И наконец появились бледные, как морская пена, лошади. Среди них, ничуть от них не отставая, носились едва различимые тени. Это был лошадиный народ, старые хайнты, голые, в чем мать родила. Они ощущались даже на расстоянии, потому что вместе с ними волною катился страх. Они не умели растить урожай, не умели строить и разводить огонь, однако с ними все еще пребывали древние силы, они умели порождать ужас и использовать его как оружие. Этим ужасом они пасли своих

лошадей. С помощью этого ужаса они сражались, бросая на врагов мощные тела животных.

— О беби, — простонала Дженни Танцышманцы. — Я непременно раздобуду молодого жеребца. Я обовью его ногами и никогда уже больше не отпущу. Я сожму его так крепко, что он встанет на дыбы и заорет дурным голосом.

— Вот тебя послушаю, Джен, и мой сразу встает, — сказал Кокудза.

Все негромко рассмеялись.

И тут же налетел табун.

Стук копыт, почти неслышный секунду назад, возрос до оглушительного грохота, акведук захлестнула живая волна. Один за другим рейдеры прыгали сверху на лошадей, как перезревшие плоды, падающие с деревьев.

— Подожди, — сказал Шептун. — Подожди... подожди... еще рано...

А потом, когда Вилл уже не мог больше ждать, он заметил в середине табуна ту самую Царь-кобылицу, бежавшую так же быстро, как и все остальные, но без малейшего напряжения, с явным избытком сил в запасе.

— *Пора!*

Вилл прыгнул.

После краткого невероятного полета он упал на спину лошади, почти наугад обхватил ее шею и отчаянно задергал ногами, стараясь удержать равновесие.

Царь-кобылица взвилась на дыбы, взбивая копытами воздух. Ноги Вилла повисли в пустоте, он был почти сброшен, однако упрямо держался за шею лошади, а когда ее передние копыта вернулись на землю, сумел кое-как пристроить ноги слева и справа от крупа.

И тогда она побежала.

Раз за разом она ударялась то тем, то другим боком о лошадей, бежавших рядом, и каждый раз одна из Вилловых ног ненадолго, но болезненно сдавливалась между мощными телами животных. Но этого все же не совсем хватало, чтобы ноги онемели, а Вилл, сжав зубы, твердо решил, что не сдастся перед какой-то там ерундовой болью.

А потом Царь-кобылица вырвалась из табуна и помчалась, все больше его опережая.

Почти лежа на ее спине, с единственной мыслью в голове, как бы не свалиться, Вилл начал нараспев читать известное ему заклинание:

Шея твоя высока и пряма,
Разумна твоя голова,
Живот твой подтянут, спина поката,
Твоя гордая грудь мускулиста...

Лошадь резко завернула голову назад и попыталась его укусить, но Вилл ей этого не позволил, обеими руками ухватившись за гриву поближе к затылку. А затем заклинание начало действовать, и она уже больше не пыталась его сбросить, а лишь продолжала в паническом ужасе мчаться во весь опор.

В полном теперь одиночестве — ведь табун далеко отстал — они мчались и мчались по боги уж знают каким туннелям. Несмотря на свою слепоту, Царь-кобылица каждое мгновение знала, где находятся стены, и, что было похоже на чудо, ни разу их не коснулась. И не споткнулась тоже ни разу. Какие бы чувства ни заменяли ей зрение, их острота была очевидна. Лишь теперь Вилл окончательно понял, почему лорд Уиэри так стремился получить этих лошадей.

Ведь мотоцикл в туннелях практически бесполезен, на нем нельзя ездить по шпалам и уж никак не перепрыгнешь провал в полу. А эти животные промчатся где угодно, и со скоростью во много раз большей, чем скорость пешехода.

Радость царя, опора воителя,
Яро-копытое сокровище богача,
Неуемный восторг для неугомонного...

Заклинание длинное, в сотни строк, и пропусти из них Вилл хотя бы одну, оно не подействует. Трудно было учить эти строчки, но теперь, приближаясь к последним, Вилл вдруг ощутил мысли Царь-кобылицы, струившиеся серебряным ручейком где-то рядом, почти сливаясь с его собственными мыслями. Он и она были теперь заодно, двигались заодно, думали заодно, на толщину волоска от полного слияния двоих воедино.

Скачка кажется легкой ленивому домоседу,
Но она — дело мужества и отваги для того,
Кто без устали странствует
Верхом на могучем коне.

Ее дыхание участилось, стало напряженным. Лошади не могут скакать во весь опор слишком уж долго, хотя городские жители и думают, что это может продолжаться часами. Царь-кобылица выдохлась — у Вилла покалывало в груди отзвуком ее боли, — и если не сделать передышку, ее могучее сердце попросту не выдержит, разорвется.

Это был опасный, ответственный момент. Виллу предстояло убедить ее, что признать его полноправным всадником все же предпочтительнее смерти. Все еще цепляясь за гриву, прижавшись щекой к лошадиной шее, он закрыл глаза и вошел в ее мысли. В мире Царь-кобылицы отсутствовал свет и отсутствовал цвет, но в целом ее сенсорное пространство оказалось шире и разнообразнее его собственного, потому что она обладала добрым десятком других, пусть и зачаточных чувств. Подключившись к ее сознанию, он ощущал прохладу, исходящую от стен, сухость или влажность грунта под ними и перед ними. На самом пределе восприятия еле заметной щекоткой мелькали электрические заряды, дремавшие в проводах и многочисленных стальных решетчатых мостках. Звуки, проходящие сквозь воздух, замедлялись и ускорялись его меняющейся плотностью. Запахи приносили с собой точное расположение своих источников. И все это — запахи, звуки и прочие ощущения — сплеталось вместе в полную картину окружающего.

И Виллу вдруг вспомнились поля за околицей его деревни, густой зеленый запах травы и как золотит предзакатное солнце верхушки тяжелых колосьев. Он вспомнил холодную, хрустально-прозрачную воду ручья, бегущего по зеленой лощине, и как взрывается она под копытами одолженного у соседа коня. Вспомнил пестрое порхание бабочек на нежданно открывшейся поляне и сад с древними скрюченными яблонями, среди которых над гниющими паданцами гудят и танцуют тяжелые шмели. И все эти впечатления навсегда останутся закрытыми для Царь-кобылицы, хотя стремление к ним у нее в крови, записано в ее генах.

Он уже допел последние слова заклинания, но продолжал бормотать Царь-кобылице на ухо.

— О благородная леди, — ворковал ей Вилл. — Ты и я, о мать всех коней, мы были предназначены друг для друга. Поделись со мною своей крепкой спиной, дай мне ездить на тебе

верхом, и я буду тебе показывать картины вроде этой каждый раз, когда мы будем вместе.

Эти слова ее всколыхнули, он это чувствовал. Он чувствовал, как слабеет ее решимость.

— Я буду с тобой бережлив и заботлив, я это твердо тебе обещаю. Овес каждый день, и никакого седла, никакого. Я буду скрести твое тело, расчесывать гриву и заплетать твой хвост. Я не стану нигде тебя запирать. Ты всегда будешь пить только чистую воду и спать на свежей соломе.

Теперь он поглаживал шею лошади левой ладонью. Она все еще оставалась пугливой, но Вилл ощущал, как в ней нарастает теплое чувство.

— И самое главное, — прошептал он, — кроме меня, никто на тебе ездить не будет, никто и никогда.

Мягко, осторожно он потрогал удовольствие, с каким она это услышала. Радостно, уверенно он показал ей, как ему приятно, что она так к нему относится. Личность перетекала в личность, так что вскоре всякая грань между ним и ею, между феем и лошадью, окончательно растворилась.

Теперь они были одно.

Вилл почувствовал, что по лицу его катятся слезы. От радости, конечно же, потому что чувства, его переполнявшие, чувства, рвавшие ему грудь, были чем угодно, но только не горем.

— Как тебя зовут, дорогая? — прошептал он, даже не пытаясь унять слезы. — Как же мне звать тебя, милая?

Но у лошадей нет имен, ни тайных, ни бытовых, для общения. В их мире вообще нет слов. Они не знают лжи, не знают фальши, потому что все просто *такое*, какое оно и есть. А потому задача именования ложилась на Вилла.

— Ты будешь для меня Эпона[1], — решил он. — Великая Госпожа Лошадей.

Впервые за долгое, мучительно долгое время он был абсолютно счастлив.

Теперь нужно было вернуться на последнюю стоянку Армии Ночи, но с этим Вилл не торопился. С такой скакуньей, как Эпона, быстрейшей из своего племени, он никак не рисковал вернуться последним.

---

[1] *Эпона* — одна из главных богинь континентальных кельтов, бывшая наряду со многими прочими функциями небесной покровительницей лошадей.

— Отвези меня туда, где мне нужно быть, — прошептал он ей на ухо. — Только не торопись.

И отпустил голову Царь-кобылицы.

Они пробирались сквозь мрак окружными, но удобными путями. Время от времени при их приближении загоралась одинокая электрическая лампочка или цепочка флуоресцентных трубок, загоралась, проплывала мимо и исчезала позади. Они ехали вниз и снова ехали вверх. Однажды Эпона изящно, на зависть любой аристократке, поднялась по широкой мраморной лестнице, над которой висели хрустальные люстры, похожие в темноте на призраки огромных медуз. Они проехали длинным коридором со стенками из дикого камня и потолком настолько низким, что Эпоне приходилось наклонять голову. В паре мест потолок прошелся, словно теркой, по спине Вилла, хотя тот и прижимался к спине лошади. Он уже начал опасаться, не заблудились ли они, когда Эпона встряхнула головой и вошла в огромную пустынную пещеру.

Нет, не совсем пустынную. Потолок пещеры даже не просматривался, зато посреди нее что-то смутно светилось.

Это был корабль.

Корабль, почти не покосившийся, ушел по ватерлинию в многовековую грязь, успевшую за века и высохнуть, и окаменеть. Корабль был очень древний, парусник, его сломанные мачты валялись рядом с ним на земле. Корпус корабля порос белым светящимся лишайником и мерцал во тьме, как большая гнилушка. Корабль был похож на галеоны и караки, какими они выглядят на гравюрах, и явно пролежал здесь очень долго. Как вышло, что он нашел свой конец глубоко под Вавилоном, в этом пузырьке вулканической породы, было полнейшей загадкой. Тут, конечно же, присутствовали страшные проклятия, огромное прегрешение, мощные заклинания и жуткое воздаяние. Тут, конечно же, умерли многие, умерли в ужасе и отчаянии... Но все это осталось в прошлом, все участники страшных событий уже много веков как умерли и ушли к Черному Камню.

Эпона остановилась у кормы корабля и начала ощипывать с его руля лишайник.

Вилл соскользнул на землю.

— Почему мы здесь? — спросил он. — Я хотел, чтобы ты меня доставила совсем в другое место.

Лошадь нервно вскинула голову. Слов Вилла она не понимала, зато уловила осуждение, звучавшее в его голосе, и с негодованием его отвергла. Ощутив направление ее мыслей, Вилл припомнил свою команду и запоздало понял, что тогда не представил себе зрительно никакого конкретного места, а просто велел лошади отвезти его туда, где ему нужно быть.

— Так что же, старушка, это здесь мне нужно быть?

Эпона хрустела лишайником.

— Ну что ж, если мне нужно быть здесь...

В поисках способа попасть на корабль Вилл прошел сперва в одну сторону, потом в другую. В конечном итоге он подобрал обломок одной из мачт, приставил его под не достававшие до земли сходни и полез наверх.

На палубе лишайник не рос, зато иллюминатор полубака горел изнутри уютным оранжевым светом. Крайне осторожно, ведь палуба сплошь прогнила и грозила под ним провалиться, Вилл прошел на нос. Его обуревали тяжелые предчувствия; чтобы хоть как-то успокоиться, он несколько раз глубоко вздохнул и только потом постучал в дверь.

— Она не закрыта, — сказал Шептун. — Входи.

И Вилл вошел.

При свете подвешенной к потолку керосиновой лампы он увидел в дальнем конце каюты молодого, судя по стройной фигуре, мужчину, сидевшего за столом и что-то читавшего. Когда Вилл вошел, этот мужчина, совсем еще мальчик, отложил книгу, встал и вышел на свет.

— Привет, Вилл, — сказал он. — Хоть теперь-то ты меня узнаешь?

— Ты! — отпрянул в ужасе Вилл.

Перед ним стоял Пак Ягодник.

— Вижу, что узнаешь. Ну тогда садись. — Мальчик кивнул в сторону кресла. — Нам нужно поговорить.

Вилл шагнул к креслу и сел.

— Ты мне друг или враг? — спросил он; его правая рука то судорожно сжималась в кулак, то разжималась.

Шептун насмешливо наклонил голову вбок и закатил глаза, словно копаясь в воспоминаниях.

— Нет, — сказал он в конце концов, — не могу ответить, хоть плачь. Я умер так давно, что даже уже не уверен, существует ли такое различие хотя бы для вас, живых.

— Почему ты здесь?

— У меня есть нужная для тебя информация. — Пак подошел к сидящему Виллу вплотную, наклонился и положил руки ему на шею. От его дыхания веяло теплом. — Но я хочу кое-что взамен.

НЕТ, торопливо написала Виллова рука на его бедре. НЕТ, НЕ СОГЛАШАЙСЯ, а потом еще: БЕГИ!

В полном смятении Вилл вскочил на ноги и оттолкнул Шептуна прочь. Мальчик с грохотом врезался в переборку, но только улыбнулся и спросил:

— А кто это пишет твоей рукой? Тебе не кажется, что нужно бы это знать?

— Ты думаешь, я не знаю? Да знаю я, знаю, дракон это, вот кто! — крикнул Вилл, хотя еще секунду назад боялся признаться в этом даже себе самому. — Вечер за вечером он заползал в мой мозг и, получив, что хотел, удалялся. Но что-то от него во мне оседало — какой-то отзвук, отпечаток. И оно все еще во мне!

С единственной мыслью, что надо бежать, он бросился к двери, но тут почему-то оказалось, что Шептун снова стоит перед ним. Они сцепились, и, хотя Вилл был и выше, и тяжелее, призрачный мальчишка ничуть не уступал ему в силе. Крепко обхватив руками Вилла, он прошептал:

— Ведь дракон в тебе все крепнет, правда?

— Правда.

Щека Шептуна, чуть касавшаяся щеки Вилла, была гладкая и прохладная.

— Да ты вспомни, Вилл, — воскликнул он, — разве бывали когда-нибудь лучшие друзья, чем мы с тобой?! И какие дары я тебе принес! Лошадь, ужас и самопознание. Так отплати мне, ответив на один-единственный простенький вопрос: кто я такой?

— Когда мы оба были детьми, — начал Вилл, осторожно подбирая слова, — ты носил повседневное имя Пак Ягодник. Позднее, восстав из мертвых, ты назвал себя Без-имени. Твое тайное имя первоначально было Чёртирьон, но ожил ты с каким-то другим, которого я не знаю. А теперь же ты мне известен только как Шептун.

— Но это же только имена, — презрительно бросил Шептун; он сжал Вилла еще сильнее, так что тому стало трудно

дышать. — Я пришел из мрака, зная все, что только можно, о тебе — и ровно ничего о себе самом. Почему один только ты можешь видеть меня и слышать? Почему я хожу за тобой по пятам? Скажи мне.

— Ты был моим лучшим другом. Когда в нашу деревню пришла война, ты погиб при несчастном случае, а потом силами целительниц был возвращен из мертвых. Нога твоя была безвозвратно утрачена, и по этой, наверное, причине ты объявил себя моей Немезидой, хотя, клянусь чем угодно, я тут был ни при чем. Но я был тогда помощником дракона, а ты возглавил зеленорубашечников, хотевших его свергнуть. Тогда он вошел в меня, и мы с ним вместе тебя распяли.

— Да это же все, чем я был когда-то! — страдальчески крикнул Шептун. — Мне нужно, необходимо знать, кто я такой сейчас! И у тебя же есть ключ — я вижу внутри тебя это знание, но не могу его прочитать. Так скажи же мне!

— Ты моя память, — прошептал Вилл. — Ты моя вина.

— А-ах, — вздохнул Шептун.

Ослабив свою хватку, он тяжело осел на пол. Но когда Вилл попытался его подхватить, его руки сошлись на пустоте.

Несмотря на сделанный им по дороге крюк, Вилл вернулся в лагерь первым. Ему потребовалось только представить его в уме и дать Царь-кобылице полную свободу, а самый быстрый и безопасный путь она уж выбрала сама. В конечном итоге они вывалились из путаницы туннелей прямо под Баттери-парком, то есть прямо на нужном месте.

Второй появилась Радегонда де ла Кокейн. Она, как и Вилл, была родом из спорных провинций Запада, однако, в отличие от него, несла в своих жилах малую толику голубой крови и росла в соответствующей обстановке. Она училась верховой езде с инструктором, а не урывками, на случайных лошадях и в результате владела этим искусством значительно лучше его. Так что он ничуть не удивился, увидев, что она сумела и поймать весьма ретивого жеребца, и близко с ним подружиться. Дальше появились Кокудза и Дженни Танцышманцы, и он, и она верхом, а после них Голодалец и Малютка Томми пешим ходом, последним приплелся, припадая на левую ногу, Оборванец, с видом весьма смущенным. За все про все они добыли четырех лошадей, не потеряв при этом ни одной жизни.

Лорд Уиэри вылез из Хьердисовой коробки, на ходу застегивая брючный ремень.

Вилл вытянулся по стойке «смирно» и доложил о проведенной операции.

— Жертвы? — спросил лорд Уиэри, а затем, когда Вилл покачал головой, сказал: — Ну, пошли посмотрим лошадей.

Вилл реквизировал обширное помещение, где, как говорят, когда-то держали свою живую контрабанду подпольные поставщики левой рабочей силы, а затем послал пяток солдат наверх, чтобы где-нибудь подобрали, украли или уж в крайнем случае купили соломы на подстилку.

— Отлично, — пробормотал лорд Уиэри, потрогав обитую железом дверь, которую Вилл еще не успел приказать снять. — Только не забудьте приделать засов.

Затем он увидел лошадей, и произошло редчайшее — его бледное лицо расцвело улыбкой.

— Они великолепны, они просто великолепны! — восхитился он. — Я рассчитывал на пять, но был готов удовлетвориться и тремя. *Felicitas in media est*[1], так ведь? Это знак судьбы.

Когда эти лошади находились вместе, было совершенно очевидно, что они принадлежат к одной и той же генетической линии. Узкие головы, сквозь бледную кожу явственно просвечивают толстые голубые вены. Под от рождения приросшими, никогда не открывавшимися веками пучатся огромные, как теннисный мячик, глаза. В темноте все эти лошади еле заметно светились. Но точно так же было ясно и другое: одна из них царица, а остальные — ее подданные.

Лорд Уиэри подошел прямо к Эпоне и внимательно осмотрел ее зубы.

— Эта самая лучшая, — заключил он в конце концов. — Я возьму ее себе.

Вилл вздрогнул, но промолчал.

— Надо сразу же все подготовить. Снимите с нее мерки для седла и узды.

— Сэр! — Адъютант лорда Уиэри, хайнт по имени Трепло, щелкнул каблуками и отдал честь.

— То же касается и остальных. Этих дикарок нужно будет усмирить и объездить. Только старайтесь не применять силу больше необходимого. Ведь они мои дражайшие чада, и я не

---

[1] Счастье в среднем *(лат.)*.

хочу, чтобы их обезобразили. — И вдруг он повернулся к Виллу. — Командор Ридлл, похоже, что я чем-то тебя обидел.

— Как может повелитель обидеть вассала? — Вилл изо всех сил старался не показывать своих чувств. — Это так же невообразимо, как то, что я обижу свою руку или что я поступаю против желаний своей левой ноги. Могут ли печень и кишки что-то иметь против мудрого руководства головы, своего царя? Этого просто не представить.

Будущая конюшня кишела солдатами, кто-то из них был занят делом, но по большей части они просто пришли поглазеть на лошадей. Вилл заметил, что здесь же находятся и все участники сегодняшнего рейда. И все они притворялись, что не слушают этот разговор.

— Какая ловкость языка, чудовищная ловкость! — Лорд Уиэри уставил на Вилла суровый осуждающий взгляд. — Откуда же тогда все эти вздрагивания, и вздохи, и непроизвольные тики, и потряхивание головой, и сморщенное лицо, и плотно сжатые губы, и порывы что-то возразить, виденные мною сейчас и говорящие громче, чем любые слова? Ты явно недоволен. Мной.

— Если так было, сэр, то я смиренно прошу прощения.

— Смиренно, говоришь? Ты противишься мне откровеннейшим образом, а потом говоришь о каком-то смирении? Я такого терпеть не буду. Соври мне еще раз — и пеняй потом на себя.

— Но...

— На колени! — приказал лорд Уиэри; Вилл опустился на правое колено. — На оба колена!

Лорд Уиэри был сеньором Вилла, а потому коленопреклонение перед ним не было чем-то исключительным. Но Вилл был одним из его офицеров и всегда вставал на одно колено. Почва была здесь, как правило, мокрая и грязная, так что стоять на ней обоими коленями было крайне неприятно, да и брюки потом долго сохли. Была лишь одна причина заставить Вилла опуститься на оба колена: посильнее его унизить.

— А теперь, — сказал лорд Уиэри, — так как я твой сеньор и ты обязан мне повиновением, говори. Скажи мне, что я такого сделал?

— Лорд, эти слова не из тех, какие я сказал бы с охотой. Но ты приказал, и я обязан повиноваться. — Просто и без упрека

Вилл объяснил, какие обещания дал он Эпоне, и заключил таким образом: — Здесь затронута моя честь, но только моя, а никак не твоя. Однако я все же прошу тебя обдумать все это серьезно.

Лорд Уиэри выслушал его, не перебивая. А затем приказал:

— Схватите его.

Что и было исполнено. Слева его держал малознакомый новобранец, однако справа была Дженни Танцышманцы. Она не смотрела ему в глаза.

— Разденьте командора до пояса, — приказал лорд Уиэри, — и дайте ему пять плетей. За дерзость.

10

ВОЙНА ЛОРДА УИЭРИ

Вилл лежал на животе, закрыв глаза и отстраненно удивляясь, до чего же ему больно. После расправы он уединился в своем по-солдатски скудном гнезде, построенном из прессованного картона, бельевых веревок и благотворительных одеял и прилепившемся сбоку к переходному мостку, по которому мало кто ходил и который качался и дребезжал каждый раз, когда внизу проезжал поезд. А теперь он дрожал под чьими-то ногами, звонко клацавшими по железным ступенькам лестницы.

— Мы принесли тебе воду. — На грудь Виллу шлепнулась двухлитровая бутылка из-под пепси, невесть где наполненная невесть какой водой; Оборванец сел у входа на пол и подобрал под себя длиннющие свои ноги, Дженни села рядом с ним. — Раньше я не мог, потому что Уиэри поставил меня сторожить его лошадей, да к тому же на две вахты подряд. К концу второй меня ноги уже не держали, я дополз до своей коробки и тут же отключился.

Страдальчески постанывая, Вилл сел, приложился к горлышку бутылки и стал ждать, с чем они, собственно, пришли.

Первую прорвало Дженни.

— Он не имел права так с тобой поступать! — выпалила она.

— Очень даже имел. Однако он был не прав, что воспользовался этим своим правом в данном конкретном случае.

Дженни негодующе фыркнула и стала рассматривать картонную стенку. Оборванец зашевелил губами, словно беззвучно обсуждая возможные выводы из этого утверждения. Затем он взглянул на Вилла и негромко, буднично сказал:

— Будет война.

— Чего?!

— Лорд Уиэри закрыл подземелья для всех, кроме йохацу. Не только для полиции, но и для всех остальных — транспортников, дорожных рабочих, водопроводчиков, газовщиков и электриков. А тех, говорит он, кто сам не уйдет, отметелят и выкинут силой. Есть даже приказ надежно их метить, чтобы, если вернутся, мы сразу их убивали.

— Бред какой-то. Мы же с ремонтниками всегда прекрасно ладили, и они свободно ходили, куда им только было нужно. Даже копов и тех мы не убивали. Конечно, мы давали знать, чья тут власть, чья тут сила, но, в общем-то, их не трогали. На этом стояла вся наша политика.

— Стояла, а теперь вот не стоит, — сказала Дженни. — Лорд Уиэри говорит, если мы захватим контроль над инфраструктурой, у верхних не будет иного выбора, как начать мирные переговоры.

— У них не будет иного выбора, кроме как уничтожить нас. — Вилл прикрыл на секунду глаза, и его тут же стало подташнивать, а голова закружилась. Он торопливо открыл их, но головокружение не прошло. — Он что там, совсем уже спятил?

— Вполне возможно. — Оборванец подался вперед и понизил голос. — Многие из нас именно так и думают. А если он сумасшедший, ну какой такой верностью мы ему обязаны? Ровно никакой! И возможно, это самый подходящий момент. Многие из нас думают, что пришло время сменить режим.

— Сменить режим?

— Государственный переворот. Подумай, а? Ты близок к лорду, ну, достаточно близок, он тебе доверяет. Сунь ему ножик под ребра, и дело с концом.

— *Выглядит* очень просто, — осторожно заметил Вилл. Особенно, хотелось ему сказать, для того, кто сам ничего такого делать не собирается, а только других подначивает. — Только я сомневаюсь, насколько это практично. Отчебучь я такое, армия лорда Уиэри разорвет меня в клочья.

— У нас есть поддержка среди офицеров. Мы со многими уже поговорили, правда ведь, Дженни?

Дженни молча кивнула.

— Они готовы призвать тебя на правление. Это твой, Вилл, момент. Ты созовешь Армию Ночи на сходку, толкнешь речугу — говоришь ты здорово, будут слушать как завороженные, — и лорд Уиэри уйдет в туманное прошлое.

Вилл скептически покачал головой. Он собирался объяснить, что идея Оборванца не сработает по той уже причине, что лорд Уиэри только что начал войну и популярность его взлетела до космических высот. Но внизу как раз загромыхал поезд, и говорить стало невозможно. А к тому времени, как мостки перестали дрожать и выхлопные газы тепловоза начали рассеиваться, оказалось, что он снова лежит с закрытыми глазами и рот его не может выговорить ни слова.

В голове проплыла какая-то случайная мысль, и он последовал за ней в царство снов.

И снились ему командиры татей, собравшиеся вокруг стола и глядевшие на карту подземелий, далеко не такую подробную и точную, как его собственная, но все же, как он видел, достаточно надежную в том, что касалось важнейших и новейших ее деталей. Один из них указал на место, где туннель мелкого заложения выходил на поверхность и превращался в троллейбусную линию.

— Мы проникаем здесь, — его рука скользнула по карте, — и еще на станциях «Боулинг-грин», «Тартар», «Третья стрит». Все промежуточные станции следует закрыть, чтобы этот сброд, набранный лордом Уиэри, не вырвался на поверхность.

— Но у этих крыс останутся тысячи запасных нор, по большей части нам неизвестных.

— Пускай себе прорываются и бегут куда хотят, главное — это разбить их армию и разобраться с ее вожаками.

Они склонились над картой — гранитные лица, огромные, как соборы, усы никак не меньше телег.

— А что с Джеком Риддлом? Вид у него какой-то нездоровый.

Распластанный их каменными взглядами, зажатый между линиями картографической туши, Вилл беспомощно наблюдал, как из тьмы наползает рука, наползает, становясь все больше и больше, закрывает все поле зрения, но и потом продолжает раздуваться, пока от нее не остался один лишь огромный палец. Палец этот лучился языками голубого пламени, так что воздух вокруг него дрожал и трещал, как вымпелы на ветру.

— Этот клоп? — презрительно спросил хозяин пальца; он склонился ниже, и Вилл увидел, что это Пылающий Улан.

Палец коснулся карты, и Вилл почувствовал, что тонет во всесжигающем пламени.

Вилл испуганно распахнул глаза. Оборванец и Дженни уже ушли, а рядом с ним стояла на коленях Хьердис; знакомые, уверенные руки втирали в надувшиеся рубцы какую-то мазь. Там, где она его касалась, вспыхивала огненная боль, сразу же затухавшая и превращавшаяся в легкий холодок, когда ее руки переходили к другому месту. В ноздри заползал странный запах, цветочный и вроде как медицинский.

— Ты очень добра ко мне, — пробормотал Вилл.

— Ничего личного, — пожала плечами Хьердис.

— Почему ты непременно это подчеркиваешь?

— Потому что это правда. В наших отношениях нет ничего такого особенного. Ты наш герой, и поэтому я имею на тебя телесные права, как имела прежде на Костолома и как даже сейчас имею на лорда Уиэри. Ты, в свою очередь, получаешь дань от каждого сообщества, тобою покоренного, верно ведь? Гирлянда орхидей, добровольно предложенная, с благодарностью принятая. Так что все вполне нормально.

Вилл замолчал и продолжал молчать, пока Хьердис не кончила натирать его мазью. Затем он сказал:

— Я слышал, будет война.

— Да, я знаю. Лорд Уиэри пришел за винтовками, которые я для него хранила, и на этот раз никакой самонадеянный юнец не предложил ему ничего другого. Так что будет война, если это так называется.

— А как же еще называть?

— Полным идиотизмом. Только я всего этого не увижу. Йохацу уходят. Туннели пустеют, потому что сообщество, в них проживавшее, перебегает в верхний мир. Я уже отослала всех своих, кому достало здравого смысла трезво оценить обстановку, а теперь обхожу одного за другим всех остальных, упрямых, малоумных или попросту старых. Побеседовав с последним из них, я уйду и сама.

— Ну и куда же вы пойдете?

— Наверху тоже есть где приткнуться. Кто-то спит на лестничных площадках, другие прямо на улицах. Пойдем с нами.

— Ты хочешь сбежать по той лишь причине, что появилась опасность? — удивился Вилл. — Как же так, ведь твой народ здесь прижился?

— Я никогда не относилась к лордовским фантазиям серьезно. А мой народ — не воители, а слабые и надломленные,

сбежавшие вниз в поисках хоть какого-то подобия безопасности, — возразила Хьердис. — Как их тан, я не могу забывать об этом.

— Оборванец хочет, чтобы я возглавил мятеж против лорда Уиэри. — Сказанное вслух, это звучало совершенно ирреально. — Он предлагает мне убить Уиэри, пламенной речью завоевать сердца общественности, а затем возглавить Армию Ночи и повести ее вверх, на борьбу с угнетателями.

— Да, очень похоже на Оборванца, именно так его голова и работает.

— Возможно, мне стоило бы чуть подумать над этим планом, нет ли в нем хоть какой-нибудь толики смысла.

— Ты перегрелся, — сказала Хьердис и встала. — Я оставлю здесь мазь, натирайся, когда будет болеть. Не надевай рубашку, пока рубцы не заживут. Избегай алкоголя. Смойся, пока не началась война лорда Уиэри.

— Я не могу бросить своих солдат. Мы с ними сражались плечом к плечу, я...

— Все, — оборвала его Хьердис. — Больше мне здесь делать нечего, так что — прощай.

Она начала спускаться по лестнице, и, прежде чем стук ее подошв по железным ступенькам заглох, Вилл уже спал.

А когда проснулся, рядом сидел с сигаретой в зубах лорд Уиэри, его тонкое бледное лицо выглядело до странности отстраненным. С кружащейся, словно с похмелья, головой Вилл сел.

— Ты можешь меня убить, — сказал лорд Уиэри. — Только что хорошего будет тебе с этого?

Он передал сигарету Виллу, тот сделал длинную затяжку и вернул ее. Его спина все еще жутко болела, но все же мазь, принесенная Хьердис, делала эту боль не такой пронзительной.

— В конце концов, ты же только воин, герой. Я же по сути своей завоеватель и, как знать, может быть, стану когда-нибудь императором. Я знаю, как править, а ты не знаешь, и в этом суть дела. Без меня Армия Ночи развалится буквально за неделю. Союзы, мною созданные, и дань, мною взымаемая, держатся только силой моей личности. Убей меня, и ты сразу потеряешь все, нами с тобою созданное.

— Не думаю, чтобы я смог тебя убить.

— Нет, — согласился Уиэри. — И уж во всяком случае, не холодно, по расчету.

И это было правдой. Непонятно почему, но Виллово сердце все еще лежало к лорду Уиэри. Он бы даже, пожалуй, с радостью умер за этого старого эльфа. Но злость все равно оставалась.

— Почему ты велел меня выпороть?

— Чистейшей воды педагогика. Моя армия тобою восхищалась, и это восхищение могло перерасти в преданность, а потому мне было необходимо твердо установить, кто тут хозяин, а кто его гончий пес. Не брось ты мне вызов с этой лошадью, я нашел бы другой предлог. Это же моя иллюзорная реальность, а не твоя.

— Не понял.

— Ты однажды спросил меня, как дошел я до жизни такой, что таюсь в темноте, ем крыс и прогоркшие пончики и таскаю в постель помоечных хайнток, спросил и остался недоволен моим тогдашним ответом. Позволь мне рассказать поподробнее. Каждый видит, что я из высоких эльфов. Бóльшая часть солдат считает мой титул придуманным, однако могу тебя заверить, что он мой от рождения. А как же можно с моей кровью и моими связями оказаться в итоге... — он сделал неопределенный жест, — здесь?

— Как же?

— Это началось одним прекрасным утром во Дворце Листьев. Я рано проснулся и увидел, что слуги открыли все окна; день был изумительный, и в комнату задувал ветерок, чуть холодивший мне кожу, как вода прогретого солнцем озера. Я тихо, боясь потревожить своих наложниц, встал, накинул кимоно и вышел на балкон. Солнце едва поднялось, так что половина земли была на свету, а половина еще в тени, и в самом центре мира, его фокальной точкой и назначением был... я. На меня накатило ощущение огромной невесомой пустоты, слишком легкое, чтобы назвать его отчаянием, и слишком безжалостное, чтобы зваться как-нибудь иначе. Мраморные перила балкона доходили мне до пояса, так что не было ничего проще, чем на них забраться. Стоя на вершине Вавилона, я глядел вниз, на пригороды и гидропонные фермы, скрытые кое-где клочьями утреннего тумана, смотрел и упивался возможностью видеть их с такой высоты. Сказать, что меня неодолимо тянуло

шагнуть за край, было бы излишне драматично. Назови это минутной причудой... Так я и сделал... Но мне в моем тогдашнем настроении мир казался настолько иллюзорным, что всякая связь между ним и мною исчезла. Даже тяготение и то меня не касалось. Я шагнул вперед, в пустоту, и встал. И никуда не двигался. В этот момент мне грозила величайшая из опасностей, поскольку я ощутил, что мое постижение расширяется, захватывая весь мир.

— Я не совсем понимаю, — заметил Вилл.

— Есть единая сущность, одухотворяющая все живое — от мельчайшего существа, влачащего скудное существование на огромной, как бесплодная пустыня, скорлупе другого существа, слишком мелкого, чтобы видеть его без микроскопа, и до гордой вершины бытия, моей скромной и царственной личности. Эта сущность одушевляет даже неживую материю — простейшее «аз есмь», позволяющее валуну знать, что он валун, горе, что она гора, а камешку, что он камешек. Иначе все было бы текуче и переменчиво... Тело, как тебе хорошо известно, — это на девять десятых вода, и есть такие, кто говорит, что жизнь — это не более чем способ воды перемещать себя с места на место. Когда ты умираешь, эта вода возвращается в землю и в силу естественных процессов испаряется в воздух, где она соединяется с водами, бывшими прежде змеями, верблюдами, императорами... и снова дождем падает на землю, возможно, чтобы влиться в ручей, превращающийся далее в реку, текущую в море. Рано или поздно все, за исключением малой горсточки праха, неизбежно вернется в мирообъемлющий Океан... Сходным образом, когда ты умираешь, твоя жизненная сила сливается с жизненными силами всех, кто когда-либо умер или даже еще не рожден, — подобно оловянному солдатику, плавящемуся в огненном тигле Возможного.

— Трудно это понять и еще труднее поверить, — качнул головою Вилл.

— Нет, в это очень легко поверить, но трудно, невероятно трудно знать это наверняка. Потому что признать иллюзорность своего существования — значит балансировать на грани его полного растворения. Стать заедино со всем, что есть, — значит стать ничем, ничем конкретным. Почти перестать существовать. Я испытал тогда момент абсолютного ужаса, чистый и мимолетный, как закатный зеленый луч. Не задержива-

ясь более, я развернулся и шагнул назад, на балкон. Я покинул Дворец Листьев, отправился в бар и напился до посинения. Потому что я заглянул под маску мира — и там ничего не было! С этого времени я стал глушить себя разгулом и грезами, я пригрезил Армию Ночи, а затем пригрезил мир, который она будет покорять. В завершение я пригрезил ей военачальника — тебя.

— Должен заметить, сэр, что и до встречи с вами у меня была вполне реальная жизнь.

— Тебя загнали прямо ко мне в руки, — сказал лорд Уиэри, раскуривая новую сигарету от бычка старой. — Тебе не кажется странным, как тебя преследовали один анонимный враг за другим? Чем ты заслужил такое к себе отношение? Ты можешь хотя бы назвать свой проступок? — Он отщелкнул окурок, тот описал, кувыркаясь, в воздухе параболу и упал на рельсы. — Боюсь, твоим главным гонителем и творцом всех твоих бед был не кто иной, как я. Я — величайший злодей, какого ты только знал.

— Если ты и злодей, — заметил Вилл, — то довольно странный, потому что я продолжаю любить тебя как родного по крови. — Даже тут он ни на йоту не соврал. — Я многое в тебе ненавижу: твою власть, твое высокомерие, твое прошлое богатство. Мне отвратительно, как ты используешь других для своего развлечения. И все же... мои чувства к тебе не становятся от этого меньше.

На какой-то момент лорд Уиэри стал измученным стариком, его пальцы мелко подрагивали, в глазах застыла пустота. Затем он упрямо вскинул голову и снова стал лучиться неодолимой, страшной теплотой.

— Тогда мне придется здесь и сейчас поклясться, что, когда я достигну верховной власти, ты будешь за все вознагражден. Чего ты хочешь? Подумай получше, напрямую скажи, и все, чего ты ни пожелаешь, будет тебе даровано.

— Я хочу увидеть тебя на Обсидиановом Престоле.

— Это не ответ, а увертка. Ну почему это должно быть тебе важнее, чем деньги или власть?

— А потому что, дабы вознести тебя на эту высоту, нужно будет сперва устроить избиение Лордов Мэральности, настолько подробное, что от Лиосалфара и Докалфара и даже от Совета Волхвов почти ничего не останется.

— И снова вопрос: зачем тебе это?

Вилл наклонил голову в сторону и тихо, бесцветно сказал:

— Мои родители были в Броселианде на вокзале, а тут прилетели драконы и сбросили золотой огонь. Моя жизнь была опрокинута боевой машиной, которая, возможно, принимала участие и в том самом налете. После моего изгнания ставшая мне родной деревня была сожжена армией Всемогущего. Все эти силы служили лордам Вавилона, да и сама война была результатом их безумной политики. — Теперь в глазах Вилла горела безмерная ненависть. — Убей их, всех, до последнего! Уничтожь виновников, больше я ни о чем не прошу.

— Милый, милый мой Джек. — Лорд Уиэри заключил Вилла в объятия и погладил его по голове. — Я не смогу отказать тебе ни в чем, — сказал он, вставая. — Моя война уже началась, и реальна она или нет, но тебе предстоит сыграть в ней важную роль. Вставай.

— Да, господин, — сказал Вилл и встал, морщась от боли. В глазах у него плыли яркие пятна.

— Надень рубашку и куртку. Я скажу врачу вколоть тебе экстракт ведьмячьей бородавки и лидокаин, а то ведь так и воевать не сможешь.

Штаб размещался в катакомбах. В тесноватом помещении, сплошь обставленном по стенам каменными мощениками и освещенном коптилками, в которых горело отработанное смазочное масло, лорд Уиэри вместе со своими офицерами внимательно изучал карты, используя вместо стола огромный череп циклопа. Во всех местах, откуда можно было ожидать нападения татей, который уже день томились в дозоре опытные скауты. Путей из надземного мира в подземный было, конечно же, бессчетное множество, но из них лишь очень немногие могли обеспечить проход сколь-нибудь значительных воинских сил.

Пока солдаты собирали винтовки, готовили бутылки с «коктейлем Молотова» и складывали в несколько раз мокрые банданы, чтобы хоть как-то защищать себя от слезоточивого газа, их командиры планировали засады и контратаки. Боеготовность этого войска вызывала у Вилла большие сомнения, ведь он своими глазами наблюдал, как солдаты параллельно с подготовкой оружия занюхивают эльфийскую пыль и передают друг другу дымящиеся косяки. Хуже того, чем больше он слы-

шал о планах своего вождя, тем меньше он им доверял. Туннели были идеальным полем для партизанской войны — подожди, пока враг чрезмерно рассредоточит свои силы и от долгого безделья утратит бдительность, нанеси мгновенный кинжальный удар и растворись в темноте. Идя на фронтальную схватку, они сразу же лишались этого преимущества. Но Уиэри твердо стоял на своем, и Виллу приходилось подчиняться.

В результате Вилл все на том же мотоцикле возглавлял теперь маленький передовой отряд, скрытно наблюдавший из темноты, как тати, уже заполнившие перрон «Третьей стрит», спускаются на рельсы. Эта станция была заранее закрыта, поезда перенаправлены, а третий рельс отключен от напряжения. Тати выдвигались на исходные позиции самым, как показалось Виллу, профессиональным образом. Все они были из народа тильвит-тег — опытные, тренированные и прекрасно вымуштрованные. У них были черные шлемы и пластиковые щиты. На ремне у каждого висели кобура с пистолетом и газовые гранаты.

В первых рядах наступающих были проводники саблезубых волков, которые сейчас буквально рвались с поводков. Со стороны все выглядело так, словно это волки тащат за собой упирающихся татей.

Вилл смотрел и ждал.

А затем в далеком катакомбном убежище, откуда лорд Уиэри ясно видел все происходящее в котелке, наполненном тушью, он произнес короткое слово, заставившее Вилла содрогнуться.

Откуда-то из самой глотки земли подул наколдованный ветер, он поднимал с перрона рекламные листовки и газеты и превращал их в подобие птиц, так что они, дико хлопая крыльями, летели татям прямо в лица, словно стая взбесившихся куриц. Рваная выкинутая одежда поднималась и, словно надетая на невидимые тела, неотвратимо надвигалась на пришедших из верхнего мира захватчиков. Все это, вместе взятое и явившееся из ниоткуда, казалось на первый взгляд весьма серьезной магической атакой.

Два солдата — боевые маги, судя по их мундирам, — выступили вперед и вскинули навстречу надвигающимся бумагам и тряпкам титановые жезлы. В унисон, твердыми голосами они произнесли свое, другое слово.

И в ту же секунду ветер утих, а ожившие было газеты и тряпки рассыпались в пыль.

Теперь пришла очередь Вилла, давно уже державшего фальшфейер в одной руке, а зажигалку в другой. Пока жезлы магов перезаряжались, он откинул пальцем крышечку своей «зиппо», крутанул колесико, а затем опустил на глаза защитные очки и крикнул во весь голос:

— Ниже головы!

Снайперы, не имевшие защитных очков, ограничились тем, что закрыли глаза руками, а пятеро конных дружно подпалили свои фальшфейеры и швырнули их в сторону татей.

— Давай! — крикнул Вилл.

Он дал газ слишком резко, и мотор мотоцикла заглох; чтобы его оживить, потребовался ножной стартер — плюс многократные упоминания какой-то там матери.

План контратаки был предельно прост. В тот момент, когда тати не совсем еще пришли в себя после атаки мусорных призраков, ударить по ним и их волкам пылающими фальшфейерами, а затем, пока они еще ничего не видят, бросить на них всю свою немногочисленную конницу. Лошади прорвут своими мощными телами строй противника и помчатся вперед, до конца станции и дальше, за поворот и в противоположный туннель, сея по пути хаос и смятение. А тем временем Виллловы снайперы будут легко, словно в тире, отщелкивать вражеских солдат — так, во всяком случае, планировалось.

На практике получилось иначе.

Заглохший мотоцикл задержал Вилла всего на какие-то секунды, но и за это время лошади умчались далеко вперед. Теперь он бессильно наблюдал, как их рвут саблезубые волки, которых ослепленные тати спустили с поводков. Полагаясь не столько на зрение, сколько на нюх, свирепые хищники прыгали навстречу лошадям и с торжествующим рычанием вонзали кошмарные свои клыки в их бледные шеи и ляжки.

Первой пала Эпона.

Вилл услышал отчаянное ржание и увидел, как лошадь и ее сегодняшний всадник скрылись под клубящейся массой черных косматых демонов. Всадник, безликая личность по имени Мамкотрах, умер почти мгновенно, а благородное животное продолжало сопротивляться, даже уже лежа на земле. Точно так же пали чуть отставшие от Эпоны Хенгроен и Холварпниа. Дженни спрыгнула с Эмбарра, столкнулась с волком в воздухе и упала, придавив его собой и вцепившись ему в глотку руками.

Вилл дал полный газ. С воплем не хуже волчьего он мчался туда, где пали всадники, надеясь не совсем понятно на что. Но в это время о шпалы и рельсы застучали баллончики слезоточивого газа, и на него и все его войско покатилась едкая волна химического тумана. Мокрая бандана оказалась очень слабой защитой. Вилл ничего уже не видел, из глаз его потоками струились слезы. Он попытался было развернуть мотоцикл и упал вместе с ним на бок, безнадежно потеряв при этом зажигалку.

Вилл кое-как поднялся сам и стал поднимать мотоцикл.

Вокруг рычали саблезубые волки, искавшие себе добычу. Хотя кошмарные звери ничего сейчас не видели, а их обоняние было отбито слезоточивым газом, любому, на кого они натыкались, приходил конец.

Прямо перед Виллом появилась волчья морда, на руль его мотоцикла легли волчьи лапы. В паническом ужасе Вилл вскинул пистолет и дернул на спуск. Ни выстрела, ни даже щелчка.

Он забыл о предохранителе. Волк ухмыльнулся, оскалив длинные белые клыки.

— Если ты решил обоссаться, то самое время, — сказал он. — Потому что сейчас ты умрешь.

Распахнутая пасть была готова уже вцепиться Виллу в лицо, когда ударил неожиданный выстрел; волк коротко хрюкнул, его череп взорвался облаком мельчайших красных брызг.

— Лихо позабавились, командор? — Дженни сверкнула бешеной ухмылкой, сунула пистолет за пояс и протянула Виллу руку.

Вилл поднял ее и посадил за собой.

— Мотаем отсюда, на хрен! — крикнул он, не оборачиваясь.

Что они и сделали.

Таким был первый эпизод начавшейся войны. Тати продолжили наступление, а Вилловы снайперы убежали, ни разу даже и не выстрелив. Кони, вверенные ему, погибли, а их всадники, все, кроме Дженни, либо тоже погибли, либо попали в плен. Это было не только фиаско, но и, что много хуже, вполне заслуженное фиаско. Солдаты лорда Уиэри имели крайне слабую подготовку, а вся их тактика отдавала неумелой импровизацией. При встрече с организованной военной силой типа тех же самых татей они не могли надеяться ни на какой успех. Вилл и раньше это чувствовал, а теперь окончательно понял.

Фальшфейеры один за другим потухли, и в туннеле снова стало темно, саблезубые волки вернулись к своим проводникам. Вилл спрятал защитные очки в карман. Он знал, что тати продолжают продвигаться, но при этом не спешат, проявляют крайнюю осторожность. Отсутствие непосредственной опасности позволило ему сбросить газ и ехать помедленней. Только поэтому он успел среагировать, когда Дженни пробормотала: «Похоже, я сейчас отключусь» — и начала сползать с заднего сиденья.

Резко развернувшись, Вилл подхватил Дженни и одновременно ударил по тормозам. Каким-то чудом ему удалось остановить мотоцикл и при этом не уронить девушку.

Откинув ногой подножку, Вилл слез с мотоцикла и опустил свою помощницу на землю. На ее куртке и брюках проступали пятна крови, много пятен, очень много, больших.

— Вот же, мать твою, — пробормотал он сквозь зубы.

Дженни открыла глаза.

— Ты посмотрел бы на этого волка, — сказала она и тускло, через силу улыбнулась.

Затем глаза ее начали закатываться, лицо обмякло.

Вилл кое-как перевязал Дженни, а затем с помощью петли, сделанной из двух поясных ремней, взвалил ее себе на плечи. Сгибаясь под не такой уж и маленькой тяжестью, он влез на мотоцикл и снова запустил мотор. Он и не хотел попасться татям, и не мог ее так оставить.

Они ехали и ехали во тьму.

В какой-то момент Дженни снова пришла в сознание.

— Я хотела бы тебе кое в чем признаться, — сказала она. — Помнишь, как лорд Уиэри велел тебя выпороть? Так мне тогда это понравилось.

— Извини, но я что-то... — начал потрясенный Вилл.

— Да ты не думай, я не в каком-нибудь злорадном смысле. — Дженни надолго умолкла, а когда продолжила, голос ее звучал совсем уже слабо. — Это меня вроде как возбудило. Может, когда все это кончится, нам с тобой...

Она снова потеряла сознание. Вилл обернулся и увидел, что Дженни совсем побледнела, ни кровинки в лице.

— Ну что же ты, потерпи еще немного, до доктора осталось всего ничего.

Теперь уже он гнал как сумасшедший, гнал, как никогда еще в прошлом.

Через какое-то время перед ним выросла фигура Оборванца. Здесь отдыхали те немногие Вилловы снайперы, которые не побросали винтовок, а отступили с оружием и в каком-то подобии порядка. Их было пятеро: Чеснок, Пузырь, Голодалец, Ксилия Аркадская и, конечно же, Оборванец.

Вилл слез с мотоцикла и осторожно опустил Дженни на землю.

— Вы только взгляните на ее раны, — сказал он. — Они получены в честном бою.

Ксилия Аркадская опустилась рядом с Дженни на колени. Затем встала и потрогала ее лоб, ее грудь, там, где сердце, и промежность.

— Мертвая, — вздохнула она.

Вилл тупо смотрел на труп, жалкий, как тряпичная кукла. Одежда Дженни была сплошь перемарана кровью, лицо, в котором не было уже ее личности, казалось тусклым и заурядным. Не привези он сюда ее сам, на собственном горбу, ни за что бы не поверил, что это она, Дженни. После долгого общего молчания над трупом наклонился Оборванец.

— Я возьму ее пистолеты, — сказал он. — Пусть побудут пока у меня.

И засунул пистолеты за пояс.

— Я возьму ее сапоги, — сказала Ксилия Аркадская. — Мне они не подойдут, но я знаю, кому они будут тютелька в тютельку.

Так же одну за другой они разобрали и остальные ее вещи. Вилл взял сигареты и зажигалку, а Пузырь — метательный нож. Голодалец взял брюки и куртку, осталась лишь маленькая серебряная орхидея на серебряной же цепочке, которую Чеснок снял с ее шеи, торжественно поцеловал и сунул в карман. Они смущенно молчали и не знали, куда деть глаза, а затем Вилл прокашлялся и начал:

— *Она пришла к нам с юга.*

— *Птица, бойцовая птица*, — сказала Ксилия Аркадская.

— *Чьи крылья взреза́ли воздух*, — сказал Пузырь.

— *Теперь она хочет вернуться*, — сказал Голодалец.

— *В тело той быстрой птицы*, — сказал Оборванец.

— *В битве оставив то тело, что было*, — заключил Чеснок.

Тело Дженни Танцышманцы, утратившее жизненную искру и освобожденное от власти вещей, уже начинало погружаться в бетонное дно туннеля. Сперва очень медленно, а затем все

быстрее и быстрее оно ускользало во тьму земли, из которой все вышло и в которую все когда-нибудь вернется — хайнты в смысле более буквальном, чем все остальные, но, в общем-то, это касается всех.

Опорная база, куда они в конце концов добрались, бурлила и кипела. На платформах суетились хайнты, гонты и феи, деловито таскавшие бочки, шпалы и какие-то ящики для постройки и укрепления баррикад, разносившие оружие и боеприпасы по на скорую руку сляпанным огневым точкам. Тощий перепончатокрылый гонт с курьерской вализой в длинных кривых когтях торопливо влетел в тот самый туннель, из которого только что вышел Вилл со своей немногочисленной компанией. Все это выглядело откровенной любительщиной.

Станция «Порт Молитор» выглядела вроде бы удобной базой, ведь она располагалась как раз там, где от маршрутов 1, 2 и 3 ответвлялись линии «А», «Б» и «В», и была не слишком удалена от перехода на линии неглубокого залегания, давая таким образом свободный доступ ко всем четырем потенциальным зонам военных действий. Беда только в том, что «Порт Молитор» был призрачной, то есть построенной, но никогда не использовавшейся, станцией, а потому не имел выхода на поверхность. Теперь, когда сюда со всех сторон подходили отступающие солдаты, когда разведчики докладывали, что по всем трем туннелям продвигаются тати, эта станция становилась ловушкой.

— Кто здесь главный? — крикнул Вилл. — Что там делают на рельсах все эти солдаты? Неужели никто здесь не командует?

— Лорд Уиэри поставил капитана Хекема командующим всеми защитниками левого окраинного туннеля, — сказала усталого вида хулдра. — Трепач отвечает за правый окраинный туннель, а сам он взял на себя командование силами, защищающими туннель, ведущий к центру. Привет, Джек.

— Хьердис? — удивленно воскликнул Вилл. — Ты все-таки вернулась.

— Как и все прочие. Все йохацу, бежавшие прежде, вернулись в туннель — все до единого.

— Но почему?!

Прежде Вилл настоятельно уговаривал тан-леди не выходить из войны лорда Уиэри, теперь он видел, что был тогда не

прав. Она ушла, и очень правильно сделала. И не нужно было ей возвращаться.

— Не знаю. — На лице Хьердис было полное недоумение. — И не вижу к тому никаких разумных причин. Возможно, на нас лежит какое-то вынуждение. Но если так, то вынуждает нас сила много большая, чем все, о чем я когда-либо слышала, ведь она управляет тысячами.

— Где лорд Уиэри? Если кто-нибудь и понимает эту загадку, то только он.

— Лорд Уиэри приказал, чтобы ты до начала приближающейся битвы обязательно с ним поговорил. А о чем, он не сказал. А теперь мне нужно уйти, я заведую здесь полевым лазаретом.

Проводив ее взглядом, Вилл повернулся к Оборванцу:

— Дай-ка мне нож.

С ножом в руке Вилл перелез через баррикаду, запустил мотор мотоцикла и, как ни больно было ему это делать, пробил ножом топливный бак. Из дырки брызнула струя бензина. Дав полный газ, он несколько раз проехал по рельсам туда и сюда, от одного конца станции до другого; на шпалах мотоцикл трясло и бросало, бензин расплескивался от стенки до стенки, а потом «кавасаки» чихнул, чихнул еще раз и совсем заглох.

— Ну, все в порядке, — сказал Вилл. — Теперь эти чертовы собаки не смогут нас здесь унюхивать, бензин перебьет все запахи.

И пошел на встречу с лордом Уиэри, а Оборванец вместе с ним.

Центровой туннель был укреплен попроще, чем окраинные, — единственное заграждение и даже лишенное амбразур, но зато оно было гораздо массивнее и почти упиралось в потолок. Первым, на кого наткнулся тут Вилл, был Томми Красная Шапочка. Вооружившись рулоном изоленты, он приматывал к основаниям опор какие-то ящики. Другие йохацу тянули от ящика к ящику электрические провода. Было ясно: это не что иное, как взрывные устройства.

— Какого хрена вы тут делаете? — поразился Вилл.

— А сам ты как думаешь? Эй там! — крикнул Томми. — Мне нужны еще взрыватели!

— Я думаю, что ты готовишься обрушить нам на головы половину Бауэри.

Хайнт, прибежавший с ящиком взрывателей, держал в зубах зажженную сигару. Взяв взрыватели и поставив их на землю, Томми выхватил у хайнта сигару, сделал было движение, чтобы ее выбросить, но передумал и воткнул сигару себе в рот.

— Если ты такой догадливый, так чего тогда спрашивать?

— Если это делается по приказу лорда Уиэри, он окончательно сдурел, — поморщился Вилл. — Одно прикосновение к этим штукам, и ты нас всех угробишь.

— Думаешь, я боюсь умереть? — рассмеялся Томми Красная Шапочка и для убедительности стряхнул на взрыватели сигарный пепел. — В такой, как сегодня, день умереть будет даже приятно.

— И ты тоже сошел с ума.

— Может, и так, но у меня мало времени и много недоделанных дел. А если у тебя есть какие-нибудь жалобы, иди с ними к главному начальнику. — Томми ткнул большим пальцем вверх.

Там, наверху, была галерея, которую Вилл вроде бы никогда еще не видел, врезанная в стену как-то уж слишком, невозможно высоко. (Да и сама станция казалась слишком уж большой, но ему было некогда об этом думать.) Лицо лорда Уиэри было бледным овалом, плававшим во мраке, как луна, бесстрастно взирающая с небес на грехи и пороки мира.

— Так я и сделаю, — сказал он. — Только как туда попасть?

11

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Этой лестницы Вилл никогда не видел. Два стражника с головами насекомых и в зеленых кожаных латах раздвинули перед ним скрещенные копья, но скрестили их снова, когда захотел пройти Оборванец. Оставив его ругаться с зелеными стражниками, Вилл поспешил наверх, прыгая через две, через три ступеньки. С бешено колотящимся сердцем — отдохнуть бы, ведь нельзя же столько без отдыха — он ворвался на галерею.

Лорд Уиэри стоял, опершись на мраморную балюстраду, и созерцал происходящее внизу. И лишь на мгновение отвлекся, чтобы взглянуть на запыхавшегося Вилла.

— Составь мне компанию.

Вилла охватила странная апатия, не оставлявшая места ни для какой торопливости. Казалось, что в присутствии своего сеньора он начисто лишается собственных амбиций. Свободной, прогулочной походкой он подошел к эльфийскому лорду и стал вместе с ним смотреть на суетящихся йохацу. Легкий ветерок приносил соленый запах моря, никак не похожий на подземную затхлость. Виллу показалось даже, что он ощущает запах каких-то цветов. Солнца он не видел, но оно явно грело ему спину.

— Что это за место?

— Осколок воспоминаний, никак не более. Мне следовало получше сосредоточиться.

И вдруг они оказались в огромном пустом помещении со стенами из белоснежного мрамора. В высокие окна задувал легкий ласковый ветер. Посреди помещения стояло черное нечто. В некоторых ракурсах оно напоминало стул.

— Так это и есть...

— Да. Ты узрел Обсидиановый Престол.

Видение поблекло, воздух потемнел, Вилл вернулся к тоскливым запахам и еще более тоскливым перспективам подземной жизни.

— Приближается финальная схватка, — сказал после долгого молчания лорд Уиэри. — Слышишь?

Вилл слышал.

— Что это за звук? — спросил он. — Это... завывание.

— А ты смотри.

Завывание нарастало, пока не превратилось в квартет локомотивных гудков, визжавших почти в унисон. Они визжали все громче, а вслед за ними на станцию накатил грохот железных колес. Земля содрогалась предвестием чего-то очень плохого.

Окраинные баррикады буквально взорвались. Локомотивы играючи прорвались сквозь наспех возведенные ограждения, в воздух взлетели пустые бочки, обломки дерева и солдаты, напоминавшие сверху тряпичных кукол.

Их было четверо, этих огромных зверей, и у каждого из них был навешен впереди бульдозерный нож, и все они мчались шеренгой и даже не замедлили бега, пролетая станцию. Они мчались плечом к плечу, перемалывая жалких противников своими стальными колесами. Пробив напоследок баррикаду, преграждавшую туннель, ведущий к центру, они с торжествующим воем умчались во тьму, оставив позади сотни мертвых, истерзанных тел.

Пальцы Вилла, вцепившиеся в балюстраду, побелели от напряжения, ему хотелось зажмуриться, но он все смотрел и смотрел. Стоны и вопли немногих, кто остался в живых, перекатывались в его ушах подобно звукам прибоя. Он не мог совладать со своими мыслями, они перескакивали друг через друга в какой-то бессмысленной чехарде.

— Ты знал, что это случится, — сказал он в конце концов, с трудом подавив тошноту. — Ты сам все это и устроил.

Лорд Уиэри печально улыбнулся, перегнулся через балюстраду и крикнул:

— Томми!

Следом за поездами двигались тати. Когда показались саблезубые волки, кто-то выстрелил сигнальной ракетой, и разбрызганный Виллом по туннелю бензин мгновенно вспыхнул.

Но это их не остановило. Горящие, вконец рассвирепевшие волки ворвались на станцию «Порт Молитор» и начали рвать на куски всех, кто не был еще убит. Следом за ними с оружием наготове шли уже сами тати. Виллу показалось, что их возглавляет Пылающий Улан.

Но и сквозь все это смятение крик лорда Уиэри дошел до того, кому предназначался. Маленький Томми Красная Шапочка оторвался от дымно тлеющего тела сдыхающего волка и нашел глазами галерею.

— Сэр?

— Взрывчатка заложена?

— Да, сэр!

— Стой около взрывмашинки и жди моего приказа.

— Сэр!

Томми повернулся и исчез в насмерть перепуганной, не находящей спасения толпе.

Смятение Вилла было так велико, что его даже не удивило, когда на пороге лестничной двери показался Оборванец в окровавленной куртке и с пистолетами Дженни в руках.

— Предатель! — крикнул он и в упор разрядил их в голову лорда Уиэри.

— Увы, — вздохнул эльфийский лорд. — Как и многое другое, этот момент был гораздо приятнее в предвкушении, чем в актуализации.

Он разжал ладонь, на ней лежали две пистолетные пули.

Он стряхнул их на пол.

— Ты мне надоел.

От лица болотного гонта отхлынула кровь, он умоляюще вскинул руки и замотал головой. Ничуть не спеша, лорд Уиэри протянул к Оборванцу руку, и его пальцы сомкнулись на внезапно опустевшем, рваном и засаленном пальто. Брезгливо поморщившись, лорд Уиэри отшвырнул эту грязную тряпку за балюстраду.

— Что это ты сейчас сделал? — удивился Вилл. — И *как* ты это сделал?

С лестницы появилась Хьердис — точно так же, как минуту назад Оборванец.

— Он большой специалист по всяким морокам, — сказала она. — Или я ошибаюсь?

Лорд Уиэри улыбнулся и пожал плечами.

— Да, — сказал он, — я когда-то был главным царским Устроителем Развлечений. Не то чтобы, конечно, Его Отсутствующее Величество когда-нибудь прибегал к моим скромным услугам, и все же... У меня был определенный талант, и я поддерживал его регулярной практикой. Не один и не двое придворных были моими созданиями. Однажды я устроил бал-маскарад, половина участников которого не имели никакой объективной реальности. А наутро многие лорды и леди узнали, проснувшись, что их постельные партнеры суть воздух и причуды фантазии.

— Я ничего не понимаю.

— Он создает иллюзии, — объяснила Хьердис. — Очень убедительные. Для развлечения. Когда я жила в укрытии неподалеку от Баттери, власти прислали к нам посреди зимы такого вот морочника, и он заполнил все улицы кометами и яркими бабочками. — И печально добавила: — Так что же, несчастный Оборванец был, если разобраться, пустым местом, одним из твоих порождений?

— Вы уж простите старому эльфу его капризы, — виновато потупился лорд Уиэри. — Я сотворил его для большой ключевой роли, если это может быть объяснением. Он должен был застрелить меня как раз в тот момент, когда я собирался бы занять Обсидиановый Престол. Застрелить и тут же погибнуть от карающих рук вот этого нашего импульсивного героя. — Он кивком указал на Вилла. — После чего, лежа на руках у Джека, я попросил бы его взойти вместо меня на престол, что, по причине его амбиций и так как это была бы моя предсмертная просьба, он, конечно, исполнил бы. Увы, мой интерес к этой игре истлел и угас задолго до ее завершения. Ну что же тут можно поделать? Я полагаю, — обратился он к Хьердис, — что тебя привела сюда какая-то срочная необходимость.

— Да. Твои взрывники заминировали опорные сваи стоящих над нами зданий. Погибнут все мои йохацу и вся Армия Ночи.

— И это, как я понимаю, очень тебя беспокоит? — вздохнул лорд Уиэри. — Глупая девочка. Начать с того, что их никогда и не было.

Все крики, стоны, вопли и прочие звуки, доносившиеся снизу, резко, как обрезанные, стихли. Хьердис выглянула на-

ружу и увидела только вдруг опустевшие перроны и рельсы. Не было ни трупов, ни в щепки разнесенных баррикад, не было ни татей, ни обгорелых саблезубых волков, не было ни малейших следов повстанческой армии, не было ничего, кроме заброшенной станции метро и самого обычнейшего мусора.

— Так, значит... все они — и йохацу, и тати — просто твое порождение? И только я и Вилл были...

Лорд Уиэри вскинул бровь, и Хьердис замолкла. Надолго.

— А я-то считала себя настоящей, — сказала она наконец скучным, безжизненным голосом. — У меня же были свои воспоминания. Страсти. Друзья.

— Ты впадаешь в сентиментальность.

Лорд Уиэри потянулся к Хьердис, и его пальцы сомкнулись на какой-то тряпке. Он перекинул ее через балюстраду точно так же, как и грязное пальто, бывшее когда-то Оборванцем.

— А теперь, как нетрудно догадаться, подошла моя очередь, — горько сказал Вилл и сжал кулаки. — А я ведь тебя *любил*! Из всех твоих жестоких, порочных деяний это хуже всего. Я заслуживал лучшего. Может быть, я и не реален, но я заслуживал лучшего.

— Ты столь же реален, как и я сам, — успокоил его лорд Уиэри. — Не больше и не меньше. — Он старел у Вилла на глазах. Его кожа, все еще розовая и чистая, как у ребенка, обвисла складками. Его волосы тоже остались по-детски пушистыми, но стали совершенно седыми. Голос его проникал до самого сердца. — Прими это, если можешь, в качестве утешения. Лично я выбрал путь просветления, пролегающий через предательство и горы насилия. Теперь же, когда я постиг единство всего сущего, мне представляется, что старость пришла ко мне как раз...

Глаза лорда Уиэри закрылись, голова упала на грудь. Медленно, без шума и суеты он растворился. Вместе с ним исчезли и балюстрада, и вся галерея, и весь в мире свет. Вилл почувствовал, как его обнимает тьма, подобная теплым нежным рукам Матери Ночи.

Он уже не знал, существует он или нет, и ему это было безразлично. Война лорда Уиэри — если допустить, что она вообще начиналась, — закончилась.

Придя в сознание, Вилл обнаружил себя лежащим на рельсах в метро. Он кое-как поднялся на ноги и тут же был вынужден отскочить от мчавшегося по туннелю поезда.

Когда его на время ослепленные глаза снова начали видеть, Вилл пошел. Он не знал, что из того, что он за последнее время видел и чувствовал, происходило в действительности. Погибли друзья — но были они или не были? Были ли Костолом, Эпона, Дженни Танцышманцы и все остальные пустыми фантазмами? А если они не существовали, если они никогда не существовали, освобождает ли это его от всяких перед ними обязательств? Он взглянул на свои руки, на знакомые шрамы, полученные за время пребывания под землей. Уж они-то, во всяком случае, были реальны.

При всех своих стараниях он не мог обнаружить в пережитом ни малейшего смысла.

Он и плакать даже не мог.

Какое-то бесконечное время он блуждал в темноте. Иногда спал, иногда просыпался. Затем, пробудившись окончательно, он обнаружил, что боль хоть и не ушла, но стала терпимой.

Тогда Вилл вернулся на станцию «Нифльхейм», чтобы вытащить свою старую, припрятанную до времени одежду. Он завалил ее тогда кедровыми стружками, набранными в отвалах лесоторгового склада, так что она прекрасно уцелела. Он побрился и помылся в мужском туалете полуподвального помещения станции «Арсенал» (одной из многих, до которых можно было добраться по вентиляционным каналам, не выходя на улицу), надел новенькие ботинки из той партии в несколько сот штук, которую он с тремя своими солдатами позаимствовал в удачно подвернувшемся товарном вагоне. Закончив туалет, он уже не был больше похож на одиозного командора Джека Риддла. Он вполне мог сойти за респектабельного гражданина.

Поднявшись на улицу, он увидел, что уже весна. Он провел под землей целую зиму.

У Вилла был полный карман мелочи, вытряхнутой как-то из любителя приключений, который забрел в темноту дальше, чем ему бы следовало, и по секундному порыву он сел на поезд, шедший к Висячим садам.

Висячие сады вполне заслужили свою славу, считать ли их парком, дендрариумом или сельскохозяйственной выстав-

кой. В них был небольшой городок аттракционов с каруселью и колесом обозрения, плавательные бассейны и искусственные джунгли, где абатва[1] с копьями, похожими на зубочистки, охотились на водяных драконов длиною с Виллову ступню. В птичьем вольере была добрая сотня разновидностей колибри, тринадцать разновидностей аистов и даже дюжина различных пилливиггинов, которых на всем континенте больше нигде и не найдешь. Угрюмые фавны сидели на травке и торговали воздушными шариками. Но больше всего Виллу понравилась эспланада. Облокотившись на бетонный парапет, он смотрел, как далеко внизу, у причала, великаны, стоящие по пояс в воде, неспешно разгружают прибывшие контейнеровозы. С окаймляющего мир Океана дул свежий, с запахом соли ветер. Над водой кружились чайки, крошечные, как пылинки, пляшущие в солнечном луче.

Пролетел гиппогриф, рассыпая за собой звонкий смех.

Он пролетел так близко, что Вилл ощутил ветер от его огромных крыльев и острый лошадиный запах. Волосы всадницы вились за ее спиною как рыжий вымпел.

Вилл смотрел как громом пораженный. Молодая женщина, гордо восседавшая в седле, была само изящество, помноженное на атлетизм. На ней были зеленые брюки и в тон к ним мягкие кожаные сапоги. Зеленым же был и лиф, под которым золотом сверкала узкая полоска живота.

Она была великолепна.

Всадница случайно взглянула вниз и увидела заглядевшегося Вилла. Она тут же натянула поводья, так что ее птица-лошадь встала на дыбы и на мгновение остановила полет. Затем она взяла поводья в зубы и левой рукой сдернула вниз свой лиф, обнажив ослепительные груди. А правой рукой показала ему средний палец. Затем, издевательски улыбнувшись, снова натянула лиф, схватила поводья и умчалась.

У Вилла перехватило дыхание. Эта незнакомка словно приставила к его груди пистолет. На какое-то мгновение она полностью им овладела.

И ведь он знать не знал, кто она такая, не знал, увидит ли когда-нибудь ее снова.

---

[1] В мифологии зулусов абатва — племя человечков настолько крохотных, что они охотятся на муравьев и могут прятаться под травинками.

В этот сказочный момент, момент замешательства, в голову Вилла вплыла откуда-то мысль: *он зря растрачивает жизнь.*

Там, внизу, он был героем — а зачем? Он вел за собою солдат, которые не смогли бы выйти из туннелей, потому что боялись света.

Он понял, что не хочет возвращаться.

Вместо этого он покинул сады и пошел бродить по городу, иногда поднимаясь на лифте вверх, иногда спускаясь по лестнице. Долгие бесцельные блуждания привели его в тусклый запущенный квартал, и тут по мгновенному побуждению он вошел в первое попавшееся питейное заведение — грязноватую забегаловку «Крысиный нос». Он подойдет прямо к бармену и попросит какую-нибудь работу. Даже если ему поручат мыть посуду и подметать пол, это все-таки будет начало.

Из-под столика вылезла на четвереньках маленькая девочка и лучезарно ему улыбнулась.

— Привет, — сказала она. — Меня звать Эсме, а как звать тебя?

Нат опустил газету и тоже улыбнулся:

— Ну вот, наконец-то! А то я начинал уже думать, ты никогда не объявишься.

12
КОМНАТУШКА В КОБОЛЬД-ТАУНЕ

— О'кей, о'кей, кто играет? — Нат кинул на столик карту. — Поставишь пятерку, получишь десятку, поставишь десятку, получишь двадцатку, если ты угадал! — Он кинул на столик вторую карту. — Угадай даму, чернявую даму, *la reine de la nuit*[1], и ты сразу выиграл! — Он кинул третью карту и по очереди все их перевернул. Две красные двойки и дама пик. — Сколько ставим, сколько ставим? Поставишь сорок, получишь два по сорок, поставишь пятьдесят, получишь сотню. Игра — проще нет, как сказал старый дед! Ставим, ставим? — Он поменял пару карт местами, поменял еще раз, поменял еще раз. — Одна из них уж точно брюнетка, выбери брюнетку, и ты победил.

Под навесом обшарпанного кинотеатрика «Рокси» собралась небольшая толпа. Здесь были в основном хобгоблины и хайнты с малой подмесью рыжих карликов. Вилл стоял в самой гуще толпы, притворяясь, что глазеет на карты, а сам исподтишка высматривал клиента. Из хайнтов получались отличные налимы: они были заранее уверены, что к концу недели окажутся на мели, и наблюдали за исчезновением своих денег со стоическим спокойствием. Карлики любили играть, но совсем не умели проигрывать. Как правило, они не стоили связанного с ними беспокойства. А вот хобы — те были прижимистые, но при этом очень азартные. Вилл уже присмотрел одного хоба, который держался позади толпы и скептически хмурился, однако было совершенно ясно, что мелькание карт его завораживает.

Какой-то хайнт протянул замогильно-бледную руку и уронил на столик две скомканные долларовые бумажки.

— Вот эта, — ткнул он пальцем.

[1] Царицу ночи *(фр.)*.

— Так не эта, говоришь? — Нат перевернул бубновую двойку. — И не эта? — Двойка червей. — Ты выбрал даму, ты победил! Поставил два, получай четыре. Шевелитесь, шевелитесь, делайте ставки. Поставил десять, получил двадцать, поставил двадцать, получил сорок. Что тут у нас, что тут у нас?

Хлоп-хлоп-хлоп — перевернулись карты. Хайнт оставил четыре доллара на столе и снова выбрал карту. Нат перевернул соседнюю.

— Нет, там уж точно не бубновая двойка. Две карты, только две карты на столе, и одна из них точно выигрывает, поставишь пять, получишь десять. Играйте, играйте, кто больше играет, тот больше получает. — Он поменял две карты местами и поменял еще раз, вернув их в начальное положение.

Хайнт упрямо потряс головой и ткнул прокуренным пальцем в ту же самую карту. Вилл уже понимал, что из этого больше не вытряхнуть. Наверное, Нат пришел к тому же заключению, потому что он снова переложил карты и при этом незаметно сунул даму в карман, заменив ее второй червовой двойкой.

— Последнее предложение, будешь удваивать? Нет? Ну, тогда мы открываем... двойку!

Деньги отправились Нату в карман.

— Кто теперь, кто теперь? Много поставишь, много получишь, ну как?

Хоб начал уже поворачиваться, собираясь уйти, и никто из остальных к столу особенно не спешил, поэтому Вилл протолкался вперед.

— Кладем три карты — раз, два, три. Теперь перевернем их. Три, два, один. Ну так что? Двадцать — сорок, полсотни — сотня.

Дама лежала посередине. Нат поменял двойки местами, затем поменял местами даму с одной из двоек.

Вил кинул на стол двадцатку.

— Эта, — сказал он и ткнул в среднюю карту.

По толпе прокатился страдальческий стон, ведь все они ясно видели, что дама с краю.

— Ты так думаешь? — ухмыльнулся Нат. — А вот на эту, — он указал на перевернутую даму, — поставить ты не хочешь? Нет? Ну ладно, тогда перевернем — раз, два, и кралечка моя.

— Ну конечно! — не выдержал соседний хайнт. — Дама, она же точно здесь, это же каждый видел.

— Слушай, друг, — вскинулся Вилл, — играй тогда сам, если ты такой умный.

Хоб напряженно наблюдал и никуда уже больше не хотел уходить. Он был уже почти уверен, что выиграть проще простого. Налим проглотил наживку. Теперь его нужно подцепить.

— Поставишь десять, получишь двадцать, поставишь двадцать, получишь сорок, — тараторил Нат. — Угадаешь даму — получишь вдвое, черные бледных всегда побьют. Двадцатка — сороковка, полсотни — сотня, все очень просто, просто, как короста!

Он бросил три карты на стол и, торжествуя, перевернул их лицом вверх.

— Дай-ка я взгляну на эту твою даму!

Вилл схватил карту со стола, придирчиво осмотрел ее с обеих сторон и положил на место. В этот самый момент Нат зажмурился, заслонил рот рукою и громко чихнул, а Вилл успел тем временем загнуть уголок дамы. Когда Нат сгреб карты со стола, ничего, как видно, не заметив, Вилл повернулся к хайнту, который был так уверен, что карта выбрана неправильно, и заговорщицки ему подмигнул. И налим прекрасно это видел.

— От дамочек — от них вся радость! Ставишь двадцать, получаешь сорок. Ну так что? Вот три карты, запомните получше. Теперь мы их перевернем, пару раз переложим. Ставишь двадцать, получаешь сорок — это если угадал. Ставишь полсотни, получаешь сотню, ну так что?

Вилл швырнул на стол весь свой бумажник. Хоб подбирался к столу все ближе и ближе, в глазах его горела откровенная алчность.

— Две сотни, что дама посередке. — Вилл указал на карту с загнутым уголком.

— Извини, друг, но предел пятьдесят.

Толпа угрожающе зарычала. Нат с испуганным видом вскинул руки вверх:

— Ну хорошо, хорошо! Сегодня, так уж и быть, играем без лимита. — Без всяких на этот раз прибауток он перевернул карты. — Ты выиграл.

Самодовольно ухмыляясь, Вилл забрал свой выигрыш и отошел от столика. Как только Нат снова завел свою песню, вперед с криком «Ставлю три сотни, что я угадаю даму!» протолкался хоб.

Налим попался на крючок, теперь его нужно подтащить.

— Ты хочешь сыграть? Так на сколько ты там сказал? Поставишь сотню — получишь две, поставишь три — получишь аж шесть. Угадай даму, и ты при деньгах. Чернявая дама, чернявая дама, чернявая дама. Черная краля, царица ночи, *la reine d'Afrique*[1], угадал и выиграл. Раз... два... три. Выбирай.

Налим уверенно ткнул пальцем в карту с загнутым уголком.

Нат тут же ее перевернул.

Теперь наступали сладчайшие мгновения, когда до налима доходило: он увидел картинку карты, уголок которой Нат успел загнуть, и эта была, конечно же, *не* дама, чей уголок Нат столь же незаметно успел распрямить. Налим увидел, как его деньги исчезли в кармане Натовой куртки. Налим понял, что его надули, перехитрили, выставили полным идиотом. А еще, и это важнее, до него дошло, что он не может обвинить Ната в жульничестве, не признавшись одновременно в своем собственном бесчестном поступке. От растерянности пополам со злобой челюсть хоба отпала, его рот превратился в большую букву «о».

С привычным уже проворством Вилл скользнул за спину налима, его рука сжимала в кармане короткую тяжелую дубинку. Так, на всякий пожарный. Однако в данном конкретном случае данный конкретный хоб только возмущенно развернулся и ушел по каким-то своим хобячьим делам.

— Делаем ставки, делаем ставки.

Вилл снова стал оглядывать толпу — и увидел, что прямо на него смотрит да еще при этом слегка улыбается благопристойного вида хайнт в благопристойном же костюме-тройке. Для уличного мошенника он был слишком уж дорого одет. От него не исходило вайбов, свойственных леворукому братству, и уж точно он не был налимом. Так что же он тогда такое?

Раздумья Вилла были прерваны пронзительным свистом. Свистевшая в два пальца Эсме стояла у перекрестка на мусорном контейнере и энергично размахивала руками. Убедившись, что Вилл и Нат на нее смотрят, она указала на хуаку в форме городской стражи, который только что прошел мимо нее. Нат мгновенно сгреб карты и деньги и пошел вдоль кинотеатра, ничуть не беспокоясь о складном столике, а зеваки и кандидаты в налимы, у которых, как правило, не было особых причин лю-

[1] Царица Африки *(фр.)*.

бить жандармерию, рассеялись по сторонам, Вилл же направился прямо к стражнику.

— Арестуйте этого негодяя! — потребовал он, яростно жестикулируя. — Он мошенник и проходимец, он выманил все мои деньги! — Бронзоволицый хуака попытался пройти мимо Вилла, но тот опять заступил ему путь. — Он не должен остаться безнаказанным!

— Да уберись ты, на хрен, с дороги, — прорычал хуака и оттолкнул Вилла в сторону.

Поздно, слишком поздно. Нат уже исчез в узком проулке между «Рокси» и соседствовавшим с ним москательным магазином. Стражник угрожающе двинулся на Вилла, но тот щеголял деловым костюмом и сногсшибательным репсовым галстуком, так что хуаке было не понять, можно начистить ему морду или стоит поостеречься, поэтому он ограничился словесным разносом и добрым советом больше не попадаться. А Вилл забрал Эсме, а так как его учительница музыки приболела, а тренер по фехтованию должен был драться на каком-то турнире, а значит, никаких уроков у него сегодня не было, они провели остаток дня в Дарул-эс-Саламских аркадах за игрой на механическом бильярде.

Вечером они, как обычно, встретились в заднем помещении «Крысиного носа», где Нат регулярно держал совет. Ловчилы и тролли, сутенеры, спреты и карманники, спанки, лабверкины и хобтраши приходили и уходили, хлопали друг друга по спинам, обещали друг другу мелкие услуги. Еле слышным шепотом передавали информацию либо (что чаще) пустяковую, либо (во всех прочих случаях) крайне сомнительную. Вилл крутил в ладонях недопитый стакан с пивом и слушал. За этот последний год он многому научился. Не только жульническим проделкам, посредством которых они с Натом набирали себе на мало-мальски сносную жизнь, но и просто обычаям этого города. Он узнал, что в Вавилоне «хрен ли ты уставился?» обозначает «привет», что «я, пожалуй, на тебя наеду» означает «дай мне десять долларов, и я буду смотреть в другую сторону», а «я тебя люблю» означает «снимай штаны и ложись на кровать, чтобы я могла зацапать твой бумажник и смыться».

Он узнал еще, что есть два вида магии: высокая и низшая. Высокая магия имеет дело с первоосновами бытия, и даже самое слабенькое, неумело наложенное заклятие может запол-

нить мелькающим «снегом» экраны всех телевизоров на мили вокруг. А потому любой, в том заинтересованный, мог быстро ее обнаружить. А вот низшая магия могла быть такой простой, как умение сдать нижнюю карту колоды вместо верхней или вытащить из уха монетку. При правильном исполнении обнаружить ее просто невозможно. Но если ты даже был настолько беззаботен, что дал себя поймать, у тебя, при достаточной доле нахальства, не говоря уж о сообразительности, всегда остаются шансы выбраться из этой передряги, используя в качестве оружия свой собственный язык. Так что в определенном смысле низшая магия была посильнее высокой.

Вот Нат — тот был насквозь пропитан низшей магией.

Но он ни в коем случае не был просто мелким жуликом. Нат проводил подготовительную работу — во всяком случае, он так утверждал — для какого-то крупного, рассчитанного на долгое время и сказочно доходного мошенничества. В каковых видах Вилл изводил почти все свое свободное время на бесконечные уроки: музыка, хорошие манеры, дикция, фехтование... Это последнее Вилл едва не бросил, увидев однажды, как неотесанный новичок, размахивавший шпагой словно шваброй, выбил клинок из руки его тренера. Но с другой стороны: «Это умение бесполезно, а потому высоко ценится, — как объяснил в свое время знаменитый фехтовальщик Сент-Вир[1]. — Если вы хотите убить благородного господина, воспользуйтесь пистолетом. Если хотите произвести на благородного господина впечатление, победите его в схватке на рапирах. Однако последнее гораздо труднее, и потому я советую вам учиться, учиться и учиться». Когда наступило временное затишье и никого, кроме них, в комнате не осталось, Вилл сказал:

— «Три листика», Нат, как-то приелись. Они стали привычной тягомотной работой.

— В чем-то ты, сынок, и прав. — Нат наклонился и заглянул под стол, где Эсме по бессчетному разу перечитывала свое собрание комиксов. — Ну как у вас внизу дела, бабуленька?

— В поряде, — рассеянно сказала Эсме.

— Так когда же мы все-таки... — начал Вилл.

Через стену просочился тот самый хайнт. Он был весьма представителен и буквально лучился богатством — костюм-тройка с парчовым жилетом, сплошь расшитым солнцами, лу-

[1] Герой романа Эллен Кашнер «На острие клинка».

нами и знаками зодиака, золотые часовые цепочки, свисающие петлями из каждого кармана. Его кожа была лиловой, как спелая слива.

— Том Никто, старый ты негодяй! — Он протянул вперед широко разведенные руки. — Я тут случайно услышал, что ты снова в нашем городишке.

— Теперь, дорогой мой Салем, я Нат Уилк

Нат встал, они обнялись и стали с чрезмерным, словно на сцене, жаром тискать друг друга. А когда их страсть немного улеглась, Нат сказал:

— А это, Вилл, достопочтенный Салем Туссен, олдермен.

У политика было крепкое рукопожатие, и, глядя Виллу прямо в глаза, он не то чтобы подмигнул, но что-то вроде, словно говоря: все мы здесь жулики, а потому должны держаться друг друга. Виллу он сразу понравился, но доверия не вызвал ни на грош.

— Я тебя сегодня уже видел, — заметил Вилл.

— Знаю, знаю, — кивнул Туссен и снова повернулся к Нату. — Так почему я сюда пришел. Мне нужен белый парень, чтобы бегать по поручениям в деловой части города, где мои обычные курьеры могли бы вызвать малость повышенный интерес. Умеющий смотреть и умеющий молчать. Способный понимать и соображать.

— Ты хочешь сказать: без всяких заморочек, что там честно, а что нечестно.

Салем Туссен широко улыбнулся, сверкнув двумя золотыми зубами с гравировкой в виде дьявольских рун.

— Ты знаешь меня как облупленного!

— Мы с этим мальчиком работаем тут над неким делом, но мне еще нужно несколько месяцев, чтобы толком все подготовить. На это время ты можешь его забрать.

Вилл был уже слишком профессионален, чтобы высказаться вслух. Однако он все же взглянул на Ната с откровенным недоумением. Нат похлопал его по плечу.

— Ты, сынок, уже прилично заточен, — сказал он. — Теперь тебя надо малость отшлифовать.

По большей части Виллова работа состояла в том, чтобы, благопристойно подстриженным, в благопристойном костюме и вообще имея подчеркнуто благопристойный вид, бегать по

всяческим поручениям. Он собирал у туссеновских избирателей заполненные налоговые декларации, доставлял троллеобразным функционерам кипы какой-то документации, фиксировал нарушения лицензионного законодательства, преподносил уходящим на пенсию секретаршам богатые коробки с засахаренным корнем Иоанна Завоевателя и рассеянно ронял на канцелярские столы конверты с тем или иным количеством двадцаток. Когда умирал кто-нибудь значительный, он приносил к задним дверям Храма Тьмы белого козла для жертвы Безымянным. Когда чей-нибудь там сынок попадал в армию или в тюрьму, он вбивал в нкиси-нконде, стоявший у Туссена в приемной, новый гвоздь за его благополучное возвращение. Он работал с избирателями из заселенных хайнтами районов вроде Джинни-Голла, Белутахатчи и Дидди-Ва-Дидди, где в барах не продохнуть от дыма, музыка играет хорошая и не дай тебе бог улыбнуться какой-нибудь шлюхе. Он вел переговоры с прожженными бюрократами из городского совета. Не все, что он делал, было абсолютно законно, но ничто из этого и не было явно преступным. Салем Туссен еще не проникся к нему полным доверием.

Как-то вечером Вилл на пару с Дохлорожим заряжал конверты, а тем временем Джими Бигуд[1] просматривал вместе с самим олдерменом список квартальных ответственных, вычеркивая замеченных в том, что они клали деньги на кампанию себе в карман, а в день выборов ничего не делали либо, что еще хуже, направляли голосование совсем не в ту сторону, потому что работали на противников. Дверь из кабинета Туссена в приемную была слабо прикрыта, так что Вилл через щелку слышал, о чем они там говорят.

— Прошлым августом дед Домовой окаменел, — говорил Джими Бигуд, — и теперь, чтобы вывести словаков, нам нужно подобрать кого-нибудь другого. Есть там некая вила по имени...

Дохлорожий перетянул толстую пачку конвертов резинкой и швырнул ее в тележку, стоявшую в дальнем углу комнаты.

— Третья! — констатировал он и тут же добавил: — Хочешь знать, отчего у меня в заднице свербит?

— Нет, не хочу.

---

[1] Jimi Begood — хулиганский гибрид Джими Хендрикса с песней Чака Берри «Johnny B. Goode».

— А свербит у меня оттого, что вот сейчас мы с тобою делаем одну и ту же работу, но я тут буду лизать конверты до скончания века, в то время как ты двинешь прямиком на самый верх, и ты знаешь, почему это? Потому что ты прилично выглядишь.

— Это просто расистское дерьмоплетство, — покачал головою Вилл. — Туссен никогда меня не повысит. Хайнтам нравится видеть, как фей шестерит для Главного Мена, но они в жизни не примут меня в роли своего советника. Ты знаешь это не хуже меня.

— Да, но ведь ты не намерен долго здесь жопу просиживать, верно? Через пару лет у тебя будет должность при Мэральности. Я ничуть не удивлюсь, если ты доберешься аж до Дворца Листьев.

— *Ты или треплешь чего ни попадя, или совсем идиот.* Потому что если ты всерьез, то нужно быть полным идиотом, чтобы распускать про это варежку. Будь на твоем месте Туссен, он бы сперва точно убедился, что я его друг и что, если я туда пролезу, он получит надежного союзника. А у него, у Туссена, нам еще учиться и учиться.

— Туссен — это старый пердун, только и знающий, что строить из себя рубаху-парня. — Дохлорожий понизил голос почти до шепота. — Мне нечему учиться у этого натужного бодрячка, напыщенного пустобреха...

Дверь кабинета резко распахнулась. На пороге стоял Салем Туссен с глазами, настолько закатившимися, что остались видны одни белки. Он вскинул руку и пустым, нездешним голосом сказал:

— Один из моих избирателей попал в беду.

И вообще в олдермене было что-то нездешнее. За долгие десятилетия, что он топтал кварталы Вавилона, соприкасался с его кирпичами и перилами, барами и борделями, бухгалтерскими конторами и подземными парковками, молекулы города насквозь пропитали его тело, а его собственные молекулы вошли в плоть и кровь города, так что между ними двоими уже не было разделения. Он был способен понимать настроения и мысли Вавилона, а иногда — вот как сейчас — город говорил с ним напрямую.

Туссен схватил свою шляпу, перекинул через руку пальто.

— Джими, — скомандовал он, — оставайся здесь и организуй насчет адвоката, со списком мы кончим потом. Дохлорожий, Вилл — вы, ребята, пойдете со мной.

И олдермен вылетел в дверь. Дохлорожий за ним последовал, чуть замешкавшийся Вилл бросился их догонять.

По совместительству Дохлорожий работал у Туссена шофером. Забравшись в «кадиллак», он спросил:

— Куда мы, босс?

— Кобольд-таун. Там хайнта повинтили за убийство.

— Думаешь, его подставили?

— А кой хрен разница? Он избиратель.

Кобольд-таун был округом со смешанным населением — и со всеми сопутствующими проблемами. Хотя по улицам слонялась масса хайнтов, над дверями большого дома, рядом с которым стояло несколько полицейских машин, висели, чтобы отгонять это племя, зеленые веточки укропа. Лимузин Туссена подъехал как раз в тот момент, когда полицейские волокли отчаянно бьющегося хайнта, на запястьях которого уже были защелкнуты наручники из рябиновой древесины. Он вертел головой, дробно стуча, как горохом в погремушке, бусинками, висевшими на кончиках его дредов, и орал во весь голос.

— Я ни хрена такого не делал! — орал он. — Говно это все, говно собачье! Вот увидите, я вернусь, и вам тогда всем не жить!

Глаза хайнта горели адским огнем, вокруг головы дрожало голубое призрачное сияние — верные признаки тех, кто ширяется хрустальной дурью. Вилла удивляло, что он еще может стоять на ногах.

Как только машина остановилась, Вилл выскочил наружу и открыл перед Туссеном дверцу. Туссен важно вылез и царственным жестом остановил блюстителей закона, а затем бархатным голосом обратился к их невольнику:

— Успокойся, сынок, я позабочусь, чтобы ты имел хорошего адвоката, самого лучшего, какого можно нанять.

Вилл раскрыл свой мобильный телефон, набрал номер и начал торопливо, озабоченно бормотать. Все это было чистое представление — он набрал прогноз погоды, а Джими Бигуд уже, без сомнения, связался с общественным адвокатом, — но

в сочетании с присутствием Туссена этого представления хватило, чтобы хайнт притих и стал внимательно слушать.

— Ты только не лезь на копов, а то они тебя убьют, — заключил олдермен. — Тебе это ясно?

Хайнт молча кивнул.

В вестибюле двое полицейских разговаривали с привратником. При виде входящих хайнтов все трое заметно напряглись, но тут же расслабились, увидев, как Вилл возвращает на место веточки укропа, и облегченно разулыбались, когда узнали Туссена. Все это случилось в мгновение ока, однако Вилл успел заметить. А если заметил он, как могли не заметить его спутники? Как бы там ни было, олдермен величественно вошел, пожимая налево и направо руки и раздавая сигары, полицейские благодарно их принимали и прятали в карманы своих мундиров.

— Что за преступление? — спросил он.

— Убийство, — сказал один из копов.

Туссен удивленно присвистнул, словно это стало для него поразительной новостью.

— Какой этаж?

Они вызвали лифт, хотя лестница находилась рядом и подняться по ней было гораздо быстрее. Но Салем Туссен точно так же не мог подниматься по этим ступенькам, как не мог он сидеть за рулем своего автомобиля. Он должен был быть уверен, что вы понимаете, насколько он крупная личность, еще до того, как он похлопал вас по спине и угостил вашу лошадь кубиком сахара. Когда двери лифта разъезжались, Туссен повернулся к Дохлорожему и удивленно заметил:

— Ты какой-то как в воду опущенный. Что-нибудь стряслось?

Дохлорожий скованно, словно шея его плохо поворачивалась, помотал головой. Весь дальнейший путь он прошел, глядя прямо вперед и ни разу не сморгнув.

В промерзлой квартире работали два следака, оба из эльфов тилвит-тег, золотистые и остроухие, в длинных плащах, выглядевших так, словно их специально и очень тщательно мяли. Когда коп, сторживший дверь, пропустил пришедшую троицу внутрь, они раздраженно обернулись — и обреченно увяли, узнав олдермена.

— Шулпе! Ксисутрос! — Туссен хлопал по спинам и пожимал руки, словно пришел сюда выцыганивать деньги на избирательную кампанию. — Вы прекрасно выглядите, и ты, и ты.

— Добро пожаловать, Салем, на наше скромное место преступления, — сказал детектив Ксисутрос, щедрым жестом обводя комнату рукой.

Одно окно, полуоткрытое, и в него задувает зимний ветер. И подоконник, и вся стена под ним почернели от крови. Оконная решетка на месте и вроде бы цела. Зеркальный комод, кровать, щепки от расшибленного стула. От окна к распахнутой двери крошечной ванной тянется черный пунктир засохших капелек крови.

— Мне следовало заранее знать, что ты непременно здесь появишься.

На полу ванной распластался безжизненный боггарт. Его грудь была вспорота, а там, где прежде находилось сердце, зияла жуткая дыра.

— Кто этот жмурик? — спросил Туссен.

— Некто по имени Бобби Баггейн. Так себе, одно из низших разумных существ.

— Я вижу, что вы повинтили ни в чем не повинного хайнта.

— Слушай, Салем, не кати на меня баллон. Это дело, считай, закрыто, подшито и отправлено в архив. Дверь была заперта на ключ и еще на засов. Решетка на окне целехонькая, как и лапка укропа над ней. Единственный, кто мог сюда забраться, — это призрак. Он работает здесь охранником. Дрых у себя в полуподвале, там мы его и нашли.

— Хайнт. — Глаза Салема Туссена стали жесткими. — Так?

После кратчайшей из пауз детектив кивнул:

— Хайнт.

— Расскажи поподробнее.

— Около часа назад началась драка. Тупые удары в стену, треск ломающейся мебели. Посыпалось множество жалоб. К тому времени, как прибежала консьержка, тут все уже стихло. Она вызвала нас. Мы взломали дверь.

— Почему у консьержки не было ключа?

— Ключ у нее был, но Баггейн запер дверь на засов. Можешь себе представить, как завелась эта старая перечница.

— Почему над дверью не было защиты от хайнтов?

— Никакой необходимости, в вестибюле сидит охранник. Единственный хайнт во всем здании.

Тем временем Вилл пристально всматривался в участок стены над дверью.

— Здесь еле заметное, но все же пятно, словно была когда-то защита, а потом ее сняли.

— Ну и?... — повернулся детектив Шулпе, до того все время молчавший.

— Интересно, что же это за парень, который запирается на засов, а защиту над дверью снимает? Бессмысленно как-то.

— А как раз такой парень, который не любит ширяться в одиночку и приглашает иногда для компании своего приятеля хайнта. — Детектив Ксисутрос указал подбородком на комод, где лежали шприцы, жгуты и пустые ампулы. — По словам консьержки, эти двое так нежно дружили, что соседи держали их за пидоров. Олдермен, — повернулся он к Туссену, — если ты хочешь поставить нашу здесь работу под сомнение — валяй, флаг тебе в руки. Я только хочу сказать, что надеяться этому парню практически не на что.

— А Вилл ведь прав! — сказал Дохлорожий, направляясь к окну. — И еще одно обстоятельство. Вы только посмотрите, сколько крови на подоконнике. Здесь это все и случилось. Так какого же хрена он пошел потом в ванную? Кто-то вырвал у него сердце и потому он решил помыть руки?

Теперь оба следака смотрели прямо на него. Смотрели жестко и враждебно.

— Ты мало знаешь про боггартов, — возразил Ксисутрос. — Они ведь ребята очень живучие. Оторви такому голову, он и то проживет минут пять, а сердце... так это вообще ерунда. Да, именно это он и сделал, пошел помыть руки. Старые привычки — они очень устойчивы. Мы с того, собственно, и начали, что закрыли там воду. Я боялся, что в противном случае консьержка шлепнется в обморок.

— Но что же случилось с сердцем? — Дохлорожий обвел глазами комнату. — Куда оно все-таки подевалось? Вы же не думаете, что хайнт его съел? Или вы держите все наше племя за каннибалов?

— Да уберите же кто-нибудь, на хрен, этого Шерлока Холмса, — презрительно бросил Ксисутрос.

Салем Туссен взял Дохлорожего за локоть и подвел к двери.

— Почему бы тебе не погулять где-нибудь снаружи?

Лицо Дохлорожего стало пепельно-серым, он вылетел из комнаты в коридор и громко хлопнул дверью. Вилл тут же последовал за ним — он понимал, что это тоже входит в его обязанности.

Выйдя из здания, Дохлорожий сразу направился в проулок, куда выходило окно Баггейна. Судя по тому, что под окном не было ни пометок мелом, ни обрывков заградительной ленты, полицейские не нашли здесь никаких следов и улик. Да и сердце на тротуаре не валялось. Да, конечно, сердце могла утащить уличная собака или какой-нибудь случайный гонт. Только вот крови не было тоже, не считая пятна под окном и, может быть, капельки-другой, которых ночью и не заметишь.

— Так что же все-таки случилось с сердцем? — Не в силах устоять на месте Дохлорожий расхаживал взад-вперед. — Не могло же оно выпустить крылышки и улететь.

— Я знаю ровно столько же, сколько и ты.

— Ну, скажем, вот ты — Баггейн. Здесь, — Дохлорожий хлопнул ладонью по кирпичной стене, — у тебя окно. Ты стоишь там и смотришь на улицу. Я подхожу к тебе сзади. Мне нужно вырвать твое сердце таким образом, чтобы вся кровь осталась на подоконнике. Со спины мне до сердца не добраться. Если ты повернешься ко мне лицом, кровь брызнет на тебя и в комнату, а никак не на подоконник. Эти безграмотные детективы думают, наверное, что хайнт может ввести свои руки в спину Баггейна и вытолкнуть его сердце наружу. Только ведь так не получится. Два предмета не могут занимать одно и то же место в одно и то же время. Если я сделаю свои руки материальными, когда они находятся в твоей груди, я их, на хрен, все переуродую. Так что сзади он к тебе не подошел.

— О'кей.

— Но я уже говорил, что, если ты повернешься и я подойду к тебе спереди, кровь не попадет на подоконник. Значит, я должен быть между тобой и окном. Не знаю, обратил ли ты внимание, но на Айсе не было крови. Ни капельки. Зип. Нада. Если ты думаешь, что я могу вырвать чье-нибудь сердце, а затем сделать себя нематериальным так быстро, что брызнувшая кровь пролетит сквозь меня, то это вряд ли. Но даже если бы я и смог,

кровь забрызгала бы и пол. Чего не было. Ну скажи мне теперь, могу ли я вырвать твое сердце так, что вся кровь попадет на подоконник?

— Не можешь.

— Благодарю вас. *Благодарю* вас. Совершенно верно. И я не могу, и никто не может.

— Ну и?..

— Есть во всем этом что-то очень сомнительное. Жульничество какое-то.

— Вроде?

— Я не знаю. — Руки Дохлорожего бессильно повисли. Казалось, что из него, как из проткнутого шарика, внезапно вытекла жизнь. — Не знаю, и все тут, — пробормотал он, еле ворочая языком.

— Дохлорожий, — прищурился Вилл, — с чего бы вдруг такая озабоченность? Ты назвал этого парня Айсом. Вы что, знакомы с ним?

Лицо хайнта закаменело и стало пепельно-серым.

— Больше чем знакомы, — сказал он убитым голосом. — Мы — родные братья.

Через улицу наискось светилась вывеска столовой, и они заказали там кофе. Дохлорожий смотрел в свою чашку, болтал в ней ложечкой, но пить даже не начинал.

— С Айсом всегда были сплошные неприятности. Он слишком любил улицу, любил наркотики, любил хулиганство и драки. Вот потому-то из него ничего и не вышло. — Он вытащил ложечку из кофе, осмотрел ее со всех сторон и положил на стойку. — А может, я просто чего-то не понимаю и это он замочил того боггарта. Может, и замочил.

— Ты прекрасно знаешь, что ничего такого он не сделал и сделать не мог. Ты сам же это и доказал.

— Ну да, но судью-то это не убедит?

Вилл был вынужден согласиться, что нет, не убедит.

— Вы с ним поддерживали связь? — спросил он после недолгой паузы.

— Не то чтобы часто. Я видел Айса пару месяцев назад. Он был обдолбанный в дупель и нес какую-то чушь про то, что ему все не перло, не перло, а тут вдруг крупно сорвал. Что скоро он

будет курить сотенные сигары и таскать в постель тысячедолларовых шлюх. Звездел, конечно, но что-то за этим есть. Я сказал ему, убирайся на хрен, мол, слушать даже не желаю, что он там украл и где. Мой собственный брат. В последний раз, как я его видел, я сказал ему — убирайся на хрен.

Они немного помолчали.

— Не было ни слова, что они нашли там что-нибудь ценное, — заметил Вилл.

— Бывает, что копы суют то, что им приглянулось, себе в карман.

— Тоже верно. — Вилл обмакнул палец в кофе и начертал на линолеумной стойке Печать Озарения. Но ничто его не озарило. Он вздохнул. — А что бы делал в такой ситуации Большой Босс?

— Он? — горько усмехнулся Дохлорожий. — Стал бы, наверное, раздавать сигары.

— А что, — встрепенулся Вилл, — это же совсем не плохая идея. Там же, на улице, жуткая холодина. — Он посмотрел в окно, пересчитал полицейских и подозвал официантку. — Налей мне, пожалуйста, четыре больших кофе, сахар и сливки отдельно.

Покинув горестно ссутулившегося Дохлорожего, Вилл отнес картонный поднос через улицу, где четыре полицейских переминались с ноги на ногу и притопывали, чтобы совсем не окоченеть. Приняв щедрый дар, они поблагодарили его короткими кивками. У всех четверых была темная кожа, короткие рожки и что-то такое в лицах и поведении, ясно говорившее, что они и сами знают, что не быть им настоящими детективами, никогда не быть.

— Работаешь на этого призрака, да? — спросил старший из них.

— Да Салем, в общем-то, мужик в поряде.

Коп усмехнулся левой половиной темного, как старый дуб, лица:

— Ты то, что еще называют Гончая Хулана. Слыхал такое выражение?

— Нет, сэр.

— Это значит, что, если ты сидишь за рулем и он скажет гнать, ты выскочишь на обочину, встанешь на четвереньки и загавкаешь.

Копы дружно расхохотались. Затем трое из них куда-то ушли, оставив лишь самого молодого. Вилл вытащил пачку «Мальборо», предложил полицейскому, достал сигарету себе и чиркнул зажигалкой. Они докурили их почти до фильтра, не перекинувшись почти ни словом, а затем Вилл отщелкнул непотушенный окурок куда-то прочь. Полицейский поступил со своим иначе: отщипнул обуглившийся кончик и съел его. После всех этих прелиминарий Вилл перешел к главному.

— Этот самый Баггейн, — спросил он, — ты его знаешь?

— А его тут каждый знал. Хреновый мужик, очень хреновый. Чаще сидел, чем гулял на свободе. А вот девка его симпатичная. Бегала к нам в участок, чтобы внести за него залог. Маленькая, худющая, сисек почти никаких. Ты замечал, что этим здоровым громилам всю дорогу такие маленькие и нравятся?

— Кое-кто из соседей считал его пидором.

— Сказали б они это ему в лицо, а я бы потом на них посмотрел. Баггейн был профессиональным бойцом. Какое-то время он дрался под именем Дуллаган Бессмертный.

— С таким не пошутишь, — согласился Вилл. — А зал его близко здесь?

— До конца этой улицы и пару кварталов налево. «Ногой по яйцам», так называется эта контора, мимо никак не пройдешь.

Дохлорожий все еще сидел в столовой, Вилл не стал его беспокоить, а написал записку и положил ее на приборную доску «кадиллака». Вскоре он был уже перед входом в тренировочный зал атлетического клуба «Ногой по яйцам». Уж чему Вилл научился, работая на Туссена, так это входить в любую дверь с таким видом, будто имеет на это полное право. Вот так он вошел и сейчас.

В зале было темновато и пахло о-очень крутыми ребятами. Висели боксерские груши. В той стороне, где качали железо, кто-то натужно всхрюкивал, всхрюкивал бездушно и ритмично, как заводная свинья. Посреди зала был боксерский ринг. Какой-то мужик в весе тролля пританцовывал там на цыпочках, боксируя с тенью.

— Иди домой, мальчонка, — сказал людоед в необъятных размерах кепке. — Для тебя здесь нет ничего.

— Да нет же, сэр, я совсем не за этим, — без запинки откликнулся Вилл, подразумевая под «этим» то, что уж там подразумевал сам людоед. Олдермен успел научить его никогда не встречать агрессию лобовым отпором.

— Нет? Ты не хочешь накачать себе мускулы, раздобыть девчонку, измочалить в капусту того, кто тебя достает? — Людоед сжал и отпустил Вилловы бицепсы. — Вполне пригодны для дела. Только не здесь. Здесь серьезный клуб для серьезных бойцов.

— Нет, сэр, я здесь от олдермена Туссена. — Лицо людоеда ясно показывало, что он узнал это имя и отнюдь не впечатлился. — Я надеялся, что вы сможете мне что-нибудь рассказать о Бобби Баггейне.

— Этот прощелыга. Теперь-то он что там еще натворил?

— Его убили.

— Что ж, я ничуть не удивляюсь. Баггейн был, в общем-то, большое дерьмо. Мог бы подняться до середины рейтинга, но не желал напрягаться. Всегда где-то шлялся с этим своим корешем-призраком, а нужно было работать.

— Поговаривали, что они на пару занимаются темными делишками.

Это был выстрел наугад, но шансы попасть прямо в цель представлялись очень приличными.

— Что ж, и снова скажу, что я б ничуть не удивился. Такая горилла, как Баггейн, да еще с сообщником хайнтом, может всякого натворить. Заходишь, скажем, в ювелирный магазин, а как только продавец отвернется, воруешь ихнюю веточку укропа и заменяешь на копию из пластика. Выглядит точь-в-точь как настоящая. А ночью призрак туда забирается и отключает сигнализацию. А такой, как Баггейн, может и дверцу из сейфа выломать, и все, что там внутри, унести. Вот и в Виллидже, на этом складе, устроили нечто подобное. Месяцев шесть назад. Ушли с необработанным нефритом на многие сотни тысяч. Я хорошо запомнил, потому что как раз после этого Баггейн перестал к нам ходить и у меня появились подозрения.

— Сырой нефрит трудно продать, — скептически заметил Вилл. — В смысле, большую партию.

— Не так уж и трудно, если есть связи. А даже если их нет, с таким крупным делом можно обратиться как к посреднику к самому обычному барыге, переждав, конечно же, сперва, пока

кипеш немного не утихнет. Сам-то я никогда в таком не участвовал, но понаслышке знаю.

— Ясно, — кивнул Вилл. — А эта его подружка — ты помнишь, как ее звать?

— Не-а. Дейра, Дейлия, что-то такое. А может, Даная. Я потому тут вообще что-то помню, что как-то спросил у Баггейна, кто она вообще такая — пикси, русалка или кто. И он сказал, что она дайнер. Дайнер, а звать Деянира, вроде бы так. Это было для меня что-то новенькое. Я думал, что знаю все племена и расы, но в жизни не слыхал ни о каких таких дайнерах. Слушай, парень, у меня правда по горло дел.

— Не буду тогда мешать, — сказал Вилл. — Спасибо за помощь. — Он еще раз окинул зал взглядом. — Думаю, Баггейну лучше было остаться на ринге.

— Да нет, он на ринге не дрался, он дрался в яме.

— А в чем тут разница?

— Бой в яме ведется до смерти. Два бойца спускаются в яму, а вылезает только один. У Баггейна был счет три к двум, а потом он бросил.

— Каким таким хреном, — удивился Вилл, — у кого-нибудь может быть счет три к двум, если бой ведется до смерти?

Людоед широко ухмыльнулся. А затем объяснил.

Часом позднее Вилл, Салем Туссен и Дохлорожий стояли в темном проулке на задах городского морга и терпеливо ждали.

— Не совсем понимаю, — сказал Дохлорожий. — Я вроде бы знал все расовые типы от литовских ночных духов до тайских демонов испражнений, но ты говоришь, эта девица — кто?

— Дайнер, но это не порода, а должность. Дайнер — это служитель морга, ответственный за переноску и обмывание трупа. Кроме того, она помогает коронеру при вскрытии. Я навел по телефону справки, и эту неделю Деянира работает в ночь. Впрочем, я сильно подозреваю, что сегодня она уйдет с работы пораньше.

— Почему бы это?

— Это как раз сюда привезли тело Бобби Баггейна.

— Я думаю, мальчик, — твердым голосом вмешался Туссен, — что тебе пора бы рассказать нам эту историю целиком.

— Хорошо, — согласился Вилл. — Вот как я себе это представляю. Баггейн и Айс украли на пару чуть не целую машину

высококачественного нефрита и договорились переждать шесть месяцев и только потом попытаться продать. Хранителем был Баггейн — думаю, он припрятал ворованное у своей подружки, но это не имеет особого значения, — и у всех у них было полгода, чтобы поразмыслить, насколько больше станет доля Баггейна, если он прикончит Айса. Возможно, Айс стал тревожиться об этом вслух. Тогда Баггейн идет к своему закадычному другу в его полуподвал, чтобы обо всем поговорить. Они выпивают, а может, и выкуривают немного крэка. Затем он предлагает ширнуться хрустальной дурью. К этому времени твой братец теряет всякое соображение, которого и прежде-то у него было маловато, и с радостью соглашается.

Дохлорожий уныло кивнул.

— Айс колет себя в вену первым, затем наступает очередь Баггейна. Только этот-то колется просто водой. Это очень просто устроить — ну какой наркоман заподозрит другого наркомана в том, что тот недодаст наркотика самому себе. Когда Айс отключается, Баггейн возвращается в свою комнату, снимает со стены веточку укропа и спускает ее в туалет. Теперь, когда его найдут мертвым, подозрение сразу же падет на того единственного в здании, который может пройти сквозь запертую дверь. На того, кого полиция сразу же и найдет.

— Так кто же все-таки убил Баггейна?

— Все это чистая подстава. Баггейн приоткрывает окно и убеждается, что его подружка терпеливо ждет в проулке. Все готово, все на месте. Теперь он инсценирует драку. Он кричит, ревет, барабанит в стены, расшибает стул. Затем, когда все соседи поднимают крик, чтобы прекратили безобразие, он подходит к окну, набирает в легкие побольше воздуха и голыми руками разрывает себе грудь.

— А он такое может?

— Боггарты очень сильны, это следует помнить. Кроме того, если проверить шприц, лежащий у него на комоде, я не удивлюсь, что в нем обнаружатся следы не дури этой, а морфия. Так или нет, но он вырывает из своей груди сердце и выкидывает в окно. Деянира ловит его в корзинку или там на расстеленное одеяло, так что кровь на землю не попадает. Теперь ничто не привлечет сюда внимание следователей.

— И она унесла его сердце.

— Баггейн скоро умрет, но у него есть еще в запасе пара минут. Он парень достаточно ушлый, чтобы не закрыть окно: на наружную часть подоконника попадет кровь, она может привлечь внимание. Но его пальцы сплошь окровавлены, а никак нельзя, чтобы детективы догадались, что все это сделано им самим, поэтому он идет к раковине и моет руки. К этому времени консьержка уже ломится в дверь. Ну и он умирает. Все идет в точности по плану.

— Веселенький планчик, — пробормотал Туссен.

— Да. Дальнейшее вы уже знаете. Приходят копы, они все видят, они всему верят. Если бы не шум, поднятый Дохлорожим, мы бы никогда не узнали всего остального.

— Я? Да я же ничего не сделал.

— Понимаешь, все это сильно попахивало липой, но я не собирался вмешиваться в дела полицейских, пока не узнал, что это для тебя очень важно.

— Ты упустил самую важную часть, — заметил Туссен. — Зачем Баггейну нужно быть убитым? Как он сможет обратить это убийство себе на пользу?

— Да, меня это тоже ставило в тупик. Но когда боксер выбирает себе кличку Бессмертный, ты поневоле должен задуматься. А потом этот людоед рассказал мне, что у Баггейна был счет по схваткам в яме три — два, то есть он дважды уже умирал. Оказалось, что у Баггейна хрустальное сердце. Кусок хрусталя размером с добрый кулак. И как бы сильно он ни был изранен, это сердце может его починить. Даже после клинической смерти.

— А теперь его подружка ждет, когда привезут его тело, чтобы вставить сердце назад? — спросил Дохлорожий. — Нет, это бред какой-то, такого просто не может быть.

— Тсс, — оборвал его Вилл. — Думаю, мы все сейчас узнаем. Смотри.

Задняя дверь морга открылась, из нее вышли две фигуры. Меньшая помогала большей держаться на ногах.

Туссен улыбнулся, сверкнув золотыми зубами, улыбнулся впервые за вечер. И поднес ко рту полицейский свисток.

После того как Баггейна и его подружку арестовали, Дохлорожий на секунду стиснул Вилла в объятиях и убежал организовывать освобождение брата. Вилл с олдерменом направились

к лимузину, припаркованному в двух кварталах от морга. Вилла очень беспокоило, что будет, когда он скажет боссу, что не может вести машину, потому что не имеет прав.

— Отличная работа, мальчик, — похвалил его Туссен. — Я тобою горжусь.

Что-то в его голосе, а может, и легкая насмешка, с которой он покосился на Вилла, сказали тому больше, чем любые слова.

— Ты знал! — укорил его Вилл. — Ты все время знал.

— Может, и знал, — усмехнулся Туссен. — Но за мной было знание всего того, что известно нашему городу. И в любом случае это просто здорово, что ты сам во всем разобрался.

— Но к чему это все? Почему нельзя было просто сказать детективам то, что ты знал?

— Позволь мне ответить на твой вопрос вопросом: почему ты сказал Дохлорожему, что, по сути, это он раскрыл преступление?

Лимузин, к которому они как раз подошли, узнал хозяина и радостно заморгал огоньками, но Туссен не торопился садиться.

— Потому что мне с ним еще жить да жить. Я не хочу, чтобы он думал, что я держу его ниже себя.

— Вот именно. Полицейским больше по нраву услышать всю эту историю от белого парня, чем от меня. Я в их глазах не то чтобы совсем уж клоун, но что-то вроде. Хотя они и знают, что власть мою следует уважать, и мою должность тоже. Им было бы неловко и неприятно, если бы пришлось всерьез воспринимать и мой интеллект.

— Олдермен, я...

— Утихни, мальчонка, я знаю все, что ты хочешь сказать. — Олдермен распахнул перед Виллом дверцу. — Садись назад, поведу я сам.

А в начале весны Вилл вернулся в «Крысиный нос».

— Вернулся, — констатировал Нат.

— Я, ну, вроде как вытащил одного хайнта из неприятностей, и об этом стали говорить. И Салем сказал, что теперь я слишком уж заметен, чтобы и дальше на него работать.

— Кто это? — спросила, вылезая из-под столика Эсме.

— Я твой дядя Вилл, — объяснил Вилл. — Да ты меня помнишь, я был когда-то твоим папой.

— Ага. — Готовая, как и все дети, поверить чему угодно, Эсме приняла эту новую информацию, чтобы забыть ее, как только он исчезнет с глаз. Вилла неожиданно кольнуло сожаление, что теперь он ей больше не отец. — Можно, я возьму корзинку крендельков?

— Конечно можно, — улыбнулся Нат и повернулся к Виллу. — Ты носишь кольцо?

Вилл поднял руку, демонстрируя грошовое мельхиоровое кольцо, полученное им от Ната.

— Ты объяснишь мне когда-нибудь, зачем это было нужно?

— Сними его.

Вилл послушно снял.

— Вот на таких мелких деталях и строится правдоподобие. — Нат указал на неглубокую вмятину в пальце на том месте, где было раньше кольцо, вмятину, не спешившую расправиться, и добавил, доставая что-то из внутреннего кармана: — А теперь примерь это.

Сплетенное из тончайших волокон червонного, желтого и белого золота, кольцо было не то чтобы массивным, но почти. Яркий, как капля крови, рубин образовывал глаз в голове Червя, яростно вцепившегося в кольцо клыками. По внимательном рассмотрении Вилл увидел, что трехцветные золотые волокна образуют чешуйки на теле Червя, трижды обернувшегося вокруг пальца и кусающего свой хвост.

Во вмятину оно легло с идеальной точностью.

— Скажи мне, — сказал Нат, — если тебя представляют царственной особе, на какое колено ты припадешь?

— Непременно на правое.

— Слуга подошел к тебе с блюдом сыра. Какой рукой ты воспользуешься?

— Ни в коем случае не левой.

— Если играют музыку на три четверти, что ты будешь танцевать?

— Вальс.

— Если ты ввязался в схватку на кинжалах и твой противник бьет снизу направо?

— Я парирую из восьмой.

— Если эльфийская леди просит тебя поласкать ее грудь?

— Любой приказ леди должен быть выполнен неукоснительно, — ухмыльнулся Вилл.

— А если при следующей вашей встрече она ведет себя так, словно этого никогда и не было?

— Этого никогда не было.

Нат вознес стакан в молчаливом тосте и выпил его до дна.

— Мой маленький мальчик совсем повзрослел! — сказал он, а затем достал из кармана куртки карточку и положил ее перед Виллом. Это было изящно напечатанное приглашение. — На следующей неделе во дворце Л'Инконну состоится бал-маскарад. Всем быть в смокингах.

— Что это ты еще задумал?

— Мы задвинем номер с Исчезнувшим Принцем, — сказал Нат. И добавил с шутовским поклоном: — Ваше величество.

13

ДЕВУШКА С ГИППОГРИФОМ

Гости прибывали во дворец Л'Инконну на колесницах, в роскошных лимузинах, на рикшах, в паланкинах и наемных экипажах. Они приезжали на «дюзенбергах», «харлеях» и в каретах, запряженных четверками белых жеребцов. Кто-то даже прилетел на верховой сове. Вместо обычных в подобных случаях фанфар трубач и рожечник встречали каждого вновь прибывшего короткими пассажами из генделевской «Музыки на воде», в то время как слуги убирали их экипажи на стоянку. Чтобы смягчить переход от наружной обстановки к внутренней, скрипичный квартет играл в фойе Моцарта.

Вилл приехал на такси. По верхним уровням Вавилона недавно прошло дождевое облако, и теперь на мокрых мостовых играли яркие разноцветные пятна — отражения неоновых вывесок. Глубоко вздохнув и оставив на счастье двадцатку чаевых, он надел полумаску, прошел мимо строя слуг, герольдов и музыкантов, предъявил приглашение и любезно позволил ежесекундно кланявшимся ливрейным лакеям провести себя сквозь головоломную путаницу коридоров. В конечном итоге он оказался в обширной приемной, куда доносились звуки недалекого бала и где возвышалась чудовищная груда розового шифона — хозяйка дома, полулежавшая на некоем подобии дивана, искусно подогнанном под очертания ее тела. Она была столь огромна, что даже в таком положении гора ее бледной плоти доходила Виллу до подбородка. Наполовину эльфийка, наполовину термитная матка, царица термитника, она так плотно заполняла свое одеяние, что оно грозило треснуть при малейшем ее вздохе.

Какой-то невыносимо долгий момент она критически изучала внешность Вилла и его манеру себя держать. Оркестр негромко играл «Fly Me to the Moon»[1].

— *Monsieur Pierrot, j'observe. Je presume vous parle le français*[2].

— Да, мадам, и достаточно прилично, чтобы узнать *le bel accent d'Ys*[3]. Но мой французский будет мучителен для ваших ушей.

В глазах матроны появился живой блеск, на огромном бледном лице приоткрылась крошечная улыбка, обнажившая мелкие острые зубы.

— Это очень заботливо с вашей стороны, господин... — она опустила глаза на приглашение, которое держал ливрейный карлик, прежде Виллом не замеченный, — Камбион. Весьма заботливо, особенно для того, кого я, насколько помню, не приглашала. Вы подделали эту бумажку?

— Только имя на ней, фата Л'Инконну. К тому же приглашение я приобрел у одного из беднейших ваших родственников.

— И для чего же вы это сделали?

Ее тон не был совсем уж ледяным, но и теплоты в нем не замечалось.

— Я стремлюсь завоевать положение в свете. — Вилл сопроводил свое признание легким поклоном.

И снова мелькнула крошечная острозубая улыбка, словно матрона была дуэлянтом, чей противник сделал неожиданно искусный выпад.

— Вы пытаетесь очаровать меня правдивостью?

— Это все, что у меня есть, мадам.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась матрона и вяло взмахнула рукой, в которую карлик тут же вложил платочек, чтобы она могла изящно промокнуть выступившие слезы. — Вы, мой галантный юный шут, есть не что иное, как прожженный плут, и, без всякого сомнения, стремитесь похитить либо мои драгоценности, либо честь какой-нибудь леди. Не будь я толстой старухой, непременно и с огромным удовольствием постаралась бы ра-

---

[1] «Отправь меня на Луну» (1954) — поп- и джазовый стандарт Барта Говарда.

[2] Мсье Пьеро, как я вижу. Я думаю, вы говорите по-французски *(фр.)*.

[3] Очаровательное произношение [уроженки города] Ис *(фр.)*. Ис — легендарный город в Бретани, затопленный морем примерно в IV–V вв.

зобраться в ваших истинных мотивах. — Она вновь опустила на диван приподнявшееся было тело, и по этой чудовищной живой горе пробежала легкая рябь. — Но я не могу забывать о своих обязанностях хозяйки. Вы — лакомый кусочек, и *demoiselles*[1] получат удовольствие, сумев разбить ваше неверное сердце.

— Вы плохо обо мне думаете, — сказал Вилл, наклоняясь и целуя мягкую, как пудинг, руку, — если считаете, что я не способен оценить вашу внутреннюю красоту.

— Ну не хитер ли он, Коротышка? Ну не находчив ли?

— Хитер, и даже слишком, — мрачно согласился карлик. — Как глава вашей службы безопасности, я советовал бы немедленно его кастрировать. А потом высечь, чтоб на заднице живого места не осталось, и вышвырнуть на улицу.

— Слишком уж ты мнителен, Коротышка. Не лишай моих кошечек листика мяты. — Фата повернулась к Виллу. — Так давай же! К танцулькам через эту дверь и вниз по ступенькам.

И Вилл вошел в бальный зал.

Это была полукруглая терраса, навесом которой служило одно лишь звездное небо. Несомненно, ее защищали какие-то заклятия, потому что облако, обильно полившее улицу дождем, не уронило сюда ни капли. Танцевальный оркестр расположился в глубине террасы между двумя огромными хрустальными чашами, где плавали русалки, единственной одеждой которых были лифчики, сплетенные из пластиковой морской травы. Те гости, что не танцевали, стояли кучками у перил или сидели на стульях, беспорядочно расставленных по внутреннему краю террасы, под освещавшими ее факелами. Как и сам Вилл, эльфийские лорды были в голографических масках: костюмах ярмарочных шутов, речных богов и астронавтов, сквозь которые, если пристально присмотреться, можно было на долю секунды заметить формальные смокинги. Костюмы дам являли собою беспредельное буйство пышных перьев и драгоценностей вкупе со сложным многослойным колдовством. Вилл решил, что здесь собралось все худшее, что могли предоставить правящие классы. Но сколь бы ни были порочны эльфийские барышни (сомнения в этом даже не возникало), их красота была очевидна.

[1] Барышни *(фр.)*.

Они сверкали на этой террасе, как отравленные яблоки в корзинке. Вилл подошел к ближайшей из них и поклонился:

— Позвольте пригласить вас на танец.

— Разве мы с вами знакомы, лорд Пьеро? — Взгляд эльфийки был полон скептического высокомерия.

— А это имеет значение? — нагловато улыбнулся Вилл.

Взгляд эльфийки скользнул по его рукам, и голос ее вдруг потеплел.

— Нет, — сказала она, — конечно же не имеет.

Она двигалась легко, как перышко на ветру, танцевать с ней Виллу очень понравилось, вот только костюм ее слишком уж отвлекал внимание. Это было платье Лилии святого Дионисса, оставлявшее голыми груди, чуть припудренные золотым порошком. Украшенная перьями маска была заколдована так, что заменила ее голову головой свиньи — образ, знакомый Виллу по модным журналам, которые Нат заставил его изучать, образ Инанны[1], воплотившейся в свинью. Свинячья голова беззвучно щелкала зубами и слюнявилась, а когда он крутил партнершу — ее звали фата д'Этуаль, — по сторонам разлетались серебристые ниточки слюны.

— У тебя красивые руки, — заметила фата.

— У тебя красивые груди.

— Это старье? — притворно удивилась явно польщенная девушка. — Они болтаются у меня уже целую вечность. — И добавила, возвращаясь к своей первоначальной теме: — И кольцо у тебя тоже интересное.

— Да ничего такого особенного.

— Могу я спросить, откуда оно происходит?

— Да я и сам толком не знаю. Симпатичная побрякушка, доставшаяся мне по наследству. Поболтаем лучше о чем-нибудь другом. Расскажи мне, например, про себя. Что-нибудь интересное и неожиданное.

Лукаво улыбнувшись, фата Л'Этуаль склонила голову к самому уху Вилла и прошептала:

— Дома у меня есть очень древний, с сертификатом подлинности годмиш. Он тешил трех императриц.

---

[1] *Инанна* — древнешумерская богиня плодородия, плотской любви и распрей, позднее превращавшаяся у разных народов в Иштар, Астарту, Афродиту и Юнону. Считалась покровительницей проституток, гетер и гомосексуалистов. Ее культ был связан с неистовыми оргиями, а вот свинский аватар придуман, похоже, автором.

— Я не знаю, что это такое — годмиш.

— Дурачок! Это же дилдо. — Она скромно потупила глаза и улыбнулась. — Я не шокирую тебя, мой принц?

— Я не принц.

— О? Ну, может быть, я ошиблась. — По лицу фаты скользнуло что-то опасное, словно она подавила внезапный порыв сунуть нож ему в спину — или руку ему в штаны. — Есть лишь один способ убедиться наверняка.

— И какой же это?

— Ну... — чуть-чуть покраснела фата Л'Этуаль, — ты же знаешь, что говорят про знаки царственности.

Вилл не знал и, в общем-то, был бы не прочь узнать. Но Нат дал ему указание протанцевать с возможно большим количеством партнерш, а потому он с нескрываемым сожалением вернул фату Л'Этуаль на скамейку запасных, куртуазно с нею раскланялся и занялся другой фатой, не менее прекрасной.

— А тебя правда зовут Кристофер Пройдоха? — спросила Вилла четвертая партнерша, фата Кахиндо, смуглая брюнетка с большими глазами, в которых отсвечивало серебро. Ее голову окружало мерцающее облако светлячков, похожих на виртуальные частицы, то порождающиеся, то бесследно исчезающие. — Как-то не слишком царственное имя.

— А я и сам не слишком-то царственный.

— Царственность спрятать трудно, она как шило в мешке.

Девушка приблизилась к нему настолько близко, что вернее было бы сказать — прижалась.

Так разговор и шел, от дамы к даме.

— Ты вернулся, чтобы востребовать свой престол? — спросила фата фон унд цу Хорзельберг.

— Насколько я понимаю, ты всем говоришь, что никакой ты не царь, — сказала фата Гардсворд. — Так почему же тогда...

— ...твои руки...

— ...твое кольцо...

— ...ваше величество...

— Вы разрешите разбить вашу пару?

Женщина в темно-сером с красным кантом мундире вклинилась между Виллом и его партнершей с ловкостью мясницкого ножа, проникающего между мясом и костью, чтобы отделить ножку курицы. Вилл взглядом, без слов извинился перед прекрасной, разъяренной и ничего не понимающей девушкой,

так и оставшейся в середине зала. Затем опустил глаза и увидел серебряный значок с изображением орхидеи, проткнутой кинжалом.

В жилах Вилла застыла кровь, однако он заставил себя улыбнуться и небрежно сказал:

— Забавный у тебя костюм. Дворцовая стража Бригадунского замка?

— Это парадная форма политической полиции.

На лице неожиданной партнерши не было и тени улыбки.

— Странный выбор. С какой такой стати ты оделась как *une poulette*?

— Оскорбления ничуть меня не трогают. Я слышала, какими словами выражался тролль, когда ему защемили яйца плоскогубцами. А форма потому, что я здесь, как ты, несомненно, уже догадался, по служебному делу.

Вилл надел на лицо бессмысленное, ну-ты-даешь-сдохнусо-смеху выражение, для отработки которого он часами трудился перед зеркалом.

— Ты пришла меня арестовать? Буду несказанно рад, мое сердце и так у тебя в плену.

— Еще немного, и я бы поверила, что ты стопроцентный олух. Но потом я себя спросила: а не стал ли бы доподлинный олух стараться убедить меня, что он *не* олух?

— Ты хорошо танцуешь, — мгновенно посерьезнел Вилл. — Ты не лишена привлекательности. Ты достаточно умна, что я тоже нахожу привлекательным, и, приложив хотя бы минимум усилий, ты могла бы флиртовать не хуже любой из здесь присутствующих дам. Однако ты этого не делаешь. Ну зачем ты портишь серьезностью вечер, бывший до того бессмысленным, легкомысленным и абсолютно восхитительным?

Ногти политической агентессы болезненно впились ему в лечо.

— Мне уже хочется, — проворковала она, — препроводить тебя в камеру и лично заняться твоим допросом. Рано или поздно ты расколешься, иначе не бывает, но, если соблюдать хотя бы минимальную осторожность, тебя можно будет растянуть на несколько часов. Однако это к делу не относится. Некий бдительный гражданин проинформировал мое ведомство, что вы, уважаемый мистер Камбион, щеголяете кольцом, на которое не имеете права.

— Опять это кольцо! Я начинаю уже жалеть, что не забыл его дома. Похоже, все только о нем и говорят.

— Ты будешь убеждать меня, будто не знаешь, что на твоей руке фамильный перстень рода Сайн-Драко?

— Да ничего подобного. Ну зачем беспокоиться по всяким пустякам? Ну кольцо, ну в виде Червя, и камень во рту у него красный. Да такую штуку смастерит тебе любой ювелир.

— Ты старательно убеждал в этом добрую дюжину эльфийских леди. Но, как ни странно, все эти отрицания только сделали твое мошенничество еще больше похожим на правду. Весь этот зал гудит от сплетен о тебе.

Вилл пожал плечами, она могла бы этого даже не говорить. Куда бы он ни посмотрел, везде встречал взгляды — кипевшие возмущением, взволнованные, просто любопытные. Кучки эльфийских лордов яростно его обсуждали. Эльфийские леди прихорашивались.

— Флориан, похоже, только о тебе и думает.

— О? А кто это?

— Наш гостеприимный хозяин. — Партнерша одарила Вилла холоднейшей из улыбок. — Отпрыск и ближайший наследник титула в роде Л'Инконну. — Она указала подбородком в глубину зала, и Вилл с интересом повернулся.

Прямо под хрустальной чашей, в которой ходили бесконечными кругами зелено-золотистые русалки, через силу старавшиеся не показать, до чего же им скучно, стоял эльфийский лорд в обличье циркового медведя, стоял и смотрел прямо на него. Узнав лицо, полускрытое тупорылой мордой, Вилл внутренне напрягся.

— Ты его знаешь, — тут же заметила агентесса.

— Да, только я крайне сомневаюсь, что он сумеет меня узнать. При последней нашей встрече я был совершенно другим.

Что было абсолютной правдой. В те времена Вилл был командором Джеком Риддлом, воеводой йохацу, живших в подземных туннелях Вавилона, а Флориан из рода Л'Инконну был вожаком Сумасбродов — желторотых щенков, развлекавшихся тем, что охотились на этих несчастных. Вилл не был даже уверен, что они действительно *виделись*. Вполне возможно, что их мимолетная, на воде замешанная встреча была полностью аннулирована смертью лорда Уиэри. Но это и не имело особо-

го значения. Так или этак, у него сохранились воспоминания о кровожадном Флориане, и теперь его мнение об этом парне было хуже некуда.

— Ну что ж, — сказала агентесса, — поскольку я узнала сегодня все, что мне было нужно, то спешу оставить вас, юных джентльменов, вашим игрищам и беседам. — Музыкальный номер как раз закончился, и без всякой спешки, но и не делая понапрасну ни одного движения, Виллова инквизиторша препроводила его на край террасы. — Благодарю за танец, — сказала она. — Буду с нетерпением ждать следующего, более, будем надеяться, продолжительного. Мое имя Зоря Вечерняя. Возможно, я когда-нибудь услышу, как ты кричишь его, задыхаясь от боли.

— Ты упорно стараешься быть неприятной.

— Поверь мне, мальчик, весь этот город крайне неприятен для пойманных на попытке выдать себя за царственную особу.

Она повернулась и ушла.

Снова зазвучала музыка. Зоря Вечерняя оставила Вилла на той же стороне террасы, где стоял и Флориан Л'Инконну. Заметив, что медведевидный хозяин дома косолапит прямо к нему, Вилл торопливо отвернулся, чтобы выбрать себе новую партнершу из множества дам, наперебой старавшихся попасться ему на глаза. Совершенно случайно его взгляд зацепился за даму, одетую саламандрой. На ее лице пылала маска из красных перьев, такие же перья были вплетены в зачесанные кверху волосы, так что казалось, что вся голова ее в огне. Возможно, тут было и колдовство, но очень тонкое, без нажима. Эта, подумал Вилл и, не теряя времени, направился прямо к саламандре.

Но потом он узнал ее и замер на полпути.

В отличие от прошлого раза, она была в полной боевой раскраске: губы и ногти краснее крови, ее алое платье длиною до полу и с разрезом на боку разительно отличалось от спортивно-мальчишеского костюма, в котором (и без которого) он видел ее тогда. И все же, без малейшей тени сомнения, это была она, девушка с гиппогрифом (сейчас — без), показавшая ему неприличный жест в день, когда он только что вышел из подземелья.

Это была незнакомка, в которую он влюбился.

На время между двумя ударами пульса, длившееся едва ли не вечность, Вилл застыл как молнией пораженный. Одернул

манжеты с чем-то вроде безмолвной молитвы впервые надетому смокингу: я заплатил за тебя более чем достаточно, так придай же мне теперь уверенность, в которой я так нуждаюсь. Затем подошел к эльфийской девушке, сказал: «Потанцуем?» — и подхватил ее в вальсе, не дожидаясь ответа. Девушка смотрела на него с откровенным интересом.

— Ты всполошил весь здешний курятник. Все только и делают, что решают, кто ты такой и что у тебя за кольцо, настоящее или нет.

— Настоящее, вполне настоящее. Но это ведь только кольцо, и никак не более.

— Еще они говорят, что у тебя больше имен, чем числится во всем «Светском календаре».

— Плюнь ты на это, — отмахнулся Вилл. — Ну кому какая разница, назову я себя Фобетором, Хотспуром или Ваал-Пеором? И так, и так это — дерьмо собачье. Значение имеет только то, что год назад я тебя мимолетно увидел и мгновенно потерял свое сердце. И с той поры я тебя разыскивал.

— Бред какой-то, и к тому же тоскливый! Хотелось бы надеяться, что ты не подъезжаешь с ним к каждой встречной и поперечной, а хоть слегка разнообразишь свои приемчики.

— Я абсолютно серьезен.

— По моему опыту, искренность ценится незаслуженно высоко и с правдой она связана лишь очень косвенным образом.

— Каждое слово, что я сказал, — чистейшая правда.

— Как особь мужского пола, ты, конечно, и сам в это веришь. — Ее глаза сверкали, как изумруды, освещенные зелеными лазерами. Отпустив плечо Вилла, она сунула руку в потайной карман своего платья. А другой рукой коснулась его щеки. — Кто ты такой? Что ты такое? Это кольцо, оно настоящее?

— Вилл ле Фей. Мошенник. Насколько я знаю, нет.

Лицо Вилла залилось краской, он споткнулся и чуть не упал.

— О-ла-ла! — рассмеялась его партнерша. — Посмотрел бы ты сейчас на себя. — (Ухо Вилла ощущало теплоту ее дыхания.) — И ты, мсье шут, совсем не единственный, у кого есть кольцо.

Мгновенным движением Вилл схватил сквозь ткань платья ее руку, так и пребывавшую в кармане.

— Это кольцо. — (Глаза девушки встревоженно расширились.) — Оно работает при контакте? Будет ли оно работать у меня? Кто ты такая и чем занимаешься?

— Да, — сказала девушка. — Да. Да, и мы видим, что работает. Алкиона. Воровка.

Она было вырвалась, но Вилл с почти непристойной на людях грубостью поймал ее за руку, и они снова начали танцевать. Он с головокружительной остротой ощущал упругость и теплоту ее талии, отделенной от его ладони лишь тончайшей шелковой материей. Он притянул ее поближе к себе. Ее тело было мягким, но никак не мясистым, мускулистым, но никак уж не жилистым. А еще оно было напряженным, сопротивлялось его объятию, хотя девушка и успела уже понять, что вырваться ей не под силу.

— Кольцо все еще у тебя на пальце. Если ты сомневаешься, люблю ли я тебя, так просто спроси.

— Если б меня это хоть чуточку волновало, — обрезала его Алкиона, — я бы давно так и сделала.

— Послушай, мы, похоже, начали все как-то не так...

— Ты так думаешь?

— ...но это еще не значит, что мы не могли бы...

— Ошибаешься, именно это оно и значит. — Они как раз оказались на краю танцевальной площадки; Алкиона резко остановилась и подала руку ближайшему существу мужского пола, щеголю в костюме Зеленого Рыцаря. — Благодарю вас, — произнесла она, хоть он ее и не приглашал, — я с удовольствием с вами потанцую.

Вилл был вынужден отдать свою саламандру ее мимолетному рыцарю.

И она унеслась в вихре танца.

Какую-то секунду Вилл задумчиво созерцал террасу, полную несравненных красавиц, любая из которых была бы в восторге от возможности потанцевать с ним, пофлиртовать с ним, проболтать с ним до самого рассвета. Любая, кроме единственной женщины, которая была ему нужна. Ну какова вероятность такого положения вещей? Не лежит ли на нем проклятие максвелловского демона, способного обратить все вероятности, превратить две теплые комнаты в нестерпимо жаркую и леденяще холодную, сделать любовные слова отвратительными для уха любимой, а ее саму, его отвергнувшую, еще более для него желанной?

А тем временем на другой стороне террасы цирковой медведь отчаянно махал правой лапой, пытаясь привлечь его внимание.

Кое-как сохраняя видимость апломба, Вилл нырнул в толпу и стал пробираться на выход. Выйдя из зала, уже в буфетной он спросил у слуги, где тут мужской туалет.

— Мимо этих жаровен и направо, — сказал карлик, даже не пытаясь изобразить поклон.

Туда Вилл и поспешил, почти уже ничего не видя.

Проблевавшись в унитаз, Вилл сдернул маску, и костюм Пьеро тут же исчез. Затем он прополоснул рот, плеснул холодной воды на лицо и причесался. На жилете его смокинга были два пятна от золотой пудры. Он сколько мог вытер их влажной салфеткой и попытался взять себя в руки. Он чувствовал себя абсолютно выжатым и сильно подозревал, что может отключиться совсем, настолько болела голова.

Пока еще оставались силы, Вилл вынул из кармана мешочек из кожи феникса, развязал его и достал бритвенное лезвие, обрезок пластиковой «макдоналдсовской» соломинки и пузырек эльфийской пыли. Вытряхнув пыль на гранитный подзеркальник, он разгреб ее бритвенным лезвием на две дорожки и поочередно их занюхал.

И, словно кто-то открыл Врата Рассвета, покинувшая было его энергия стала втекать обратно. Мысль об освещенном луной зале, полном прекрасных сильфид, наперебой старающихся попасться ему на глаза, перестала наполнять его ужасом. Вилл снова надел маску и покинул туалет.

За дверью его ждал медведь. Он стоял, скрестив руки и облокотившись о стену, рядом со скромной гравюрой Рембрандта, одетой в пышную золотую раму.

— Наконец-то я тебя поймал.

Медведь спрятал маску в жилетный карман и превратился во Флориана Л'Инконну.

— Я видел, как ты беседовал с этой ведьмой из политической безопасности. — Флориан вынул серебряный портсигар и открыл его. — Курить будешь?

Когда Вилл помотал головой, он достал сигарету, постучал ею о портсигар и небрежно сунул ее в рот — текучая изящная комбинация движений, тут же взятая Виллом на заметку: после небольшой тренировки он мог бы ее повторить.

— Ведьма? — С почти непростительным запозданием Вилл решил разыгрывать дурачка. — А-а, эта. Она что, правда из

этих, как они там, органов? Думаю, она хотела заковать меня в кандалы и утащить в свои казематы.

— Здесь ты в полной безопасности, какие бы дела на тебе ни висели. Они не решатся задержать ни одну особу, находящуюся под покровительством рода Л'Инконну, а этот статус распространяется и на наших гостей.

— Я не совсем уверен, что попадаю под определение гостя. Коротышка настойчиво намекал, что это не так.

— Коротышка? Если ты имеешь в виду Хротгара Талвегссона, я бы очень тебе советовал никогда не использовать при нем этого мамашиного словечка. Такая вольность не сошла бы с рук даже мне. Хотя, в общем-то, Хротгар мужик неплохой. Познакомитесь поближе, он тебе даже понравится.

— Это он напустил на меня эту Зорю Вечернюю.

— У нас с ним была уже беседа на эту тему, и могу тебе твердо обещать, что такого больше не повторится. Я вижу, — он указал сигаретой, — что ты повернул кольцо камнем вниз.

— Оно привлекает слишком много внимания. Было очень приятно с тобой поболтать, — соврал Вилл и коротко поклонился, — но мне уже нужно идти.

За его спиной кто-то прокашлялся.

Он повернулся.

Три ряда зубов, похожих на кинжалы. Львиное тело. Косматая рыжая шерсть. Голубые глаза. Острые собачьи уши. Поросшая перьями спина. Бородатое человечье лицо. Длинные, подкрученные кверху усы. Длинный, с жалом, как у скорпиона, хвост. Все эти черты были так гротескно несовместимы, что в первое мгновение Вилл даже не смог составить из них одно существо. Но затем все стало понятно.

Мантикор расплылся в улыбке, широкой, как океан.

— Не покидай нас, кореш. — Из его пасти разило подгнившим мясом. — Не покидай, пока босс тебе не позволит.

Вилл сунул руки в карманы и вызывающе побренчал монетами. Тем временем он заглянул внутрь себя, где молча и настороженно лежал дракон, и спросил: что мне делать?

Они приперли тебя в угол. Сделай вид, что ты этого не замечаешь. Подыгрывай им во всем. Жди удобного случая.

— Я уйду, когда захочу и куда захочу. А что до твоих угроз, — он вынул руку из кармана и щелкнул под носом чудовища пальцами, — вот они мне что!

Мантикор презрительно фыркнул. Несмотря на все свое вызывающее поведение, Вилл был в ужасе. При поддержке дракона с Флорианом он уж как-нибудь справится. Но не с мантикором. Мантикоры прославились свирепостью. Гюстав Флобер писал от имени такого существа: «Лоснящийся багрянец моей шкуры сливается с блеском великих песков. Я выдыхаю ноздрями ужас пустынь. Я изрыгаю чуму. Я поедаю войска, когда они забираются в глушь»[1]. Никто из живых не может с уверенностью сказать, что эти слова всего лишь метафора.

Да уж, попал так попал.

Успокойся, прошептал внутри него дракон.

— Так вот в чем наша с тобой проблема, — начал Флориан, дружелюбно беря Вилла под руку. — Мы оказались в состоянии квантовой неопределенности. Либо ты, как думает Хротгар, мошенник, либо законный наследник Его Отсутствующего Величества. — Он вел Вилла по коридору прочь от бального зала. — Возможно, во мне говорит романтик, но я бы очень хотел в тебя поверить.

— Верь во что хочешь, но я и не мошенник, и не наследник.

— Да-да, конечно. Здесь существует три возможности. Одна — это что ты жулик, самый обычный, без всяких фокусов. В каковом случае ты будешь быстро разоблачен, и я в этом деле не нужен. Вторая — что ты ни в чем не повинный парень, случайно вляпавшийся в чужие махинации и погрязший в них так глубоко, что не видишь теперь другого выхода, кроме как выгребать вперед и вперед в отчаянной надежде достичь дальнего берега. В каковом случае я готов предложить тебе полную амнистию и прекрасную выгодную работу. Ты очевиднейшим образом парень очень неглупый, а у меня, как ты можешь видеть... — он кивнул на мантикора, — всегда найдется применение для неординарных способностей. Я могу поклясться своим именем, что, приняв это предложение, ты никогда о том не пожалеешь. — (Вилл промолчал.) — Тогда мы подходим к третьей и самой пикантной возможности. Я понимаю, что шансы на то, что ты действительно являешься внебрачным отпрыском нашего монарха, крайне малы. Но если это все же так, если это *так*...

— А если это так?

---

[1] *Флобер Г.* Искушение святого Антония. Перевод М. Петровского.

Все еще держа Вилла под руку, Флориан ласково, словно любимую игрушку, погладил его по груди и почти проворковал:

— Если это так, то мы с тобою сможем делать великие дела.

Они дошли до винтовой лестницы и стали по ней спускаться. Ступеньки вспыхивали у них под ногами и быстро меркли за спиной. Мантикор молча шел следом.

— Куда мы идем?

— Если ты этого еще не заметил, то сообщаю: я пытаюсь быть твоим другом, и такого друга очень даже стоит иметь. Твоя очевидная холодность дает основания предположить, что в прошлом я причинил тебе некое зло. Что ж, политика — дело жестокое. В борьбе за народное благо я не мог не причинить отдельным и даже многим личностям тяжкое зло. Но если ты действительно взойдешь на Гибельное Сиденье, тебе понадобятся союзники. И ты не сможешь особо привередничать, чисты ли, мол, их руки. Так что достигнуть взаимопонимания было бы в наших обоюдных интересах.

Лестница закончилась, и они оказались в небольшой прихожей. Справа была деревянная двустворчатая дверь, украшенная резными, крайне непристойными изображениями Грангузье[1] и Фальстафа — то ли реальных, то ли мифических героев хазарской династии, правившей когда-то Вавилоном.

— Позволь, я кое-что тебе покажу.

От прикосновения Флориановой ладони дверь распахнулась, представив взору обширную библиотеку с кожаными креслами, пепельницами, читальными столами и газетными стойками. Как только они вошли, в воздух взмыли эльфийские огоньки, залившие все огромное помещение мягким золотистым светом.

Пройдя по безбрежному, как океан, шелковому кашанскому ковру, узором которому служила пиктографическая история мира, они остановились прямо на Вавилоне. Вилл с любопытством запрокинул голову к куполообразному потолку, настолько высокому, что для доступа к книжным стеллажам, тянувшимся по всем стенам, потребовалась даже не просто галерея, а трехъярусная. Столь безумное расточение пространства — а в этих кварталах и вдвойне безумное — производило впечатление много большее, чем могла бы произвести гора брилли-

[1] Отец Гаргантюа у Ф. Рабле.

антов и рубинов. В воздухе тихо вращались глобусы всех известных миров с аккуратно обозначенными названиями городов, народов и крупных массивов суши.

— Здесь, — сказал Флориан, вдавливая окурок в пепельницу, — мы положим конец всем загадкам. — Он взял с ближайшего стола небольшую деревянную коробочку, подбросил ее, поймал и поставил на прежнее место. — Ничего такого с виду особенного, верно?

Вилл почувствовал в учтивой улыбке Флориана ту же самую напряженную силу, какая ощущалась в немигающем взгляде мантикора. Он находился на чужой, незнакомой и очень опасной территории. Лучше всего было бы сбежать, да где тут сбежишь?

— Да, в общем-то, да.

— А ты попробуй поднять ее со стола.

Вилл попробовал. Сперва небрежно, одной рукой, потом двумя. И без всякого толка. Он поставил ноги поудобнее и потянул треклятую деревяшку изо всех что было сил. Но хотя от усилий на лбу его выступил пот, коробочка даже не шелохнулась.

— Фокус какой-то, — пробурчал он, оставив свои тщетные старания. — Электромагнит и железяка внутри?

— Какая там железяка, — рассмеялся Флориан. — Эта коробочка вырезана из древесины Игтдрасиля, мирового древа. Сдвинуть ее с места или открыть не под силу и всем, вместе взятым, армиям мира. Это могут сделать только *члены нашей* семьи. Но при всем при том эта коробочка — ерунда, пустая игрушка. Она служит лишь для того, чтобы хранить действительно драгоценный предмет... Ты видишь перед собой, — сказал он, открывая коробочку, — величайшее из сокровищ рода Л'Инконну.

В коробочке было пусто.

Флориан побледнел. Сперва его кожа стала белой как снег, а затем с негромким потрескиванием озона вокруг его головы засветился нимб. Его лицо превратилось в мертвую маску, глаза — в черные омуты бешенства. По залу пронесся ветер, газеты срывались со стоек и взмывали под потолок. Ну да, Флориан был пакостным щенком, но он же был и *силой*. Прямо здесь,

на глазах, он вырос на добрый фут и стал соответственно шире. Угрожающе надвинувшись на Вилла, он одной рукой схватил его за жилет и легко, как пушинку, вскинул вверх.

— Что ты с ним сделал?!

— Я не знаю, о чем это ты! — крикнул Вилл.

Флориан сорвал с Вилла маску и ощупал взглядом его лицо.

— Нет, ты мне вроде бы не знаком, — сказал он наконец голосом, дрожащим от бешенства. — Ну как мог сделать такое тот, кого я даже не знаю?

— За то время, босс, пока я здесь, он ничего такого не делал, — вмешался мантикор. — Я следил за этим крысенком бдительно, как ястреб.

С ревом отчаяния Флориан отшвырнул Вилла прочь.

— Сиди здесь, следи за ним в оба, — приказал он мантикору. — Я схожу за Талвегссоном, уж он-то знает, что в таких случаях делают. — В дверях он обернулся. — Если этот тип попытается убежать, оборви ему руки и ноги. Но только чтобы остался жив и мог отвечать на вопросы.

Двери за ним с грохотом захлопнулись.

После того как Вилл соскреб себя с пола и снова надел маску, что тут же превратило его в Пьеро, мантикор широко зевнул и разлегся плашмя на ковре.

— Лопух ты, вот что я скажу, — заметил он, словно продолжая какой-то разговор. Перья на спине его аккуратно улеглись, но длинный, суставчатый, с жалом на кончике хвост продолжал беспокойно метаться, словно хвост настороженного кота. — Не знаю, как уж это у тебя получилось — считается, что открыть Флорианову коробочку может только чистокровный Л'Инконну, — но ты бы все-таки думал, кого стоит чистить, а кого нет.

— Мне надо вернуться на бал, — сказал Вилл.

— Мы оба с тобой прекрасно знаем, что об этом можно забыть. — Мантикор лениво прикрыл глаза. — Но если ты хочешь попробовать, я охотно дам тебе фору в десять шагов.

Его дыхание становилось все реже, хвост перестал метаться и лег на ковер.

Он слишком уж уверен в себе, прошептал дракон. *Дай мне полную волю, и один к одному, что эта тварь будет дохлой, как половик под ногами, не успев даже понять, что же это с ним происходит.*

Такие шансы Вилла не слишком устраивали, а потому он стал торопливо припоминать все, чему научился со времени приезда в Вавилон. Вот что сделал бы при таких обстоятельствах Нат? Что-нибудь очень ловкое, можно не сомневаться. Но Вилл отнюдь не чувствовал себя ловкачом. А что бы сделал Салем Туссен? Об этом стоило подумать.

— Я не вижу никаких причин, мешающих нам подружиться, — начал Вилл. — Ну чем я могу убедить тебя, что мы с тобой на одной стороне?

— Не могу себе даже представить, — сказал мантикор и чуть-чуть приоткрыл глаза.

— Тогда позволь мне сделать тебе предложение. — Вилл медленным движением достал из кармана бумажник, а затем еще более медленно открыл его и пересчитал лежащие в нем деньги. — У меня тут тысяча триста долларов. — Он положил бумажник на пол и осторожно отступил на три шага. — Позволь мне уйти отсюда живым и здоровым, и все они станут твоими.

Мантикор лениво встал, зевнул, потянулся и подошел к бумажнику. Его жуткая когтистая лапа осторожно перебрала купюры. Его синие, небесной красоты глаза встретили взгляд Вилла. Он широко улыбнулся:

— Проходи, дружище.

Вилл выскользнул из библиотеки, закрыл за собой дверь и помчался по лестнице вверх. *Мотай отсюда на хрен*, посоветовал дракон, и в кои-то веки Вилл с ним полностью согласился.

Но сколько бы Вилл ни пытался, он не мог найти выход. Он словно попал в лабиринт или запутался в бредовом сне. В какую бы сторону он ни поворачивал, рано или поздно каждый коридор выводил его к бальному залу. Ситуация представлялась крайне кислой, и все-таки, как ни странно, он ощущал подъем. Казалось, что вся энергия, ушедшая у него на танцы и пустую болтовню, вдруг вернулась едва ли не с добавкой. Над ним висела страшная опасность, и он мог с нею справиться. Вот только уйти бы подальше от этого бального зала.

А вот этого-то он и не мог.

Ну что ж, тогда оставался единственный выход, хотя слово «выход» не совсем здесь подходит.

За время его отсутствия в зале на небе взошла луна. Большая и рыжая, как перезревшая тыква, она висела прямо над горизонтом. Не обращая внимания на всю эту ораву эльфов, которые пялились на него и громко шушукались, Вилл стал искать глазами Алкиону.

Вспышка красного в глубине террасы.

Он пошел прямо к ней.

Вилл небрежно взял Алкиону за руку, словно они друзья, решившие прогуляться, и глаза ее потемнели от гнева. Ее свободная рука чуть приподнялась с намеком на намерение отвесить ему пощечину, однако она себя сдержала. Это было предупреждение.

— Мне, сударь, совсем не требуется внимание мелких ловчил.

— Улыбайся. — Вилл говорил, едва шевеля губами. — Они обнаружили кражу.

— Это невозможно. С какой бы стати...

— Флориан решил показать мне это кольцо. — Вилл приблизил губы к уху Алкионы, словно собираясь ласково куснуть ее за мочку, и прошептал: — Сейчас я тебя поцелую. Попробуй получить от этого удовольствие. Или хотя бы сделай вид. Затем отстранись, возьми меня за руку и тащи к ближайшей двери. Не надо никакой излишней тонкости. Я твоя добыча. Все они будут тебе завидовать. Мы уйдем, и очень важно, чтобы никто не догадался почему.

В холле толпились слуги, ливрейные карлики и хайнты, поэтому сперва, пока коридор не свернул в сторону, они шли вроде как не торопясь. А затем Алкиона выпустила руку Вилла, сбросила туфли, подобрала подол и помчалась со всех ног. Вилл помчался следом.

— Все пути к выходу ведут мимо фаты Л'Инконну и этого карлика, ее *consiglieri*[1]. К этому времени там уже выставлена охрана. К счастью, я предусмотрела такой вариант и заготовила себе путь отхода.

— Нам, ты имела в виду.

— Только если у меня не будет выбора.

— У тебя его нет.

Алкиона остановилась перед ничем не приметной дверью. От ее прикосновения дверь открылась, и они вошли.

---

[1] Советника *(ит.)*.

Свет в этой комнате был только тот, что проникал из окна, однако Вилл рассмотрел кровать под балдахином, призывно вздымавшимся от дувшего с балкона ветерка. Такого ложа не постыдилась бы и сама Астарта. Пахло пудрой, духами и розами. Будь обстоятельства другими, здесь бы стоило задержаться.

Алкиона вышла через балконную дверь.

— Поторапливайся, жопа.

Вилл поторопился. На балконе Алкионов гиппогриф, оседланный и в полной готовности, мирно общипывал горшки герани. Глаза у него были большие, как блюдца, и красные, как гранаты. И эти глаза внимательно взглянули на Вилла.

Вилл протянул руку, чтобы погладить чудище по голове.

— Ты там не очень, — беззаботно бросила Алкиона, — а то он кусается.

Вилл отдернул руку, и в тот же самый момент там, где только что были его пальцы, щелкнул страшный иззубренный клюв.

Алкиона не протянула руку, чтобы подсадить Вилла в седло, но и не стала мешать ему забраться. Ее платье зацепилось за луку седла, и она, не раздумывая, разодрала его двумя руками снизу до самого паха, чтобы сесть на чудо-коня понадежнее, пробормотав при этом: «Зараза, ведь оно от Гивенши», а затем натянула поводья, и гиппогриф сиганул с балкона.

Огромные крылья раскрылись и поймали ветер.

Они полетели.

Сразу же выяснилось, что лететь на гиппогрифе совсем не то что скакать на коне: с одной стороны, нет той тряски, с другой — как-то слишком уж необычно. Но это вполне соответствовало возбужденному состоянию Вилла. Он на свободе! Он остался жив! Он может делать все, что угодно! Это было невероятное ощущение, лучшее из возможных. Ему уже хотелось вернуться и сбежать еще раз.

Алкиона громко смеялась, и Вилл неожиданно сообразил, что и он смеется тоже. А тем временем сильные размеренные взмахи крыльев несли гиппогрифа уже над заливом Демонов. Окна покинутого ими Вавилона становились все меньше и меньше, в то время как сам город не уменьшался, он все так же заполнял половину неба. В холодном воздухе густо висели запахи гиацинтов и солярки.

— Слушай, скажи мне одну вещь, — начал Вилл, когда они отсмеялись. — Этот зверь не был привязан. Как я понимаю, он прилетел на твой зов. Так чего же ты не позвала его прямо оттуда, с террасы?

Алкиона обернулась и смерила его жестким взглядом. Ее улыбка не сулила ничего хорошего.

— Даже странно слышать такой вопрос от паяца. — Привязав поводья к руке, она перекинула через круп гиппогрифа сперва одну ногу, а потом и другую, так что оказалась в результате лицом к Виллу. — Ну-ка, посмотрим, на что ты похож. — Она сорвала с него полумаску, а вместе с ней исчез и костюм Пьеро. — Хм. Малость шероховато и с заусенцами, но совсем не так плохо, как можно бы ожидать.

— Ты не... зачем ты это?

— Успокойся и расслабься.

Она сдернула с него пиджак смокинга и развязала его галстук. Трепыхаясь, как птицы, они улетели в ночь. Ухватив его рубашку двумя руками, она с силою дернула. Запонки и вырванные с мясом пуговицы брызнули по сторонам. Если раньше Виллу было немного прохладно, то теперь стало холодно.

— Я спасла твою задницу, — сказала она, — и теперь предъявляю права на традиционную награду героя, в данном случае — героини. Ложись и получай удовольствие, если сможешь. Или хотя бы сделай вид.

— Да что это ты делаешь! — крикнул Вилл, когда его рубашка белоснежным буревестником улетела вслед за пиджаком; лохмотья Алкиониного платья бились на ветру, хлестали его по лицу и рукам, а всклокоченные, трепещущие волосы делали ее похожей на горгону Медузу. — Ничего ты меня не спасала, это я спас тебя!

Алкиона толкнула Вилла ладонью в грудь, так что он почти упал на спину. Затем она рванула ширинку его брюк — у него уже, конечно же, стоял — и сказала:

— Давай будем рассказывать эту историю в моем варианте, ладно? А пока что подними, пожалуйста, задницу над седлом.

Не имея особых вариантов, Вилл послушался, после чего она сорвала с него брюки и отправила их вслед за прочими элементами его туалета. Больше снимать с него было нечего. Клочья Алкиониного платья полоскались на ветру, словно красные вымпелы. Куски ее тела появлялись и исчезали с такой трепе-

щущей скоростью, что их было толком не разглядеть. Медленно, с томительными остановками Алкиона нагнулась над Виллом. Он уже чувствовал, как к его члену приближаются ее губы.

А затем, вздернув Вилла за ноги, перекинув через себя, Алкиона сбросила его со спины гиппогрифа. Он полетел, кувыркаясь, в пустоту.

Это были мгновения чистого, ослепительного ужаса, а затем его ударила вода, жесткая, как деревянный пол. Вокруг него вскипели пузырьки.

Задыхаясь и хватая ртом воздух, Вилл вынырнул на поверхность.

Гиппогриф описал круг и снова пролетел над ним, лихая наездница была вне себя от восторга.

— Бедняжка Вилл! — кричала она, давясь от хохота. — Какой восхитительный финал идеального вечера! Ну у кого и когда было такое роскошное первое свидание!

— Гарпия! — орал ей Вилл, бессильно грозя кулаком. — Горгона! Грымза! Сука заразная!

Алкиона натянула поводья, и гиппогриф повис на месте, взбивая воздух своими огромными крыльями. Сбросив в клочья изодранное платье, она достала из седельной сумки и надела футболку с эмблемой «Хард-рок-кафе», перехватила поводья одной рукой, достала из той же сумки джинсы, встряхнула их, чтобы расправились, и тоже надела.

— Пока, старина, еще увидимся. Хорошо мы поразвлекались.

Натянув поводья, она устремилась в небо.

Вилл смотрел вслед таявшему в ночи гиппогрифу с какой-то дурацкой смесью гнева и желания, пытаясь силой мысли заставить ее вернуться. Но нет. Гиппогриф на миг нарисовался на фоне огромной рыжей луны, а затем становился все меньше и меньше, пока не затерялся крошечной пылинкой в сонме пылинок, роившихся в ночи.

Все это время Вилл бестолково лупил руками по воде, а теперь осмотрелся и увидел, что находится менее чем в миле от берега. Видимо, Алкиона полетела не прямо в сторону залива, как он думал все это время, а где-то свернула по направлению русла Гихона. Так что все обстояло не так уж и скверно. А ведь могла бы сбросить его далеко в море, и тогда уж точно конец.

Вилл немного отдышался и поплыл к пристани. Затем он перестал работать руками и оглянулся через плечо на огромную, все еще низко висевшую луну. Где-то там была его воровка.

— Ну ладно, — вздохнул он. — Первый раз прощается, второй раз запрещается, будем надеяться на третий.

И продолжил свой долгий и скучный заплыв.

Начав абсолютно голым, без единого гроша в отсутствующем кармане, Вилл потратил полных три дня, чтобы воровством и попрошайничеством, ласками и сказками заработать на обратную дорогу в Вавилон. Можно было бы уложиться и в половину этого времени, однако гордость обязывала его вернуться домой с достаточным количеством денег, чтобы заплатить за смокинг, буде Нат решит списать безвозвратные потери на его счет.

Но тогда, в самые первые часы, он очень страдал от холода и отчаяния.

Слушая историю его злоключений (немного причесанную), Нат хохотал почти до колик.

— Ну, силен ты, сынок! Почти так же силен, как я!

— А мне казалось, что я только все испоганил. Политическая полиция хочет всерьез нами заняться. Флориан меня ненавидит. А Алкиона знает едва ли не все.

— А есть у кого-нибудь хоть какие-нибудь доказательства?

— Хм... да нет.

— Так в чем же дело? И не беспокойся насчет врагов — чтобы эта штука сработала, враги нам просто необходимы. А если по большому счету, главное тут — просто позабавиться. Ты позабавился? Ну и ладушки.

14
ОКАМЕНЕВШИЙ ЛЕС

Вход в Публичную библиотеку охраняли два огромных мраморных льва. Прихватив с собой только что взятые книги, Вилл сел между лапами одного из них и начал читать. День был для осени необычно ясный и теплый, а так как фасад библиотеки выходил прямо на эспланаду, ступеньки купались в солнце.

Нат снимал в двух шагах от надземки квартиру — «гребенкой», без отопления и горячей воды, но читать там было не очень удобно. Регулярно, каждые десять минут, здание сотрясал идущий вверх фуникулер, и Эсме снова и снова подбегала к окну посмотреть, в чем там дело. Лестница насквозь провоняла вареной капустой, стиркой и облупившимся суриком. На первом этаже жило огромное семейство троллей, на втором — какой-то пианист, а на третьем — домовые. Так что если каким-нибудь чудом все они враз замолкали, то проходило совсем немного времени — и кто-нибудь уже начинал барабанить в потолок, негодуя на почудившийся шум. На улице с утра и до самой ночи орали мальчишки, игравшие в пристенный мячик, шлепавшие бейсбольными картами или ссорившиеся из-за бутылочных крышечек. Юные летучие девы и их столь же юные поклонники, не имевшие собственного жилища, по ночам оккупировали лестничные площадки и пилились там встояка. Рев доставочных фургонов не умолкал ни днем ни ночью.

Вилл решил сначала просмотреть газеты, отложенные Натом специально для него. Натов план сработал лучше любых ожиданий. Виллу потребовалось три дня, чтобы попрошайничеством, воровством, враньем и надувательством проторить себе путь домой, и, как оказалось, ровно столько же времени потребовалось прессе, чтобы разнюхать сенсационную новость. Ровно в день его возвращения слух о возвращении царя выплес-

нулся на первые страницы всех вавилонских газет. «СЛУХИ О РЕСТАВРАЦИИ МОНАРХИИ НАВОДНИЛИ ГОРОД», — констатировала «Таймс». «ЕГО НЕ-СТОЛЬ-УЖ-И-ОТСУТСТВУЮЩЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО?» — спрашивала «Пост». «РАЗЫСКИВАЕТСЯ РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРИНЦ», — объявляла «Геральд трибьюн». И, подбивая всему этому итог, «Дейли ньюс» лихо заявляла: «НАСЛЕДНИК НАСЛЕДИЛ».

Редакционные колонки были полны дичайших спекуляций. Что бы это значило, задавались вопросом газетчики, что наследник вдруг взял да и появился? Может быть, царь умирает? (А он точно еще не умер, сообщала врезка, о чем свидетельствуют многие приметы и знамения, главное место среди которых занимает нетронутость Обсидианового Престола. Пока живет Его Отсутствующее Величество, этот престол будет доступен лишь для него либо его непосредственных наследников и станет верной смертью для любого другого, кто попробует его занять, — совокупность обстоятельств, о которых даже те, кто поддерживал абсолютную монархию, горько сожалели по причинам, наглядно выявившимся за время отсутствия царя.) Почему, если наследник действительно вернулся, он предпочел об этом не объявлять? А если ему так уж хочется скрыть свою личность, почему при первом своем появлении на публике он почти ее не скрывал — если, конечно же, это появление было первым? Другая врезка приводила обрывки старых сообщений и доводы экспертов, считающих, что нет, не первое.

Вилл отложил последнюю газету и взял из стопки книг верхнюю.

— «Гиппогрифы: питание и уход»? — пророкотал каменный голос. — Зачем о них читать? Гиппогрифы — мерзейшие твари. Крысы летучие, тьфу.

— Разве ты не знаешь, что читать через плечо неприлично? — возмущенно повернулся Вилл.

— Ничего не могу с собою поделать, — сконфузился лев. — Неудержимая страсть к чтению. Читаю книги, газеты, коробки с сухими завтраками — все, на чем есть слова. Это мой единственный порок.

— Тогда у тебя не должно быть тут и никаких возражений. Слов в этой книге сколько угодно.

— Это совсем не значит, что у меня нет предпочтений. Иногда какой-нибудь лодырь приносит стоящую книгу. Фолкнер.

Вирджиния Вулф. Шелли. Тут как-то летом некий тип ходил сюда как на работу, пока не прочитал «Войну и мир» от корки до корки. — Лев сладко зажмурился, по его телу пробежала блаженная дрожь. — Это было пиршество духа. — Затем он приподнял каменную лапу и осторожно тронул каменным когтем Виллову стопку книг. — А вот эти — они же все простые компендиумы сведений. Зачем ты тратишь на них драгоценное время?

— Понимаешь, есть тут эта девушка...

— Всегда и везде есть девушка.

— Да ты все равно не поймешь.

— Ну конечно же, я ничего не пойму. Ну что там лев понимает в женщинах? Мы только и можем, что держать довольными и счастливыми маленькие такие прайды по семь — десять самок. Проще простого, это каждый может.

— А где они теперь, этот твой прайд? — спросил Вилл и отложил книгу в сторону.

— Я счастлив сообщить тебе, что в настоящий момент они рожают.

— Что? Все до единой? Одновременно?

— Неужели ты хочешь, чтобы я выделял каких-то любимиц? — возмутился лев. — Каждая жена каждую ночь, так часто и так долго, как они сами того пожелают, — вот лучший путь к гармоничному браку. Поверь моему слову, если ты будешь придерживаться этого простейшего правила, твои браки никогда не распадутся.

— Но если они рожают, не должен ли ты находиться при них?

— Плоть мимолетна, камень долговечен. — В голосе льва звучало высокомерное сострадание. — Для нас все вы мимолетны, как отблески лунного света на капле воды. Мало удивительного, что вам никогда и ничего не удается сделать! А наши жизни достаточно долги, чтобы их с чувством смаковать. Во времена моей молодости был всего лишь один материк. Представь себе мое удивление, когда речушка, которую я без труда перепрыгивал, стала широкой и превратилась в море! Я так был ошеломлен, когда одна земля разорвалась на много земель, которые разошлись, вращаясь, по всем уголкам Земли, да простят мне слово «уголки»! Иногда мне хочется закрыть глаза и на не-

сколько тысяч лет вцепиться в землю когтями, только чтобы голова не кружилась.

К несчастью для меня, в то самое время я начинал задумываться о браке, и вот все мои предполагаемые невесты оказались на другой от меня материковой платформе. Это меня крайне встревожило. Будь я таким торопыгой, как вы, плотские, я утонул бы в заранее обреченной попытке воссоединиться с ними, переплыв океан. Но как бы страстны ни были львицы, больше всего они ценят, когда на тебя можно положиться, и, как прямое следствие, презирают любую поспешность. Поэтому я не спешил. Я ждал. И вот по прошествии того, что даже мне показалось невыносимо долгим временем, их и мой континенты снова наехали друг на друга. Я стоял на берегу и смотрел, как сужается полоса воды. Я видел, как сталкиваются земли и в месте, где они столкнулись, вырастает могучий горный хребет. Когда все улеглось, я высмотрел наименее трудный проход между их материковой платформой и моей.

И сел неподалеку.

Десятилетия бежали как стрелка по циферблату секундомера. Столетия текли подобно воде. Ни одна дама не любит проявлять в отношениях с мужчинами излишнюю заинтересованность. Спустя многие и многие эоны мимо меня неторопливо проследовали девять львиц. Восемь прошли, даже не повернувшись. Последняя, самая младшая, была уже готова сделать то же самое, но вдруг вздрогнула, заметив меня.

«О! — сказала она. — Ты что, все время был здесь?»

«Да, о моя сладкая безгривая», — ответил ей я.

Остальные описали полукруг и вернулись. Тела у них были длинноногие и крепкие. Они ступали по земле беззвучно, как тени.

«Возможно, ты нас еще помнишь», — небрежно заметила самая старшая.

«О темно-рыжая богиня, наша разлука продлилась сотни миллионолетий, и все это время я думал лишь о вас».

Медленно, неторопливо они ходили вокруг меня, и круги становились все теснее, пока их тела не стали касаться друг друга и даже иногда толкать меня то с одной, то с другой стороны. Их спокойные золотые глаза горели, как ветром раздутые угли. Запах их женских органов опьянял. Игриво и застенчиво они

обнажали свои острые белые клыки. Я понимал, что это момент величайшей опасности. Они так долго меня ждали, что, покажи я сейчас хоть малейшую слабость или торопливость, они в своем разочаровании бросились бы на меня и разорвали в клочья.

«Разве ты не хочешь спросить, были ли мы тебе верны?» — спросила лучшая из них охотница и куснула меня в бедро.

«Будь у меня нужда задавать такие вопросы, я бы в вас не влюбился, о мое плотоядное сокровище».

«Но был ли верен нам ты?» — спросила самая умная.

«Но ведь я жив еще, верно?» — спросил я. О, я был бесстрашен! Я встряхнул своей гривой, чтобы дать им ею полюбоваться. Я встал и потянулся, чтобы они могли видеть мускулистое совершенство моего тела.

«Вам хватило бы единственного взгляда, чтобы узнать о моем негодяйстве. Ваши зубы сомкнулись бы у меня на глотке. Ваши когти распороли бы мою шкуру, так что кровь моя хлынула бы на землю. Но я еще жив».

Мои слова взволновали их и возбудили. Раздалось громкое девятигласное рычание. Потом вперед вышла самая застенчивая из них и застенчиво пробормотала: «В таком случае ты можешь нас иметь». Я не шелохнулся, а только спросил: «Когда?» Они весело, с уважением переглянулись, и я понял, что прошел последнее и самое хитро задуманное испытание. Самая из них хорошенькая потупила глаза и сказала: «Сейчас».

Там же и тогда же мы справили нашу свадьбу, и наш брак был долгим и счастливым. Затем — не так уж и давно, в моем понимании этих вещей, но за пределами памяти вашего племени — дамы мои понесли. А ведь известно, что во время беременности особи женского пола наиболее уязвимы. И хотя мало кто из живых существ рискнет напасть на таких, как они... *Когда время беременности измеряется в эонах,* не стоит пренебрегать и самой малой вероятностью. Поэтому, как то водится у нашего племени, они нашли подходящую гору и вырыли под ее корнями глубокие норы, чтобы спать там в ожидании родов.

А я охранял их покой.

Иногда я отлучался на охоту или по естественным нуждам, но отлучки мои были краткими. Каждый такой раз я сажал для измерения времени яблоню, способную давать семена и про-

должать свой род. И ни разу не случилось, чтобы к моему возвращению яблоневый лес погиб, настолько был я бдителен.

Но однажды, вернувшись после краткой отлучки, я увидел, что гора наполовину срыта, а каменщики, плотники и каменотесы строят массивное здание на том самом месте, где затаились в глубине мои возлюбленные жены! Руководил же всем этим некий монарх, необычайно высокий и статный по вашим меркам, хотя жалкая козявка — по моим.

«Что это?» — спросил я царька. Он был из ваших, из плотских, появившихся в мире совсем незадолго до этого.

Немного нервически — потому, наверное, что я сбил его с ног и слегка придавил к глине лапою, предотвращая любую попытку бежать, — Нимрод (так, он сказал, его звали) рассказал мне о своем грандиозном проекте и его священном предназначении, о многочисленных пророчествах его срединного положения в судьбе Тысячи Рас и неизбежном его владычестве над всем земным шаром, об изяществе его архитектуры и так далее. Во время нашей беседы сопровождавшие его солдаты осыпали меня дротиками и стрелами, каковые, конечно же, отскакивали от моих боков, не причиняя мне никакого вреда, я же ждал, а когда они утратили осторожность и подошли ко мне слишком близко, раздавил их в кисель. Однако Нимрода я не убил, потому что при любых обстоятельствах мой контроль над собой абсолютен.

С помощью своих зодчих, чертежей и множества страстных клятв Нимрод сумел убедить меня, что фундаменты Вавилона уходят под землю не так глубоко, чтобы причинить какой-либо вред моим спящим женам. А по здравом размышлении я даже решил, что строительство над их укрытием столь массивного города только обеспечит им еще большую безопасность от любого ущерба.

И я смирил свой гнев. А теперь наконец-то время моих жен пришло. Наверное, ты и сам иногда замечаешь легкую дрожь, пробегающую по башне, слышишь, как поскрипывает ее стальной каркас. Это значит, что у одной из них начинаются схватки. Когда-нибудь — может быть, завтра, может быть, через сто тысяч лет — мои жены начнут рожать; серьезного времени это не займет, и примерно через неделю все будет кончено. Тогда они стряхнут лежащий на них груз кирпича и камня, Жуткая Башня обрушится и все ее жители погибнут. Мои жены выйдут

из нор на поверхность и попиршествуют трупами, а я оближу своих детенышей, чтобы вдохнуть в них жизнь. Но счастливый день еще впереди, и я терпеливо жду. Я нанялся сторожить эту библиотеку, и хотя мой оклад смехотворно мал, мои нужды тоже невелики. Кое-как хватает. Я буду ждать, сколько потребуется. Я — само терпение.

Какое-то время Вилл молчал. Затем он кивнул на второго льва и спросил:

— А твой напарник? У него что, все то же самое?

— У него? — удивился лев. — Не знаю. Я никогда у него не спрашивал.

— Ясно, — кивнул Вилл и вернулся к чтению.

Согласно руководству, гиппогрифы едят как овес, так и мясо. И торговцев зерном, и торговцев мясом в Вавилоне более чем хватало, однако можно было не сомневаться, что Алкиона пользуется услугами поставщика, имеющего в предложении и то и другое. Загон для гиппогрифов должен иметь как доступ к открытому небу, так и травянистую площадку для выгула. Это была вторая ниточка. Жуликоватую эльфийскую девицу, играющую роль великосветской особы, обнаружить совсем не так трудно, как ей то, наверное, кажется. Стоит поискать ее через шорников. Гиппогрифы встречаются куда реже, чем их предки, грифы и лошади, а потому и сбруи для них готовят очень немногие мастера. Алкиона, конечно же, прибегает к услугам самого из них лучшего.

Чтобы просмотреть все отобранные книги, Виллу потребовалось несколько часов. Он отложил «Аристократию небес», встал, зевнул, потянулся и собрал книги в пачку, чтобы сдать их в библиотеку. Он успел подняться только на пару ступенек, когда в ноги ему врезался ребенок.

— Дядя Вилл! Дядя Вилл! — Это была, конечно же, Эсме. Слегка отдышавшись, она сказала: — Деда сказал, чтобы ты не ходил домой. — В эти дни Эсме думала, что Нат ее дедушка. — Он говорит, что это важно.

Вилл наклонился, чтобы разговаривать с ней, глядя ей в глаза.

— А когда он это говорил? Недавно?

— Не знаю, — пожала плечами Эсме.

— А он больше ничего не говорил?

— Говорил, но я все забыла.

Вилл поневоле улыбнулся.

— Ну конечно же, ты забыла. Я...

На плечи и бедра Вилла опустился неожиданный груз. Со странным чувством разрыва ткани времени он осознал, что на голове у него шлем из жесткой прорезиненной ткани, снабженный пластиковым щитком. Опустив глаза, он увидел на себе белый скафандр с желтыми резиновыми перчатками. Воздух подавался в шлем по наружным шлангам, тянувшимся к поясному компрессору.

А потом перед Виллом откуда-то появился Нат Уилк, на нем тоже был белый биозащитный скафандр.

— Что бы ты там ни делал, шлем не снимай, — предупредил он. — А то застынешь вне времени, как вся остальная здешняя публика.

Все это было до крайности странно.

— Нат, — сказал Вилл, — на хрена весь этот маскарад? И что здесь вообще происходит?

— А ты посмотри. — Нат отшагнул в сторону, чтобы не заслонять Виллу вид города.

А город был неподвижен. Остановилось уличное движение. Пешеходы застыли на полушаге и напоминали окаменевший лес. Цветочные лепестки, сдутые ветром из чьего-то заоконного ящика, навечно завязли в воздухе, как мошки в янтаре. Эсме, остановленная в прыжке, балансировала на кончике пальца. Нат вынул из кармана двугривенный и резким движением убрал из-нод него ладонь. Двугривенный не упал.

— Сильное джу-джу, верно? Лорды Мэральности заморозили временной момент, после чего ввели в него полицию и спасателей. Цирк высшего разряда, ты просто счастливчик, что стал его зрителем. Заклинание такого масштаба накладывают не чаще чем раз в десятилетие, да и то по самой крайней необходимости. А то ведь никакой бюджет не выдержит. — Нат вынул двугривенный из воздуха. — Пошли.

— Мои книги...

— Я уже вернул их. Одно из преимуществ остановленного времени в том, что появляется возможность спокойно доделать недоделанные дела.

— А как же Эсме?

— Ничего, перебьется.

Вилл следовал за Натом, не задавая ему вполне естественных вопросов, а отвечая на них самостоятельно. Откуда Нат узнал про остановку времени? У Ната множество связей. Видимо, у него был «крот» в Мэральности или даже во Дворце Листьев. Где он взял скафандры? Из того же источника. Что он планирует теперь? Вряд ли что-нибудь определенное. Нат всегда предпочитал думать на ходу.

Город был беззвучен и прекрасен.

Стайка голубей, взлетавших с тротуара, образовала в воздухе нечто вроде лестницы. Нат взял одну из птиц, осторожно сложил ей крылья и засунул ее в карман случившегося рядом боггарта. Цепочкой бриллиантов повисли под выхлопом кондиционера сверкающие капельки воды. Нат собрал их штука за штукой, смял в единый водяной шарик размером с детский кулачок и засунул полицейскому под шлем. Выхватив из воздуха какую-то мошку он затолкал ее в ноздрю людоеда.

— Прямо как ребенок, — заметил Вилл.

— Знаю, знаю. Только что же мне делать? Как полноправный мастер Праведной и Почетной Гильдии Жуликов, Мошенников и Плутов, я несу определенные обязательства.

— Слушай, скажи мне одну вещь. Эта твоя гильдия — ты не являешься, случаем, ее основателем и единственным членом?

— Ну как же хорошо ты меня знаешь! — Рядом застыл богато одетый каменный тролль; Нат вытащил у него из кармана бумажник, задрал какой-то хулдре юбку и, весело фыркнув, засунул ей в чулок сотенную купюру. — Пусть поломает голову.

Затем он прошелся по улице, засовывая деньги в исподнее каждой сильфиды и гурии, попадавшейся на глаза. Когда бумажник опустел, он откинул его в сторону, и тот завис над мусорным баком, словно кожаная чайка.

— Слушай, — загорелся Вилл, — а ведь это же для нас прекрасная возможность. Чем растрачивать ее попусту, нам бы следовало выходить сейчас из банков с мешками золота. Ну, если хочешь, на благотворительность, но хоть сколько-то и для себя.

К его полному удивлению, Нат рассмеялся:

— Это не то, что делает настоящий мошенник. Не в его это духе. — Он понизил голос, словно сообщая что-то по секрету. — Нам нужно совсем не это.

— Так, значит, у нас есть какая-то цель.

— Абсолютно верно. Мы как взбивалка, взбивающая мир, без нас бы он застоялся и прокис. Каждая жизнь, которой мы сегодня коснулись, стала богаче и страннее.

— А вот этот кент, чьим бумажником ты распорядился, уж он-то точно не стал богаче.

— Думаешь? Нет, бесконечно богаче! Он застрял в колее и даже сам того не замечал. Он жил, засунув голову в этот несчастный бумажник, и был абсолютно слеп к чудесам мира. Сперва он будет убиваться по пропавшим деньгам, но уже вечером начнет размышлять, каким же он был идиотом, а утром будет наново переосмысливать жизнь.

— А эти юные особы?

— Когда девица находит у себя в трусах неизвестно откуда взявшуюся сотню, это для нее тревожный сигнал, и реакция ее очевидна — твердое волевое решение, что с этой разгульной жизнью надо кончать.

— А если она вполне добронравна? Если она не ведет никакой такой разгульной жизни?

— Тогда она может ее начать! — (Мимо прорычала полицейская машина, мучительно пробиравшаяся сквозь частокол застывшего уличного движения.) — Не мне увеличивать или уменьшать в нашем мире суммарное количество добродетели или порока — я могу лишь тормошить его, чтобы не залежался. Чтобы все мы не сдохли от тоскливой предсказуемости.

Город, до того молчавший, начинал шевелиться. Где-то выли сирены. Проскакал галопом улан в биозащитном скафандре. Но все это были лишь малые отклонения от всеобщего мертвого покоя.

— Почти дошли, — весело сообщил Нат.

На их пути строем стояли чучела с облитыми бензином и подожженными головами, оранжевые языки пламени светились, но сохраняли полную неподвижность. Приподняв желтую полицейскую ленточку, тянувшуюся от чучела к чучелу, Нат подныряул под нее сам и пропустил Вилла. Затем они свернули за угол.

— Да это же наша улица! — обрадовался Вилл. — А это наш дом!

— Делай что-нибудь, — прорычал Нат. — Веди себя так, словно ты один из них.

Здесь были сотни спасателей, полицейских и политических функционеров, и все они увлеченно соревновались за главенство в ситуации, когда настоящей осмысленной работы было разве что на десятую их часть. Нат с Виллом пробирались между автомобилями с символикой дюжины военных и полувоенных организаций и отчаянно мигающими мигалками. На мостовой змеились пожарные шланги. За всем происходящим мрачно наблюдали спецназовцы в увешанных амулетами шинелях. Рядом с домом стояли цепочкой эльфийские маги, настолько дряхлые, что их еще столетия назад полагалось бы объявить юридически мертвыми. Это они своими воздетыми жезлами поддерживали общегородской стасис. Из дома и обратно циркулировали полицейские; в коробках, которые они таскали, могло уместиться не только все хозяйство Ната, Эсме и Вилла, но и вещи доброй половины их соседей.

— Похоже, они тут заканчивают, — заметил Нат. Он наклонился, так что их шлемы почти что соприкасались, и сопровождал разговор короткими резкими жестами, словно отдавая какие-то указания. — Все это, собственно, небольшая вылазка в стан противника, чтобы посмотреть заглотил ли он наживку. Так что молчи как рыба, о'кей? Говори, только если к тебе обратятся.

— У тебя что, совсем крыша съехала? Это же полный бред. Во что ты меня втянул?

— Успокойся, все происходит строго по графику. Этого следовало ожидать. Возвращение царя — дело серьезное. Весь этот шухер был легкопредсказуем. — Нат говорил в своей всегдашней уверенной манере. — Идет большая игра, мальчик. Это как Эзопова крапива. Подойди к ней с опаской, возьми ее осторожно, и она обожжет как огонь. Но схвати ее смело, по-мужски, и она будет нежной как шелк. А еще не забывай, что никто из них не знает, как мы с тобой выглядим.

У Вилла были большие сомнения насчет такой крапивохватательной стратегии — понимать ее буквально или метафорически, — но он предпочел промолчать. Они влезли во все это слишком глубоко, чтобы заниматься софизмами.

— Они уже снимают с этого района охрану, — заметил Нат.

Аварийки начинали потихоньку отъезжать, полицейские тушили и снимали чучела. Оставались только главные участники операции, хотевшие видеть все до конца.

— Я никого здесь не знаю, — отметил Нат. — А ты, ты кого-нибудь знаешь?

— Вообще-то, да. Вот эта, с яркой помадой и в героической позе. — Вилл указал подбородком. — Это Зоря Вечерняя. Она занимает в политической полиции далеко не последнее место, во всяком случае, мне так кажется.

— Вот же черт. У меня ведь список задержаний и судимостей длиною с член Короля-рыбака, она может меня и узнать. — Нат уставился в землю, нахмурился и пробормотал: — Слушай, детка, я в тебе нуждаюсь. Ты разбираешься в женщинах лучше, чем я. Взгляни на эту особу и скажи, как она тебе кажется.

— Че-го?

— Да не ты, — раздраженно отмахнулся Нат. — Да, я тоже так думаю. Хочешь принять бразды правления?

— Чего это ты такое несешь?

— Мне, мальчонка, нужно ненадолго отойти в сторону. Тут есть некая личность, с которой мне хотелось бы тебя познакомить. Говори этой личности все как на духу. Доверяй ей точно так же, как ты доверяешь мне.

— Уж тебе-то я совсем не доверяю.

Вилл шел следом за Натом к витрине углового храма, содержавшегося Культом Плотской Любви.

— Остряк-самоучка.

Они вошли в храм. То, что было внутри него, напоминало демонстрационный стенд разновидностей поклонения, практикуемых этим культом: флагелланты с кнутами, которые криптическими арабесками извивались над их согбенными спинами, самонаслаждатели, стоявшие кружком вокруг алтаря с закинутыми в экстазе головами, и, наконец, девственная жертва, привязанная к алтарю и совсем уже готовая принять грозное орудие кары, принадлежавшее, естественно, жрецу.

— А теперь гляди в оба, — сказал Нат, — это мой лучший трюк.

Он медленно, постепенно согнулся пополам. С минуту елозил и корчился внутри скафандра, словно тело его меняло форму. И наконец распрямился. За щитком шлема было совсем другое лицо.

— Так ты и есть тот самый мальчонка. Я много о тебе наслышана.

Незнакомка сверкнула сардонической улыбкой. Это была одна из тех женщин, которые кажутся в первый момент прекрасными, затем ты замечаешь их возраст, а затем они снова прекрасны. Ее ярко-рыжие волосы были коротко подстрижены, черты лица резкие и восточного типа.

— Я старая напарница Томба, — продолжила она и добавила, заметив, что Вилл не реагирует: — Святой Иоанн Злокозня? Мулла Насреддин? Том Никто? Лиана Странник? Нат Уилк? Ты скажи, когда будет горячо.

— Кто ты такая? — спросил Вилл. — И кто ты Нату?

— Он тебе что, ничего про меня не рассказывал? Вот же поганец. Он еще за это поплатится. — Она протянула руку для пожатия. — Я Лизетта иль Вольпоне Шахерезада Джонс. Только не зови меня Лиззи. Я партнерша Ната.

— Ты лисица, — догадался Вилл[1]. — Та, что спасла его в «Цепкой трясине».

— Так он рассказывал тебе про меня. Вот ублюдок. Я же говорила ему, что не надо.

— Так ты, э-э... разделяешь с Натом его тело? — Вилл густо покраснел. — Я в смысле, что...

— Быстро соображаешь. Я поймала прямо сюда... — она постучала себя по груди, — заряд картечи, который изрубил мое сердце в фарш, так что пришлось лечь на дно и ждать, пока заживет; и продолжалась эта тощища несколько месяцев. Не будем вдаваться в подробности. Они малость интимного свойства. Введи-ка меня быстренько в курс. Чем занимался Нат в мое отсутствие?

Вилл изложил ей краткую версию событий. Как они встретились в лагере «Оберон» и вместе доехали до Вавилона. Как Нат спас его от политической полиции, но зато потом из-за своего наплевательского отношения ко всем официальным документам поставил в положение нелегала. Ну и как они теперь на пару работают по исчезнувшему принцу.

— Да уж, наслышана, — усмехнулась лисица. — Один из столь любимых Натом переусложненных планов. Классические схемы работают лучше всего тогда, когда осуществляются без всяких затей. Но он же, видите ли, *артист*, ему так и чешется все переделать. Дай ему карманные часы, и он тут же их разбе-

[1] Тут самое время вспомнить, что «вольпе» — это по-итальянски лисица.

рет, чтобы посмотреть, а нельзя ли туда добавить еще два-три колесика, а может, и кусок сливочного масла. Слушай, давай устроим этим ребятам маленькое чудо, — сказала она, подойдя к алтарю, а затем зачернила палец в благовонно-угольном порошке из еще не подожженной курильницы, начертала на животе жертвы руну девственности и сильно прихлопнула ладонями готовое к бою орудие жреца.

— Зачем ты все это? — спросил Вилл, выходя вслед за нею из здания.

— Член у жреца сразу обвиснет, он заорет благим матом, и жертвоприношение станет невозможным сразу по нескольким причинам. — Лисица коротко хохотнула. — Я только что создала этому культу его первую святую девственницу.

— Вы с Натом два сапога пара.

— Я воспринимаю твои слова как комплимент. Со мной согласились бы далеко не все.

Они вернулись на прежнее место, где стояли раньше Нат и Вилл. Прозвучал удар гонга, маги опустили жезлы.

Время вернулось в свои права.

Вилл и лисица сняли шлемы, сняли перчатки, закурили и стали ждать, когда же Зоря Вечерняя закончит свой бесконечный разговор с кем-то из тилвит-тег. Маги расселись по ожидавшим их лимузинам и куда-то уехали. А вскоре прибежала Эсме.

— Дядя Вилл! Это кто, моя тетя Лиска?

— Да, моя милая, я она и есть. — Лисица подхватила ее, взяла за ноги и поболтала вниз головой, пока Эсме не стала захлебываться от хохота. — Деда говорил тебе, что я приду, да? — Она опустила Эсме на землю и сразу посерьезнела. — Нам нужно тут поосторожнее — у меня нет такого везения, как у Ната.

— Так это потому ему сходит с рук вся эта хрень, какую он вытворяет? Это что, сплошное везение?

— Да, но очень странное везение. Не хорошее, не плохое, а просто странное. Наверное, у Ната это от тебя, как ты думаешь, бабуленька?

— Наверное, — пожала плечами Эсме.

— Подожди. Эсме, она что, действительно его бабушка?

— А почему, ты думаешь, он попал в этот лагерь? У него было предчувствие, что мать его скоро умрет, и он захотел с ней повидаться. — Лисица извлекла из уха Эсме пятидолларовую

бумажку и шлепнула ее по заду. — Сбегай и купи себе мороженое, а поиграем мы чуть позже. — Она снова взглянула на улицу. — Ну вот, расходятся наконец. Что там написано на спине моего скафандра?

— «АТО».

Задумчивая и мрачная, Зоря Вечерняя медленно шла по тротуару. Она подошла ко входу в проулок в тот момент, когда лисица только что содрала с себя скафандр, почти, но все-таки не совсем продемонстрировав больше голого тела, чем то позволяют приличия. Вилл избавился от своего скафандра более осторожным образом.

Лисица сунула скомканный скафандр прямо в руки полицейской.

— Привет, красотка. Будь ласка, подержи это секунду.

— Я с тобою знакома? — Тон Зори Вечерней ясно говорил, что нет.

— Ким Фрейдисдоттир, «Алхимия, табак и огнестрельное оружие»[1]. А это, — она, не глядя, ткнула большим пальцем в сторону Вилла, — Дан Пикаро[2], мой стажер. Сегодня твой счастливый день.

Полицейская мельком взглянула на Вилла и снова уставилась на лисицу.

— Действительно?

— Да уж точно. Ты встретила меня, а я такая баба, каких ты прежде никогда не встречала.

— И что же в тебе такого необычного?

— Я веду абсолютно зачарованную жизнь. Столько лет в АТО, и меня ни разу не подстрелили. Ни разу не околдовали. Я ни разу не имела любовных трагедий.

— О? — заинтересовалась Зоря Вечерняя. Ее рот расцвел маленькой жесткой улыбкой. — Давай-ка я тебе поставлю.

Изнутри бар «Ле Вин» был оформлен под джунгли. Он густо зарос лианами, среди которых извивались зеленые и желтые змеи. Предупредительно раздвигая листву, сатир провел их к засыпанному орхидеями столику, стоявшему рядом с тем-

[1] Переиначивается название американского Федерального агентства по борьбе с незаконным оборотом алкоголя, наркотиков и огнестрельного оружия.

[2] Picaro *(исп.)* — плут, хитрюга.

ным, мрачным омутом, из глубины которого глядели мертвенно-бледные лица.

— «Будлс-мартини», очень сухой, со льдом и цедрой, — заказала Зоря Вечерняя.

— Я возьму «Кровавую Мэри», — сказала лисица. — А стажеру ничего, он при исполнении.

— Хотите, чтобы я утопил в вашем стакане мышь? — почтительно изогнулся сатир.

— А что, давай.

Когда сатир принес стаканы и удалился, лисица сделала обстоятельный глоток и начала разговор:

— Вот. Так вы там думаете, что этот парень действительно ублюдочный сынок Его Отсутствующего Величества?

— В точности мы ничего не знаем — и не узнаем, пока не найдем его. Но ничто из известного в этот момент не противоречит такой возможности. Похоже, что он просто лопушок, попавший в дурную компанию. Тип, у которого он живет, — это мелкий преступник с таким арсеналом кличек, что вряд ли и сам он знает свое настоящее имя. Что отчасти объясняет, почему объект все время, на хрен, ускользает.

— Я тут разговаривала с парнем, который сказал, что вы его повинтите буквально в три часа.

Зоря Вечерняя презрительно фыркнула.

Лисица выудила мышь из стакана, взяла ее за кончик хвоста и, закинув голову, отправила себе в рот; Зоря Вечерняя напряженно за ней наблюдала. Лисица, не разжевывая, заглотнула добычу и вернулась к беседе.

— Ну и что же дальше?

— Дальше, — Зоря Вечерняя положила ладонь на запястье лисицы, — мы подали заявку на дополнительное финансирование, чтобы организовать поиски этого обалдуя в двухгодичном прошлом и получить, таким образом, задел по времени.

— Дорогонько, — присвистнула лисица.

— Ты мне еще говоришь.

— Да и рискованно. А вдруг они его там убьют?

— Пока что этого не было, а значит, и дальше не будет. Нам просто хотелось получить в расследовании серьезный задел, и мы его получили. Ну почему, ты думаешь, мы так быстро к нему подобрались? — Зоря Вечерняя опрокинула в горло остаток

мартини и крикнула: — Эй вы! Кого мне тут нужно освежевать, чтобы принесли несчастную выпивку?

С того времени, как Вилл стал работать с Натом, он только и делал, что не давал своему лицу ровно ничего выражать, и теперь эта долгая тренировка весьма пригодилась ему, чтобы скрыть свое потрясение. Так вот почему эти ведьмы набросились на рядовой, по сути, поезд, доставлявший в Вавилон перемещенных! Они искали его не потому, что он, сам того не зная, совершил какое-нибудь преступление, а потому, что считали его законным наследником Обсидианового Престола. Сразу получало объяснение и то, почему слух о возвращении наследника разлетелся так быстро и убедил столь многих. Почва для него готовилась добрых два года, и доверительные шепотки не могли не расползтись далеко за пределы правящей верхушки. Все начинало складываться в единую картину, приобретало осмысленный вид.

Он просто не знал, что об этом и думать.

— Слышь, слышь, ты ведь при следствии, так, может, поможешь моему стажеру? — загорелась вдруг лисица. — Мальчонка ищет кой-кого.

— Да? А кого?

— Своего папашу. Только он о папаше почти ничего не знает. Даже имени не знает, а только то, что у того должен быть гиппогриф.

Зоря Вечерняя приняла из рук сатира новый стакан с мартини.

— Гиппогриф или симург? — повернулась она к Виллу.

— Гиппогриф.

— Чистых кровей или какая-нибудь помесь?

— С учетом личности владельца, наверное, чистокровный.

— Так, значит, твой старик аристократ?

— Голубая кровь с малой капелькой красной, — вмешалась лисица; кровь смертных была красного цвета, потому что в ней содержалось железо. — Мы почти уверены, что денег у него более чем хватает.

— Тогда стоит подойти со стороны желудочных камней. У каждого серьезного грифера есть свой предпочтительный микс. Лунный камень, опалы, золотые самородки... Может, ты знаешь, что может любить этот всадник?

Изумруды, подумал Вилл. Под цвет ее глаз. Рубины под цвет ее волос. И это совершенно точно. Вслух же он сказал просто:

— Нет.

— Плохо. — Зоря Вечерняя снова повернулась к лисице. — Расскажи мне чуть побольше о себе.

— А рассказывать особенно и нечего. Я готова спать с кем угодно, если он, или она, или они думают, что способны разбить мое сердце. Потому что я точно знаю, что сделать это невозможно, и очень забавно смотреть, как они пытаются.

Глаза Зори Вечерней сузились.

— Я готова признать, что люблю трудные задачи. Хотя, говоря напрямую, ты не совсем мой обычный тип, и я не вполне уверена, что стоит тобою заняться.

— Да я же вижу, что ты меня хочешь, — пожала плечами лисица. — Моя основная ориентация стандартная, но я готова попробовать все, что угодно, и пока что ни разу не испытала боль. Я имею в виду — душевную. И я, чтобы быть вполне откровенной, самый горячий номер, какой ты только видела.

Под столом она пнула Вилла в лодыжку.

Вилл поднял глаза и увидел, что обе женщины уперли в него одинаково холодные взгляды.

Побагровев от смущения, он встал, повернулся и вышел.

Карлики-ювелиры постоянно сидели, словно в пещерах, в своих мастерских, где в углах, подобно булыжникам, громоздились ящики и коробки, а ряды за рядами крошечных ящичков, напоминавшие слоистые скалы, таили в своих глубинах драгоценные камни, редкие минералы и волшебные кольца. Если вам потребуется меч Карла Великого, то после непременного стакана очень горячего переслащенного мятного чая из тени покажется подмастерье с длинным, завернутым в холст предметом, и на картонной бирке будут буквы, написанные четким каллиграфическим почерком и выцветшие от времени до почти неразличимого бурого цвета: «Joyeuse»[1].

А вот фирма «Альбрехт и Тинг, Гастролитеры» была роскошна по любым, пусть и самым строгим меркам, и практически ничто в ней не указывало на расу владельцев (кроме, естественно, их имен). Обычно стулья у карликов стояли слишком

[1] «Веселый» *(фр.)* — меч Карла Великого.

маленькие и слишком низкие, чтобы удобно на них сидеть — сидеть кому-либо иному, кроме карликов, им-то они подходили прекрасно. Виллу было предложено кресло, ничуть не большее на вид, чем кресло Альбрехта, но притом удобное, и даже очень.

Альбрехт улыбнулся Виллу, словно давнему приятелю.

— Как тебе, конечно же, известно, — начал он в непринужденной манере тактичного знатока, который хочет и просветить дилетанта, и ничем его не обидеть, — желудочные камни, они же гастролиты, предназначены для того, чтобы разбивать в желудке животного твердые элементы пищи — зерна, семена и кусочки кости — на меньшие части, которые свободнее растворяются пищеварительными ферментами. Они лежат либо в мускульном, если таковой имеется, либо в истинном желудке. Просвет пилорического сфинктера очень мал, что предохраняет гастролиты от выпадения. Но постепенно они истачиваются друг о друга, пока не становятся такими маленькими, что проходят через сфинктер вместе с переваренной пищей. Поэтому следует начинать с набора камней различных размеров, а затем регулярно его пополнять.

— Понятно.

— Наши камни изготавливаются с особым упором на их гастролитические свойства и проходят ручную огранку, делающую их одновременно привлекательными по внешнему виду и совершенно безопасными для животного. Вот, извольте попробовать.

Взяв пинцетом с подноса рубин, он протянул его Виллу. Как это принято у знатоков, Вилл покатал камень во рту. Рубин поворачивался на языке легко и свободно, его резко очерченные грани совершенно не царапали нёбо. Удовлетворенный ощущениями, он сплюнул камень в плевательницу, тактично поставленную чуть в стороне, словно нельзя было просто помыть и вернуть на место.

— Великолепно. Вы, конечно, можете представить рекомендации.

— Рекомендации?

Пожалуй, никогда еще абсолютное изумление не выражалось в столь сдержанной форме.

— Удовлетворенные клиенты. Из тех, я имею в виду, кто пользовался аналогичным подбором. Самый лучший отзыв за-

казчика смеси «бирюза — сапфир» не имеет ровно никакого значения. Ведь Шуйлер для меня куда больше чем просто призовой скакун, я не хочу ни малейшего риска.

— Хм, — сказал Альбрехт. — Посмотрим, что тут можно сделать. — И исчез в задней комнате.

Через несколько минут он вернулся с конвертом. Вилл открыл его и скользнул взглядом по списку из четырех имен, кивая на каждое — узнаю, мол. Первым шел Пиппин Друа-де-Сеньор[1]. «Ну да, старина Стинки», — пробормотал Вилл. Второй была фата Мелюзина Санкюлот. Он слегка поджал губы и еле заметно покачал головой, словно говоря: а уж эта ничего мне не скажет, у нее на меня давний зуб, хотя когда-то мы... эх, да что там. Третьим был Эльрик фон Фенрис[2]. Вилл негромко хмыкнул и перешел к четвертому имени:

Алкиона Л'Инконну.

---

[1] Droit de seigneur *(фр.)* — право сеньора, более известное как право первой ночи.

[2] Фенрир (в англизированной форме Фенрис) — хтоническое чудовище, огромный свирепый волк, с большими хлопотами и потерями привязанный богами к огромному камню. Во время битвы богов, знаменующей конец старого мира, сорвется с привязи и много чего натворит, в частности проглотит самого Одина.

15
ПРОБУЖДЕНИЕ ЗАПАДА

Цепочка канцелярий Мэральности наматывалась на центральную вентиляционную шахту Вавилона сперва девятью витками вверх, а затем девятью витками вниз, так что она многократно самопересекалась, чем-то напоминая многоэтажный гараж. В результате каждый уровень имел два этажа, взаимопроникавших и пересекавшихся таким сложным образом, что, если учесть еще многие столетия перестроек и дробления на меньшие части, охранные заклинания и проклятия, наложенные неудачливыми искателями должностей, надежно гарантировало: отыскать дорогу в этом муравейнике могли только посвященные. Все остальные мгновенно в нем терялись и, чтобы дойти-таки до цели, должны были прибегать к помощи провожатых из местных.

Кабинет Алкионы располагался на третьем витке спирали, закрученной вверх. Вилл нанял в провожатые Грига, который, если верить его словам, первоначально пришел сюда получать лицензию на открытие собственного дела, но угробил все свое состояние в многолетних и в конечном итоге бесплодных попытках получить этот ничтожный документ и теперь никогда не покидал пределов здания, ел на приемах и презентациях, если таковые случались, и в каком-нибудь кафе для сотрудников, если нет, а спал в галерее для посетителей совещательного зала городского совета. Кузнечик-человечек был шустер и жизнерадостен, и Вилл по завершении пути дал ему сверх договоренного серебряный гривенник, а сам остался перед ничем не примечательной дверью с бронзовой табличкой.

308

А. Л'ИНКОННУ
Замдиректора
Знамения и приметы

Стучать Вилл не стал, а просто открыл дверь и вошел.

Алкиона, сидевшая за письменным столом, подняла голову.

Несколько секунд они оба молчали.

— Вот, значит, и ты, — сказала наконец Алкиона. — Ну расскажи, расскажи мне, что этот незаконнорожденный принц, наследник Его Отсутствующего Величества, о котором все только и говорят, — это совсем не ты.

— Ну-у, в общем-то... и да и нет, если ты меня понимаешь. Можно, я сяду?

Алкиона молча, с леденящей любезностью кивнула в сторону стула.

— Какое-то время назад работа приводила меня в это здание по два-три раза в неделю, — отметил Вилл, обводя помещение задумчивым взглядом.

Хорошая мебель, но очень уж мрачный вид из окон — они выходили на вентиляционную шахту Отдела возмездия за противоправную деятельность, куда регулярно выставлялись головы злодеев, недостаточно отъявленных, чтобы заслужить головам этим место на городских вратах, и они торчали там на шипах, приделанных к подоконникам, как сыры в продовольственном магазине.

— Вот уж не думал, что вы тут так близко, — сказал он.

— А почему это имеет для тебя значение?

Ее манера была чисто деловой, без малейшего намека на игривость.

— Ты знаешь почему. Если хочешь, я скажу это вслух.

— В этом нет необходимости. — Алкиона взяла с подноса для входящих пачку бумаг и уронила ее на прежнее место. — Две недели назад был дождь из змей. Позавчера в Адской Кухне родился теленок с тремя головами. Не далее чем прошлой ночью по небу с визгом пронеслась кроваво-красная комета. Без всякой видимой причины граждане вспыхивают и сгорают. Вода в самых обычных водопроводных кранах превращается в кровь. В кварталах Верхнего Вест-Сайда раз за разом замечают татцлвурмов. Статуи плачут, свиньи летают. На Шестой авеню некий торговец пытается раздать все свои товары бесплатно. Никогда еще не было такого обилия дурных примет и предзнаменований, а к тому же на сов напал какой-то мор. Сонный омут, каким был недавно мой отдел, неожидан-

но стал одним из главных предметов начальственного внимания. Насколько я понимаю, все это твоя работа. А зачем, ради чего?

— Видимо, ради богатства.

— Но ты же не сможешь им попользоваться, просто не доживешь! — Алкиона яростно хлопнула ладонью по столу и встала. — Все твои амбиции — чистое идиотство, уважаемый мастер Ле Фей. Мне уже доводилось видеть смерть, ожидающую тех, кто из самых различных побуждений был столь амбициозен, что пытался занять Обсидиановый Престол, и могу тебя заверить: эта смерть весьма неприятна.

— Прошу тебя, — Вилл говорил негромко и без нажима, — не пользуйся этим именем. У меня есть причины предполагать, что оно скомпрометировано. А если говорить об Обсидиановом Престоле, я не планирую заходить так далеко.

— Какой же тогда смысл во всех этих хитрых интригах?

— Ну как это лучше тебе объяснить? — Вилл ненадолго задумался. — Давай я расскажу одну историю.

Ворон гулял, просто гулял (начал Вилл). Он не искал себе на голову приключений, но и не старался их избежать. Такой уж он был мужик.

Так вот. Он подошел к дому Скорпиона, и Скорпион пригласил его зайти. Скорпион налил ему выпить.

— Ты останешься поужинать?

— Да, так я и сделаю.

Скорпион достал столовое серебро и свой лучший фарфор и приготовил Ворону прекрасный ужин. Затем он спросил:

— Выпьешь чашечку кофе? И как насчет покурить?

— О, мне очень нравятся оба твоих предложения, а еще я останусь переночевать.

Скорпион достал свой самовар и сварил в нем «Блю маунтин», а затем дал Ворону кальян и турецкий табак. Он показал гостю все комнаты своего дома, кроме одной. *Окончив осмотр*, Ворон сказал:

— Я слышал, у тебя есть комната, полная сокровищ. Это все говорят.

— Да нет там ничего особенного, — сказал Скорпион, но все же показал эту комнату Ворону.

Комната была битком набита золотом, серебром и драгоценными камнями. Однако Скорпион был прав — там не было ничего особенного. Самое обычное сокровище.

Обычное или необычное, но глаза Ворона заблестели от жадности.

— Великолепное сокровище, — сказал Ворон. — Только я не думаю, что тут оно находится в безопасности. Кто-нибудь может залезть ночью в окно и все украсть.

— Я как-то об этом не думал, — сказал Скорпион; дело было давно, и все вели себя куда приличней. — Неужели такое и вправду бывает?

— Еще как бывает. Думаю, я лягу сегодня спать рядом с твоим сокровищем, чтобы сторожить его от воров.

Но сколь бы наивны ни были те времена, о Вороне и его замашках ходили очень нехорошие слухи. Поэтому Скорпион ответил:

— Нет, нет и нет. Нельзя взваливать на гостя столь недостойную работу. Ты будешь спать сегодня в моей собственной кровати, на шелковых простынях и под ирландской кружевной накидкой. А сокровища я уж сам посторожу.

Так они и сделали.

Скорпион прошел в комнату, где хранилось сокровище, запер дверь, свалил все сокровища в кучу и лег на эту кучу, растопырив клешни и подняв готовое для удара жало. Всю эту ночь он беспокоился, какие хитроумные трюки может придумать Ворон, и не сомкнул глаз ни на секунду.

Утром Скорпион вышел из комнаты с сокровищем и обнаружил, что Ворона нет. И что вместе с ним исчезли постельные принадлежности, столовое серебро, фарфоровые тарелки, самовар и кальян.

Вилл развел руками — рассказ, мол, окончен.

— Это все.

— Так в чем же смысл этой аллегории? — спросила Алкиона после короткой напряженной паузы.

— Ну... У меня есть партнер. Пока меня готовят к коронации, он организует продажу титулов и должностей всем падким на такой товар по ценам, едва достаточным, чтобы не вызвать недоверия. Те, кто заподозрит меня в жульничестве — а таковых будет предостаточно, — не решатся его арестовывать, ведь иначе я сразу пойму, что за мною следят. К тому же меня посе-

лят во Дворце Листьев, а уж там-то сокровища самые что ни на есть особенные. Ловкий человек может рассовать там по карманам столько, что станет богачом по гроб своей жизни. Поэтому противники будут ставить мне ловушки, начиненные такими чудесами, что искушению не смог бы противостоять ни один порядочный взломщик. Но пока они сторожат свои поблескушки и побрякушки, я смоюсь из города. Мои доходы будут относительно скромными, но я сохраню жизнь, а это тоже чего-то да стоит.

Алкиона нахмурилась и сжала пальцами переносицу, словно борясь с подступающей мигренью.

— Ну почему ты такой идиот? Почему из всех обитателей Вавилона ты должен был рассказать все это именно мне? Я сотрудница администрации Его Отсутствующего Величества. Я — Леди Мэральности и наследница по женской линии рода Л'Инконну. В будущем, когда брат мой займется делами более серьезными, а так оно неизбежно и будет, мне обеспечено место в Лиосалфаре, а при определенной доле удачи я вырасту до членства в Совете Волхвов, даже не успев еще окончательно впасть в маразм. Я — все твои враги в одной упаковке.

— Нет. — Вилл встал и взял ее за руки. — Я тебе не верю. По пути сюда я задавался вопросом, какая часть моих к тебе чувств — это просто романтическая иллюзия, образ свободы, увиденный в тот момент, когда я только что вышел из-под земли, и какая не более чем тяга к недостижимой авантюристке, встреченной мною на маскараде. Ты встретила меня ледяным холодом, без единого доброго слова, без единой улыбки. И все же я абсолютно уверен...

В дверь сунула голову молоденькая русалка:

— Алли, тут только что сообщили, что Запад пришел в движение.

— Да, спасибо. — Алкиона слегка изменила позу, чтобы сотруднице не было видно, как она держится за руки с каким-то незнакомцем. — Так в чем же ты там уверен? — спросила она, когда дверь за русалкой закрылась.

— Я уверен, что...

В кабинет въехала муэра верхом на каком-то чиновнике, который шел, низко согнувшись и опираясь на две короткие палки, так что седло у него на спине держалось параллельно полу. На глазах у него были шоры, во рту — мундштук уздечки.

Муэра — коза от талии вниз и девица сверху — была нагишом, если не считать татуировок, с волосами, дико всклокоченными и сплошь в колтунах, в знак преданного служения благу сограждан.

— Запад зашевелился! — воскликнула она.

— Да, да, я скоро этим займусь, — кивнула Алкиона и повернулась к Виллу. — Ты должен понять...

— Он зашевелился! Запад! Он пришел в движение!

— Благодарю тебя, глейстиг[1].

Она отстранилась от Вилла в тот самый момент, когда в кабинет вошел черный карлик с корзиной живых куриц и сунул ей на подпись квитанцию безвозмездного изъятия. Из левой и правой стены почти одновременно вынырнули хайнты-посыльные и заговорили, перебивая друг друга. Вежливо постучав, но не дожидаясь ответа, в дверь вошел фоллет, он призывно махал пачкой принятых телефонограмм.

В дверь снова просунулась русалка:

— Алли, лорд начальник Главного финансового управления интересуется...

— Хватит!

Голова Алкионы окуталась голубоватым, нервно дрожащим сиянием, ветер, не коснувшийся в кабинете больше ничего, разметал ее волосы. В этот момент она была нестерпимо прекрасна и вызывала ужас.

— Закройте глаза, — сказала Алкиона.

Она хлопнула ладонями, и ударил оглушительный гром.

Они летели. Под ними ритмично покачивался мощный круп гиппогрифа, Вилл держался за талию Алкионы. За спиною Вилла к седлу была приторочена корзина с курицами. Они поднимались все выше, огибая Вавилон.

— Как ты это сделала? — спросил Вилл, задыхаясь от встречного ветра.

Алкиона оглянулась. Лицо у нее было сильное и суровое, лицо воительницы.

— Ты, маленький фей, играешь теперь в высшей лиге. Если тебе от этого несколько неуютно, может быть, самое время задуматься, разумно ли продолжать столь безрассудную аферу.

[1] Персонаж шотландской мифологии, полуженщина-полукоза.

Мимо мелькали окна с бледными пятнами лиц. Дул сильный холодный ветер, грозивший вырвать Вилла из седла, бросить его вниз на камни, на верную смерть. Но рядом с любимой он об этом не думал, он просто был счастлив.

На вершине Вавилонской башни неровной зубчатой короной сидело кольцо небоскребов, названных по знаменитейшим священным вершинам мира: Килиманджаро, Олимп, Улуру, Синай, Мак-Кинли, Тянь-Шань, Амнэ-Мачин, Аннапурна, Попокатепетль, Меру, Фудзи... По традиции высочайшему из них, какой бы небоскреб ни был высочайшим в данный конкретный момент, давалось название «Арарат», в честь горы, отдавшей свою каменную плоть на строительство Вавилона. И на самом верху этого мощнейшего и высочайшего здания был расположен Дворец Листьев. Усердно работая крыльями, гиппогриф летел прямо к нему.

— Куда это мы? — крикнул через свист ветра Вилл.

— Там увидишь.

Сам дворец, утопавший в буйно разросшихся садах и построенный в стиле Второй империи, представлял собой нечто вроде свадебного торта из белого сверкающего мрамора. Но стены крепости, служившей ему цоколем, были серыми и безликими и почти не имели окон. К этим стенам, выходившим на четыре стороны света, были прикованы кандалами четыре титана. Гог смотрел на север, Магог — на восток, Гогмагог — на юг, а четвертый гигант, не имевший имени, — на запад. Это были Стражи Четырех Четвертей, которые всю Первую Эпоху держали на себе мир, но затем взбунтовались против наследников Мардука и были в наказание закованы в кандалы, а затем помещены сюда, где администрации Его Отсутствующего Величества было легче за ними присматривать — и где, при случае, она могла воспользоваться их провидческими способностями.

Гиппогриф приземлился на балкон настолько маленький, что издалека его попросту не было видно, и расположенный рядом с лицом западного титана. Голова титана была высотою в два роста Вилла, он словно не замечал их присутствия, а продолжал всматриваться в далекий горизонт.

— Дай мне курицу, — сказала Алкиона. — Достань из седельной сумки диктофон, проверь, чтобы на микрофоне был

ветрозащитный экран, а затем проверь запись. Вся документация по этому делу должна быть очень четкая.

Вилл достал из корзины одну из куриц и передал ее Алкионе. Когда диктофон был проверен и запущен, Алкиона сказала:

— Сегодня день Кракена, вандемьер[1], год Монолита, время, — она взглянула на часы, — приблизительно два тридцать дня.

Достав из поясной сумочки маленький серебряный серп, она отхватила курице голову и быстро повернула судорожно бьющуюся тушку таким образом, что брызги крови летели прямо на губы титана. Губы, похожие на два растрескавшихся выветренных камня, медленно раздвинулись. Серый, словно гранитный, язык высунулся и облизал их.

— А-ах, — вздохнул титан. — Давно, давно меня не кормили.

— Так покажи же тогда свою благодарность. Ты шевелился, наши наблюдатели отчетливо это видели. Что ты такое увидел, что тебя так встревожило?

Солнце померкло,
Земля тонет в море,
Срываются с неба
Светлые звезды,
Пламя бушует
Питателя жизни,
Жар нестерпимый
До неба доходит.

Титан умолк.

— Великолепно, — сказала Алкиона. — Услышав такое, наши будут просто в восторге.

— Это из «Мотсогнирсаги», одной из священных книг рода карликов, — сказал Вилл, нажав предварительно паузу, чтобы голос его не записался. — Впрочем, мне говорили, что никто из поверхностных никогда ее не читал.

— Ну что ж, верь не верь, но это куда более внятно, чем вся та чушь, с которой мы обычно имеем дело. Дай мне еще одну курицу. — Алкиона кивнула Виллу, чтобы он снова включил запись, и повторила ритуальное кровопускание. — Какую форму принимает эта угроза?

[1] *Вандемьер* — первый месяц (сентябрь-октябрь) французского революционного календаря.

— *И другое знамение явилось на небе: вот большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим; хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю*[1].

— Этого я не знаю, — заметил Вилл.

— Зато я знаю, — огрызнулась Алкиона, — и ничего хорошего это не сулит. Еще одну курицу! — Снова брызнула кровь. — Так это что же, будет война?

— *Я видел войну. Я видел войну на земле и на море. Я видел кровь, струящуюся из раненых. Я видел тела, валяющиеся в грязи. Я видел разрушенные города. Я видел голодающих детей. Я видел отчаяние матерей и жен...*[2] *В ответ я говорю: пусть они только попробуют*[3].

— Все веселее и веселее. Еще одну курицу!

— Это будет последняя.

— Ты просто пиши там и не мешайся, ладно? А что, эти беды совсем уже близко? — спросила Алкиона у титана. — Или ты видишь их в будущем?

— Куриная кровь очень жиденькая штука, — пророкотал титан.

— Вот уж не знала.

— Как же долго торчу я здесь и все сохну и сохну. Ну как же хочется чего-нибудь покрепче.

— Жизнь — штука тяжелая.

— Когда-то я извлекал кровь из миллионов таких, как ты. Толпы и толпы сходились ко мне на ладонь, а я давил их, как зерна граната, и выжимал из них сок. Я пил и пил, и даже того, что проливалось у меня мимо рта, хватило, чтобы сделать горы красными, а моря темными, как вино.

— Отвечай на мой долбаный вопрос. То, что ты видишь, оно уже близко? Или только когда-то будет?

Огромные каменные глаза медленно развернулись в орбитах и взглянули на Вилла с Алкионой. Затем с той же медлительностью они развернулись назад.

— Оно уже здесь.

Огромное каменное лицо вновь застыло в неподвижности.

---

[1] Откровение св. Иоанна, 12: 3–4.

[2] Ф. Д. Рузвельт. Речь 14 августа 1936 г.

[3] Дж. Буш. Пресс-конференция 3 июля 2003 г.

Вилл выключил диктофон.

В приступе ярости Алкиона сшибла ногой с балкона куриные трупики и швырнула вслед за ними пустую корзинку.

— Ну всегда, всегда одно и то же — высокопарные слова, которые ровно ничего не значат, и зловещие предупреждения об угрозах, неизвестно каких и неизвестно откуда! Теперь мне придется угробить добрых три дня, сочинять отчеты, из которых вроде бы получится, что мы тут что-то действительно узнали, а не плюхнулись мордой в лужу. Не знаю, почему бы нам просто не прикрыть нашу долбаную лавочку. — Она вспрыгнула в седло и протянула руку Виллу. — Залезай.

— Подожди. — Вилл достал швейцарский армейский нож, резанул по своей левой ладони косой крест и смочил брызнувшей кровью серые каменные губы. — Это не слишком много, — сказал он, — но ничего лучшего у меня нет, да и ты ничего лучшего быстро не добудешь.

Медленно, очень медленно губы всосались в рот — будь они из обычной плоти, это имело бы вполне определенный сладострастный оттенок — и столь же медленно вернулись в прежнее положение, уже облизанные начисто.

— В тебе есть смертная кровь, — сказал титан.

— Я знаю. Но кормил я тебя совсем не ради этого.

— И темная сила. Ты считаешь, что обуздал ее, но это не так. Чудовище залегло в твоих потаенных глубинах и набирает силу.

— И не ради этого.

В огромных серых глазах появился злобный отблеск.

— Тогда спрашивай.

— Возможно, я хочу большего, чем мне положено, — начал Вилл, — но мне это ровно по хрену. Да мне и все ровно по хрену, кроме Алкионы. Смогу ли я ее завоевать? Может ли наша любовь быть долговечной? Сможем ли мы прожить вместе до конца наших дней? Это все, что мне хочется знать.

Губы титана слегка изогнулись, так что на каменном лице появилась откровенная издевка.

— Тебе нет нужды обращаться к оракулам, и без того понятно, что о браке леди из рода Л'Инконну и претендента на Обсидиановый Престол не может быть и речи. Особенно после того, как ты насмерть поссорился с ее братом. Но ты меня

все же спросил, и таково мое предсказание. Если хочешь услышать больше, ты должен порезать себя еще раз, и поглубже.

Вилл дважды полоснул себя по руке и нагнулся, чтобы смочить своей кровью издевательски изогнутые губы.

— Я откажусь от всех претензий на царский сан! Я буду ее альфонсом, ее никем не признанным рыцарем, ее тайным обожателем! Сможем ли тогда мы быть вместе?

— Нет. — Улыбка титана стала не только издевательской, но и жестокой. — Весь Вавилон вступит в заговор, чтобы не дать вам соединиться. Выдави из себя еще немного крови и спроси, есть ли для тебя хоть какая-то надежда в этом огромном мире.

Рука Вилла и так уже была сплошь изрезана, но он полоснул себя еще раз.

— Где угодно, в любом месте мира! — крикнул он. — Предложи мне надежду. Хоть какую-нибудь! Любую, какую угодно!

Хохот титана был похож на раскаты грома.

— Ни в каком месте Фейри не найдете вы себе тихую гавань и ни в каком другом месте этого мира, и, проживи вы хоть сотню веков, ни в одном из сотен миров не будет вам ни минуты покоя.

Вилл поднял уже нож, чтобы резать себя еще раз, но Алкиона спрыгнула с гиппогрифа и ухватила его за руку.

— Прекрати! — крикнула она. — Ты что, собираешься тут истечь кровью только потому, что недоволен его ответами?

— Да! — яростно крикнул Вилл. И повторил, уже тише: — Да. — А затем повторил еще раз, и в его голосе звучала горечь отчаяния. — Да.

Алкиона обняла его, и они мгновенно оказались в другом, не нашем мире.

Во дворце Л'Инконну было бессчетное множество комнат и залов. После занятий любовью на пышной кровати, столь манившей Вилла в ночь маскарада, они с Алкионой, рука в руке, пошли блуждать из комнаты в комнату. Без всякой цели, никуда не направляясь, они шли вдоль галереи с древними, в Атлантиде вытесанными колоннами, мимо эротического фриза работы Фидия, по мощенным нефритом и яшмой баням, украшавшим когда-то дворец пресвитера Иоанна, под рисунками,

которые в незапамятные времена были нанесены на стены пещер руками самых первых ведьм. Казалось, сюда собрали добрую половину бесследно исчезнувших сокровищ мира. Иногда они останавливались для поцелуя, а потом как-то так выходило, что они ложились на ближайший диван, или на бильярдный стол, или даже на пол, а не понять сколько времени позже поднимались, приводили в порядок свою одежду и шли дальше. Они остановились рядом с мавританским фонтаном в крытом дворе, стрельчатые окна которого выходили с одной стороны на небо, а с другой стороны на город. В небе играли зарницы, где-то очень далеко улюлюкала сирена «скорой помощи». Алкиона поболтала в воде бассейна пальцем, брызнула каплями на Вилла и засмеялась.

— У тебя будут неприятности, если запоздаешь с подачей отчета? — спросил Вилл.

— Нет. Конечно будут. Да какая мне разница?

В какой-то момент между приступами любви она трижды хлопнула в ладони, призывая шакалоголового служку, который, равнодушно игнорируя как присутствие Вилла, так и наготу Алкионы, принял и быстро транскрибировал аудиозапись ее беседы с титаном для передачи в контору. Это ясно показывало, что, какие бы чувства она ни испытывала к Виллу, мысли о работе не покидали ее ни на минуту.

— Тогда скажи мне: зачем ты украла кольцо?

— А с чего бы тебя это вдруг взволновало?

— С того, что я хочу знать о тебе абсолютно все. Лишая брата его побрякушки, ты шла на огромный риск, и можно не сомневаться, что причины для этого были очень серьезными. Конечно же, они имели для тебя какое-то глубинное значение.

— Конечно же, были и, конечно же, имели. Но я не собираюсь о них говорить.

Вилл бросил ироничный взгляд на свою забинтованную руку и с той же иронией взглянул на Алкиону. Что должно было значить: *Посмотри, что я сделал ради тебя.*

Алкиона отвела глаза.

— Ты просишь слишком многого. Я... слушай!

Где-то внизу зазвонил колоссальный набатный колокол. От его звуков, хоть и глухих, словно шли они из центра земли, содрогались устилавшие двор каменные плиты. Алкиона встала.

— На меня наложили вынуждение вернуться в Мэральность. Мне под силу сопротивляться зову служебного долга только минуту-другую, не больше. Но я оставлю вместо себя свою заместительницу, чтобы она помогла тебе уйти из дворца.

Во дворе потемнело, его стены тошнотворно перекосились, Алкиона рывком открыла двустворчатую дверь, которой прежде в стене вроде и не было. За дверью обнаружился неглубокий чулан, совершенно пустой, если не считать высокого, от пола до потолка, бронзового зеркала. Она протянула к зеркалу руки, и в ответ ее отражение протянуло руки к ней. Две девушки схватили друг друга за запястья и стали тянуть: Алкиона отраженную — к себе, а та ее — внутрь зеркала.

Алкиона зацепилась ногой и качнулась вперед. Ее лицо на мгновение утонуло в блестящей бронзе, разделявшей два мира, но затем она отпрянула, ухватилась покрепче и вытащила свое отражение из зеркала во двор.

— Это — мой двойник, — пояснила она, — или, если хочешь, двойняшка. Вытащи его отсюда более или менее живым, — сказала она двойняшке, а затем повернулась и побежала в глубь зеркала, быстро тускнея и пропадая из виду; колокольный звон звучал все тише, а вскоре и вовсе заглох.

Вилл проводил Алкиону взглядом, а затем посмотрел на ее двойняшку. Они были совершенно одинаковые, вплоть до мельчайших подробностей.

— Наверное, мне это приснилось, — широко ухмыльнулся он.

— Лучше бы тебе не просыпаться, — отрезала двойняшка. — Может, она тебя и любит, но я-то уж точно нет.

— Так ты думаешь, она меня любит? — спросил Вилл, все еще продолжая ухмыляться.

— Если ее любовь столь же сильна, как мое нерасположение, то ты — наихудшее бедствие, свалившееся на нее за всю ее жизнь.

— Ты что, сбрендила?

— Позволь мне кое-что тебе объяснить. У этого нет никакого будущего. Единственное, что вас связывает, — это твой член, да и то весьма эпизодически. Ты молод и нахален и наивно считаешь, что этого вполне достаточно. У тебя нет ни образования, ни социального положения, позволяющего вращаться

в тех же, что и она, кругах. Твой жизненный опыт, твои взгляды и ценности просто несовместимы с опытом и взглядами Алкионы. Тебе не понравятся ее друзья. Ей не понравятся твои. Ты без гроша за душой, а она богата, а значит, со временем ты станешь паразитировать на ее богатстве. И даже произношение у тебя не такое, как надо.

— Препятствия для того и существуют, чтобы их преодолевать.

— Любовь преодолевает все. Да, конечно же, — закатила глаза двойняшка. — Эти высокородные эльфийские сучки — ущербные плоды инбридинга, они весьма аристократичны, солипсичны, подвержены приступам социопатии и внезапной беспричинной мстительности, то кровожадны, то сентиментальны, порою склонны к инцесту и постоянно — к самоубийству, страстны по случайному капризу и безнадежно унылы по натуре, совершенно непредсказуемы... Я могу понять, что привлекает тебя в Алкионе. Но она-то, она-то что в тебе нашла?

— Я могу сделать ее счастливой.

— А с чего ты взял, что она хочет быть счастливой?

— Какая женщина станет обнажать свои груди перед незнакомцами, зная наверняка, что они ее захотят и будут бессильны в этом влечении? — спросил Вилл. — Какая женщина станет красть кольцо, которое она может позаимствовать, стоит ей только спросить? Какая женщина разденет своего воздыхателя догола и скинет его в залив Демонов, даже ни разу не попробовав? Будет страстно заниматься любовью, а затем бросит его на свою двойняшку, так ни слова и не сказав о своих чувствах? Нет, мне кажется, не та, которая ценит свою судьбу, а та, которая с нею борется.

— А что ты реально для нее сделал? Заставил ее прогулять работу, испортил ее отношения с начальником, сделал ее предметом офисных толков. Ты, — двойняшка ткнула его в грудь пальцем, ноготок которого оказался очень острым, — настоящий разрушитель карьеры, это-то ты понимаешь?

— Если присмотреться и немного подумать, — раздраженно заметил Вилл, — ты ничуть не похожа на Алкиону.

— Дурак! Я она и есть — во всем, что имеет значение. Я...

Закрытые было двери чулана с зеркалом резко распахнулись, и из них вылетел мантикор.

— Госпожа! — завопил он. — У нас чрезвычайная ситуация. Там... — Он на мгновение замолк. — А, приветик, Аноикла. Да и этот, укравший кольцо, тоже с тобой. Похоже, у нас тут свидание старых друзей.

— Фокус, тварь ты кошмарная! — накинулась на него двойняшка. — Что это ты там болтаешь о какой-то чрезвычайной ситуации?

— Похоже, там кто-то очень сильный и сплошь окутанный пламенем хочет ворваться в наш дворец. Хротгар пока что его удерживает, но с очень большим трудом.

— Наверное, это Пылающий Улан, — вмешался Вилл. — Боюсь, он ищет меня. — Он знал, что должен бы воспринять эту новость со значительно большей тревогой, знал, но не мог. Просто такой уж была его жизнь, и он уже к ней привык.

— Я вижу, что это известие не очень тебя огорчило, — холодно заметила Аноикла. — А ты-то куда намылился? — Последние слова были обращены к мантикору, который явно хотел улизнуть.

— Я хочу сообщить Флориану, что этот парень здесь, — потупился мантикор. — Это, ну, вроде как мой служебный долг.

— А вот мой долг, как это ни неприятно, состоит в том, чтобы обеспечивать этому парню полную безопасность, — ответила двойняшка. — А уж потом ты дашь Флориану самый подробный отчет.

— Э-э... пожалуй, я все-таки сделаю это сейчас.

— Ты действительно хочешь ввязаться в свару между братцем и мной? Думаешь, это будет разумно? Ты искренне веришь, что это легче сойдет тебе с рук по той единственной причине, что я не прототип, а всего лишь копия?!

В знак покорности мантикор положил голову на передние лапы и приподнял зад над полом.

— Нет, — пробормотал он, пряча глаза. — Я, в общем-то, так не считаю.

— Разумное создание. *Niceums pussums*. А теперь тащи сего господинчика наружу! Залезай к нему на спину, — повернулась она к Виллу.

Вилл подчинился, хотя не был уверен ни в разумности, ни в безопасности такого поступка.

— А как я свяжусь теперь с Алкионой?

— Я передам ей вот это. — Двойняшка наклонилась и вырвала из его макушки волос. — Теперь она, если захочет, сама тебя найдет.

— Но...

— Быстро!

Мантикор вскочил на ноги, через мгновение они были в коридоре, а еще через мгновение уже длинными стелющимися прыжками слетали по лестнице. Чудище взглянуло через плечо на Вилла и расплылось в широкой улыбке.

— Зуб даю, ты думал, что из-за этой клоунской маски я тебя не узнаю, — сказал он и улыбнулся еще шире. — Но я же помню твой запах. Тебе бы лучше отказаться от жареного — для здоровья вредно. — Расшвыривая лапами ковры, он обогнул угол. — Кстати сказать, спасибо за взятку. Она уже вся истрачена, и Флориан заставил меня обещать, что больше я от тебя брать не буду, но, пока деньги не кончились, было просто здорово.

— Берегись геенны огненной! — крикнул Вилл.

Они пролетели через кухню — повара изумленно вскидывали головы, а поварята вскакивали на столы, — перепрыгнули через жарящегося быка. Смазанным пятном мелькнул вестибюль, и они оказались на улице.

— Надеюсь, у тебя не было из-за меня слишком больших неприятностей, — сказал Вилл, отчаянно цепляясь за мантикорову гриву, а они уже взлетели на крышу едущего автобуса и тут же спрыгнули на тротуар на другой стороне улицы.

Полетела вверх тормашками тележка торговца хот-догами, брызнула по сторонам стайка крылатых школьниц, и они вылетели на Пятую авеню.

— Не-а. Он знал, нанимая меня, что́ получает.

Кошмарная поездка завершилась на Большом центральном вокзале. Толпы пассажиров осаждали скоростные подъемники верхнего и нижнего направлений, из чрева грузового лифта выезжали боевые колонны «мерседесов» и «БМВ». Вилл еще раньше решил, что лучше всего слезть здесь — в этом случае, когда мантикор отчитается перед Флорианом, он не даст тому ни малейшего намека, куда направился беглец.

— Ты уж прости меня за это беспокойство, — сказал Вилл, обретя наконец твердую почву под ногами. — А еще — извини за унижение, вынесенное тобою из-за меня. Я совсем не хотел,

чтобы Алкионова двойняшка так с тобой обращалась, это же просто нехорошо.

— Да, — осклабился мантикор, — я бы тоже с радостью стал социалистом, но в этих местах деньги работают все-таки лучше.

И в один прыжок исчез из виду.

— По бабам бегаешь? — спросила у Вилла лисица, когда тот подсел в ее кабинку.

Она оккупировала дальний угол закусочной и с помощью небольших взяток администрации, а также щедрых чаевых обслуживающему персоналу превратила его в нечто вроде штаба. В отличие от Ната, она совсем не нуждалась, чтобы в мозговом центре ее операций подавали алкогольные напитки.

— Я был с Алкионой, — признался Вилл; лисица щелкнула пальцами, привлекая внимание официантки, и указала на Вилла, ундина понимающе кивнула и повернулась к кофейной машине. — Только я не совсем уверен в ее ко мне чувствах.

— Ах, молодость, молодость! — Лисица приняла от ундины чашку кофе и поставила ее перед Виллом. — Поверь мне, ты ей понравился. Меня наводит на такое заключение твоя неуверенная походка, характерная для мужиков, которые стерли себе член до крови.

— Лиззи, — возмутился Вилл, — у тебя потрясающая способность превращать любовь и романтику в...

— Давай не будем выносить опрометчивых суждений об интрижке, пока мы не знаем, что из нее получится в конечном итоге. Все разговоры о романтике можно вести только в прошедшем времени. Давай-ка лучше посмотрим, на что эта стервочка похожа.

Лисица вытряхнула солонку на столик, дунула и пробормотала заклинание. Крупицы соли подергались, подергались и обрисовали вполне узнаваемый портрет Алкионы. Легкий пасс над соляным портретом, и он окрасился в естественные цвета.

— Да, — фыркнула лисица, — яблочко от яблони. Да еще и рыжая. Наверное, это должно мне льстить.

Но, видимо, отнюдь не льстило. И все равно, взглянув на портрет Алкионы, Вилл не сдержал улыбки.

— Она уже почти что сказала, что любит меня, — похвастался он.

— Ну и чему тут радоваться? Ты хоть понимаешь, что, когда это дельце подойдет к своему славному концу, мы будем вынуждены смыться из Вавилона? Смыться налегке, со скоростью поросячьего визга, и если рискнем когда-нибудь вернуться, то разве что через много лет.

— Да знаю я, знаю. — Вилл словно упал с небес на землю.

Лисица вгляделась в его лицо, а потом взяла со столика сигареты и закурила.

— Ладно, хватит об этом. Слушай меня внимательно. Тебе не стоит слишком часто выставлять свое личико на публику, и вообще веди себя поосторожнее. Органы уже знают, как ты выглядишь. Они там раздобыли твой снимок.

— Да где же они его раздобыли?

— Где-где... На сковороде. Это я его им послала.

16
ЛУННАЯ СОНАТА

Ястреб стрелою промчался над улицей и спикировал прямо на Вилла. Вилл отпрянул, закрывая лицо руками, а ястреб в самый последний момент сложил крылья и отвернул в сторону, чуть задев Вилла за щеку. Из его когтей что-то выпало. Сотовый телефон.

Телефон настойчиво звенел.

— У нас тут с друзьями клубный междусобойчик, — сказала Алкиона. — Стой, где стоишь, и я тебя подхвачу.

Вилл отступил в дверной проем пустующего банковского здания, построенного в модном когда-то стиле ар-деко, и стал ждать. Вскоре рядом с ним остановился лимузин, длинный, как несудалая жизнь, и бледный, как привидение. Шустро выскочивший лакей распахнул заднюю дверцу.

— Залезай, — сказала Алкиона.

Вилл залез, и машина тронулась с места. Они с Алкионой надолго застыли в поцелуе.

— Нам бы с тобой не стоило показываться вместе на публике, — сказал он в тайной надежде, что она предложит перенести свидание в какое-нибудь укромное место. — Теперь они знают мое лицо.

— Тсс. У меня есть волшебный эликсир незаметности. — Алкиона провела его в лимузин поглубже — мимо зарослей тропических цветов и небольшого водопада — и откинула туалетный столик. Надев одноразовые пластиковые перчатки, она открыла какую-то баночку. — Снимай рубашку, и я намажу тебя этой заразой.

Четверть часа спустя на Вилла смотрел из зеркала незнакомый чернявый фей. Алкиона втерла краску ему в волосы, и они стали пронзительно-синими.

— Ну вот, теперь любой, кто на тебя посмотрит, увидит платного кавалера и второй раз смотреть не будет.

— А куда мы едем?

— В свет. — Алкиона сделала легкое движение рукой, звякнул серебряный колокольчик, и появился хайнт-камердинер со стопкой одежды. — Сними свое тряпье и оденься в это.

Не обращая внимания на хайнта, который стоял чуть в стороне, готовый к выполнению дальнейших приказаний, Вилл снял свои джинсы и натянул плотно сидевшие панталоны. Он давно уже понял, что главная черта высоких эльфов — это полное безразличие к тому, что могут увидеть или услышать существа низшего достоинства, а таковыми они считали практически всех. Носки подошли великолепно, туфли тоже. Алкиона не позаботилась снабдить его нижним бельем, так что пришлось уж обойтись. Зато она лично подала ему белую шелковую рубашку, а когда он ее надел, расстегнула три верхние пуговицы и отступила на шаг, любуясь результатом.

— Чистым ты мне очень нравишься.

— Ты бы утром на меня посмотрела.

— Унеси это и сожги, — сказала Алкиона, передавая хайнту старую Виллову одежду, и тот исчез так же беззвучно, как и появился.

— Я не могу не заметить у тебя того, что твой брат назвал величайшим сокровищем рода Л'Инконну. — Вилл тронул гладкое простое кольцо с лунным камнем и улыбнулся. — Спроси, люблю ли я тебя.

— Нет, — отдернула руку Алкиона.

— Тогда скажи мне, что ты меня любишь.

— Для тебя, Вилл, я сделаю все, что угодно. — (От взгляда ее поразительных глаз у Вилла кружилась голова.) — Для тебя я готова сделать такое, от чего покраснела бы и людоедиха.

Если сердце Вилла не взмыло в небо, то лишь потому, что не имело крылышек.

— И все-таки, ты меня любишь?

— Я... — отвела глаза Алкиона, — я не решаюсь.

— Но ведь это же очень просто — три коротеньких слова. И ни одного свидетеля, который мог бы потом тебе их припомнить.

— Свяжи меня, если хочешь, и отхлещи кнутом как сидорову козу. Отдери меня в три дыры, помочись на меня, одень молочницей, делай со мной все, что угодно. Проси меня о чем угодно — кроме этого.

— Почему?

— Потому что я долбаная аристократка, вот почему! — (Лимузин мягко остановился.) — Мы обязаны там появиться. Это сбор фондов на переизбрание фаты Блоудьюведд, но я уверена, тебе там понравится.

На галерее мрачно дрались два карлика, рыжий и черный. Их тела взмокли от пота, их ножи опасно блестели в свете софитов. Их ноги взбивали опилки, обильно насыпанные на пол, чтобы впитывать кровь. Они были совершенно голые.

Друзья и подружки Алкионы наблюдали за этой сценой с крыши оранжереи, лениво потягивая из бокалов. Вблизи они были такими же высокими и блестящими, какими выглядят по телевизору. Мужчины стояли, засунув левую руку в карман панталонов, и позванивали монетами. Лица женщин весьма искусно изображали скуку.

— Приветик, Алли! Чего там новенького? — спросил мужчина, про которого Вилл уже знал от Алкионы, что это военный стратег лорд Веньянса; рядом с ним стояли лорды Ягервульф и Ласко, а также фаты Калдогатто, Мизерикордия и Элспет, поголовно имевшие высокое положение в самых ответственных ведомствах.

— Ты, конечно, слышал, что Запад зашевелился. Надвигаются глад, мор и разруха. А что еще нового? С момента, как пришло это известие, я головы не поднимаю от стола, всё бумажки, бумажки и бумажки. А что у тебя?

— Мятеж в Исе, мелкий и быстро подавленный. Война продолжается и, судя по всему, вознамерилась продолжаться вечно. А с кем это ты?

— Его зовут Тенали Раман. — (Взгляды эльфов небрежно скользнули по Виллу и покинули его навсегда — как и было намечено Алкионой.) — Я ему показываю виды.

— Никакие виды никого уже больше не волнуют, — надула губки фата Элспет. — Я торчу на этой вечеринке уже битых пятнадцать минут, и никто еще ни слова не сказал про мои сиськи.

— Если я начну восхвалять твои груди, Спет, мы застрянем здесь до утра, — чуть поклонился лорд Ласко.

Фата Элспет благодарно улыбнулась. Внизу, на галерее, черный карлик натужно крякнул, получив удар ножом в бок. Вспыхнули и тут же заглохли жидковатые аплодисменты.

— Выше головы, плечи расправить, сюда идет наша будущая леди мэр, — еле слышно пробормотал лорд Ягервульф.

Воздух начал слегка потрескивать, в нем пахну́ло озоном. Приближалась эльфийская леди, окутанная аурой тьмы, что делало ее чуть похожей на грозовую тучу. — Ловите момент.

— Ну скажите мне, что я не забыла конверт для фаты Блоудьюведд. — Фата Мизерикордия принялась суматошно копаться в сумочке. — О боги, ну так и есть! Нет, вот он!

— Постой пока здесь, Тенали, — сказала Алкиона. — Мы намерены сделать совершенно добровольные и абсолютно законные взносы здесь, в месте, никоим образом не связанном с государственным аппаратом, за которые мы не ожидаем никакого вознаграждения, ни в смысле административного веса, ни в смысле доступа к каким-либо официальным лицам. Это займет буквально пару минут.

Вилл проводил ее взглядом, чувствуя себя неуклюжим и каким-то неприкаянным. Затем он встряхнулся и пошел искать блюдо с креветками. По его наблюдениям, на таких приемах обязательно где-нибудь было огромное блюдо охлажденных креветок.

Некая женщина, одетая в слишком уж подчеркнуто высокоэльфийской манере, чтобы действительно принадлежать к высоким эльфам, преградила ему путь вытянутой ногой. На ней были сапоги на высоких каблуках и черные кожаные брюки. Ее красная виниловая полурасстегнутая куртка являла изумленному взору бюстье с умопомрачительным декольте. Этот делано низкопробный, полный самоиздевки вид неизбежно привлек бы Вилла (и заставил бы его презирать себя за то, что клюнул), не будь он сегодня здесь с Алкионой.

— Привет, — сказала женщина. — Я — фата Джейн.

— А я так, никто. Ты не видела тут блюдо с креветками?

— Нет. А почему бы нам не пойти ко мне и не поискать его там?

— Хм... Если я не ошибаюсь, мы с тобою только что друг друга увидели. Давай не будем торопить события.

— Вот именно это я и ищу. Кого-нибудь, кто умеет быть милым и никуда не спешить.

— Послушай. Не знаю уж, почему ты ведешь себя столь необычным образом, но я пришел сюда не один. Поэтому, чего бы ты там уж ни хотела, этого не будет.

— Но я тебе нравлюсь? И вообще, тебя привлекают девушки?

— Если честно, то нет, — соврал Вилл. — А потому спасибо за компанию, я пойду дальше.

— О'кей, только дай мне сделать последнюю попытку.

Фата Джейн наклонилась к его уху и еле слышно пропела припев «Баллады Обероновой жопы»:

Он пердолил ее так,
Пердолил сяк,
Он ее пердолил наперекосяк.
Он делал даже то, чего не делает никто...
Им было это в кайф — ну а мы-то что?

— Попробуй что-нибудь новенькое, *mon petit serin*[1]. Расширь свой кругозор.

Улыбаясь, она пососала кончик тонкого, с ярко-красным маникюром пальца, а затем тронула им щеку Вилла. Его детородный орган мгновенно набряк, стал твердым как камень. Его лицо налилось кровью, он с трудом дышал, столь велико было физическое желание.

— Несмотря на всю твою грошовую магию, — процедил Вилл сквозь до боли сжатые зубы, — ничего у тебя не получится. Но я джентльмен и, уважая твой пол, просто откланяюсь и уйду.

— Нет? — Фата беззлобно улыбнулась. — Ладно, поищу кого-нибудь другого. Но не бойся, шери, ты навсегда мне запомнишься как Тот, Который Сорвался с Крючка.

Минуту спустя появилась Алкиона со всем своим кортежем.

— Пошли, — сказала она Виллу и продолжила, когда друзья их уже не слышали: — Я видела, ты болтал с этой кошкой помоечной. Она что, тебя клеила?

— Нет, мы с ней просто трепались.

— Ну и слава богам. Фата Джейн имеет в наших кругах печальную известность. Никто из тех, кто с нею уходит, никогда потом не возвращается. Поневоле задумаешься, что же такое она с ними делает.

Сидевший сбоку от сцены пианист играл «Звездную пыль». Пианистом был тощий, как хворостинка, хайнт, рукава его рубашки были схвачены эластичными лентами, котелок был лихо сбит набекрень. Когда члены клуба начали заполнять зал и са-

[1] Мой лопушок, мой простофилюшка *(фр.)*.

диться за столики, он взял микрофон и заговорил тихим масляным голосом:

— *Bienvenido, señors y señoras, a Le Club Frottage. Heute abend haben wir eine Festlichkeit für Sie.* Спектакль, редчайшее шоу, бесподобная звезда. *Je vous presente — El Somnambula! Der Traumengeist! L'oneiroi des Reves!* Единственный и неповторимый Нанше!

Ударив руками по клавишам, он извлек из рояля тревожные, режущие ухо созвучия, и в тот же момент три какодемона с острыми, как иголки, зубами и шустрыми глазками выпихнули на сцену сонную, обвисшую фигуру, раза в два превышавшую их по росту. Это был грудастый, с округлыми женскими бедрами гермафродит в незастегнутом купальном халате.

— Смотрите, смотрите, — сказала фата Мизерикордия. — Это просто чудесное представление. Я хожу сюда каждый вечер.

Голова Нанше с множеством светлых тугих косичек безвольно болталась. Его тонкий, возмутительно розовый пенис вяло свисал из складок ее половых губ. Какодемоны утащили его халат и рассыпались по сторонам, оставив ее обнаженной в самом центре сцены под золотистым светом софитов. Пианист заиграл бетховенскую сонату для клавира № 14 до-диез минор, «Лунную сонату».

Первую минуту не происходило ничего. Затем какодемоны вернулись с тюбиком увлажняющего крема, выдавили в ладонь гермафродита довольно длинную колбаску и бросились наутек. Глаза Нанше чуть приоткрылись, его рука медленно, с очевидным трудом поднялась к лицу, на котором постепенно, как на проявляемой фотографии, стало возникать удивленное выражение. Затем, столь же медленно, как и поднималась, рука опустилась и осторожно, любовно смазала половые органы.

Оно, апатичное и сонное, начало мастурбировать.

— Потанцуем? — спросил лорд Ласко.

Алкиона встала и протянула ему руку, другую пару образовали Калдогатто с Мизерикордией. Элспет потянула за руку Ягервульфа, и тот, хоть и неохотно, тоже пошел танцевать. Оставался один лорд Веньянса, буквально прилипший глазами к сцене.

Момент был очень удачный, лучшего, подумал Вилл, пожалуй, уже и не будет. Без труда изображая свой же собственный врожденный акцент, немного пугливо, как и должно тому, кто ни на секунду не забывает о своем низком положении, он обратился к эльфу-стратегу:

— Сэр? Не могли бы хоть вы объяснить мне одну вещь? Я всех уже спрашивал, но никто, похоже, не знает.

— Э? — повернулся лорд Веньянса.

— Почему идет эта война?

— Она идет потому, что я работаю не покладая рук, соединяя в единое целое миллиарды долларов и сотни тысяч солдат, для чего ко всему прочему требуются линии снабжения, растянутые на половину материка, и медицинский аппарат, которого хватило бы для средних размеров страны. Скажи спасибо, что эту ношу взвалили не на тебя.

— Нет, я в смысле, что ее вызвало?

— Что вызвало? Упрямство. Лень, жадность, неумение предвидеть последствия, плохая разведка, а значит, отсутствие информации, нежелание идти на компромиссы, граничащее с прямым нежеланием слушать доводы разума, раз за разом повторяющаяся недооценка ресурсов и морального духа предполагаемого противника, непомерная поспешность, с какой принималось решение прибегнуть к силе... и я думаю, наша страна тоже не совсем без греха.

— Но какая при этом ставится цель?

— Хм. Ну, насколько я понимаю, Запад хочет, чтобы мы ушли с его территории. Чего мы, конечно, сделать не можем, иначе их армии перейдут нашу границу и будут нам мстить. Так что в конечном итоге у нас нет иного выхода, кроме как стремиться к полной, окончательной победе. Жаль только, что Его Отсутствующее Величество не исполняет своих обязанностей, что лишает нас наших сильнейших средств борьбы, а потому победа вряд ли наступит скоро.

— Но если у этой войны нет ни причины, ни цели, почему же нельзя просто взять и закончить ее?

— По той же причине, по какой нельзя остановить лавину. Такие вещи всегда идут своим естественным чередом. В любом случае, — по лицу Веньянсы скользнула бледная тень улыбки, — война необходима, чтобы максимально выявить все наши способности. Неужели я должен перемещать по миру танкеры с нефтью или спекулировать зерновыми фьючерсами? Это бескровная, постыдная игра.

— Так примените свои способности, чтобы закончить эту войну! Уж это-то никак не будет стыдным. Если вы...

Их прервало возвращение танцоров, походивших в этот момент на птиц, рассаживающихся по насестам. Они чирикали

и щебетали, продолжая разговор, который, похоже, не имел начала и не грозил когда-нибудь кончиться.

— ...все труднее и труднее относиться серьезно.

— Да никто уже, милочка, серьезно и не относится. Во всяком случае, никто из тех, кто хоть что-нибудь значит.

— А как тебе слухи об этом наследнике престола? Интересно, кто это их распускает?

— Да никто их не распускает, они зарождаются сами по себе, как мыши в грязном белье. Будь тут какой-нибудь заговор, кто-нибудь из нашего круга непременно бы это знал.

— А может, он и знает, да только не говорит, — возразила фата Элспет, многозначительно скосившись на Алкиону.

— Ради всего святого, Элспет.

— Твой, э-э, друг, — заговорил лорд Веньянса, словно забыв, что Вилл стоит рядом, — считает, что нам бы следовало использовать все свои возможности, дабы закончить войну.

— Никто не может исцелить от всех несчастий и бед мира, — сказала Мизерикордия. — Каждый из нас, да и любой другой, располагает лишь ограниченным запасом сил, времени и денег, да и попросту сострадания. Один лишь царь мог бы исцелить все и сразу — и молитесь Семерым, чтобы он никогда не вернулся и не сделал такую попытку!

— Но ведь все только и мечтают о возвращении царя, — вмешался ошарашенный Вилл.

— И все они идиоты. Ну какой, скажите мне, смысл вкладывать всю имеющуюся власть в руки личности, чьи моральные принципы и компетенция вызывают большие сомнения, чьи пристрастия весьма своеобразны, а темперамент никому не известен, лишь потому, что его отец был царем? Никакого, абсолютно никакого.

— Во всяком случае, он мог бы закончить войну.

— Да, но какой ценой? В представительной демократии, даже такой бездарной и коррумпированной, как наша, обеспечено участие всех социальных групп, и все они худо-бедно защищены. Неужели хоть кто-нибудь искренне верит, что какой-то там царь будет понимать интересы и нужды венчурного предпринимателя, кобольда или просто мелкого бизнесмена столь же хорошо, как они сами? Кошмары и жестокости тирании чаще коренятся в непонимании, чем в чьей-то там злокозненности. А если ты думаешь, что монархия менее склонна к зарубеж-

ным авантюрам, чем демократия, я бы тебе посоветовал перечитать Геродота.

— Тут хотя бы тот плюс, что одну личность можно призвать к ответу.

— Нет, одну личность можно убить, а отвечать все равно придется обществу.

— Да, но...

— Мы уходим, — решительно поднялась Алкиона, уже минуты две хмуро смотревшая на сцену.

— Уже? — удивилась фата Мизерикордия. — Ты уверена? А ведь если Нанше на тебя брызнет, это точно к удаче.

У выхода из зала краснокожий черт с коротенькими рожками и в смокинге чуть поклонился Алкионе и спросил:

— Мадам не понравилось наше представление?

— Понравилось, вполне понравилось, но мне хотелось бы что-нибудь более... гнусное. Отвратительное? Нет, гнусное, *c'est le seul mot juste*[1].

— А-а-а, высокородная светская леди желает что-нибудь низкое и противное. — Он задумчиво подергал себя за козлиную бородку. — Ну что ж. За тысячу долларов я могу предложить вам разлагающийся труп морского льва. За три тысячи... — Черт взглянул на пачку купюр, которую вложила ему в руку Алкиона, и глаза его расширились. — Пожалуй, я знаю, чего вы хотите.

Они проследовали за ним в дверь с табличкой «Служебное помещение», а затем сквозь целый муравейник каких-то коридоров и узеньких лестниц. Чем дальше они шли, тем более убогой становилась обстановка, тем облупленнее краска на стенах, тем хуже освещение. Виллу невольно вспоминались дни, когда он был Джеком Риддлом.

Они вышли из здания в грязный проулок, сплошь заставленный переполненными мусорными баками. В противоположной стене была синяя железная дверь с намалеванной по трафарету надписью:

ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН

— А что там? — спросил Вилл, когда черт достал связку ключей и начал отпирать дверь.

---

[1] Это единственно верное слово *(фр.)*.

— Да все, что сэру угодно! — Голос черта так и сочился лакейской любезностью. — Все, чего вы больше всего боитесь, — зверства и бессмысленная жестокость, отчуждение и отчаяние. Очень тошнотворно, очень отвратительно, но при этом приятно, как освежающая встряска. — Он распахнул перед Виллом дверь. — Сюда, пожалуйста.

Темнота не позволяла толком рассмотреть, что находится внутри, однако там пахло железом и керосином, и Вилл успел заметить какое-то пламя. Его сердце сжалось от ужаса, но нельзя же было показывать Алкионе свою непотребную трусость. Он сделал глубокий вдох и шагнул вперед.

— Нет, не ходи туда. — Алкиона захлопнула дверь перед самым его носом. — Ты же здесь только затем, чтобы меня поддержать. — Повернувшись к их любезному чичероне, она объяснила: — Это не имеет к нему ровно никакого отношения. А вот я хочу встретиться лицом к лицу с худшим своим страхом.

Виновато улыбнувшись, черт выбрал из связки другой ключ. Дверь открылась в совершенно другое место. Алкиона, не раздумывая, шагнула первой, следом за нею Вилл и черт. Дверь захлопнулась.

Вилл едва не задохнулся от вони кала, застоялой мочи и физического разложения, исходившей от больничной кровати, стоявшей посреди комнаты. Однако сама комната была вполне чистой и ухоженной, с обоями в мелкую синюю розочку и кружевными занавесками, настолько плотными, что сквозь них едва пробивался безрадостный серый свет. В головах кровати стояла тумбочка с букетом засохших цветов и хрустальной вазой пыльных восковых фруктов. В аквариуме, стоявшем в ногах, одинокая сиамская бойцовая рыбка накручивала вокруг керамического замка один медлительный круг за другим. Ритмично тикали стенные часы, их минутная стрелка ежесекундно подергивалась, не в силах сойти с места: без трех минут двенадцать.

На кровати лежала старуха. В первый момент Вилл ее не заметил, принял за тень или какую-то игру света. Затем маленький сдвиг восприятия ее проявил — прозрачную, как стакан с водой. Ремни вокруг груди и талии не давали ей свалиться с кровати. Ее раскрытый, с отвисшей челюстью рот застыл в мучительной гримасе.

— Кто это? — спросил Вилл.

— Моя тетя Анастасия.

— А что это с ней?

— Слишком раннее просветление.

Вопрос Алкиону явно удивил, теперь же она взялась рукою за порядком замызганный поручень и присела на край кровати.

— Тетушка, поговори со мной.

— Боги долин... не боги в горах, — еле слышно прошептала старуха.

— Что?

— Этан... Аллен[1], он это сказал. — С каждым словом ее голос крепчал, хрустальная прозрачность ее тела чуть-чуть замутилась цветом. Раздалось сумбурное лопотание на неизвестных прежде языках. — Кит — это млекопитающее, не имеющее задних конечностей. Мы все поем, но грязь гнусна. И тут из бурых львиных глаз златые покатились слезы. Без сомнения, этот телефонный звонок должен был стать самым историческим из всех, когда-либо сделанных. Нет работы слишком грязной для долбучего ученого. Сказано Мильтоном Кювье Данбаром Блейком Диксоном Берроузом. Также здесь находятся многоцветные сады Госпожи. Кто сказал это, никто не знает. Но не я.

— Тетя, ты несешь чепуху.

— Нет, Харди! Нет, Харди! Это очень интересный момент.

Алкиона взяла тетю Анастасию за руки, так что кольцо с лунным камнем прикоснулось к прозрачной коже хрупкой, немощной старухи.

— Вернись в этот мир, — сказала она. — Тетя, я нуждаюсь в твоем совете. Вернись в этот мир, ко мне.

— Мэри Маккарти[2] сказала, что Венеция — это бессознательное мира, сокровищница скряги, охраняемая зверем с глазами из белого агата и святым, который является в действительности принцем, только что убившим дракона. Тебе не кажется, что она имела в виду Вавилон? Вавилон — это город ростом в целую милю, город света, большое яблоко и первейший свинобой мира. Все дороги ведут к нему, и тот, кто устал от Мировой Башни, устал от жизни. Я так устала от Вавилона, я так мечтаю о дороге, ведущей куда-нибудь еще.

---

[1] *Этан Аллен* (1738–1789) — американский бизнесмен и землевладелец, писатель и философ, герой Войны за независимость.

[2] *Мэри Маккарти* (1912–1989) — американская писательница, автор известных травелогов о Венеции и Флоренции. На русский язык переводились только «Камни Флоренции».

— Кончай свои цитаты и шарады, — жестко окоротила ее Алкиона. — Властью этого кольца, выкованного на континенте, которого больше уже нет, задолго до того, как поднялась Тысяча Племен, я повелеваю: проясни свой разум и говори со мной простыми словами.

Веки старухи слегка затрепетали и приподнялись; глаза, скрывавшиеся прежде под ними, обвели комнату взглядом.

— Ты привела меня в сознание? — Руки старухи бессильно подергали сдерживавшие ее ремни. — Какая мерзость. Ты всегда была жестоким ребенком.

— Да, милая тетя. Боюсь, что так я и сделала. Но уж слишком велика моя нужда. Ты обладаешь информацией, которую я не могу получить ни от кого другого.

Глаза снова закрылись.

— Спрашивай.

— У тебя был любовник, — начала Алкиона. — Это был позор нашей семьи. Никто не хочет об этом рассказывать. Но я подслушала достаточно разговоров, чтобы понять: за десятилетия до того, как просветление тебя сломало, у тебя был любовник. Расскажи мне, как это было.

— Это очень длинная история, спроси меня что-нибудь покороче.

— Тетя, ты же знаешь, что я не могу.

— Ну хорошо, — смирилась Анастасия. — Я была очень рано развившимся ребенком, ну примерно как ты, моя милая. Как говорится, я научилась ходить раньше, чем научилась ползать, и я левитировала еще в том возрасте, когда не умела толком стоять. Все места были для меня одинаковы, и если хоть что-то привязывало меня к какому-нибудь из них, то лишь капризное желание находиться скорее там, чем где-нибудь еще. К семи годам я читала мысли всех моих близких так же легко, как свои. Да-да, моя сладкая, знаю, ты могла это еще раньше, но только кто сейчас рассказывает, ты или я?

— Прости, пожалуйста.

— Опекуны решили смирить мою натуру холодными обливаниями и телесными наказаниями. Но до столь высокородной соплюхи никто и пальцем не смел дотронуться, поэтому заодно мне назначили мальчика для битья. Ходж был самым заурядным феем, вроде этого твоего друга. Однако, как и твой друг, он был симпатичным созданием. Мальчик для битья и должен

быть привлекательным, он должен быть таким, с кем легко подружиться, иначе наказывать его будет просто бессмысленно... И вот мы росли с ним вместе. На беду Ходжа, я была отчаянной хулиганкой и ничего не могла с собой поделать, поэтому его секли едва ли не каждый день. Стыдясь за свою перед ним вину, я после таких порок смеялась над ним — и слизывала слезы с его лица. Нужно ли говорить, что он меня любил? Конечно любил, иначе и быть не могло. Но только и я, от которой такого ну никак нельзя было ожидать, — я тоже в него влюбилась.

— А что в этом странного? — удивился Вилл.

Левый глаз старухи открылся, медленно повернулся в глазнице и взглянул прямо на него. Через несколько секунд то же самое сделал и правый.

— Мы, высокие эльфы, подобны пузырькам в едва закипающей воде, которые, поднимаясь, растворяются, не дойдя до поверхности. Наша сила духовна по сути своей; чем больше она крепнет, тем слабее становится наша связь с этим миром. А потому мы заводим любовные связи, суем свой нос в чужие дела и лезем в управление государством. Секс, сплетни и бюрократия суть три великие силы, которые только и держат нас в мире.

— Я знал одну личность, которая, если верить ее словам, отсрочила свое полное растворение предательством и кровавыми авантюрами, — сказал Вилл.

Левый глаз уплыл куда-то в сторону, правый — все так же смотрел на него.

— Это рассказал тебе какой-то мужчина, да к тому же престарелый, иначе он не забыл бы подкинуть для комплекта и секс. Но отвечая на твой вопрос: главная беда с любовью состоит в том, что она зачастую делает тебя счастливой. Чистое, незамутненное счастье. Сколько дней его может выдержать такая, как я или Алкиона, прежде чем оно нас уничтожит?

— Двадцать семь, — негромко сказала Алкиона.

— Да, приблизительно так. И как же быстро пролетают дни, когда ты любишь. Ты быстро теряешь им счет. Так что учти, юный романтик, что, свяжись ты с нашей маленькой Алли, не позже чем через месяц она станет такой же, как я сейчас.

— Но ведь ты-то жила со своим любовником, — напомнила Алкиона. — Значит, нашелся какой-то способ.

— Да, и для этого потребовалась вся моя хитрость. Я упорно старалась не быть счастливой. Я была крайне жестока со сво-

им Ходжем и всячески подбивала его быть жестоким со мной. Мы все время ругались и доходили даже до драки. И каждый раз, когда ко мне приближалась опасность сделаться абсолютно счастливой, я безжалостно секла его, секла до крови... Вот так и продолжалось одно ужасное десятилетие за другим. Но, как и бывает со всем, чем пытаются заменить секс, со временем наказания эротизировались. Боль стала прямым выражением моей к нему страсти. Он это понял и стал подбивать меня применять в наказании все больше и больше усилий. Пока не пришел день, когда мое наслаждение его муками стало настолько совершенным, что я не смогла остановиться и забила его до смерти.

Вилл вскрикнул от ужаса.

— Совершенство — это смерть, — продолжила Анастасия. — Мир несовершенен, но будь иначе, кто бы его любил? — Ее веки сомкнулись и застыли, бледные, как выцветшая бумага. — Сколько я понимаю, тема нашей беседы исчерпана. Позволь мне вернуться к манящему меня забвению.

— Да, моя милая. — Голос Алкионы был почти не слышен. — Прости, что я тебя побеспокоила.

— Песок утекает из этих проклятых часов... — пробормотала Анастасия. — Если ты успеешь хотя бы чихнуть в этом проклятом материальном мире, то считай, что тебе крупно повезло. Сэлинджер[1].

Выходя из двери, Вилл оглянулся и увидел на больничной кровати не бледную старуху, а ослепительный сгусток света.

— А ты веришь тому, что говорят про Нанше? — спросила минут через пять Алкиона.

— А что там про это чудище говорят?

— Что он-и-она — это душа — Ка — Вавилона. Что этот наш мир есть не что иное, как его-или-ее сон, в котором мы живем, и любим, и сражаемся, и к чему-то стремимся, самонадеянно считая себя центрами вселенной. Но придет день, когда Нанше проснется, и все мы мгновенно, без всяких мучений перестанем существовать.

— Не знаю. Надеюсь, что это не так. А сама-то ты как думаешь?

---

[1] *Сэлинджер Дж.* Зуи. Перевод М. Ковалевой.

— Я в раздумье. Хочешь знать, почему я вдруг встала и ушла из клуба? Я вроде бы услышала, как он-она простонало твое имя, и опасалась, что оно там дальше может сказать. — Алкиона сняла кольцо и спрятала в сумочку. Лицо ее было все в слезах, и Виллу отчаянно хотелось осушить его поцелуями. — В чем, вообще говоря, есть определенная ирония.

— Алкиона, я...

— Стихни, — осадила его Алкиона, но тут же взяла себя в руки. — Маленькой девочкой я купила себе первого гиппогрифа и научилась на нем летать, потому что хотела свободы. Затем, с возрастом, я стала все чаще натыкаться на непреодолимые ограничения и летала уже для того, чтобы узнать размеры своей клетки. А кончилось все тем, что я летаю, чтобы притворяться перед самою собой, что если не сейчас, то когда-нибудь свобода может прийти. — (Колеса лимузина мягко шуршали по мостовой. Время было уже позднее, машин на улицах почти не попадалось.) — Вот скажи, только честно, ты видишь хоть какой-нибудь способ, чтобы мы с тобой были счастливы вместе?

— Нет, — сказал Вилл после длительной тягостной паузы. — Нет, не вижу.

— Вот и я не вижу.

Она высадила Вилла на Бродвее, кварталах в сорока от того места, куда ему было нужно. Он шел домой сквозь холодную морось, принесенную ветром с моря.

17
ПРИНЦ В ДЖИННИ-ГОЛЛЕ

Этот слух пронесся лесным пожаром по Гарлему, Джинни-Голлу, равно как и по соседним с ними общинам Белутахатчи и Дидди-Ва-Дидди: босой, в пропыленном плаще принц пришел к Салему Туссену, чтобы посоветоваться и, прежде чем предъявлять свои права на престол, получить у олдермена напутственное благословение. Хайнты высыпали на улицы, они сбегали по лестницам доходных домов, вываливались из пивных и бильярдных, выползали, пошатываясь, из опиумных притонов и дешевых борделей, выходили из парикмахерских и клубов по интересам, забывали свои вечерние школы и благотворительные кухни и глазами, полными несбыточных надежд, видели на асфальте его сияющие следы.

Вилл с лисицей намалевали их фосфоресцентной краской еще ночью, прикрыв подавляющим заклятием, срок действия которого истекал сразу же после заката, но никто этого, конечно же, не знал.

Войдя в кабинет олдермена, Вилл скинул капюшон и какую-то долю секунды наслаждался полным, откровенным изумлением своего бывшего работодателя.

Затем Салем Туссен протянул руку и крепко сжал его локоть, словно уверяя самого себя, что Вилл — это действительно Вилл.

— Так ты по правде, что ли, царь? — спросил он с сомнением, но тут же вернулся к своей всегдашней безапелляционной манере. — Нет, конечно же, нет. Так что же это ты задумал?

— Во всяком случае, я никак не считаю себя настоящим наследником, — начал Вилл. — Но мне тут стали говорить, что все-таки я наследник, и теперь... — Он пожал плечами. — Теперь я просто не знаю. — Он нагло врал своему старому наставнику и должен был вроде бы терзаться угрызениями совести.

Но на практике это давало ему странное и очень приятное ощущение собственной силы. — Теперь я просто действую по обстоятельствам. Плыву по течению и жду, куда вынесет.

— Не дури ты мне голову, молодой человек, этот город говорит со мной без утайки. Что знает Вавилон, то знаю и я. И я очень надеюсь, мальчик, — Туссен надел самую строгую из своих бесчисленных масок, — что ты понимаешь, во что ввязался. А в противном случае позволь мне тебя предупредить: политика — это мясорубка. Не суй в нее пальцы, а тем более голову, если не имеешь точного представления, что и зачем ты делаешь. И даже если имеешь, все равно лучше не суй. А теперь скажи мне, что тебя сюда привело.

— Я хочу попросить тебя об одной услуге.

— Затем я, сынок, здесь и сижу, — облегченно улыбнулся Туссен, — затем я здесь и сижу. — Он вновь ощущал под ногами привычную почву.

— Нату нужна контора. В каком-нибудь таком месте, чтобы выглядело официально, но при случае сдавалось частным лицам. Чтобы выглядело вместе и солидно, и малость подзапущенно. Чтобы обилие посетителей не привлекало особого внимания. И чтобы кто-нибудь — ну, скажем, вроде тебя — мог быстро организовать аренду без всяких бумаг и за наличные. Вот эта ваша Старая Ратуша, — Вилл обвел рукою кабинет, — подошла бы идеальнейшим образом.

— Да зачем вам вдруг это?

— Ну... понимаешь... мы тут с ним прикинули, что, если появится новый царь, появится и уйма всяких личностей, которые хотели бы иметь к нему доступ, чтобы подсунуть свои жалобы и замыслы, и которые были бы вполне готовы ради такого доступа подмазать где и что надо.

— А-а, — понимающе кивнул Туссен. — Ты будешь продавать титулы и должности.

— Ты видишь меня просто насквозь! Ну так что, договоримся?

— Видишь ли, тут есть одно обстоятельство. Ната я, конечно же, очень люблю, но только он самую малость слишком известен в этих местах, чтобы мне можно было...

— Нет, что ты, — замахал руками Вилл, — и ноги его здесь не будет. Я и сказал-то про него, чтобы ты понимал: я ничего от тебя не скрываю. Заходите, графиня, — сказал он, распахнув дверь кабинета, а затем опять повернулся к олдермену. — Это

графиня Лизетта иль Вольпоне. Это она будет сидеть в кабинете как представительница Ната.

На лисице был мужской пиджак без галстука, с орхидеей на лацкане. Глубоко расстегнутый ворот рубашки открывал для обозрения верхнюю часть ее грудей. В таком костюме вид у лисицы был обворожительный и чуть плутоватый, а подчеркнутая эксцентричность придавала фантастическому титулу нечто вроде достоверности.

— Знакомство с вами, олдермен, — это большая честь, — поклонилась лисица. — Вилл рассказывал мне о вас очень много хорошего.

— Миледи. — Салем обошел свой стол, низко склонился и поцеловал ей руку.

— Ой, мамочки! — зарделась лисица и обмахнулась веером. — Вилл, возьми на заметку. Зуб даю, этот кент никогда не ложится в постель в одиночку.

Туссен разулыбался, как десять тысяч добрейших дядюшек, слитые воедино.

В этот самый момент из боковой двери показался Джими Бигуд. Увидев Вилла, он пораженно присвистнул, пробормотал: «Чтоб меня черти драли», крикнул через плечо: «Дохлорожий, оторви свою задницу от стула и беги сюда!» — и недоуменно воззрился на Туссена.

— А не тот ли он, случаем?..

— Тише, тише, — успокоил его Туссен. — Не будем делать поспешных выводов. Лучше подождем и посмотрим, во что нам выгоднее верить. А пока что этой прелестной леди нужно помещение под офис.

Начались переговоры. Называли суммы, спорили о размере комиссионных. Предложения выдвигались и тут же забирались обратно. Затем наступил волшебный момент, когда все уже было согласовано, и Вилл поспешил объявить сделку заключенной, иначе лисица и олдермен промчались бы дальше и торговались всю ночь из чистого удовольствия иметь дело с достойным профессионалом. Туссен вручил лисице ключи от кабинета, расположенного не слишком близко к его собственному, но и не слишком далеко, чтобы всегда была возможность за нею присматривать. Лисица сложила перед собой ладони и низко поклонилась.

— *Домо аригато*[1].

[1] Один из многих в японском языке вариантов фразы «Большое спасибо».

— *Де нада*[1], — откликнулся Салем Туссен и тут же удивленно спросил: — А что это там за шум?

Джими Бигуд открыл окно, и они увидели, что улица внизу запружена хайнтами. И все они смотрели вверх, на здание. Заметив в окне движение, хайнты начали скандировать:

— *Дай-те нам ца-ря, дай-те нам ца-ря!*

— Мать твою так, — сказал Дохлорожий.

— Слышишь, мальчик? — спросила лисица. — Это они тебя так любят. Выйди на балкон и помаши им ручкой.

Как ни странно, эта демонстрация преданности ввергла Вилла в тоску.

— Ну чего это их так волнует? — спросил он всех и никого. — Разве в те времена, когда Вавилоном, Вавилонией и Присовокупленными территориями правил царь, было хоть на йоту лучше? Ну с какой такой стати те, кто никогда не видел от монархии ровно ничего хорошего, приветствуют ее восстановление?

— *Дай-те нам ца-ря.*

— Его Отсутствующее Величество являет собой воплощение справедливости, — объяснил Салем Туссен. — Поэтому более чем естественно, что все честные граждане жаждут его возвращения, а те, кто их эксплуатирует, боятся. — Один из его золотых зубов жарко сверкнул на солнце. — И эта сцена наглядно подтверждает, что все мои избиратели суть порядочные граждане.

— *Дай-те нам ца-ря, дай-те нам ца-ря.*

Все это время Джими Бигуд дергал высокое, до пола, окно, выходившее на маленький захламленный балкон. Теперь его труды увенчались успехом: окно с треском распахнулось.

— Ты надел бы этот свой колпак, — посоветовал Виллу Туссен. — А потом выйди, чтобы они на тебя посмотрели.

Вилл вышел на балкон с чувством, близким к головокружению, и увидел внизу, на улице, море запрокинутых лиц. Не придумав ничего содержательнее, он вскинул руку.

Толпа взорвалась криками и аплодисментами, заморгали слепящие вспышки фотокамер. Волна любви, кипевшая на улице, захлестнула Вилла и понесла, наполнила его невероятной энергией. Он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы поднять автобус, достаточно ловкости, чтобы ходить по воде. Это было

[1] De nada *(исп.)* — не за что.

изумительное, незнакомое чувство. Он поворачивался то налево, то направо, махал то одной рукой, то другой и все улыбался, улыбался, улыбался, как слабоумный. Скажи ему прежде, что такое возможно, он бы никогда не поверил.

Но по прошествии какого-то — до обидного малого — времени чьи-то руки схватили его за плечи и втащили назад в кабинет. Он задыхался и хватал ртом воздух. А потом из тумана выплыло лицо Салема Туссена, и тот явно что-то говорил.

— Да послушай же ты! — Олдермен встряхнул Вилла за плечи. — Слышишь или нет? Я сказал Дохлорожему, чтобы подогнал машину. Нужно вытаскивать тебя отсюда. Это дело, — он повернулся к лисице, — слишком уж склизкое, чтобы мне напрямую с ним связываться. Но у меня есть какое-то странное предчувствие. Возьмите с собою Джими. Все прекрасно знают, что он из моих ребят, но в крайнем случае я всегда смогу сказать, что послал его как наблюдателя. Ну, — повернулся он к Виллу, — счастливо. Я так и считаю, что только полный псих может делать то, что уж ты там делаешь. Но будем надеяться, что как-нибудь оно проскочит.

— Спасибо, Салем, ты настоящий мен.

— Я вобью за тебя в нкиси-нконде новый гвоздь.

У парадного входа Старой Ратуши столпилась уйма зевак, у заднего входа их было немногим меньше, поэтому Вилл попытался проскользнуть в боковую дверь. Но все равно его заметили.

— Да это же белый, — сказал чей-то голос.

— Привет, очень рад с тобой познакомиться. — Вконец смешавшийся Вилл пожал какому-то хайнту руку. — Как жизнь? — Он хлопнул другого по плечу.

Подходили все новые и новые хайнты, они восхищенно бормотали, тянулись его потрогать, он ощущал на плечах и спине их легкие, как дуновение, пальцы, а сам тем временем пожимал руки и хлопал по спинам, как белый помолодевший извод Салема Туссена.

— Я с вами, — говорил он, — и спасибо за вашу поддержку. И не считайте себя забытыми, потому что вас не забыли.

Дохлорожий сумел наконец подогнать «кадиллак». Дверца чуть приоткрылась, и Вилл, а за ним лисица и Джими проскользнули на заднее сиденье. Медленно и мучительно машина начала пробираться сквозь все прибывавшую толпу. По крыше и капоту барабанили, а несколько юных хайнтов даже залезли на

багажник. Когда толпа осталась далеко позади, Дохлорожий притормозил, выскочил из машины и согнал лихих наездников. Теперь можно было вздохнуть свободно.

Прошло еще несколько минут, и сидевшая рядом с Виллом лисица вдруг согнулась пополам.

— Что с тобой? — встревожился Вилл, а затем вдруг увидел, как ее уши удлиняются и обрастают жестким волосом. — О-о-о.

Нат распрямился, сунул руку за ворот рубашки, вытащил наружу бюстгальтер и, подмигнув Джими Бигуду, спрятал его в карман. Потом застегнул рубашку доверху, выкинул в открытое окошко орхидею и повязал себе галстук, извлеченный из другого кармана.

— Гони вовсю, — сказал он затылку Дохлорожего. — Номер машины был на виду, так что нас наверняка уже ищут.

Дохлорожий изумленно обернулся:

— А где дамочка?

— Здесь. — Нат указал на свое сердце и тут же, сменив тему, удовлетворенно потер руки. — О'кей, один этнический блок электората нам обеспечен, можно заняться следующим. Это будут... — он взглянул на свой карманный органайзер, — клуриконы! Великолепно!

— Послушай, Нат, — взмолился Вилл, — у меня же ничего не получится.

— Поздно, сынок, слишком поздно. Ты уже в седле, и либо скачи, либо будешь затоптан. — Нат достал из кармана сотовый телефон. — Выдвигай громилу на исходные. Когда? А ты сам-то как думаешь? Прямо сейчас и начинается. Да. Да. Ты знаешь, где главный зал Общества клуриконов? Прекрасно. У них сегодня их ежегодный банкет с вручением премий. Встретимся снаружи, где-нибудь рядом с входом.

«Он грядет», — обещало огненное граффити на пешеходном мостке, оно осталось за спиной и быстро исчезло из виду. Зато показалось другое такое же, сиявшее на стене банка. «Он грядет», — кричали огненные буквы высотою в этаж, намалеванные вдоль целого квартала, «ОН ГРЯДЕТ!» — шипел и потрескивал призрачный голубоватый огонь на фанерных ларьках, краснокирпичных стенах и станциях подъемника.

— Ты только посмотри, — изумился Вилл, — они же буквально повсюду. Откуда это взялось?

— Прямо мурашки по коже, верно? Двадцать тэггеров три ночи подряд снашивали ноги до задницы. Во сколько обошлось — страшно даже вспомнить, но зато уж действительно запоминается. Сегодня здесь, в Малой Туле, только об этом и говорят.

Общество клуриконов было организацией, заботившейся о благополучии первых обитателей Блаженных островов. Говоря попросту, это был питейный клуб. Однако со временем, в силу того что среди его членов было много преуспевающих личностей, это общество приобрело серьезный политический вес. Что автоматически означало, что Салем Туссен был здесь постоянным посетителем, а значит, и Дохлорожий мог доехать туда с завязанными глазами.

Они остановились перед бывшим оперным театром, побывавшим затем последовательно кинотеатром, кафешантаном, оперативным штабом фирмы, занимавшейся доставкой обедов на дом, профсоюзным залом для собраний и мебельным складом, каковому последние покупатели, клуриконы, вернули нечто вроде изначального великолепия. У входа в зал тоскливо слонялся строительный великан, ни на секунду не расставшийся с ржавой железной бочкой. Нат сразу же отошел побеседовать с троллем, курившим вонючую сигару чуть поодаль.

— Ну все, — сказал он, демонстрируя Виллу пустой, как башка идиота, бумажник. — Это были наши последние деньги. Если фокус не сработает, даже не знаю, на что нам и жить.

Но по тому, как Нат при этом улыбался, было понятно, что он ничуть не сомневается в успехе.

Над дверью висела веточка укропа, и Нат ее тут же снял, чтобы хайнты могли войти. Джими Бигуд провел их прямо к банкетному залу, но входить они не стали, а остановились у тяжелых двойных дверей.

— Терпение — главная из добродетелей, — сказал Нат, заметив, что Вилл взглянул на часы. — Но еще важнее правильно выбрать момент.

Бум-м!

Там, на улице, великан шарахнул по железной бочке заранее припасенным стальным рельсом. Грохот прокатился по зданию и заставил утихнуть разноголосую болтовню в банкетном зале.

Бум-м!

Бочка гремела, как гром.

— Мы трое — его свита, — напомнил Нат Джими и Дохлорожему. — Держим себя с достоинством, идем, отставая от него примерно на шаг, и, что бы там ни случилось, никаких эмоций. Ну как, сумеете?

— Мен, я работаю на Салема Туссена!

— Аналогично.

— Ну и ладушки, ребята.

Бум-м!

Затем, как и было предусмотрено Натом, великан сложил руки рупором и проорал голосом, от которого задрожали перекрытия:

— ОН... УЖЕ... *ЗДЕСЬ!*

Нат и Дохлорожий дружно распахнули двери банкетного зала.

И Вилл вошел. Все сидевшие в зале повернули головы и смотрели теперь на него.

В наступившей гробовой тишине Вилл прошел сквозь зал с Джими Бигудом по правую руку и чуть сзади, Дохлорожим по левую и Натом прямо сзади. Дойдя до конца зала, он поднялся на помост вроде сценического, взошел на подиум и откинул капюшон, чтобы все могли видеть его лицо. Нат осторожно, как умелый дворецкий, снял с его плеч серый плащ. Теперь Вилл был в свободных белых брюках и свободной белой рубашке. Его фигура словно светилась сама собой.

— Привет, — сказал он. — Прежде чем представиться, я хотел бы сказать вам несколько слов.

Я хочу поговорить о молодом пилоте дракона — имени я не называю, — который, подобно тысячам сверстников, пошел добровольцем в армию, чтобы защитить свою страну и свою башню от иностранной агрессии. Он сражался умело и храбро, и тем больше была скорбь его товарищей, когда его любимая машина была подбита над джунглями в захолустной сельской провинции, известной тем немногим, кому она известна, как Спорные Горы. К счастью, он не погиб, хотя был ранен весьма серьезно. Местные жители нашли пилота висящим на парашюте и принесли в свою деревню, где умелые целительницы после долгих и тяжелых трудов вернули его к жизни.

Как вы, несомненно, знаете, все пилоты драконов отчасти смертны, потому что одна лишь красная кровь может выдержать соседство с таким количеством холодного железа. В жилах каждого из них течет кровь повелителей. Возможно, именно на

это отозвались селяне, либо они распознали в нем некое врожденное благородство. Так или иначе, но как раз в эти дни умерла женщина, бывшая у них мэром, и они нуждались в новом вожде.

Они избрали его своим лордом. Пилот, ничуть не колеблясь, взялся править этой маленькой мирной общиной. Его работа была отнюдь не тягостна. Два-три раза в месяц он разрешал какие-нибудь споры, и его решения неизменно принимались с всеобщим восторгом, потому что были столь же милостивы, сколь и мудры. Простая, здоровая сельская жизнь текла своим чередом. Возможно, там не обошлось без девушки, которая... ладно, не будем об этом говорить.

Но сколь ни приятны радости сельской жизни, наш пилот был офицером ВВС Его Отсутствующего Величества и во исполнение присяги был обязан вернуться на службу. Пришел день, когда он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы покинуть деревню, и — сколько ни плакали его подданные — так и сделал.

По исстрадавшейся, разоренной войною земле он пробирался к границе. Усталый и голодный, избегая всяческих встреч, он крался по вражеской территории. Однажды он все же наткнулся на патруль кентавров. Огромные, сплошь поросшие волосом чернобородые скоты, не желавшие и знать о законах цивилизованной войны, едва его не убили, однако он оказался хитрее и сам перебил их всех.

Но, увы, его героизм оказался тщетным. Он был схвачен врагами и помещен в концлагерь. Вы можете себе представить, каковы были там условия: скудное питание, почти не пригодная для питья вода, непосильный принудительный труд, даже пытки. Но и здесь наш пилот не забыл свой долг. Он собрал павших духом товарищей по несчастью нод своим руководством. Он пришел от их имени к коменданту лагеря и потребовал соблюдать Женевскую конвенцию. В довершение всего он устроил массовый побег.

И наконец, после многих трудностей и лишений, он снова оказался в Вавилоне. Здесь пилот узнал, что, пока он находился в лагере, срок его службы закончился и он, отсутствующий, был отправлен в почетную отставку. Я мог бы не говорить об этом, но наш пилот был сиротой, не имел ни дома, ни семьи, и податься ему было просто некуда. Потыкавшись туда-сюда,

он решил в конечном итоге совершить паломничество к ясновидящей, обитавшей во тьме, в потаенных глубинах, у самых корней Вавилона.

Был ли путь пилота опасен и труден? Верно ли, что он видел солнце, восходящее в полночь? Об этом, как и о многом подобном, он поклялся ничего не говорить. Но так или иначе, он дошел до ясновидящей, заплатил ей цену, которую нельзя никому раскрывать, и узнал от нее то, что было для него самым главным: тайну своего рождения.

Путь из мрака наверх оказался не менее трудным. По чистой случайности он вышел на свет посреди Висячих садов и был тронут почти до слез красотою природы, представшей там перед ним. Он знал теперь, что имеет законное право на огромнейшее наследство, однако не стал себя раскрывать. Дело в том, что он был лишен всякого честолюбия. Вместо этого он начал работать с самого низа и со временем стал собственником маленького бизнеса, внося — как и многие здесь присутствующие — свою скромную лепту в процветание нашей державы как целого.

Однако нельзя жить в городе и не видеть его невзгоды. Нищету, несправедливость, отсутствие руководства и перспективного мышления. И вот, в свободные от работы часы пилот начал искать ответы. Он бродил по городу, встречался с представителями всех племен и социальных классов, слушал их рассказы о наболевшем. Постепенно ему стало ясно, что нужно делать.

Вавилон опасно болен, и это потому, что нет царя. Простейшая истина, которую никто из вас, здесь сидящих, не станет отрицать. Все наши беды коренятся в том факте, что Обсидиановый Престол давно пустует. Нужны серьезные радикальные решения, а их просто некому принимать. Оппортунизм и беспринципность — вот кто правит страной. Бедными пренебрегают, предприниматели стонут от бремени непомерных налогов, аристократия зажралась и обленилась. Вавилону нужен царь! Только где же его найти?

Вилл сделал долгую театральную паузу, а затем приблизил губы к микрофону.

— Меня звать Вилл ле Фей. Его Отсутствующее Величество был моим отцом.

Все, кто был в зале, вскочили на ноги и *взревели*.

Сыны Блаженных рванулись вперед, подняли его на плечи и торжественно вынесли на улицу, куда как раз подходили первые группы хайнтов из Джинни-Голла. Два встречных потока сомкнулись, образовав водовороты темных и бледных лиц, все пели и смеялись, друзья смыкали руки, незнакомцы обнимали незнакомцев.

Виноградные лозы пробивались сквозь асфальт и оплетали стены зданий. Там, где проносили Вилла, деревья покрывались цветами, а птицы начинали петь. Кто-то выбежал из мебельного магазина с чиппендейловским креслом, Вилла с размаху на него усадили, и этот импровизированный трон поплыл по Вест-Сайду, как пробка по бурной реке. Кто-то другой забежал в хозяйственный магазин и вынес оттуда охапку садовых факелов, которые тут же зажгли и раздали. Ликующая процессия превратилась в факельное шествие.

Как раз в эти дни на город нахлынули морские эльфы. И если во всем Вавилоне осталась хоть одна не соблазненная ими девица, значит ей этого попросту не хотелось. Теперь они повываливали из пивных и стрип-баров, все в ослепительно-белой, до хруста накрахмаленной парадной форме, увидели процессию и тут же в нее влились, маршируя шеренгами по четыре под старые хвалебные песни.

Пусть шарлатаны вкривь и вкось пророчат
Удел грядущий царства и царя,
Я не глупей всех этих звездоглядов.
Мне их мудреной мудрости не надо.
Я попросту сказать вам рад,
Что все опять пойдет на лад,
Когда наш царь воссядет на престол.

И вся улица подхватила припев:

Я попросту сказать вам рад,
Что все опять пойдет на лад,
Когда наш царь воссядет на престол.

Под Вилловым престолом сам по себе появился грузовик с платформой. Граждане тут же забросали его цветами, так что исчезла из виду даже кабина. Цаплеголовые девушки выписывали в воздухе петли и размахивали яркими шелковыми вымпелами.

Все эмоции, кипевшие в этой толпе, втекали в Вилла, и через малое время он совсем от них опьянел. Он махал руками и рассылал воздушные поцелуи, а тем временем конфетти сыпались бумажной метелью, а вокруг грузовика кувыркались голые менады и фавны. Это было, словно он пробудился и увидел, что сон все равно продолжается, а затем пробуждался еще и еще, и всегда с одним результатом. Это было чудесное ощущение.

Среди приплясывающих голов хайнтов и клуриконов, ни на шаг не отставявших от грузовика, возникли ослиные уши. Вилл присмотрелся и увидел улыбку Ната.

— Ты на коне, сынок, ты на гребне. Это твой момент. Хватай его за глотку и не отпускай.

— Нат, это просто невероятно. Тебе бы стоило... — Но его слова потонули в гуле толпы.

А он хотел сказать, чтобы Нат никуда не пропадал, держался рядом, помогал советом, не давал увлечься и переиграть. Ведь рядом с этим грандиозным мошенничеством все, что он делал прежде, было просто тьфу.

Но Нат уже отстал и затерялся в толпе.

И думать об этом было некогда, потому что появились — наконец-то — телевизионщики. Их машины зажали его в тиски, их прожектора зажгли его образ земной звездой на всех телевизорах города. Морские эльфы, все еще продолжавшие петь, снова дошли до припева и снова грянули хором:

Я попросту сказать вам рад,
Что все опять пойдет на лад,
Когда наш царь воссядет на престол.

Прошли ли часы? Или только минуты? Этого Вилл так никогда и не смог понять. Но в этот момент толпы вавилонян, миллионные, как тогда казалось, натолкнулись на жиденькую цепочку волхвов и колдуний, одетых в должностные белые мантии и вздымавших к небу волшебные жезлы, наглухо перекрывая дорогу к «Арарату», высочайшему в городе небоскребу, на верхних этажах которого находился Дворец Листьев. При всей своей дряхлости и видимой слабости они с легкостью сдержали напор орды, накатившей на них штормовым, сокрушительным валом.

А потом заговорила старейшая из них, и, хотя ведьма говорила спокойно и тихо, слова ее услышали все.

— Выйди вперед, Претендент на Престол, и отдай себя нашей воле, дабы мы могли тебя испытать.

Толпа протестующе загудела, однако Вилл мановением руки призвал ее к молчанию.

— Успокойся, о мой народ! — воскликнул он. Выбор местоимения «мой» вместо царственного «наш» был осуществлен спонтанно и по наитию — скромность и простота выставляли нового монарха в свете куда лучшем, чем могли бы пышность и помпезность. — Естественно и справедливо, что Совет Волхвов хочет проверить мое происхождение. Ровно так же нет ничего плохого в именовании Претендент на Престол, оно совсем не означает, что мои претензии ложные, а только то, что нужно проверить их истинность. И я не просто соглашаюсь на такую проверку, я ее требую, поскольку титул царя Вавилона не какой-нибудь пустячок, чтобы им распоряжаться бездумно, с ним связана огромная ответственность, нести которую способны лишь прямые потомки Мардука. Поэтому я весьма доволен моими волхвами и ведьмами. Верно и преданно хранили они мой престол, за что будут удостоены богатых даров, когда я на него воссяду. Как и все вы, любезные мне, беззаветно мне преданные подданные, как и все вы!

Аплодисменты, переходящие в овацию.

— А теперь я вас покидаю, дабы меня проводили во Дворец Листьев и там подвергли всем расспросам и проверкам, какие нужны для доказательства моей законности. Они предписаны обычаем и никак не могут быть ускорены. Они могут занять недели и недели.

Толпа застонала.

— Но я спокоен и чужд нетерпения. И вы тоже не должны торопиться, будучи абсолютно уверенными в неизбежном счастливом исходе всех надлежащих проверок. Тем временем вы сможете следить за их продвижением через средства массовой информации, так что в некотором смысле мы с вами не будем разделены, но сохраним единство общей цели и уверенности. Мы с вами едины сейчас и пребудем едины.

Затем Вилл властно взмахнул рукой, и восторженно орущая толпа расступилась, расчистив проход от его чиппендейлов-

ского трона до недвижно стоящих волхвов, чьи лица сияли как фальшфейеры.

Он сошел с грузовика (вставший на колени людоед послужил ему ступенькой и был за то вознагражден чуть заметным кивком) и, все так же босой, направился к Совету Волхвов; все стоявшие по сторонам прохода опускались на колени и низко склоняли головы.

Кто-то истерически закричал. А затем по правую руку от Вилла тон и каденция звуков неожиданно изменились, это резало ухо, словно море вдруг поменяло свой голос. Всплеснулась багровая опасная теплота, а следом за нею нахлынул ужас. Вилл повернулся.

И увидел.

Как и где Пылающий Улан раздобыл себе лошадь? Как он вернул себе свою пику? Как он подобрался так близко, почему его никто не заметил? Такие вот глупые, никчемные вопросы затопили сознание Вилла, не оставив места ни для разумной оценки ситуации, ни для понимания, что же теперь следует делать.

На долю секунды Пылающий Улан заполнил собою двери ближайшей гостиницы, стекло в ней взорвалось и разлетелось по сторонам.

А затем, выкатив от ужаса глаза и широко раздувая ноздри, его тяжелый, как битюг, жеребец помчался прямо на Вилла. Толпа завопила и прыснула по сторонам.

Вилл стоял, словно примерзший к асфальту.

Он был один посреди этой улицы, опустевшей как по волшебству. Пылающий Улан набычил голову, нацелился пикой и пришпорил своего скакуна.

— Ублюдок! — кричал он. — Наконец-то ты умрешь!

Фигура улана разрасталась, заполняла все поле зрения. Вилл слышал где-то в своей глубине истошные вопли дракона, который требовал для себя полной свободы действий. Каковое требование с учетом обстоятельств было более чем разумным, но Вилл просто не мог ничего предпринять, он был как заяц, попавший в луч света от фары, или мошка, зачарованная пламенем, с той лишь единственной разницей, что для него парализующим светом стало ошеломленное понимание, что жизнь его стремительно движется к концу.

Возникшие из ниоткуда руки схватили Вилла и грубо отшвырнули в сторону.

Падая на землю, Вилл успел увидеть, что точно на том самом месте, где только что стоял он сам, стоит теперь Нат. Он видел, как пика вошла в Натово тело и вышла с другой стороны. Он увидел, как Натово лицо исказилось от боли. Он увидел, как брызнула кровь.

Он увидел, как Нат умер.

Но ровно через мгновение толпа вновь нахлынула и ликующе вскинула Вилла вверх, демонстрируя тем, кто подальше, что он не погиб. Пританцовывая от радости, его передали волхвам, которые, почтительно кланяясь, усадили Претендента на Престол в уже поджидавший портшез. Его почетный караул составили невозмутимые, в полной парадной форме офицеры политической полиции, а следом выстроились рядами самые видные из высоких эльфов, в их числе — все Лорды Правления. Затем четыре старейшие, почтеннейшие ведьмы подняли портшез на свои старушечьи плечи, и вся процессия проследовала к вестибюлю «Арарата», откуда лифты должны были вознести их во Дворец Листьев.

А сзади, словно взбесившиеся призраки, визжали и улюлюкали десятки сирен. Дробным стаккато мигали фотовспышки. Полицейские, сцепившись руками, еле сдерживали напор репортеров. Но Вилл всего этого не видел и не слышал, он закинул голову к небу и в голос завыл.

Ната Уилка больше не было.

Под звуки бойрана, флейты и цевницы беспомощного Вилла уносили все дальше от окровавленного тела Ната. Бесись сколько хочешь, вой сколько хочешь, все равно никто тебя не услышит.

А на улице оркестрик из дуппи наяривал регги и граждане весело танцевали.

Царевич, законный наследник нашелся, и монархия восстановилась. Распорядительству Совета Волхвов, Лиосалфара, Докалфара и Лордов Мэральности пришел конец. О демократии можно было забыть. И все, как казалось, жители Вавилона были вне себя от радости.

Для них это был счастливейший из дней.

18
В ТЕНИ ОБСИДИАНОВОГО ПРЕСТОЛА

Значение ночного гудка паровоза одно и то же на всех языках. Оно замешано на одиночестве, инаковости и бессильном желании быть где угодно, но только не здесь, кем угодно, но лишь не этим проклятым собой. От этого звука сердце сжималось мучительным осознанием, что поезд уезжает без тебя и так же будет и в будущем. Ты никогда не поспеешь на волшебный поезд, который унесет тебя в дальнюю страну, где лежат решения всех твоих проблем. Ты никогда не приедешь в тот сказочный город, где все, к чему ты втайне стремился, раздают бесплатно на улицах.

Сидя в полуночном саду на резной серпентиновой скамье и слушая, как затихает далекий гудок, Вилл уже почти жаждал, чтобы этот поезд все-таки пришел и унес его к смерти.

Он тяжело вздохнул.

— Сэр? Вам что-нибудь нужно? — вопросил бесплотный голос мажордома.

— Нет. Конечно же нет. У меня есть все. Ну что мне может быть нужно?

— Сэр?

— Уйди, Ариэль.

У ног его поблескивал пруд, темный, как лужица туши. Над ним висела луна. Он посмотрел сперва на луну, а затем на пруд. В этом пруду водились рыбы ничуть не менее странные, чем все, что можно найти в хрустальных чертогах луны. И все равно он не мог себе даже представить ничего столь же странного, как он сам — фактический царь, только и мечтавший, что ускользнуть от всех этих слуг, богатства и дворца, жулик и проходимец, жульничеством загнавший себя в самую роскошную тюрьму во всей мировой истории.

— Сюда идет Мастер Испытаний.

— Заткнись, Ариэль.

Беззвучно ступая по гравию садовой дорожки, едва различимый во мраке, Мастер подошел к скамейке и сел рядом с Виллом.

— Думаю, теперь ты ориентируешься в ситуации получше, чем при первой нашей встрече.

Это был Флориан Л'Инконну. Он не то чтобы улыбался, но смотрел на Вилла с выражением далеко не таким недружелюбным, как мог бы тот ожидать.

— Я чувствую себя как в капкане.

— Тебе ни к чему так думать. Тем более теперь, когда испытания прошли столь успешно.

Так оно, в общем-то, и было. Анализы показали наличие в крови Вилла значительной смертной доли, что ничуть того не удивило, а кольцо, полученное им от Ната, было объявлено достаточно старым и вполне соответствующим описаниям царского фамильного перстня, что, если учесть всегдашнее стремление Ната к максимальной правдоподобности, тоже было вполне естественно. Но удачно прошли и личные испытания: мгновенное исцеление золотушного чертенка, когда Вилл коснулся его рукой, и одобрение волхвами невзрачной деревянной ложки, выхваченной им наугад из целой россыпи всевозможных безделушек, — чего он никак уж не ожидал. А не далее как этим утром сивиллы подкинули семнадцать монет, чеканенных из самородного серебра, и все они выпали орлом. Это стало для Вилла, который мог бы проделать тот же самый трюк дюжиной различных способов, наилучшим доказательством, что идет откровенный мухлеж в его пользу.

— Ну и что? Конец тут может быть только один.

— Да, — кивнул Флориан, — я знаю, что ты считаешь себя самозванцем. Но не исключено, что ты ошибаешься, не забывай и о такой возможности. Было допрошено достаточно беженцев из этой твоей деревни, чтобы надежно установить: твое происхождение более чем туманно.

— Иначе говоря, я ублюдок, незаконнорожденный.

— Чего отнюдь не следует стесняться, если отец твой царь. Монарх по сути своей божествен. Его прикосновение возводит простолюдина в рыцарское достоинство. Его семя порождает наследников.

— Ну да, — кивнул Вилл, — роскошный способ клеиться. — Он надолго замолчал. — А как там она?

— Да вполне нормально. — Флориан не стал притворяться, будто не понимает, о ком речь. — У нее по горло работы, это затягивает. Помнишь, как ты пришел к «Арарату» и привел за собою весь этот сброд? Там же стоял наш драгоценный Совет в полном составе, без никаких уклонистов. Так знаешь, кто это организовывал? Алкиона, ей дали за это почетный значок.

— Рад слышать.

— И все время спрашивает, как у тебя дела. Так, словно между прочим. Кстати сказать, как тебе здешняя обслуга?

— Из кожи лезут, — фыркнул Вилл. — Мне тут захотелось пофехтовать, чтобы форму совсем не утратить, и я попросил у них оружие. Думал при этом о шпаге, но сошла бы и рапира, так что конкретизировать я не стал. Свет! — скомандовал он, чуть возвысив голос, и тут же вспыхнула вереница садовых факелов. — А теперь смотри, что они мне дали.

На ладони Вилла сам собою лег японский меч. Освободив клинок от ножен, он протянул его Флориану.

— Масамунэ![1] — Флориан повернул клинок таким образом, чтобы в свете факелов засверкали мартенситовые кристаллы. — Ты только посмотри на эти ниэ! Словно звезды! Подержать такой меч в руках и то уже огромная честь!

— А они вот дали его мне.

— Самому достойному.

— Я фехтую очень посредственно и всегда имел дело с европейскими клинками. Я же раньше катану и в руках-то никогда не держал. Вряд ли этот меч нашел во мне самого достойного хозяина.

— Что-то ты сегодня не в духе, — сказал Флориан и положил ладонь на Виллову коленку.

— Так ты что, — изумился Вилл, — *этого* хочешь?

— Как? Да нет, что ты. То есть я отнюдь не против, но по большому счету мне нужен царь. Абсолютный монарх — это оружие, превосходящее по остроте все творения великого Масамунэ, и я хочу, чтобы это оружие было в руках у меня. Первый же удар, — он взмахнул мечом, — напрочь снесет всю бюрократию, которая мешает Вавилону сделать хоть что-нибудь путное, второй — обезглавит законников. Третий — покончит

[1] Знаменитый японский оружейник XIII–XIV вв.

с предателями, которые по возвращении с фронта распускают зловредные слухи, что война безнадежно завязла и что выиграть ее нельзя. Еще один для подрывных элементов, движимых классовой завистью, для профсоюзов, интеллигенции, пораженцев...

— Наличие у нас законов и юристов, а также правдоговорительниц имеет под собой самые серьезные основания, — заметил Вилл, вставая, — а действие ради действия — это какой-то абсурд. — Он пошел по аллее, и Флориан последовал за ним.

В саду Дворца Листьев росли деревья двенадцати видов: береза, ясень, ива, ольха, боярышник, дуб, остролист, виноград, орешник, плющ, бузина и калина. Само собой, виноград записали в деревья исключительно из уважения к его многим заслугам. В результате этот сад образовывал гримуар, начертанный рунами Алфавита Деревьев, и поэтому для каждого, кто знал эти руны (а таковых в услужении Его Предполагаемого Величества было хоть пруд пруди), в нем содержались все мыслимые пророчества. Далее, в соответствии с квантово-астрологическим законом «как Вверху, так и Внизу» и принципом обратной причинности, любое его предсказание автоматически вызывало предсказанное событие.

— Смотри. — Вилл сорвал с ветки листик бузины и уронил его за парапет. Листик попорхал на ветру, покрутился и быстро исчез из виду. — Я только что вызвал на другом конце мира страшнейшую бурю. А может, смирил землетрясение. Вскоре родится ребенок с двумя лишними пальцами. Предполагавшийся хромым калека останется здоровым. Так или этак — мы не может этого знать, верно?

— Верно.

— Ну и что же тогда слепо вмешиваться?

— Не слепо, лорд, но смело. — Изящным кошачьим движением Флориан встал в боевую стойку. Неуловимо быстрым взмахом катаны он отрубил нависавший сук березы. Уже на излете лезвие вскользь полоснуло по стволу огромного дуба. Полетели клочья коры. — Тонет корабль! Город объявляет о своем банкротстве! Революционеры предпринимают массированный ракетный обстрел на ранее спокойном участке границы! — На голову Флориана дождем посыпались мелкие ветки, и он торжествующе рассмеялся. — И слава падает с небес!

— Ради милости Семерых! Прекрати! Сейчас же! Ты ведь и сам не знаешь, что делаешь!

— С какой такой стати это должно меня беспокоить? — По лицу и голове Флориана побежали электрические искры. — Для меня любое развитие событий, пусть даже ведущее к моей смерти, предпочтительнее мира и стагнации.

Вилл почувствовал, как вскипает в нем драконья ярость, и привычно ее заглушил.

— Убери катану, — скомандовал он, и меч исчез из руки Флориана, а мгновение спустя исчезли лежавшие на скамейке ножны. — Так, значит, — сказал он Флориану, — ты хочешь заменить нашу де-факто демократию верховенством силы. Это не что иное, как примитивнейший анархизм.

— А чем тебе так уж мил наш теперешний режим? Демократия — это тупая скотина, которая только и хочет, чтобы ее оставили в покое, не мешали ей бесконечно жевать свою жвачку и удобрять навозом поля. Она не любит кровь. Она не умеет переносить трудности и боится боли. Только в самых крайних обстоятельствах, понукаемая элитой, может демократия возвыситься до величия, а затем, когда кризис позади, непременно вновь погрязает в трясине бездействия и мелкой коррупции.

— Тебе бы следовало молиться, чтобы я *не* стал царем. Потому что я никогда не доверюсь таким, как ты.

— Нет, мой царь. Только на меня ты и можешь положиться, потому что я перед тобой раскрылся — полностью и без утайки. Ты думаешь, что другие разумнее меня? Или не такие безжалостные? Чушь! Они будут тебе улыбаться, будут льстить тебе и врать, а ты, прекрасно это понимая, будешь теряться в догадках — с какой целью? А я — тигр, и ты меня понимаешь. И когда возникнет нужда, ты непременно обратишься к тому, чьи изъяны видны как на ладони.

— Если так, то в том факте, что я никогда не стану царем, есть и много хорошего. — Вилл привалился к садовому парапету, ощущая лицом теплое усталое дыхание города. Соседние, чуть пониже здания горели тысячами окон. — Я мог бы, — сказал он, почти удивляясь собственному голосу, — прямо здесь и сейчас перепрыгнуть парапет и улететь.

— Ты хочешь сказать, имей ты крылья.

— А даже и без них. Я стал бы свободным. На какое-то время, — мрачно добавил Вилл и повернулся к Флориану. — Я устал и хочу отойти ко сну. Позволяю тебе удалиться.

— Мой повелитель. — Флориан поклонился и ушел. Если он при этом и ухмыльнулся, то разве что едва заметно.

А Вилл все смотрел в темноту и думал, и мыслями этими он не стал бы ни с кем делиться. Время шло и шло.

— Сэр? — спросил осторожный голос. — Вам потребуется постелить постель?

— Мотай отсюда на хрен, Ариэль.

Претендент проснулся не сам по себе. Предупреждая, что его пребыванию в царстве снов приходит конец, в голове у него зазвучало пение эльфийских флейт. Затем негромкий почтительный голос сообщил, что наступило утро. Две девушки-якши приподняли его с кровати. Пока они его одевали, пожилой, в красном бархатном кафтане карлик зачитывал ему программу на день.

— ...испытание огнем и кипящим маслом. После чего вы будете лично надзирать за установкой новой садовой мебели.

Вилл зевнул и потянулся, заставив якши, державшую наготове парчовый жилет, метнуться вслед за его рукой.

— А это обязательно?

— Как вы, конечно, помните, сэр, это было ваше пожелание. Вы были лично и глубоко вовлечены в разработку дизайна.

— Да, конечно. — Вилл рассеянно поскреб себе живот, отчего очаровательно надула губки вторая якши, которая стояла на коленях, застегивая его клетчатые горские штаны, и должна была теперь опять их расстегнуть, чтобы заправить рубашку. — Продолжай, прошу тебя.

— Затем будет час свободного времени, каковое вы можете использовать, чтобы вздремнуть, либо заняться каким-нибудь легким спортом, либо в образовательных целях.

— Сегодня мне хотелось бы затравить единорога.

Карлик мягко улыбнулся, словно беседуя со своенравным, но, в общем-то, разумным ребенком, который даже не догадывается, насколько прозрачны все его обманы.

— Вряд ли, сэр, на это будет достаточно времени. К тому же в период испытания вам нельзя покидать дворец. Если желаете, можете взять сокола, подняться на крышу и поохотиться оттуда на голубей.

— Но ведь это совсем не то, ты согласен, Эйтри? Пожалуй, я проведу этот час в кунсткамере.

Добрая половина дворца была для Вилла недоступна, потому что там располагались жилые помещения слуг и было бы не-

удобно вламываться к ним без предварительного извещения. Кроме того, в любой конкретный момент для него была закрыта примерно половина остальных помещений, потому что их чистили, прибирали, ремонтировали или расколдовывали и никак не подобало, чтобы обслуга работала в его присутствии. Было много помещений, которые попросту ему не нравились, и еще больше таких, назначение которых было для него темно и загадочно. Но и того, что оставалось в конечном итоге, хватило бы любому привереде.

Виллу особенно нравились библиотека, сауна, расположенный на крыше сад с планетарием и выгородкой для рептилий, викторианская папоротниковая оранжерея и устроенная тут же обсерватория. Картинная галерея никак не оправдала его ожиданий (все лучшие полотна были переданы в бессрочное пользование общедоступным музеям, но, как объяснили Виллу, могли быть потребованы назад на период его коронации), зато курительная комната с уистлеровскими[1] павлинами и золотой лепниной, а также гостиная работы Фрэнка Ллойда Райта[2], спасенная из почти уже снесенного здания, были выше всяких похвал. Но что ему нравилось больше всего, нравилось насквозь, без всяких оговорок, так это кунсткамера.

Во всяком случае, он позаботился, чтобы в этом был абсолютно уверен весь персонал дворца.

Вот и сегодня, после того как он одобрил новые плетеные столы и стулья (столы походили на перевернутые бельевые корзины, походили сильнее, чем можно бы ожидать, но это и к лучшему) и понаблюдал за высадкой по сторонам садового навеса колючей изгороди из роз, он позволил отвести себя к любимейшему из своих сокровищ.

— Сэр, — сказала хранительница, отвесив ему микроскопический, предельно чопорный поклон.

— Госпожа Серена, — откликнулся Вилл. Из всего персонала дворца одна только госпожа Серена не позволяла Претенденту обращаться к ней фамильярно. Но Вилл все равно пытался. — Сегодня вы столь же очаровательны, как и всегда.

— Чушь, — чуть поморщилась госпожа Серена. — Старость наложила на мои плечи свою свинцовую руку, сделав меня

[1] Джеймс Эббот Макнил Уистлер (1834–1903) — англо-американский художник, предтеча импрессионизма и символизма.

[2] *Фрэнк Ллойд Райт* (1867–1959) — американский архитектор-новатор, создатель «органической» архитектуры.

горбатой, костлявой, как высохший сучок, и настолько сморщенной, что мой вид заставляет содрогаться даже печеные яблоки. Джентльмен — а принадлежность к этому сословию не передается по наследству, даже царь обязан ее заслужить — никогда не коснулся бы предмета столь болезненного.

— Эйтри говорит, что в юности вы были царской любовницей.

— Меня не волнует, что он говорит.

— Он говорит, что вы были любовницей двух царей и воплощенным ужасом для всех их наследников.

— Эйтри — мелкий вонючий сплетник и гнусный стукач. Будь у вас хоть капля самоуважения, вы не стали бы его слушать. Ладно. Так что вы хотите увидеть сегодня?

Хотя первоначальная кунсткамера могла уместиться в одном-единственном шкафу, это собрание диковинок быстро расползлось и разбухло, так что теперь оно представляло собой огромный сводчатый зал, сплошь заставленный стендами, витринами и какими-то загадочными ящиками. Конестогский фургон, в каких древние американцы переселялись на запад, китобойный вельбот, космический корабль «Союз», подвешенный прямо к потолку. Скифский барашек, выращенный в кувшине, соседствовал с чучелом козерога. Запрятанные подальше ящики содержали в себе прекрасные коллекции уральских каменных цветов и сушеных грибов из *Foret de Verges*[1], на стенах висели единственные достоверно прижизненные портреты царицы Лилит и повелителя Хумбабы[2]. Здесь же находились котел богини Керидвен[3], огромный стол, на чью полированную столешницу пошел поперечный срез рога Бегемота, бесконечные полки японских эротических гравюр, говорящий хрустальный череп, непрерывно болтавший какую-то бестолковщину, семь оправленных в коралл медных бутылок, куда Соломон заточил мятежных джиннов, один из которых, судя по взломанной печати, все-таки сумел улизнуть, и многое, многое другое.

— Да, пожалуй, амулеты власти, — небрежно бросил Вилл.

— Идите за мной.

---

[1] Лес Фаллосов *(фр.)*, присутствующий в навязчивом сне героя «Тошноты» Ж.-П. Сартра.

[2] *Хумбаба* — страшное чудовище шумеро-аккадской мифологии.

[3] *Керидвен* — кельтская богиня плодородия; в своем колдовском котле она год и один день варила волшебный напиток знания.

Госпожа Серена скользила по проходу, даже не удосуживаясь взглянуть, следует ли за нею Вилл. В конце концов она остановилась перед заурядного вида шкафом. Повинуясь ее взгляду, ящики шкафа стали поочередно выдвигаться, в каждом из них лежали сотни и сотни амулетов. Вилл наугад ткнул пальцем в бусы из мелких гранатов.

— Вот эта штука, что она делает?

— Наденьте это ожерелье предмету своего желания, и он — либо она — тут же в вас влюбится. — Госпожа Серена презрительно фыркнула. — Ну как, загорелись глазки?

— Увы, — вздохнул Вилл. — Сделать, чтоб женщина тебя полюбила, — это еще самое легкое.

— Совершенно верно, — сухо согласилась хранительница. — Хотя я совершенно не понимаю, где и как мог усвоить эту благую истину такой юнец. Да, впрочем, и не слишком хочу понять. — Она кивнула, и все ящики закрылись. — Что еще вам хотелось бы посмотреть?

— Там еще был один ящик с очень интересными амулетами...

— Очевидно, вы имеете в виду амулет из рога единорога, на котором вырезано тайное имя огня. Тот, который вы пытались слямзить, когда приходили сюда в прошлый раз. Нет, я не думаю, что вам нужно на него смотреть. Что еще?

— Госпожа Серена, — возмущенно выпрямился Вилл. — Я некоронованный, но уже полноправный царь не только этой башни, но и всей Вавилонии, а также половины остального цивилизованного мира, и этот амулет по праву мой. Вы можете, если вам хочется, сколько угодно сомневаться в законности моих притязаний на престол, но будь я даже самозванцем, что страшного в моей просьбе? Ну куда я сбегу с этим амулетом?

Лицо хранительницы потемнело от гнева, кожа на высоких скулах натянулась. Глядя на эту старуху сейчас, было нетрудно представить, что видели в ней когда-то ее давно усопшие любовники. Ее длинный костлявый палец болезненно ткнул Вилла в грудь.

— Так ты думаешь, желторотый нахал, что твой титул меня впечатлит? *Меня?* Даже и не надейся. У меня есть пожизненная должность и связанные с ней полномочия. И давно миновали те времена, когда одно уже слово «царь» вызывало у меня почтительную дрожь. Посмотревши хоть раз, как абсолютный мо-

нарх, пьяный в дупель и сплошь измазанный блевотиной, растирает по лицу слезы и сопли из-за того, что у него никак не стоит, навсегда теряешь благоговение перед любыми царственными особами. Ну ладно. Мне придется повторить вопрос: что еще?

— Ну-у... может... ветры?

Шкатулка ветров представляла собой набор неглубоких поддонов, разгороженных на квадратики на манер типографских касс. В каждом отделении лежала коротенькая веревка, завязанная замысловатым узлом, причем все узлы были разные. Дейм Серена тронула четыре веревки, лежавшие по углам верхнего поддона.

— Это *анемои*, разложенные согласно греческой классификации: Борей — северный ветер, Зефир — западный, Нот — южный и Эвр — восточный, известные в средневековой системе румбов как Трамонтана, Поненте, Остро и Леванте, до стандартной октавы их дополняют Маэстро, Либеччо, Сирокко и Греко. Теоретически дробление может быть сколь угодно мелким, в этом собрании находятся несколько сот особо интересных образцов.

— Эти из Лапландии, верно? — спросил Вилл, трогая пальцем северный край поддона. — А что случится, если я развяжу вот этот? — Он извлек из поддона один из узлов.

— Только мы никогда этого не узнаем, верно? — Госпожа Серена стукнула его по руке. — Положите на место, — приказала она. — Сегодня вас так и тянет на проказы.

— Да это же совсем невинный Зефир, — успокоил ее Вилл и вернул взятый узел в опустевший было квадратик, причем проделал это с такой суетой и преувеличенной осторожностью, что госпожа Серена даже не заметила, что он успел подменить настоящий узел аккуратно вывязанной копией.

Час пролетел почти незаметно. («Десять минут, ваше величество», — сказал Ариэль. «Иди ты в жопу», — откликнулся Вилл.) Но когда Вилл совсем уже собрался уходить, госпожа Серена открыла еще один ящик.

— Вот это вам непременно захочется посмотреть, — сказала она. — Это миниатюрнейшее из владений вашего величества. Его осмотр не займет почти никакого времени.

В ящике плескались голубые океанские воды, в которых весело играли киты, крошечные, как мошкара. Посреди океана высился скалистый остров, не более ярда в поперечнике, с тихими бухтами, оживленным портом и маленькими, как игрушки, каменными городами.

Придерживая дыхание, чтобы не сдуть островитян ураганом, Вилл наклонился к чудесному миру поближе и начал его рассматривать. Но тут в глазах у него поплыло, а когда все прояснилось, оказалось, что он стоит под навесом на роскошном, из белого песка пляже. Вокруг цвели яркие тропические цветы. «Где я?» — растерялся он. Тут же рядом стояла высокая, стройная эльфийская девушка в бирюзово-зеленом саронге. Даже по меркам своего племени она была сказочно прекрасна.

— Кончай таращиться на мои сиськи! — прикрикнула на Вилла девушка. — Зенки износишь.

— Госпожа Серена? — изумленно выдохнул Вилл, узнавший вдруг эти скулы.

— Ты бы удивлялся потише, — посоветовала девушка. — Так трудно поверить, что когда-то я выглядела совсем не плохо? Ну ты невежа. А что до того, где мы находимся, так это Страна Вечной Юности. Мы не сможем задержаться здесь надолго.

— Это что, такая аллегория?

— Аллегория? — улыбнулась девушка и крепко его ущипнула. — Это как по ощущениям, очень аллегорично?

— Нет, не очень, — поморщился Вилл, растирая ущипнутое место. — А почему мы здесь?

— Дворец — он, конечно, архитектурное чудо, но в нем не стоит и надеяться на приватность. У нас же там настоящее фашистское государство, везде соглядатаи и микрофоны. А вот здесь, в Стране Вечной Юности, этих опасностей нет. Мы с Мардуком Семнадцатым приходили сюда, чтобы... Ладно, об этом не стоит. Но если бы его лизоблюды прознали, мне бы никак не дали дожить до такого омерзительного возраста. Здесь мы можем говорить совершенно свободно.

— Мм... верно, пожалуй. О чем мы будем говорить?

— Они знают, что ты намерен бежать. Прошу тебя, даже и не пробуй.

— Госпожа Серена, в этом дворце я фактически заключенный. — Вилл говорил негромко и серьезно. — А заключенный просто обязан попытаться сбежать.

— Ну что ж, обязан так обязан. Мне и в голову не придет вставать между идеалистом и его совестью, сколь бы оторванными от реальности ни были и он, и она. Но сегодня уж точно не надо. Они ожидают, что ты выкинешь что-нибудь эдакое, и будут настороже.

— А откуда вы знаете? — удивился Вилл.

— Я же говорила тебе, что Эйтри — заядлый сплетник. Мы регулярно сходимся за чашкой чая. Это единственный порок, оставшийся мне доступным.

Земля Вечной Юности заколыхалась и исчезла, Вилл снова стоял посреди кунсткамеры. Вновь постаревшая госпожа Серена вжала ему в ладонь какой-то предмет. Тот самый огневой амулет, который он попытался, но не сумел украсть.

— Возьми, — прошептала она, едва шевеля губами. — На всякий случай, вдруг будет нужно.

— Что это, госпожа Серена? — изумился Вилл. — Выходит, я вам все-таки нравлюсь?

— Закрой поддувало, или схлопочешь по морде. Ты дурак, подобно всем известным мне монархам, а я дура вдвойне, что пытаюсь тебе помочь. Но, увы, — ее лицо как-то сразу смягчилось, — у меня всегда была слабость к царям.

Они ждали, что сегодня он что-нибудь предпримет. Конечно же, он так и сделал.

Все началось тем же вечером, когда Вилл прогуливался по саду.

— Сэр, — сказал бесплотный голос Ариэля, — с вами желает встретиться Мастер Испытаний.

— Флориан? Направь его в зал аудиенций. И пусть подождет.

— Сэр, он говорит, что дело очень срочное.

— Тогда скажи ему, что я постараюсь прийти поскорее, а через час напомни мне, что он там ждет.

Вилл вытащил из пачки сигарету и закурил. Это был поступок вызывающе провокационный, и реакция не замедлила последовать. Тут же откуда ни возьмись примчался Эйтри.

— Сэр! Сэр! — визжал карлик, заламывая в отчаянии руки. — Здесь нельзя курить!

— С чего это?

— Есть муниципальное постановление, запрещающее курить в государственных садах и парках. К каковым юридически относятся и все ваши сады.

— У вас, сэр, есть курительная комната, — встрял в разговор Ариэль. — И весьма неплохо оборудованная.

— Правда, что ли? А мне неохота туда тащиться. — Вилл выпустил струю дыма в общем направлении мажордомова голоса. — Ну и как же все вы думаете теперь поступить?

— Конечно же, сэр, я не могу вас и пальцем тронуть. Но я могу после каждого подобного инцидента удерживать дневную зарплату всего дворцового персонала. — Эйтри, обремененный картежными долгами и ошибочно полагавший, что об этом не знала во дворце ни одна живая душа, выглядел уязвленным в самое сердце. — Если вы хотите именно этого.

Вилл непечатно выругался, бросил сигарету на землю и растоптал ее каблуком. В то же мгновение Эйтри упал на колени и начал сгребать пепел в ладонь.

— Ладно, вы только мотайте все отсюда к такой-то матери, все до единого, договорились? Оставьте меня в покое. Если курить нельзя, так дайте мне хотя бы пять минут побыть в одиночестве. Уходите, оба, и заберите с собой весь остальной персонал.

— Да, сэр, — поклонился Эйтри. — Спасибо, сэр.

— Как желаете, сэр.

Близость Ариэля всегда вызывала у Вилла мерзостное ощущение, теперь оно совершенно исчезло.

Оставшись в одиночестве, Вилл тут же перевернул плетеный стол, так что он превратился в корзину с короткой толстой ножкой посередине, выкинул фрукты из стоявшей на другом столе бронзовой вазы и аккуратно поставил эту чашу на ножку, торчавшую посередине корзины. Затем бросил в чашу огневой амулет и активировал его руну, пробормотав нужное слово. Жар рванулся из чаши вверх, не настолько сильный, чтобы оторвать шатер от земли — это будет позднее, — но вполне достаточный, чтобы удерживающие его веревки слегка натянулись. Отвязав поочередно эти веревки от колышков, Вилл привязал их к краям корзины. Шесты, натягивавшие шатер, он просто бросал на землю.

Все было готово! Нагрузив для равновесия один край корзины подвернувшимися под руку растениями в горшках, Вилл торопливо забрался в нее и устроился на другом краю.

— Сэр? Да что это вы делаете?

— Моя обязанность, — ответил Вилл, не слишком заботясь о вразумительности своего ответа.

Затем он пробормотал еще одно слово, которое задействовало огневой амулет на полную силу. Из вазы рванулся мощный поток горячего воздуха, полотняный шатер громко хлопнул и начал надуваться.

Вилл достал из кармана обрезок веревки, развязал колдовской узел, и послушно прилетевший западный ветер начал раскидывать по земле бумаги и салфетки, а главное — потянул надувшийся шаром шатер на восток.

В тот самый момент, когда импровизированный монгольфьер оторвался от земли, на крышу начали сбегаться слуги. Одни из них врезались в свежепосаженные розовые кусты, другие обегали их, перепрыгивая новую садовую мебель либо о нее спотыкаясь. Они подскакивали вверх, тщетно пытаясь схватить улетающую корзину, Вилл хохотал в их запрокинутые лица и...

— Хватит.

Воздух резко похолодел. Летающий шатер немного обмяк и перестал трепетать. Посреди сада возник Ариэль в его телесной форме: худощавая фигура с бледным, как известка, лицом, гладкими черными волосами и петушиным гребнем. Его рот был горько перекошен, однако голос оставался спокойным и был все так же сладкозвучен.

Ариэль извернул в сторону кисть правой руки, и монгольфьер покорно вернулся к точке отлета. Мгновенно сбежавшиеся слуги схватили и унесли огневой амулет, поставили плетеный стол в нормальное положение, собрали во все еще теплую вазу рассыпанные фрукты и вновь натянули шатер на шесты. В какие-то секунды все стало, как было прежде.

Поймали. А как бы могли они не поймать? Теперь, глядя на холодные глаза и тонкие жесткие губы Ариэля, Вилл окончательно уверился, что именно эта тварь была главным в его окружении шпионом, что именно Ариэлю доносили обо всем увиденном и девушки-якши, и Эйтри, а может быть — как знать? — и госпожа Серена.

Ариэль поблек, стал полупрозрачным, а затем и вовсе исчез.

— Сэр? — Его голос опять звучал словно из ниоткуда. — Возможно, назначенный час не совсем еще истек, но... вы просили напомнить, что вас ждет Флориан Л'Инконну.

Подобно большинству помещений Дворца Листьев, зал аудиенций казался Виллу слишком уж большим и слишком уж разукрашенным, а в результате — предельно неуютным. Потолок тут был белый с обильной приторно-розовой лепниной в виде фруктов, лент, гирлянд и медальонов. Нечто подобное могло бы получиться, если бы Фаберже изготовил розовый веджвудский чайник размером с автобусное депо, а затем вывернул его наизнанку.

А вот Флориан, конечно же, был здесь в родной стихии. Когда на пороге появился Вилл, он гибко встал из кожаного кресла и затушил окурок сигары в ближайшей пепельнице.

— Мне нужно побеседовать с тобой на весьма щекотливую тему, — начал Вилл без всяких прелиминарий. — Прошлым вечером ты наговорил мне много такого, чего никак не стал бы говорить, не имей ты полной уверенности, что тебя не слышит ни один шпион. Из чего я делаю естественный вывод, что ты можешь обеспечить нашей беседе полную конфиденциальность.

Флориан достал из жилетного кармана коммуникатор «блэкберри», нажал несколько кнопок и снова его спрятал.

— Можешь говорить, что душе твоей угодно.

— Скажи мне, — прищурился Вилл, — я действительно царь?

— Да, — кивнул Флориан, — я искренне полагаю, что так оно и есть.

— Тогда на колени.

— Что?

— На колени! — Голос Вилла возрос почти до крика.

Флориан Л'Инконну, Мастер Испытаний, пожизненный член Лиосалфара и наследник знаменитого богатейшего рода, опустился на одно колено и склонил голову, как последний раб или кухонный мужик.

— Ваше величество.

— На оба колена!

Лицо Флориана потемнело, однако он подчинился.

— Дотронься лбом до земли.

Красный от нестерпимого унижения Флориан сделал и это.

Так вот, думал Вилл, какова на вкус абсолютная власть. Со временем он мог бы ее полюбить. А злоупотреблять ею было бы проще простого. Что само по себе уже более чем достаточ-

ная причина, чтобы не засиживаться в этом месте ни одной лишней минуты.

— Встань, — скомандовал он, — и разденься догола.

Флориан подчинился, но на этот раз на лице его было явное сомнение.

— Можно мне спросить, для чего все это?

— Ну конечно можно. — Вилл подхватил со стола тяжелую хрустальную пепельницу и опустил ее на голову Флориана. — Пока ты будешь валяться в больнице, я успею сбежать из Вавилона.

Колдовство, примененное Виллом, чтобы сыграть роль Флориана, было на скорую руку сляпано из оберточной бумаги, лунного света, паутины и приворованных про запас обрезков ногтей. Если бы такую штуку использовал заключенный самой обычной тюрьмы, она сработала бы не лучше, чем пистолет, вылепленный из мыла и покрашенный гуталином. То есть достаточно хорошо, чтобы ввязаться в серьезную заварушку, но недостаточно, чтобы и вправду вырваться на свободу.

С Флориановым лицом и в его одежде Вилл беспрепятственно дошел до центральной лифтовой, и дежурный хайнт, настолько почтительный, что его будто и вообще там не было, нажал кнопку вызова. Раздвинулись высокие бронзовые двери, Вилл сказал оператору: «Нижний этаж», и лифт начал опускаться. Остановился он только однажды, на семидесятом, чтобы впустить еще одного пассажира.

Не пассажира, а пассажирку. Алкиону.

Сердце Вилла дрогнуло, однако он сумел сохранить ледяную гримасу.

— Ну, братец, что нового?

— Вавилон как стоял, так и стоит. Испытания проходят успешно. Где-нибудь на той неделе мы усадим Претендента на престол.

— И ты все еще думаешь, что Обсидиановый Престол его примет?

— А какая разница? И так, и так я останусь доволен. Если он настоящий наследник, в моих руках окажется марионетка, если же нет... — Вилл на секунду замолк. — Если же нет, я немного позабавлюсь, наблюдая за его мучительной медленной смертью.

— Да? — На лице Алкионы отразилось изумление. — Вчера ты говорил об этом как-то поспокойнее. Вчера ты сказал, что практически надел уже на руку эту... — Алкиона оборвала фразу, пристально всмотрелась в его лицо, и глаза ее расширились. — Вилл? — выдохнула она.

Вилл остерегающе приложил палец к губам и стрельнул глазами в сторону лифтера. Который, по счастью, стоял лицом к двери и смотрел строго вперед, то ли ничего не слыша, то ли тактично не позволяя себе что-либо думать об услышанном. Осторожно, не поворачиваясь, Вилл взял Алкиону за руку и ощутил ответное пожатие. Она была с ним, на его стороне. На какое-то мгновение, никак не дольше, Вилл воспарил духом.

Затем двери лифта открылись, и Вилл шагнул в вестибюль «Арарата». Между ним и выходом на улицу стояла цепочка охранников, львиноголовых демонов. Во главе их был Флориан. На какое-то мгновение Вилл потерял дар речи, а потом все понял.

— Ну и сука же ты, Флориан, — ощерился он. — Подставил меня с этим своим долбаным двойником.

Лицо Алкионы застыло, превратилось в мраморную маску.

— Понимаешь ли, есть много направлений проверки претендента на царство, — улыбнулся Флориан. — Ну конечно же, законность его претензий. Но не менее важно быть совершенно уверенным, что кандидат способен быть правителем. Должен признаться, что в этом отношении я сильно в тебе сомневался... Чтобы отвлечь внимание от задуманного побега, ты притворялся стоящим на грани самоубийства. Что же касается самого побега... в общем-то, это было весьма изобретательно, тут нужно отдать тебе должное, но при этом не очень убедительно. Даже при помощи попутного ветра ты не мог всерьез надеяться обогнать и самого простецкого гиппогрифа. Да и вряд ли разумно отдавать столь ненадежное воздушное судно на волю ветров, порожденных близостью Жуткой Башни и печально известных своим непостоянством. Поэтому твой план, разрушенный Ариэлем в самой начальной стадии, отнюдь меня не впечатлил. Я совсем уже было махнул на тебя рукой. Но затем подумал о времени, когда ты выступал как уличный мошенник, подмастерье мастера, настолько скользкого и ушлого, что его не сумела обнаружить даже наша политическая полиция, при-

ложившая к этому огромные усилия. Может ли тот, кто получил такое образование, ограничиться столь очевидным планом? Нет. Ты заранее ожидал, что твой побег на монгольфьере будет раскрыт и предотвращен, потому что он предпринимался лишь для отвода глаз от твоего настоящего побега, который действительно был задуман очень хитро. Он даже мог бы сработать, не предвидь я заранее какую-нибудь неожиданность.

Глаза Флориана горели желтым волчьим огнем.

— Ты доказал свою лживость, вероломность и жестокость. Из тебя получится прекрасный правитель. Ты прошел свое последнее испытание. У тебя есть все качества, чтобы сесть на Обсидиановый Престол.

19
ЦАРЬ-ДРАКОН

Вилл направлялся на коронацию словно на казнь.

Обсидиановый Престол располагался глубоко во чреве того же самого здания, на верхушке которого примостился Дворец Листьев. Но сперва коронационная процессия семижды обогнула «Арарат» противусолонь. Причем впереди выступала, расчищая путь, львиная гвардия, а сзади, вперемежку, следовали духовые оркестры, колонны вивернов[1] и пауколапые гегемоты, лицедеи выплясывали с мячами, а циркачи жонглировали пылающими факелами. Вилл сидел на лошади, уступавшей мощью и красотой разве что самой Эпоне, а слева и справа его охраняли отряды телохранителей, сформированные из людей-скорпионов.

Перед ним танцевали нимфы в длинных белых туниках, осыпавшие все вокруг лепестками роз и ловко крутившие маршальские жезлы.

На тротуарах толпились несметные орды зевак. Зеваки были и в окнах всех окрестных зданий, те же, которые умели летать, густо обсели все крыши и стаями кружили в небе. Восторженные крики и здравицы сливались в сплошной пандемониум. Везде, где ни проезжал Вилл, с тротуаров выпускали сотни ярких воздушных шариков, и они устремлялись вверх сквозь сыплющийся вниз дождь разноцветных конфетти и стаи только что выпущенных голубей, которые, ошалев от нежданной свободы, выписывали в небе дикие пируэты. Все было организовано несравненно лучше, чем его Выдвижение, но казалось в то же время как-то очень зарепетированным и не совсем на-

[1] *Виверны* — геральдические драконы, крылатые, двулапые, со скорпоньим жалом на конце змеиного хвоста.

туральным. Настроение толпы было не столь уже радужное, приветственные крики звучали не так спонтанно. Букентавры[1], трусившие вслед за Виллом, разбрасывали пригоршни золотых солейлей и серебряных лунаров с его профилем на аверсе, только что вышедших из-под чеканного пресса. Это должно было символизировать, что его правление начинается с изъявления щедрой благожелательности, но зеваки бросались на монеты, как изголодавшиеся шакалы, и на всем пути Вилла постоянно вспыхивали потасовки.

Вилл ехал со склоненной головой, потому что мысли у него были мрачные и ему не хотелось, чтобы кто-нибудь прочел их по его глазам.

— Улыбайтесь, сэр, — прошептал ему на ухо Ариэль. — Помашите им рукой.

Вилл через силу поднял руку и помахал. Было как-то нечестно не ответить на приветствия граждан, но он не мог заставить себя улыбнуться. Ну не мог он любить их с той же силой, как в тот день, когда они во всеобщем порыве подхватили его на руки и вознесли из Малой Тулы на вершину Вавилона. Он не испытывал к ним никаких чувств, кроме презрения, безразличного, отстраненного презрения.

А затем, как-то слишком уж быстро, шествие завершилось.

Вилл оказался там, откуда начинал. Когда он спешивался, три ряда горнистов со сверкающими горнами сыграли героическую фанфару, специально сочиненную для этого случая. Сатрапы вассальных государств бросались ниц, образуя своими спинами ковер для его шагов. Знаменитейшие знаменитости резво выскакивали из своих лимузинов и неслись, отталкивая друг друга, к «Арарату», чтобы распахнуть его двери.

Он вошел. Хотя все охранники и политики, участвовавшие в процессии, хлынули за ним потоком, лишь малая их часть сумела попасть в вестибюль. И еще меньшая часть сумела втиснуться вместе с ним в первый поданный лифт, и как-то так вышло, что очень многие куда-то пропали за время пути по длинным узким коридорам. Когда же за Виллом захлопнулись стальные двери тронного зала, Вилл с тревогой осознал, что его сопровождение уменьшилось до двух людоедов, державших его за руки, и Флориана Л'Инконну, указывавшего им путь.

---

[1] *Букентавры* — полулюди-полубыки.

— Наступает момент, иже воздаст вам за все, — сказал Ариэль. — Сэр.

Вилл оглянулся и увидел, что никто за ним не идет.

— А где же все? — растерянно спросил он, а тем временем людоеды сажали его на престол.

Кожаные ремни обездвижили его руки и ноги, еще один ремень затянул его грудь. Он не мог пошевелиться.

В тесноватой комнате со стенами из шлакоблоков тускло горела одна-единственная лампочка. На полу по соседству с престолом были видны какие-то потеки, а может быть, и следы огня. В воздухе воняло гарью. В одной из стен имелось большое окно. По ту сторону окна выстроился длинный ряд эльфийских нотаблей в темно-синих защитных очках и просвинцованных куртках. Все они смотрели на него, смотрели холодно и бесстрастно.

— Что здесь происходит? Почему на них вся эта защита?

— Так, пустая предосторожность.

Флориан открыл безликий инструментальный шкафчик и вытащил оттуда путаницу кабелей и проводов. Людоеды тут же принялись распутывать их, а затем втыкать в стенные розетки и какие-то электрические приборы. На голове у Вилла затянули гладкий металлический обруч шириною приблизительно в половину ладони.

— Ваша корона. — Флориа взял длинный провод с «крокодилами» на концах и прицепил одного «крокодила» к короне, а другого к чему-то похожему на генератор.

— Не понимаю, — сказал Вилл, стараясь побороть подступавшую панику. — Я представлял себе все как-то иначе.

Людоеды мазанули его шею слева и справа какой-то липкой заразой и прикрепили к ней два электрода.

— Если будет тошнить, — предупредил Флориан, — постарайтесь отвернуть голову в сторону, чтобы ничего здесь не закоротить.

— А что, это очень возможно?

— Бывает все, сэр, — чопорным голосом сказал Ариэль. — Может случиться, что вы к тому же обгадитесь.

К своему полному ужасу, Вилл почувствовал, что на глаза ему набегают слезы, и постарался их сморгнуть.

— Пожалуйста, — попросил он, — только не так. Позвольте мне умереть хоть с каким-то подобием достоинства.

Ему никто не ответил. Людоеды ушли. Затем ушел и Флориан Л'Инконну, сухо поклонившись, перед тем как захлопнуть дверь снаружи.

Вилл остался один.

Минуту спустя Флориан появился по другую сторону окна, он надел защитную куртку и очки и присоединился к прочим наблюдателям. Эльф, стоявший у другого конца окна, повернулся к стене, и Вилл впервые заметил там большой рубильник, зафиксированный в выключенном состоянии двумя предохранительными болтами. Эльф вытащил из кармана отвертку и неторопливо, но умело вывернул болты. А затем взялся за ручку рубильника.

— Постарайтесь расслабиться, сэр, — прозвучал из паршивого динамика жестяной голос Ариэля. — Вы можете ощутить легкое неудобство.

Мир словно взорвался.

Вилла ударило по глазам ослепительное сияние, и он провалился.

Рассыпая по пути фейерверки искр, Вилл падал сквозь бесконечный мрак. Мрак был виртуальный, так что, строго говоря, его не было, однако чувство падения было абсолютно реальным, потому что он погружался все глубже и глубже в неосязаемый мир духов. Вилл раскинул руки, так что стал походить в собственном представлении на акварель Уильяма Блейка с изображением падающей звезды.

Он падал и, падая, впервые постиг природу Обсидианового Престола. Это был более чем символ власти и более чем прибор для окончательной проверки законности нового царя. Эти функции лишь случайно сопутствовали его истинному назначению. Это был центральный распределительный узел, обеспечивавший доступ ко всем электронным и тавматургическим[1] данным, собранным Вавилоном. Здесь хранились вся мудрость и тайны Башни Царей, Вилл мог узнать здесь все, что угодно.

Только с чего начать?

Вилл сидел у ручья, болтал ногами в воде и беседовал со своим лучшим другом, Паком. Над тростниками суматошно метались стрекозы. Приятно пахло болотной сыростью. На один

[1] *Тавматургический* — колдовской, волшебный.

ошеломительный миг ему показалось, что он все еще в своей деревне и что все его приключения в широком мире — это не более чем морок, насланный Семерыми, чьи капризы и причуды пользовались печальной славой и чьи мотивы неисповедимы. Но затем мимо прошли двое абатва, тащившие на прогибавшемся от тяжести сучке убитого водяного дракона, и он осознал, что находится в вавилонских Висячих садах.

— ...настрадался, чтобы попасть сюда́ и одарить тебя знанием, — говорил Пак. — Вот оно: когда ты умрешь, то вдруг окажешься посреди луга, поросшего короткой зеленой травой, вроде как городской газон. Над головой у тебя будет яркое синее небо, но только без солнца. Там будет дорога, и ты пойдешь по ней, потому что больше и делать-то будет нечего. В конце концов ты увидишь камень — здоровенный, поставленный торчком, как каменная баба. Большинство народа огибает его слева, там дорога сильно утоптана. Но если присмотреться получше, то видно, что есть и путь направо. В тебе не одна кровь, а две, поэтому ты можешь пойти любым путем. Если ты пойдешь налево, то родишься вновь. Что случится, если пойти направо, не знает никто из живущих.

— А я что, мертвый? — опасливо спросил Вилл.

— Нет, конечно же нет. Поверь мне, если бы ты умер, ты бы знал об этом.

— Тогда зачем ты мне все это рассказываешь?

Пак Ягодник подался вперед и уставил на Вилла пронзительный взгляд своих черных, как омуты, глаз. Лицо у Пака было бледное и опухшее, как у утопленника, только что вытащенного из воды.

— Во всяком случае, не для того, чтобы советовать, какой путь тебе лучше избрать, — это уж твоя воля. Когда подойдет тот момент, ты должен знать, что у тебя есть выбор. У тебя всегда есть выбор.

Только тут Вилл вспомнил, что Пак давно уже мертв, и по коже у него побежали мурашки.

— А ты правда здесь? — спросил он. — Или я тебя просто воображаю?

— Во внутреннем мире нет места для подобных различий. Возможно, я просто ментальный артефакт, сколоченный из твоих воспоминаний и эмоций. А может быть — лично я счи-

таю это более вероятным, — что я посланец из некой далекой страны. — Он улыбнулся широкой лягушачьей улыбкой. — Ты все-таки уселся на Обсидиановый Престол, и теперь мы с тобой можем беседовать без всяких затруднений, вот и все.

— А как это получилось? Почему он меня не убил?

— Потому что ты и есть единственный настоящий царь.

И тут Обсидиановый Престол раскрылся перед ним окончательно. Языком, на котором говорили в рассветные времена, до изобретения лжи, который забылся миллионы лет назад, но был настолько прозрачен, что каждый его слышавший все понимал, Престол сказал Виллу, что он был законным, неоспоримым наследником, а значит, стал сейчас царем. Затем он объяснил ему, как это могло случиться, вернее, как это случилось.

Так вот и вышло, что первые слова, какие произнес Мардук XXIV, Милостью Семерых Царь Вавилонской Башни и Повелитель всей Вавилонии с Присовокупленными территориями, Защитник Фейри, Покровитель Малой Фейри, Вождь Рода Сайн-Драко, Владетельный Князь Коронаты и Островов Авалона, Наследственный Лэрд Западного Парадиза, были:

— Ну ты и зараза!

Нат Уилк был его отцом.

Раз произнесенное, это становилось очевидным. Нат подкараулил Вилла на идущем в Вавилон поезде и использовал всю свою хитрость и уловки, чтобы привлечь его к себе. Когда Вилл проявил недостаточное желание стать его напарником, он потерял его багаж, сделав Вилла беспаспортным нищим, существом вне закона. Нат, согласно его же словам, был вавилонским аристократом и сбежал от всего своего богатства. Но у какого аристократа, не считая самого царя, могли столь очевидным образом отсутствовать высокоэльфийские гены? И какому аристократу, не считая опять же царя, мог вообще *потребоваться* побег?

Нат изолировал Вилла, обучил его хитростям и обману, познакомил его с высшим обществом. Как искусный лучник стрелу, он нацеливал Вилла на задуманную мишень — Обсидиановый Престол. И за все это время он с высокомерным упорством не запятнал себя ни единой ложью. Он обманывал Вилла,

разыгрывая роль закоснелого лжеца, сам же при этом всегда говорил простую, неприкрашенную правду.

Сколько раз он называл Вилла сынком?

В висках у Вилла болезненно бился пульс, к горлу подступала тошнота, его запястья стали холодными как лед и мучительно ныли. Вот такие же ощущения испытывал он, сидя в драконовом кресле. Так что же, значит, все то же самое и он никуда не убежал?

Каким-то уголком своего сознания Вилл видел эльфийских нотаблей, тесно стоявших в наблюдательной камере. Они облегченно улыбались и снимали защитные очки. Затем они, непринужденно болтая, толпою ввалились в тронный зал. Они считали, что новый царь все еще оглушен, не вышел из обморока, и торопились отключить его от Престола. В следующий раз, когда Вилл опять воссядет на Престол, все будет совершенно иначе. Они будут следить, не захочет ли он использовать силы Престола в своих собственных целях. У них будут наготове нейроманты, читающие его мысли, а какой-нибудь тупоголовый, но абсолютно лояльный им людоед будет, на случай если Вилл вдруг взбунтуется, держать у его виска взведенный пистолет.

В стране так долго не было царя, что эти ребята совсем позабыли, сколь огромны его возможности.

Вилл покинул Висячие сады и плавал теперь в безбрежном океане информации. Здесь был записан весь Внешний Мир, каждая бензозаправка, каждая травинка и каждый аристократ, и все они, переведенные в двоичную ману, отслеживались в реальном времени. А значит, в соответствии с квантово-алхимическим принципом подобия «как Внутри, так и Снаружи», любая модель, порожденная во Внутреннем Мире будет иметь точное подобие в реальной вселенной.

Вилл запустил в тронный зал надуманный им ветер, который мгновенно сдул эльфийских лордов в приемную и погнал их, испуганно визжавших, нелепо взмахивавших руками, по длинным коридорам «Арарата», вниз по лестнице и, в конечном итоге, на улицу. Затем Вилл запер за ними дверь. На каком-то повороте Ариэль исхитрился отстать от прочих и забиться за алебастровую кадку с пальмой. Но Вилл никак не мог этого не заметить, а невидимость Ариэля имела значение только во

Внешнем Мире. Злорадно ухмыльнувшись, Вилл взорвал алебастровую кадку, надежно обеспечив, чтобы в тело мажордома не попал ни один осколок. А затем ухватил своего недавнего тюремщика за шкирку и скинул в густые заросли терновника.

От души, одним словом, повеселился.

Вилл быстро пробежался мыслями по Дворцу Листьев, рассматривая все уголки и запирая все двери. Обеспечив себе безопасность от любых нежеланных гостей, он оставил дворец.

Было самое время познакомиться с полученными по наследству силами. Вилл отпустил свое сознание блуждать по домам и улицам города, от разума к разуму.

Он был каменным львом, пере-пере-перечитывавшим без всякой спешки и без всякого удовольствия «Аристократов воздуха», книжонку о гиппогрифах, украденную им у какого-то зазевавшегося деревенского лопуха, и в тысячный раз проклинал этого дурошлепа за жалкий, примитивный читательский вкус.

Он был финансовым следователем из народа тилвит-тег, завершавшим разработку мелкого казнокрада по имени Салем Туссен. Год за годом олдермен исхищрялся переводить общественные средства неким частным (а зачастую имевшим лишь одного хозяина) благотворительным фондам, исходя из упрямого убеждения, что только он один и знает, как и на что их следует потратить. Вилл заставил следователя аккуратно собрать все бумаги, накопившиеся за три года упорной работы, и восемь раз прогуляться к мусоросжигалке, а затем наложил на него вынуждение пойти в ближайший бар, нажраться там до полной отключки и очнуться потом без малейших воспоминаний о каком-то там деле Туссена. В заключение Вилл стер из всех электронных баз данных все до единой записи, хоть чем-то опасные для его когдатошнего ментора, а заодно переписал избирательные законы, понижавшие явку хайнтов на выборы, и отменил закон, который ограничивал некоторые виды банковских операций.

Он был тощим, как тростинка, шелликоутом, боязливо выбиравшимся на поверхность из жерла полуподземной линии метро. Он принадлежал к общине йохацу, транспортные копы прогнали их из старого обжитого сквота, и сегодня тан-леди послала его наверх за нужным позарез материалом для матрасов — тряпками, стружками, обрывками газет — да чего там только не

бывает. На соседний пустырь вывернул грузовик, и шелликоут испуганно забился в тень. Затем его глаза удивленно расширились — из кабины выскочил рыжий карлик, тщательно проверил накладную, пожал плечами и начал скидывать на землю новехонькие, завернутые в пластик матрасы.

Он был одним из лошадиных — тощий, худой, но гордый своим табуном. Так как этот народ не имел и не хотел иметь ничего, кроме слепых от рождения пещерных лошадей, Вилл был не в силах что-нибудь им дать, и он поспешил дальше.

Он был, совсем недолго, госпожой Сереной. Вилл поразился, узнав, насколько она богата. За последние двести лет каждый царь — в том числе, если верить слухам, и панически ее боявшиеся — оставлял госпоже Серене приличное состояние. Вилл заглянул в ее воспоминания, покраснел и постыдно бежал.

Вилл отпустил свое сознание блуждать по всем семнадцати округам столицы, перетекать от хайнта к троллю, карлику и палочнику, через хобтрашей, нóчников и ночных гонтов, уличных умников и регулировщиков уличного движения, кошковедьмочек и милкдиков, русалку, притворявшуюся в грошовом стриптизном баре, что хочет совокупиться с шестом, псоглавцев и ониса, клурикона, умиравшего в маленькой комнате над баром, червивцев и ловкачей, подпиливавших золотые монеты, поваров, жуликов и лопушистых лохов, на все согласных слабаков, продажных юристов и благоразумных сантехников, клабберснапперов, водяных и портовых докеров со склонностью к поэзии, подметальщика улиц, тратящего последние тринадцать долларов на лотерейные билеты, игошей, итчикитчев, громил и безработных иммигрантов, младенцев в загаженных пеленках, каменщиков и девочек с кудряшками, биржевых брокеров и вконец отчаявшейся клюды, задумавшей набег на мусорный бак за рестораном и преобразующейся для этой цели в свою собачью форму, галантерейщиков и рыботорговцев, вышибал и лексикографов, престарелого каригана, вспоминающего о былых деньках на бродвейских подмостках, украинцев и русинов, инспектора по технике безопасности, горделивых старух и разукрашенных шрамами заслуженных вояк, а дальше нимфы, никси, состоятельные наследницы, домашние хозяйки, дурковатые девственницы, заботливые бабушки, оптимистичные чудовища...

И вдруг он увидел лисицу на мотороллере, ехавшую по двухрядной дороге прочь от Вавилонской Башни, увидел и не смог внедриться в ее сознание. Сперва Вилл подумал, что дело просто в расстоянии, слишком уж далеко до нее от Престола, но затем лисица свернула на обочину и резко затормозила.

— Ты здесь, — сказала она. — Я тебя чувствую.

Лисица расстегнула притороченную к сиденью сумку и достала из нее пистолет, а затем куколку, такую крошечную, что она умещалась у нее в кулаке.

— Мы с тобою не были такими уж большими друзьями. — Она хищно улыбнулась, сверкнув белыми острыми зубами. — Но ты же все-таки Натов ребенок, и я дам тебе послабление. — Она разжала ладонь и показала фигурку, грубо слепленную из вара и соломы, с клочьями светлых волос, прилепленных к макушке, и пуговицей от одного из Вилловых блейзеров, пришитой к тряпке, изображавшей рубашку. — Догадайся, на чьей крови и чьих соплях лепила я эту штуку? — Она приставила к куколке ствол пистолета. — Еще одна попытка заползти ко мне в голову, и соломенному мальчику каюк. Ты даже не успеешь сообразить, что с тобою случилось. А может, — она ласково улыбнулась, — я просто блефую. Проверь, если хочется.

Лисица убрала пистолет и куколку, села на мотороллер и поехала. Перед тем как исчезнуть за поворотом, она оглянулась и постучала себя по сердцу. «Он здесь, — понял Вилл. — Он живет». Лисица послала ему воздушный поцелуй и пропала из виду: «Счастливо оставаться».

Получив абсолютно полную картину Вавилона — от демонов, чинивших канализацию, до горгулий, восседавших на крыше, — Вилл обратился мыслями к войне. Для начала он вошел в мозг лорда Веньянсы, стратега, знакомого ему по встрече в Алкионовом клубе, и быстро выяснил, что заявленные поводы к войне: пограничные споры, идущие еще со времен Хай-Бразильского соглашения, потопление морским змеем у побережья Мах-Мелл чьей-то там канонерской лодки и отказ Дочерей Запада принести в дань чистокровного быка, чья родословная восходит к Финдбеннаху Ай[1], — куда менее значимы, чем

[1] *Финдбеннах* — удивительный бык из ирландского эпоса «Похищение быка из Куальнге» (его имя означает «белорогий»).

контроль над нефтью Северного моря, стратегические запасы марганца и доступ к Гиперборейским проливам. Чем глубже Вилл вникал, тем туманнее становилось, кто же все-таки был изначальным агрессором и как можно помирить враждующие стороны. Но, ознакомившись затем со стратегией и логистикой, Вилл быстро сообразил, что без адекватной воздушной поддержки Западная военная кампания неизбежно сойдет на нет.

Он принялся менять коды доступа всех боевых драконов ВВС Его Наличествующего Величества, чтобы после любой посадки было невозможно приказать им снова подняться в воздух.

— Ох, Вилл. Ну что же ты тут наделал?

Вилл поднял глаза и увидел, что стоит на темной, всеми ветрами продуваемой равнине. Вдалеке смутно виднелись горные вершины. И ни звездочки в небе. Перед ним стоял ну точно вроде бы Пак Ягодник, но только это был никакой не Пак.

— Я знаю, кто ты такой, — сказал Вилл. — Откройся.

«Пак» нехорошо ухмыльнулся, ухватил себя за ухо и, словно резиновую маску, сдернул свое набухшее водой лицо. Под ним оказалось другое лицо, нежное и розовое. Как кожа под только что сковырнутым струпом. Собственное Виллово лицо.

— Тебе не провести меня, старый хохмач, — вконец разозлился Вилл. — Я сразу узнал тебя, дракон Ваалфазар.

— Неужели ты думаешь, что я пытаюсь тебя обмануть? — удивился дракон. — Не забывай, что я стал твоей частью. Мы с тобой никогда уже не сможем освободиться друг от друга. — Однако он все же принял свою духовную форму, гибкую и волнистую, с прожилками света. И запредельно прекрасную. — Ты хочешь закончить войну — давай заканчивай. Но добьешься ли ты этого, приковав к земле свои ВВС? Не будет этих, так построят другие.

— Умолкни, Червь! Я знаю, на чьей ты стороне.

— Да при чем тут все эти ваши стороны, меня интересует одно лишь разрушение. Вопрос состоит в том, на чьей стороне *ты*. Ведь ты же клялся принести Вавилону войну, или уже позабылось? Неужели твои молодые порывы ничего больше для тебя не значат? Давай я покажу тебе, как это могло бы выглядеть.

Звук был оглушительный, словно разом закричало все сущее. Он был настолько первозданен, что лишь какое-то время

спустя Виллов мозг опознал его как грохот чудовищного взрыва. Теплая рука спрессованного воздуха толкнула Вилла в грудь, и он отлетел на добрый фут. Неожиданно оказалось, что в ушах у него звенит. Он подумал, что вроде бы что-то изменилось, и одновременно почувствовал, что весь Вавилон неуютно сдвинулся у него под ногами.

Вилл повернулся в одну сторону, затем в другую, но ничего необычного не заметил. На тротуаре — пешеходы, в воздухе — стайки девочек-стрекоз, фавн торгует с тележки жареными каштанами.

А затем увидел народ на эспланаде и пальцы, дружно тычащие вверх, где высоко-высоко из непомерно огромной туши Вавилона пробивался голубой дымок.

— Так прямо и врезался! — крикнул чей-то возбужденный голос. — Я сам видел!

Вилл выворачивал шею, стараясь получше все рассмотреть. Из башни рвался дым. Казалось невероятным, что может быть так много дыма. Он рвался из города неудержимым потоком, словно стремясь затопить все небо. Ну конечно же, думал Вилл, он скоро изойдет на нет — просто потому, что нечему будет гореть. Но дым все прибывал, и прибывал, и прибывал...

У Вилла зрело нехорошее предчувствие. Нет, никакой такой грубятины, как рука, сама собою пишущая буквы, однако предчувствие было настолько острым, что он не мог сомневаться в его правоте: должно было случиться нечто плохое.

— Смотрите! — заорал какой-то хайнт. — Вон там!

Он повернулся как раз вовремя, чтобы успеть увидеть, как по небу черной тенью скользнул дракон. На какую-то долю мгновения Вилла кольнуло ощущение родства, а затем дракон врезался в бок Вавилона.

Грохот был за пределами любого грома, телесное ощущение, что вторглось нечто чужое, было настолько огромно, что взрыв топливных баков боевой машины всего лишь продолжил его и усилил. И снова Вавилон содрогнулся.

В голубом сияющем небе уже появились другие драконы. Крошечные, как мошкара, они со всех сторон слетались к Жуткой Башне. Их были сотни и сотни. Не переставая наблюдать за их ленивым полетом, Вилл частью своего сознания вошел в генеральный реестр ВВС и с ужасом узнал, что на каждого

дракона, которого он видит, за горизонтом есть сотни других. Все пригодные к полету драконы его империи самопроизвольно взмыли в воздух. До предела форсируя двигатели, они рвались выполнить свою последнюю миссию: достигнуть Вавилона, пока от него хоть что-то остается.

В тело Вавилона вонзился третий дракон, а за ним и четвертый. По всему городу выли сирены, улицы бурлили живыми водоворотами. Вилл ощущал панический ужас, но вместе с тем и странный подъем.

— Ну разве не здорово быть царем? — ликовал дракон. — И не вдвойне ли здорово быть последним царем Вавилона и наблюдать падение башни?

Нет, хотел ответить Вилл, нет, не здорово. Хотел, но не мог. В духовном мире невозможно было врать. Он не мог с чистым сердцем отрицать прилив черного восторга, испытанный им при мысли о всеобъемлющем отмщении.

— Я... — Вилл судорожно сглотнул. — В смысле, что я... Мне кажется, что...

— Возьми с них свое воздаяние! Начни с царя, который соблазнил твою мать и наставил рога тому, кто должен был стать твоим отцом. С тетки, которая помыкала тобою, а затем, когда ты вошел в силу, стала тебя бояться. С дружков, которые на тебя ополчились. И дальше все по порядку — деревня, тебя изгнавшая, бандиты, пытавшиеся тебя убить, стукачи, доносившие на тебя, лагерный комендант, который тебя шантажировал, беженцы, хотевшие сделать тебя тем, чем ты не был, мелкие чиновники, грубо выпихнувшие тебя за пределы закона, власти, травившие тебя как дикого зверя, любовницы, тебя предававшие, последователи, тебя оставившие, нотабли, считавшие, что ты не стоишь даже их презрения, аристократы, хотевшие *увидеть в тебе то, чего в тебе не было, эльфийская леди*, не решавшаяся тебя любить, народ, насильно сделавший тебя царем. Ну чем ты им обязан, кроме муки вровень с твоею собственной? Они — все до единого! — причиняли тебе страдания, пока сила была на их стороне. Так почему бы теперь, когда ты сильнее, тебе не ответить им ровно тем же? Что видел ты в этом мире, кроме уродства, мерзостей и насилия? Ты пытался быть добрым, и что тебе это дало? Этот мир реагирует только на кнут. Так собери же все свои силы и заставь его харкать кровью.

Вилл огляделся по сторонам.

— Что это за звук? — удивился он. — Я слышу какой-то звук.

— Не отвлекайся, — оборвал его дракон. — Мы говорим о вещах куда более...

Но Вилл уже открыл глаза.

Кто-то в голос ревел.

Вилл неуверенно огляделся по сторонам и ничего не увидел. Затем он повернул голову и увидел маленькую девочку, которая дергала кожаный ремень, крепивший его левую руку на подлокотнике.

— Эсме?

Пряжка ремня расстегнулась, Вилл поднял руку и только тут обнаружил, что его правая рука тоже свободна. Исчез и ремень, стеснявший ему грудь. И тот, что был вокруг лодыжек. Только сил у него совершенно не было, все, что он мог, — это столкнуть с головы корону. Она громко клацнула о загаженный бетонный пол.

— Иди сюда, маленькая. — Вилл похлопал себя по ноге, и Эсме вскарабкалась к нему на колени. — Не плачь, все уже в порядке. Как ты сюда пробралась?

— Я много умею всякого. Умею проскальзывать мимо охранников. Умею открывать замки. Умею проходить сквозь стены. Умею... что-то еще, но я не помню что. Но мне это было совсем не трудно, я умею почти что все.

— Да, я помню. — Все, что Вилл помнил, было словно из другого мира, другого времени. Затем у него появилась новая мысль. — А почему ты еще здесь? С твоей удачливостью, ты бы должна была бежать из Вавилона, и не позднее чем вчера. Здесь теперь небезопасно.

— Я знаю, ты хочешь его разрушить. Ты хочешь убить мою жабу!

— У тебя есть жаба?

— Большущая жаба, я думаю, ты с ней знаком. Она такая большущая, что не может покинуть свой бар и целыми днями слушает радио и читает газету. Она мне что-то про тебя говорила, только я не помню что.

— Ты имеешь в виду Герцогиню? Эсме, держись от нее подальше, эта тварь предаст кого угодно.

— Вот, я вдруг вспомнила, что сказала мне жаба! Она сказала, что ты ее не любишь. Но я-то ее люблю! Она такая милая, она давала мне крендельки.

— Эсме, тебе нужно отсюда уйти. Тебе нужно поискать какое-нибудь убежище. Город горит...

И только тут Вилл понял, что никакого пожара нет. Боевые драконы, тучами врезавшиеся в город, были всего лишь мороком, видением, которое наслал на него Ваалфазар, драконья грань его самого. Город цел-целехонек, а всемогущие боевые драконы прикованы к земле и не смогут взлететь, пока он не даст им свободу. Содрогнувшись от ужаса, он стиснул Эсме в объятиях. Ведь он же почти ее убил! Об этом даже не хотелось думать. Ну и как же он мог замышлять уничтожение целого города, когда не хватало духа убить одного-единственного ребенка.

— Ладно, Эсме, — пробормотал он, смущенно отводя глаза. — Я буду хороший.

Эсме выпуталась из его рук, прижалась лобиком к его лбу и спросила, глядя прямо ему в глаза:

— Честное слово?

— Честное слово. Но все равно здесь не стоит оставаться. Ты можешь выбраться из дворца и чтобы никто не поймал?

— Ну конечно могу, я же везучая.

— А меня с собою можешь провести?

— Тебя? — На личике Эсме появилось сомнение. — Вряд ли мое везение такое уж сильное.

— Конечно нет, да я и сам так не думал. — Вилл чмокнул девочку в лобик и опустил ее на пол. Он был совсем уже готов шлепнуть ее по попе и отослать прочь, когда глаз его зацепился за нечто непонятное. — А что это за большая булавка приколота спереди к твоему свитерку?

— Ну да, конечно, это для памяти. У меня же было для тебя письмо. Только оно мне мешало, и я его куда-то засунула. — Эсме порылась в кармане джинсов и извлекла мятый-перемятый конверт. — Вот оно.

— Благодарю, — поклонился Вилл без малейшей тени иронии. На конверте было написано «Прочесть без промедления», однако он сунул его в карман, не заглядывая внутрь. — А теперь беги! С тобою все будет в порядке.

— Я знаю, — согласилась Эсме. — Я же везучая.

И убежала, весело взбрыкивая ногами.

Теперь Виллу предстояло решить, что же делать дальше. Он не хотел больше садиться на Обсидиановый Престол — а вдруг не удастся обуздать дракона? Да и быть оружием лордов Вавилона в их войне против Запада ему тоже совсем не хотелось. Сила, полученная им по наследству, была слишком огромна, чтобы быть в распоряжении одной-единственной личности. Как царь, он был бы постоянной угрозой безопасности этого города, а с ним — и всего остального мира, а потому он должен был устраниться.

Тем или другим способом.

Два извива коридора, один поворот, длинная лестница, ведущая вверх, и Вилл вконец заблудился. Заблудиться — это просто чудесно, если у тебя есть время и настроение наслаждаться этим чудом. Все ново и удивительно, даже тяжелые медные плевательницы. Муравейник служебных коридоров, долженствующих скрывать от барского взгляда слуг, просто поражает. Вилл неизбежно задержался бы поудивляться надписи «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ЦАРЯ», сделанной по трафарету на внутренней стороне двери, чья лицевая сторона была ничем не примечательна, не услышь он голоса, гулко отдававшиеся на лестнице. Дворцовый персонал явно возвращал себе утраченные позиции. Он ломанулся в какую-то дверь и попал в коридор, сплошь уставленный алебастровыми статуями и часами из золоченой бронзы.

Затравленное животное не бежит со всех ног, когда хищника еще не видно, но экономит силы для решительного броска. Вот так и Вилл. Он неспешно побежал по коридору, а когда где-то за спиной распахнулась дверь, ускользнул в ближайшую комнату.

И не комнату, собственно, а неясного назначения зал со слишком, как и везде здесь, высоким потолком и красного дерева стенными панелями, на которых были искусно вырезаны некие нимфы в греческих шлемах. В зале имелась еще одна дверь, но по проверке там оказалась лишь маленькая кухонька. А топот бегущих по коридору ног становился все громче.

Вилл распахнул окно и выбрался на карниз.

Карниз был узенький. Ветер был холодный. Вилл притворил за собой окно и, прижимаясь спиной к стене, чуть отошел в сторону, чтобы из зала не было видно. Затем случайно посмотрел вниз, почувствовал, что кружится голова, и чуть не упал.

А падать пришлось бы долго, можно было бы, наверное, даже и заскучать. Внизу проплывали облака, сквозь их просветы проглядывала земля. Она выглядела недостижимо далекой и невероятно романтичной. Ему страстно хотелось быть сейчас там, внизу, на обочине какой-нибудь из паутинно-тонких дорог, стоять, выставив руку с отставленным большим пальцем, и ловить попутку, которая подбросит его поближе к Лемурии.

Из только что покинутого им зала донеслись приглушенные голоса. Вилл затаил дыхание. Но никто так и не догадался выглянуть в окно, и через пару минут все стихло.

Вот уж влип так влип. Он боялся вернуться, а пройти по карнизу дальше просто не мог физически. Вилл сунул совсем окоченевшие руки в карманы и наткнулся на то самое письмо.

Решив, что самое место и время, он вынул его и начал читать.

Дорогой сын.

Теперь-то ты все уже знаешь! Прости уж, что я сыграл с тобой такую скверную шуточку, но что мне было еще делать? Вавилон нуждался в царе, а я для этой роли немного староват и слишком уж независим во мнениях. Да и не я, собственно, решил втягивать тебя в это дело. Престол пустовал настолько долго, что сам уже начал тебя искать. Он тебя притягивал. Не будь моего вмешательства, нашли бы тебя на этом поезде, шедшем из лагеря «Оберон», — и когда бы тебя сделали царем, ты не был бы готов принять то решение, которое ты только что принял.

Ну конечно же, я не знаю, чего ты там решил, выбор был полностью твой, но мне кажется, что я изучил тебя довольно подробно. Так вот, если я не ошибаюсь — а когда это я ошибался? — ты ищешь, куда бы приложить вновь обретенные силы, и пытаешься рассудить, что же все-таки следует сделать с нашим миром.

Но есть один небольшой секрет, который останется между нами: ничего с ним делать не надо.

Мир далеко не идеален и никогда не будет идеальным. Но сколько бы ни было в нем страданий и мук, мир — прекрасное место,

и жить в нем прекрасно. Он даровал мне, хотя и ненадолго, тесное знакомство с тобой, и, что касается меня, это с лихвой окупает все, что угодно. Научись восторгаться неидеальным миром. Ты ловкач не хуже меня самого. Сделай так, чтобы путь твой был радостным, и ты будешь не просто ловкачом, а великим.

С любовью,

твой отец (Нат), милостью Семерых
Мардук XXIII Отсутствующий

Вилл отпустил письмо на волю ветра, а затем глубоко, прерывисто вздохнул. Холодный воздух бодрил, как шампанское со льда. Жизнь билась в нем и кипела, как никогда прежде. И она представлялась ему драгоценной тоже как никогда прежде. Он взглянул на уходящий вниз склон Вавилона. Отсюда, сверху, город казался поразительно хрупким и беззащитным. И поразительно прекрасным.

За такой город можно и умереть.

Вдалеке на фоне облаков плясало крошечное темное пятнышко. Оно смутно напоминало нечто знакомое. Вилл не был уверен, что ему достанет храбрости спрыгнуть вниз, этой мысли противилось все его тело. С огромным удивлением он осознал, что то, что казалось ему прежде нескончаемой вереницей несчастий и бед, было в действительности очень хорошей жизнью, и было до слез обидно, что придется с нею расстаться. Он глубоко, как перед прыжком в холодную воду, вздохнул.

Словно чудом возникшая, Алкиона натянула поводья буквально под самым его карнизом.

— Садись, придурок хренов! — крикнула она, еле сдерживая громко ржащего гиппогрифа. — Еще минута, и они нас заметят.

Вилл вытаращил глаза.

Затем прыгнул на круп гиппогрифа и крепко обхватил ее за талию.

— Как ты узнала, что я на этом карнизе? — спросил он с благодарным облегчением.

— А зря я, что ли, возглавляю этот проклятый отдел знамений и пророчеств? Кому, как не мне, знать подобные вещи.

Оставшийся за спиною «Арарат» становился все меньше и меньше. А впереди безбрежным океаном простиралось небо

с плывущими по нему материками облаков, со множеством гаваней и городов и зыбко колышущихся замков.

— Мы не можем быть вместе. Четыре недели, и нам конец.

— Тоже мне умник нашелся. Знаю я это, прекрасно знаю. Только не думаю, что за неделю или там, скажем, за три ты сделаешь меня чрезмерно счастливой. Ну а потом... что ж, через год можно будет сделать новую попытку.

— А спорим, что за три недели я сделаю тебя чрезмерно счастливой. Да что там три недели, я уложусь в десять суток, если не меньше.

— Жопа ты с ручкой! — рассмеялась Алкиона, развернула свою зверюгу, и они летели по плавной дуге, и он был молод и радостен и безгранично влюблен. Его любимая была рядом, и она тоже его любила. В их распоряжении был весь мир, и мир этот искрился бессчетными возможностями.

Ну да, долго это не продлится. А кому какая, на хрен, разница?

20
ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИЛОСЬ

Вернуться в Вавилон было для Вилла все равно что взяться перечитывать любимую книгу, которую он помнил едва ли не дословно. Конечно же, Вавилон содержал в себе тысячу тысяч рассказов — уже само его название означало на древнем языке «книга», хотя некоторые ученые толковали его чуть иначе: «библиотека», — и эти рассказы постоянно изменялись, заканчивались, начинались вновь. Но если посидеть на Обсидиановом Престоле, получить власть и силу царя-дракона, дающие возможность воспринять и понять весь город как целое, нельзя не увидеть, что все это один рассказ, славный и горестный, и он повторяется вновь и вновь, как времена года.

Прошло уже лет двадцать, как Вилл последний раз был в Вавилоне. Каждый здешний кирпич, каждый запах заставляли его сердце сжиматься. Последний раз он ходил по этим улицам совсем еще юным. Сейчас-то юным его не назовешь. Но годы ушли не просто так, они оставили ему богатство в виде хитрости и сноровки. Нат был бы вправе гордиться своим сыном. Увидев Вилла сейчас, никто бы не смог догадаться, что он кого-то ждет, и ждет напряженно, с замирающим сердцем. Случись кому-нибудь посмотреть в его сторону (но они *не* смотрели в его сторону, когда ему самому этого не хотелось), этот «кто-то» принял бы его за праздного фланера, ненадолго остановившегося перед тем, как проследовать дальше по своим пустяшным делам. А шрам на лице он неизбежно истолковал бы как след некой юношеской спортивной забавы.

А ведь он стоял здесь уже много часов. И был готов стоять хоть всю вечность.

И вдруг его сердце подпрыгнуло.

Дверь, за которой он тайком наблюдал, открылась, и оттуда вышла девушка. Худощавая, в панковской кожаной куртке и с остроконечными ушами, явно говорившими, что в ее жилах течет благородная кровь. Была в ней и смертная кровь, но чтобы это заметить, нужен был такой, как у Вилла, опыт. Ее губы были окрашены черной помадой, ее голова наполовину выбрита. Лицо у нее было какое-то оголодавшее.

Губы Вилла изогнулись в улыбке, которую не смог бы уловить ни один фотограф. Это была она! Чтобы найти эту девушку по немногим ключам, предоставленным ее матерью, ему потребовались годы. А теперь он с первого взгляда понял, что это — именно она, и навсегда прикипел к ней сердцем. Он подождал, пока девушка с ним не поравнялась, а затем протянул руку с пачкой «Мальборо».

— Слышь, принцесса, — спросил он с дружелюбной фамильярностью, — огоньку не найдется?

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЧЬ ЖЕЛЕЗНОГО ДРАКОНА. *Перевод А. Кузнецовой* 5

ДРАКОНЫ ВАВИЛОНА. *Перевод М. Пчелинцева* 409

Суэнвик М.

С 91 Хроники железных драконов : романы / Майкл Суэнвик ; пер. с англ. А. Кузнецовой, М. Пчелинцева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 768 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-08947-1

Майкл Суэнвик — американский писатель-фантаст, неоднократный лауреат множества литературных наград и премий («Небьюла», «Хьюго», Всемирная премия фэнтези, Мемориальные премии Теодора Старджона и Джона Кемпбелла, премии журналов «Азимов», «Локус»», «Аналог», «Science Fiction Chronicle»), создатель знаменитого цикла «Железные драконы».

«Дочь железного дракона» и «Драконы Вавилона» — два знаменитых романа Суэнвика, жанровую принадлежность которых можно определить как «твердая фэнтези». Это уникальный сплав научной фантастики с тщательно и ярко прописанным фэнтезийным миром. Этот полнокровный, свирепый и прекрасный мир имеет убедительную технологическую поддержку, красивую философскую основу, он полон чудесных и жутких мест и населен удивительными существами. А еще он опасно близок к нашему, настолько, что его обитатели, в целом не отличающиеся щепетильностью в вопросах морали и нравственности, наловчились воровать у нас самое дорогое...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

МАЙКЛ СУЭНВИК

ХРОНИКИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДРАКОНОВ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Валентина Гончар, Ксения Казак

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.12.2014. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 3500 экз. Усл. печ. л. 48. Заказ № 5573/14.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-I, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

YKNF1695901R

«Дочь железного дракона» и «Драконы Вавилона» — два знаменитых романа Суэнвика, жанровую принадлежность которых можно определить как «твердая фэнтези». Это уникальный сплав научной фантастики с тщательно и ярко прописанным фэнтезийным миром. Этот полнокровный, свирепый и прекрасный мир имеет убедительную технологическую поддержку, красивую философскую основу, он полон чудесных и жутких мест и населен удивительными существами. А еще он опасно близок к нашему, настолько, что его обитатели, в целом не отличающиеся щепетильностью в вопросах морали и нравственности, наловчились воровать у нас самое дорогое...

Талант и мастерство Суэнвика дарят умную, отточенную, тщательно проработанную фантастику.
The Philadelphia Inquirer

Если вы еще не читали Майкла Суэнвика, не упустите возможности насладиться замечательной прозой...
The San Diego Union-Tribune

ISBN 978-5-389-08947-1 01
9 785389 089471
www.azbooka.ru

Майкл Суэнвик

Хроники железных драконов

АЗБУКА